ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Токарев Алексей Александрович

ФОРМЫ И ДИНАМИКА СЕЦЕССИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ ПРОГНОЗНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук,
профессор Е.М. Кожокин

Москва – 2021

Оглавление

Введение....4

Глава 1. Государственное и национальное строительство на постсоветском пространстве: теоретико-методологический подход и факторы распада СССР....39

1.1 Сецессия как один из результатов транзита. Интерпретация понятий....40

1.2 Условия политического развития на постсоветском пространстве: материнские государства....50

1.3. Автономизм и сепаратизм на постсоветском пространстве. Факторы транзита....65

Глава 2. Постоянные факторы развития постсоветских сецессий....85

2.1 Географический фактор территориальной дезинтеграции на постсоветском пространстве....85

2.2 Исторические аспекты функционирования «государств-сегментов»....102

Глава 3. Имманентные факторы сецессий: двусторонний процесс....112

3.1 Легитимация сецессионистских процессов через голосования народа и декларации парламентов...112

3.2 Попытки реинтеграций сецессий военным путём....117

3.3. Де-факто государства Евразии в системе международных отношений: степень дифференцированного признания....125

3.4 Сравнительный анализ российского, грузинского и молдавского опыта решения проблем с сецессиями на фоне украинского конфликта....164

Глава 4. Украинский конфликт как частный случай взаимодействия государства-патрона, материнского государства и сепаратистских де-факто государств....175

4.1 Дегуманизация как основной тренд восприятия украинским массовым сознанием Л/ДНР....176

4.1.1. Аргументация выбора Facebook как предметной области исследования....179

4.1.2. Операционализация дискурсов: динамика поисковых запросов....185

4.1.3. Регионы Украины и внешние партнёры....191

4.1.4. Методология сентимент-анализа дискурса о населении и территории Донбасса....203

4.2 Образы России, Украины и непризнанной республики в массовом сознании жителей ДНР. Психографический метод....217

4.2.1. Методология исследования на стыке феноменологического подхода визуальной социологии и политической психологии....217

4.2.2. Кодификация образов и интерпретация результатов....232

Глава 5. Прогностическая модель успешности постсоветских сецессий....282

5.1 Критическое осмысление факторов сецессий и верификация модели....282

5.2 Индикаторы успеха сецессий при поддержке России (статическая модель)....297

5.3 Математическое описание модели....310

Заключение....317

Список использованных источников и литературы....333

Приложение 1. Результаты анализа БД украинского Facebook. Рисунки 4, 11-18....376

Приложение 2. Список первых 100 аккаунтов, использованных в исследовании....382

Приложение 3. Анкета для экспертного опроса по определению категорий сентимент-анализа....386

Приложение 4. Анкета для экспертного опроса по дифференцированному признанию 387

Приложение 5. Синонимы, посвящённые территории, кластеризированные при помощи сентимент-анализа 388

Приложение 6. Синонимы, посвящённые людям, кластеризированные при помощи сентимент-анализа 390

Приложение 7. Список профессий экспертов, участвовавших в сентимент-анализе синонимов в отношении территории и населения Донбасса 393

Приложение 8. Сентимент-анализ синонимов в отношении территории и людей 395

Приложение 9. Результаты психографического исследования. Рисунки 18-100. 402

Приложение 10. Результаты проверки модели на устойчивость. 480

Приложение 11. Анкета для экспертного опроса по определению размерности весов в матмодели. 484

Введение

Актуальность исследования

Отложенные последствия распада СССР наблюдаются и 30 лет спустя. Только три государства (Армения, Белоруссия и Казахстан) не столкнулись с проблемами сепаратизма, но Армению как государство-патрон сецессии, вероятно, стоит включить в список вовлечённых. Сепаратизм, автономизм, федерализация в различных проявлениях стали одной из основных тенденций политического развития постсоветских государств. Нередко сопровождаемые боевыми действиями, процессы выхода территориальных политий из состава материнских государств, не прекращаются в 4 странах: Азербайджане, Грузии, Молдавии, Украине. Остальные бывшие советские республики с разной степенью успешности решили эти проблемы. Нередко одна и та же страна может похвастаться как успешным, так и негативным опытом борьбы с сецессиями, часть из которых завершились реинтеграцией, а другая – формированием де-факто государств[1]. Тем интереснее проанализировать их различные стратегии по противодействию сецессиям.

В 2008 году Грузия участвовала в войне с Южной Осетией и, опосредованно, с Россией. В 2014 году сначала в рамках войсковой и почти бескровной (2 погибших) операции был реинтегрирован Крым, хотя ирредента долгие годы не поддерживалась официальной Москвой, а потом начался конфликт на юго-востоке Украины с участием многих иностранных граждан, включая россиян. В 2016 году случилось очередное обострение в Нагорном Карабахе, а в 2020 году новые боестолкновения и последовавшая война между ВС

[1] Таковы Грузия с успешными кейсами Аджарии, Панкиси, Самцхе-Джавакхетии и Квемо-Картли (все случаи имели разные результаты «выхода») и неуспешными – потерянными территориями в виде Абхазии и Южной Осетии; Молдавия, успешно реинтегрировавшая Гагаузию, но пока не контролирующая Приднестровье; Украина, надолго потерявшая Л/ДНР, но подавившая закарпатский сепаратизм; Азербайджан, по-прежнему не контролирующий НКР полностью, но, во-первых, не давший ТМАР институционализироваться, во-вторых, отвоевавший часть НКР в 2020 году.

Армении и Азербайджана. Конфликт на Украине длится уже 7 лет, и, несмотря на прекращение масштабных боевых действий, не снижается интенсивность миномётных обстрелов и ежедневных атак лёгким вооружением окраин городов непризнанных республик и ответного огня. Вероятно, только Приднестровье и признанные несколькими членами ООН Абхазия и Южная Осетия среди всех де-факто государств остаются мирными территориями.

По состоянию на 2021 год Россия является патроном 5 сецессий: Абхазии, Донецкой народной республики (далее – ДНР), Луганской народной республики (далее – ЛНР), Приднестровья, Южной Осетии. 7 лет назад Россия успешно патронировала выход Крыма из состава Украины. При этом как и в любой сецессии фактор патронажа, несмотря на всю важность и часто – определяющий характер – является лишь одним из множества. Процессы внутри треугольника «сецессия – материнское государство – патрон» определяются совокупностью географических, исторических, военных, этнических, лингвистических, культурных, социологических, политических, легалистских и международных факторов.

Проблема сепаратизма на постсоветском пространстве не исчерпывается дихотомиями отношений «сецессия – патрон», «сецессия – материнское государство» и «материнское государство – патрон». Множественные конфликты, включая военные, являются результатом, в т.ч. глобального (пусть и опосредованного, непрямого) противостояния России и США, России и отдельных государств ЕС. В отдельных случаях именно противодействие внерегиональных игроков мешает урегулированию конфликта (как минимум, кейсы Приднестровья в 2003 году и Л/ДНР в 2014-2021 можно упомянуть здесь). Следовательно, прогнозирование развития постсоветских сецессий при патронаже России позволяет рассмотреть не только внутренние сюжеты взаимоотношений с Грузией, Молдавией и Украиной и локальные вопросы взаимодействия с патронируемыми политиями, но и выйти на более высокий уровень противостояния великих держав. Точная, математически описанная и

рационально аргументированная модель, показывающая вероятность конкретных сценариев будущего и применяемая универсиальным образом, представляет важный инструмент по планированию внешней политики России, а также по прогнозированию развития российских регионов в случае её аналитического применения к сюжетам внутренних процессов национально-государственного строительства.

Степень научной разработанности

Внимание к теме де-факто государств не ослабевает. В крупнейшем мировом хранилище научных текстов – библиотеке Google.Scholar по теме сепаратизма и непризнанных государств можно найти книги, статьи, рукописи диссертаций и главы в монографиях за каждый год в 2000-2020.

Выделим исследования, направленные на изучение процессов взаимосвязи различных видов государственности и типов политического режима, а также противоречивого развития государственной статусности и состоятельности, в т.ч. проблем с внешней легитимацией и признанием, поскольку именно данные теоретические рамки мы применяли в кандидатской диссертации и продолжаем разрабатывать в докторской[2].

[2] Janis Grzybowski. The paradox of state identification: de facto states, recognition, and the (re-)production of the international. // International Theory. – 2019. – Vol. 11, № 3. – P. 241–263; Malyarenko T., and Wolff S. The Dynamics of Emerging De-Facto States: Eastern Ukraine in the Post-Soviet Space. Routledge: NY., 2019. 100 p.; Ker-Lindsay J. The Stigmatisation of de facto States: Disapproval and 'Engagement without Recognition'. // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 362–372.; von Steinsdorff S., and Fruhstorfer A. Post-Soviet de facto states in search of internal and external legitimacy. Introduction. // Communist and Post-Communist Studies. – 2012. – Vol. 45, № 1–2. – P. 117–121; Caspersen N. Recognition, Status Quo or Reintegration: Engagement with de facto States. // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 373–389; Berg E., and Vits K. Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet de facto States. // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 390–407; Toomla R. Charting informal engagement between de facto states: a quantitative analysis. // Space and Polity. – 2016. – Vol. 20, № 3. – P. 330–345; Hoch T., and Rudincová K. Legitimization of Statehood in de facto States: a Case Study of Somaliland // AUC Geographica. – 2015. – Vol. 15, № 1. – P. 37–49; Smolnik F. Lessons Learned? The EU and the South Caucasus De Facto States // Caucasus Analytical Digest. – 2012. – № 36. – P. 2–6.

Отдельно упомянем группу российских и западных исследований, посвящённых конкретным кейсам де-факто государств постсоветского пространства (а также ТРСК) и их различным характеристикам: взаимосвязи госстроительства и экономического роста, проблемам миграции, внутренней политической динамике, «приватизации» государства, элитным конфликтам и т.п.[3]

В западной академической литературе в отношении темы сецессий превалируют, прежде всего, монографии, в которых рассматривается вопрос соотношения сецессий с международным правом[4]. Кроме того, авторы уделяют значительно внимание конкретным аспектам сецессий: экономике, внутренней и

[3] Kolosov V., and O'Loughlin J. Building identities in post-Soviet "de facto states": cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia // Eurasian Geography and Economics. – 2017. – Vol. 58, № 6. – P. 691–715; Kolstø P., and Blakkisrud H. De facto states and democracy: The case of Nagorno-Karabakh. // Communist and Post-Communist Studies. – 2012. – Vol. 45, № 1–2. – P. 141–151; Kolosov V., and O'Loughlin J. After the Wars in the South Caucasus State of Georgia: Economic Insecurities and Migration in the "De Facto" States of Abkhazia and South Ossetia. // Eurasian Geography and Economics. – 2011. – Vol. 52, № 5. – P. 631–654; Dembinska M., Campana A. Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research. // International Studies Review. – 2017. – Vol. 19, № 2. – P. 254–278; Kopeček V., Hoch T., and Baar V. De Facto States and Democracy: The Case of Abkhazia. // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. – 2016. – Vol. 32, № 32. – P. 85–104; Balmaceda M. Privatization and elite defection in de facto states: The case of Transnistria, 1991–2012. // : Communist and Post-Communist Studies. – 2013. – Vol. 46, № 4. – P. 445–454; Iskandaryan A., Minasyan S., and Broers L. Introduction: the unrecognized politics of de facto states in the post-Soviet space // Caucasus Survey. – 2015. – Vol. 3, № 3. – 187–194; Relitz S. De Facto States in the European Neighborhood: Between Russian Domination and European (Dis)Engagement. The Case of Abkhazia. // Eurint. – 2016. – № 1. – P. 96–113; Kopeček V. Political institutions in the post-Soviet de facto States in Comparison: Abkhazia and Nagorno-Karabakh. // ALPPI Annual of Language & Politics and Politics of Identity. – 2016. – № 10. – P. 73–99.

[4] Walter C., von Ungern-Sternberg A., and Abushov K. Self-determination and secession in international law. OUP Oxford, 2014. 340 p.; Jure V. Remedial Secession in International Law: Theory and (Lack of) Practice. // St Antony's International Review. – 2010. – Vol. 6, № 1. – P. 37–56; Welhengama G. Minorities' claims: from autonomy to secession: international law and state practice. Routledge, 2017. 368 p.; Sterio M. The Right to Self-determination Under International Law:" selfistans", Secession and the Rule of the Great Powers. Routledge, 2013. 206 p.; Catala A. Remedial Theories of Secession and Territorial Justification. // Journal of Social Philosophy. – 2013. – Vol. 44, № 1. – P. 74–94.

внешней политике, государственному строительству, проблемам суверенитета и самоопределения[5].

Акценты на различные этнические, экономические аспекты сепаратизма, ирредентизма и автономизма, европейских и азиатских движений за независимость делаются в следующей группе исследований[6]. Часть этих работ могла быть представлена в той же группе, что и анализ конкретных кейсов страновых сецессий (в особенности исследования, посвящённые постсоветским де-факто государствам), поскольку термины сепаратизм и сецессия часто употребляются синонимично (в значении «политика, направленная на осуществление выхода»).

---

[5] Collier P., and Hoeffler A. Hannum H eds. The political economy of secession, 2011. 37 p. ; Pavkovic A., and Radan P. Creating new states: theory and practice of secession. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 292 p.; Mancini S. Secession and Self-Determination. The Oxford Handbook of Comparative Constitional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. 1057 p.; Ker-Lindsay J. The foreign policy of counter secession: Preventing the recognition of contested states. OUP Oxford, 2012. 215 p.; Gordon D. Secession, State, and Liberty. Routledge, 2017. 344 p.; Connolly C. Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union // Duke Journal of Comparative & International Law. – 2013. – P. 51–105; Muñoz J., and Tormos R. Economic expectations and support for secession in Catalonia: between causality and rationalization // European Political Science Review. – 2014. – Vol. 7, № 2. – P. 315–341; Duffy M. Self-Determination, Secession, and Civil War // Terrorism and Political Violence. – 2012. – Vol. 24, № 4. – P. 581–600; Massetti E., and Schakel A. Between autonomy and secession: Decentralization and regionalist party ideological radicalism // Party Politics. – 2013. – Vol. 22, № 1. – P. 59–79.

[6] Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass. // Problems of Post-Communism. – 2019. – Vol. 67, № 3. – P. 288–302; Crosston M. Shadow separatism: implications for democratic consolidation. Routledge, 2019. 158 p.; Giuliano E. Who supported separatism in Donbas? Ethnicity and popular opinion at the start of the Ukraine crisis. // Post-Soviet Affairs. – 2018. – Vol. 34, № 2–3. – P. 158–178; Cuffe J., and Siroky D. Lost Autonomy, Nationalism and Separatism // Comparative Political Studies. – 2014. – Vol. 48, № 1. – P. 3–34; Bieri M. Separatism in the EU // CSS Analyses in Security Policy. – 2014. – № 160. – P. 1–5; Brancati D. Another Great Illusion: The Advancement of Separatism through Economic Integration // Political Science Research and Methods. – 2014. – Vol. 2, № 1. – P. 69–95; Bachmann K., and Lyubashenko. The Maidan Uprising, Separatism and Foreign Intervention. Ukraine's complex transition. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2014. 523 p.; Cabestan J-P., and Pavković A. Secessionism and separatism in Europe and Asia: to have a state of one's own. Routledge, 2013. 264 p.; Diener A. Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan’s northern oblasts. // Eurasian Geography and Economics. – 2015. – Vol. 56, № 5. – P. 469–492; Gammer M. Separatism in the Northern Caucasus // Caucasus Survey. – 2015. – Vol. 3, № 3. – P. 219–238; Bobick M. Separatism redux: Crimea, Transnistria, and Eurasia's de facto states. // Anthropology Today. – 2014. – Vol. 30, № 3. – P. 3–8; Kuzio T. A New Framework for Understanding Nationalisms in Ukraine: Democratic Revolutions, Separatism and Russian Hybrid War // Geopolitics, History, and International Relations. – 2015. – № 1. – P. 30–51.

Несмотря на треть века, прошедшую с момента распада СССР, академия продолжает анализировать его последствия и причины. Часть подобных исследований мы уже включили в предыдущие группы, поскольку там в контексте распада рассматривались, например, межнациональные и/или вооружённые конфликты. Нижеследующие труды концентрируются непосредственно на самом коллапсе[7].

Велико внимание исследователей к проблематике постимперских транзитов на постсоветском пространстве. В работах уделяется внимание как отдельным институтам (например, парламенту или президентализму), так и конкретным видам «тройного-четвертного» перехода[8].

Отдельная группа исследований выделяется в отношении конкретных кейсов де-факто государств (ДФГ). В российской науке изучение ДФГ происходит как с юридической, так и с политической точки зрения. Вопрос эволюции и выработки подходов к признанию этих образований интересует специалистов-правоведов.[9] Политологов же в первую очередь ДФГ интересуют в контексте кризисов и конфликтов на постсоветском пространстве. Вслед за

---

[7] Kurbatov L., and Bennich-Björkman S. When the Future Came: The Collapse of the USSR and the Emergence of National Memory in Post-Soviet History Textbooks. BoD – Books on Demand, 2019. 206 p.; Shcherbak A. Nationalism in the USSR: a historical and comparative perspective. // Nationalities Papers. – 2015. – Vol. 43, № 6. – P. 866–885; Sussex M. Conflict in the Former USSR. Cambridge University Press, 2012. 239 p.; Kaiser R. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton University Press, 2017. 496 p.; Miller C. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR. UNC Press Books, 2016. 264 p.; Hale H. 25 Years After The USSR: What's Gone Wrong? // Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27, № 3. – P. 24–35; Caspar ten Dam. Separatist Versus Centrist Forces in the USSR, 1988-1991: Explaining the Collapse of the Soviet Internal Empire by a Strategic Alliance Approach. Erasmus, 2015. 84 p.; Sussex M. Conflict in the Former USSR. Cambridge University Press, 2012. 245 p.; Gaidar Y. Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia. Brookings Institution Press, 2010. 332 p.

[8] Remington T. Parliaments in Transition: The New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe. Routledge, 2019. 246 p.; Delcour L. Shaping the post-Soviet Space?: EU policies and approaches to region-building. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 194 p.

[9] Холина Е. Формы и критерии признания государств. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – С. 218–223. ; Ильяшевич М., Хахина А. К вопросу о международно-правовом признании государств. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 236–244; Цвицинская Н. Эволюция института признания государства в международном праве. // История и современность. – 2014. – № 2. – С. 147–161; Бударагина Л. Статус непризнанных государств. // Право и современные государства. – 2016. – № 3. – С. 44–49.

изменением ситуации за последнее десятилетие исследователи пытаются переосмыслять термины[10], предлагают различные классификации и типологии[11], а также собственные прогнозы насчет перспектив существования ДФГ в 21 веке[12]. Некоторыми исследователями признается постепенная утрата своей релевантности системы признания ООН новых государственных образований[13]. Важной в рамках данного исследования является статья М.В. Ильина, Е.Ю. Мелешкиной и А.Ю. Мельвиля, в которой авторы фиксируют не только различия в сущности «самопровозглашенных» и «де-факто государств, но и констатируют разные степени признания – всеобщее, практическое, фактическое, частичное и минимальное[14]. В зарубежной литературе можно отметить более широкий по сравнению с российской круг исследовательских вопросов, в частности проблемы демократии, гендерного баланса в ДФГ, также рассматриваются политии в других географических зонах, например Сомалиленд и Западная Сахара. Видным исследователем ДФГ является Adrian Florea, который, используя собственную базу данных послевоенных ДФГ, пытается проанализировать причины сохранения и исчезновения появившихся непризнанных государств, а также их роли в системе международных отношений[15]. Интерес представляет серия работ,

[10] Платонова М. Де-факто независимые государства Кавказа: переосмысление терминологии. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 98–101.

[11] Маркедонов С. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2018. – № 11. – С. 24–40.; Сергеева Л. Проблема понятийно-категориального аппарата при классификации типов непризнанных (частично-признанных) государств постсоветского пространства. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5–2. – С. 169–172.; Tskhovrebov, K. Problems of the status of unrecognized and Partially recognized states in the modern world. // Vestnik Severoosetinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – P. 186–189.

[12] Токарев А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 106–117.

[13] Зубков К. Непризнанные государства, международное признание и глобальный порядок. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. С. 25–33.

[14] Ильин М., Мелешкина Е., Мельвиль А. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. // Полис. – 2010. – С. 26–39.

[15] Florea A. De Facto States: Survival and Disappearance (1945-2011). // International Studies Quarterly. – 2017. – Vol. 61, № 2. – P. 337–351;

в которых приводится анализ отношений ДФГ с разными странами в рамках концепции «engagement without recognition», означающей взаимодействие внешних игроков с ДФГ с целью урегулирования конфликта и недопущения возникновения хаоса на этих территориях[16].

Общая логика переходов от недемократических режимов к демократическим, т.е. институционального (политического) трназита в рамках общего постимперского перехода, представлена в исследованиях западных и отечественных политологов[17].

Florea, A. De Facto States in International Politics (1945–2011): A New Data Set. // International Interactions. – 2014. – Vol. 40, № 5. – P. 788–811.

[16] Berki, E., and S. Pegg. Scrutinizing a Policy of "Engagement Without Recognition": US Requests for Diplomatic Actions With De Facto States. // *Foreign Policy Analysis*. – 2018. – Vol. 14, № 3. – P. 388–407; Ker-Lindsay J. Engagement without recognition: the limits of diplomatic interaction with contested states. // International Affairs. – 2015. – Vol. 91, № 2. – P. 267–285; Sabou A. The EU "Engagement without Recognition" Policy in its Eastern Neighborhood de facto States. The Case of Abkhazia and South Ossetia. // tudia Universitatis Babes-Bolyai, Europaea. – 2017. – Vol. 62, № 1. – P. 127–139; Ker-Lindsay J., and Berg E. Introduction: A Conceptual Framework for Engagement with de facto States. // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 335–342; Ильин М. Формула государственности. // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2008. – № 3. – С. 67–78; Ильин М. Признание государства в контексте эволюции мировой системы. // Международные процессы. – 2012. – С. 18–27; Маркедонов С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. // Аналитические доклады Института Кавказа, Ереван. – 2012. – № 5. – 180 с. ; Маркедонов С. Готова ли Армения признать Нагорный Карабах // Московский центр Карнеги: сайт. 16.05.2006. URL: https://carnegie.ru/commentary/63589 (дата обращения: 04.10.2019); Markedonov, S. The Big Caucasus: Consequences of the "Five Day War", Threats and Political Prospects. Report, Athens: International Centre for Black Sea Studies, 2009.; Соколов С. Перспективы существования непризнанных государств в XXI веке. В книге: Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. С. 108–117; Tagliavini, H. Independent International Fact-Finding Mission. Report. Report, Brussels: Official Journal of the European Union, 2009. ; Токарев А., Бороденко М. Экономика Восточного партнерства: прощание с иллюзиями. // Россия и АТР. – 2018. – С. 29–50.

[17] Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.; Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/71.php (дата обращения: 6.04.2012); Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/hantington_wave.pdf (дата обращения: 11.04.2012); Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 320 с.; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. – 2004. - № 4. – С. 6–27; Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? [Электронный ресурс]. URL: http://pavroz.ru/dov/daimondtrvol.doc (дата обращения: 6.04.2012); О'Доннелл Г. Стадии выхода из авторитарного правления: Осторожные заключения о сомнительных

Указанные исследования формируют категориальный аппарат, при помощи которого может рассматриваться эволюция наибольшего числа современных политических режимов. Большинство этих учёных изучают политические трансформации в парадигме транзитологии и уделяют изучению государственности и другим переходам незначительное внимание.

Эволюцию процессов национального и государственного строительства рассматривают российские и зарубежные учёные, не ограничивающие область исследования исключительно переходами «третьей волны демократизации»[18].

Другую группу представляют труды учёных, изучающих отдельные аспекты государственного строительства: в различной степени неудавшиеся государственные проекты[19], производство государством общественных благ[20]. Эмпирический характер

демократия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/178994 (дата обращения: 6.04.2012); Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/60.php (дата обращения: 6.04.2012); Гельман В.Я. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/206/333/1217/005gELXMAN.pdf (дата обращения: 6.04.2012).

[18] Роккан С. Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций // Политическая наука. – М., 2006. – № 4. – С. 102–134; Nettl J. The State as a conceptual variable// World politics. – 1968. – Vol. 20, № 4. – P. 559–592; Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация [Электронный ресурс]. URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=120 (дата обращения: 6.04.2012) ; Roeder P.G. Where Nation-States Come From. Princeton University Press, 2007. 430 p.; Коломер Ж.М. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследованияю. – М., 2002. – С. 119–138; Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – №3. – С. 67–78; Понятие государства в четырех языках / под ред. О.Н. Хархордина. – С.-Пб., М.: ЕУ СПб, Летний сад, 2002. – 218 с.; Малинова О.Ю. Другой взгляд на «транзит», или о пользе и вреде повествовательных схем [Электронный ресурс]. URL: http://www.politnauka.org/library/dem/malinova.php (дата обращения: 1.08.2012); Кузнецов А.С. «Надкушенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии // Политэкс. – 2006. – № 3. – С. 241–252.

[19] Blakkisrud H., Kolstø P. Dynamics of de facto statehood: the South Caucasian de facto states between secession and sovereignty // Southeast European and Black Sea Studies. – 2012. – Vol. 12, № 2. – P. 281–298; Jackson R. H. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world / R. H. Jackson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – 240 p.; Rotberg R. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror / R.I. Rotberg (ed.). – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 354 p.; Nicholson M. Failed States and International Security: Causes, Prospects and Consequences. 1998. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.ippu.purdue.edu/.failed_states (дата обращения: 6.04.2012); Kamilova S., Berg E. How Can De Facto State be Distinguished from the Puppet State?

этих исследований позволяет проследить процесс становления государства при помощи анализа в т.ч. экономических показателей, что представляется крайне важным при определении индикаторов и переменных для операционализации понятий государственности и сецессии.

Невелико количество исследований, в которых во взаимосвязи рассматриваются процессы демократизации и государственного строительства и предлагаются модели эмпирической операционализации государственности[21]. Незначительный объём подобных публикаций объясняется тем, что верификация теоретических разработок в данном случае предполагает работу с огромными массивами данных (как вследствие наложения процессов эволюции политического режима и национально-государственного строительства, так и наличия в современном мире более 200 территориальных политий, отображающих разноплановые результаты взаимодействия политического режима и государственности).

Напротив, существует гораздо больше публикаций, в которых анализируются процессы государственного строительства в рамках посткоммунистических

Analysis of Transnistrian-Russian Relations and Dependences // The Estonian Foreign Policy Yearbook. Tallinn: Eesti Välispoliitika Instituut, 2011. P. 151–182; Кустарев А.И. Неудавшиеся государства // Космополис. – 2004. – №2. – С. 17–36; Маркедонов С.М. Об итогах президентских выборов в Грузии [Электронный ресурс]. URL: http://www.politnauka.org/library/konflikt/markedonov2.php (дата обращения: 6.04.2012).

[20] Nørgaard O. Governance and state capacity in post-communist states // 29th ECPR Joint Sessions of Workshops, Grenoble, France, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demstar.dk/papers/Statescapacityinpostcommunistcountries6.pdf (дата обращения: 6.04.2012); Besley T. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation, and Politics // American Economic Review, American Economic Association. – 2009. – Vol. 99. – P. 1218–44; Локшин И.М. Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // Полития. – 2011. – № 4. – С. 74–92.

[21] Тилли Ч. Демократия. – М: Европа, 2007. 264 с.; Bartolini S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. N.Y.: Oxford univ. press., 2005. 415 p.; Fukuyama F. «Stateness» first // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16, № 1. – P. 84–89; Elkins Z. The Problem of Stateness // 2006 Meeting of the International Studies Association, San Diego, CA. European Values Study Group and World Values Survey Association [Электронный ресурс]. URL: http://home.gwu.edu/~jsides/stateness.pdf (дата обращения: 11.04.2012); Bäck H., Hadenius A. Democracy and State Capacity: Exploring a J-shaped Relationship // Governance. – 2008. – Vol. 21, № 1. – P. 1–21; Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. 272 с.

трансформаций государств Центральной и Восточной Европы, а также «бархатные революции» в ряде из них[22]. Частным случаем посткоммунистических трансформаций являются (или рассматриваются как частный случай) постсоветские переходы: от авторитаризма – к демократии, от командной экономики – к рыночной, от провинции империи – к суверенному государству, от части общности советского народа – к нации[23]. Исследователи рассматривают трансформацию политического режима и государственности как коэволюцию в рамках смещения фокуса транзитологии в сторону изучения государства. Эта группа трудов наиболее близка теме нашего исследования в теоретической части.

Несмотря на значительный корпус исследовательской и академической литературы по темам постимперского транзита и четырёх переходов в его рамках, а

---

[22] Cameron D. R. Post-communist democracy: The impact of the European Union // Post-Soviet Affairs. – 2007. – № 23. – P. 185–217; Dimitrovna A., Pridham G. International actors and democracy promotion in Central and Eastern Europe: The integration model and its limits. Democratization. – 2004. - № 11(5). – P. 91–112; Easter G.M. The politics of revenue extraction in post-communist states: Poland and Russia compared // Politics & Society. – 2002. – № 30. – P. 599–627; Grzymala-Busse A., Jones Luong P. Reconceptualizing the state: Lessons from post-communism // Politics & Society. – № 30. – P. 529–554; Kopstein J., Reilly D. A. Postcommunist spaces: A political geography approach to explaining postcommunist outcomes // G. Ekiert, S. E. Hanson (Eds.). Capitalism and democracy in Central and Eastern Europe. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 120–154.

[23] After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/ Ed. By Barkey K., von Hagen M. Boulder, Oxford: Westview press, 1997. 200 p.; McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16, № 3. – P. 5–19; Pavlinek P. Alternative Approaches to Post-Communist Transformations in Central and Eastern Europe // Acta Slavica Iaponica. – 2003. – № 20. – P. 85–108; Stefes C.H. Understanding Post-Soviet Transitions: Corruption, Collusion and Clientelism. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 211 p.; Fortin J. Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries // Comparative Political Studies. – 2011. – № 20. – P. 1–28; Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 252 с.; Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Материк: информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=13513 (дата обращения: 24.01.2012); Zaslavsky V. The Soviet Union // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/ Ed. By Barkey K., von Hagen M. – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. P. 73–92; Суздальцев А.И. Постсоветское пространство: уходящая реальность // Полит.ру: информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.polit.ru/article/2007/03/14/2017/ (дата обращения: 24.01.2012); Арефьев А.Л. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php (дата обращения: 6.04.2012); Фисун А.А. Постсоветская политика как неопатримониальный процесс // Вестник Института Кеннана в России. – 2009. – Вып. 16. – С. 53–62.

также сецессий, различных видов сепаратизма и конкретных отношений в треугольнике «де-факто государство – патрон – материнское государство», мы не нашли ни одной работы, посвящённой прогностическим моделям развития сецессий. Наконец, редкое для политологии и международных отношений математическое моделирование дополнительно отсекает литературу, которую можно считать похожей на труды, развивающие тему докторской диссертации. Соглашаясь с двумя тезисами О.В. Гаман-Голутвиной[24] (1 – незначительное использование в отечественной компаративистике количественных методов и «слабое владение сложными методами анализа» и 2 – нерелевантность применения их результатов), мы предлагаем данное исследование как попытку максимально простым математическим языком описать традиционно политологический феномен с тем, чтобы квантифицировать и ранжировать его множественные варианты.

Объект исследования – постсоветский сепаратизм как многофакторный процесс реализуемый несколькими субъектами (сецессия, материнское государство, патрон, международные акторы).

Предмет исследования – факторы постимперского транзита, обеспечивающие сецессии при поддержке России – патрона, явно превосходящего материнские государства по уровню статусности и состоятельности.

Цель исследования – представить многофакторную, верифицированную несколькими «полярными» кейсами математическую модель (веса+переменные+индикаторы+конкретные значения индикаторов), позволяющую прогнозировать вероятность конкретных сценариев сецессий, применяемую на постсоветском проснтранстве универсально – вне зависимости от условий патронажа и отношений в треугольнике «сецессия – материнское государство – патрон».

Задачи:

[24] Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. 2019. № 5. – С. 36.

1) провести операционализацию понятий, определив ключевые различия между сецессией, сепаратизмом и автономизмом;

2) проанализировать и типологизировать факторы постимперского транзита: географические, исторические, политические, легалистские, международные, экономические, социологические, лингвистические, военные, дипломатические;

3) рассмотреть посредством авторских прикладных количественных (компьютерных) и качественных (социологических) методов конфликт на юго-востоке Украины как частный случай реализации сецессии, борьбы с ней со стороны материнского государства и патронажа;

4) иерархизировав факторы и предложив их веса в зависимости от степени влияния на успех сецессии, операционализировать каждый из факторов в системе «переменная – индикатор – значение индикатора»;

5) на основе операционализации факторов создать математическую модель вероятности успеха сецессии и верифицировать её всеми постсоветскими сецессиями.

Территориальные и временные рамки исследования

Основными исследовательскими кейсами являются четыре постсоветских случая формирования де-факто государств: на территории Украины, Молдовы и Грузии: Абхазия (РА)[25], Южная Осетия (РЮО), Приднестровская Молдавская республика (ПМР) и Луганская и Донецкая народные республики (Л/ДНР)[26]. Мы принципиально не включаем в сравнительный анализ Нагорно-Карабахскую

[25] Нам, безусловно, известен юридический подход, согласно которому Россия официально признаёт суверенитет Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, установив с ними дипотношения. Однако для понимания общих процессов постсоветского сецессионизма мы рассматриваем РА и РЮО наряду с непризнанными ПМР и Л/ДНР.

[26] Несмотря на некоторые различия в отношении формирования идентичности, экономического уклада и внутренней политики, имеет смысл рассматривать ЛНР и ДНР как единый регион. Учитывая ещё и их общую границу, считая искусственно разделёнными, особенно — таможенным постом, оправданным исключительно с точки зрения интересов элит каждой из непризнанных республик, в данном исследовании мы будем воспринимать их в качестве одной единицы анализа – Л/ДНР. В особых случаях мы будем разделять их.

Республику (НКР), поскольку она выделяется отсутствием мощного патрона, превосходящего по военной силе и государственной мощи в целом материнское государство. Случай НКР (борьба примерно равносильных Армении и Азербайджана), очевидно, не укладывается в логику, когда выход поддерживает Россия. При этом НКР как, безусловно, актуальная сецессия включается в качестве проверочного кейса в модель, но факторы сецессии не описываются подробно, как в случае с основными исследовательскими кейсами.

Периодически в сравнительный анализ для актуализации конкретных сходств и различий будут включаться другие де-факто государства, существовавшие на постсоветском пространстве (террористическая Ичкерия, Гагаузия и др.) и за его пределами (Тайвань, Сербская Краина и др.), серые зоны государственности (Панкисское ущелье, Кадарская зона и др.), случаи автономизма (Каракалпакстан, Талыш-Муганская автономная республика и др.), российские регионы (Татарстан, Крым[27] и др.), уникальный случай «сецессии без выхода» (Аджария). Нет никакой строго определённой академической рамки для исследования различных стадий сецессии. В академической литературе чаще всего встречается сочетание «Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Карабах» как наиболее устоявшиеся и долго существующие де-факто государства (и западные исследователи принципиально подчёркивают «непризнанность» кавказских политий большинством членов ООН, для которых они по-прежнему находятся в классе «несостоявшихся государств»). Иногда эти кейсы тасуются в сравнительной перспективе в различных видах: «Приднестровье и Карабах», «Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье» и т.д. С 2014 года к эти четырём случаям всё чаще добавляют Донецкую и Луганскую народные республики. Но случаются сравнения и совсем непохожих кейсов, например, «Карабах и Джавахетия» (речь идёт о разных траекториях движения армянского

[27] Крым тоже попадает в число субъектов анализа как существовавшее один день в марте 2014 г. независимое государство Республика Крым. Дальнейшая судьба региона, вошедшего в состав России, т.е. реализованный ирредентизм, не является препятствием для включения этого случая в число сецессий, поскольку мы рассматриваем условия, влияющие на их успех.

сепаратизма)[28]. Мы настаиваем, что в отсутствие детерминизма относительно изучения конкретных кейсов де-факто государств основание их сравнения определяется каждым исследователем самостоятельно, и включение НКР в привычную цепочку «Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье…» не является детерминированным логически. Все «сложные» случае пространственно-политического развития не исчерпываются де-факто государствами. Однако исследовательский фокус мы сохраняем именно в отношении четырёх заявленных политий, оставляя за собой право создавать аргументированные сравнения в т.ч. теоретически непохожих политий: казусов сецессий и автономизаций, «серых зон» государственности и де-факто государств и т.п.

Основной рассматриваемый период ограничивается 1991 – 2021 годами, поскольку именно финал коллапса СССР, стартовавший в 1989-1990 годах декларациями о суверенитете союзных республик, явился базовым для становления национальных государств, новых рыночных экономик, новых гибридных политических режимов и несоветских идентичностей (см. разделы «теоретико-методологическая основа» и п. 1.3 о четвертном транзите). В отдельных случаях, когда исторический анализ будет требовать погружения во времена имперских статусов рассматриваемых кейсов, мы будем раздвигать рамки до XIX-XX веков.

В диссертации поставлены 2 **исследовательских вопроса**:

1) Какова иерахия факторов, влияющих на возникновение автономизма и сепаратизма при распаде Советского Союза внутри союзных республик?

2) Каковы сценарии развития постсоветских сецессий и какова вероятность каждого из них с точки зрения квантификации и формализации в математической модели?

Теоретико-методологическая основа данного исследования базируется на политическом реализме и институционализме, рассматривая категорию

[28] De Facto States in Eurasia. Edited by Tomáš Hoch and Vincenc Kopeček. Routledge: Contemporary Russia and Eastern Europe Series, 2019. P. 109–136.

государства (признанного, частично признанного, непризнанного) как основную единицу международных отношений и политические институты как основную рамку политического процесса, не игнорируя при этом влияние международных организаций, ценностей и поведения политических акторов на него. В работе встречаются отдельные элементы сетевого, бихевиорального и социологического подходов, но её базовая рамка – традиционные реализм и институционализм.

Авторская методология основана на трёх подходах:

1) аналитическом разделении важнейшей характеристики государства – государственности: на статусность и состоятельность;

2) аналитическом разделении постсоветского перехода (постимперского транзита) каждого из государств бывшего СССР на 4 «субперехода»;

3) восприятии де-факто государств как полноценных (хотя и не полноправных) участников международных отношений, действующих не только под влиянием патрона и материнского государства, но и суверенно.

Разделение государственности на статусность и состоятельность изучается иностранной политической наукой с конца 60-х годов XX века. В современном политологическом дискурсе с помощью понятия «государственность» чаще всего обозначают формальные и сущностные полномочия государства[29]: государственный статус (англ. statehood – статусность), возможности государства по распределению общественных благ, эффективному управлению и контролю над собственной территорией – государственную состоятельность (stateness), а также результат идентификации граждан с той или иной территориальной политией, помимо административных границ объединяемой общей историей, культурой и языком общения[30].

[29] Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – № 3. – С. 69

[30] Эту проекцию государственности предложили и активно продвигают в своих работах Х. Линц и А. Степан. См., напрмиер: Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация [Электронный ресурс]. URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=120 (дата обращения: 6.04.2012). О различных измерениях внутренней государственной статусности см.: Gilley B. The Determinants

Термин «государственная состоятельность»[31] для описания степени способности государства по контролю над территорией в 1968 году ввёл П. Неттл, развили Ч. Тилли[32], С. Бартолини[33], Ф. Фукуяма[34], Ф. Шмиттер[35], предложивший альтернативу в виде «state capacity»[36] и многие другие, менее известные учёные. В России в 2010-2020-х годах исследовательский коллектив под руководством А.Ю. Мельвиля (М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк и др.) выпустил несколько теоретических и эмпирических исследований, посвящённых разделению государственности и изучению взаимного влияния трансформации государственности и эволюции политических режимов в посткоммунистических странах[37].

---

of State Legitimacy: Results for 72 Countries // International Political Science Review. – 2006. – Vol 27, № 1. – P. 47–71.

[31] Nettl J. P. The State as a conceptual variable// World politics. –1968. – Vol. 20, № 4. – P. 559–592.

[32] The Formation of national states in Western Europe // Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton univ. press, 1975. P.32., см. также: Тилли Ч. Что такое демократия? Демократизация // Тилли Ч. Демократия. М: Европа, 2007. С. 8.

[33] Bartolini. S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. N.Y.: Oxford univ. press., 2005. P. 70.

[34] По мнению Ф. Фукуямы, «государственная состоятельность прежде всего». См.: Fukuyama F. "Stateness" First [Электронный ресурс]. URL: http://www.sais-jhu.edu/sebin/u/r/7_Fukuyama_pp84_88.pdf (дата обращения: 6.05.2012). См. также обзор литературы по концепции «stateness first» в статье Мельвиль А.Ю. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах: А. Ю. Мельвиль, Д. К. Стукал, М. Г. Миронюк. – НИУ «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. 52 с.; Fukuyama F. The Imperative of State-building // Journal of Democracy. – 2004. – Vol. 15, №2. – P. 17.

[35] Schmitter, P. Democratization and State capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, 2005, October 18—21, Santiago, Chile [Электронный ресурс]. URL: http://www.clad.org.ve/congreso/schmitte.pdf (дата обращения: 6.04.2012). О различных эквивалентах термина государственная способность подробнее см.: Сморгунов Л.В. Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления // Демократия в современном мире. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 63-67.

[36] См. например: Kuthy D.W. The Effect of State Capacity on Democratic Transition and the Survival of New Democracies [Электронный ресурс]. URL: http://digitalarchive.gsu.edu/political_science_diss/20/ (дата обращения: 11.04.2012); Besley T. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation, and Politics // American Economic Review, American Economic Association. – 2009. – Vol. 99 – P. 1218–44.

[37] Ильин М., Мелешкина Е., Мельвиль А. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. – 2010. – № 3. – С. 26–39; Мельвиль А., Стукал Д., Миронюк М. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран). // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 83–103.

Подробным образом теория постимперского транзита как базовая теоретическая рамка исследования фундируется в параграфе 1.1. Западные исследователи[38] ввели в научный оборот парадигму постимперского транзита как процесса, состоящего из нескольких переходов: политического транзита (от институтов советского авторитаризма к различным видам демократических, квазидемократических и гибридных режимов, что не обязательно предполагает демократическую консолидацию – она может быть и «гибридной»); экономического (от советской командной системы к рыночным экономикам с различной ролью государства); транзита идентичности (от конструктивистской вненациональной общности «советский народ» к национальным сообществам); институционального (от институтов советской системы, общих для всех, к национально-государственным). Рассмотрение факторов распада СССР как стартовых на пути образования новых независимых государств, совершающих 4 перехода, подробно рассматривает в своей монографии Е.Ю. Мелешкина[39]. Использование нами категории постимперского транзита не детерминирует восприятия СССР как классической империи с метрополией, провинциями и колониями. В первой главе мы аргументировано перечисляем как факторы советского политического, этно-национального и исторического развития, позволяющие отнести это государство к имперским, так и обратные. «Постимперский» как эпитет, применимый к транизиту, используется нами, чтобы подчеркнуть общность начальных траекторий при значительной разнице итогов, тогда как «постсоветский» кажется нам более применимым к географическим характеристикам пространства бывшего СССР.

Де-факто государства мы рассматриваем в рамках подходов современного исследователя конфликтных территорий П. Колсто, который определяет их как

[38] Kuzio T. Transition in Post-Communist states: Triple or Quadruple // Politics. – 2001. – Vol. 21, № 3. – P. 168–177; McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16, № 3. – P. 5–19

[39] Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. – М., 2012. – 252 с.

территории, подконтрольные правительствам, борющимся за признание[40], а также выдающегося российского политолога М.В. Ильина, постулирующего, что единственный общий признак «полноценных» государств – «референтная сетка взаимных признаний» (т.е. статус члена ООН)[41]. Следуя за определением Ф. Фукуямы «государственность – прежде всего» (stateness first), мы воспринимаем де-факто государства в качестве полноценных субъектов международных отношений, низкий статус которых (т.е. низкий уровень государственной статусности) не препятствует их суверенному участию в политических процессах, поскольку оно опосредуется, в первую очередь, уровнем государственной состоятельности, который может быть сравнимым или даже выше, чем у материнского государства.

Помимо теоретических подходов, на которых базируется исследование, перечислим основные **прикладные методы**, использованные в нём в рамках кабинетных и полевых исследований.

Два базовых метода, являющихся основой исследовательского дизайна:

1) квантификация факторов;
2) математическое моделирование.

Конкретные исследовательские методы:

3) психографический метод в рамках феноменологической парадигмы на стыке визуальной социологии и политической психологии:

- «атомизация», кодификация, иерархизация и количественный анализ образов;

- качественная интерпретация рисунков;

4) сплошной поиск в Интернете;

5) инструменты машинного поиска в Интернете (ИАС «Семантический архив»);

[40] Kolsto P. Nation-Building in the Former USSR // Journal of Democracy. – 1996. – Vol. 7, № 1. – P. 118–132.
[41] Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – № 3. – С. 70.

6) инструменты аналитического мониторинга и построения графиков в отношении «больших данных» (ИАС «Семантический архив»);

7) авторские методы выделения индексов вокабуляра при помощи ИАС «Семантический архив»;

8) количественный контент-анализ посредством офлайн ПО TextReader 3.0;

9) выделение семантических ядер посредством онлайн ПО Voyant Tools;

10) сентимент-анализ посредством экспертного опроса по итогам работы ИАС «Семантический архив» (69 анкет);

11) экспертный опрос с целью оценки веса факторов при операционализации дифференцированного признания (25 анкет);

12) экспертный опрос по определению размерности весов в математической модели (10 анкет);

13) проверка математической модели изменением коэффициентов (теория решения некорректных задач).

Эмпирическая база исследования

Глубинные экспертные интервью и неформализованные фокус-групповые интервью проводились в 2010-2021 годах в рамках грантовых и самостоятельных исследований в следующих странах: Россия (Москва, Санкт-Петербург, Тула, Нижний Новгород, Новосибирск, Грозный, Назрань, Владикавказ, Беслан, Майкоп), Абхазия (Сухум, Гагра, Гудаута, Очамчира, Цандрыпш, Мюссера), Армения (Ереван, Гюмри, Дилижан, Ошаган, Татев), Азербайджан (Баку, Гянжа, Ленкорань, Шеки, Мингечевир, Астара), Грузия (Тбилиси, Батуми, Кутаиси, Телави, Цинубани, Дуиси, Ахмета, Ниноцминда, Цалка, Сигнахи), ДНР (Донецк, Горловка, Дебальцево, Ясиноватая, Макеевка, Торез, Харцызск), ЛНР (Луганск), Молдавия (Кишинёв, Бельцы, Комрат), НКР (Степанакерт, Шуши, Мартакерт), ПМР (Тирасполь, Бендеры, Рыбница, Григориополь), Украина (Киев, Львов, Тернополь, Ивано-Франковск, Рахов, Одесса, Днепр, Харьков), Южная Осетия (Цхинвал, Джава).

492 рисунка были получены от 123 респондентов из Донецка, Горловки, Макеевки, Ясиноватой и Тореза в рамках неформализованных глубинных интервью (приложение 9).

Экспертный опрос 69 человек (список профессий – приложение 7) был проведён онлайн (анкета – приложение 3).

Экспертный опрос 25 человек был проведён онлайн (анкета – приложение 4).

Экспертный опрос 10 человек был проведён онлайн (анкета – приложение 11).

БД 1 млн. 069 тыс. постов украинского сегмента Facebook (694 млн. символов) 2009-2018 годов была собрана при помощи отечественного ПО – ИАС «Семантический архив» (расположена на специальном сервере МГИМО). Результаты сентимент-анализа и контент-анализа доступны в приложениях 1, 2, 5-8.

БД по проверке устойчивости модели методом изменения коэффициентов представлена в приложении 10.

Практическая значимость

Базы данных по украинскому Facebook могут быть использованы для корректировки внешней политики России на украинском направлении. База данных, полученная психографическим методом, позволит скорректировать оборонную и экономическую политику России в отношении ДНР. Математическая модель может быть использована, во-первых, для прогнозирования сценариев развития постсоветских сецессий и отношений России в треугольниках «патрон – ДФГ – материнское государство», во-вторых, для оценки сепаратистского потенциала отдельных российских регионов и, соответственно, изменения внутренней региональной политики федерального центра.

Степень научной новизны

1) В диссертации проанализированы все 20 «сложных случаев» постсоветского территориального развития, включая успешные сецессии, попытки выхода, «сецессии

без выхода», институционализации «серых зон государственности», казусы ирредентизма, автономизации, реинтеграции отколовшихся территорий, и постулирован тезис об отсутствии детерминирующих факторов для успеха или неудачи сецессии, которая рассматривается исключительно как многомерный и многофакторный процесс.

2) Впервые в отечественной и мировой науке собраны комплексные географические данные в отношении постсоветских сецессий по предложенной автором эмпирической операционализации на основании географических постоянных, переменных и индикаторов: инфраструктура, длины и специфика границ (включая материнское государство и патрона), характеристики расположения столиц, особенности расселения этносов.

3) В исследовании собраны и проанализированы все 11 военных конфликтов существующих де-факто государств и материнских государств, а также все 18 попыток легитимации сецессий со стороны легальных и нелегальных акторов.

4) Проанализированы стратегии материнских государств по борьбе с сецессиями, а также их результаты; выделены и применены в прогностическом анализе основные типы взаимодействия в треугольнике «сецессия – материнское государство – патрон».

5) Эмпирическая часть диссертации базируется на нескольких масштабных базах данных, собранных по специально разработанной количественной и качественной методологии: 1 млн. 069 тыс. постов украинского Facebook и 423 рисунка жителей ДНР. В рамках анализа этих баз данных автором разработаны специальные индексы и индикаторы, до того не применявшиеся в политической науке.

6) Исследование украинского Facebook, впервые осуществлённое в таких масштабах, демонстрирует отношение украинских элит к регионам, внешним

партнёрам, населению и территории Донбасса, позволяя сделать верифицированные выводы о стратегии Украины относительно разрешения/эскалации конфликта.

7) Впервые собранная база данных фактически в зоне боевых действий (рисунки жителей ДНР) позволяет анализировать массовые настроения сложно доступного для эмпирической социологии пространства.

8) При помощи языка математики на основании квантификации факторов сецессий описана прогностическая модель их успешности с указанием конкретных числовых экстремумов, идентичных введённому в научный дискурс понятию «антисецессия» и понятию «сецессия». Автор предполагает использование этой модели в универсальном качестве применительно к любым территориям для выяснения их сепаратистского потенциала, в т.ч. тех, что не имеют никакой истории сецессии. В этом состоит основной вклад диссертанта в теоретическое осмысление международных отношений и политическую науку.

9) Модель верифицирована всеми случаями постсоветских де-факто государств (7 казусов), как успешных сецессий, так и завершившихся реинтеграцией, и после этого применена к объектам исследования (4 казуса) с их числовой иерархизацией на шкале вероятности «антисецессия – сецессия».

Положения, выносимые на защиту

1) Любая форма выхода из состава материнской политии представляет собой крайне сложный процесс, определяемый множеством этнических, культурных, лингвистических, исторических, политических, экономических, военных и географических факторов. Три постсоветских государства оказались не затронуты проблемами сепаратизма (Белоруссия, Казахстан, Армения). На 12 оставшихся приходится 20 сложных территориальных случаев, из которых 11 были де-факто государствами или сепаратистскими образованиями, 7 – случаями автономизации, ещё 2 – попытками автономизации без успешных политических действий. Не все случаи сепаратизма объявлялись таковыми – политические

(террористические) силы, осуществляющие выход, не интересовались вопросами легитимации своей власти, не нуждаясь в международном признании (Панкисское ущелье и Кадарская зона), либо наоборот подчёркивали близость к центральной власти, де-факто осуществив выход (Аджария).

2) Факторы, влияющие на сецессии, различаются по степени зависимости от деятельности политических акторов, специфика которой позволяет разделить их на две группы: (1) постоянные и (2) имманентные. (2) И легитимизация сецессий посредством парламентских процедур и всенародных голосований, и жёсткие действия материнских государств по возвращению сепаратистских территорий в процессе боевых действий, и дифференцированное признание, обусловленное, прежде всего, актуальной политической ситуацией и соотношением сил акторов (а не международным правом) в каждом конкретном случае, гораздо сильнее зависят от конъюнктуры, нежели (1) объективные факты географического и исторического пространства, которые так же могут быть подвержены корректировке и трактовке. В 12 постсоветских странах для всех случаев автономизма/сепаратизма нет ни одного общего фактора. Наличие государства-сегмента – самый популярный фактор сецессии. В 17 из 20 случаев «сложных» территорий процесс выхода или автономизации происходит в рамках сегмента (исключения «Ичкерия», Кадарская зона, Панкисское ущелье). Наличие политической организации, представляющей интересы сепаратистов/автономистов – также 17 случаев. Без политической организации, отстаивающей интересы либо конкретной группы сепаратистов, либо всего общества будущего де-факто государства, успех сецессии невозможен (примеры – две киргизские области в 1990 году и Панкисское ущелье). Наличие отдельного этноса, готового при стечении конкретных обстоятельств отстаивать независимость – фактор 16, а существование собственного языка, отличного от языка материнского государства – 15 «сложных» случаев. Несмотря на количественную значимость этих факторов, они точно не являются определяющими. ПМР, Л/ДНР, Крым не имели ни отдельного этноса, ни собственного языка (хотя во всех этих случаях проблема свободного

распространения русского языка была одним из триггеров сецессии). Наличие государства-патрона не является определяющим фактором. Лишь в 10 «сложных» случаях из 20 патрон оказывал помощь. Исторический опыт функционирования в составе другого государства есть лишь у 7 случаев. Временные интервалы, от сотен лет Крыма и Донбасса в составе России до 5 лет Каракалпакстана в составе Киргизии, не позволяют выявить корреляцию между пребыванием в составе другого государства и успешностью сецессии.

3) Рассмотренные сецессии делятся на две группы. География способствует реинтеграции: ПМР, РЮО, Л/ДНР. В случае прекращения масштабной поддержки патрона (вывода баз из ПМР и РЮО, передачи контроля над границей Украине на участке в Л/ДНР), в краткосрочной перспективе эти сецессии с высокой вероятностью завершатся неудачей. Отсутствие общей границы с патроном, наличие бендерского эксклава, превращение Днестра из естественного барьера в символический благодаря многим мостам и значительная растянутость легко перерезаемой посередине территории ПМР; единственный, быстро блокируемый тоннель как связь с Россией и расположение территории по одну сторону гор с материнским государством, на равнине вообще не делимитирующим территорию РЮО; отсутствие природных барьеров, широчайшая сеть дорог, соединяющих сецессию и материнское государство, полная искусственность созданной границы Л/ДНР и Украины – эти черты будут способствовать тому, что без патрона данные сецессионистские проекты в постоянных географических условиях вернутся в международно признанные границы. Единственное географическое преимущество ПМР – некомпактное расселение молдаван по всей территории и их включённость в национальный проект. Сюда же стоит отнести и Крым с Л/ДНР – по критерию плавности расселения в большей степени, по критерию включённости в национальные сообщества украинцев и крымских татар – в меньшей, упомянув, что в обоих случаях этничность не может быть основанием для подозрений в стремлении к реинтеграции. Обе кавказские сецессии объединены, во-первых, компактностью проживания грузин, во-вторых, наличием подобных районов на границах

сецессий и материнских государств, что в условиях низкого уровня интеграции грузин в национальные сообщества создаёт определённые риски.

Крым и Абхазия образуют вторую группу – территории, которым география помогает реализовывать сецессию (в крымском случае – ирредентизм). Отделённая от Грузии рекой и горами, имеющая длинную границу с патроном и высокий уровень развития российской инфраструктуры на пункте пропуска Абхазия даже при изменении военно-политических условий, наверняка, останется де-факто государством, а Крым сохранится как часть, продолжающая её административное пространство.

4) Наибольшую вероятность успеха по критерию функционирования государства-сегмента до объявления о старте сецессии имела Абхазия - единственный случай, когда (1) статус будущей сецессии был равен статусу материнского государства, (2) он признавался и будущим материнским государством, и федерацией, (3) Абхазия обладала наивысшим возможным статусом ССР (позднее – АССР). Признаваемое Молдовой в качестве особой территориальной единицы Приднестровье стоит в иерархии ниже Абхазии, но выше остальных рассматриваемых казусов, поскольку 16 лет имела статус АССР.

На основании критерия наличия государства-сегмента сложно ранжировать Л/ДНР и Южную Осетию. По критерию признания властями материнского государства Л/ДНР стоит выше. По критерию истории различных видов статусности – ниже. В рамках советского государства у Л/ДНР не было особых статусов. Явная современная проблема территориального развития Л/ДНР – непонимание элитами территории сецессии и целей экспансии. Кроме того, государство-сегмент отсутствует как таковое. Отличие от Южной Осетии состоит в том, что материнское государство признаёт особый статус сецессий (ОРДЛО), что не является консолидированной позицией украинского руководства.

5) По степени признанности все рассматриваемые голосования и заявления также можно разделить на две группы: абхазские и юго-осетинские референдумы о независимости/суверенитете и аналогичные парламентские

декларации Россия признала в 2008 году, все остальные – нет. В случае Л/ДНР значение их деклараций о суверенитете резко редуцируется спецификой принятия: нелегитимными и частично нелегальными акторами – в отличие от прочих случаев, когда голосования проводились в легитимных параламентах. Единственная общая черта всех голосований в рассматриваемых сецессиях – ни один из референдумов не был признан материнским государством. Непризнание итогов голосований на территориях, желающих осуществить выход, – один из шагов, предшествующих военным действиям со стороны материнского государства, стремящегося силой восстановить контроль над сецессией.

6) Попытки силовой реинтеграции территорий в условиях противодействия материнскому государству сильного патрона работают на сохранение и развитие сецессионистских устремлений. В ПМР, Абхазии и РЮО военные действия материнского государства способствовали сплочению политической нации внутри сецессионистских проектов на основе общей ценности противодействия внешнему врагу. Несмотря на рост проукраинских настроений в ДНР в последние годы, именно обстрел со стороны украинских ВСУ жилых кварталов (необходимый украинским силовикам в т.ч. для подавления огневых позиций ополчения) является для населения Донбасса наиболее значимым фактором, препятствующим реинтеграции.

Грань, отделяющую готовность государства защищать свою территориальную целостность от шовинистских действий того же государства по подчинению этноса, встраиваемого в национальный проект большинства, для всех случаев определить невозможно. Дифференциация действий материнских государств по борьбе с сецессиями (России в Чечне, Грузии в Абхазии и ЮО, Молдавии в ПМР, Украины в Л/ДНР) зависит от нескольких переменных: официального дискурса по отношению к населению сецессии (условно «террористы» vs «наши граждане»), попыток замирения с сепаратистскими элитами и широкой амнистии участникам боевых действий против центра,

готовности вкладывать государственные финансы в восстановление инфраструктуры.

7) Государственная статусность, опосредуемая через признание конкретной политии другими международно признанными акторами (государствами-членами ООН), - понятие и явление, подлежащее дифференциации. Т.е. признание может быть не только политическим, но и экономическим, военным, символическим. Дипломатическое признание не является основным условием для существования ДФГ и государства в XXI веке. Эффективные действия патрона по поддержке ДФГ много важнее для государственной состоятельности ДФГ, чем количество признающих его в качестве суверена над своей территорией членов ООН.

8) На рубеже 2013-2014 годов, после «Евромайдана» и последовавшего госпереворота, произошло «рождение» дискурсов украинских элит относительно регионов. Именно на этот период приходится значительный рост внимания к территории Донбасса и его населению, а также трём регионам Украины: Донбассу, Крыму и Киеву.

Отношение украинских элит к населению и территории Донбасса рассогласовано. Различия состоят в явной определённости элит по отношению к населению. Количество нейтрального дискурса минимально. В отдельные пиковые моменты он попросту исчезает, будучи заменяемым негативными дискурсами. Самый позитивный дискурс отсутствует в принципе. В отличие от территории в отношении населения присутствует значимый негативный дискурс, причём, он немного усилился в относительной степени после 2014 года, но существовал всегда.

В отношении территории, напротив, дискурс ненависти практически отсутствует. Основным является нейтральный дискурс. Количество позитивных и негативных дискурсов по отношению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории. Отношение к

населению предельно поляризовано, отношение к территории характеризуется неясностью.

9) Даже с учётом того, что географические условия (отсутствие географических барьеров в качестве границ между Донбассом и Украиной и неконкретность «линии соприкосновения»), отсутствие этнических и лингвистических противоречий между ДНР/ЛНР и соседними русско-населёнными и русско-язычными регионами Украины, санкционное давление на Россию, которая (пусть это крайне маловероятно, но не будем исключать этот вариант окончательно) перестанет поддерживать республики, постоянные стычки элитных групп на Донбассе в борьбе за ресурсы и крайне низкий уровень внутреннего суверенитета непризнанных республик, Украина не сможет реинтегрировать население Донбасса.

Украина и ДНР по-прежнему воспринимаются как стороны, ответственные за войну, но у Украины при этом сформирован однозначный образ агрессора, который в сознании у значимого числа респондентов разделяет нацистскую идеологию. Украинская армия (в отличие от «защищающей» российской) в массовом сознании воспринимается как несущая разрушения и смерть. При этом именно у украинского общества нет негативных коннотаций, напротив, украинские культура и природа вызывают в памяти респондентов исключительно светлые образы. Массовое сознание чётко разделяет Украину как государство (агрессия, дерусификация и неонацизм), украинские власти (презрение к конкретным лидерам, высочайший уровень коррупции всей властной корпорации, отсутствие суверенитета, полная подконтрольность США) и украинское общество, по отношению к которому испытывает ностальгические, грустные эмоции – сожаление, разочарование, негативное отношение к состоявшейся разделённости и углублению раскола.

Россия, с точки зрения качественного анализа, - это «образ желаемого завтра» дончан. В этой стране качественные дороги, высокий уровень образования, множество карьерных развилок для молодых людей и в целом

высокий уровень жизни. В отличие от Украины, находящейся, по мнению респондентов, в состоянии раскола, Россия, напротив, - пространство притяжения земель. Эта Россия – мощное и сильное государство с передовыми технологиями, уважаемым лидером (образ российского президента – наиболее часто употребляемая персоналия) и неагрессивной, но мощной армией, способной защитить и своих граждан, и жителей ДНР от украинской и – шире – американской агрессии. Россия в отличие от Украины «не переписывает историю», а наоборот, «чтит традиции». Число респондентов, описывающих Россию, прежде всего, как пространство социально-экономического расслоения и огромной диспропорции между столицами и регионами, невелико, но образ страны в их сознании вполне конкретизирован.

Общим для России и Украины являются их частые изображения при помощи «США»: в первом случае страна борется с этим государством, во втором является его марионеткой. Россия, несмотря на присутствие военных и армейских образов, не воспринимается как участник конфликта. Но и у этого образа есть негативные черты: таможня, государственная граница, «неповторение» с ДНР той же истории, что с Крымом, утраченные надежды и ощущение неоправданных ожиданий относительно судьбы региона, который так и не вошёл в состав государства, а кроме того, отгораживается формальными барьерами от «своих» же людей.

10) В массовом сознании ДНР не закрепился образ территории или официальных символов непризнанной республики. Пока это, скорее, система управления и бюрократии для граждан, нежели конкретная территориальная полития. Образ будущего представляется крайне негативным, хотя и не определяется чётко. Элиты не вызывают того же презрения и ненависти, как украинские, но их не уважают. По мнению респондентов, они коррумпированы, некомпетентны, не в состоянии обеспечить целевое расходование российской помощи, не обладают лидерскими и харизматическими качествами, оказались на своих постах случайно, не заинтересованы в развитии территории. Образ самой

ДНР в настоящий момент крайне негативен, на что очевидное влияние оказывает война. Это «серая зона», территория без драйверов развития, без международного признания, без будущего, с крайне низким уровнем социально-экономического развития территория, из которой постоянно идёт отток людей, которая контролируется людьми со слабыми управленческими навыками, при этом излишне зарегулированная, не предоставляющая возможность для реализации гражданских прав, без уважения к личности отдельного человека. У этого образа нет черт личной собственности, каких-то признаков, которые позволяли бы респондентам сказать «да, сейчас плохо, но это мой дом, и я должен воевать за него». Война не воспринимается как священная, оборонительная, наступательная, как необходимость или как личное/семейное дело. Война в массовом сознании представляется константой, без конечной цели и направления движения войск. Учитывая, что ожидания от этой войны, по мнению значимой части респондентов, оказались неоправданными («не получилось, как с Крымом»), то и нынешнее её продолжение не имеет смысла. Несмотря на явное восприятие Украины-государства как агрессора, её образ внешнего врага не является настолько значимым, чтобы угрожать самому существованию респондентов. С одной стороны, они чётко верифицируют разрушения и смерти, ответственность за которые возлагают на Украину, с другой, во-первых, у украинского общества и культуры сохраняются позитивные коннотации в массовом сознании, во-вторых, политический режим ДНР, жёстко ограничивая права и свободы, не предъявляя при этом значимых социально-экономических успехов, так же несёт угрозу гражданам, по их мнению. Миротворческий потенциал населения ДНР высок и в случае складывания определённой политической конъюнктуры оно готово к реинтеграции в состав Украины, тогда как малоуспешное (с точки зрения респондентов) функционирование самих институтов и некомпетентного политического класса ДНР не является весомыми причинами для сохранения этой территориальной и политической структуры.

11) Сецессии возникают не только в тех случаях, когда этносам и руководящим ими политикам или лидерам есть куда выходить. Гагаузия,

Кадарская зона, Панкиси, АРБ, Ичкерия не имели конкретных направлений для выхода. В отличие от Крыма, Южной Осетии, Л/ДНР, ПМР, в разной степени стремящихся к России, НКР, желающей воссоединиться с армянским соседом, вхождение этих политий в состав других государств попросту невозможно по причине отсутствия таковых государств: вопросы вхождения Гагаузии в состав Турции или Кадарской зоны в состав Саудовской Аравии не требуют дискуссий. Случаи Панкиси или АРБ не имеют ответа на вопрос: вхождение куда? Выход территории из состава материнского государства возможен не только там, где активно действует патрон, оказывая сецессии поддержку, но и там, где материнское государство ослабляет свои институты, в т.ч. выталкивая конкретные этносы за пределы «государственного тела» (state body). Особый случай «сецессии без выхода» – Аджария.

12) Анализ кластера антисецессий показывает, что сецессия может стартовать даже при самых плохих условиях. Гагаузия, Кадарская зона и Панкиси, не имеющие ни политических институтов, ни исторических, ни географических условий для сецессии[42], ни высокого уровня внутреннего суверенитета, ни любого вида государства-сегмента, ни объёмную поддержку патронов[43], тем не менее, непродолжительное время являлись де-факто государствами. В отношении положительного полюса сецессии их объединяет этническое отличие их народов от материнских государств: по переменным этноса и языка все три случая получали высший балл. АРБ, в отличие от этих случаев имела преимущество в виде государства-сегмента, политических институтов и легализации сецессионистского курса через парламентские процедуры (о легализации в случае террористической Кадарской зоны и Панксиси говорить не приходится), но так же отсутствие патронажа для сецессии.

---

[42] Панкисское ущелье открыто для материнского государства и, напротив, отделено горами от условного патрона в виде террористов на Северном Кавказе, а Гагаузия из всех рассматриваемых кейсов имеет наихудшую географию для сецессии: несколько районов, отделённых друг от друга территорией материнского государства, и находящихся на равнине, не граничащие с патронами в виде России и Турции.

[43] Кадарская зона и Гагаузия вообще не граничили с Ближним Востоком и Россией/Турцией, соответственно.

13) Общими признаками обладают и успешные сецессии НКР и Крыма. Общая граница с патронами, Арменией и Россией, их явная политическая, военная и экономическая поддержка, историческая легитимация сецессий (обе территории принадлежали материнским государствам менее 100 лет), этнические причины выхода, толкавшие соответственно армян и русских к сепаратизму, наконец, наличие государств-сегментов, признаваемых материнскими государствами (в случае с НКР – меньшая территория, чем та, которую контролировало де-факто государство до декабря 2020 года) – эти причины сделали выход успешным, а сами сецессии близко стоящими на шкале (56-57 баллов).

14) Ни признание членов ООН, ни географическая близость сецессии к патрону, ни российская военная база, ни отдельный этнос и язык, - никакой параметр не может в единственном качестве гарантировать успех сецессии. Вероятно, единственный фактор, который можно наблюдать во всех состоявшихся сецессиях, который, тем не менее, не детерминирует их выживаемость, - это относительно высокий уровень внутреннего суверенитета. В случае Абхазии внутренний суверенитет позволил сохранить сецессию даже в годы, когда патрон организовывал экономическую блокаду вместе с материнским государством. Уровень внутреннего суверенитета в ПМР не ниже, чем в Кишинёве, а по ряду показателей уровня жизни непризнанное государство превосходит материнское. Л/ДНР и Южная Осетия в сравнении с прочими начинавшимися сецессиями имеют самый высокий уровень внутреннего суверенитета, хотя первая на заре независимости и была похожа на вотчину соревнующихся в борьбе за ресурсы полевых командиров, нежели на пространство верховенства закона, а вторая серьёзно страдает от высокого уровня коррупции.

Поддержка России как мощного патрона не является определяющей. Российский патронаж, безусловно, добавляет максимум баллов успеху сецессии. Но поддержка в одних случаях непостоянна и может заметно уменьшаться

(Абхазия), в других – сохраняется на протяжении долгого времени, но при этом стратегический курс патрона очевиден – реинтеграция (Приднестровье), в третьих – сильно зависит от конъюнктуры в материнском государстве (Л/ДНР). Внешняя политика России в адрес и де-факто государств, и соседей по постсоветскому пространству (материнских государств) не является неизменной. Россия не стремится поддерживать сецессии в любых случаях любой ценой, а ключевые решения (например, установление дипотношений с Абхазией и Южной Осетией или начало войсковой операции в Крыму) принимает, исходя из текущих событий, в т.ч. мировой политики, часто не проективно, а реактивно, руководствуясь своими национальными интересами, которые прозрачно описываются в доктринальных документах.

15) Исходя из результатов экспертного опроса по определению размерности весов и математического описания модели:

$$S = \sum_{k=1}^{6} a_k^p g_k^p + \sum_{k=1}^{6} a_k^m g_k^m + \sum_{k=1}^{8} a_k^s g_k^s + a^{et} g^{et} + b^a h^a + b^w h^w + \sum_{k=1}^{3} b_k^s h_k^s + b^r h^r + \mathrm{c}_1\, l + \mathrm{c}_2 Et + \mathrm{c}_3 Gr + \sum_{k=1}^{6} d_k p^k + \sum_{k=1}^{3} q_k leg_k$$

- максимальный успех сецессии оценивается в 104 балла, максимальный успех антисецессии – в 111 баллов;

- вероятность успеха сецессии ПМР – в -20 балла;

- вероятность успеха сецессии Л/ДНР – в 14 баллов;

- вероятность успеха сецессии Южной Осетии – в 60 баллов;

- вероятность успеха сецессии Абхазии – в 98 баллов.

Апробация исследования

Математическая модель была представлена на специальном семинаре Института вычислительной математики и математической геофизики СО РАН в

Академгородке в сентябре 2020 года[44]. По итогам семинара матмодель проверена в соответствии с теорией некорректных решений посредством изменения коэффициентов (приложение 10). Модель так же была представлена на предзащите в ИМИ МГИМО, после чего для повышения степени объективности при определении размерности весов был проведён экспертный опрос (приложение 11). Материалы диссертации представлялись на академических и экспертных конференциях, круглых столах, публичных лекциях и в аналитических записках и докладах для ФОИВ.

[44] Доклад А.А. Токарева (ИМИ МГИМО МИД России) по математическому моделированию в политических науках в ИВМиМГ СО РАН 23 сентября 2020 года // https://icmmg.nsc.ru/ru/content/news/doklad-aa-tokareva-imi-mgimo-mid-rossii-po-matematicheskomu-modelirovaniyu-v

Глава 1. Государственное и национальное строительство на постсоветском пространстве: теоретико-методологический подход и факторы распада СССР

В данной главе мы подробно обосновываем выбор теоретической рамки исследования, обозначая многовекторность постимперского транзита, равно как и невозможность рассматривать распад СССР в рамках изучения коллапса классических колониальных империй, приводим интерпретацию понятий, используемых в исследовании, исследуем условия политического развития на постсоветском пространстве[45], что позволяет выявить общие для всех стран

[45] В научной литературе существует значительное число публикаций, направленных на толкование данного термина. Об утрате оснований для существования «постсоветского пространства» подробнее см.: Никитин А.И. Конец «постсоветского пространства» // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006 / РАПН, гл. ред. А.И. Соловьёв. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 13–21; Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // Политиком [Электронный ресурс]. URL: http://www.politcom.ru›tables/statja.doc (дата обращения: 4.10.2012). Безусловно, мы понимаем, что культурно, экономически, национально, идеологически и (в силу специфичности «политики памяти» некоторых правительств) исторически постсоветского пространства не существует, поскольку столь различные по указанным критериям государства не могут быть объединены одним концептом. Институциональное наследие бывшего СССР успешно преодолено, например, в странах Балтии и в большей части в Грузии, что также не позволяет именовать по этому признаку все бывшие республики постсоветскими. Однако, синонимы громоздки и часто не описывают конкретные феномены: под «новыми независимыми государствами» можно понимать и Восточный Тимор (2002) и Южный Судан (2011), «постсоциалистические государства» объединят одновременно и Польшу, и Туркменистан, а «страны Балтии, СНГ и Грузия» - сложно для восприятия. Здесь и далее мы понимаем под «постсоветским пространством» только географическую характеристику положения государств, входивших когда-то в СССР. О влиянии советского наследия на национальное и государственное строительство на Южном Кавказе см.: Токарев. А.А. Отрицание, встраивание, постепенное забвение: Государственные стратегии по отношению к советскому наследию в Грузии, Армении, Азербайджане // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 5. С. 60–80; в Центральной Азии: Его же. Киргизия // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 20.06.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3008034 (дата обращения: 19.06.2020); Его же. Казахстан // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 25.04.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2968021 (дата обращения: 19.06.2020); Его же. Таджикистан // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 03.10.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3095250 (дата обращения: 19.06.2020); Его же. Белоруссия // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 22.08.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3069139 (дата обращения: 19.06.2020).

последствия распада (макроуровень – коллапс СССР), и подробно останавливаемся на факторах, влияющих на процессы суверенизации и автономизации на постсоветском пространстве (мезоуровень – коллапс государств, образовавших после 1991 года), предлагая их сравнительный анализ с точки зрения частично квантифицируемых переменных.

1.1 Сецессия как один из результатов транзита. Интерпретация понятий

Поиск ответа на вопрос «В рамках какой парадигмы рассматривать распад СССР?» влечёт за собой постановку других: каким по типу государством был Советский Союз? Как следует называть «послесоветский» мир и «послесоветское» пространство? Наиболее популярные ответы на первый вопрос уже несколько десятилетий дают западная политическая наука и международные отношения, рассматривая распад СССР в рамках многофазного и многофакторного постимперского транзита и расставляя логические акценты по своим местам: мир стал постколониальным, СССР – распавшаяся империя, потерявшая колонии, искавшие суверенитета и попытавшиеся в силу исторического момента стать национальными государствами. Всемирный процесс распада включает в себя Британскую, Французскую, Испанскую, Португальскую, Нидерландскую империю и, с оговорками о сухопутном характере, СССР[46]. Тарас Кузьо, например, прямо пишет о «последней империи, завершившей распад колониального мира…, осуществлявшей в колониях те же практики, что прочие империи в Ирландии, Азии и Африке». И в обратном смысле: «политика постсоветских государств идентична политике постколониальных государств, поскольку они также пытаются избавиться от колониального наследия»[47].

[46] Schwarz H. A. Companion to Postcolonial Studies. Blackwell Publishing Ltd., 2005. P. 19.
[47] Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space. // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2002. – Vol. 30, № 2. – P. 243.

Думаем, что не только это высказывание, но и вся парадигма исследования постсоветского как постколониального весьма спорны. Собственно, нельзя сказать, что на Западе нет дискуссии: «Является лич «пост-» в постколониальном тем же, что и «пост-» в постсоветском?» – задаётся вопросом Дэвид Мур, объясняя «глобальную критику постколониализма»[48]. Общая логика, в рамках которой западные учёные воспринимали распад СССР, сводится к исследованию 3-4 транзитов (triple-quadruple transition): от институтов провинций или колоний империи к суверенно-государственным, от командной экономики к рыночной, от коммунистической системы к демократической, от имперской идентичности к национальной[49]. При этом «первый транзит» был облегчён наличием инфраструктур бывшей метрополии только в России и государствах Балтии, имеющих короткий опыт государственной статусности между мировыми войнами. Так или иначе, во всех четырёх транзитах участвовали все государства бывшего СССР – в т.ч. общность стартовых условий позволяет говорить о существовании аналитического понятия постсоветского пространства, описывающего соответствующий географический феномен.

Именно политические процессы на постсоветском пространстве позволили заметить, что транзит как выход из авторитарной точки отнюдь не означает финиш в демократической, хотя до сих пор встречаются академические работы, исследующие регион в рамках линейной парадигмы с постановкой исследовательского вопроса «почему демократия не приживается на Кавказе?»[50]. В отношении третьего – режимного – транзита на рубеже веков заговорили с критикой в адрес концепции «третьей волны демократизации», начавшейся в 1974 г., в общем виде провозгласили «конец парадигмы транзита» (термин Т.

[48] Moore C.D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA. – 2001. – Vol. 116, № 1. – P. 111.
[49] Kuzio T. Transition in Post-Communist states: Triple or Quadruple // Politics. – 2001. – Vol. 21, № 3. – P. 168–177; McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16, № 3. – P. 5–19; Tsygankov A.P. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // Communist and Post-Communist Studies. – 2007. – Vol. 40, № 4. – P. 423–439.
[50] Aliyev H. Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy Challenges of Democratisation and Reform in the Caucasus. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 8.

Карозерса), но и описание постсоветских транзитов как «четвёртой волны демократизации» натолкнулось на объективные препятствия, как минимум, в Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане. Линейную логику перехода сменила разновекторность развития, формирование гибридных режимов и множества «демократий с прилагательными», режимная консолидация[51]. Убеждены, для «постимперского транзита» придётся точно также вырабатывать новый дискурс и новую методологию, как это произошло с «режимными транзитами».

Если СССР и был империей, то совсем неклассической. От империи у Советского Союза были цивилизаторские стремления, активнейшая внешняя политика, направленная на экспансию не территорий, но идей, включение в состав принципиально разных этнических и территориальных единиц и их статусная неоднородность, манипуляции этническими группами и смешение этносов в рамках единых территориальных единиц (что породило предпосылки для множества постсоветских конфликтов), важная роль неформальных институтов. С другой стороны, можно назвать, по меньшей мере, шесть очевидных отличий СССР от империи. Во-первых, если считать РСФСР метрополией, союзные республики провинциями, то кого воспринимать в качестве колоний? Вьетнам, Анголу и Кубу? Является ли материально-техническая и военная помощь, участие в гражданских войнах на одной их сторон, использование территорий для военно-стратегических плацдармов колонизацией? Думаем, следует ставить вопрос так: СССР использовал Кубу для создания паритета с США, или наоборот, Куба использовала страхи отставшего по числу носителей СССР, получив многомиллиардные вливания, которые в итоге так и не вернула, и защиту патрона от американской агрессии? Во-вторых, СССР

[51] Jankauskas A., Gudžinskas L. Reconceptualizing Transitology: Lessons from Post-Communism. Lithuanian Annual Strategic Review, 2007. P. 181–199; Way L., Levitski S. Why «Democratic Breakthroughs» often fail to create democracies: Modes of Transition and the Prospects for Democratic Change. 19.06.2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/266474057_Why_Democratic_Breakthroughs_often_fail_to_create_democracies_Modes_of_Transition_and_the_Prospects_for_Democratic_Change (дата обращения 27.04.2020).

не пытался создать наднациональное содружество по типу Британской короны. Коммунистический проект был гораздо более широким, в полной мере рассчитанным на завоевание полумира, а то и всего. Это выразил Н.С. Хрущёв, сказав западным послам о победе пролетариата над капитализмом: «Мы вас похороним». В-третьих, будучи федеративным государством по своему типу (пусть формально и провозглашающим право субъектов на выход), СССР предлагал равные права гражданства всем без исключения – от Эстонии до Туркменистана, т.е. делал то, чего не делают империи в пределах своих провинций. Явное отличие СССР от, например, Российской империи состоит в формулировании и поддержании общих для всех регионов правил. Е.Ю. Мелешкина в статье[52] перечисляет множественные законы, своды, статуты, уложения, кодексы и прочие нормативно-правовые акты, которые действовали в различных частях Российской империи, управлявшейся при этом из единого центра. Напротив, СССР унифицировал законодательство для всех своих членов. Кроме того, в Советском Союзе существовала единая система управления: советская и партийная вертикаль, которые действовали на всей территории, независимо от этнических особенностей населения, с чем часто примиряются империи, формируя систему «косвенного управления», на местах функционирующего параллельно органам центральной власти.

Западные авторы исследуют «империю, навязывавшую идентичность… Кавказу, где до XX в. никакой общей идентичности не было – лишь культурное разнообразие многочисленных народов»[53]. Российский историк Алексей Миллер описал важность советского проекта для народов, которые на Западе, как правило, воспринимают как угнетённые, поставленные в подчинённое положение русскому. «…Когда гуляешь по зоопарку и неожиданно из клетки выскочил тигр, главное – вовремя найти свободную клетку и туда спрятаться. Это к вопросу о тюрьме народов. Империю можно называть тюрьмой народов, но она ещё

[52] Е.Ю. Мелешкина. Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. - № 3. – 2013. С. 15.
[53] Zakharov N., Law I. Post-Soviet Racisms. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 28.

защищает от внешних воздействий. Для грузин и армян российская тюрьма народов прежде всего выполняла эту функцию»[54]. Пытаясь создать внеэтническую общность – советский народ – СССР становился территориальным государством, государством-нацией, но опять же не империей, которая стремится не к равенству граждан (равенство с туземцами и аборигенами непредставимо), а развивает метрополию за счёт провинций и колоний. Государствообразующая нация не пользовалась материальными преимуществами своего положения, а напротив, создавала материальные преимущества для нацменьшинств, пытаясь таким образом компенсировать потерю ими независимости.

Выдающаяся роль советского проекта состоит в цивилизаторстве, прежде всего, в Средней Азии. Чтобы понять это, достаточно посетить национальные музеи Таджикистана, Казахстана и Киргизии и посмотреть на экспозиции до и после начала советского периода[55]. В первом случае они крайне скупы, во втором – свидетельствуют о громадной роли «имперского» центра в переходе к индустриальному обществу во всех сферах: от экономики до быта. С другой стороны, уровень развития в государствах Балтии был высоким. В-четвёртых, само качество «провинций» (в терминах постколониального дискурса) таково, что они требуют объединения в регионы при анализе: Прибалтика, славянские государства плюс Молдавия, Кавказ, Средняя Азия. Это разрушает традиционную для постколониалистов, исследующих постсоветскость, логику о наличии старших и младших братьев и естественных попыток вторых избавиться от наследия первых через вытеснение фрустрации. Внутри каждого из регионов

---

[54] Миллер А.И. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны // Полит. ру: интернет-журн. 11.04.2006. URL: http://www.polit.ru/article/2006/04/11/miller2/ (дата обращения: 1.08.2012).

[55] О влиянии советского наследия на национальное и государственное строительство в постсоветский период см. подробнее: Токарев. А.А. Киргизия // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 20.06.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3008034 (дата обращения: 19.06.2020); Его же. Казахстан // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 25.04.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2968021 (дата обращения: 19.06.2020); Его же. Таджикистан // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 03.10.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3095250 (дата обращения: 19.06.2020); Его же. Белоруссия // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 22.08.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3069139 (дата обращения: 19.06.2020).

вполне можно говорить о «родственных» отношениях: малороссы, конечно, подчинены великороссам, что следует из названия. В данном случае рассуждать и об имперских комплексах обоих народов, и о постимперской травме[56]. Армяно-азербайджанская ненависть, узбекско-киргизская неприязнь, часто натянутые отношения внутри Казахстана между северянами и южанами – дробление продолжается, но о каких родственных отношениях можно говорить в случае армяно-российских, украино-грузинских, литовско-казахских отношений? Причина магистральной антисоветскости со стороны властей некоторых стран и сохраняющейся в отдельных пластах массового сознания просоветскости в каждом регионе будет своя – общая логика постколониализма не будет здесь работать. К примеру, постсоветские Украина, Прибалтика и Грузия в 90-х – в политическом смысле жёстко антисоветские проекты, Киргизия – пример частичной реставрации советского символического пространства, а Белоруссия – кейс возвращения к советскому нарративу. В-пятых, иногда западный коллеги по-прежнему воспринимают частный случай – Кавказ – как постимперский единый регион. На общей карте до сих пор отображают Чечню как «сепаратистскую территорию… наравне с «Аджарией, Мегрелией, Самцхе…, склонную к отделению»[57]. Хотя в подобных работах имеются ссылки на террористические акты как недопустимые методы борьбы, в них упоминается, что из всех постсоветских чеченские войны были самыми кровопролитными, и по-прежнему можно увидеть дискурс о «борьбе за независимость… примерно такой же, какая двигалась устремлениями прибалтов, армян или грузин»[58]. Можем с уверенностью сказать, что реинтеграция Чечни стала самым успешным проявлением борьбы материнского государства за реинтеграцию сецессии (см. подробнее п. 3.4). В этом смысле отождествление регионов при сравнении,

[56] Ward A. Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 248 p.
[57] Geukjian O. Ethnicity, Nationalism and Conflict in the South Caucasus. Routledge, 2016. P. 5–6.
[58] Zurcher C. The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus. New York: New York university press, 2007. P. 70.

помещение нынешней Чечни в один ряд, например, с суверенными Абхазией и Южной Осетией, нерелевантно реальности.

Наконец, СССР в отличие от классических империй имел чётко очерченные границы. Е.Ю. Мелешкина пишет: «Последовательное использование принципа территориальности, ее четкая ограниченность и целостность – важнейшие признаки, отличающие государство от других политических образований», подразумевая под ними империю[59]. Границы внутри СССР – между государствами-членами – не были консолидированными, что привело в дальнейшем ко множественным конфликтам, но сам Советский Союз по состоянию внешних границ, безусловно, относился к современным государствам, а не империям.

Исходя из этих шести пунктов, пробуем предложить методологию для исследования постсоветского, а не постколониального. Возможно, сам термин «империя» как обозначение могущественной политии, способной действовать далеко за пределами своей территории, следует использовать как синоним «сверхдержавы», предлагающей альтернативный западно-капиталистическому проект. Кроме того, в отношении СССР следует говорить о центр-периферийных отношениях внутри страны (в крайнем случае, о метрополии и провинциях). Отождествлять советско-кубинские отношения с франко-гвианскими нам кажется натянутым.

Чтобы избежать путаницы, частой для гуманитарных исследований, приведём глоссарий терминов, которые используем. Описание множества научных дискуссий вокруг используемых нами терминов мы приводили в предыдущей диссертации[60]. Поэтому в данной работе, полагаясь на оригинальную авторскую классификацию и накопленный практический опыт по исследованию

---

[59] Е.Ю. Мелешкина. ПОСТИМПЕРСКИЕ ПРОСТРАНСТВА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ И НАЦИЙ // Политическая наука. - № 3. – 2013. С. 13.

[60] Токарев А.А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1991-2014 годах: монография / Алексей Токарев. — М. : МГИМО-Университет, 2015. — 312 с. : ил. — (Серия «Научная школа МГИМО»).

постсоветских конфликтов, данные дискуссии, равно как и собственные аргументы относительно выбора того или иного определения, мы опускаем.

Сепаратизм – политика конкретной территориальной единицы, направленной на полный выход из материнского государства, т.е. такое состояние внутреннего суверенитета, при котором материнское государство не в состоянии в терминах Фукуямы «направить вооружённого человека в форме для поддержания законности» (что не исключает высокого уровня десуверенизации территориальной единицы по отношению к патрону).

Под **материнским государством** мы будем понимать признанного члена ООН, из состава которого сепаратистская территория пытается выйти.

Сецессией мы будем называть как курс на выход из материнского государства (употребляя её в этом смысле синонимично сепаратизму), так и саму территориальную политию, осуществляющую такой выход. Успех сецессии – такое состояние территории (её совокупных политических, военных, географических, исторических, административных и пр. характеристик), при котором материнское государство не может «направить вооружённого человека в формме для поддержания законности»[61]. Подчеркнём: состоявшийся выход не обязательно должен сопровождаться декларациями о таковом и/или стремлением к внутренней или внешней легитимации правительства де-факто государства. И наоборот, многие декларируемые случаи выхода (абсолютное большинство самообъявленных независимыми политий в рамках «парада суверенитетов» в России не являлись сецессиями в реальности)[62].

---

[61] Австралийский исследователь Александр Павкович предлагает считать успехом сецессии как процесса, во-первых, такое состояние, при котором «выходящий» народ расселился по всей территории нового государства, но такой подход сложно применить к постсоветским сецессиям: территория ПМР предполагает равномерное расселение трёх этносов, в Абхазии титульный этнос вообще не является большинством, в НКР «выходящий» народ в принципе не занимал всю завоёванную территорию с 1994 по 2020 годы, оставляя районы Азербайджана вокруг НКР для будущего торга. Во-вторых, признание вышедшей территории. Тем более, второй фактор не наблюдается в случае всех постсоветских ДФГ, поэтому мы полагаем, что теория Павковича сложно применима к постсоветской практике. См.: Pavkovic A. Secession: a much contested concept // Territorial Separatism in Global Politics: Causes, Outcomes and Resolution. Edited by Damien Kingsbury, Costas Laoutides. Routledge, 2015, pp.13-28.

[62] Следует подчеркнуть, что наша трактовка термина не является устоявшейся в научном сообществе. Например, один из ведущих мировых специалистов по исследованию сецессий, де-факто государств и постсоветских

Политику по повышению статуса в рамках административно-территориального деления (от области к автономной области, к автономной республике, к ассоциированному государству) без декларации о выходе и, возможно, подчёркнутом сохранении в составе материнского государства, мы называем **автономизацией**. Политику государства-патрона, направленную на выход территории, населённой тем же этносом, для последующего присоединения к себе, – **ирредентизмом**.

Территориальные политии, реализовавшие сецессию успешно, мы будем называть **де-факто государствами**.

Члены ООН, которые оказывают патронаж сецессиям (военная поддержка, выдача собственных паспортов, дипломатическое признание и т.д.), именуются в данном исследовании **патронажными государствами** или **государствами-патронами**.

Территорию, административные или государственные границы которой признаёт материнское государство (область, автономная республика, ассоциированное государство и т.д.) и которая осуществляет политику сепаратизма или автономизации или в силу ряда факторов (превосходство нетитульного этноса, историческая традиция независимости или борьбы за суверенитет с материнским государством, лингвистическая и/или конфессиональная обособленность от него и т.д.) может сделать это потенциально, мы будем называть **государством-сегментом**.

Мы используем логику постимперского транзита для обозначения многовекторности возможных результатов при старте процессов оформления

конфликтов Сергей Маркедонов неоднократно подчёркивал, что не считает Аджарский и Панкисский случаи сецессиями ровно потому, что «выходящие» политии не декларировали подобных намерений. Ещё один контраргумент против нашего понимания сецессии можно найти у Павковича или Джеймса Крофорда, которые прямо пишут, что сецессия – это не только выход из территории и национального сообщества существующего государства, но и обязательно создание на этой территории нового государства См.: Pavkovic, A., Radan P. Creating new states: theory and practice of secession / A. Pavkovic, P. Radan. – Ashgate Publishing, Ltd., 2013. – P. 7; Crawford J. The Creation of States in International Law, (Oxford: Oxford University Press). 2006. – 851 . В такой трактовке, Панкисское ущелье или Кадарскую зону, конечно, нельзя считать не просто неуспешными сецессиями, но самими сецессиями в принципе. Их в данном случае следует именовать, например, серыми зонами государственности.

национальных государственностей из одной точки – государства Советский Союз. Успешная консолидация институтов и оформление эффективной государственной власти (state capacity в терминах западной транзитологии), автономизация не только национальных окраин, но и попытки регионов с очевидным титульным этносом реализовать планы по автономизации (Уральская республика – ярчайший пример), полный коллапс государственной власти и её подмена нелегальными акторами, дополненные гражданскими войнами сразу на нескольких уровнях: государственном – за власть, этническом – за территорию (случай Грузии), попытки бандформирований самостоятельно производить общественные блага, т.е. создавать альтернативную государству юрисдикцию (Панкисское ущелье), ужасающие военные конфликты как следствие борьбы за власть внутри сложносоставных государств (террористическая «Ичкерия»), успешные сецесии, обошедшиеся малой кровью из-за вмешательства патрона (ПМР и просуществовавшая день суверенная республика Крым) – конкретные кейсы, ставшие результатом влияния множества факторов распада СССР, с точки зрения национально-государственного строительства, можно называть долго. Перечисляем, чтобы доказать инвариантность финала процессов, имевших общий старт. Мощное переплетение трансформаций режима, экономики, национальных и государственных институтов – тех самых, что именуются «тремя-четырьмя транзитами» – и представляет собой ёмкий термин **постимперский транзит**, в рамках которого мы и рассматриваем стартовавшие сецессии. После определения понятий, используемых в исследовании, перейдём к анализу факторов, влияющих на постимперский транзит.

1.2 Условия политического развития на постсоветском пространстве: материнские государства

Мы воспринимаем Советский Союз как единое государство с признаками империи. Исследование условий (факторов) его распада является важнейшим для понимания сепаратистских тенденций в рассматриваемых регионах. В контексте крушения Советского Союза и обуславливаемых им характерных черт имперского наследия новых независимых территориальных политий необходимо рассматривать реализацию всех национально-государственных проектов на постсоветском пространстве (в т.ч. в виде непризнанных и частично признанных государств), независимо от степени успешности их результатов и стартовых условий.

Реальность существования советского институционального и аксиологического наследия в некоторых государствах постсоветского пространства признаётся не только теоретиками. В некоторой степени воссоздание советской модели экономической интеграции возможно и в политической практике – начало институционализации Евразийского экономического союза по инициативе президента Назарбаева. Как бы ни называли учёные и политики нынешние государства-бывшие члены СССР, новыми независимыми, постсоветскими, посткоммунистическими, постсоциалистическими государствами[63], в какие бы структуры и организованные программы они не оформлялись (от СНГ до «Восточного партнёрства», от ОДКБ до ГУАМ), насколько бы ни были далеки сейчас в своём развитии от состояния в 1990-1991 годах, стартовая точка становления их очередной (а в некоторых случаях – первой) формы суверенной государственности – распад СССР[64]. Как отмечает Е.Ю.

---

[63] Значительный обзор эквивалентов названия государств-бывших членов СССР в академическом дискурсе представлен в работе В.Г. Егорова Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Материк: Инф-аналитический портал. 28.07.2011. URL: http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=13513 (дата обращения: 24.01.2012).

[64] Для исследования стартовых условий постимперских транзитов Ч. Тилли предлагает «список к обсуждению» переменных, по которым может быть операционализована империя: размер и качество военной организации, специфика отношений между имперским центром и внешними державами, статус-кво на международной арене, степень неоднородности среди доминирующих сегментов, степень неравенства между центром и периферией, сущность

Мелешкина, распад любых имперских образований, включая Советский Союз, характеризуется общими последствиями: «Возрастает конкуренция между различными политическими, экономическими, культурными центрами, как внешними, так и внутренними, происходит деконсолидация границ различного рода. Субцентры и внешние центры пытаются выступить в роли преемников бывшего имперского центра, включая концентрацию ресурсов и легитимирующих ценностей. Это приводит к активизации разногласий между различными политическими силами, группами населения, к конкуренции публичных дискурсов относительно устанавливающих вопросов. Результатом такой ситуации является создание крайне неблагоприятных условий для укрепления центров новых государств, их легитимации, формирования стандартных универсальных норм и правил»[65].

Распад имперского образования определил ряд факторов, оказывающих влияние на процессы государственного строительства[66]. *Во-первых*, формализованное (интеграция в наднациональные структуры) и неформализованное (переход под влияние новых центров силы) включение в международные процессы в качестве самостоятельных акторов. С одной стороны, распад колониального мира порождал те же тенденции, когда новые государства, ранее бывшие имперскими колониями, вынуждено включались в международные отношений. С другой, отличительная особенность постсоветского пространства – жёсткая борьба крупнейших мировых игроков (России, США и КНР) за имперское наследие и включение постсоветских государств в зоны своего влияния. В нескольких из них именно опосредованная борьба между внешними акторами и их стремление включить новые страны в те политические и экономические наднациональные институты, где доминируют сами великие державы, были одними из важнейших факторов конфликтов и сецессий.

механизмов, используемых для прямого правления, поддержания экономической, политической и социальной организации. Подробнее см.: Tilly C. How Empires End // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/ Ed. By Barkey K., von Hagen M. – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 6.

[65] Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 138.

[66] О типах стратегий госстроительства подробнее см.: Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций в условиях этно-культурной разнородности: теоретические подходы и историческая практика // Политическая наука. – 2010. – № 1. – С. 8–28.

Новые независимые государства с низкой степенью государственной состоятельности (Грузия, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Молдова, Азербайджан, Армения) вместе с обретением нового статуса государства-члена ООН получили новую ответственность в виде самостоятельного управления территориями – без союзного руководства, силовых, материальных, природных ресурсов и относительно рационального их распределения по территории СССР.

Консолидация границ после распада СССР была объективно необходима – только 16% границ между бывшими республиками были реально нанесены на местности, остальные оставались «карандашными границами» на картах[67]. Новые независимые государства оказались неспособны охранять собственные границы. Эти функции были возложены на советских (и потом – российских) пограничников[68]. Российская же 14-ая армия в 1992 году остановила боевые действия во внутреннем конфликте молдавских властей и бойцов за независимость Приднестровья.

Некоторые бывшие республики, обретя возможность самостоятельно выбирать наднациональные образования и степень интеграции в них, устремились под протекторат мощных геополитических игроков[69]. Прибалтийские государства – в ЕС, Украина и Грузия – в НАТО. Обе в качестве основополагающего тренда внешней политики провозгласили полноценную (в финале – членство) интеграцию в ЕС.

---

[67] Никитин А.И. Конец «постсоветского пространства» // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006 / РАПН, гл. ред. А.И. Соловьёв. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 17.

[68] Последним под национальный контроль государственную границу взял Таджикистан в 2006 году. До этого 13 лет его государственные границы с Афганистаном и Китаем охраняли российские, узбекские и казахские пограничники.

[69] Те, в которых политики придерживались принципа рациональности, а не «сведения счётов» с бывшим центром империи, на протяжении лет и десятилетий балансировали между крупнейшими мировыми акторами – РФ и ЕС. Ярчайший пример – Украина и Белоруссия, президент которой маневрировал между Россией и Европой до тех пор, пока ему не запретили въезд в Европу, обвинив в диктаторстве. А.И. Миллер так описывал политику Украины при Л.Д. Кучме: «… с точки зрения интересов Украины эта политика была правильной. Правильной, с точки зрения интересов Украины, была политика Кучмы. Постоянно болтаться между, получать от России то, что можно получать, давать какие-то обещания и их не выполнять и ждать, когда будет благоприятная ситуация, чтобы все-таки пойти туда, куда хочется пойти, - в Европу». Подробнее см.: Ющенко терять уже нечего. Интервью с Алексеем Миллером // Полит.ру: интернет-журн. 03.01.2006. URL: http://www.polit.ru/article/2006/01/03/miller/ (дата обращения: 01.08.2012).

Киргизия, Узбекистан, Азербайджан и Белоруссия относительно умело лавируют между Россией и Западом, предоставляя свои территории то для военных баз, то для трубопроводов, то для реализации политических проектов конкурирующих на постсоветском пространстве акторов. Являясь самыми последовательными союзниками России, Белоруссия и Армения не настаивали на выводе российских войск со своих территорий. Белоруссия под давлением России лишилась монопольно-национального контроля над газотранспортной системой. Того же добивался «Газпром» на Украине.

Собственно, Россия никогда (вопреки стереотипам о «лихих 90-х») не оставляла постсоветское пространство без своего внимания. Это подтверждается, во-первых, структурой российской власти, в которой МИД (несмотря на наличие четырёх департаментов стран СНГ) занимался странами, окружающими Россию по «остаточному принципу», а основное внимание им уделялось со стороны профильных управлений АП. Во-вторых, российской активностью и в мирном развитии постсоветских стран, когда Россия участвовала в их внутренней политике, экономике, политике безопасности, и в конфликтах. В том или ином виде (официально/добровольцами/прокси) Россия участвовала во всех постсоветских конфликтах в разных ролях: поддержка одной из сторон, поддержка обеих сторон, модерация, посредничество, принуждение к миру, миротворчество.

Контекст существования большинства государств-сегментов бывших империй, российской и советской, за исключением стран Балтии, имевших опыт суверенных государств в межвоенный период, а также Казахстана, Туркменистана и собственно России (т.е. стран, очевидно, более других богатых природными ресурсами), обусловил сохранение низкого уровня их способности к самостоятельному управлению территориями. М.А. Троицкий и С. Чарап, говоря о процессах госстроительства, делают акцент не на слабой государственности, способствующей лавированию между крупными акторами, а самом факте её наличия, означающим «завершённость государственного проекта». Не столкнувшиеся с проблемой сепаратизма постсоветские государства «уже в достаточной степени защитили свой

суверенитет и в основном завершили проекты государственного строительства. Эти страны также доказали на практике свою способность противостоять в случае необходимости давлению как со стороны Москвы, так и Вашингтона»[70]. В качестве примера можно привести Узбекистан, который в 1992 и 2006 годах вступал в ОДКБ, а в 1999 и 2012 годах выходил из состава членов. Видимо, объективно мы должны признать параллельное существование и низкого уровня государственной статусности и состоятельности, и умелое использование их для временного союзничества с теми или иными крупнейшими игроками с целью извлечения собственных выгод – это возвращает нас к примеру из первого параграфа об отношениях в треугольнике «Куба – СССР – США».

Вторым фактором, определившим относительно невысокую степень государственной состоятельности постсоветских государств, являются особенности исторического развития их статусов и реальной мощи. Россия, Литва, Украина и Грузия не просто имеют опыт самостоятельного существования в качестве государств или близких к ним территориально-политических формаций, но и были субъектами, поглощающими и/или притягивающими другие политии. Коренное отличие постсоветских трансформаций от посткоммунистических заключается в том, что в странах ЦВЕ, несмотря на де-факто контроль со стороны СССР за госаппаратом, местные администрации, казначейства и суды находились под управлением национальных элит. В то время как большинство республик СССР было вынуждено заполнять «институциональный вакуум» в кратчайшие сроки после распада союзного государства[71]. В общую группу приобретших суверенную государственность можно отнести Белоруссию, Азербайджан, все среднеазиатские государства и Молдавию[72]. Безусловно, на их нынешних территориях иногда на протяжении веков

---

[70] Троицкий М.А., Чарап С. Игра с нулевой суммой // Независимая газета: интернет-журн. 13.10.2011. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-10-13/3_kartblansh.html (дата обращения: 24.01.2012).

[71] Fortin J. Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries // Comparative Political Studies. – 2011. – № 20. – P. 4.

[72] Молдавское княжество исторически располагалось на гораздо большей территории, консолидирующий центр находился не в Кишинёве, исторически эту политию нельзя рассматривать в отрыве от современной Румынии.

функционировали, периодически переходя под контроль различных империй, те или иные формы политического управления в виде царств, ханств, княжеств, провинций и т.п. Но в качестве управляемых территориальных политий в относительно современных границах и с нынешними политическими центрами все они институционализировались в рамках Российской и (в значительно большей степени) советской империй, являясь их провинциями. Длительная институциональная традиция их государственности попросту отсутствует. «Наиболее показательный пример в этом отношении – создание советских республик Средней Азии, границы которых были нарезаны произвольно, однако в отличие от административно-территориального деления африканского континента все-таки с учетом распространения языков экономической жизнеспособности регионов, клановой принадлежности и т.п.»[73].

Подобная вольная «нарезка» государственных границ частично компенсировалась национальной политикой формирования единой исторической общности – советского народа. С распадом СССР и предшествующими ему событиями территориальные, национальные и этнические противоречия вылились в конфликты. Но даже в условиях их завершения эти противоречия крайне сильно препятствуют реализации национальных проектов (*третий фактор*). Как пишет Ф. Рёдер: «Все постсоветские государства выбросили за борт миф об общности советских людей или этнически индифферентном рабочем классе. В декларациях суверенитета и независимости, в большинстве конституций они объявили, что их государства стали реализацией собственной национальной потенции к государственной статусности»[74].

С учётом бурных проявлений этнического национализма национальные меньшинства (как правило, русские) по-прежнему не могут быть встроены в национальные проекты стран Балтии (большая часть русских меньшинств не

---

[73] Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций в условиях этно-культурной разнородности: теоретические подходы и историческая практика // Политическая наука. – 2010. – № 1. – С. 20.

[74] Roeder P.G. Where Nation-States Come From. Princeton University Press, 2007. P. 36.

участвует в национальных выборах, что некоторыми учёными именуется этнодемократией)[75]. На Украине они часто играют роль «чужого», «москаля» для населения западных регионов – даже президентство В.А. Зеленского, от которого ждали объединения страны, не остановило государственный тренд на сужение пространства использования русского языка и использование образа официальной Москвы как основного врага страны. Русский язык на Украине перестал быть предметом торга между политическими элитами центра и регионов. В Молдавии при её неопределённости в вопросах объединения с Румынией и вступления в ЕС не учитываются интересы де-факто государства Приднестровья. В Грузии пусть и на общем толерантном фоне отношения к русским язык стал факультативным и постепенно вытесняется из общения. Безусловно, одной из причин такого отношения к русским является их бывший статус «главного народа» империи – как пишет Ч. Тилли, «подчинённое население сохраняет самобытность, воспоминания и обиды»[76].

Совет по внешней и оборонной политике оценивает число «меньшинств, живущих вне национальных отечеств в 50-55 млн. человек, в т. ч. 20-25 млн. русских», что предполагает развитие «комплекса разделённой нации»[77]. Формирование наций-государств в отличие от консолидации территориальных границ, в большинстве постсоветских стран завершившегося, – крайне длительный и сложный процесс, особенно с учётом декларируемой приверженности ценностям демократии, политическим правам и свободам, развитости интернета. Теперь крайне сложно сформировать единую общность народов в границах каждого из новых независимых государств. Тренду государственной информационной политики мирного и толерантного сосуществования разных этносов в рамках единой нации будет противостоять открытость интернета – в т.ч. для реализации крайне радикальных

---

[75] Tsygankov A.P. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // Communist and Post-Communist Studies. – 2007. – Vol. 40, № 4. – P. 428.

[76] Tilly C. How Empires End // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/ Ed. By Barkey K., von Hagen M. Boulder, Oxford: Westview press, 1997. P. 4.

[77] Возродится ли Союз? Будущее постсоветского пространства // Совет по внешней и оборонной политике: [сайт]. 23.05.1996. URL: http://www.svop.ru/public/docs_1996_5_15_1351675985.pdf (дата обращения: 24.12.2011).

националистических проектов, провокаций на религиозной, этнической, национальной почве: радикальные националисты, например, и в России, и на Украине из подполья ушли в Интернет и именно там в закрытых группах обсуждают собственную повестку и акции.

Ослабление институтов центральной власти в рамках перестройки, несогласованные действия громоздкого аппарата управления, во главе которого люди с «новым мышлением» принимали решения, исполняемые на местах партработниками с прежним сознанием, потепление политического климата в отсутствие эффективных институтов для разрешения противоречий («либерализация без демократизации») привели в процессе распада Советского Союза и много позже него к многочисленным политическим конфликтам (*четвёртый фактор*), повлекшим боевые столкновения и жертвы (см. табл. 1).

Таблица 1 – Политические конфликты 1991-2020 годов на постсоветском пространстве

Год	1986	1989	1990	1990, 1992-1997	1991	1991-1993	1991	1991, 1993, 1994-1997, 1999-2007	2010
Страна	Казахстан	Грузия	Азербайджан	Таджикистан	Литва	Грузия	Латвия	Россия	Киргизия
Событие	Боестолкновения между властями и различными оппозиционными силами – Желтоксан	Тбилисские столкновения («сапёрные лопатки»)	«Чёрный январь» в Баку	Массовые беспорядки года в Душанбе, переросшие в кровопролитную многолетнюю гражданскую войну	Январские события в Вилнюсе	Гражданская война	Мятеж рижского ОМОНа	Августовский, октябрьский штурм Белого дома, две чеченских войны	Гражданская война между силами К. Бакиева и Р. Отунбаевой

Эскалации этих конфликтов уже после крушения советской империи способствовало отсутствие институциональной традиции суверенной государственности в большинстве постсоветских государств. Новые институты

неконсолидированных политических режимов были несостоятельны для решения конфликтов, а прежнего сильного авторитарного режима, если и не разрешающего конфликты, то имеющего ресурсы для сохранения их латентного характера, уже не существовало.

В этих условиях отсутствие согласия по устанавливающим вопросам и неспособность элит консолидировать массы является *пятым фактором*, обуславливающим развитие государственности на постсоветском пространстве. Для успешного государственного строительства оказываются необходимыми не только реальная история независимого существования территориальной политии, но и (в условиях сконструированной в эпоху постмодерна гиперреальности) понимание и трактовки истории и степень консолидации элит и населения относительно них. С учётом необходимости формирования для новых независимых государств новой государственной и национальной идентичности, механизм трактовки (а в некоторых случаях – фальсификации) истории стал одной из основ легитимизации для новых государственных образований постсоветского пространства.

Межэтнические и в меньшей степени межнациональные конфликты (см. табл. 2) являются *шестым фактором* государственного строительства после распада советской империи. Начавшись ещё в рамках коллапсирующего СССР, в условиях ослабления и разрушения институтов центральной власти и, соответственно, обострения межэтнических, межнациональных, культурных и исторических противоречий, в 8 из 15 бывших ССР они вылились в длительные боевые действия. Ещё в двух новых независимых государствах острые межнациональные и межэтнические конфликты не перешли в острую фазу и до сих пор имеют тлеющий характер[78].

Таблица 2 – Межэтнические и межнациональные конфликты 1991-2020 годов на постсоветском пространстве

[78] В Эстонии и Латвии – между гражданами и негражданами, которые в большинстве представляют русские.

Год	1991-1993 (по н.вр.)	1991-1992, 1992-1993, 2008	1992	1994-1997 1999-2007	1989	1989	1989-1990	1990	1990	1990	1992
Страны	Армения и Азербайджан	Грузия, РЮО, РА	ПМР, РМ	Россия	Казахста	Грузия	Узбекиста	Азербайджа	Киргизи	Молдави	Россия
Событие	Война армян и азербайджанце за Нагорный Карабах	Грузино-абхазский конфликт, грузино-южноосетински конфликт, в т.ч. войны	Придне-стровски конфлик	Войны в Чечне	Ново-узенская резня	Сухумские волнения и поход З..Гамсахурди на Цхинвал	Ферганск события 1989 года, еврейско-армянские погромы в Андижане	Армянски погромы в Баку	Ошская резня	Марш М. Друк на Гагаузи	Столкнове-ния между осетинами и ингушами в Пригородном районе Северной Осетии

Очевидно, что любые вооружённые столкновения внутри страны (вплоть до гражданских войн) препятствуют и обретению государственной состоятельности после формального закрепления статусности, и формированию государственной и национальной идентичности. Эти конфликты нередко были одним из инструментов и результатом сецессионной политики отдельных частей новых постсоветских государств. «Крах советских империй – как внутренней (разрушение самого Союза), так и внешней (освобождение стран ЦВЕ от политической опеки Москвы), – открыл шлюзы для свободного плавания «молодых демократий», идеология которых основывалась на принципе этнонационального самоопределения. С момента приобретения независимости новые суверенные государства осуществляли явную или в скрытую конвертацию принципа территориальной целостности в принцип права наций на самоопределение. Сдержки и противовесы были принесены в жертву делу «национального строительства»[79].

Процесс распада СССР породил значительное количество сецессий и госпроектов, 15 из которых оказались признанными мировым сообществом – все бывшие «сёстры-республики» получили статус государств-членов ООН. Однако наряду с процессом формирования национальных государств на фоне распада

[79] Маркедонов С.М. СНГ-2. Феномен непризнанных государств на постсоветском пространстве // Кафедра стран постсоветского зарубежья РГГУ: [сайт].10.09.2006. URL: http://www.postsoviet.ru/publications/21/ (дата обращения: 25.01.2012).

империи, параллельно шли процессы самоопределения АССР, в рамках РСФСР получившие название «парад суверенитетов»[80]. Он нашёл выражение в принятии деклараций о государственном суверенитете автономных республик, округов и даже областей, а также декларировании образования[81] суверенных национальных/многонациональных государств[82], большинство из которых, однако, признавали свою субъектность в составе СССР и РСФСР (наибольшего успеха в сецессии добилась непризнанная Чеченская республика Ичкерия, де-факто независимая от России с 1991 по 2000 годы[83]).

Стремление многих формально непризнанных центров к самостоятельному существованию – *седьмой фактор* государственного строительства на постсоветском пространстве. Как и в случае с этническими, национальными и политическими вооружёнными конфликтами он самым очевидным образом затруднял формирование полноценной государственности в рамках некоторых постсоветских государств, отдельные части которых не признавали верховенства их права над своей территорией, их монопольного права на насилие на ней, вводили в оборот собственные денежные знаки[84].

---

[80] Отчасти он был спровоцирован попытками союзного руководства реализовать «план автономизации»: поднять статус автономных республик в составе РСФСР до союзного, чтобы создать новый Союз из 35 республик (15 ССР и 20 бывших АССР) без права субъектов на сецессию. Шахрай С.М., Станских С.Н. Мифы и факты о распаде Советского Союза // Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). Том I. Нормативные акты. Официальные сообщения / Под. общ. ред. С.М. Шахрая. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 62.

[81] Адыгея, Корякский, Коми-Пермяцкий, Ямало-Ненецкий, Горно-Алтайский автономные округа, Иркутский регион.

[82] Коми, Калмыкия, Татарстан, Башкирия, Чувашия, Бурятия, Северная Осетия, Марий Эл и др.

[83] Подробнее о создании «чеченского государства» см.: Against overwhelming force: Chechnya's attempt to secede from Russia // Pavković A., Radan P. Creating new states : theory and practice of secession. – Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2007. – P. 109–118.

[84] Помимо России сецессии начались в Азербайджане (Нахичеванская АССР, Нагорный Карабах), Грузии (Абхазия, Южная Осетия, в 2003-2004 годах – Аджария), Украине (Крым), Молдавии (Приднестровье и Гагаузия), из которых нагорно-карабахский, абхазский, юго-осетинский и приднестровский казусы можно считать относительно успешными, поскольку на этих территориях были сформированы непризнанные и частично признанные государства (из всех указанных госпроектов только Аджария и Нахичевань не объявляли себя суверенными государствами). О непризнанных государствах на постсоветском пространстве см.: Rywkin M. The Phenomenon of Quasi-states // Diogenes. – 2006. – Vol. 53, № 2. – P. 23–28.

Пространство распавшейся империи в условиях набирающего обороты сепаратизма, противостояния многочисленных официальных и ещё большего числа непризнанных центров, при их центробежных устремлениях и рассогласованных действиях, – несомненно привлекало крупнейших геополитических игроков. С учётом восприятия США самих себя как победивших в холодной войне, а ОВД и СССР как проигравших, постсоветское пространство стало местом активной борьбы национальных интересов постсоветских государств и самых влиятельных акторов международных отношений за «наследство империи». Такую борьбу можно считать *восьмым фактором*, влияющим на процессы государственного строительства на её бывшей территории. «В 1990-е годы Вашингтон прежде всего стремился укрепить новообретенный суверенитет постсоветских стран. В те времена Соединенные Штаты исходили из того, что интересам их безопасности соответствовало сохранение на месте Советского Союза большого числа независимых государств»[85].

Наиболее явственными примерами непосредственного политического влияния Запада (США, ЕС и НАТО) на развитие государственных и национальных проектов на постсоветском пространстве является финансовая, образовательная, технологическая и медийная поддержка оппозиционных сил в некоторых постсоветских государствах. Это ярче всего нашло отражение в результате т.н. цветных революций – *серии разрешённых политических кризисов, сформированных объективными обстоятельствами – поддержанных Западом под предлогом нелегитимных выборов мирных смен (путём акций гражданского неповиновения, митингов, забастовок и т.п.) прежних гибридных режимов на проамериканские и проевропейские силы в Грузии (2003 год), на Украине (2004 год) и в Кыргызстане (2005 год), которые повлекли повышение уровня политической конкуренции и степени плюрализма, но в значительной степени ослабили институты государственной власти*[86].

---

[85] Троицкий М.А., Чарап С. Игра с нулевой суммой.

[86] Необходимо отметить, что Запад не инспирировал «цветные революции», как это часто представляется российскими официальными лицами и медиа. Их причинами стали объективные противоречия в географическом, историческом, политическом, этническом, культурно-

«Розовая», «оранжевая», «тюльпановая» «революции», соответственно, привели к свержению персоналистских режимов Э.А. Шеварнадзе, Л.Д. Кучмы и А.А. Акаева. Во всех трёх государствах после победы т.н. демократических сил начались политические кризисы, так или иначе приведшие к снижению степени государственной состоятельности. При президенте М.Н. Саакашвили Грузия окончательно потеряла Абхазию и Южную Осетию (хотя и добилась полного подчинения Аджарии). В результате политики президента В.А. Ющенко на Украине обострились национальные, исторические, культурные и языковые противоречия, усиливающие её регионализацию и препятствующие формированию национальной идентичности. Второй майдан и президентства А.О. Турчинова и П.А. Порошенко стали одними из факторов потери Крыма и войны на Донбассе. Противостояние изгнавших президента А.А. Акаева сил Р.И. Отунбаевой и бывшего президента К.С. Бакиева привело к необходимости вмешательства войск ОДКБ с тем, чтобы остановить гражданскую войну (власть «тюльпановой революции» 2005 года была свергнута властью «народной революции» 2010 года).

Однако слабость новых государств после распада СССР способствовала снижению степени контроля над территориями не только горизонтально (географически), но и вертикально (в политическом пространстве). С официальными, а также непризнанными, но обладающими относительным контролем над территориями центрами конкурировали не только международные акторы, но и субъекты внутренней политики («олигархи», группы давления, собственные чиновники, криминалитет, «ветераны АТО», добровольческие батальоны и пр.). Эта конкуренция породила высокую степень «приватизации государства» – *девятый фактор* реализации государственных проектов.

Советское институциональное наследие обусловило появление неопатримониализма в политической практике постсоветских государств,

---

лингвистическом развитии «революционных» стран. Они стали местом практической реализации технологий «гибкой силы» и ненасильственного сопротивления режимам, которые в противовес влиянию Запада на Украине использовала и Россия (в Грузии она играла роль третьей силы при переговорах сторон конфликта).

характеризующегося наличием высокого уровня коррупции и лоялизма по отношению к «первому лицу», формированием связей «патрон-клиент», кумовству в органах власти, доминированию неформальных практик над формальными процедурами – *десятый фактор* – режимный. По мнению А.А. Фисуна, постсоветские неопатримониальные режимы делятся на две группы. Первая – султанистские режимы (Азербайджан, среднеазиатские государства, Беларусь), где главы государств установили персоналистский контроль над политикой и бизнесом с помощью стимулов и вознаграждений. Вторая – олигархическо-патримониальные режимы (Россия, Грузия, Украина. Армения, Молдова), в которых произошёл «захват государства» рентоориентированными экономическими игроками в союзе с неопатримониальной бюрократией[87]. Одной из основных причин формирования неопатримониальных режимов согласования интересов бюрократии, предпринимателей и высших должностных лиц, контролирующих силовые структуры, был связующий всех трёх акторов механизм коррупции. Несмотря на значительную разницу в политической практике каждого из постсоветских режимов, с точки зрения трёх переменных консолидации/деконсолидации, автократии/демократии, слабой/сильной государственности[88], их можно объединить в группы:

1) персоналистские наследственные в Азербайджане, Казахстане, Туркменистане и Белоруссии (везде, кроме Туркмении, относительно высокий уровень государственной состоятельности), причём наследственность не означает, что

---

[87] Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. – 2007. – № 6. – С. 25.

[88] Данное исследование развивает темы, рассмотренные в наших предыдущих академических и экспертных работах, поэтому мы не аргументируем подробно взятые за аксиому тезисы о методологии трёх переменных транзита и их итогах. Методология (авторская операционализация государственной состоятельности, статусности и идентичности) подробно представлены здесь: Токарев А.А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1991-2014 годах: монография – 312 с. Результаты прикладных исследований, позволяющих сравнить страны постсоветского пространства по уровню государственной состоятельности и качеству режимов, можно найти здесь: Токарев А.А. Жизнь не по-советски // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 10.02.2014. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2400983 (дата обращения: 20.06.2020); Его же. Режимные субъекты // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 24.02.2014. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2411281 (дата обращения: 20.06.2020).

преемник обязательно имеет кровное родство с предшественником, или отсутствие борьбы за пост;

2) конкурентные олигархические с высокой степенью политического участия и приватизации государства нелегитимными и даже нелегальными акторами и слабой государственностью (Грузия, Молдавия, Украина);

3) консолидированная автократия с сильной государственностью (Узбекистан); неконсолидированная демократия со слабой государственностью (Киргизия);

4) неконсолидированная демократия с высоким уровнем политической конкуренции и сильной государственностью (Армения);

5) консолидированный гибридный режим с сильной государственностью (Россия). Ни один из постсоветских режимов не стал консолидированной демократией, органично дополненной сильной государственностью.

В итоге перечислим все факторы, влиявшие на государственное строительство после распада Советского Союза: включение постсоветских государств в международные отношения; одновременное движение навстречу крупнейших геополитических игроков, «делящих наследство» империи; боестолкновения, влекущие жертвы, причиной которых были и остаются этнонациональные и политические конфликты; крупные национальные меньшинства, препятствующие реализации национальных проектов; наличие значительного числа сецессий; качество и длительность институциональной традиции суверенной государственности; стратегическая субъектность элиты и степень консолидации в т.ч. масс по устанавливающим вопросам; режимные трансформации в рамках трёх транзитов: государственности, собственно институтов режима и степени их консолидации.

1.3. Автономизм и сепаратизм на постсоветском пространстве. Факторы транзита

После рассмотрения общих факторов для суверенных государств постсоветского пространства, признанных всеми членами ООН, спустимся на уровень ниже, дабы исследовать факторы распада уже самих этих государств. Изучение постимперского транзита как процесса с общей стартовой точкой, но различными траекториями и результатами ставит очевидный вопрос: «Почему одни политии смогли осуществить сецессионистские проекты, другие стремились максимум к автономизации, а третьи были полностью подавлены материнскими государствами?» Нас интересует, почему в рамках одних и тех же государств территориальное развитие похожих единиц шло по-разному: почему Приднестровье стало подлинно независимым, а Гагаузия была реинтегрирована Кишинёвом? Почему Абхазия и Южная Осетия были признаны несколькими членами ООН, Аджария вернулась в конституционное пространство Грузии, а Джавахетия не получила требуемой автономии? Почему, несмотря на высочайший уровень ненависти с обеих сторон и реальные боевые действия, Чечня смогла стать территорией России, а чеченский народ получить шанс на мирное развитие в рамках российской нации? Почему иррендента в Крыму оказалась успешной, а в северных районах Казахстана не оформлялась политически? Почему Каракалпакстан (автономная республика) остался в составе Узбекистана, а НКР (автономная область) вышла из состава Азербайджана? Наконец, почему Л/ДНР оказались точкой горячего конфликта, несмотря на отсутствие и автономии, и религиозных, и этнических противоречий? Подчеркнём, что не будем разбирать здесь все конфликты, ставшие причиной или следствием распада СССР (например, гражданскую войну в Таджикистане, Ферганские погромы), поскольку в данном случае нас интересует не любые этнические или религиозные противоречия, а лишь те, где территориальные

политии заявляют/осуществляют действия, направленные на выход (сепаратизм) или повышение статуса (автономизация).

В отношении Узбекистана речь о сепаратизме, как правило, идёт в связи с Каракалпакстаном – автономной республикой в составе страны. Каракалпаки – тюркская народность, имеющая собственный язык, ведущая осёдлый (не кочевой) образ жизни и проживающая на территории современного Каракалпакстана несколько сотен лет (как минимум уже в составе Российской империи с 1873 года как часть Туркестанского края)[89].

С 1917 по 1920 годы территория нынешнего Каракалпакстана входила в состав возрождённого Хивинского ханства. В это время восстания случались, но не имели этнических причин, как, например, в Абхазии или Южной Осетии, будучи проявлениями идеологических противоречий между большевиками и властями ханства. По итогам восстаний была провозглашена Хорезмская народная советская республика, позднее поделённая между Узбекской и Туркменской ССР, а также Каракалпакской автономной областью РСФСР. До 1936 года уже Каракалпакская АССР входила в состав РСФСР, после вошла в состав Узбекской ССР. Таким образом лишь с 1936 по 1991 годы территория Каракалпакстана формально подчинялась Ташкенту. В середине века каракалпаки выражали желание получить «собственную» союзную республику, но оно не было реализовано. В 1990 году Каракалпакстан принял декларацию о государственном суверенитете, а в 1993 году подписал межгосударственный договор о вхождении в состав уже независимого Узбекистана, став в его составе автономной республикой и таким образом не реализовав сецессию, Референдум, который должен был решить судьбу территории, не состоялся. Подчеркнём, что в случае Каракалпакстана возможен не только выход, но и ирредентизм, т.е. попытка присоединиться к Казахстану и более близким казахам и киргизам (первые

[89] Долгое время до вхождения в состав империи каракалпаки находились под властью хивинских ханов и не имели самостоятельной государственности. См. подробнее: Тревер К.А., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э. История народов Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. – С. 188–193.

занимают третье-четвёртое по численности место в Каракалпакстане). Собственно, в отдельных действиях Астаны можно увидеть попытки ирредены: «вбросы» в масс-медиа информации о том, что каракалпаки – казахский субэтнос, а их язык – диалект казахского[90]. Ещё одно направление выхода – сближение с Россией, в составе которой Каракалпакстан существовал непродолжительное время на заре советского периода, но с которой автономия не имеет общей границы. Особенно данный тренд проявился в 2014 году после крымских событий: часть общественных активистов движения «Алга, Каракалпакстан» заявляли о возможном присоединении к России, но не были поддержаны населением[91]. В целом крайне низкий уровень жизни, слабая вовлечённость каракалпакских элит в управление Узбекистаном, историческая память об автономии и о жизни в составе другого государства являются предпосылками для центробежных процессов, но новое руководство Узбекистана купирует их: помимо чисто символических жестов (во время президентской кампании Шавкат Мирзиёев назвал себя «сыном узбекского и каракалпакского народов»), власти пытаются улучшить социально-экономическое положение региона и снизить уровень его радикальной исламизации[92]. Кроме каракалпаков проблемы на межнациональной почве Узбекистан традиционно испытывает со стороны таджиков – второго по численности этнического меньшинства страны. Однако с учётом отсутствия у таджиков статусно обусловленной автономии конкретных политических черт таджикский сепаратизм не обретал.

Казахстан после распада СССР несколько раз привлекал внимание аналитиков в связи с ростом сепаратистских (в форме ирредены) настроений русских в северных регионах страны. Но в связи с унитарной формой

---

[90] Малиновский А. Узбекские сепаратисты: каракалпаки // Спутник и Погром. Интернет-изд. 20.05.2017. URL: https://sputnikipogrom.com/society/71973/the-karakalpaks/ (дата обращения: 20.06.2020).

[91] Алга, Каракалпакстан! // Lenta. Ru: интернет-изд. 10.06.2014. URL: https://lenta.ru/articles/2014/06/10/karakalpakstan/ (дата обращения: 27.04.2020).

[92] Как Шавката Мирзиёева чуть не разорвали в Каракалпакстане // Центр – 1: интернет-изд. 23.01.2017. URL: https://centre1.com/uzbekistan/kak-shavkata-mirziyoeva-chut-ne-razorvali-v-karakalpakstane/ (дата обращения: 27.04.2020).

административно-территориального устройства в Казахстане нет внутренних границ потенциально сепаратистских областей и, соответственно, нет государства-сегмента, которое могло бы осуществить выход. Границы Казахстана консолидированы – его территория исторически не расширялась за счёт земель других государств, т.е. отсутствует историческое обоснование для выхода, как, например, в случае НКР по отношению к Азербайджану. Кроме того, казахстанские власти эффективно боролись с сепартистскими проявлениями, после 2014 года и реинтеграции России с Крымом ужесточив уголовное наказание за призывы к сепаратизму. В целом можно отметить, что к исходу третьего десятка лет существования независимого Казахстана там сформировалась политическая нация, в которую интегрированы русские. Это ещё одна причина, по которой проявления сепаратизма в стране крайне маловероятны.

Киргизия имеет явно выраженные сепаратистские устремления узбекской общины, компактно проживающей в Ошской и Джелал-Абадской областях. В 1990 и 2010 годах они вылились в вооружённые столкновения, но не привели ни к повышению уровня автономии, ни к сецессии. Одного из идеологов событий 2010 года власти обвиняли ровно в попытке создать узбекскую автономию на юге страны[93]. Оба раза представители узбеков, не объединённые в организованные политические движения, требовали создания автономии и повышения статуса узбекского языка. При этом опыт узбеков в Киргизии нельзя считать сепаратистским, поскольку, во-первых, не было единой политической силы, отстаивающей ценности сецессии, во-вторых, протестующие в большинстве своём не требовали выхода. События в Оше 1990 и 2010 годов имеют бытовой и националистический оттенок, но не политический.

Ярче сепаратизм проявился в Таджикистане, где с 1992 по 1997 годы существовало де-факто государство – Республика Горный Бадахшан. Недавно вышедшая книга, посвящённая де-факто государствам Евразии, упоминает его

[93] Жолдошев К. Реальна ли угроза сепаратизма в Кыргызстане? // Радио Азаттык: [сайт]. 11.06.2012. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_uzbek_alisher_sabirov/24610631.html (дата обращения: 27.04.2020).

единожды как «забытый островок международного порядка», но никак не де-факто государство[94] - интерес к этому региону в академической литературе заметно меньше, чем к европейской и кавказской частям постсоветского пространства. Самопровозглашённая на территории государства-сегмента – автономной Горно-Бадахшанской области, переданной в состав Таджикской ССР Москвой в 1925 году, «республика», населённая нетитульным таджикским этносом[95], выражала намерения войти в состав России, а российский рубль был одной из местных валют. Суверенитет был провозглашён парламентом региона, но не был признан парламентом страны. Таджикский случай сецессии на Памире был успешен по сравнению с прочими центрально-азиатскими в т.ч. потому что существовала оформленная политическая сила, отстаивавшая ценность сецессии, а центральная власть не имела достаточно состоятельности (в стране шла гражданская война), чтобы реинтегрировать ГБАО силой. Но несмотря на наличие государства-сегмента, сецессия не увенчалась успехом, поскольку не имела государства-патрона – как минимум, по географическим и этническим причинам (Россия не граничит с ГБАО, русские не являются доминирующим этносом).

Сепаратизм в Азербайджане включает в себя не только де-факто государство НКР (его, а также Абхазию, Южную Осетию, ПМР и Л/ДНР мы рассмотрим подробно в следующих главах диссертации), но и существовавшее несколько месяцев 1993 года де-факто государство Талыш-Муганская автономная республика (ТМАР). По своему генезису оно было, скорее, проявлением вооружённого переворота под руководством офицеров-талышей азербайджанской армии, повторяющих опыт аналогичных выступлений в Гяндже – втором по величине городе Азербайджана – на фоне падения легальной власти в центре

---

[94] De Facto States in Eurasia. Edited by Tomáš Hoch and Vincenc Kopeček. – Routledge Contemporary Russia and Eastern Europe Series. – 2019. – P. 33-34.

[95] Речь идёт о совокупности памирских народов. См. подробнее: Ахмедов С. Конфликты в Таджикистане: причины и последствия // под общ. ред. Коппитерс, Б., Малашенко, А., Тренин, Д. – Москва: Весь мир, 1997. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/akhmedov.htm. (дата обращения: 20.06.2020).

страны. С одной стороны, требований в отношении выхода из Азербайджана ТМАР не заявляла, ограничиваясь исключительно попыткой установить талышскую автономию. Собственно, лидеры ТМАР провозгласили её автономной республикой в составе Азербайджана. С другой, центральные власти (в Баку в это время был военно-политический кризис) не контролировали Ленкорань и прилегающие районы, подчинявшиеся командованию военной части, выгнавшей легальное руководство города. Отсутствие государства-патрона, жёсткого этнического противостояния между азербайджанцами и талышами, однозначной привязки этнического самосознания талышей к достижению территориального суверенитета или воссоединению разделённого народа (часть талышей проживает в Иране), а, следовательно, малая популярность проекта ТМАР даже у талышского населения, отсутствие государства-сегмента, как территориально-политического проекта, способного заявить права на выход[96], отсутствие исторической памяти о существовании жёстко оппонирующего соседям национально-территориального проекта (Талышское ханство было мирно включено в состав Российской империи в 1809 году, а 50 лет спустя передано в состав Бакинской губернии) – обусловили мягкую реинтеграцию самопровозглашённого государства Азербайджаном. Нахичеванская АССР изначально декларировала свой суверенитет в составе Азербайджана и после распада СССР лишь подтвердила свой автономный статус, не реализуя сепаратистских устремлений.

Вероятно, наименее подверженной сепаратизму постсоветской страной оказалась Армения. Вследствие того, что она является моноэтничной, монорелигиозной, монолингвистической (98% населения страны составляют армяне), страной, а у меньшинств нет государств-сегментов , причин для попыток автономизации или сепаратизма просто нет.

---

[96] Один из идеологов талышского национального движения, стоявший у истоков ТМАР, однозначно высказывается в пользу создания независимого государства Талышистан, что не находит поддержки у самих талышей. См. подробнее: Абосзода Ф. 20-летие Талыш-Муганской Республики: что дальше? // ИА REX: интернет-журн. 08.08.2013. URL: http://www.iarex.ru/articles/39761.html (дата обращения: 20.06.2020).

В Белоруссии сепаратизм не был значимо представлен на практике. На волне национального подъёма в конце 80-х белорусский историк Николай Шелягович пытался «вырастить в пробирке» искусственную нацию с отдельным языком – ятвяги на территории Полесья[97]. Он даже принял участие в президентских выборах, но успеха не имел. Во время Великой Отечественной войны в нескольких сёлах имели место оформленные попытки самоопределения в форме коллаборации с вермахтом, но поскольку ни политической организации, ни отдельного языка или этноса, ни длительной истории самостоятельной государственности эти образования не имели, их «сепаратизм» носил предельно искусственный характер. Вопрос о том, считать ли решение жителей отдельного села с сектантским уклоном («Республика Зуева») не воспринимать себя более гражданами СССР реальным проявлением сепаратизма, остаётся открытым.

После обретения независимости в 1991 году Грузия не смогла консолидировать территорию и административные границы. М. Малек описывает центробежные тенденции как приведшие к формированию «внутренней Грузии»[98]. «В 90-е годы государство практически отсутствовало не только в РА и ЮО, но и в Аджарии, Джавахетии и Панкисском ущелье»[99]. Аджария – автономная республика в составе Грузии – никогда не провозглашала выход из состава страны, но с 1991 по 2004 годы фактически не подчинялась Тбилиси, имея как собственные вооружённые формирования, поддерживаемые российской военной базой, так и ведя свободную экономическую деятельность (Тбилиси не контролировал таможню и границы Аджарии). Искусная политика правителя автономии Аслана Абашидзе позволила без излишней агрессии в адрес грузинского конституционного устройства конвертировать поддержку России, пограничный статус своей автономии, наличие субэтноса с отдельной мусульманской верой в статус де-факто

[97] Это история: где и когда в Беларуси были свои сепаратисты // Журнал Большой: [сайт]. 12.09.2014.URL: https://bolshoi.by/power/separatistskie-istorii-v-belarusi/ (дата обращения: 20.06.2020).
[98] Malek M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework // Transition Studies Review. – 2006. – № 13. – P. 453.
[99] Cornell S.E., Nilsson N. Georgian Politics since the August 2008 War // Demokratizatsiya. – 2009. – Vol. 17, № 3. – P. 252.

независимой от действий Тбилиси политии. Формально Аджария, особенно с учётом фиксации в конституции Грузии её статуса автономной республики, не является случаем сепаратизма. Аджарский политический класс был частью грузинского, партия Абашидзе занимала второе место по численности в парламенте, а сам он числился вице-спикером. Как говорит Сергей Маркедонов, «политика Абашидзе, это попытка создать не анти-Грузию, а альтер-Грузию. Это попытка защититься от хауса в Тбилиси, а не выйти из состава государства. Частный, персоналистский, партикулярный режим, а не сепаратизм, конечно, и даже не автономизм»[100]. Но мы полагаем, что 14 лет автономия была несамопровозглашённым де-факто государством, которое не объявило о своём выходе, но по сути реализовало его, сохраняя важные символы для грузинского правительства вроде денежной системы. В соответствии с тезисом Френсиса Фукуямы (сильная государственность – способность государства направить вооружённого человека в форме в любую точку страны) Аджария была де-факто государством.

Одной из основных проблем для грузинских границ в 90-е годы была обстановка в Чечне. С учётом её неподконтрольности российскому руководству чеченские бандгруппы регулярно проникали на территорию неспособной обеспечить непроницаемость границы, Грузии, укрываясь в грузинской части Панкисского ущелья[101]. Также с 1992 по 1995 год на других грузинских территориях действовало до 50 неподконтрольных центральному правительству вооружённых формирований[102].

Проблемной с точки зрения внутренней статусности государства грузинской территорией является Джавахетия, абсолютное большинство (до 90%) населения которой составляют армяне[103]. Первым языком является армянский, вторым – русский

[100] Интервью автора с С.М. Маркедоновым. 24.10.2019.
[101] О чеченском участке российско-грузинской границы см.: Gachechiladze R. Geopolitics in the South Caucasus: Local and External Players // Geopolitics. – 2002. – Vol. 7, № 1. – P. 124.
[102] Malek M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework // Transition Studies Review. – 2006. – № 13. – P. 455.
[103] Guretski V. The Question of Javakheti // Caucasian Regional Studies. – 1998. – Vol. 3, № 1. – P. 2.

(вместо грузинского)[104]. Сепаратистский потенциал области, конечно, несравним с абхазским или юго-осетинским случаями, однако частично может быть сопоставлен с нагорно-карабахским (обе территории находятся в республиках, граничащих с Арменией, обе – недалеко от армянских границ, в обеих армяне составляют абсолютное большинство, кроме того, «центробежные тенденции в Джавахетии, как и в Абхазии с Осетией, поддерживала Москва с целью влиять на Грузию»[105]). Общественные организации Джавахетии неоднократно поднимали вопрос о получении автономии края в составе Грузии. Он не получил ответа. Сепаратистский потенциал не был реализован, во многом потому что грузинские власти не применяли силу против негрузинского населения (как в Абхазии и ЮО), а официальное армянское руководство не поддерживало выход Джавахетии из состава Грузии, дабы не дублировать собственные проблемы из-за конфликта в НКР. Максимум межэтнической напряжённости наблюдался за пределами области. Армяне из Джавахетии участвовали в боестолкновениях против грузинских войск в составе «батальона Баграмяна» в Абхазии в войне 1992-1993 годов. В 1997 году активисты общественной организации «Джавакх» собирали подписи под обращением к парламенту Грузии с требованием упразднить «неконституционную область Самцхе-Джавахетию» и «наделить Джавахетию адекватным территориальным статусом в составе Грузии». В августе 2008 года после окончания боевых действий, подчёркивая территориальную целостность Грузии, армянские организации Грузии заявили следующее: «Самцхе-Джавахку и территориям, населенным армянами, необходимо придать статус суверенных субъектов Федеративной Грузии с широкими полномочиями самоуправления, включая сохранение общественного порядка, культуры, социально-политической экономики, охраны окружающей среды, наделить полномочиями местного самоуправления. Необходимо гарантировать Конституцией, что армянскому языку на территории Самцхе-Джавахка будет присвоен статус государственного языка, а также сделать обязательным присутствие представителей

[104] Overland I. The Closure of the Russian Military Base at Akhalkalaki: Challenges for the Local Energy Elite, the Informal Economy and Stability // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. – 2009. – № 9. – P. 3.
[105] Ibid. P. 6.

Самцхе-Джавахка в законодательных, исполнительных и судебных структурах Грузии»[106].

В России Татарская АССР сначала провозгласила суверенитет в 1990 году, потом провела референдум, на котором большинство граждан автономии (более 60 процентов) проголосовали за. Но случай татарского сепаратизма, несмотря на наличие отдельного этноса и языка, исторический опыт борьбы с имперским центром, не увенчался успехом, поскольку не было государства-патрона, само географическое положение политии способствовало сохранению в составе государственного «тела», наконец, центр не стал действовать жёстко в адрес сепаратистов, используя правовые механизмы вместо боевых действий для реинтеграции региона. Кроме того, в 1990 году сразу 13 АССР на территории России провозгласили государственный суверенитет, но в их декларациях было указано, что они остаются в составе РСФСР. Как указывает Сергей Маркедонов, «здесь на территории одной лишь Карачаево-Черкесской Республики было провозглашено 5(!) образований»[107]. Отдельные политические проявления сепаратизма в России (например, существование в Калининграде Балтийской республиканской партии, ставившей целью автономизацию области) не являются предметом настоящего исследования.

Помимо Татарстана, не указывавшего, в составе какого государства провозглашается суверенитет (СССР или РСФСР, как было в большинстве остальных случаев «парада суверенитетов» в России), феномен автономизации проявила и Свердловская область, заявившая себя в 1993 году как Уральская республика. Принципиальное отличие от татарского случая состояло в декларировании возрождения российской государственности и подчёркивании того, что субъект остаётся в составе России. Собственно, повышению его статуса с областного до республиканского был посвящён референдум, большинство участников которого

---

[106] В населенном армянами Самцхе-Джавахети поднят вопрос об автономии в составе Грузии // ИА Регнум: интернет-изд. 19.08.2008. URL: http://www.regnum.ru/news/1043811.html#ixzz29rSJzn8C (дата обращения: 20.10.2012).

[107] Маркедонов С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства // Аналитические доклады Института Кавказа / Науч. ред.: Александр Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. –№ 5. – С. 40.

высказались «за». Кроме того, решением облсовета была принята конституция республики. Москва сначала публично поддержала этот случай «мягкого» автономизма, но потом при помощи правовых механизмов ликвидировала «республику».

Самый известный случай сепаратизма в России связан с террористическим образованием «Ичкерия». Успешной данная сецессия стала не только вследствие коллапса государственной власти после распада СССР в России и резкого снижения степени внутреннего суверенитета. Наличие отдельного этноса с собственным языком и религией, проживание его в государстве-сегменте, уже обладающем особым статусом (АССР), явная поддержка международного терроризма извне, отсутствие консолидации российских границ, наличие длительной исторической традиции войн с имперским центром, явно выраженная готовность отстаивать суверенитет в войне с федеральными войсками со стороны части чеченцев, неразбериха внутри армейского руководства ВС РФ, и такие частные случаи как предательство отдельных высших офицеров и зверства отдельных российских военных, в т.ч. по отношению к гражданскому населению, на фоне захвата террористами ключевых государственных институтов Чечни и попытки не просто выйти из состава России, но построить полноценную антироссийскую государственность по нормам шариата – обусловили столь длительный характер сецессии.

«Кадарская зона» или «Отдельная исламская территория» (наряду с Ичкерией) – ещё одно террористическое образование, являвшееся «серой зоной государственности», которая декларировала суверенитет и неподчинение российским властям. Как и в случае с Ичкерией, патроном было не конкретное государство, а международные террористические организации и сами террористы в Чечне. Террористы захватили несколько сёл в Дагестане, а также отделения милиции и представительные органы власти. Отдельные элементы государственности («госсимволика», блок-посты на въездах внутрь границ «государства», собственные уголовные нормы, квазизаконодательные органы) говорят о попытках не просто захвата и удержания власти, а организации альтернативного России государства на

захваченной территории. После года фунционирования это квазигосударственное образование было разгромлено в результате операции федеральных сил.

Помимо Приднестровья, де-факто государством на формально молдавской территории была Гагаузия – регион, населённый уникальным православным тюркоязычным народом. С 1990 по 1995 год провозгласившая на съезде депутатов суверенитет Гагаузия существовала вне власти Кишинёва, имея собственные силы безопасности и аппарат управления. В отсутствие сильного государства-патрона (Турция традиционно оказывает покровительство гагаузам, но не поддерживала явно их сепаратизм), в условиях остановки конфликта российской армией, которая удержала молдавские власти от боевых действий, при отсутствии исторической традиции конфликтов между молдаванами и гагаузами, напротив, при долговременном совместном мирном проживании в одном государстве, в регионах с одинаковым статусом – без государства-сегмента, при согласии Кишинёва на особый статус автономии она была реинтегрирована мирным путём в 1995 году.

Крым – почти идеальный случай для прогнозирования сецессии. Полуостров, соединённый с материнским государством лишь перешейком шириной 7 км (о географических условиях постсоветских сецессий см. подробнее п. 2.1), находящийся в его лоне лишь немногим больше полувека (Севастополь – и того меньше – лишь с 1978 года), до того постоянно находившийся внутри другого государства, которое к тому же ещё и государство-патрон, на постсоветском пространстве не имеющее конкурентов по мощи. В пользу сецессии выступают факторы лингвистических противостояний внутри Украины, слабость украинской государственной власти, не способной удержать «расползающиеся» (или «растягиваемые») регионы, а также наличие исторической традиции институционализации крымской автономии в различных формах (АССР, АР, самопровозглашённое государство). Подчеркнём, что выход Крыма из состава Украины в 2014 году – не первая попытка самоопределения полуострова. Ещё в 1992 году Крым провозгласил себя суверенным государством, 1994 году крымчане избрали президента Юрия Мешкова, а Севастополь обратился к России с призывом о реинтеграции.

Менее известна попытка автономизации в Закарпатье – регионе, населённом русинами, проживающими также по другую сторону границы в Венгрии, которая выступает для них если и не патроном сецессии, то надёжным защитником в спорных гуманитарных и лингвистических вопросах. В 1991 году на референдуме в Закарпатской области УССР 79% проголосовали за особый статус Закарпатья: «специальная самоуправляемая территория и как субъект в составе Украины, который не входит ни в какие другие административно-территориальные образования». Итоги референдума были проигнорированы официальным Киевом.

Таблица 3 – Условия сецессий на постсоветском пространстве

Красный – де-факто государства, жёлтый – попытки автономизации, белый – либо отсутствие сецессии, либо неоформленные политически попытки выхода, либо «серые зоны государственности».

Материнское государство	Наличие государства-сегмента[108] или сепаратистской/автономистской территории	Наличие политической организации у сепаратистов	Наличие собственного языка, отличного от языка «материнского государства»	Наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию	Наличие государства-патрона	Наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом	Исторический опыт вооружённой борьбы за автономию или сецессию	Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом	Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета	Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществлявшей выход) в состав материнского государства	Специфика вхождения	Статус в составе материнского государства	Годы существования в составе другого государства
Узбекистан	Каракалпакстан	«Алга»	Да	Да				Верховный совет АССР	Подписание договора о вхождении территории сецессии в состав материнского государства на 20 лет	1936	Передан Москвой	АССР	1925-1930 – Киргизская ССР; 1930-1936 – РСФСР
Казахстан						Да							

[108] В данном случае под государством-сегментом мы понимаем такую территориальную политию внутри административно-территориального деления материнского государства, которая, несмотря на статус (автономный или равный другим регионам), имеет превосходство нетитульного этноса над титульным.

Киргизия	Ошская и Джалал-Абадская области[109]		Да	Да		Да	Да			1990	Джалал-абадская область выделена Москвой Из состава Ошской	области	
Таджикистан	Горно-Бадахшанская область	«Бадахшанское самоопасть»	Да	Да				Совет народных депутатов АО	Непризнание ВС	1925	Передана Москвой	АО	
Туркменистан													
Азербайджан	НКР	Парламент каспаковой	Да	Да	Да	Да	Да	Областной совет	Боевые действия против сепаратистов	1923	Заседала в Баку	АО	1822-1923
	Талыш-Муганская автономная республика	«Талышское национально е движение»	Да	Да		Да		Выступление лидера ТМАР по телевидению (позднее – избранными депутатами Медилиса)	Переговоры и призывы не поддерживать ТМАР	1859	Передана Петербургом	Несколько необъединённы х районов	
	Нахичкань	Парламент каспаковой						Верховный совет АССР		1923	Передана Москвой	АССР	1828-1923
Грузия	Абхазия	Парламент каспаковой	Да	Да	Да		Да	Верховный совет АССР	Боевые действия против сепаратистов	1931	Договор равноправных субъектов	ССР	
	Аджария	Парламент каспаковой	Да	Да		Да			Неоднократные попытки реинтеграции	1921	Передана Москвой	АССР	
	Южная Осетия	Парламент каспаковой	Да	Да	Да	Да	Да	Областной совет	Боевые действия против сепаратистов	1783	Как часть Грузии вошла в состав Империи	АО	
	Самцхе-Джакахетия		Да	Да	Да	Да			Мягкая политика по экономической реинтеграции			мхаре	
	Пшавское ущелье		Да	Да		Да			Жёсткая реинтеграция военным путём			Отдельные сёла Ахметского района	
Армения													
Россия	Ичкерия (террористическое образование)	ОКЧН	Да	Да	Да**	Да	Да	Избранный «президент» Дудаев	Боевые действия против сепаратистов и террористов			АССР	
	Татарстан	Парламент каспаковой	Да	Да			Да	Верховный совет АССР	Непризнание со стороны КС			АССР	
	Кадарская зона (террористическое образование)	Союз мусульман Дагестана, «конгресс народов Чечни и Дагестана»	Да	Да	Да	Да	Да	Полевые командиры	Боевые действия против сепаратистов и террористов			Несколько сёл Буйнакского района Дагестана	
	Уральская республика	Сторонники губернатора Россели						Областной совет	Непризнание со стороны федерального центра			Свердловская область	
Молдавия	ПМР	Парламент каспаковой			Да			Съезд народных депутатов	Попытки военной реинтеграции и боевые действия	1940	Передана Москвой	Несколько районов без специального статуса	1918-1940
	Гагаузия	«Гагауз Халкы»	Да	Да				Съезд народных депутатов	Непризнание со стороны центра и оставленные российской армией попытки военной реинтеграции	1812		Автономное территориально образование	

[109] Формально не являются государством-сегментом, поскольку численность киргизов превышает численность узбеков более чем в 2 раза в обоих регионах.

Белоруссия		«Полісье»	Да*	Да*									
Украина	Крым	«Русское единство», «Меджлис» и многие другие	Да***	Да	Да	Да		Верховная Рада АР Крым	Попытки переговоров и боевых действий	1954	Передана Москвой	АССР, АР	1783-1954
	Закарпатская область	«Подкарпатская Русь»	Да	Да	Да	Да			Непризнание итогов референдума	1945	Передана Москвой	область	1920-1945
	Донецкая и Луганская область	«Донецкая республика» и многие другие	Да***		Да	Да		Протестующие захватывают парламент	Боевые действия против сепаратистов	1920	Переданы Москвой	области	1721-1920
Количество повторений факторов	17	17	15	16	10	13	7						7

*предпринимались попытки искусственного конструирования

**международные террористические организации в качестве патрона

***лингвистические аспекты крымской и донецкой сецессии нельзя игнорировать. Отношение к языку и его статусу было одним из триггеров ситуации, но считать, что русский – язык исключительно народов, проживающих в Крыму и на Донбассе, неверно. Русский – язык всей билингвальной Украины.

Наконец, один из важнейших факторов любой сецессии – уровень государственной состоятельности материнского государства, т.е. качество той силы (военной, экономической, идеологической, бюрократической, дипломатической и т.д.), с которой оно может препятствовать сецессии или пытаться реинтегрировать уже отколовшуюся политию. Поскольку данная диссертация не посвящена государственной состоятельности материнских государств, мы не будем подробно исследовать каждое из них[110]. Обратимся к общему рейтингу хрупкости государств, который позволяет сравнить постсоветские страны в т.ч. по степени состоятельности (см. табл. 4).

Таблица 4 – Индекс хрупкости государств 2007-2018

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Украина	54,1	58,3	61,9	64,4	66,7	68,5	68,5	67,2	76,3	75,5	74,0	72,6
Узбекистан	115,1	107,9	100,8	94,3	90,1	88,1	86,9	86,3	85,4	83,5	81,5	79,1
Таджикистан	108,7	104,6	100,3	94,6	90,0	86,3	85,2	84,6	83,4	83,8	81,8	79,5
Туркменистан	105,1	95,8	87,8	81,7	77,4	75,9	76,7	78,2	77,5	76,0	74,4	72,6
Армения	77,6	78,6	79,0	76,0	73,2	72,2	71,3	71,3	69,7	69,6	71,0	69,5
Азербайджан	104,3	100,9	97,7	90,9	84,3	80,2	78,2	77,8	77,3	76,3	76,3	74,6
Белоруссия	111,5	101,3	91,9	84,6	80,9	78,3	76,7	75,0	75,6	73,9	72,4	70,5

[110] Эмпирическая модель операционализации государственности на примере постсоветских Украины и Грузии представлена здесь: Токарев А.А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1991-2014 годах: монография – 312 с.

Грузия	108,0	107,9	106,8	97,7	90,0	86,3	84,2	82,7	79,3	78,9	76,5	74?0
Казахстан	89,8	86,0	82,1	78,1	73,9	72,2	69,8	68,5	68,3	66,5	65,9	63,4
Молдова	126,1	115,5	104,9	94,9	86,2	80,1	76,5	75,1	73,0	73,2	72,0	69,5
Россия	93,6	88,9	85,7	81,4	78,9	77,7	77,1	76,5	80,0	81,0	79,2	77,2
Киргизия	116,0	111,7	106,8	101,6	97,1	89,2	85,7	83,9	82,2	81,1	80,3	78,6

Источник: The Fragile States Index https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/fragilestatesindex-2016.pdf

The Fragile States Index, ранее называвшийся индексом недееспособности государства The Failed States Index, рассчитывается «Фондом мира» (The Fund for Peace) и журналом Foreign Policy по нескольким десяткам индикаторов, сгруппированным в 12 переменных: аппарат безопасности, фрагментированность элит (этническая, классовая, клановая, финансовая и т.д.), уровень преступности, бедности и экономического неравенства, степень легитимности государства и эффективности госслужбы и т.д.[111] По степени угроз государственности государства всего мира делятся на 12 зон от «самой стабильной» до «опасной». Чем выше рейтинговый балл, тем выше позиция в иерархии, т.е. тем ближе государство к распаду. К примеру, в 2018 году на первом месте из 178 был Южный Судан со 113 баллами из максимальных 120, на последнем – Финляндия с 17,9. Как и любой интегрированный глобальный рейтинг, этот вызывает вопросы в отношении методологии и результатов. Традиционный спор между специалистами-страноведами, знающими многое про конкретные кейсы, и компаративистами, поднимающимися на уровень широких обобщений, может быть продолжен и здесь. К примеру, ни Украина, ни Грузия, ни Молдова не являются согласно рейтингу участницами особо опасных для государственности зон, хотя их исследуют ровно в том виде, в котором их признаёт бОльшая часть мирового сообщества. Однако мы берём данный рейтинг для примера, оставляя за скобками его критику, именно для сравнения всех стран постсоветского пространства между собой, кроме того, помня, что он показывает «хрупкость государства» в целом (т.е. и государственной статусности, и государственной состоятельности), а не только аналитическое отображение одних сепаратистских тенденций.

[111] The Fragile States Index // Fund for peace. 2017. P. 24-33. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/951171705-Fragile-States-Index-Annual-Report-2017.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

Нахождение сепаратистской территории в составе другого государства, равного по статусу материнскому, – ещё один фактор постсоветских сецессии, Так же как и её передача (а не завоевание или добровольное вхождение) имперской столицей, Петербургом или Москвой, из одной юрисдикции в другую. Таковы случаи внутри Молдовы (ПМР), Узбекистана (Каракалпакстан), Азербайджана (Нахичевань и НКР) и Украины (Крым, Л/ДНР, Закарпатье). В состав последней все три территории сепаратизма/автономизации были включены Москвой. Только Баку воевал, причём неоднократно в начале XX века, за НКР. Во всех остальных случаях материнские государства получали новые территории волей империи, не прилагая к этому усилий. Длительность нахождения сецессионистских территорий в составе другого государства в некоторых случаях превышает пребывание в составе материнских государств: таковы все три украинских казуса и Нахичевань. Очевидным образом[112] это влияет на восприятие этих территорий массовым сознанием в стиле «мы не воевали за эти земли» или «эти земли стали нашими недавно», причём данный тезис работает как в материнском государстве, так и внутри сецессии и в государстве-патроне (наоборот): «они не воевали за эти территории», «эти территории стали принадлежать им совсем недавно, не по праву» и т.д.

Наличие государства-сегмента – самый популярный фактор сецессии. В 17 из 20 случаев «сложных» территорий процесс выхода или автономизации происходит в рамках сегмента, за исключением террористических де-факто государств Ичкерии, Кадарской зоны и Панкисского ущелья, поскольку террористы контролировали не всю территорию, соответственно, Чечни, Дагестана и Ахметского района Грузии, а лишь ту часть, которую не могли отвоевать правительственные войска. Несмотря на похожее распределение территорий в Л/ДНР, чьи правительства контролируют примерно половину заявленной для выхода политии, мы включаем их в число государств-сегментов,

[112] Об этом говорят наши исследования. Глубинные интервью с жителями сепаратистских территорий в ПМР и Л/ДНР 2013-2019 годов. Один из наиболее повторяющихся паттернов у них: «Нас передала Москва внутри общего государства. Ну, какая мы Украина или Молдова?»

поскольку именно Донецкая и Луганская области, во-первых, имеют историческую традицию существования в рамках другого государства, во-вторых, строительства самостоятельного государства, в-третьих, неоднократно провозглашались своими лидерами как цель военной экспансии собственных армий.

Наличие политической организации, представляющей интересы сепаратистов/автономистов – не менее популярный фактор (также 17 случаев из 20). В одних странах это были уважаемые общенациональные движения, в других – террористические группировки, в третьих – парламент как таковой, действия которого вне внутренней политической идеологии отображают общественный консенсус в отношении достижения суверенитета от материнского государства. Очевидно, что без политической организации, отстаивающей интересы либо конкретной группы сепаратистов, либо всего общества будущего де-факто государства, успех сецессии невозможен. Ярчайший пример – две киргизские области в 1990 году и Панкисское ущелье, управляемое бандой Гелаева на рубеже веков.

Наличие отдельного этноса, готового при стечении конкретных обстоятельств отстаивать независимость – фактор 16, а существование собственного языка, отличного от языка материнского государства – 15 «сложных» случаев. Несмотря на количественную значимость этих факторов, они точно не являются определяющими. ПМР, Л/ДНР, Крым не имели ни отдельного этноса, ни собственного языка (хотя во всех этих случаях проблема свободного распространения русского языка была одним из триггеров сецессии). Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, люди внутри де-факто государства используют те же языки, что и в материнском государстве (русский и украинский или русский и молдавский), с другой – радикальный национализм внутри материнских государств мешает реинтеграции: попытки «зачистки» лингвистического пространства всегда чреваты опасностями для территориальной целостности. Это значит, что лингвистическая обособленность общества,

готовящегося к сецессии, важна, но детерминирует её – прочие факторы являются более важными.

Наличие государства-патрона, помогающего осуществить сецессию, вопреки часто встречающемуся в материнских государствах мнению и среди экспертов, и среди журналистов, отнюдь не является определяющим фактором. Лишь в 10 «сложных» случаях из 20 патрон оказывал помощь. Это не отменяет самой силы данного фактора: в некоторых случаях (Крым, Л/ДНР) без патрона сецессия не была бы успешной.

Наконец, исторический опыт функционирования в составе другого государства есть лишь у 7 случаев. Временные интервалы, от сотен лет Крыма и Донбасса в составе России до 5 лет Каракалпакстана в составе Киргизии, не позволяют выявить корреляцию между пребыванием в составе другого государства и успешностью сецессии.

Если взять 12 постсоветских стран, окажется, что для всех случаев автономизма/сепаратизма нет ни одного общего фактора, т.е. такого, который повторялся бы 12 раз. Три государства оказались не затронуты проблемами сепаратизма, хотя в Белоруссии и Казахстане имели место попытки политических организаций их будировать (в последнем – с гораздо бОльшими основаниями). В остальном все три унитарных страны, включая моноконфессиональную и моноэтничную Армению, где оснований для сепаратизма попросту не существует, не испытывали давления со стороны регионов. На 12 стран приходится 20 сложных территориальных случаев, из которых 11 были де-факто государствами или сепаратистскими образованиями, 7 – случаями автономизации, ещё 2 – попытками автономизации без успешных политических действий. Не все случаи сепаратизма объявлялись таковыми. В некоторых из них политические (террористические) силы, осуществляющие выход, не интересовались вопросами легитимации своей власти в принципе, не нуждаясь в международном признании (таковы, например, Панкисское ущелье и Кадарская зона).

Детальное изучение опыта постсоветских сецессий, автономизаций и прочих «сложных» случаев позволяет нам с уверенностью сказать: любая форма выхода из состава материнской политии представляет собой крайне сложный процесс, определяемый множеством этнических, культурных, лингвистических, исторических, политических, экономических, военных и географических факторов. Среди них есть более весомые, влияющие на успех сецессии сильнее других – таковы, безусловно, фактор сильного патрона, военная сила сецессии и география, способствующая сецессии или препятствующая ей (см. подробнее пункт 2.1). Есть те, которые влияют на успешность совсем незначительно, например, исторический опыт нахождения в составе другого государства, может стать важным при апелляции к национальному сознанию в случае «воссоединения Крыма с Россией», а может никак не повлиять на выход: 25 лет Закарпатская область находилась в составе Чехословакии, но попытки её постсоветской автономизации не увенчались успехом. Дальнейшие главы мы посвятим детальному изучению наиболее весомых факторов, влияющих на сецессии.

Глава 2. Постоянные факторы развития постсоветских сецессий

После исследования условий, в которых стартовал постимперский транзит после распада СССР, рассмотрим объективные факторы, влияющие на него: географию, историю, в меньшей степени этническое расселение. Самым независящим от человека, т.е. объективным, фактором является география. Именно географические характеристики сецессий (за некоторыми исключениями в виде, например, строительства мостов или рытья рвов, соответственно, облегчающих и усложняющих сообщение между территориями) являются неизменными на протяжении всего периода сецессии. При этом по большей части пространственные признаки сами по себе значат меньше, чем то, как человек их использует.

2.1 Географический фактор территориальной дезинтеграции на постсоветском пространстве

Цель данного параграфа – в сравнении рассмотреть пять казусов де-факто государств, объединённых патронажем сецессии со стороны России: РА, РЮО, Л/ДНР, ПМР, Крым. Исследовательский вопрос: как влияют географические условия на подобные сецессии? Ответить на него мы предлагаем на основании изучения следующих переменных: 1) наличия общей границы с государством-патроном и её качественных характеристик; 2) специфики границы с материнским государством: естественность vs искусственность; 3) географических аспектов территории сецессии: рельефа местности, выхода к морю, протяжённости де-факто государства и др.; 4) специфики расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии.

Переменная 1, на наш взгляд, является основной для успеха сецессии в условиях её поддержки мощным патроном. Чем протяжённее граница, тем меньше она контролируется материнским государством и тем легче государству-патрону перемещать через неё финансы, товары, технику, оружие и людей. Очевидно, что отсутствие природных барьеров в виде гор или рек облегчает задачу по дестабилизации границы материнского государства. Напротив, их отсутствие при исследовании переменной 2 свидетельствует: сецессия не будет успешна. Искусственность, пролегание границы не по природным барьерам делают её крайне нестабильной. Ещё менее устойчивой она становится в случае несовпадения с административными границами, характерный пример — линия соприкосновения вооружённых сил Украины и армейского корпуса непризнанных республик как граница между Л/ДНР и Украиной. В случае равнинной территории сецессионистской политии и/или её вытянутости (переменная 3) вероятность успешности реинтеграции военным путём увеличивается. Напротив, горы на территории РА и РЮО, к тому же не являющихся столь легко «перерезаемыми» армией материнского государства, как ПМР в своей середине (ширина страны там составляет всего 3,2 км), препятствуют прекращению сецессии военным путём. Переменная 4 показывает однородность расселения этноса, доминирующего в материнском государстве, которое, как правило, вводит войска на территорию сецессии под предлогом защиты своих граждан (или этнически идентичных индивидов). Аналогичным образом действует и государство-патрон, когда делает границу сопредельного государства проницаемой, обосновывая это защитой интересов сограждан. В обоих случаях распределение двух этносов (или шире — национальных групп) по территории сецессии является критичным для успеха сецессии и развития де-факто государства после того, как она состоялась.

Индикаторы:

1а) Общая граница с патроном проходит по равнинной территории / по горной территории / по морю / отсутствует; 1б) количество официальных пограничных переходов; 1в) наличие автомобильных дорог и их статус; 1г)

наличие ж/д; 1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в %; 1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в %.

2а) Граница с материнским государством проходит по реке / по горам / по равнинной местности без природных барьеров / по морю; 2б) в случае наличия природных барьеров существует ли инфраструктура для их преодоления (мосты, тоннели); 2в) наличие автомобильных дорог и их статус; 2г) наличие ж/д; 2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в %; 2е) доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в %.

3а) Территория сецессии преимущественно равнинная/горная; 3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину; 3в) имеет ли сецессия эксклавы [113], отделённые природными барьерами; 3г) имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства; 3д) наличие выхода к морю; 3е) наличие портов; 3ж) соотношение сухопутных и морских границ [114]; 3з) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политии в расстоянии от столицы до крайней точки государства в данном направлении де-юре; 3и) соотношение границ с патроном и материнским государством; 3к) соотношение равнинных участков границ с патроном и материнским государством.

4а) Часть территории, занимаемая этносом, титульным для материнского государства, в %; 4б) эта этническая группа расселена равномерно по территории сецессии / сосредоточена на границе с материнским государством.

Отдельные индикаторы требуют пояснения. 1б, 1в, 1г определяют условия, в которых патрон может перемещать через границу различные виды помощи: от финансовой до военной. 1д, 1е: любые конфликты сецессий с материнскими государствами начинаются с применения сухопутной техники и/или легко

[113] В данном случае термин «эксклав» применяется весьма условно, поскольку природные барьеры в виде рек или гор, отделяющие меньшую часть территории от большей, строго говоря, не являются поводом для того, чтобы считать первую эксклавом, выделяемым в качестве такового, только если территория отделена от основной другими государствами.

[114] Последние в данном случае понимаются не в строго юридическом смысле как линия, отложенная от берега на 12 морских миль, а именно как береговая линия.

вооружённых групп людей, авиация, для которой наличие природных барьеров непринципиально, никогда не выступает стартовой силой. Аналогичным образом 2б, 2в, 2г влияют на успех военной реинтеграции со стороны материнского государства. В случае, если 2д и 2е меньше, чем 1д и 1е соответственно, вероятность такого успеха тоже меньше. 3б: чем больше число, тем вытянутее территория, а значит уязвимее для реинтеграции вооружённым путём (перерезания, создания «котлов», взятия в клещи и т.д.), чем ближе к единице, тем больше она похожа на квадрат/круг и, следовательно, менее уязвима. 3в, 3г: наличие эксклавов сецессий за пределами природных барьеров делает их уязвимыми для боевых действий со стороны материнского государства: в случае вооружённого конфликта они первыми будут возвращены под контроль. Аналогичным образом эксклавы материнского государства, прилегающие к территории сецессии, отделённые от материнского государства природными барьерами, будут первыми заняты войсками сепаратистов в случае эскалации конфликта. 3д, 3е: выход к морю обеспечивает несравнимо бóльшие возможности по сравнению с исключительно сухопутными территориями, поскольку представляет собой ещё один транспортный коридор для организации снабжения с территории патрона. 3ж: чем выше число, тем «более приморским» является государство. 3з: Клайонад Ралех предельно чётко формулирует гипотезу, подтверждённую всеми постсоветскими сецессиями: чем дальше от столицы и чем ближе к госграница, тем выше риск сецессии[115]. Данный индикатор требует рассмотрения не только в количественном, выраженном в км, смысле, но и в качественном, поскольку отображает ещё и пространственную идентичность в рамках центр-периферийных отношений. К примеру, максимальное географическое удаление Донецка от Киева отнюдь не означало, что Донецк для своего населения — периферия, напротив, он воспринимался как место формирования особой донецкой идентичности, традиционно превалирующей над украинской. В Харькове, также приграничном регионе, силён нарратив о первой

[115] Raleigh C. Seeing the forest for the trees: does physical geography affect a state's conflict risk? // International interactions. – 2010. – Vol. 36, № 4. – P. 384–410.

или научной украинской столице. Абхазы традиционно считают своё государство гораздо более древним, чем грузинское. Эти вопросы требуют осмысления в рамках качественного социокультурного исследования. Мы остановимся лишь на географическом аспекте, чтобы проследить дистанцию, которую в каждом конкретном случае нужно преодолеть войскам и приказам из столицы для возможного военного решения проблем с сецессией.

Перед написанием данного параграфа мы провели апрбацию исследовательского дизайна. Большинство коллег указывало на отсутствие экономических переменных и индикаторов, объясняя, что они необходимы в рамках исследования экономической географии (трансграничное сотрудничество между сецессией и материнским государством, малый бизнес, туризм как факторы сецессии, возможное построение гравитационных моделей, описывающих притяжение экономик материнского государства и сецессии, сецессии и патрона, — как исследовательский метод и т.д.). Примат экономических факторов в региональных конфликтах отстаивает Р. Вайранен, рассказывая, как «экономический беспорядок влечёт за собой политическую и культурную нестабильность, так же как и фрагментацию нации-государства»[116]. Экономическая география крайне важна в гражданских войнах, когда успех противоборства каждой из сторон зависит во многом от имеющихся ресурсов, в т.ч. природных[117]. Возможно, подобные воззрения справедливы для других регионов, но точно не для постсоветского пространства. Случаи успешных сецессий, поддержанных Россией, говорят не об обратном, но о принципиально другом: экономика внутри одной и той же сецессии может играть локальную роль, а может и нет. Характерен пример боевых действий вокруг портового и промышленно развитого Мариуполя, когда корпус ДНР не стал продолжать наступление. Ни в одном из случаев постсоветских сецессий, как удавшихся, так и нет, экономика не играла значительной роли, Находясь в тени вопросов

[116] Vayrynen R. Regional conflict formations: an intractable problem of international relations // Journal of peace research. – 1984. – Vol. 21, № 4. – P. 346–347.
[117] Bunaug H. The geography of Civil war // Journal of peace research. – 2002. – Vol. 39, № 4. – P. 420.

безопасности и применения военной силы патроном / материнским государством / сепаратистами. Экономические связи российско-украинского пограничья, наиболее интенсивные в регионе Белгорода — Харькова, не стали спусковым крючком для создания «Харьковской Народной Республики». На карте потенциала социально-экономических связей белорусско-российско-украинского приграничья в 2013 г. российско-украинская госграница похожа на шов с 26 стежками, отображающими связи приграничных городов (9 на российско-белорусской границе — для сравнения)[118]. В том же году украинские коллеги рассчитывали многомерный индекс социально-экономического развития приграничных регионов России и Украины[119]. Лидерство Крыма, Донецкой и Луганской областей среди украинских регионов, равно как и экономическое сотрудничество не просто на уровне стран, но и в рамках еврорегионов (Днепр, Ярославна, Слобожанщина и Донбасс), не остановили ни Москву от масштабной поддержки сецессий, ни Киев от начала АТО, ещё больше усугубившей раскол между Донбассом и остальной частью Украины. Наконец, очевидная ориентация ПМР на рынок Европы, дверью в который является Молдова, не влияет на сохранение пророссийских настроений в республике и нежелание реинтегрироваться у значительной части населения, несмотря на четверть века с момента конфликта. В 2016 г., по данным таможенной службы ПМР, страна экспортировала товаров в Россию на $1,2 млн, а в Европу — на $11,9 млн[120], тем не менее де-факто государство сохраняет свой статус. Мы не берём экономические факторы для исследования не только потому, что его предмет заявлен как география. Во всех постсоветских сецессиях (за исключением НКР) одним из основных акторов была Россия — конкурировать с ней в долгосрочной

---

[118] Атласная информационная система российско-украинского приграничья / В.А.Колосов, Л.Г.Руденко, В.С.Тикунов, А.А.Герцен, Е.Д.Головина, М.В.Зотова, А.С.Себенцов // INTERCARTO.MSU.RU: сайт материалов международной конференции «ИнтерКарто/ ИнтерГИС». URL: http://intercarto.msu.ru/jour/article/view/39 (дата обращения: 26.09.2017).

[119] Голиков А.П. Экономика еврорегиона «Слобожанщина»: региональная диагностика // Научные ведомости Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 1. – С. 29–36.

[120] Токарев. А., Бороденко М. Режим ожидания // Коммерсантъ Власть: интернет-журн. 25.02.2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3226970 (дата обращения: 19.06.2020).

перспективе не могли ни материнские государства, терявшие территории, ни субъекты-патроны, «уводившие» территории из РФ. Объективно находясь в принципиально разных весовых категориях с соседями, Россия делает постсоветское пространство уникальным регионом для реализации сецессий, в котором экономика и экономическая география, безусловно, влияют на развитие де-факто государств и их внешних связей, на успех и скорость реинтеграции, но никак не на сам процесс сецессии.

Географический фактор как наиболее постоянный из прочих – самый объективный при изучении феномена сецессий, хотя и не решающий. Мы не склонны придерживаться логики природно-географического детерминизма, соглашаясь с тем, что «географические факты неизменны, в отличие от их значения для политики»[121]. Раймо Вайранен остроумно определяет взаимосвязь географии и международных отношений: «…взгляд на территорию женат на социальной динамике»[122]. В этом смысле важно не само пространство, а то, как люди его используют. Как пишет Джон Агнью, «пространство — это не только территория, но и структура: регион, субъект, округ»[123]. Категории пространства и пространственности рассматриваются в данной работе и множестве других исследований. В этом смысле ученые и эксперты отходят от строгой физической географии, принимая в качестве объекта различные виды идентичностей. Отреферировавший большой объём литературы о географии и войне Пол Дил заключает: география не определяет жёстко вообще ничего, поскольку «может облегчать течение конфликта, может расширять его и даже сама может быть его источником, поскольку государства воюют за территории»[124]. Мы анализируем,

---

[121] O' Loughlin J. Bringing geography back to the study of international relations // International interactions. – 2008. – Vol. 17, № 1. – P. 29.

[122] Vayrynen R. Regional conflict formations: an intractable problem of international relations // Journal of peace research. – 1984. – Vol. 21, № 4. – P. 340.

[123] Agnew J. The territorial trap: the geographical assumptions of international relations theory // Review of international political economy. – 1994. – Vol. 1, № 1. – P. 55.

[124] Diehl P. Geography and war: a review and assessment of the empirical literature // International interactions. – 2008. – Vol.17, № 1. – P. 12.

способствуют ли географические условия сецессии или мешают ей в каждом конкретном случае.

Исследование *первой переменной* («граница с патроном») позволяет выделить наименее успешный для сецессии казус – Приднестровье, что означает также наивысшие шансы региона на реинтеграцию. Граница с патроном отсутствует, поэтому материнское государство может работать на блокирование границы, причём не своего участка, а внешнего – блокада Украиной приднестровского участка границы осуществлялась несколько раз. Учитывая, что воздушное пространство над ПМР находится в ведении Кишинёва, можно утверждать: казусы, подобные недопуску спецпредставителя российского президента Д.О. Рогозина в августе 2017 г. на территорию ПМР, будут происходить постоянно. Кроме того, Украина, закрывшая воздушное пространство для авиации РФ, осложняет способы доставки грузов и людей по воздуху: самолёты молдавских компаний летают в Москву по-прежнему 2 часа, российских – в 2,5 раза больше, поскольку вынуждены облетать территорию Украины. География приднестровской сецессии остаётся наименее благоприятной.

На втором месте с конца находится РЮО, имеющая самую маленькую сухопутную границу с патроном — 16% от общей длины границ. К тому же на границе находится только один слабо оборудованный многосторонний АПП, а сообщение с патроном происходит через две нитки Рокского тоннеля, блокировка которого приведёт к моментальной потере единственного наземного участка – остальные 74 км границы с Россией проходят по Большому кавказскому хребту. Отсутствие ж/д сообщения исключает возможность быстрой и масштабной переброски военных эшелонов.

Напротив, наличие ж/д сообщения позволило патрону в 2008 г. направлять военные эшелоны по Северо-Кавказской железной дороге через формально российско-грузинскую границу в Абхазию. Несмотря на лишь 2 пропускных пункта, железнодорожный и многосторонний автомобильный, пролегание 60 км границы по реке Псоу и далее почти 200 км — по Большому кавказскому хребту

(всего 61% границ с патроном), можно сказать, что экономическая география спасает абхазскую сецессию много лучше физической. Крупнейший транспортно-пересадочный узел «Адлер» (ж/д вокзал, автостанция, аэропорт), подведённая к границе федеральная магистраль (в отличие от осетинского казуса с дорогой республиканского значения), введённая в 2013 г. недалеко от границы с энергодефицитной Абхазией, зависящей от Ингурской ГЭС, Адлерская ТЭС – всё это облегчает сецессию.

Случай Крыма стоит особняком, поскольку отсутствие сухопутной границы с патроном, автомобильного и ж/д сообщения с ним не стали препятствием для сецессии, поддержанной масштабным участием транспортной и боевой авиации. Существовавшие 4 официальных морских пропускных пункта, береговая линия в 980 км, ещё бóльшая госграница (с отступлением в море на 22,5 км от берега) делали Крым открытым. В данном случае море стало природным барьером, но не для патрона, а для материнского государства.

Наконец, граница Л/ДНР и России представляет собой идеальный случай для поддержки сецессии. 12 официальных на момент начала сецессии пунктов пропуска, из них 4 морских, 10 трансграничных дорог, из которых 2 — европейские маршруты, а 1 — федеральная магистраль, 4 ж/д ветки, позволяющие транспортировать военные эшелоны, одна из наибольших долей границ с патроном в их общей длине (47%), 100% пролегания границ с патроном по полевой равнине без явных природных барьеров (небольшие реки Северский Донец или Деркул легко обходимы, лесные массивы практически отсутствуют).

Вторая переменная («граница с материнским государством») позволяет исследовать географические условия для реинтеграции. Наибольшая вероятность таковой прослеживается в случае Л/ДНР. Максимальная искусственность границы, не обусловленная ничем (ни природными барьерами (едва ли не единственный значимый рубеж – Павлопольское водохранилище на юге ДНР), ни административными, лингвистическими или этническими границами), кроме ситуативного завершения противостояния на момент подписания «Минска-2», — основное условие успешной реинтеграции. Ему сопутствуют разветвлённая ж/д

сеть промышленного Донбасса, плотность которой значительно выше, чем на участке границы с патроном, 23 дороги, проходящие сквозь искусственную границу, те же поля на равнине, не препятствующие передвижению тяжёлой техники, что и на границе с патроном. Все эти географические показатели, безусловно, будут работать на реинтеграцию военным путём. Случай Л/ДНР, как и приднестровский казус, показателен существованием всей территории сецессии на равнине, являющейся сквозной для патрона и материнского государства. Искусственность границы, выраженная в несовпадении линии фронта с любыми устоявшимися барьерами, препятствует определению того, что Ф.А. Попов называет зоной распространения сецессионизма — «территории, выход которой из состава государства является целью сецессионистского движения…»[125]. На протяжении последних пяти лет руководители, официальные спикеры и лидеры общественного мнения Л/ДНР называли диаметрально противоположные цели, которых они пытаются добиться: от «дойдём до Киева» и объявления институционализации Новороссии как региона 6 областей юго-востока Украины до Малороссии, заявленной летом 2017 г. и самой географически скромной цели – «дойдём до границ областей».

В РЮО примерно половина границы с Грузией не имеет природных барьеров и проходит по сёлам (единственное отличие от казуса Л/ДНР – совпадение с административными границами Юго-Осетинской АО в советский период). Разделение населённых пунктов враждующими способствует постоянному изменению границы, что раздражает обе стороны, особенно грузинскую (грузинские чиновники неоднократно высказывали автору своё неудовольствие передвижением границы, называя его одним из основных раздражителей в российско-грузинских отношениях). Единственная автомагистраль, ведущая в Цхинвал, неподдающееся подсчёту количество просёлочных дорог и, главное, искусственность границы в долгосрочной перспективе будут способствовать реинтеграции. Сама граница крайне изрезана,

[125] Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. С. 41.

что очевидным образом создаёт предпосылки для спрямления. К примеру, протяжённость всей юго-осетинской границы – 465 км, а абхазской в сухопутной части – 418 км, несмотря на то, что РА превосходит соседа по площади более чем в два раза, имея при этом более прямые линии сухопутных границ.

Половина границ ПМР – это соприкосновение с территорией Молдовы. Здесь важно отметить символическое отсутствие молдо-приднестровской границы (обозначаемой постами – одним-двумя полицейскими, избирательно проверяющими документы) и, напротив, присутствие таможенных и пограничных постов со всеми сопутствующими процедурами на приднестровско-молдавской границе по всей её длине. 7 мостов, 10 дорог, из которых 2 европейских маршрута, 2 ж/д ветки, идущие из Молдовы на территорию ПМР, нивелируют значение Днестра как природного барьера. Река перестаёт быть значимым географическим рубежом и становится, скорее, символом, обозначающим границу.

Наиболее успешно природа поработала над границами РА и Крыма. Мост через Керченский пролив с двумя нитками ж/д и четырёхполосным движением автомобилей стал безусловной альтернативой трём дорогам и двум ж/д веткам, ведущим на полуостров из Украины через узкий 8-километровый перешеек. В абхазском случае река Ингури (в абхазской версии Ингур) отделяет Грузию не столько символически, сколько физически: единственный мост через неё находится в плачевном состоянии, ж/д сообщение давно прервано, а 39% общей длины границ — с материнским государством, что является самым низким показателем, — проходят по горам. С других сторон Абхазия, как и Крым, защищена морем, которое в краткосрочной перспективе, безусловно, является препятствием для материнских государств в процессе реинтеграции. Пять морских портов Крыма делают его ещё более устойчивой частью российского пространства через усиление торговых потоков. Четыре абхазских порта существуют в природе в принципе и в случае модернизации также способны усилить устойчивость де-факто государства.

Третья переменная («географические аспекты территории сецессии») позволяет вновь идентифицировать ПМР как наименее вероятный случай долговременного де-факто государства. Во-первых, это самая вытянутая из всех рассматриваемых сецессий территория с показателем в 4,2: на 230 км длины приходится лишь 55 км ширины (к тому же это максимальный показатель, в среднем ширина ПМР составляет 25-30 км). Во-вторых, примерно в середине страна имеет молдавские анклавы – сёла в Дубоссарском районе, фактически разрезающие её клином. Собственно территория ПМР между молдавской и украинской границами располагает лишь 3,2 км. В-третьих, единственный из всех сецессий эксклав также расположен в ПМР – второй по величине город Бендеры находится на правом берегу Днестра, т.е. река не является барьером, ограждающим его от основной молдавской территории. Бендеры и был центром противостояния с 1992 г. с молдавскими националистами и полицейскими. Наконец, наравне с РЮО ПМР является наименьшей периферией: удалённость Тирасполя от Кишинёва составляет лишь 72% от расстояния от Кишинёва до границы.

В РЮО этот показатель равен 70%. Кроме того, РЮО имеет наихудшее соотношение границ с патроном против границ с материнским государством из всех: 16 против 84%, а также наибольший разброс в соотношении их равнинных участков: 0 против 114 км границ с Грузией. Единственное положительное качество территории для сохранения сецессии – её форма. С показателем соотношения крайних точек в 1,2 это де-факто государство занимает второе место после почти овальной Л/ДНР.

Показатель 1,1 у Донбасса наилучший в сравнении с рассматриваемыми казусами. Сецессию также облегчает выход к морю, полученный в 2014-2015 гг. в результате ожесточённых сражений. В отличие от «природно приморских» Абхазии и Крыма, в отношении границ которых особых споров не было (исключения – Кодорское ущелье в первом случае и коса Тузла во втором), Л/ДНР имеет наихудшее соотношение морских границ с сухопутными: 0,08 (обладающая длиной береговой линии примерно в половину от сухопутных

границ Абхазия имеет показатель 0,5, похожий на остров Крым – 123 – во столько раз его сухопутные границы короче береговой линии). Донецк с 88% и Луганск с 93% расстояния от столицы до крайней точки на границе в смысле периферийности уступают только Крыму (94%), имеющему к тому же показатель 1,6 отношения длины к ширине. Вероятно, единственным фактором, способным затруднить сецессию, можно считать часть Херсонской области, расположенную на Арабатской стрелке, вплотную тянущейся вдоль северо-восточного побережья Крыма.

За исключением полуострова, РА с показателем длины к ширине в 1,9, отличным соотношением границ патрона и материнского государства (61/39%), отделённая от последнего горами и рекой без мостовой инфраструктуры, имеющая периферийную столицу (Сухум лежит в 80% расстояния от Тбилиси до крайней точки в этом же направлении) и единственный грузинский эксклав между собственной границей и Ингури – село Ганарджиис-Мухури, является отлично подготовленной к сецессии самой природой.

В отношении *четвёртой переменной* («специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии») Абхазия стоит особняком по сравнению с прочими сецессиями, поскольку является национальным государством: осетины стремятся к воссоединению (для РЮО это долгосрочная стратегия не сецессии, а ирредентизма – присоединения к РФ), ПМР пытается создать гражданскую нацию «приднестровцы» вне этнического компонента русских, молдаван или украинцев, в Л/ДНР этнический, религиозный и лингвистический факторы конфликта отсутствуют в принципе, в Крыму украинцы и крымские татары не являются монолитными группами и могут быть лояльны как Украине, так и России. Проще говоря, абхазы – единственный этнос, у которого нет государственной формы территории, кроме той, где они реализуют сецессию. К тому же абхазы являются вторым-третьим меньшинством у себя в стране (эти данные противоречат официальной статистике, согласно которой абхазов в республике 51%), уступая

армянам и русским, что заставляет их реализовывать этнократическую модель правления.

Из всех пяти случаев этнические меньшинства материнских государств в Крыму (крымские татары и украинцы), Л/ДНР (украинцы), Абхазии (грузины/мегрелы), Южной Осетии (грузины Ленингорского[126] района) могут быть агентами значимых изменений, что, повторимся, не детерминируется их этнической принадлежностью. Молдаване в ПМР интегрировались в национальное сообщество. На наш взгляд, создать ясную операционализацию, позволяющую предсказать уровень сепаратизма этнических меньшинств, желающих вернуться в состав материнского государства, невозможно. Прежде всего, потому что в условиях сложной политической обстановки внутри регионов, осуществляющих сецессию, правдивые ответы социологам относительно намерений по реинтеграции могут влиять на безопасность респондентов. Другими же методами, не предполагающими количественную репрезентативную социологию, исследовать массовое сознание сложно – в таком случае могут быть выявлены массовые стереотипы, например, о том, что антироссийский Меджлис выступает от имени всех крымских татар.

Таблица 5 – Операционализация географического фактора постсоветских сецессий

Переменные	Индикаторы	РА	РЮО	Крым	ПМР	Л/ДНР
1) граница с патроном	1а) проходит по равнине / по реке / по горной территории / по морю / отсутствует	по реке, по горам	по горам	по морю	отсутствует	по равнине
	1б) количество официальных пограничных переходов	2 (1 ЖДПП, 1 МАПП Весёлое — Гзырыпши Адлер — Псоу)	1 МАПП Нижний Зарамаг	4 морских (Темрюк, Тамань, Кубань, Кавказ)		12 (4 морских (Азов, Таганрог, Ейск, Ростов), 7 МАПП, 1 ДАПП)
	1в) наличие автомобильных дорог и их статус	1 — А147 — часть федеральной М-4	1 — региональная Р297	нет**		10 (2 европейских маршрута (Е58, Е50), одна федеральная М-21)
	1г) наличие ж/д	1	нет	нет**		4
	1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в км[127] и %	255/418 61%	74/465 16%	0/980 *		360/520 50%
	1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в %	0/255	0/74	0/0		360/360

[126] В грузинской версии – Ахалгорского района.

[127] Здесь и далее расчёты выполнены автором при помощи инструмента «линейка» на Яндекс.Картах.

		0%	0%			100%

Продолжение таблицы 5

Переменные	Индикаторы	РА	РЮО	Крым	ПМР	Л/ДНР
2) граница с материнским государством	2а) проходит по равнине / по реке / по горам / по морю	по реке, по горам	по равнине, по горам	по равнине, по морю	по реке	по равнине
	2б) трансграничные мосты, тоннели	1 мост	нет	нет	7 мостов	нет
	2в) наличие автомобильных дорог и их статус	1 европейский маршрут Е97	13 (большинство республиканского значения, 1 автомагистраль, количество просёлочных не поддаётся точному подсчёту)	3 (2 европейских маршрута (Е105, Е97) и местная Т2202)	10 (2 европейских маршрута (Е581 и Е584), 1 автомагистраль М4 и 7 республиканских)	23 (2 европейских маршрута (Е50 и Е58), несколько автомагистралей и дорог республиканского значения, множество местных)
	2г) наличие ж/д	нет	нет	2	2	10
	2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в %	163/418 39%	391/465 84%	8/8 100%	411/816 50%	360/764 47%
	2е) доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в %	0/163 0%	114/391 29%	8/8 100%	411/411 100%	360/360 100%
3) географические аспекты территории сецессии	3а) преимущественно равнинная/горная	горы	горы	равнина	равнина	равнина
	3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину, в км	178/95 1,9	99/83 1,2	325/200 1,6	230/55 4,2	210/190 1,1
	3в) наличие эксклавов, отделённых природными барьерами	нет	нет	нет	Бендеры	нет
	3г) наличие материнских эксклавов («анклавов» по отношению к де-факто государству) непосредственно на границах сецессии	Ганарджюис-Мухури	множество грузинских сёл	Херсонская область на Арабатской стрелке	сёла в Дубоссарском районе	нет
	3д) выход к морю	да	нет	да	нет	да
	3е) наличие портов	4		5		0
	3ж) соотношение морских и сухопутных границ	215*/418 0,5		980*/8 123		44*/764 0,06
	3з) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политии в расстоянии от столицы до крайне точки государства де-юре в данном направлении	351/440 80%	90/128 70%	668/713 94%	65/90 72%	Донецк: 594/675 88% Луганск: 670/718 93%

	3и) соотношение границ с патроном и материнским государством, в %	61/39	16/84	-	отсутствует	50/50
	3к) соотношение равнинных участков границ с патроном и материнским государством, км	0/0	0/114	8/0		360/360

Продолжение таблицы 5

Временные	Индикаторы	РА	РЮО	Крым	ПМР	Л/ДНР
4) специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии	4а) доля титульного этноса материнского государства, в %	19,2	7,4	15 и 10	32	52***
	4б) специфика его расселения	компактно в Гальском районе (99% от общей численности)	компактно в Ахалгорском районе (55% от общей численности)	украинцы и крымские татары — по всей территории	по всей территории	по всей территории

*В данном случае речь идёт не о морской границе, а о длине береговой линии. Морская граница гораздо длиннее, поскольку отстоит на 22,5 км от берега.

**Мост через Керченский пролив, который будет открыт для автомобильного движения в 2018 г., для ж/д — в 2019 г., не учитывается, поскольку отсутствовал при старте сецессии.

*** По данным украинской переписи 2001 г., не учитывающей около 1,7 млн уехавших, — анализ их по этническому составу не проводился.

Рассмотренные нами сецессии устойчиво делятся на две группы. ПМР, РЮО и Л/ДНР относятся к тем, которых сама география толкает к реинтеграции. В случае изменения политических условий (вывода баз из ПМР и РЮО, передачи контроля над границей Украине на участке в Л/ДНР), т.е. прекращения масштабной поддержки патрона, в краткосрочной перспективе эти сецессии с высокой вероятностью завершатся неудачей. Отсутствие общей границы с патроном, наличие бендерского эксклава, превращение Днестра из естественного барьера в символический благодаря многим мостам и невероятная растянутость легко перерезаемой посередине территории ПМР; единственный, быстро блокируемый тоннель как связь с Россией и расположение территории по одну сторону гор с материнским государством, на равнине вообще не делимитирующим территорию РЮО; отсутствие природных барьеров, широчайшая сеть дорог, полная искусственность созданной границы Л/ДНР и Украины – все эти черты будут способствовать тому, что без патрона данные

сецессионистские проекты в постоянных географических условиях вернутся в международно признанные границы. Единственное географическое преимущество ПМР – некомпактное расселение молдаван по всей территории и их включённость в национальный проект. Сюда же стоит отнести и Крым с Л/ДНР – по критерию плавности расселения в большей степени, по критерию включённости в национальные сообщества украинцев и крымских татар – в меньшей, упомянув, что в обоих случаях этничность не может быть основанием для подозрений в стремлении к реинтеграции. Обе кавказские сецессии объединены, во-первых, компактностью проживания грузин, во-вторых, наличием подобных районов на границах сецессий и материнских государств, что в условиях низкого уровня интеграции грузин в национальные сообщества создаёт определённые риски.

Крым и Абхазия образуют вторую группу – территории, которым география, безусловно, помогает реализовывать сецессию (в крымском случае – ирредентизм). Отделённая от Грузии рекой и горами, имеющая длинную границу с патроном и высокий уровень развития российской инфраструктуры на пункте пропуска Абхазия даже при изменении военно-политических условий, наверняка, останется де-факто государством, а Крым, даже в случае снижения финансовых потоков из России, надёжно связанный с ней мостом, сохранится как часть, продолжающая её административное пространство. Смогут ли Грузия и Украина настолько усилить свои флоты, чтобы сделать Чёрное море из естественного препятствия для реинтеграции искусственным условием её? – вопрос риторический.

Перед началом исследования мы предполагали более высокую степень географического детерминизма, чем можем наблюдать в конце. Тезис «важно не пространство само по себе, а то, как люди его используют» в случае постсоветских сецессий подтверждается полностью. Казалось бы, в трёх случаях природа была, безусловно, против выхода Крыма, ПМР и РЮО из состава своих государств. У первого отсутствовала сухопутная граница с Россией, но помогла авиация, у второй не было границы с РФ вообще, но долгие годы дипломатия на

украинском направлении позволяла сохранять территорию для транзита, третью же сами горы «подталкивают» в лоно Грузии, но их «натиск» подпирает российская военная база. Постсоветские сецессии явно выделяются патронажем Москвы, которая, когда это соответствует её интересам, прежде всего, решает вопросы стратегической безопасности и лишь потом смотрит на карту.

2.2 Исторические аспекты функционирования «государств-сегментов»

Как и география, история – наиболее объективный фактор развития сецессии. Но так же, как и география, история ценна не сама по себе, а тем, как её использует человек. Как и географическое пространство может быть по-разному использовано в рамках сецессии, так и исторические факты постоянно становятся пространством интерпретации различных индивидов, политических групп и целых государств. В этом параграфе мы рассматриваем историческую специфику функционирования государств-сегментов, чтобы проследить изменения их статусов, признаваемых материнским государством, на протяжении длительного времени.

Государство-сегмент – аналитическая категория, выделенная Ф. Рёдером, которая позволяет описать функционирование территориальной политии до того, как она начала осуществлять сецессию. Рёдер поддерживает широко распространённое в науке аналитическое разделение двух аспектов создания новых политических общностей (нации и государства), полагая, что «некоторое население (предположительно нация) должно управляться самостоятельно в рамках собственного суверенного государства – государства, которое, возможно, ещё не существует»[128]. Как правило, оно институционализируется на базе государства-сегмента – политии, «обособленной в институциональном плане внутри «общего государства».

[128] Roeder P.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. Princeton: Princeton university press, 2007. P.12.

Функционирование государства-сегмента предваряет успешный национальный проект: из 177 новых государств, появившихся с 1901 по 2000 годы, 153 (86%) являлись государствами-сегментами до получения независимости[129].

В случаях, когда исторические границы государства-сегмента совпадают с современными административными, сецессия многократно облегчается, поскольку исключает любые территориальные споры. Вопрос взаимоотношений с материнским государством ставится по принципу «или – или» («наша территория» vs. «их территория»). Несовпадения границ усложняют выход, поскольку возникает дополнительный вопрос: «Где именно наша территория?» Ответ на этот вопрос обуславливается сочетанием множества факторов: от мощи армий материнского государства, сецессии и государства-патрона до международной поддержки каждого из этих акторов.

По критерию территориальных изменений государства-сегмента наибольшую устойчивость имеет Абхазия. После упразднения в 1866 году Абхазского княжества нынешняя территория Абхазии имела статус военного отдела, потом Сухумского округа. После Гражданской войны, когда Сухумский округ входил в состав ГДР, в 1921 году была провозглашена Советская Социалистическая Республика Абхазия, на тот момент находившаяся в том же статусе, что и Грузия – Грузинская советская социалистическая республика. Между республиками в составе СССР (куда они обе в качестве субъектов[130] Закавказской федерации вошли в 1922 году) существовали договорные отношения, и только в 1931 году Абхазия формально вошла в состав Грузии, снизив свой статус до Автономной советской социалистической республики. Зафиксируем, что в абхазской истории имеют место минимум два случая, когда она подчинялась более высоким уровням власти в обход Грузии: Сухумский

[129] Ibid. P.22.

[130] Абхазия входила «через» Грузию, находясь к тому моменту с ней в федеративных отношениях.

округ Российской империи и Абхазская ССР. К последнему статусу страна вернётся в 1990 году путём самопровозглашения.

Приднестровье было государством-сегментом в статусе АССР, причём сначала в составе Украины с 1924 по 1940 годы. В рамках Молдавской ССР приднестровская территория особую статусность потеряла, вернув только после распада СССР. В настоящее время ПМР наряду с Абхазией являются единственными сецессионистскими проектами, которые признаются материнскими государствами в качестве особых административно-территориальных единиц (ПМР согласно молдавскому законодательству является административно-территориальными единицами Левобережья Днестра). В отличие от Абхазии ПМР никогда не имела равного статуса с материнским государством и никогда не признавалась властями более высокого уровня самостоятельной территорией.

В отношении Южной Осетии территориальные изменения в рамках имперского и постимперского строительства имели бОльшие масштабы. Во второй половине XIX века территория нынешней ЮО была разделена между Горийским и Душетским уездами Грузии. Во время Гражданской войны осетины поднимали несколько восстаний, который были подавлены грузинами. В рамках советизации Грузии на территории Южной Осетии была провозглашена автономная область, что ниже по статусу, чем автономная республика, государственными языками были грузинский и русский. В процессе распада СССР Южная Осетия дважды пыталась повысить свой статус сначала до автономной республики, потом до союзной республики (Южно-Осетинская советская демократическая, позднее та же за исключением слова «демократическая»). В рамках «войны процедур», когда сецессия повышала статус, а материнское государство последовательно отменяло эти решения, Южная Осетия, с точки зрения Грузии, вообще перестала существовать. В 1990 году автономия была упразднена грузинским Верховным советом. В настоящее время территория страны согласно грузинскому законодательству разделена

между несколькими мхаре (краями), а официальное её наименование «Цхинвальский регион» или «бывшая юго-осетинская автономная область». В этом уникальный статус Южной Осетии по сравнению с прочими рассматриваемыми казусами: во всех остальных случаях материнские государства признают территориальные автономии сецессий в различных видах.

Л/ДНР не имели автономии до начала суверенизации. Попытки равных в правах с другими регионами Украины Донецкой и Луганской областей провести в 1994 году референдум о федерализации были нивелированы судом и Генпрокуратурой Украины. Последний раз высокий уровень автономии можно было найти на этих территориях почти 100 лет назад в рамках Донецко-Криворожской республики, границы которой вовсе не идентичны границам ДНР и ЛНР. При распаде СССР ни одна из этих политий не стремилась повысить свой статус до автономного при условии «развода» с Москвой собственной столицы, в отличие от Абхазии, Южной Осетии и ПМР. Декларируя необходимость разрыва с Киевом и вхождение в состав России или создание Новороссии, Донецк и Луганск не учитывают отсутствие институциональной традиции существования вместе с Москвой за последние 23 года.

Ни ДНР, ни ЛНР не являются образованиями, имеющими этническую и лингвистическую основу. Обе самопровозглашенные республики объективно лишены важнейшего инструмента легитимации сецессионистских проектов[131]. В отличие от прочих политий их лидеры не могут апеллировать к существованию особой этнической общности с отдельным языком в рамках границ. Административный фронтир, доставшийся в наследство от Киева, — единственный инструмент оправдания функционирования конкретно ЛНР и ДНР[132]. Русские, русскокультурные и русскоязычные люди живут далеко за

[131] Comaia G., Venturib B. Language and Education Laws in Multi-ethnic de facto States: the Cases of Abkhazia and Transnistria // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2015. – Vol. 43, Issue 6. – P. 886–905.

[132] Robinson R. Russia's role in the war in Donbass, and the threat to European security // European Politics and Society. – 2016. – Vol. 17, Issue 4. – P. 506–521.

пределами республик. Апелляция к русской крови, истории и языку имела больший смысл для Новороссии, условно отделявшей украинское население от русского (но и в этом случае этнические и лингвистические границы крайне размыты)[133]. У идеологов ЛНР и ДНР отсутствует монополия на этничность, которая, например, была у РА – для абхазов, у РЮО – для осетин, у ЧРИ – для чеченцев. Дискурс лидеров Донбасса строится вокруг цели «дойти до границ областей» или «борьбы с карателями»[134], что, конечно, несравнимо по силе влияния на массовое сознание с «построить свое чеченское государство», «избавиться от грузинского ига» (для абхазов) или «воссоединиться с братьями» (для осетин).

Несмотря на утверждения российских федеральных телеканалов о притеснениях русского языка на Украине[135], сецессия Крыма и последовавшая война на юго-востоке привели к утрате Россией монополии на русскость в массовом сознании граждан Украины, при этом давление государства на русский язык усилилось. Политическое украинство, при котором этническую и даже национальную идентичность гражданина можно определять как русскую, больше не является антирусским (безусловно, в разы увеличив свой антироссийский нарратив). Как говорил один из командиров бригады армии ДНР в беседе с автором в феврале 2016 года, «эфирные переговоры, которые мы перехватываем, идут на русском. Большая часть сражающихся против нас – русские, которые лояльны украинскому государству, прежде всего, потому что рассматривают

---

[133] Bobick M.S. Separatism Redux: Crimea, Transnistria, and Eurasia's de facto States // Anthropology Today. – 2014. – Volume 30, Issue 3. – P. 3–8.

[134] Kuzio T. Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian // Conflict Studies in Ethnicity and Nationalism. Special Issue: Nationalism and Belonging. – 2015. – Vol. 15, Issue 1. – P. 160.

[135] Базисный стереотип, сформированный после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года, описывается фразой «майданные власти запретили русский язык». Принятый накануне парламентских выборов-2012 в популистских целях закон депутатов «Партии регионов» Колесниченко-Кивалова от 2012 провозглашал русский одним из 11 региональных языков. Когда новые нелегальные киевские власти захотели отменить этот закон, безусловно, массовым сознанием рассматривавшийся как «закон о русском языке», ОБСЕ послала им сигнал, и председатель парламента и и.о. президента Украины Турчинов не подписал постановление Рады об отмене закона. Закон был отменён позднее при президенте Порошенко.

Россию как государство-агрессор». Русский язык и русская этничность более не являются политическими маркерами внутри территории, подконтрольной Киеву, как это было, например, во время «оранжевой революции» и до начала «революции достоинства»[136]. В этой связи элиты республик лишены апелляции к лингвистическому компоненту в стиле «„укропы“ запрещают русский язык». Несмотря на сужение пространства использования языка, с которым борется государство, Украина остаётся билингвальной. Кроме того, жители соседних с ДНР и ЛНР областей говорят по-русски и являются носителями того же культурного кода, что и жители самопровозглашённых республик. Искусственно сформированная линия разграничения не совпадает с культурно-лингвистическим разделением регионов Украины. Это является дополнительным препятствием для успешной сецессии Донбасса. Под критерием наличия собственного языка мы понимаем не монопольное его использование в изучаемых регионах (в РЮО говорят на грузинском, в ЧРИ использовали в том числе русский, в Гальском районе РА живут абхазские грузины и т.д.), а обладание им титульным этносом. Наличие такого этноса полностью определяет лингвистический критерий. ЧРИ, НКР, РЮО и Абхазия в отличие от ПМР, ЛНР и ДНР являются институционализированными вокруг чеченцев, армян, осетин и абхазов с их языками, соответственно. ПМР в данном случае исключение: уникальный опыт республики состоит в мирном сосуществовании русских, молдаван и украинцев с тремя языками и попытками сформировать надэтническую идентичность «я приднестровец».

Учитывая, что Л/ДНР не имели статуса государств-сегментов, идеологи становления республик обращались к историческому опыту в рамках конструктивистской парадигмы. В отношении существовавшей месяц как автономия в составе РСФСР в 1918 году Донецко-Криворожской республики

[136] К вопросу об использовании русского языка на Украине: Влияние советского наследия на национальное строительство в Белоруссии и на Украине // Политическая наука. – 2017. – N 3. – С. 195–218.

(ДКР) лидеры и публичные спикеры ДНР неоднократно подчёркивали преемственность. «Альтернатива Западу», «равенство, свобода, справедливость», «великое событие» (о создании ДКР), «союзное государство с Россией», «экономическая самодостаточность» – такие идеологемы промотировались в массовом сознании в ДНР посредством публичных выступлений, организации массовых и экспертных мероприятий[137]. Даже после смерти А. Захарченко его советник А. Казаков продолжал писать о ДКР, проводя параллели между ДКР – ДНР и Артёмом (Ф. Сергеевым) – А. Захарченко[138]. Наконец, на официальном уровне преемственность с ДКР признавалась в ДНР документально (но, подчеркнём, не в ЛНР, поскольку для луганских элит это означало бы курс на объединение с ДНР, от чего в последние 5 лет они всячески уклонялись). В 2015 году депутаты Народного совета (парламента ДНР) приняли «МЕМОРАНДУМ Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности», в котором прямо указывали: «мы подтверждаем историческую связь государственных образований Донецко-Криворожской Республики и Донецкой Народной Республики… Донецко-Криворожская Республика официально не прекращала свое существование, несмотря на германскую оккупацию, военные действия и другие социальные катаклизмы. Ее идеи жили в сердцах и душах миллионов людей… Мы провозглашаем продолжение традиций Донецко-Криворожской Республики и заявляем, что государство Донецкая Народная Республика является ее преемником; призываем к сотрудничеству и объединению усилий по построению нового федеративного государства на добровольных договорных основах народы территории Украины, входившие в состав Донецко-Криворожской Республики, а

---

[137] «Опередившая время на век»: Донецко-Криворожская Республика была создана 100 лет назад // ИА News Front. 12.02.2018. URL: https://news-front.info/2018/02/12/operedivshaya-vremya-na-vek-donetsko-krivorozhskaya-respublika-byla-sozdana-100-let-nazad/ (дата обращения: 12.05.2020) или Слободской М. От ДКР к ДНР. К вопросу о границах современной Украины // Информационно-аналитическое издание Столетие. 12.02.2015. URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/ot_dkr_k_dnr_469.htm (дата обращения 12.05.2020).

[138] Казаков А. ДНР: республика Захарченко // ИА Регнум. 22.09.2018 URL: https://regnum.ru/news/2487080.html (дата обращения 12.05.2020).

так же других областей, выразивших своё согласие стать равноправными субъектами федерации»[139]. В феврале 2016 года элиты ДНР активно использовали информационный повод 98-летия со дня установления Донецко-Криворожской для продвижения национального нарратива о «независимости ДНР, которая уходит корнями в историю». Несмотря на официальное «закрытие» проекта «Новороссия» со стороны кремлёвских идеологов и его сторонников в ДНР/ЛНР, иностранные гуманитарии рассматривают национальное строительство на Донбассе по-прежнему в рамках националистического нарратива и апелляции к советскому прошлому и православию[140].

За рамками конструктивистской парадигмы в отношении нынешних Л/ДНР можно упомянуть несколько реальных административно-территориальных статусов, которые могли бы претендовать на роль государства-сегмента, если бы имели хоть какую-то степень автономии от соседних территориальных единиц (см. табл. 6). С 1919 по 1925 годы Луганская и Донецкая области входили в общую Донецкую губернию, с 1925 по 1932 были разделены на 5 округов, с 1932 по 1938 – вновь в общую Донецкую (Сталинскую) область, с 1938 по 2014 были разделены на две области (обе меняли название – Луганская/Ворошиловградская, Сталинская/Донецкая).

Таблица 6 – Иерархия статусов сецессий, признаваемых материнским государством (государства-сегменты)[141]

	ПМР	Л/ДНР	Абхазия	Южная Осетия
СССР			1921-1931	

[139] Меморандум Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности // Официальный сайт Народного совета ДНР. 04.02.2015. URL: https://dnrsovet.su/155-memorandum-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osnovah-gosudarstvennogo-stroitelstva-politicheskoj-i-istoricheskoj-preemstvennosti/ (дата обращения: 15.05.2020).

[140] Laruelle M. The Three Colors of Novorossiya, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis // Post-Soviet Affairs. – 2016. – Vol. 32, № 1. – P. 60.

[141] В данной таблице представлены только те статусы, которые признаются или признавались материнскими государствами, т.е. теми, кто способен наделять территориальную политию статусом государства-сегмента. Случаи формального или фактического обретения независимости от материнских государств здесь не рассматриваются.

АССР	1924-1940		1931-1990	
Автономная республика			1995 по н.вр.	
Автономное территориальное образование	1994 – по н.вр.			
АО				1922-1990
Область		1919-2014*		
ОРДЛО		2015 – по н.вр.		

*с постоянно менявшимися статусами: губерния, 4 округа, область, 2 области

Наибольшую вероятность успеха сецессии по критерию функционирования государства-сегмента до объявления о старте сецессии имела Абхазия. Это единственный случай, когда, во-первых, статус будущей сецессии был равен статусу материнского государства (причём достаточно длительное время – с 1921 по 1931 годы), во-вторых, этот статус признавался и будущим материнским государством, и государством более высокого уровня СССР, в-третьих, Абхазия обладала наивысшим возможным статусом ССР, а позднее – АССР. Наконец, автономный статус Абхазии сохраняется и в грузинской конституции, согласно которой она является автономной республикой в составе Грузии. Признаваемое Молдовой в качестве особой территориальной единицы Приднестровье стоит в иерархии ниже Абхазии, но выше остальных рассматриваемых казусов, поскольку 16 лет имела статус АССР.

На основании критерия наличия государства-сегмента сложно ранжировать Л/ДНР и Южную Осетию. По критерию признания властями материнского государства Л/ДНР стоит, безусловно выше. По критерию истории различных видов статусности – ниже. В рамках советского государства у Л/ДНР не было никаких особых статусов. Более того, вопрос, который мы озвучили в начале параграфа, к ним применим более всего: «Где именно наша территория?» Авторские интервью с солдатами и офицерами ДНР, проведённые в 2016-2018 годах, убедительно показывают, что у тех людей, кто был готов с оружием в руках отстаивать сецессионистский проект, не было консолидированного мнения о его цели: «дойти до границ областей», «взять Киев», «освободить всю

Украину». Цели руководства, выражаемые официальными лицами, также разнились. Назывались проекты Новороссии, ДКР, Малороссии. Претензии Л/ДНР на территории, бОльшие, чем те, что они контролируют в силу стечения обстоятельств (по состоянию на февраль 2015 года, когда был подписан «Минск-2», а линия фронта глобально не изменялась), не обоснованы исторически. Донецкая и Луганская области в составе Украины не меняли свой статус на протяжении почти ста лет. Особенно стоит отметить, что они не оспаривали его в момент распада СССР, как это имело место в остальных рассматриваемых случаях. Т.е. можно уверенно написать, что в случае Л/ДНР государство-сегмент отсутствует как таковое. Стремления идеологов ДНР «протянуть» исторические корни вглубь – к ДКР – можно объяснить пониманием этого и стремлением отдельных практиков-конструктивистов (прежде всего, А. Пургина и А. Казакова) создать особые основы государственности ДНР. При этом отличие от Южной Осетии состоит в том, что материнское государство всё же признаёт существование непризнанных республик в виде аббревиатуры ОРДЛО (отдельные районы Донецкой и Луганской областей с особым статусом) и гарантирует им этот особый статус, что, подчеркнём, не является консолидированной позицией украинского руководства и является скорее политической технологией в рамках процесса урегулирования/эскалации конфликта.

После того как мы рассмотрели объективные факторы сецессий, т.е. те, на которые человек оказывает влияние в наименьшей степени (конечно, и география, и трактовки истории могут быть изменены при должных усилиях), обратимся к более подвижным факторам: политическим, военным, международным и легалистским.

Глава 3. Имманентные факторы сецессий: двусторонний процесс

Рассмотрев объективные факторы сецессий, в наименьшей степени зависящие от конъюнктуры, перейдём к более изменчивым. Данная глава посвящена рассмотрению сецессии как процесса, в котором противоположны действия минимум двух акторов: сепаратистская территория проводит выход, а материнское государство этому препятствует. И наоборот, в ответ на попытки сохранить конкретную территорию под суверенитетом центра (часто силой), она сопротивляется и осуществляет сецессию. Это двусторонний и двунаправленный процесс в данной главе мы изучаем при исследовании переменных а) юридического оформления сецессии парламентами де-факто государств, б) фактического противостояния армий материнских государств сецессиям и в) комплексной (т.е. не только военной) политики материнских государств, направленной на прекращение сецессий, рассматривая эти политические курсы, в т.ч. как варианты выбора для украинского кейса при разрешении конфликта, идущего с 2014 года. В данной главе особое внимание уделено чеченскому кейсу и России, представленной не как патрон, а прежде всего в качестве материнского государства, столкнувшегося с жесточайшей сецессией и успешным образом с ней справившегося.

3.1 Легитимация сецессионистских процессов через голосования народа и декларации парламентов

Как показывается практика, для легитимизации процесса сецессий власти сецессий и государство-патрон в случаях, когда этого требует текущий

политический момент[142], обращаются к результатам референдумов и документам, отражающим волю народов прямо или опосредованно, например, через парламентские декларации. Именно поэтому один из важнейших факторов прогностического анализа сецессий – их юридические формы.

Референдум как реализация высшей воли народа проходил во всех исследуемых казусах. При этом далеко не все голосования имели отношения к суверенитету сецессионистских политий и их внешней политике.

Характерной особенностью для трёх из пяти рассматриваемых казусов было наличие статусности в виде автономии на момент распада СССР. В ПМР она была утрачена, Л/ДНР тогда не существовали, Южная Осетия обладала статусом автономной области, Абхазия имела наивысший из всех рассматриваемых случаев статус автономной республики. Приднестровье находится в лидерах по числу референдумов: с 1989 по 2018 годы на данной территории прошло 7 всенародных голосований. Самый первый референдум, по сути, уникальный в сравнении с прочими сецессиями, состоялся в 1989-1990 годах и знаменовал собой образование Приднестровской молдавской советской социалистической республики (ПМ ССР) – все остальные сецессии начинали старт с референдумов о независимости/суверенитете. Общим у трёх сецессий является участие в референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 года, равно как и нежелание материнских государств участвовать в нём. И ПМР, и Абхазия, и ЮО неоднократно устами официальных лиц, общественности и экспертного сообщества опирались на результаты голосований в марте 1991 году (во всех трёх число желавших сохранить СССР превышало 90%) как на значимую причину, во-первых, становления собственной государственности в виде статусных республик, наравне с другими союзными республиками поддержавшими сохранение

[142] Например, в условиях реинтеграции Крыма – хотя все 23 года до государственного переворота на Украине официальная Россия признавала суверенитет Украины над полуостровом.

федерации/конфедерации, во-вторых, как легитимное обоснование выхода из состава материнских государств, не пожелавших находится в составе СССР.

Все три республики также провели референдумы о независимости в 1991, 1992, 1999[143] годах, которые не были признаны ни руководством республик, ни общесоюзным руководством. Вероятно, 1990-1992 годы – время «парламентских сражений» между законодательными органами будущих сецессий, союзных республик (будущих материнских государств) и центра – следует считать официальным стартом реальной борьбы за существование в непризнанном статусе для данных политий.

В случае ЮО в связи с выходом из состава Грузинской ССР было опубликовано даже две парламентских декларации о государственном суверенитете от 1990 и 1991 года, а воссоединение с Россией упоминалось в официальных документах трижды (1991, 1992 и 2006). В ПМР парламент провозгласил независимость в 1990 году, а необходимость войти в состав России декларировалась на референдуме 2006 года.

Таким образом, если брать в качестве критерия сравнения юридически оформленную волю народа: прямую – в виде голосований на референдумах и косвенную – в виде деклараций парламентов о суверенитете – все исследуемые казусы предельно чётко разделяются на две неравномерные группы. В первую входят Абхазия, ЮО и Приднестровье, проводившие референдумы о независимости и имеющие конкретные документы для отстаивания собственного суверенитета, несмотря на непризнание таких голосований со стороны членов ООН. Кроме того, ЮО и ПМР подтверждали на референдумах курс на вхождение в состав России; Абхазия всегда отстаивала только независимость от Грузии. Ко второй относятся ЛНР и ДНР. Референдум на этих территориях прошёл единожды. В 1994 году местные общественные активисты вынесли на

[143] В Абхазии формально это был референдум о Конституции, принятой парламентом в 1994 году. Де-факто на основе решения народа на референдуме в 1999 году был принят акт о государственной независимости Абхазии.

голосование 4 вопроса, два из которых были посвящены языковому самоопределению, по одному – форме административно-территориального устройства страны и векторам внешнеэкономической интеграции. Собственно, тогда элиты Донецкой и Луганской областей не выдвигали всерьёз требований о сепаратизме, заменяя его даже не автономизацией, а федерализацией. Важно также подчеркнуть, что голосование 1994 года проходило на всей территории областей Украины. Заявления «парламентов», позднее ставшие Актами о государственной самостоятельности ЛНР и ДНР, принимались захватившими украинские органы власти активистами, многие из которых попросту не имели депутатского статуса. Это ещё одно отличие ситуации в Л/ДНР от прочих сецессий, где их формальный старт обеспечивался легальными и легитимными парламентскими элитами. Единственный референдум, имевший сепаратистский характер, был проведён в 2014 году на территории, подконтрольной Л/ДНР, что также отличает его от всенародных голосований в ПМР, РА и РЮО, проводившихся на всей заявленной для отделения территории. На референдумы, итоги которых не признал ни один член ООН, которые были проведены с массой нарушений, были вынесены вопросы о поддержке вышеупомянутых Актов о независимости. Сейчас эти референдумы являются одной из юридических основ государственности Л/ДНР.

По степени признанности все рассматриваемые голосования и заявления также можно разделить на две группы: абхазские и юго-осетинские референдумы о независимости/суверенитете и аналогичные парламентские декларации Россия признала в 2008 году (именно о них упоминал президент Медведев, оглашая свой указ о признании[144]), все остальные – нет (см. табл. 7). Максимум устами официальных лиц Россия заявляла об уважении их итогов. В случае Л/ДНР значение их деклараций о суверенитете резко редуцируется спецификой

[144] Полный текст заявления Дмитрия Медведева о признании независимости Абхазии и Южной Осетии // Корреспондент. net: интернет-журн. 26.08.2008. URL: https://korrespondent.net/world/russia/565820-polnyj-tekst-zayavleniya-dmitriya-medvedeva-o-priznanii-nezavisimosti-abhazii-i-yuzhnoj-osetii (дата обращения: 22.06.2020).

принятия: нелегитимными и частично нелегальными акторами – в отличие от прочих случаев, когда голосования проводились в легитимных парламентах. Единственная общая черта всех голосований в рассматриваемых сецессиях – ни один из референдумов не был признан материнским государством. Непризнание итогов голосований на территориях, желающих осуществить выход, – один из шагов, предшествующих военным действиям со стороны материнского государства, стремящегося силой восстановить контроль над сецессией.

Таблица 7 – Случаи юридического оформления сецессии и автономизации

	ПМР	Л/ДНР	Абхазия	Южная Осетия
Статус	МАССР/ПМССР	области Украины*	АССР	АО
Референдум об образовании республики	1989-1991			
Референдум о сохранении в составе СССР	1991		1991	1991
Референдумы о независимости	1991, 2006 (с последующим вхождением в состав России)	2014		1992 (изменение статуса с АО на независимую республику/воссоединение с Северной Осетией), 2006
Референдумы о Конституции	1995		1999	2001
Референдумы о языковом самоопределении		1994**		2011 (русский из официального стал государственным)
Прочие референдумы	1995 (о нахождении на территории 14-ой российской армии), 2003 (о введении частной собственности на землю)		2016 (о досрочных выборах)	2017 (об изменении официального названия страны)
Парламентские декларации о суверенитете	1990		1990	1990, 1991

*территория сецессии не совпадает полностью с территорией областей

** 1) формально не являлся референдумом; 2) проводился на всей территории Донецкой и Луганской областей Украины

3.2 Попытки реинтеграций сецессий военным путём

Одним из общих признаков для постсоветских сецессий, стартовавших после распада Советской империи, стали военные конфликты, начавшиеся после распада Российской империи. Собственно, войны 90-х и 2000-х являются повторением войн начала 1920-х. Нагорный Карабах был одним из очагов противостояния Армении и Азербайджана в рамках войны 1918-1920 годов. С 1917 по 1921 годы в Абхазии с переменным успехом проходили столкновения между сухумскими большевиками и грузинскими меньшевиками. Уже тогда Грузинская демократическая республика со столицей в Тбилиси боролась за контроль над Сухумским округом бывшей Российской империи. В 1918-1920 годах в Южной Осетии имели место три крупных антиправительственных восстания, направленных на выход региона из состава Грузии и присоединение к РСФСР. Все восстания были подавлены войсками грузинских меньшевиков и народной гвардией Грузии. Уже тогда грузинское правительство подчёркивало этнический компонент в столкновениях с жителями Южной Осетии – почти дословно его будет повторять Звиад Гамсахурдиа в 1989 году. Восстаний не было на территории ПМР и Л/ДНР, поскольку в данных политиях уровень этнических противоречий с материнскими государствами (в первом случае – с Россией и Румынией по состоянию на конец 2010-х, во втором – с Россией и Украиной) крайне незначителен: этнические молдоване, русские и украинцы на территории нынешней ПМР и этнические русские и украинцы на Донбассе жили смешано, а не компактно, как абхазы, осетины и армяне в Абхазии, Южной Осетии и Карабахе, соответственно.

Стоит особо подчеркнуть, что в ряде случаев сложно сказать, кто является жертвой и агрессором. Например, и в абхазском, и грузинском постсоветском национальном строительстве есть свои мифы о войне 1992-1993 годов (в РА её называют Отечественной). Абхазы вспоминают трагедию со сбитым у села Латы

вертолётом, грузины – зверства «басаевских янычар»[145]. По обе стороны Днестра с разницей всего лишь в 60 км в музеях истории одни и те же боевые действия трактуются диаметрально противоположно: в Тирасполе кишинёвская милиция и молдавско-румынские парамилитарные образования – враги, а убитые имени жители ПМР – невинные жертвы, в Кишинёве – с точностью до наоборот.

В нескольких случаях военные действия «материнского» государства не просто не препятствовали сецессии, а, напротив, работали на сплочение политической нации внутри сецессионистских проектов на основе общих для всех ценности противодействия внешнему врагу (так было в ПМР, РА и РЮО). Грань, отделяющую готовность государства защищать свою территориальную целостность и шовинистские действия того же государства по подчинению этноса, встраиваемого в национальный проект большинства, для всех случаев определить невозможно. Едва ли жители Луганской области, подвергшиеся зверствам со стороны националистического батальона «Торнадо», будут стремиться сохранить в массовом сознании попытки украинского государства впоследствии пресечь незаконную деятельность батальона посредством следствия и суда. Поскольку массовое сознание в рамках конфликта вытесняет любые сомнения в виновности противоположной стороны, любые активные военные действия трактуются им как агрессия. Автор неоднократно убеждался в этом на личном примере общения с украинцами и грузинами, всецело возлагающими ответственность за конфликты с Л/ДНР и Абхазией/Южной Осетией, соответственно, на Россию. Поэтому мы убеждены, что активные боевые действия для реинтеграции без последующего плана по замирению конфликтующих этнических и политических общностей самым очевидным образом поддерживают сепаратизм.

[145] Токарев А. Национальный проект Абхазии // Политком.ру. Инф. сайт полит. комментариев [Электронный ресурс]. 07.10.2013. URL: http://www.politcom.ru/16510.html (дата обращения: 7.10.2013).

Отдельные наступательные действия Азербайджана на фоне разморозки конфликта в НКР в 2016 году не являются предметом данного исследования. Отметим лишь, что Азербайджан наиболее последователен в стремлении военным путём реинтегрировать территорию сецессии из всех постсоветских государств. Сразу после Азербайджана следует упомянуть Украину, начавшую в 2014 году «Антитеррористическую операцию» (АТО), со временем превратившуюся в полномасштабные боевые действия с применением авиации, бронетехники и артиллерии. Стремясь ввести боевые действия в собственное правовое поле, Украина в 2018 году переименовала «АТО» в Операцию объединённых сил, передав контроль за военным планированием от СБУ армейскому руководству и конкретнее обозначив официальную позицию: Россия – «агрессор», территории Л/ДНР – «оккупированные»[146]. Т.е. согласно официальной позиции Киева Украина сражается на Донбассе с Россией. Согласно подписанным Украиной, представителями ОРДЛО и посредниками «Минским соглашениям», Россия не является стороной данного документа, что, конечно, не отменяет её патронаж.

После Украины, предпринявшей одну попытку вооружённого решения, но в виде массированной военной операции, следует Грузия, пробовавшая реинтегрировать де-факто государства 9 раз самыми различными методами: от полномасштабных военных действий до ограниченных полицейских операций и точечных провокаций. Территорию Абхазии она пыталась вернуть силой в рамках войны 1992-1993 годов, формально закончившейся подписанием Московского перемирия 1994 года и направлением в регион Коллективных сил по поддержанию мира (КСПМ) – миротворцев СНГ. С течением времени интенсивность боестолкновений шла на спад, но конфликты 1998, 2001 и 2006 годов (см. табл. 8) всё же остаются заметными попытками если и не вернуть территорию Абхазии целиком, то реинтегрировать её отдельные части или нарушить управляемость. В 1998 году речь шла о возвращении приграничного с

[146] Филипенок А. Смена формата: что означает окончание АТО в Донбассе // РБК: интернет-журн. 03.05.2018. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/05/2018/5aeade659a794775466568f6 (дата обращения: 22.06.2020).

Грузией Гальского района при помощи партизан и части сил МВД[147], в 2001 – о рейде через всю территорию Грузии банды чеченских боевиков, которую власти пропустили для помощи полевому командиру ещё одного не подчиняющегося правительству подразделения (можно сказать, что официальный Тбилиси в условиях слабой государственности использовал «врагов своих врагов» в качестве неофициальных вооружённых сил). Так же и Украина в условиях слабо организованной и плохо оснащённой армии на первых этапах конфликта позволяла парамилитарным образованиям участвовать в боях против Л/ДНР наряду с ВСУ и внутренними войсками МВД, впоследствии преобразованными в Нацгвардию.

Наконец, в 2006 году правительство Грузии боролось с сецессией внутри сецессии, возвращая под контроль Кодорское ущелье – ту территорию, которая формально находясь в составе Абхазии, не подчинялась ни ей, ни Тбилиси. Провокации в адрес российских миротворцев в 2004 и 2007 годах нельзя считать реальной попыткой реинтеграции, поскольку они были имиджевыми мероприятиями для М.Н. Саакашвили, но не реальной работой на благо грузинской государственной состоятельности. В прессе достаточно распространён стереотип о том, что Грузия в 2008 году попыталась силой решить обе проблемы: не только осетинскую, но и абхазскую. Это не соответствует действительности: боевые действия в августе 2008 года в Кодорском ущелье осуществляли сначала ВС Абхазии, потом российские части ВДВ, причём они носили наступательный характер. Поэтому в отношении Абхазии справедливо написать, что последняя реальная попытка Грузии вернуть хотя бы её часть силой относится к 2006 году.

В отношении Южной Осетии первой попыткой силового захвата может считаться марш на Цхинвали под предводительством З. Гамсахурдиа, когда ЮО

[147] В 1998-м Абхазия подавляла действия грузинских партизан на собственной территории в Гальском районе силами 4600 военных и ополченцев при использовании бронетехники и артиллерии. Центральное правительство Грузии поощряло вооружённую борьбу ополченцев из грузинских сёл, а также партизанских формирований («Белый легион», «Лесные братья») на территории одной из частей (Гальский район) сепаратистской единицы (Абхазии) против её же правительства, реализуя политику ирредентизма.

ещё была в составе Грузии. Будущий грузинский президент позволил себе откровенно шовинистические высказывания. В 1991-1992 годах имела место первая грузино-юго-осетинская война, которая велась не только регулярной армией, но и полукриминальными формированиями, желавшими, с одной стороны, оспорить суверенитет официальных властей, свергнув З. Гамсахурдиа, с другой, восстановить контроль над ЮО. В 2004 году новые власти Грузии объявили курс на восстановление территориальной целостности, в результате чего конфликт, считавшийся замороженным, вновь вернулся в горячую фазу: в зону ответственности Смешанных сил по поддержанию мира, находившихся в ЮО по Дагомысским соглашениям 1992 года, была введена грузинская армия, а города республики подверглись артобстрелам. Самым известным шагом грузинского правительства по реинтеграции мятежных республик стала пятидневная война 2008 года, когда официальный Тбилиси попытался силой вернуть ЮО под грузинский суверенитет.

Молдова из всех материнских государств оказалась самым «миролюбивым». Конфликт с сецессионистской политией был кратковременным – его вооружённая фаза длилась менее полугода. Но в 1992 году Молдова поначалу применяла тактику диверсионной деятельности (убийства снайперами, теракты на объектах инфраструктуры), потом использовала полицейские силы с лёгкой бронетехникой, после чего в конфликт вступила молдавская армия, применив тяжёлую бронетехнику, артиллерию и авиацию.

Таким образом все три материнские государства пытались реинтегрировать сецессии военным путём. Парадоксально, но, несмотря на уверенность чиновников и политиков в необходимости использования парамилитарных формирований, вооружённых волонтёров, полицейских сил, национальной гвардии и, наконец, армии для возвращения мятежных территорий под контроль центра, мы предполагаем, что это один из основных факторов развития сецессии и в конечном итоге её успеха. Во-первых, по обе стороны конфликта война «входит» в музеи и памятники, закрепляясь в национальных нарративах сецессий.

Экспонаты и монументы, посвящённые конфликтам с материнскими государствами, есть и в Л/ДНР, и в Абхазии, и в РЮО, и в ПМР. Такие же экспонаты и памятники есть в материнских государствах. Во-вторых, мотив наличия врага постоянно используется во внутренней политике сецессий во время электоральных кампаний. Обвинение в работе на материнское государство – одна из основных политических технологий по дискредитации соперников. В-третьих, агрессивные высказывания и действия националистов «с той стороны границы» (из материнского государства) транслируются внутрь сецессий, что явным образом осложняет примирение. В целом, мы можем уверенно утверждать, что в отсутствие плана по реинтеграции сецессий множественными средствами, включающими в обязательном порядке финансовые, экономические и политические, материнское государство, использующее лишь военную силу, постигнет неуспех.

Кроме того, нельзя однозначно судить о качестве государственности, принимая во внимание сам факт того, что материнское государство пытается восстановить суверенитет над сецессией военным путём. Характерен случай 2001 года, когда правительство Э.А. Шеварнадзе «не заметило» передвижений банды Р. Гелаева с востока Грузии на запад, чтобы боевики помогли отряду ополченцев «Монадире», созданному в 1992 году из сванов и подчинявшемуся Э. Квициани[148], при нападении на ВС Абхазии. Грузия пыталась легализовать отряд Квициани, в 1998 году формально введя его в состав собственных ВС, чем фактически признала подконтрольность Кодорского ущелья полевым командирам-сванам. Использование слабо подконтрольного ГШ ополчения и боевиков для восстановления контроля за территорией свидетельствует о слабости центральной власти и её силового аппарата. Похожие усилия предпринимала Украина, когда всячески поощряла переброску добровольцев-националистов со всей страны в зону конфликта на Донбассе, параллельно обучая их и вооружая. Это свидетельствовало о низком уровне мотивации регулярной

[148] Сначала «представитель президента Грузии», впоследствии – «изменник Родины».

украинской армии к участию в данном конфликте. С течением времени парамилитарные отряды националистов были либо расформированы, а часть из них предана суду, либо встроены в структуру Национальной гвардии и ВС.

Как бы ни звучало парадоксально, но попытки силовой реинтеграции территорий, напротив, работают на сохранение и развитие сецессионистских устремлений.В нескольких случаях военные действия материнского государства не просто не препятствовали сецессии, а, напротив, работали на сплочение политической нации внутри сецессионистских проектов на основе общей для всех ценности противодействия внешнему врагу (так было в ПМР, РА и РЮО).

В любом случае в формирующийся национальный нарратив Донбасса уже включены концепты «укропов», «нациков», «карателей из добробатов» – всех тех, кто участвует в обстрелах, в т.ч. жилых кварталов городов и поселений. Наши респонденты из Донецка, Горловки и Луганска в глубинных интервью отмечают, что именно обстрел со стороны украинских ВСУ жилых кварталов (необходимый украинским силовикам в т.ч. для подавления огневых позиций ополчения) стал для них «точкой невозврата».

Часто материнские государства в условиях слабой государственной состоятельности, к тому же ухудшаемой «расползанием» территории во время сецессии, используют не просто нелегитимные, но и нелегальные и откровенно криминальные средства в попытках остановить сецессию. Так было в Грузии и на Украине, когда с сепаратистами помимо армии и внутренних войск боролись не только радикальные националисты и бандиты, но и боевики из других государств. Характерно, что в обоих случаях часть из них были чеченскими террористами. Собственно, любой конфликт привлекает внимание маргиналов всех мастей (автор знает нескольких участников украинского конфликта, воспринимавших боевые действия как «сафари» – охоту на людей), но показательно, использует ли их материнское государство в попытках на фоне ослабленной государственности восстановить контроль на сепаратистской территорией?

Грань, отделяющую готовность государства защищать свою территориальную целостность от шовинистских действий того же государства по подчинению этноса, встраиваемого в национальный проект большинства, для всех случаев определить невозможно. Дифференциация действий материнских государств по борьбе с сецессиями (России в Чечне, Грузии в Абхазии и ЮО, Молдавии в ПМР, Украины в Л/ДНР) зависит от нескольких переменных: официального дискурса по отношению к населению сецессии (условно «террористы» vs «наши граждане»), попыток замирения с сепаратистскими элитами и широкой амнистии участникам боевых действий против центра, готовности вкладывать государственные финансы в восстановление инфраструктуры. В следующем параграфе мы рассматриваем комплексные политики по реинтеграции сецессий, дифференцируя материнские государства по степени успеха.

Таблица 8 – Попытки со стороны материнских государств реинтегрировать территории сецессий военным путём

Материнское государство	Грузия		Молдова	Украина
Сецессия	Абхазия	Южная Осетия	ПМР	Л/ДНР
Случаи военной реинтеграции	Война 1992-1993 годов (грузинская нацгвардия+ВС)	1989 год – «марш на Цхинвали» националистических сил	1992 год – конфликт в Приднестровье: от диверсионной деятельности к полицейской операции и участию ВС	2014-2018 годы – Антитеррористическая операция (АТО), 2018 по н.в. – Операция объединённых сил (ООС)149
	1998год шестидневная война (грузинские партизаны+МВД)	1991-1992 года – грузино-югоосетинская война: попытки армии и криминальных структур восстановить контроль над ЮО		
	2001 год – конфликт в Кодорском ущелье (грузинские ополченцы+чеченские террористы)	2004 год – ввод войск Грузии на территорию ЮО и артиллерийские обстрелы городов		
	2006 год – полицейская спецоперация МВД Грузии по восстановлению контроля над Верхним Кодори	2008 год – пятидневная война		
	2007 год – отдельные нападения на КСПМ СНГ со стороны грузинского полицейского спецназа			
Наличие миротворцев	Коллективные силы СНГ по поддержанию мира с 1994 по 2008 годы	Смешанные силы по поддержанию мира с 1992 по 2008 годы	Де-факто: 14-ая армия ВС РФ, де-юре: Трёхсторонние миротворческие силы с 1992 года по н. в.	Отсутствуют

[149] Указанные боевые действия Россия считает гражданской войной на Украине.

			(сейчас – двусторонние150)	
Количество жертв обеих сторон по состоянию на апрель 2020 – приблизительно	8000 – Отечественная война 1992-1993 годов 500 – шестидневная война 1998 года 22 – конфликт в Кодори 2001 года 1 – конфликт в Кодори 2006 года 3 – конфликт в Кодори 2008 года	3000 – конфликт 1991-1992 годов 3000 – война 08.08.08	1000	14000

3.3. Де-факто государства Евразии в системе международных отношений: степень дифференцированного признания[151]

Логическое основание, на котором базируется данный параграф, представляет собой спорное интеллектуальное допущение о том, что признание некоторой территориальной политии другими (в обязательном порядке – членами ООН, т.е. уже признанными другими подобными территориальными политиями) акторами международных отношений, – это дифференцированный процесс, который можно аналитически рассматривать не только в рамках изучения государственной статусности (statehood), но и государственной состоятельности (stateness). Это значит, что он предполагает не только дипломатическое признание в виде обмена посольствами (именно это проявление признания чаще всего и присутствует в науке), но и военное и экономическое (см. подробнее операционализацию в таблице 10). Коллеги, много лет в России разрабатывающие проблематику аналитической дифференциации государственности на статусность и состоятельность, не только фиксируют различия в сущности «самопровозглашенных» и «де-факто государств, но и констатируют разные степени признания – всеобщее, практическое, фактическое, частичное и

[150] Участие России в миротворческих операциях // Министерство обороны РФ: [сайт]. URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations.htm (дата обращения: 22.06.2020).

[151] Данный параграф написан в соавторстве с А.Р. Маргоевым и А.Ю. Приходченко с учётом критическим замечаний С.М. Маркедонова, Н.Ю. Силаева и У. Уолфорта.

минимальное[152]. Тем не менее, авторы не предлагают подробного описания каждого из этих типов.

Уже благодаря коллегам Н.Ю. Силаеву и У. Уолфорту мы получили отличные критические аргументы в отношении степени дифференциации признания, но исходную посылку оставили без изменений, найдя в процессе исследования дополнительные подтверждения того, что признание представляет собой не только категорию дипломатических отношений.

Данный параграф не имеет цели внести новое знание в генезис становления государственности, но, используя методы сравнительной политологии, предполагает анализ формально не полноправных в отношении 193 членов элитарного клуба ООН, но ярких участников международной системы – де-факто государств (ДФГ). Мы далеки от восприятия ДФГ как постороннего феномена в среде равных, взаимно признанных членов ООН. Такой формально-правовой подход явным образом игнорирует фактическую реальность, где ДФГ являются акторами международных отношений. Справедливо пишет Сергей Маркедонов: «…в европейской и американской политологической литературе приняты термины для обозначения постсоветских непризнанных/частично признанных республик: «breakaway republics», «separatist states» или «quasi-states», т.е. «отошедшие республики», «сепаратистские государства» или «квазигосударства». Имманентно предполагается, что «отошедшие» республики в перспективе могут «вернуться», а квазигосударственность будет конвертирована в «настоящую»»[153].

Процесс появления и смерти государств происходит независимо от воли конкретных людей, являясь объективным. Конечно, войны или распады империй в результате «внутренних надрывов» влияют на количественные характеристики

---

[152] Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 26-39.

[153] Маркедонов С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства // Аналитический доклад, Ереван: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.

увеличения числа государств. Но в последние 200 лет число участников международной системы год за годом возрастает – лишь дважды в результате «собирающих» империю войн возникала обратная тенденция. Если в 1816 году после Венского конгресса число международных акторов, которых можно считать государствами, составляло 25 единиц, к 2002 году оно выросло почти до 200[154]. Исследования Б. Коггинз показывают, что появление и распад государств не детерминированы войной: распадаются и побеждённые, и выигравшие, появляются государства и по итогам войн, и в мирное время[155].

Почему так важно определить статусность ДФГ в отношении друг друга и понять степень их поддержки великими державами и патронами? На первый взгляд, ДФГ имеют меньшую устойчивость, чем признанные члены ООН. Как пишет Таниша М. Фазал, с 1816 по 1992 годы из 202 государств четверть уже «умерли», причём бОльшая их часть насильственным путём[156]. Автор подчёркивает, что шансы на «смерть» у буферных государств намного выше, чем у тех, которые являются противниками друг друга, с чем мы склонны согласиться. Причём под буферными государствами понимаются необязательно ДФГ: Фазал приводит в качестве буферных и признанные государства, члены Лиги наций и ООН, используя единственный критерий отнесения к буферным – географический. Он и Россию на протяжении последней трети XIX века относит к буферу между Китаем и Францией. Особенно подчеркнём, что не являемся сторонниками жёсткой детерминации самоопределения ДФГ, которую можно вычислить. Ярчайший пример – функционирование Абхазии и РЮО многие постсоветские годы в т.ч. в условиях блокады со стороны России. Как вычислить желание Михаила Саакашвили военным путём реинтегрировать их или признание Косово, ставшее одним из триггеров признания двух бывших автономий Грузинской ССР? В международных отношениях слишком много независимых

[154] Coggins B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism // International Organization. – 2011. – Vol. 65, № 3. – P. 437.
[155] Ibid. P. 445.
[156] Fazal, T. State Death in the International System // International Organization. – 2004. – Vol. 58, № 2. – P. 311–344.

переменных, чтобы говорить о жёсткой детерминации, поэтому мы склонны доверять тем исследованиям, которые позволяют судить о *вероятности* конкретных событий, не претендуя на их детерминацию.

Что есть современное государство? Выдающийся российский политолог Михаил Ильин, на наш взгляд, верно определяет государства как признающие друг друга ячейки внутри всемирной сетки взаимных признаний. «Государства возникают и функционируют лишь в составе объединяющих их международных систем. Условием возникновения и функционирования суверенных государств является не только монополизация власти в рамках отчетливо очерченной территории, но и признание права на подобную монополию со стороны аналогичных монотоактов за пределами их территории и со стороны различных политических субъектов внутри их территории»[157]. Мы принимаем в качестве исходной посылки такое определение государства, которое, в свою очередь, ставит новый вопрос.

Как измерить статусность (statehood) ДФГ? С одной стороны, отсутствие статуса признания как раз и обобщает все непризнанные и частично признанные государства. По различным параметрам государственной состоятельности (stateness) – качеству производимых общественных благ, специфике сбора налогов, уровню безопасности и верховенства закона и пр. – они различаются между собой много сильнее, нежели в отношении статуса – сравните многомиллиардный ВВП Тайваня и скудный юго-осетинский. С другой стороны, дихотомия «признанное – не признанное» автоматически заставляет задаться вопросами «кем?» и «как?» Непризнаваемый арабскими странами Израиль – это государство с каким уровнем статусности? Внутри ООН существует неединичное число случаев со «сложными» признаниями и, напротив, многие государства, которые имеют высший уровень статусности (т.е. членство в ООН) не контролируют полностью заявленную территорию, имея низкий уровень

[157] Ильин М.В. Признание государства в контексте эволюции мировой системы // Международные процессы. – 2012. – № 1. – С 18–27.

состоятельности (Грузия, Молдова, Украина, Сомали). Что говорить о тех политиях, где статус признания членами ООН – это едва достижимая цель, а не дипломатическая повседневность. В блестящей статье, объясняющей смысл аналитического разделения двух основных видов государственности, статусности (statehood) и состоятельности (stateness), М.В. Ильин указывает: «Есть один простой признак, который присущ всем государствам. Это их формальное «равенство» относительно друг друга… Это единственная их общая характеристика. Остальные их разделяют»[158]. Следовательно, мы в состоянии попытаться разработать иерархию признанности для ДФГ, которая, во-первых, позволит сравнить их по степени признания со стороны членов ООН, во-вторых, ранжировать их, избежав ловушки в единственной дихотомии «признанное – не признанное». Признание может быть разным. Совсем необязательно направлять посла в страну, чтобы обозначить её новый её статус для правительства члена ООН. Признание бывает военным, экономическим, дипломатическим (установление дипотношений и обмен послами считается высшим уровнем статусности), наконец, символическим. Когда террорист Яндарбиев долго пререкался с президентом Ельциным в отношении того, с какой стороны стола они сядут (напротив друг друга, или Ельцин – во главе), речь шла именно о символическом признании. Оно же имеет место, когда грузинские чиновники или эксперты показательно употребляют термин «Цхинвальский регион», подчёркивая, что «никакой Южной Осетии не существует». Или когда представители Украины подписывают наравне с представителями Л/ДНР документы ровно в тот момент, когда публичные спикеры заявляют, что «мы не признаём никакие «республики»».

ДФГ поддерживают гуманитарные, экономические и политические связи с великими державами через свои представительства. У НКР такие есть в России и США (за пределами исследовательского фокуса остаются аналогичные в Канаде,

[158] Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – № 3. – С 67–78.

Франции и других государствах), у Турецкой Республики Северного Кипра – в США, а у Приднестровской Молдавской Республики – в России. Называть их посольствами в отсутствие дипломатических отношений нельзя, поэтому их именуют «официальными» представительствами, чтобы на семантическом уровне подчеркнуть статусность организации и схожесть ее функций с дипломатической миссией. В реальности это некоммерческие организации или фонды, сотрудники которых не обладают каким-либо иммунитетом. В 2019 году в Москве открылся Фонд развития социальных и культурных связей «Приднестровье», задачей которого объявлено «сохранение и развитие культуры народов Приднестровья, его интеграция в российскую и мировую культуру». За деятельность этого фонда и взаимодействие с ним отвечает отнюдь не Министерство иностранных дел России, а Министерство юстиции, которое его зарегистрировало.

Подобные представительства часто позиционируются ДФГ как посольства, поскольку для них важно символическое признание. Конечно, они не являются посольствами или любыми видами дипломатических представительств, а выступают общественными организациями, способными лоббировать интересы ДФГ и заниматься связями с общественностью стран, в которых расположены. У Абхазии, например, всего два посольства в странах-членах ООН (Россия и Венесуэла), хотя признают её ещё Никарагуа, Науру и Сирия. Вопрос о признании со стороны Вануату и Тувалу является дискуссионным – как минимум, даже сотрудники МИД Абхазии не всегда могут точно сказать, сколько членов ООН признаёт их страну. Ещё одно абхазское посольство функционирует в частично признанной Южной Осетии. «Почётные консулы» Абхазии действуют в Нижегородской и Ростовской областях, КНР и Великобритании. Об отношении самого дипломатического ведомства к статусу этих людей говорят, как минимум, их контакты на официальном сайте МИДа – это личные номера мобильных телефонов и адреса электронных почт с общедоступных доменов: konsul-vilit@rambler.ru или ae-continent@163.com. Кроме того, указаны ещё 10

представителей Абхазии (большинство в странах-членах ООН) – их контактные данные вовсе отсутствуют.

Мы не рассматриваем все ДФГ Евразии, существовавшие в недавнем времени, например, террористическую Ичкерию, на время формально выходившую из состава Молдовы Гагаузию или завоёванную Хорватией Сербскую Краину. Нас интересуют 8 случаев (см. табл. 9): признанное большинством членов ООН Косово, признанный 15 членами ООН Тайвань, признанные несколькими членами ООН Абхазия и Южная Осетия, признаваемая одним членом ООН ТРСК, непризнанные никем из членов ООН ПРМ, НКР, Л/ДНР.

Таблица 9 – Степень официального дипломатического признания членами ООН ДФГ. По состоянию на 1 января 2019 года

ДФГ	Косово	Тайвань	Абхазия	Южная Осетия	ТРСК	Л/ДНР	ПМР	НКР
Количество признающих членов ООН	114	15	5	5	1	0/0	0	0

Мы предложили три типа переменных, анализ индикаторов к которым позволяет адекватно оценить степень признанности ДФГ со стороны великих держав: военные, политические и экономические[159]. Первые, очевидным образом, оказывают самое сильное влияние на статусность государства. Установление военной базы государством-патроном (например, Россией в Абхазии) лучше всего говорит и материнскому государству, и мировому сообществу: «Мы больше не воспринимаем эту политию как часть другого государства, поскольку военно-технические отношения формализуем напрямую с его суверенным правительством». Кроме того, наличие военной базы оказывает наибольшее влияние на степень обеспечения безопасности государством-патроном, которое

[159] Различные виды эмпирической операционализации ДФГ можно найти здесь: Михалева Г. Государства «де-факто. Как сложилась судьба непризнанных республик на постссср? // Европейский диалог. Экспертная группа: [сайт]. 15 01 2018. URL: http://www.eedialog.org/ru/2018/01/15/de-fakto-gosudarstva-na-territorii-sssr-tranzit-bez-mezhdunarodnogo-priznaniya/ (дата обращения: 10.08.2019). Хотя в целом автор традиционно вставляет ДФГ в рамку демократического транзита.

принимает на себя полную или частичную заботу о нём. Наличие миротворцев или военных советников государства-патрона на территории ДФГ в меньшей степени, чем военная база, обособляет ДФГ от материнского государства. С суверенным правительством, осуществляющим сецессию, подписывают договоры о стратегическом союзничестве, ему же оказывают военную помощь, направляя технику и/или людей не обязательно для участия в конфликте с материнским государством, но в т.ч. для охраны правопорядка, укрепления вооружённых сил и государственной состоятельности в целом.

Под политическими переменными за рамками установления дипотношений мы понимаем в порядке уменьшения важности: признание документов ДФГ государством-патроном, участие ДФГ в международных организациях, включающих одну из трех великих держав, выдачу национальных паспортов населению ДФГ (в т.ч. действие упрощенной процедуры вступления в гражданство), участие в переговорах за столом с представителями одной из держав, визит официального представителя великой державы в ДФГ и присутствие наблюдателей великих держав на выборах в ДФГ. От ещё одной переменной – наличие внутри бюрократии государства-патрона специальной административной единицы по взаимодействию с ДФН – мы также отказались. Причина в возможном несоответствии формальных полномочий реальным. К примеру, в структуре администрации президента России нет формально специального подразделения, занимающегося патронажем Л/ДНР, и до октября 2018 года существовало таковое в отношении Абхазии и Южной Осетии. При этом именно управление по приграничному сотрудничеству и курирующий его помощник президента В.Ю. Сурков являлись одними из неформально ответственных за помощь непризнанным республикам Донбасса.

Экономическими переменными мы считаем: наличие торгпредства, ПИИ со стороны членов ООН в экономику ДФГ, международное авиасообщение с ДФГ как показатель наличия договорённостей с ICAO, участие фирм с национальной юрисдикцией великой державы в публичной торговле с ДФГ, а также финансовая

помощь великой державы ДФГ, что в совокупности свидетельствует о непрямых формах признания со стороны международного сообщества.

Наконец, социальные факторы мы сознательно исключили из пространства анализа, поскольку не были уверены в собственной возможности найти релевантные данные по всем индикаторам: туристический поток с государством-патроном / материнской страной / третьими странами; количество студентов ДФГ в одной из великих держав (как проекция мягкой силы великой державы на ДФГ) / в материнской стране / государстве-патроне; денежные переводы из ДФГ.

В качестве хронологических рамок исследования мы выбрали 2008-2019 годы, поскольку в 2008 году признание Косова западными странами по выражению президента Путина «открыло ящик Пандоры», после чего в результате внешним образом спровоцированных кризисов Россия признала Абхазию и Южную Осетию. Подчеркнём, что часть академических коллег на западе, конечно, считает признание Косово более эффективным, чем самоопределившихся бывших грузинских территорий, хотя и оговаривается, как правило, в отношении позиции России, Китая и «ряда мощных региональных держав (Индии, Аргентины, Нигерии и др.)»[160].

В отношении каждого параметра мы выбрали два простых индикатора: либо есть («да»), либо отсутствует («нет»). После этого каждому параметру были присвоены веса. Чтобы не полагаться на собственные субъективные представления о важности того или иного критерия для «общего» признания, мы провели экспертный опрос: 25 анкет были разосланы российским, белорусским, армянским, украинским, молдавским, грузинским коллегам с просьбой указать вес каждого фактора (средние значения мы округляли). Сумма всех весов во всех переменных равна 100 баллам и означает полное признание (см. табл. 10-14). Анкета представлена в приложении 4.

[160] Ker-Lindsay J., and Berg E. Introduction: A Conceptual Framework for Engagement with De Facto States // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 335–342.

Таблица 10 – Операционализация параметров признания ДФГ

	Параметр (да/нет)	Баллы
Военные	Военное присутствие (наличие базы / миротворческого контингента / военных консультантов)	45/30/20
	Стратегический договор о союзничестве	35
	Торговля оружием с великой державой / военная помощь ДФГ	20
Политические	Наличие дипломатических отношений (посольство)	40
	Признание документов ДФГ	20
	Участие в международных организациях, включающих одну из трех великих держав	15
	Выдача национальных паспортов населению ДФГ (в т.ч. упрощенная процедура вступления в гражданство)	10
	Участие в переговорах за столом с представителями одной из держав	5
	Визит официального представителя великой державы в ДФГ	5
	Присутствие наблюдателей великих держав на выборах в ДФГ	5
Экономические	Наличие торгпредства	30
	ПИИ	20
	Международное авиасообщение с ДФГ	20
	Финансовая помощь великой державы ДФГ	15
	Участие фирм с национальной юрисдикцией великой державы в публичной торговле с ДФГ	15

Перед тем как перейти к анализу каждого из казусов ДФГ в рамках представленной операционализации, необходимо сделать оговорку. Не для всех

кейсов возможно однозначно ответить «да» или «нет» в отношении индикатора. Следовательно, в ряде случаев мы полагались на экспертное мнение и приводили пояснения.

По итогам присвоения весов для каждого из рассматриваемых случаев было составлено по лепестковой диаграмме. Они (см. рис. 1-8) показывают, во-первых, в какой степени каждый из патронов признаёт ДФГ по трём типам переменных. Данные диаграммы позволяют наглядно сравнить степень статусного признания патронами, показывая на военные, политические или экономические факторы делают они акцент. Во-вторых, диаграммы наглядно демонстрируют сравнение каждого из кейсов по степени признания великой державой. В прямом смысле: чем устойчивее треугольник (т.е. чем он равностороннее и чем длиннее его стороны), тем устойчивее военное, политическое и экономическое признание ДФГ великими державами, и наоборот.

Таблица 11 – Показатели военного признания

	Россия	США	КНР	Турция	Армения
Абхазия	100	0	0	-	-
РЮО	100	0	0	-	
НКР	0	0	0	-	75
ПМР	30	0	0	-	-
Л/ДНР	40	0	0	-	-
Косово	0	50	0	-	-
ТРСК	0	0	0	100	-
Тайвань	0	55	0	-	-

Таблица 12 – Показатели политического признания

	Россия	США	КНР	Турция	Армения
Абхазия	85	5	10	-	-
РЮО	85	5	0	-	-
НКР	10	5	0	-	45
ПМР	15	5	0	-	-
Л/ДНР	45	0	0	-	-
Косово	0	90	0	-	-
ТРСК	0	20	0	85	-
Тайвань	40	90	55*	-	-

Таблица 13 – Показатели экономического признания

	Россия	США	КНР	Турция	Армения
Абхазия	80	0	10	-	-
РЮО	50	0	0	-	-
НКР	0	15	5	-	50
ПМР	35	0	0	-	-
Л/ДНР	50	0	0	-	-
Косово	0	80	0	-	-
ТРСК	0	15	0	100	-
Тайвань	85	85	65*	-	-

* Данный показатель необходимо учитывать в контексте понимания Китаем своих взаимоотношений с Тайванем как внутригосударственных отношений. Таким образом, уровень отношений будет соответствовать модели «центр-регион».

Наша страна играет уникальную роль в признании ДФГ в Евразии – из восьми рассматриваемых в статье казусов пять возникли на территории постсоветского пространства. С распадом Советского Союза произошла деконструкция «матрешки», причем параллельно на двух уровнях: самостоятельные государства возникли не только вокруг столиц 15 союзных республик, но и на территории автономных объединений внутри этих республик. Россия тоже столкнулась с проблемой сепаратизма в национальных республиках – географически она была гораздо шире, чем два продолжительных периода военных действий в Чечне. Поначалу это предопределило принцип не признавать и не поддерживать «отколовшиеся» территории в других странах.

В силу географической близости к большинству ДФГ Евразии – если сравнивать Россию с Китаем и США – Москва оказалась в высокой степени вовлечена в процесс урегулирования конфликтов, порожденных сепаратистскими настроениями в непризнанных объединениях. В исключительных случаях она поступила против собственного принципа и поддержала некоторые из образовавшихся ДФГ, исходя из характера своих отношений с материнскими государствами. Постсоветские сецессии сопровождались вооруженными конфликтами – из соображений обеспечения региональной безопасности в российской политике признания ДФГ стали преобладать военные параметры, а на втором плане остались экономические и политические.

Разморозка грузино-югоосетинского конфликта, по мнению Сергея Маркедонова, началась в 2004 году[161]. В ночь на 8 августа 2008 года на фоне провокаций со стороны осетинских подразделений грузинские войска применили РСЗО против Цхинвала, пытаясь восстановить территориальную целостность страны силовым путем. В конфликт оказалась вовлечённой и Россия, чьи

[161] Markedonov S. The Big Caucasus: Consequences of the "Five Day War", Threats and Political Prospects // Report, Athens: International Centre for Black Sea Studies, 2009. 76 p.

миротворцы были убиты грузинскими военными[162]. Вооруженные действия распространились на территорию Грузии и черноморское побережье. После российской операции по принуждению Грузии к миру президент Дмитрий Медведев подписал указы о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Дипломатические отношения были установлены 9 сентября, а 17 сентября того же года – подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

С 2010 года на территории Республики Абхазия действовала объединенная российская военная база, которая в 2015 году, спустя год после заключения договора о союзничестве и стратегическом партнерстве, трансформировалась в Объединенную группировку войск. Финансирование Россией расходов на модернизацию Вооруженных сил РА позволяет называть военное признание Абхазии государством-патроном полноценным. Аналогичная ситуация наблюдается в Южной Осетии: военная база России основана в 2009 году (с 2010 года называется объединенной российской военной базой), с 2015 года действует договор о союзничестве и интеграции, Россия также финансирует модернизацию вооружений РЮО.

Политическое признание РА и РЮО со стороны России максимально возможное – за исключением того, что представители двух стран не участвуют в международных межправительственных организациях, в которые также входит Россия. Несмотря на то, что к моменту признания независимости Москва отменила упрощенный механизм выдачи российских паспортов, ими сегодня обладают более 80% населения Абхазии и более 90% граждан Южной Осетии, к тому же документы, выданные властями двух республик, тоже признаются Россией. Вместе с Россией и другими международными игроками дипломаты этих ДФГ участвуют в Женевских дискуссиях по безопасности и стабильности в Закавказье, проводятся двусторонние встречи глав государств. Москва также направляет наблюдателей на выборы в двух республиках.

---

[162] Tagliavini H. Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia // Report, Brussels: Official Journal of the European Union, 2009. 702 p.

Степень экономического признания двух ДФГ зависит от состоятельности их хозяйственного комплекса: обеим предоставляется масштабная финансовая помощь, с обеими поддерживается товарооборот, осуществляются инвестиции, но торговое представительство у России есть только в Республике Абхазия. Прямого международного авиасообщения нет ни с одной из республик.

Следующий по степени вовлеченности Москвы казус самоопределения на постсоветском пространстве – Луганская и Донецкая Народные Республики (Л/ДНР). Из рассказов участников боевых действий, опубликованных в очевидно оппозиционных изданиях, известно, что в период активных боевых действий в республиках находились лица, проходившие службу в Вооруженных силах России по контракту, а Россия оказывала Л/ДНР многостороннюю помощь, при этом официально представители министерства обороны России опровергают подобную информацию[163]. В 2017 году Россия признала документы, выданные властями непризнанных республик, затем упростила получение российского гражданства для их населения. Представители самопровозглашенных государств входят в Контактную группу по урегулированию ситуации на юго-востоке Украины, а российские официальные лица посещают их территорию и выступают наблюдателями на выборах.

В экономическом плане республики зависимы от российской финансовой помощи[164]. Экспорт российских товаров учитывается в российской статистике как экспорт на Украину, хотя Украина ввела эмбарго на закупку российской

[163] Костюченко Е. Мы все знали, на что идем и что может быть // Новая газета: интернет-журн. 02.03. 2015. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/02/63264-171-my-vse-znali-na-chto-idem-i-chto-mozhet-byt-187 (дата обращения: 04.10.2019); Каныгин П. Стыдные вопросы про ДНР и ЛНР. Чем они вообще отличаются? Что там происходит? // Meduza: интернет-изд. 24.11.2017. URL: https://meduza.io/feature/2017/11/24/stydnye-voprosy-pro-dnr-i-lnr-chem-oni-voobsche-otlichayutsya-chto-tam-proishodit (дата обращения: 04.10.2019); Горянов А., Ившина О. Боец «спецназа ДНР»: помощь России была решающей // BBC: [сайт]. 31.03.2015. URL:https://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150325_donetsk_rebel_interview (дата обращения: 04.10.2019).

[164] Фадеева А., Ткачев И., Дергачев В. Крым вместо ДНР: как в правительстве обсуждают отказ от помощи Динбассу // РБК: [сайт]. 15.09.2017. URL: https://www.rbc.ru/economics/15/09/2017/59b84cc99a7947ce896ad25c (дата обращения: 04.10.2019).

продукции. Изначально расчеты велись наличными, однако для легализации финансовых потоков руководство ДНР обязало крупных участников товарооборота проводить расчеты через Республиканский банк со своей стороны и Центр международных расчетов – с российской. Российские производители по-прежнему ведут торговлю через посреднические фирмы из-за угрозы попадания под санкции, однако с упорядочиванием денежного оборота обмен товарами между Россией и самопровозглашенными республиками можно считать официальным[165]. Часть компаний на Донбассе принадлежит российским инвесторам[166].

В Приднестровье продолжает действовать Оперативная группа российских войск, которая является гарантом стабильности в регионе и одновременно раздражителем для Кишинёва, Киева и ряда западных акторов. Паспорта ПМР не признаются российскими органами власти. Почти у половины населения самопровозглашенного государства есть российский паспорт – упрощенная процедура получения гражданства действует только для тех, кто рожден в СССР, а для рожденных после 1991 года действуют общие правила. Представители Приднестровья – участники переговоров по урегулированию конфликта с Молдавией в формате «5+2», которые ожидают возобновления. Российские официальные лица при этом посещают непризнанную республику и выступают наблюдателями на выборах. В ПМР один крупный российский инвестор[167], из

---

[165] Васильев И., Грузинова И., Бурлакова Е. Кто и как зарабатывает на поставках продуктов в ДНР и ЛНР // Ведомости: [сайт]. 20.02.2017. URL:https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/02/20/678337-zarabativaet-postavkah-dnr-lnr#/business/articles/2017/02/20/678337-zarabativaet-postavkah-dnr-lnr%20 (дата обращения: 04.10.2019).

[166] Голунов И., Артемьев А. Расследование РБК: на чьи деньги живет Донбасс // РБК: [сайт]. 15.06.2015. URL: https://www.rbc.ru/investigation/politics/15/06/2015/5579b4b99a7947b063440210 (дата обращения: 04.10.2019); Схема с Росрезервом? ДНР и ЛНР смогут получать руду для металлургов из России // Forbes: интернет-журн. 14.04.2017. URL: https://www.forbes.ru/biznes/342647-shema-s-rosrezervom-dnr-i-lnr-smogut-poluchat-rudu-dlya-metallurgov-iz-rossii (дата обращения: 04.10.2019).

[167] Артеменко С. Присутствие России в Приднестровье: ещё есть или уже нет? // Regnum: интернет-изд. 24.11.2018. URL: https://regnum.ru/news/polit/2525368.html (дата обращения: 04.11. 2019).

Москвы также поступает финансовая помощь, но торговля ведется через молдавскую юрисдикцию. По нашим оценкам, в 2016 году экспорт ПМР через Кишинев в ЕС превышал экспорт в Россию примерно в 10 раз и составлял 11,9 млн долл.[168].

Уникальным можно назвать кейс Нагорно-Карабахской республики, который отличается от предыдущих тем, что ее патроном выступает не Россия, а Армения, то есть это случай, когда государство-патрон и материнское государство примерно равны по мощи. Опосредованность российской поддержки статуса-кво – через выстраивание стратегических союзнических отношений с Арменией – объясняет минимальное прямое взаимодействие России и НКР. Россия официально признает ДФГ частью Азербайджана и не признает его документы, как и не выдает специально паспорта его населению. На территории НКР нет российского военного контингента, дипломатического или торгового представительства. Нет информации о прямых иностранных инвестициях российского бизнеса, а экспорт карабахской продукции ведется через фирмы, зарегистрированные на территории Армении. Единственная форма «де-факто признания» НКР с российской стороны – редкие визиты официальных лиц в непризнанную республику и поездки наблюдателей на выборы.

Из трех ДФГ за пределами постсоветского пространства Россия поддерживает отношения только с Тайванем – в силу его экономической привлекательности. В президентском указе 1992 года отдельно отмечается, что Россия признаёт только один Китай, «неотъемлемой частью которого является Тайвань», а также то, что «Россия не поддерживает с Тайванем официальных межгосударственных отношений… любые российские организации, действующие

[168] Токарев А.А., Бороденко М.М. Экономика восточного партнерства: прощание с иллюзиями // Россия и АТР. – 2018. – № 1. – С. 29–50.

на Тайване, являются неправительственными»[169]. В Большом договоре о дружбе и добрососедстве с Китаем данная позиция повторяется и уточняется: «Россия выступает против независимости Тайваня в любой форме»[170]. При отсутствии сотрудничества в военной сфере и политическом непризнании российский бизнес ведет торговлю и осуществляет ПИИ в экономику ДФГ: его интересы на Тайване продвигает Представительство Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству в Тайбэе, которое, несмотря на неправительственный статус, можно считать торговым представительством или даже квази-посольством, поскольку оно выполняет консульские функции; а между Москвой, Владивостоком и Тайбэем действует прямое авиасообщение, несмотря на то, что официально Россия выступает против членства Тайваня в ИКАО.

Москва полностью не признает два ДФГ – Косово и Турецкую Республику Северного Кипра. Россия политически нейтральна к сторонам кипрского конфликта, и у нее нет интереса поддерживать турецкую общину на севере острова – предложение турецкого профессора России признать ТРСК в обмен на признание Турцией Крыма часть Российской Федерации не получило отклика из Москвы.

Признание Косово вызвало в российской столице негативную реакцию. Оно продемонстрировало двойственность международных стандартов, и Москва стала апеллировать к нему в качестве аргумента в пользу признания независимости Крыма от Киева[171] (President of Russia 2014) – для его последующей реинтеграции с Россией. Таким образом, за пределами постсоветского пространства связей в

---

[169] Указ Президента РФ от 15.09.1992 N 1072 «Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем» // Legalacts.ru: законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. 25.09.1992. URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-15091992-n-1072/ (дата обращения: 04.10. 2019).

[170] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Kremlin.ru: официальный сайт Президента РФ. 16.07.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3418 (дата обращения: 04.10. 2019).

[171] Обращение Президента Российской Федерации // Kremlin.ru: официальный сайт Президента РФ. 18. 03. 2014. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20603 (дата обращения: 04.10.2019).

военной области у России с ДФГ нет; политические зависят от взаимоотношений с материнскими государствами, а экономические – от состоятельности самих ДФГ.

США

США – внешний для Евразии игрок, пусть и с союзниками в регионе, а потому в основе американской политики признания ДФГ лежит прагматизм. США готовы поддержать ДФГ либо при наличии тесных экономических связей, либо в качестве рычага давления на материнское государство. Третий элемент политики признания – поддержка демократии – носит ценностный и в то же время декоративный характер, составляя при возможности основу публичной аргументации в пользу налаживания связей с ДФГ.

Из всех ДФГ в Евразии США официально признают только Косово – это был военно-политический шаг Вашингтона, в 1999 году в составе сил НАТО вместе с союзниками подвергнувшего бомбардировкам Белград. Одновременно с получением признания Косово стало бенефициаром американской военной помощи, хотя после 2008 года в прессе нет упоминания о продолжении сотрудничества в этой сфере. Американские военнослужащие остаются в составе Сил для Косово – международных сил, сформированных под эгидой НАТО «для обеспечения безопасности в регионе»[172]. В Приштине действует американское посольство, Косово – член Всемирного банка и Международного валютного фонда, США признают их документы, американские официальные лица посещают страну и ведут с ее представителями переговоры, а также направляют наряду с европейскими странами наблюдателей на выборы. Косово получает финансовую помощь через USAID, принимает инвестиции американского бизнеса и ведет торговлю с контрагентами из США. При посольстве США в Приштине

[172] U.S. Relations With Kosovo. Bilaterla Relations Factsheet. // U.S. Department of State: официальный сайт. 10.10.2018. URL: https://www.state.gov/u-s-relations-with-kosovo/ (дата обращения: 04.10.2019)

действует коммерческий отдел, который помогает американскому бизнесу найти партнеров в Косово – и наоборот.

Несмотря на отсутствие формальных дипломатических отношений, Тайвань добился значительного уровня признания США в силу своей экономической и политической привлекательности. Американский институт на Тайване не отличается от посольства ни по своему функционалу, ни по оформлению веб-сайта, а в 2018 году он переехал в новый комплекс, на который потратили 256 млн долл. С 2005 года де-факто посольство США периодически охранял небольшой контингент Корпуса морской пехоты США, и с открытием нового комплекса не исключен возврат морских пехотинцев на территорию ДФГ, однако его нельзя считать полноценным военным присутствием. Тем не менее, США продают Тайваню оружие и в Законе об отношениях с Тайванем объявляют своей политикой сопротивление любым попыткам силового давления на Тайвань, что можно считать союзническим обязательством США по защите острова.

Будучи демократически управляемой территорией, Тайвань формально является частью КНР, в отношениях которого с США усиливается конфликтность. США признают удостоверения личности Тайваня и позволяют гражданам острова указывать в иммиграционных документах название страны без упоминания Китая. С принятием Закона о поездках на Тайвань в марте 2018 года США отменили запрет на взаимное посещение высших должностных лиц двух стран и проведение переговоров между ними. Поездки американских официальных лиц на Тайвань начались в том же месяце, а в мае 2019 года состоялась встреча советников по национальной безопасности руководителей Тайваня и США – впервые с 1979 года. На президентских выборах 2012 года присутствовали американские наблюдатели: несмотря на их неофициальный статус, результаты мониторинга рассматривались Сенатом США.

Тайвань – участник многих международных межправительственных организаций, включая ВТО. При том, что чаще всего к названию страны

приписывают через запятую «Китай» или «провинция Китая», либо пишут «Китайский Тайбэй», Тайвань действует в этих организациях самостоятельно. США и Тайвань ведут полноценные экономические отношения, в том числе при поддержке коммерческого отдела де-факто посольства США в Тайбэе, между странами действует прямое авиасообщение, однако при таком товарообороте и объеме американских ПИИ властям США нет необходимости предоставлять тайванцам финансовую помощь, как это происходило в 60-е годы прошлого века.

С Турецкой Республикой Северного Кипра у США ограниченное взаимодействие – США ограниченно признают паспорта, выпущенные властями ТРСК[173], а также финансируют через USAID проекты, направленные на поддержание связей между турецкой и греческой общинами Кипра.

На постсоветском пространстве предоставляется финансовая помощь НКР для работ по разминированию территории, ее же посещают американские конгрессмены. Армянское лобби влияет на американских законодателей – уже 9 штатов призвали президента и Конгресс США признать независимость Нагорного Карабаха. В 2019 году (в отличие от президентств Клинтона и Обамы) «Белый дом никак не препятствует локальному признанию НКР»[174]. С Абхазией, РЮО и ПМР США принимают участие в переговорах по урегулированию конфликтов. С Л/ДНР у Вашингтона нет отношений, поскольку он поддерживает в гражданском конфликте на Украине киевскую сторону.

КНР

В проведении своей внешней политики КНР последовательно и однозначно опирается на принцип территориальной целостности[175]. Еще одним фактором,

[173] Waal T. Uncertain ground. Engaging with Europe's de facto states and breakaway territories. Brussels: Carnegie Europe, 2018. 89 p.

[174] Галстян А. Карабахские виражи во внешней политике США // Журнал «Международная жизнь» от 27.04.2016. URL: https://interaffairs.ru/news/show/15177 (дата обращения: 04.10.2019).

[175] Территориальная целостность государства относится к так называемым шести «ключевым интересам» Китая (国家核心利益; Гоцзя хэсинь ли'и), наряду с государственным

оказывающим серьезное влияние на внешнеполитический курс Пекина, является остро стоящая проблема сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Тибетском автономном районе, на Тайване, в меньшей степени в Гонконге. Так как большинство ДФГ образовались именно в результате сецессии и выхода территориального образования из состава материнского государства, то Китай на официальном уровне занимает позицию непризнания этих образований. Риторика МИД КНР по этим вопросам в целом заключается в призвании всех сторон конфликтов к разрешению разногласий и поиску взаимоприемлемых решений путем переговоров, а общий тон высказываний весьма сдержанный[176]. Военное сотрудничество Китая с ДФГ также отсутствует.

Скудность информации об экономических связях ДФГ с другими странами и регионами мира является общей проблемой изучения этого вопроса. В случае КНР поиск статистики осложняется двумя факторами. Во-первых, все основные СМИ КНР являются в той или иной степени подконтрольными КПК и государству. В связи с этим информация об экономическом сотрудничестве Пекина с непризнанными государствами будет опубликована или в неофициальных зарубежных изданиях, либо в СМИ самих ДФГ, которым выгодно подчеркивать свои связи с крупными странами для повышения своей международной легитимности. Вторым фактором является практика Китая проводить рискованные экономические операции с помощью специально созданных с этой целью компаний, зачастую зарегистрированных в офшорных зонах, что делает практически невозможным выявление конечных бенефициаров

суверенитетом, государственной безопасностью, национальным единством (国家统一; Гоцзя тунъи), стабильность политического и общественного строя, определенного конституцией, и базовые гарантии устойчивого экономического развития. См. подробнее: "China's Peaceful Development" White Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: [сайт]. 11.09.2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t855789.shtml (дата обращения: 04.10.2019).

[176] Например, см. по Косово и Украине: 5839th meeting. // UN Security Council: [сайт]. 18.02.2008. URL: https://undocs.org/en/S/PV.5839 (дата обращения: 04.10.2019); 7134th meeting // там же. 13.03.2014. URL: https://undocs.org/en/S/PV.7134 (дата обращения: 04.10.2019).

и реальное местоположение компании с помощью данных из открытых источников[177].

Экономические связи КНР и Абхазии остаются незначительными[178], однако идет обсуждение китайских инвестиций в эту страну[179], имеются данные о визитах бизнес-делегаций. Абхазия учредила должность почетного консула республики Абхазии за рубежом, в Китае эту должность занимает Гэ Чжили (葛志立). Господин Гэ является известной личностью в сфере китайской публичной дипломатии (公共外交, гунгун вайцзяо)[180]. На протяжении нескольких десятилетий он занимает различные должности в общественных организациях, работающих со странами и регионами России, Центральной Азии и Восточной Европы. Не занимая официальных постов, он обладает определенным кругом связей в КНР, содействуя установлению и развитию экономических и гуманитарных контактов Китая с этими странами и регионами. Подобное назначение нельзя интерпретировать как некую степень политического признания Абхазии со стороны КНР, так как, по данным непубличных источников, Гэ Чжили с помощью общественной деятельности лоббирует собственные бизнес-интересы. Также является важным отсутствие упоминаний фигуры почетного консула

---

[177] Показательным примером в этом плане выступает проблема подсчета реального объема китайских инвестиций в Россию. Многие эксперты полагают, что официальные цифры ниже реальных как раз из-за сделок через офшорные и подставные компании. Подробнее см: Кашин В. Много ли Китай инвестирует в Россию? // Международный дискуссионный клуб Валдай: [сайт]. 09.06.2017. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/ (дата обращения: 04.10.2019).

[178] Торговые партнеры Абхазии // Абхазия-Апсны. Ру: информационный сайт. URL: http://abkhazia-apsny.ru/trading-partners.html (дата обращения: 04.10.2019).

[179] Пипия: китайских инвесторов привлекает Абхазия // Спутник Абхазия: [сайт]. 27.02.2018. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/radio/20180227/1023266339/pipiya-kitajskix-investorov-privlekaet-abxaziya.html (дата обращения: 04.10. 2019).

[180] Стоит отметить, что китайские исследователи и политики, помимо общественной, также выделяют «народную дипломатию» (民间外交 ; миньцзянь вайцзяо). Разницу между этими двумя видами дипломатии можно объяснить словами Чжоу Эньлая, что в Китае существует «официальная, полуофициальная и народная» дипломатия. Подробнее см.: Кривохиж С.В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие. Диссертация, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 2014. – 165 с. В какой степени Гэ Чжили является фигурой «полуофициальной дипломатии», установить невозможно.

Абхазии на соответствующих официальных сайтах КНР. Важным с точки зрения местных экспертов событием для Абхазии стало прибытие наблюдателей из КНР на выборы президента республики[181].

Также имеются данные об импорте в Нагорный Карабах из Китая[182]. Однако, как и в случае с Абхазией, во-первых, доля Китая в импорте НКР, согласно этим данным, меньше 1%, а во-вторых, мы не можем сказать, что имеется в виду под «Китаем». По словам министра экономического развития НКР, осуществляется сотрудничество в сфере строительной спецтехники, обработки камней и гидроэлектроэнергетики[183].

Более подробную статистику торговли с Китаем предоставляет ГТК ПМР. В статистических отчётах Китай подразделяется на КНР, «Гонконг (специальный административный регион Китая)» и «Тайвань (в составе Китая)», что созвучно нормам ВТО, членами которой являются все три экономики [184]. Общий оборот в период с января по август 2019 года составил 13 035 881 долл. США[185]. В СМИ Приднестровья можно найти редкие упоминания сотрудничества китайского бизнеса с Приднестровьем, но информация не является надежной[186].

---

[181] Гаспарян: присутствие наблюдателей из Китая и ФРГ на выборах говорит о признании Абхазии // Спутник Абхазия: [сайт]. 26.08.2019. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/radio/20190826/1028247108/Gasparyan-prisutstvie-nablyudateley-iz-Kitaya-i-FRG-na-vyborakh-govorit-o-priznanii-Abkhazii.html (дата обращения: 04.10. 2019).

[182] Национальная статистическая служба Республики Арцах. Статистический ежегодник, Кханкади, 2018.

[183] Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном прикаспии в конце XX – начале XXI вв. Диссертация, Москва: ИДВ РАН, 2016. – 521 с.

[184] ВТО обозначает Тайвань как «Отдельную таможенную территорию Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу (Китайский Тайбэй; Гонконг как «Гонконг, Китай»

[185] Внешняя торговля ПМР по основным странам и группам стран за январь-май 2020 г. // Государственный таможенный комитет ПМР: [сайт]. 15.10. 2019. URL: http://customs.gospmr.org/2014-3.html (дата обращения: 15.10.2019).

[186] Например, упоминается «китайская фирма Pilarquim», которая презентовала свою продукцию в министерстве сельского хозяйства и природных ресурсов Приднестровья, но которая была основана на Тайване, а сейчас имеет канадское юридическое лицо: Китайская фирма презентовала свою продукцию в Минсельхозприроды // ИА Новости Приднестровья: [сайт]. 26.10.2018. URL: https://novostipmr.com/ru/news/18-10-26/kitayskaya-firma-prezentovala-svoyu-produkciyu-v-minselhozprirody (дата обращения: 04.10.2019). Также отмечается участие китайских компаний в крупных инвестиционных форумах

Косово является сильным политическим раздражителем для КНР. Во-первых, случай одностороннего провозглашения собственной независимости и последующего признания со стороны большинства стран-членов ООН является опасным прецедентом для Пекина, для которого проблема сепаратизма стоит особенно остро. Отягощается ситуация историей югославского конфликта, в ходе которого был нанесен ущерб и КНР, когда американские бомбардировщики скинули бомбы на посольство этой страны в Белграде. Во-вторых, Тайвань объявил о признании независимости Косово, что не добавляет симпатии Пекина. Дипломатических отношений между Косово и Тайванем не установлено, Приштина не признает независимость Тайбэя. Косово является единственным из имеющихся случаев, где политический фактор действительно определяет отсутствие взаимодействия между Китаем и ДФГ.

Нам не удалось найти данные о сотрудничестве КНР с Л/ДНР и ТРСК. Отсутствие какого-либо реального взаимодействия с этими государствами и образованиями связано с двумя причинами. Во-первых, все эти ДФГ являются изолированными территориями, а ТРСК находится под международным эмбарго с 1964 года. Во-вторых, ЛНР и ДНР являются зонами, где с большей или меньшей степенью интенсивности проходят военные действия.

Данные сотрудничества с РЮО крайне скудны, о прямых деловых или политических контактах информации нет.

Особняком в политике КНР стоит проблема отношений с Тайванем. Пекин рассматривает отношения между берегами (两岸关系；лянъань гуаньси, так официально называются отношения между материком и Тайванем) как тему сугубо внутриполитическую. МИД КНР не занимается делами Тайваня, эти функции возложены на Канцелярию по делам Тайваня при Госсовете КНР. Сам

Приднестровья, однако проверить эту информацию по открытым источникам оказывается невозможно: VII инвестиционный экономический форум пройдет 10–11 октября // Там же. 20.04.19. URL: https://novostipmr.com/ru/news/19-04-20/vii-investicionnyy-ekonomicheskiy-forum-proydet-10-11-oktyabrya (дата обращения: 04.10.2019).

подход КНР к признанию Тайваня в большей степени следует воспринимать в качестве отношений между центром и отдельной провинцией, а не как взаимодействие двух государственных образований.

В 1992 году обе стороны приняли «консенсус 1992 года»: и Пекин, и Тайбэй признают существование одного Китая и будут стремиться к объединению, однако признается разница в понимании содержания «одного Китая»[187]. Деловые связи между Китаем и Тайванем заметно активизировались после 2008 года. В 2014 году председателем КНР к отношениям между КНР и Тайванем была применена попытка воплощения принципа «одна страна – две системы» как основы будущего объединения, являющимся важным компонентом идеи Си Цзиньпина о великом возрождении Китайской нации[188]. Кульминацией развития политических отношений между КНР и Тайванем стал саммит между председателем КНР и президентом Тайваня Ма Инцзю в 2015 году в Сингапуре[189]. Чтобы избежать проблем, связанных с протоколом, было принято решение использовать обращение «господин». Безусловно, первая за 66 лет встреча лидеров некогда воевавших между собой партий (КПК и Гоминьдана) имела важное символическое значение в истории Китая, которое было оценено и мировой прессой[190], её можно интерпретировать как, своего рода, признание самостоятельности (но не независимости) Тайваня. Однако на подобный шаг руководство КНР пошло в рамках осуществления мирного объединения Тайваня и материкового Китая (китайская формулировка: «объединение государства» –

---

[187] Подробнее см.: Taiwan issue and China's unification // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: [сайт]. 05.07.2002. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/wzzt_675579/2296_675789/t10531.shtml#5 (дата обращения: 04.10.2019). Тем не менее, за прошедшие два десятилетия споры по обеим сторонам пролива о содержании консенсуса продолжаются

[188] General Secretary Xi Jinping Meets with Taiwan Peaceful Reunification Group // Xinhua: [сайт]. 24.09. 2014. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2014-09/26/c_1112641354.htm (дата обращения: 04.10.2019).

[189] Xi-Ma Meeting // Baidu Baike: [сайт]. URL: https://baike.baidu.com/item/%E4%B9%A0%E9%A9%AC%E4%BC%9A (дата обращения: 04.10.2019).

[190] Зарубежная общественность отмечает важное значение встречи Си Цзиньпина и Ма Инцзю // Синьхуа Новости: [сайт]. 09.11.2015. URL: http://russian.news.cn/2015-11/09/c_134798828.htm (дата обращения: 04.10.2019).

без упоминания двух равных субъектов). После прихода в 2016 году к власти на Тайване Демократической прогрессивной партии во главе с Цай Инвэнь отношения между двумя сторонами пролива значительно охладились, процесс сближения застопорился, а политические контакты сократились до минимума.

Власти КНР считают держателей тайваньских паспортов «соотечественниками из Тайваня» (台湾同胞, Тайвань тунбао). С 2015 года жителям Тайваня разрешен безвизовый въезд на территорию КНР по «проездному документу» (旅行证; люйсинчжэн)[191]; тайваньцы также имеют право на получение «разрешение на жительство в Китайской Народной республике резидентов Тайваня» (**中华**人民共和国台湾居民居住**证**; Чжунхуа жэньминь гунхэго тайвань цзюминь цзючжучжэн).

КНР и Тайвань ведут активную торговую и инвестиционную деятельность. Объем двусторонней торговли в 2018 году составил 226 млрд. долл.; объем инвестиций со стороны Тайваня (реально используемый иностранный капитал) за 2018 год, согласно разным подсчетам, 1,39 млрд. долл. или 5,01 млрд. долл., а со стороны КНР – 197 млн. долл.[192] Существует регулярное и частое авиасообщение между городами КНР и Тайваня. Подобная плотность и институциональная основа экономических контактов также свидетельствует о фактически полном признании экономической состоятельности и самостоятельности Тайваня, однако стоит вновь подчеркнуть, что это сотрудничество держится на идее одного Китая, законным представителем которого является КНР, а также на стратегическом расчете, что в конце концов остров станет составной частью КНР.

---

[191] Opinion: replace the Taiwan Compatriot Certificate with the Taiwanese Resident Travel Certificate of the People's Republic // Tianya.cn: [сайт]. 09.09.2018. URL: http://bbs.tianya.cn/post-333-1361306-1.shtml (дата обращения: 04.10.2019).

[192] Economic and Trade Exchanges between the Mainland and Taiwan in 2018 // Ministry of Commerce of the PRC: [сайт]. 01.01.2019. URL: http://tga.mofcom.gov.cn/article/sjzl/taiwan/201901/20190102828082.shtml (дата обращения: 04.10.2019).

КНР в целом выстраивает взаимодействие с теми образованиями, которые могут показать себя в качестве дееспособных партнеров и где имеется потенциал для взаимодействия. Оно ведется с Абхазией, в совсем незначительной степени с НКР. Взаимодействие отсутствует с образованиями, где ведутся активные военные действия (ДНР и ЛНР) и которые изолированы от внешнего мира своим политико-географическим положением (РЮО) или международными санкциями (ТРСК). Косово представляется случаем, когда политические мотивы действительно играют важную роль в отсутствии связей. В целом можно назвать подобное взаимодействие «де-факто сотрудничеством»: экономическое сотрудничество в условиях отсутствия политического и военного признания. Случай Тайваня также вписывается в эту концепцию с оговорками: власти острова доказали свою дееспособность как партнеров, но сотрудничество зиждется на идее и расчете Пекина на объединение в будущем.

Турция

Турция является единственным патроном ТРСК, а также единственным государством-членом ООН, признающим её[193]. Контингент турецких войск неизменно присутствует на территории Северного Кипра с 1974 года. В свете дипломатического кризиса между Турцией и Республикой Кипр в 2018 году по поводу прав на разведку и добычу газа в территориальных водах Кипра Турция намерена увеличить свой контингент войск и построить военную базу на острове, но, по словам президента Турции Эрдогана, этот вопрос не стоит на повестке дня ввиду территориальной близости Кипра и территории Турции. Турецкое военное присутствие как сама Анкара, так и Левкосия (турецкий вариант названия Никосии) объясняют статусом Турции как гаранта независимости Кипрской

[193] Данная статья не преследует цели подробного описания и анализа кипрского вопроса, который своими корнями уходит в XIX век, когда Османская империя передала остров под власть Великобритании. Подробнее см.: Isachenko, D. The making of informal states: statebuilding in Northern Cyprus and Transdniestria. London: Palgrave Macmillan, 2012. – 208 p.; Gorgulu, M. The Effects of isolation on the Turkish Republic of Northern Cyprus . Essay, Munich: MPRA, 2014. – 20 p.

республики согласно договору 1960 года. Так как Турция не признает правительство в южной части острова, то действие данного договора, согласно турецкой точке зрения, с 1983 года распространяется на ТРСК. Ввиду плачевного экономического состояния, ТРСК не способен содержать значительные вооруженные силы, а военная безопасность этого ДФГ обеспечивается Турцией[194].

Что касается политического признания, то, как уже было упомянуто выше, Турция является единственным государством-членом ООН, признающим ТРСК. Посольство Турции в Левкосии функционирует с 1983 года, года провозглашения независимости ТРСК, а в Турции, помимо посольства, функционируют консульства ТРСК в Стамбуле, Измире и Мерсине. Очевидно, что при таком уровне отношений Турция признает паспорта ТРСК. Турция также выдает специальные «паспорта для иностранцев» гражданам ТРСК, чтобы они могли путешествовать в страны, не признающие паспорта этого ДФГ. Действует упрощенная процедура получения гражданства: единственное требование, предъявляемое к желающим, быть гражданами ТРСК по рождению. В связи с международной изоляцией ТРСК, формально невозможно дать оценку некоторым пунктам политического блока, однако усилия Турции по преодолению изоляции Северного Кипра свидетельствуют о том, что Турция, несомненно, выступает за широкое признание ТРСК в качестве члена международного сообщества.

Многие исследователи отмечают полную экономическую зависимость ТРСК от Турции. В частности, Мехмет Эмре Горгулу (Mehmet Emre Gorgulu) демонстрирует «синхронность» роста экономики ТРСК в первой половине 2000-х годов и способствующей этому благоприятной экономической обстановки в Турции, тогда как во второй половине 2000-х экономическая ситуация была крайне нестабильной ввиду проблем, с которыми столкнулась Турция (Gorgulu 2014). ТРСК получает значительную финансовую и экономическую помощь от

[194] В частности, главнокомандующие силами безопасности ТРСК, как правило, являются гражданами Турции: http://www.mucahit.net/.

Турции на основании многих соглашений, подробное описание этого «сотрудничества» (а по факту патронажа) можно найти на сайте посольства Турции в Лефкосии. Турция является единственным членом ООН, поддерживающим авиасообщение с ТРСК, на остров осуществляют рейсы Turkish Airlines и Pegasus, хотя непрямые рейсы имеются и с некоторыми другими странами. Значимость Турции как патрона для Северного Кипра наглядно демонстрируется в статистических ежегодниках, публикуемых Организацией по государственному планированию ТРСК: в таких статьях, как «экспорт», «импорт», «доходы бюджета», «торговый баланс» и т.д., Турция упоминается в отдельной строке, а доля поступлений достаточно велика.

Армения

Военное сотрудничество Армении и Нагорно-Карабахской Республики (НКР) не формализовано договором о стратегическом союзе, но о необходимости такого документа говорят и в Степанакерте, и в Ереване. При этом Военная доктрина Армении гласит, что «Республика Армения является гарантом и обеспечивает безопасность народа Нагорно-Карабахской Республики». Известно, что Ереван оказывает военную помощь Нагорному Карабаху, Вооруженные Силы Армении участвовали в апрельском конфликте 2016 года, а в 2017 году в НКР впервые прошли учения Объединенной группы войск Вооруженных сил Армении и Армии обороны Нагорного Карабаха. По соглашению 1994 года, граждане Армении могут проходить срочную службу в НКР и наоборот и будут при этом освобождены от воинской повинности на родине.

Армения не признает независимость Нагорного Карабаха, хотя выражает готовность к такому шагу, если Азербайджан пойдет на широкомасштабные военные действия для установления контроля над международно-признанными границами[195]. В Ереване действует представительство Степанакерта, но нет

[195] Президент встретился с послами государств-участников ОБСЕ // Президент Республики Армения: [сайт]. 04.04.2016. URL: https://www.president.am/ru/press-

«зеркального» представительства Армении в Карабахе. При этом на любой карте Армении всегда указан Арцах (армяне называют его исключительно по самоназванию Нагорно-Карабахской Республики), а «карабахский клан» влиятелен во внутренней политике Армении, немыслимой без фактора НКР[196]. Такой уровень взаимосвязи между Ереваном и Степанакертом не поддается формализации через таблицу индикаторов, предложенной в тексте, но его необходимо учитывать.

Как пишет видный российский специалист по Кавказу и постсоветскому пространству Сергей Маркедонов, «в отличие от Приднестровья Карабах не принимает участия в переговорах по определению собственного будущего. И даже закамуфлированного полупризнания в виде участия в работе контактной группы, которым обладают ДНР и ЛНР, у Нагорного Карабаха нет»[197]. Но НКР регулярно посещают официальные лица Армении, проводятся двусторонние переговоры по различному спектру вопросов, на выборах в НКР присутствуют официальные наблюдатели из Армении.

Ереван признает документы, удостоверяющие личность граждан НКР, а выдача паспортов и предоставление гражданства Республики Армения населению непризнанной республики происходит в упрощенном порядке на основании того, что население Карабаха армянское по происхождению.

В Степанакерте нет торгового представительства Республики Армения, но в НКР государственная валюта – армянский драм, а Армения – единственный канал внешней торговли. Непризнанная республика привлекает инвестиции иностранного бизнеса, включая армянского. Ереван также предоставляет

---

release/item/2016/04/04/President-Serzh-Sargsyan-meeting-with-Ambassadors-of-OSCE-states/ (дата обращения: 04.10.2019).

[196] Минасян С. Внутриполитическое измерение внешней политики Армении: Карабахский конфликт и армяно-турецкие отношения // PONARS Eurasia. Аналитическая записка, Вашингтон, 2012. – 6 с.

[197] Маркедонов С. Готова ли Армения признать Нагорный Карабах // Московский центр Карнеги: [сайт]. 16.05.2016. URL: https://carnegie.ru/commentary/63589 (дата обращения: 04.10.2019).

финансовую помощь Степанакерту. Вместо закрытого в начале 1990-х годов аэропорта к 2011 году в НКР был построен новый – с возможностью принимать международные рейсы, но авиасообщение между Степанакертом и Ереваном не запустили из-за угрозы со стороны Баку сбивать самолеты, совершающие посадку на территории непризнанной республики.

Рисунок 1

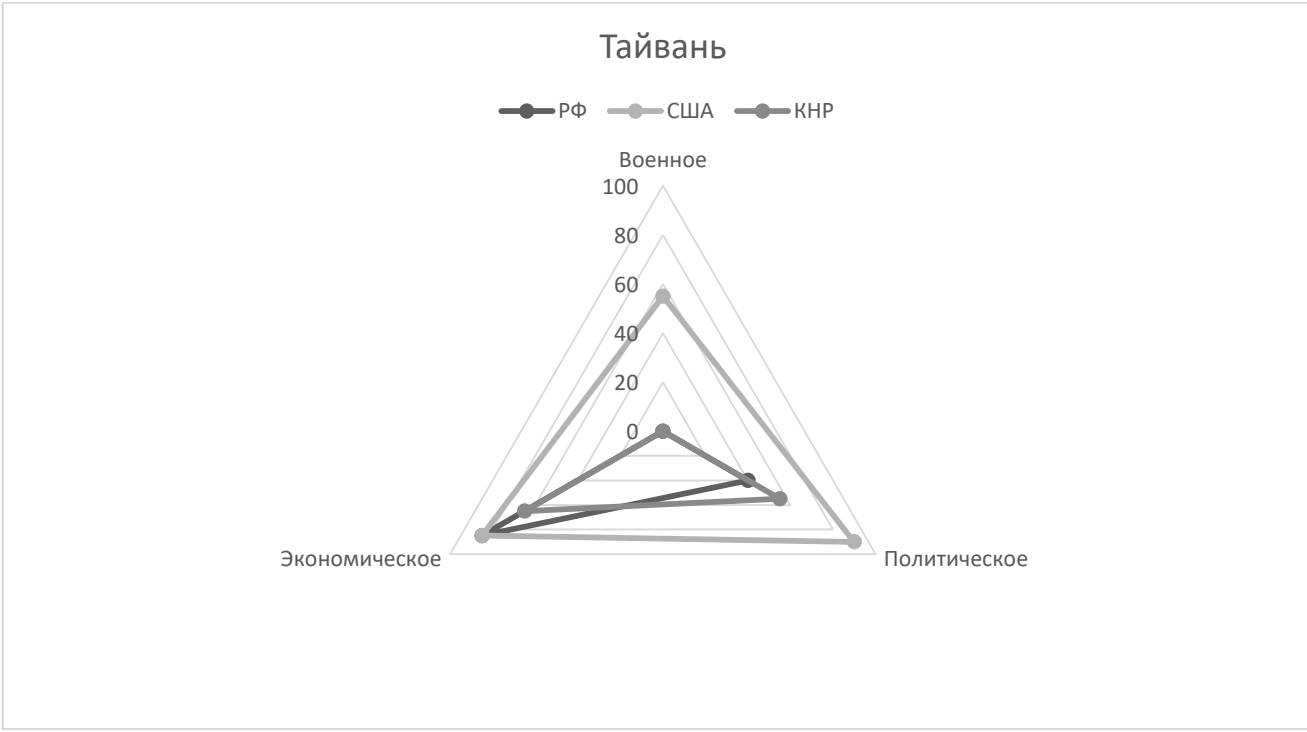

Рисунок 2

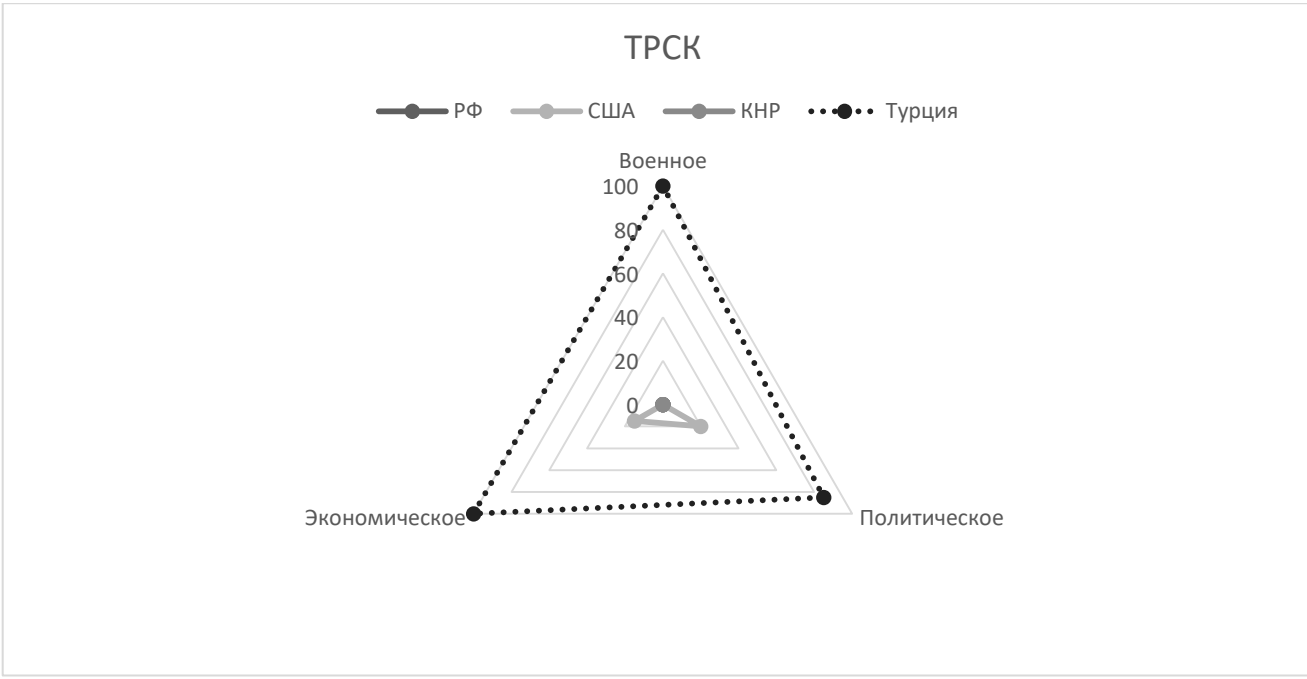

Рисунок 3

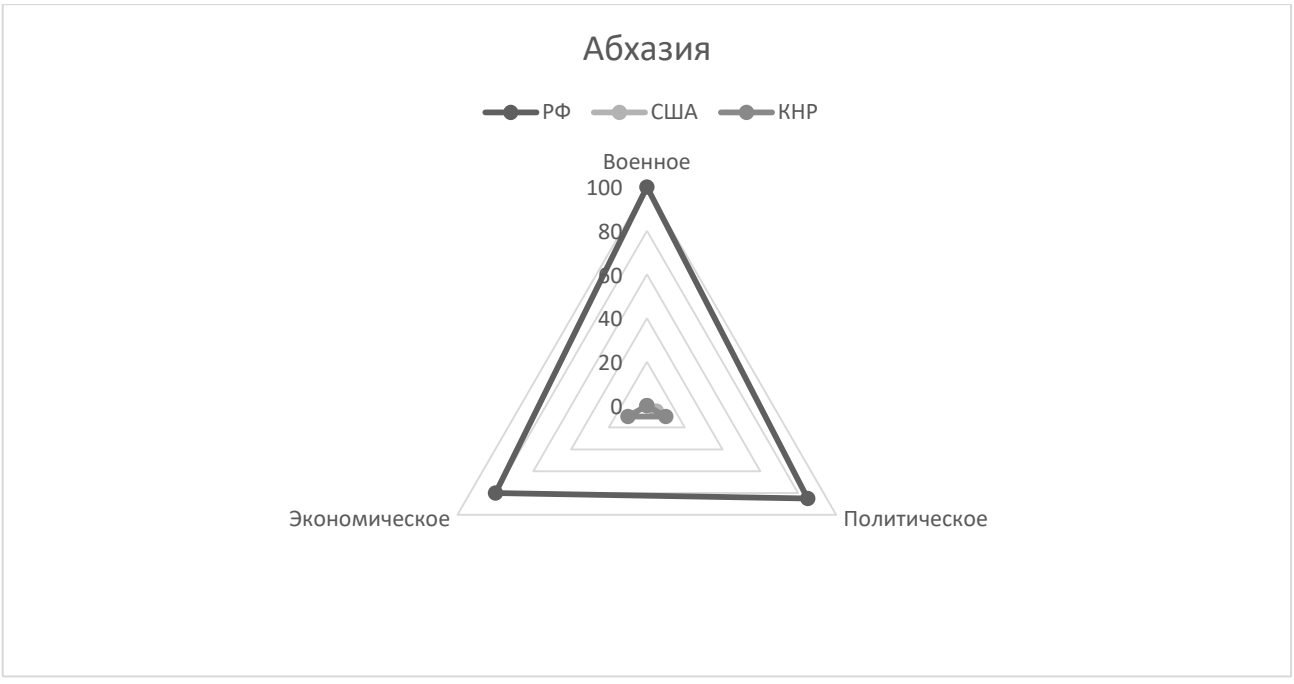

Рисунок 4

Рисунок 5

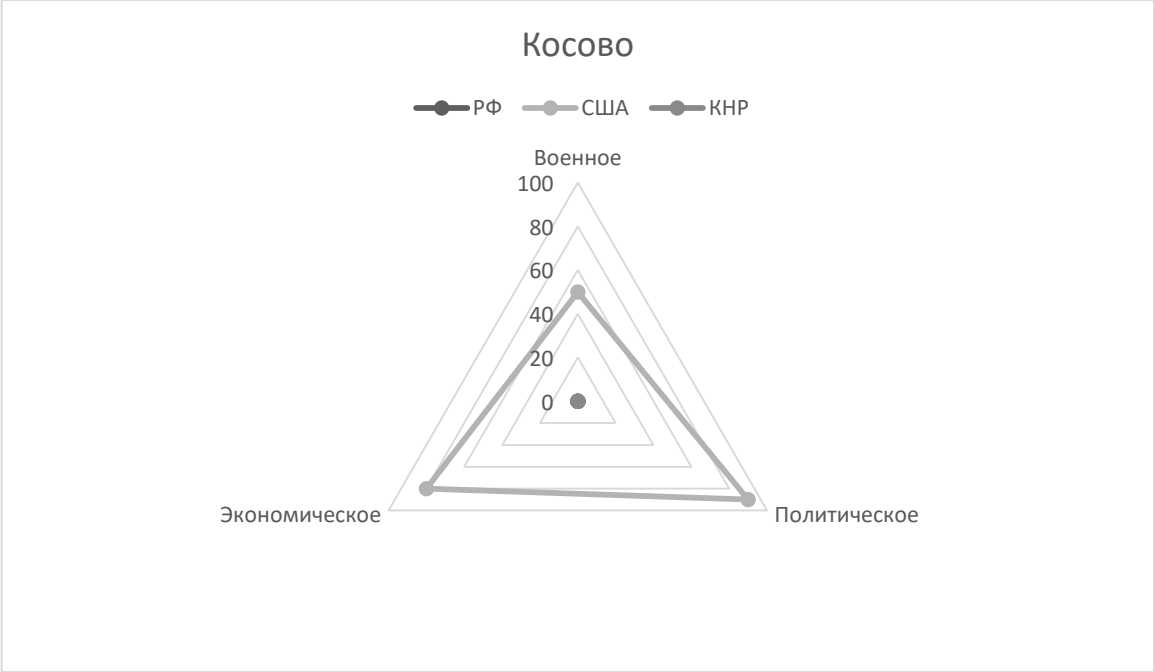

Рисунок 6

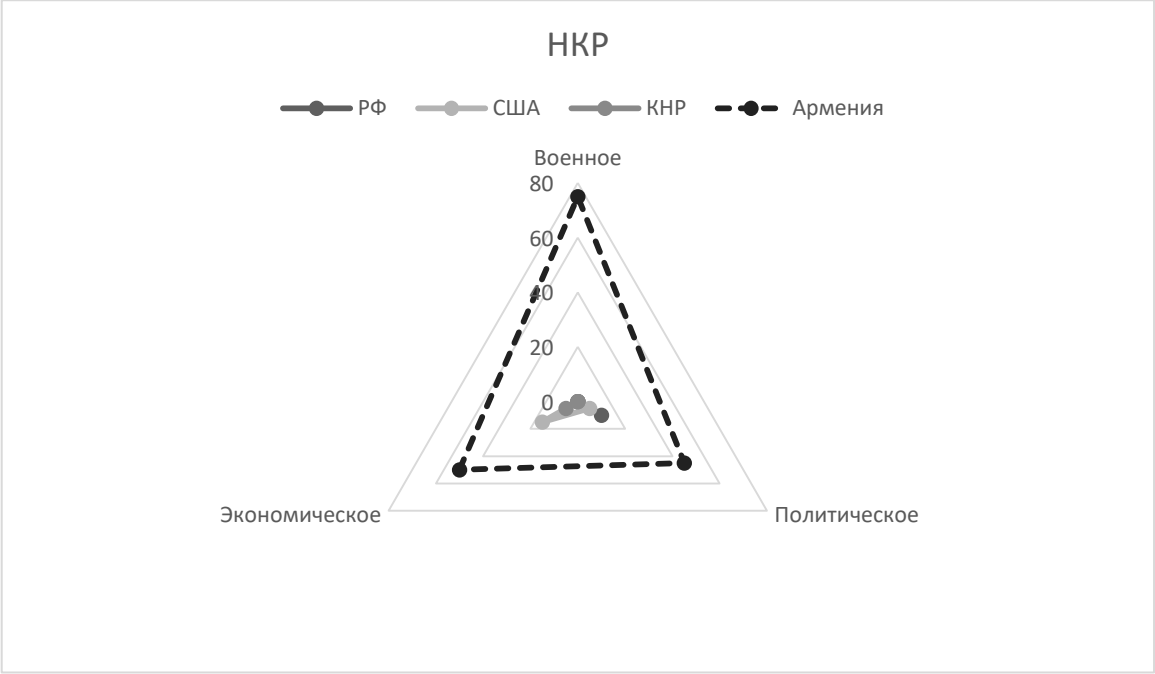

Рисунок 7

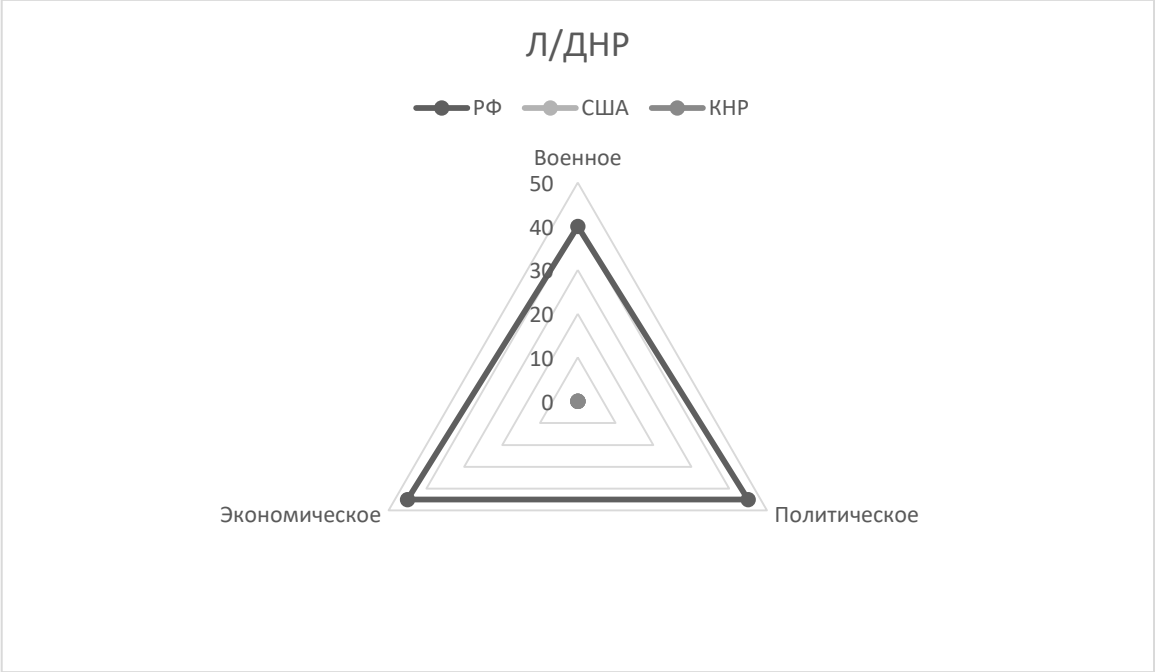

Рисунок 8

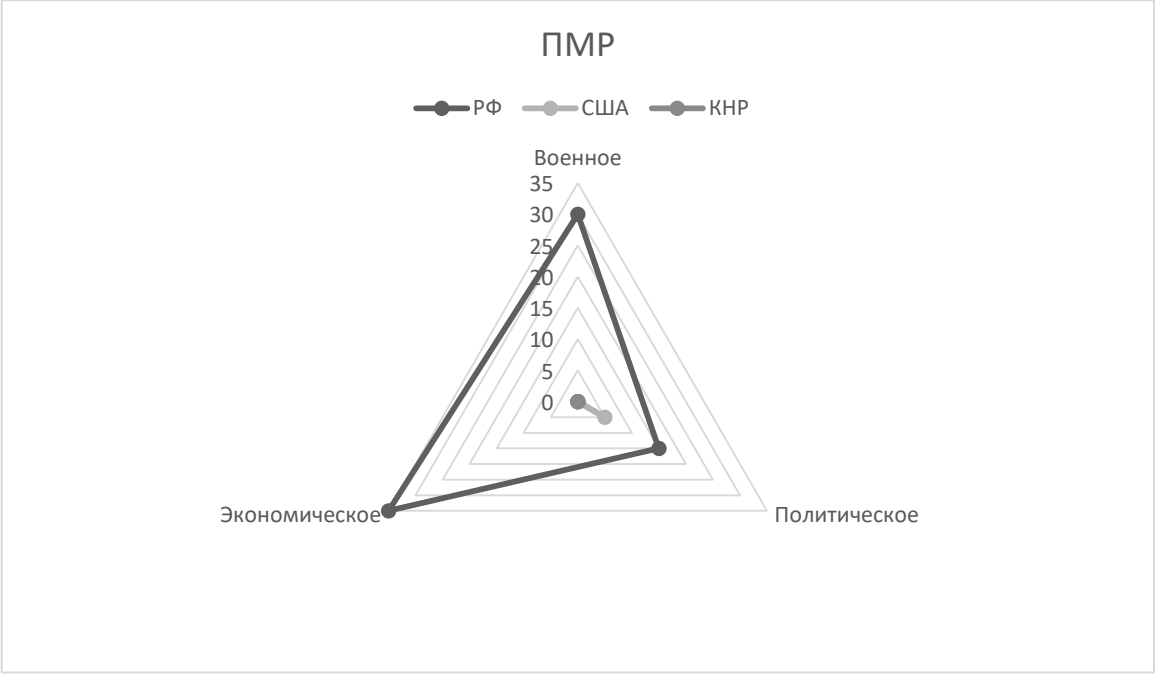

Таблица 14 – Переменные и их веса в признании ДФГ

	Россия				США				КНР				Турция				Армения				О**
				*																	
бхазия	00	5	0	**65**						0	0	**0**									**90**
ЮО	00	5	0	**35**																	**40**
КР		0		**0**			5	**0**									5	5	0	**70**	**05**
МР	0	5	5	**0**																	**5**
/ДНР	0	5	0	**35**																	**35**
осово					0	0	0	**20**													**20**
РСК						0	5	**5**					00	5	00	**85**					**20**
айвань		0	5	**25**	5	0	5	**30**		5	5	**20**									**75**
	70	80	00	**50**	05	20	95	**20**		5	0	**45**	00	5	00	**85**	5	5	0	**70**	

* Общий показатель по каждой державе

** Общий показатель по всем державам

Таблица 15 – Признание ДФГ со стороны государств-патронов

ДФГ	Патрон	Общий балл признания
ТРСК	Турция	285
Абхазия	Россия	265
РЮО	Россия	235
Тайвань*	США	230
Косово	США	220
НКР	Армения	170
Л/ДНР	Россия	135
Тайвань*	Россия	125
Тайвань*	КНР	120
ПМР	Россия	80

* Тайвань, являясь наиболее признанным из всех ДФГ государством, оказывается в таблице трижды. Ни Россия, ни США, не являются его прямыми патронами, а КНР рассматривает как внутреннюю территорию.

Таблица 16 – Признание ДФГ со стороны всех держав и патронов

ДФГ	Общий балл признания
Тайвань	475
ТРСК	320
Абхазия	290
РЮО	240
Косово	220
НКР	205
Л/ДНР	135
ПМР	85

Обобщённые данные по признанию позволяют сделать выводы в обе стороны: в отношении и субъектов, и объектов признания. Среди субъектов иерархия выстраивается очевидным образом: Россия признаёт больше всех, и в наибольшей степени реализует функцию патрона, прежде всего, в отношении тех политий, что находятся на её границах. Наша страна участвует в признании 6 из 8 ДФГ, наполняя их качеством сильнее, чем США (850 баллов против 520), которые опережают Россию в количестве (7 из 8 случаев). КНР заметен лишь в Абхазии, НКР и на Тайване, уступая обеим державам с общими 145 баллами признания, что в очередной раз подчёркивает осторожность Китая в отношении любого вида признания сложных территорий. Наибольшая эффективность России как государства-патрона подчёркивается 265 баллами признания у Абхазии и 235 баллами – у РЮО. 230 баллов даёт политика США в отношении Тайваня и 220 – в отношении Косова. Но все три великие державы по качеству признания обгоняет Турция – с 285 баллами признания ТРСК.

Объекты признания делятся на четыре группы. Тайвань, по совокупности набирающий больше всех баллов, является самым устойчивым государством: во-первых, его признание оценивается в 475 баллов против 320 у ТРСК, во-вторых, его лидерство обеспечивается примерно равным распределением между тремя великими державами. Помимо Тайваня, только Абхазия и НКР поддерживаются тремя странами, хотя участие США и КНР в их признании, конечно, сильно уступает российскому. ТРСК и Абхазия находятся в условной второй группе в отношении баллов: 320 и 290 соответственно, большую часть которых дает патронаж одного государства (285 у ТРСК от Турции и 265 у Абхазии от России). РЮО, Косово и НКР находятся в условной третьей группе: 240, 220 и 205, соответственно, хотя Косово имеет единственного патрона – Россия и КНР никоим образом не участвуют в его признании, а у НКР патрон не из числа великих держав, но каждая из них минимально взаимодействует с непризнанной территорией. Л/ДНР и ПМР представляют собой четвертую, наименее

устойчивую группу со 135 и 80 баллами, соответственно, которые даёт им практически единственный патрон. Мы прогнозируем с высокой степенью вероятности, что именно эти территории будут реинтегрированы мирным путём в состав материнских государств.

Касательно соотношения исследуемых переменных лидерами являются ТРСК и Абхазия, представляющие собой наиболее близкие к равносторонним треугольники. Тайвань, Косово, НКР и Л/ДНР поддерживаются патронами меньше, поэтому их треугольники имеют меньшую устойчивость с меньшей длинной сторон. Интересны треугольники РЮО и ПМР, демонстрирующие явную неустойчивость: в первом случае в отношении экономики, во втором – политики.

Конечно, приведённые выше данные анализа не исчерпывают военное, дипломатическое, экономическое и символическое признание ДФГ Евразии. Наш анализ, во-первых, позволяет построить иерархию ДФГ в отношении государственной статусности. Во-вторых, наглядно демонстрирует разницу в эффективности патронажа со стороны великих держав, позволяя делать выводы о степени их заинтересованности в конфликтах вокруг этих «сложных» политий. В-третьих, свидетельствует о правильности тезиса о том, что признание не является основным условием для существования ДФГ и государства в XXI веке вообще. Мы полагаем, что эффективные действия патрона по поддержке ДФГ много важнее для государственной состоятельности ДФГ, чем количество признающих его в качестве суверена над своей территорией членов ООН. Сравнение казусов ТРСК и Косово, Абхазии и Косово подтверждают наш тезис. В-четвёртых, именно результат анализа государственной статусности демонстрирует нам неполноту исследовательской рамки для описания феномена ДФГ без изучения их государственной состоятельности. Построению иерархии ДФГ по признаку эффективности производства общественных благ следует посвятить отдельное исследование. После того, как мы прояснили конкретные переменные

дифференцированного признания и измерили их индикаторы, обратимся к конкретным политикам материнских государств по борьбе с сецессиями.

3.4 Сравнительный анализ российского, грузинского и молдавского опыта решения проблем с сецессиями на фоне украинского конфликта

Исследуя уже завершившиеся сецессии (как минимум те политии, в которых прогноз в отношении возобновления боевых действий отрицательный), мы можем сравнить факторы, влияющие на них, и выявить различные стратегии материнских государств по борьбе с сецессиями.

Для анализа мы выбрали четыре региональных единицы принципиально разного порядка и степени автономности, отвечающие двум признакам: 1) сепаратистская территория вела боевые действия против материнского государства, 2) вооружённый конфликт завершён, а вероятность его повторения в ближайшие годы крайне мала. Т.е. в данном случае мы принципиально не исследуем Нагорный Карабах и действия Азербайджана по военной реинтеграции НКР – очевидна, с одной стороны, успешность данной сецессии, с другой, неготовность материнского государства к мирной реинтеграции.

И Приднестровье, и Чечня (в варианте террористической организации-государства Ичкерия), и Абхазия, и Южная Осетия вели боевые действия против правительств тех стран, в состав которых они входили по состоянию на момент распада СССР. Конечно, Абхазия и Южная Осетия являются признанными Россией членами мирового сообщества[198]. Приднестровье представляет собой де-факто государство, в смысле национального, государственного строительства и функционирования суверенной экономики, пожалуй, самое успешное из всех

[198] Уровень их признания, безусловно, крайне низок, однако не является предметом настоящего параграфа. Различная степень признания де-факто государств Евразии исследуется в п. 5.1.

постсоветских казусов. Во всех трёх политиях находятся российские войска (в ПМР – с миротворческим мандатом) – именно они являются важнейшим фактором стабильности вокруг частично признанных государств. Наконец, Чечня является неотъемлемой частью России, чья сецессия оказалась самой неудачной из всех начавшихся. Таким образом, в отношении четырех рассматриваемых казусов можно сделать вывод о том, что, несмотря на всю непохожесть их развития, военный конфликт в настоящее время вокруг них невозможен.

Среди постсоветских вариантов завершения сецессий можно выделить три стратегии: противоположные российский и грузинский варианты и промежуточный молдавский. Во всех трёх случаях взаимоотношения сецессий (включая переставшие быть таковыми политии) с материнскими государствами не предполагают в ближайшей перспективе активных боевых действий.

Стратегии Владимира Путина в отношении Чечни и Михаила Саакашвили в Панкиси, Абхазии и Южной Осетии были в целом похожи. Подавление международного терроризма (в России – собственными силами, в грузинском Панкисском ущелье – при помощи американцев в рамках антикриминальной операции), попытки введения внешнего управленческого контроля, совмещённого с сохранением местных лояльных элит, культурная реинтеграция. Разница оказалась видна в деталях. Если Кремлю удалось сформировать широкую базу поддержки федерального центра на основе кланов Кадыровых и Ямадаевых, перешедших на сторону России бывших участников НВФ, то ставленника Михаила Саакашвили в Южной Осетии Дмитрия Санакоева никто всерьёз не воспринимал. Предложение грузинского президента в апреле 2008 года[199] было отвергнуто главой абхазского МИДа Сергеем Шамбой. После всё большего поворота Грузии на запад после 2006 года Россия явно не собиралась повторять сценарий января 2004-го, когда министр иностранных дел Игорь Иванов уговорил

[199] Речь шла о последней попытке мирной реинтеграции РА. Республике предлагались пост вице-президента Грузии, сохранение статуса автономной республики в составе грузинского государства и право вето при решении национально-культурных вопросов.

многолетнего хозяина Аджарии Аслана Абашидзе покинуть республику, фактически сыграв основную роль в восстановлении конституционного контроля со стороны Тбилиси над Аджарией. В 2008 году работать вместе с Грузией над сохранением её территории Россия уже не могла – не столько экономическое, сколько военно-политическое сближение южного соседа с НАТО и США явным образом противоречило её национальным интересам.

Задолго до этого президент Саакашвили, имея гигантский запрос со стороны масс на восстановление государственности и территориальной целостности, начал отходить от «чеченского варианта», не теряя надежды реализовать его при поддержке западных партнёров позже (в 2008 году такая попытка и была осуществлена). Грузинские элиты после «революции роз» стали развивать подконтрольную им территорию. Метко названная Мартином Малеком «внутренняя Грузия» (inner Georgia)[200], т.е. признаваемая большинством членов ООН Грузия без 19% территории, стала местом масштабных реформ по борьбе с коррупцией, восстановлению функций государства (stateness), повышению собираемости налогов и уровня верховенства закона, укреплению армии, полиции и госаппарата, приватизации и снижения бюрократических издержек[201]. «Не ждать, пока вернутся «оккупированные территории», а развивать то, что можем», – примерно так можно сформулировать грузинский вариант взаимоотношения с сецессиями и до, и после 2008 года. Оказание высококвалифицированной медпомощи населению Абхазии и Южной Осетии, совместная с ЕС программа «вовлечение без признания»[202], создание министерства реинтеграции и эволюция

[200] Malek M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework // Transition Studies Review. –2006. – № 13. – P. 444.

[201] Подробнее о грузинских реформах см. Токарев А.А. Реформы Саакашвили территория и управление и Токарев А.А. национальные меньшинства

[202] Совместно с ЕС Грузия начала выдавать «легитимно живущим» («нелигитимно живущие» – российские военнослужащие и члены их семей) жителям де-факто государств паспорта, дающие им возможность ездить по территории Грузии, учиться в грузинских вузах, получать пенсии наравне с грузинскими гражданами, лечиться за государственный счёт в клиниках Тбилиси и других городов, самое главное – получать визы государств Шенгена для туристических поездок, учёбы и лечения. Наличие «нейтрального паспорта» не требует отказа от российского гражданства (и, соответственно, пенсии), которым обладают абсолютное

его в сторону министерства гражданского примирения говорят о том, что Грузия, не имея чёткой стратегии по возвращению, более того, понимая, что обе республики являются отдельными от неё образованиями, не сжигает мосты окончательно.

В октябре 2012 года министр по делам реинтеграции Паата Закареишвили анонсировал изменения закона «Об оккупированных территориях», которые позволят снять часть ограничений, налагаемых на жителей Абхазии и ЮО[203]. С 1 января 2014 года министерство реинтеграции стало обозначаться: «по вопросам примирения и гражданского равноправия». Это означает кардинальное изменение ракурса, с которого из Тбилиси смотрят на Сухум и Цхинвал. Если до этого акцент делался на территориальном аспекте возвращения де-факто государств в административное пространство Грузии, то теперь речь идёт о реконструкции политической нации грузин, в которую приглашаются абхазы и осетины. Независимо от успешности результатов следует признать рациональным этот шаг – хотя бы в смысле изменения повестки дня и дискурса.

Не менее важной, хотя и неочевидной деталью является название одного из регионов на сайте министерства. В отличие от всех официальных документов, в которых употребляется топоним «Цхинвальский регион» – «ЮО» в грузинской юридической реальности не существует – полное название республики присутствует на сайте через слэш перед официальным грузинским: Южная

большинство граждан непризнанных государств. Обладатели таких паспортов не будут считаться гражданами Грузии (тем, кто захочет ими стать, достаточно написать заявление). На этих паспортах нет государственной символики Грузии, заполняются они не по-грузински, а на абхазском, осетинском либо на русском языках (однако, в графе «код государства» указана Грузия, «выдавший орган» – МВД Грузии).

[203] Новое правительство собиралось «способствовать развитию товарооборота и снятию ограничений на передвижение населения «оккупированных территорий» по территории Грузии – считать паспорта де-факто государств действительными на территории Грузии и уровнять их в правах с грузинскими удостоверениями личности, чтобы их обладатели пользовались теми же правами, что и другие». См.: Интервью с Паатой Закареишвили // Gazeta.ru: интернет-журн. 09.10.2012. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/10/09_a_4805813.shtml (дата обращения: 15.10.2012).

Осетия/Цхинвальский регион[204]. Также сайт министерства содержит полноценную русскоязычную версию – в отличие от остальных, доступных, кроме грузинского, лишь на английском.

Стратегия Кремля в отношении Чечни оказалась противоположной и, на наш взгляд, более успешной. После того, как боевики были в целом истреблены, а желающих сложить оружие амнистировали и принимали на службу в чеченские подразделения российских силовых структур (ВС, ВВ, МВД, ФСБ), федеральный центр приступил к восстановлению разрушенной республики. К 2007-2008 годам Россия сформировала управляемую территорию с функционирующими институтами государства, развитым социальным пространством (медицина, образование, межрелигиозная коммуникация, культура) и высоким уровнем безопасности рядовых граждан. Параллельно этому сформировался авторитарный режим, не терпящий критики и жестоко подавляющий публичных политических противников, не имеющий никакой легальной оппозиции внутри границ региона и использующий практики культа личности для поддержания легитимности власти. «Вернуть в рамки конституционного пространства и внутри государства строить мирную жизнь со значительными преференциями для местных элит», – такова была российская стратегия борьбы с сецессией.

Наконец, молдавский вариант оказался промежуточным между грузинским и российским. Кишинёв не пытался создать историю успеха, как «внутренняя Грузия», но и опасался реинтегрировать Приднестровье военным путём, как Россия Чечню. Во многом это обусловлено объективными обстоятельствами: экономика Молдавии не справлялась с собственными вызовами, не говоря уже о том, чтобы поднимать уровень жизни и в без того более развитом промышленном приднестровском регионе. Кроме того, в ПМР размещены российские миротворцы, являющиеся гарантами стабильности не просто строго по формальным причинам. Наши респонденты в глубинных интервью неоднократно

[204] Аппарат государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия URL: http://new.smr.gov.ge/smr/default.aspx (дата обращения: 8.04.2014).

отмечали витальную важность сохранения российского контингента: «Даже если случится, что Россия решит вывести своих ребят, мы сами их не отпустим. Иначе здесь завтра же будет Румыния». Приднестровские женщины в интервью неоднократно вспоминали рельсовую блокаду, настаивая на том, что они лично готовы повторить её, лишь бы российские войска не покидали регион. С другой стороны, Кишинёв не разрывал экономические связи с ПМР, хотя и устраивал периодически блокады непризнанной республики вместе с Украиной: экспорт электроэнергии, текстильных товаров, продукции машиностроительных заводов Приднестровья шёл через Молдову в ЕС, равно как и импорт в саму республику. Парадоксальным образом, не контролируя территорию ПМР, Кишинёв никогда не отказывался от более чем $5 млрд газового долга, который «Газпром» фактически бесплатно поставляет в Приднестровье. Молдо-приднестровская граница не существует – единственного полицейского (по одному на каждый импровизированный пост), в зависимости от собственного настроения выборочно проверяющего документы, в таком качестве вряд ли стоит воспринимать. Молдова до сих пор не имеет границы на востоке с той разницей, что после начала украинского конфликта приднестровско-украинская граница (с точки зрения международного права, молдавско-украинская) контролируется Киевом чётко. Приднестровско-молдавская граница – безусловная реальность: массовая проверка документов, досмотр большегрузов, символы государства, пограничники, заполнение документов на въезд. В подобном отношении к пограничному контролю с сецессионистской политией состоит отличительная черта молдавского государства: в отличие от Грузии, де-факто признающей границы с Абхазией и Южной Осетий постоянным содержанием на них воинских контингентов, Кишинёв, считая ПМР своей территорией, обходится незначительными полицейскими силами и отсутствием пограничной инфраструктуры. По нашим данным уже в 2016 году экспорт ПМР в Европу

примерно в 10 раз превышал аналогичный показатель на российском направлении[205] – вся торговля, естественно, шла через Молдавию.

Какую стратегию по возвращению Донбасса сможет выбрать Украина, учитывая тот факт, что данный казус включает взаимодействие глобальных игроков?[206] Чеченский вариант – «военная операция с последующим социально-экономическим развитием» – мы исключаем по двум причинам. Во-первых, соотношение промышленных потенциалов Украина/Донбасс похоже, скорее, на случай Молдавия/Приднестровье: Украина попросту не имеет тот же уровень экономического развития, что и довоенный Донбасс, а сейчас, в принципе, не в состоянии заниматься его восстановлением. Во-вторых, ни армия Л/ДНР, ни Россия не позволит силовым путём вернуть территории республик под контроль Киева. Если в начале конфликта, как минимум, в Иловайске (август 2014 года) и Дебальцево (февраль 2015 года) в операциях против ВСУ, по сообщениям оппозиционных российских СМИ, опровергаемых властями, участвовали отдельные подразделения российской армии, то теперь количество иностранных кадровых военных резко сократилось (неофициальные оценки украинской стороны – 7000 человек), а республики начали военное строительство (пусть и по-прежнему курируемое Москвой).

Грузинский вариант для Украины более вероятен. В стране существует запрос на масштабные социально-экономические реформы (собственно, частично их и начинала команда Михаила Саакашвили и он сам) и европеизацию. С учётом отсутствия национальной и этнической границы на востоке Украины как таковой и явной несформированности национального сообщества украинцы не имеют ответов на устанавливающие вопросы: каковы критерии членства в нации, являются ли членами сообщества жители Донбасса, должен ли русский быть вторым государственным языком, должна ли быть проведена федерализация и т.д.

---

[205] См. подробнее: Токарев А.А., Бороденко М.М. Экономика Восточного партнёрства: прощание с иллюзиями.

[206] Ericson R, Zeager L. Ukraine Crisis 2014: A Study of Russian-Western Strategic Interaction // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. – 2015. – Vol. 21, № 2. – P. 153–190.

В этих условиях возвращение Донбасса не является национальной целью номер один для Украины. Национальный консенсус вокруг проблемы ДНР и ЛНР отсутствует (вернуть территории украинцы, безусловно, хотят, реинтегрировать население Донбасса – большой вопрос[207])[208]. Неоднократно в кулуарах международных конференций и украинские эксперты, и лица, принимающие решения, признавались автору в том, что не заинтересованы в реинтеграции населения, но настаивают на возвращении территорий. Украина отличается от России 1999-2000 годов, где в результате атак чеченских террористов на регионы центральной части страны сформировался устойчивый запрос на решение чеченской проблемы. Поэтому грузинский путь «развивать то, что контролируем, надеясь вернуть сецессии в будущем» более вероятен для Украины.

Наконец, рассмотрим приднестровский вариант. С одной стороны, замораживанию конфликта (а именно так понимают «приднестровизацию» в Европе[209]) противостоит ОБСЕ, надеясь на его разрешение. С другой – и Украина, и Россия парадоксальным образом неофициально сходятся в том, что конфликт, скорее всего, будет заморожен. Для Украины заморозка предполагает продление западных санкций в отношении России при обвинениях со стороны запада в том, что восточный сосед не имплементирует «Минские соглашения». Продление санкций даёт прозападным украинским элитам незначительную надежду на то, что Россия не сможет поддерживать ДНР и ЛНР ни в экономическом, ни в военном смысле и уж точно не способна обеспечить их военную экспансию на запад в сторону Киева и/или регионов исторической Новороссии. Подобная позиция не вербализирована в официальном дискурсе украинских элит, но отчётливо транслируется по неофициальным каналам. Российское руководство понимает, что Киев не будет выполнять «Минские

[207] См. подробнее п. 4.1

[208] Katchanovski I. The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? // European Politics and Society. – 2016. – № 4. – P. 35-50.

[209] Kennedy R. The limits of soft balancing: the frozen conflict in Transnistria and the challenge to EU and NATO strategy // Small Wars & Insurgencies. Special Issue: Hybrid War in Post-Soviet Spaces. – 2016. – Vol. 27, № 3. – P. 512-537.

соглашения», предполагающие сначала проведение выборов в ДНР и ЛНР, внесение изменений в Конституцию Украины и лишь потом передачу Киеву контроля над границей[210].

Вместе с тем, приднестровский мирный вариант не представляется возможным реализовать на Донбассе по причине «окропления» конфликта кровью. В 1992 году в ПМР погибло около 1000 человек с каждой стороны конфликта. По данным ООН, по состоянию на начало 2019 года на Донбассе погибло более 13 тысяч человек. На Украине прошло 6 волн мобилизации, были сформированы добровольческие батальоны. На Донбассе уровень вовлечения гражданского населения в местное ополчение ещё выше. С обеих сторон война уже «вошла в музеи», а в семьях погибших участников конфликта формируются истории о том, как «мужчины героически гибнут, сражаясь с врагом». Сам национальный нарратив с обеих сторон изменяется в сторону противостояния и ненависти по отношению к врагу, что явным образом отличает Донбасс от невосприимающего столь негативно Молдавию Приднестровья.

Наконец, даже с учётом того, что географические условия (отсутствие географических барьеров в качестве границ между Донбассом и Украиной и неконкретность «линии соприкосновения»), отсутствие этнических и лингвистических противоречий между ДНР/ЛНР и соседними русско-населёнными и русско-язычными регионами Украины, санкционное давление на Россию, которая (пусть это крайне маловероятно, но не будем исключать этот

[210] Вопрос восстановления контроля над границей является для Украины ключевым. Сейчас паспортный контроль на международных КПП Донецк (Россия) – Изварино в ЛНР, Матвеев курган – Успенка в ДНР и прочих осуществляют МГБ непризнанных республик. Для народных республик камень преткновения «Минска-2» – конституционная реформа и принятие постоянного законодательства об особом порядке самоуправления. Законодательные новации позволят «отдельным районам Донецкой и Луганской областей» иметь право на языковое самоопределение, амнистию для ополченцев, создание народной милиции, участие в назначении прокуроров и судей, получение не только финансирования от Киева, но и его содействия трансграничному сотрудничеству этих территорий с Россией. Условие и следствие «Минском-2» регулируется чётко. Во-первых, Украина начинает восстанавливать контроль над границей в первый день после местных выборов (п. 9). Во-вторых, там же прямо указано, что условием восстановления пограничного контроля является выполнение п. 11, т.е. проведение конституционной реформы.

вариант окончательно) перестанет поддерживать республики, постоянные стычки элитных групп на Донбассе в борьбе за ресурсы и крайне низкий уровень внутреннего суверенитета непризнанных республик, Украина не сможет реинтегрировать население Донбасса. Негативное отношение к украинскому государству — константа массового сознания (см. п. 4.2). Проукраински настроенные граждане остались, но находятся в абсолютном меньшинстве. Позитивные воспоминания о жизни внутри Украины, как правило, относятся к ностальгии по мирной жизни. Как бы ни относились наши собеседники на Донбассе к собственным властям, возвращение в конституционное пространство Украины кажется им маловероятным. Признавая и пытки как инструмент выбивания признаний, и похищения людей, и низкий уровень лекарственного и финансового обеспечения, и нищенский размер пенсий и зарплат, и неуемные траты лидеров республик на имидж, и наличие представителей криминала в ополчении, дискредитирующих идеи «русской весны», жители Донбасса часто говорят «лишь бы не на Украину». Один из ополченцев уверяет: «По ту сторону фронта 80% русских. Нациков там меньшинство... Я пошел на войну, когда залп «Града» сравнял соседский дом с землей». Доцент Донецкого национального университета, пожелавший остаться неизвестным, поясняет: «Украина сама отталкивает нас, продолжая обстрелы. Мы нацелены на интеграцию с Россией не потому, что так решили в Кремле. Мы культурно, лингвистически, исторически связаны с ней гораздо сильнее, чем с Украиной»[211]. В этом смысле даже если Украина в связи с фантастическим стечением обстоятельств вернёт территории, она получит их в качестве бомбы замедленного действия, которая в связи с неизбежной новой волной украинизации взорвётся опять.

В данной главе мы подробно рассмотрели три имманентных фактора, в меньшей степени влияющих на сецессию, чем объективные, изученные нами во второй главе. И легитимизация сецессий посредством парламентских процедур и

[211] Токарев А.А. Граничные состояния // Коммерсантъ.Власть: интернет-журн. 29.02.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2923190 (дата обращения: 23.06.2020).

всенародных голосований, и жёсткие действия материнских государств по возвращению сепаратистских территорий в процессе боевых действий, и тем более, дифференцированное признание, обусловленное, прежде всего, актуальной политической ситуацией и соотношением сил акторов (а не международным правом) в каждом конкретном случае, гораздо сильнее зависят от конъюнктуры, нежели объективные факты географического и исторического пространства, которые, конечно, тоже подвержены трактовке. Изучение комплексных политик материнских государств по противодействию сецессиям позволяет спрогнозировать *варианты* развития украинского конфликта. Его мы детально рассмотрим в следующей главе при помощи уникальных прикладных методов.

Глава 4. Украинский конфликт как частный случай взаимодействия государства-патрона, материнского государства и сепаратистских де-факто государств

Подробно изучив объективные и субъективные факторы постсоветских сецессий, мы переходим к исследованию единственного[212] конфликта, находящегося в «горячей» стадии. Данная глава продолжает логику описания факторов, влияющих на сецессию и их квантификацию в виде переменных в модели с той разницей, что здесь представлен отдельный случай. Мы рассматриваем не конфликт целиком, а исключительно социологические переменные, заложенные в модель (обозначены в таблице 34: p3 и p4). Каждой из них посвящён отдельный параграф в главе.

Боестолкновения между Л/ДНР и Украиной стали стечением значительного числа факторов. Здесь мы изучаем, на наш взгляд, наименее исследованные из них, по крайней мере, в российской науке: состояние массового сознания по обе стороны фронта. При помощи уникальных, разработанных специально для данного исследования методов, мы представляем принципиально новые, впервые собранные базы данных, которые анализируются посредством количественных и качественных инструментов. Особо подчеркнём, что в данном случае мы не подгоняли исследовательский кейс под метод – использованные нами конкретные компьютерные и социологические методы могли быть задействованы применительно к любой постсоветской территории. Исследование соцсетей и психографический метод позволяют сделать выводы в отношении массового сознания во всех политиях: и материнских государствах, и патронах, и самих ДФГ. Но отдельную главу мы посвящаем именно украинскому конфликту, во-первых, как наиболее

[212] Конфликты в НКР в 2016 и 2020 годах оказались краткосрочными.

затяжному, с точки зрения активных боевых действий, из всех, что происходили на постсоветском пространстве, во-вторых, как самому актуальному, в-третьих, наиболее кровопролитному из всех сецессионистских.

Кроме того, ввиду ограниченности времени и кадров исследование подобного масштаба, проводившееся силами 11 человек в течение 5 лет в Москве, Киеве и городах ДНР, требует сопоставимых ресурсов в отношении каждого ДФГ. В т.ч. поэтому мы вынуждены были выбрать кейс-стади для исследования компьютерными и социологическими методами вместо сохранения логики сравнительного анализа всех 4 основных исследовательских кейсов по каждой из переменных.

4.1 Дегуманизация как основной тренд восприятия украинским массовым сознанием Л/ДНР

Значительная часть исследований, посвящённых украинскому конфликту, рассматривает его внешнеполитическое измерение, постулируя его, прежде всего, как противостояние России и США. Оставляя за рамками исследовательского фокуса данное измерение, мы уделяем внимание внутренней динамике данного конфликта – восприятию в массовом сознании каждой из сторон своих соперников. Остальные измерения украинского конфликта рассматриваются в других главах в сравнительной перспективе по отношению к де-факто государствам.

При формулировке научной проблемы мы исходим из трёх основных суждений. 1) Основные акторы конфликта на юго-востоке Украины (РФ, США, ОБСЕ, Украина, ДНР/ЛНР) имеют во многом противоположные задачи по его урегулированию/эскалации. 2) Несмотря на признание конфликтной территории де-юре украинской большинством акторов, базовый документ

«Минск-2» пользуется дискурсивной, но не реальной поддержкой сторон. 3) Украина не имеет консолидированной позиции в национальном сообществе и элитах в отношении территории и населения Донбасса.

Конфликт на Донбассе имеет затяжной характер, прежде всего, из-за отсутствия консенсуса между ключевыми игроками. После завершения по объективным причинам проекта «Новороссия» Россия заинтересована в сохранении Донбасса в рамках украинского государства, но с такими полномочиями, которые позволят местным лидерам блокировать сближение Украины с НАТО, что явным образом противоречит российским национальным интересам. Украина, напротив, дискурсивно всячески подчёркивает целостность «государственного тела» и юридический суверенитет Киева над конфликтными территориями, но де-факто не стремится принимать отдельные районы Донецкой и Луганской областей (далее – ОРДЛО) под свой контроль. США стремятся сохранить если и не ситуацию масштабной войны, то высокий уровень напряжённости на российско-украинских границах и – шире – внутри Европы, чтобы не допустить сближения России и «старой» континентальной Европы, России и Китая, геополитическое и экономическое соперничество с которым будет основным фактором, определяющим внешнюю политику США в первой половине XXI века. ДНР и ЛНР не готовы к реинтеграции, во-первых, в украинское государство, не способное предоставить гарантии безопасности их элитам, во-вторых, - в украинское общество, воспринимающее население Донбасса в большинстве своём в качестве «террористов» и прочих не включаемых в национальное сообщество элементов, но никак не сограждан. ОБСЕ, являясь посредником в разрешении конфликта, в целом выражая мнение «старой Европы» (прежде всего, Франции и Германии), выступает категорически против его заморозки, настаивая на реальной имплементации «Минска-2».

Украинские элиты и украинское общество не знают, что делать с ОРДЛО. Дискурс власти и официальной пропаганды направлен на поддержание

приемлемого уровня ненависти к России как «агрессору» и участникам ополчения ДНР и ЛНР как «террористам» и «участникам бандформирований», управляющимся «напрямую из России» и сформированным «преимущественно российскими военными или наёмниками». Тотальное упрощение реальной картины и нежелание рефлексировать в отношении структуры противоположной стороны – характерная черта современного украинского общества. С одной стороны, и власть, и общество имеют общий нарратив, являющийся константой массового сознания: «Донбасс – это наша территория, и её необходимо возвращать». С другой, конкретные предложения и стратегии в отношении возвращения ОРДЛО под контроль Киева и, что важнее, - в адрес населения Донбасса, украинские элиты не дебатируют. Малейшие намёки на необходимость переговоров с непризнанными республиками или важность того, чтобы учесть мнение России, как это предлагали, например В. Пинчук, Н. Савченко или В. Медведчук, принимаются мейнстримом в штыки, а носители таких дискурсов объявляются «предателями», «нерукопожатыми» и пр. Без масштабного исследования официального дискурса, основываясь на отдельных сообщениях, раскручиваемых в медиа, можно создать картину о «тотальном завоевании подконтрольных террористам территорий тогда, когда США и Европа поставят летальное оружие и неофициально дадут «добро» на операцию по боснийскому сценарию».

Мы сознательно исключаем из нашего анализа масс-медиа, поскольку они не позволяют оценить «чистую, кристаллизованную» позицию конкретного индивида – в отличие от конкретной страницы с несколькими десятками тысяч подписчиков. Мы не отрицаем влияние «темников» от различных политических структур (от администрации президента до крупнейших ФПГ), которые явным образом влияют на блогеров, равно как и психологические механизмы самопрезентации, позволяющие использовать соцсети, скорее, для конструирования, нежели описания реальности. Однако, мы считаем, что массовость выборочной совокупности, взятой для исследования, в

значительной мере нивелируют эти особенности социальных сетей, снижающие уровень верификации исследования.

4.1.1. Аргументация выбора Facebook как предметной области исследования

В отличие от России, где всплеск политического интереса к соцсетям был ситуативно связан с особенностями лидерства президента Д. Медведева, Украина – то государство, где власть и лидеры общественного мнения в буквальном смысле «живут» в Facebook, который является одним из важнейших инструментов репрезентации их для общества в целом и избирателя, в частности. С одной стороны, эта страна, как и мы сами, находится в общемировом тренде медленной смерти традиционных медиа в связи с большей оперативностью соцсетей по формированию новостного потока. С другой, Facebook является на Украине основным каналом коммуникации внутри гражданского общества, особенно в его «активистском» сегменте. Кроме того, это одно из основных средств донесения своей позиции от власти к гражданам. Поэтому многие топовые политики ведут аккаунт самостоятельно, что делает Facebook ещё более важным каналом коммуникации и формирования новостного потока (о многих политических событиях украинцы узнают именно из социальной сети, а не из традиционных медиа). Администрация президента Украины, прося «разогнать» в медиа тот или иной вброс, особое внимание просит коллег уделять именно Facebook. Скриншотов с подобными просьбами много и в российском, и в украинском сегментах Интернета (рисунок 9).

Рисунок 9 – Скриншот страницы Александра Онищенко в Facebook

В отношении важности канала связи власти и граждан, власти и её сторонников речь идёт именно о Facebook, а не о Twitter, Instagram и других социальных сетях. Украинское общество в отношении важнейших государственных вопросов в высокой степени опосредует украинскую политику, являясь её важнейшим участником. Facebook был, безусловно, главным каналом коммуникации на Евромайдане[213]. Собственно, с призыва украинского журналиста первый, мирный Евромайдан в ноябре 2013 года и начался. Как пишут сами украинцы, «в тот вечер пост собрал более тысячи лайков, около 900 репостов, 1200 комментариев и несколько тысяч людей на Майдане. Сейчас такое количество реакций на пост Найем считается обыденностью. Но к этому украинские блоггеры и журналисты в среднем получали не более 100 "лайков" и десяток комментариев»[214]. Как напоминает Александр Ронжин из университета Бильбао, «благодаря использованию Facebook и Twitter, украинский протест стал не только одним из самых массовых в Европе за последнее время, но и самым социальным»[215]. «Несмотря на то, что наиболее посещаемой социальной сетью (и вторым после Google по частоте заходов) была российская «Вконтакте», в 2013 году Facebook был главной платформой для политических дискуссий и ресурсом номер один для

[213] В официальном украинском дискурсе эти события и последовавший за ними государственный переворот называются «Революция достоинства».
[214] Анатомія українського Facebook. Боти політиків, рейтинги, перемога на виборах Доступ: https://espreso.tv/article/2017/12/13/reytyng_ukrayinskogo_facebook (проверено: 8.07.2018)
[215] Ronzhyn A. The use of Facebook and Twitter During the 2013–2014 Protests in Ukraine. Доступ: https://www.researchgate.net/publication/268979057_The_Use_of_Facebook_and_Twitter_During_the_2013–2014_Protests_in_Ukraine (проверено 17.10.2017).

посещения среди независимых сайтов внутри Украины»[216] (под «независимыми» авторы, вероятно, имеют ввиду «независимыми от России»). «На протяжении всех протестов Facebook, похоже, был основным сайтом для организации и координации ресурсов и событий, хотя Twitter и ВКонтакте также сыграли свою роль… - пишут они далее. – На главной странице «ЕвроМайдан» собралось огромное количество юзеров, установив рекорд для роста в Украине. В течение двух недель на странице было более 125 000 подписчиков, и эти цифры продолжали расти в ходе протестов. В отличие от Facebook, Twitter, похоже, был менее значим для фактической организации протестов и материалов. Большинство постов, размещённых в Facebook, были репостнуты в Twitter».

Подчеркнём феномен, на осмысление которого потребуется время и другое исследование. Нет ответа на вопрос: «Почему Facebook оказался столько успешен как инструмент массовой коммуникации при протесте?», кроме отсылок к чисто технологическим аспектам в стиле «потому что лидеры общественного мнения и так уже имели в нём аккаунты». В сравнении с «арабской весной» украинский казус теряет логику. В Африке американские соцсети создавали альтернативную власти реальность – то, что Абибал Хондкер метко назвал «виртуальным гражданским обществом», постулируя, что оно появляется, когда в стране явный недостаток свободы слова и конкуренции в медиа с провластной точкой зрения[217]. На Украине, несмотря на неопатримониальный характер политического режима, связанный с функционированием множества патрон-клиентских связей между агентами государства и ФПГ, дефицита свободы слова и конкуренции в медиа никогда не наблюдалось (характер такой конкуренции, когда по-настоящему независимых от крупнейших ФПГ журналистов было совсем немного, - опять же тема иного исследования). Тем интереснее социокультурные аспекты роли

[216] Megan MacDuffee Metzger, Joshua A. Tucker Social Media and EuroMaidan: A Review Essay // Slavic Review, Volume 76, Issue 1 Spring 2017 , pp. 169-191 https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/social-media-and-euromaidan-a-review-essay/D4AF4BDCBE35D03421456EA26CA7F528/core-reader

[217] Khondker, H. H. (2011). Role of the New Media in the Arab Spring. Globalizations, Vol. 8, No. 5, pages 675-679

Facebook в протестах, поскольку никакой питательной среды для возникновения в социальных сетях некоей альтернативной реальности не существовало: во вполне традиционных медиа в виде прессы, телевидения и радио власть и отбивалась, и критиковалась, а различные оппозиционные группировки имели все возможности для зарабатывания очков. Есть интересное исследование Ольги Онуч (Olga Onuch) из университета Манчестера, в котором она противопоставляет традиционные медиа социальным сетям[218]. Согласно её данным, полученным в ходе фокус-группового исследования (степень доверия к экстраполяции их на массовое сознание читатель определит сам), Facebook был основным *уникальным* каналом коммуникации, уступая лишь комбинированному радио+телевидение: 37,2 % опрошенных сообщили, что они протестуют, по крайней мере частично, в результате чтения на Facebook того, что перепостили их друзья. Кроме того, 12,8% респондентов получили приглашение из «ВКонтакте». Опять-таки Facebook не создавал альтернативной реальности, поскольку традиционные медиа также освещали и протесты, и их причины.

[218] Onuch O. EuroMaidan Protests in Ukraine: Social Media Versus Social Networks // Problems of Post-Communism. Volume 62, 2015 - Issue 4. P. 217-235.

Рисунок 10 – Facebook в массовой культуре украинцев

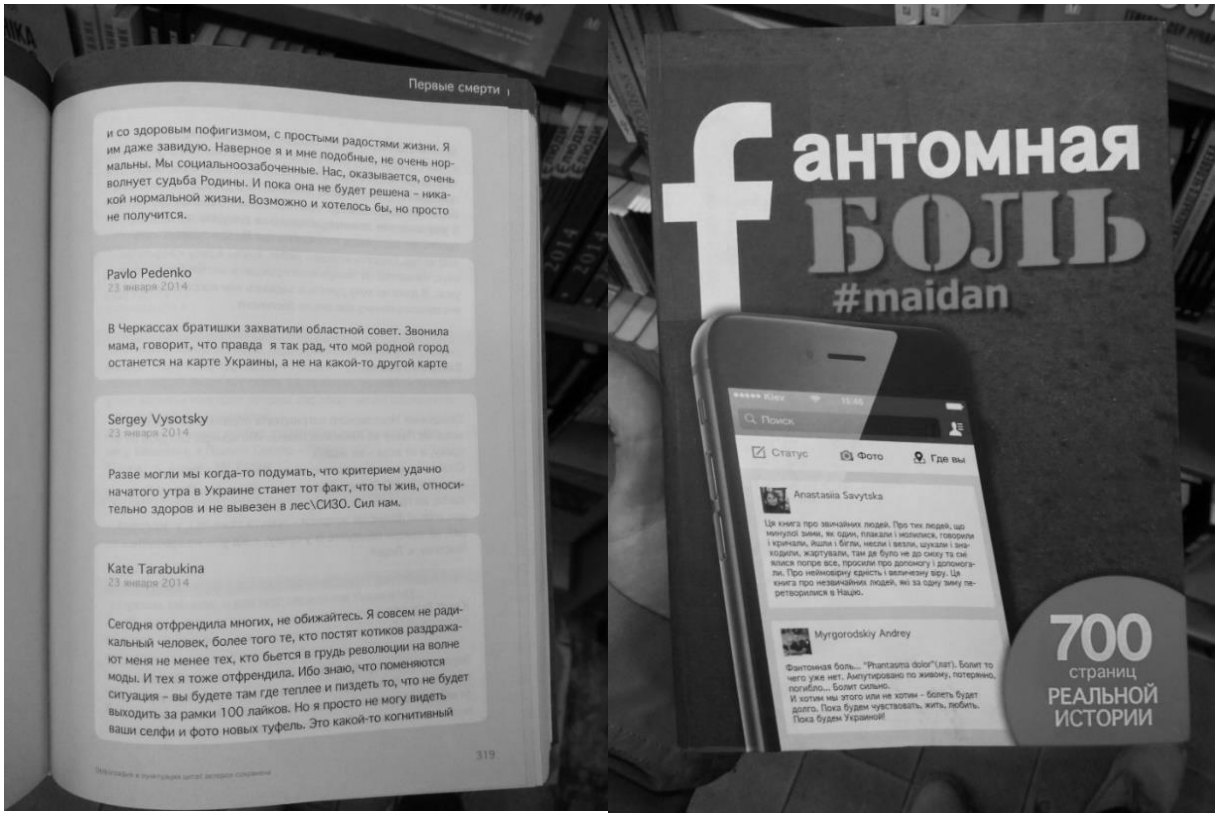
По итогам этих событий вышло несколько книг, посвящённых именно этой социальной сети. Часть из них представляли собой просто распечатки постов и дискуссий из Facebook. Конечно, это ангажированные истории, подобранные «правильной» стороной, освещающие «революцию достоинства» как подлинный народный протест, избавленный от внешнего влияния, не квалифицирующие его как государственный переворот. Но внимания заслуживает сам факт отсутствия аналитической работы, редактирования постов с целью выстраивания писательской логики. Эти книги лишь «делают репост» в реальную жизнь из виртуальной, формируя тем самым некую летопись событий глазами части очевидцев. Полка про современную политику любого киевского книжного магазина обязательно будет содержать книжки про Евромайдан и войну на юго-востоке. Часть из них будут обязательно упоминать украинский Facebook, который закрепляется в массовом сознании не просто как технология организации протеста, но, безусловно, как социокультурный феномен. Следы этого

закрепления в апреле 2018 года были видны на площади Независимости, т.е. главном символическом месте современной Украины: на огромных ржавых металлических пластинах были размещены плакаты со скриншотами страниц времён Евромайдана. «Facebook-революция» была озаглавлена эта экспозиция.

Также отметим необоснованность излишних восторгов со стороны западных и украинских коллег в отношении организационной силы этой соцсети. Они, как правило, либо вспоминают пост Мустафы Найема, либо описывают начало протестов в стиле «он совпал с настроениями многих жителей страны. Всё больше и больше людей ехало на главную площадь или меняли свои статусы в Facebook на «я еду на Майдан» или уже чекинились оттуда»[219]. Социальная сеть и онлайн-медиа были действительно важны на самом первом этапе протеста. Дальнейшая эскалация и перерастание мирного, студенческого майдана во всеукраинский протест стали возможны, прежде всего, благодаря неуклюжим и опасным действиям власти по жестокому разгону студентов с площади в ночь с 29 на 30 ноября 2013 года. Уже потом появятся и боевики «Правого сектора», и иностранное финансирование части протестующих, и консультации трёх лидеров протеста с посольством США в Киеве, и очередная неуклюжая попытка правительства остановить протест принятием жёстких законов (оппозиция тут же назвала их «диктаторские законы 16 января»), и участие отдельных российских представителей в консультациях с правительством В. Януковича. Facebook во всех этих событиях будет играть не самую значительную роль. Традиционная «калька» построения исследования в стиле «пост Найема – начало протеста – эскалация – главенство Facebook как главного инструмента коммуникации – бегство Януковича – потеря Крыма» характерна для западных и украинских коллег и совершенно игнорирует множественность факторов протеста.

[219] Bohdanova T. 2014. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine's Euromaidan uprising. – European View. Vol.13. P. 133–142.Доступ: http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1007/s12290–014–0296–4; (проверено 12.01.2018).

Рисунок 11 – Facebook в массовой культуре украинцев

4.1.2. Операционализация дискурсов: динамика поисковых запросов

После того, как мы определили список блогеров[220] и сформировали базу данных, перед нами встали конкретные вопросы: (1) как из общего дискурса вычленить «куски», посвящённые Донбассу, и (2) как их исследовать, чтобы понять отношение украинских элит к территории и населению Донбасса.

Основным инструментом, с помощью которого проводилось изучение базы данных, был поисковый запрос. Наша задача сводилась к тому, чтобы сформировать такой поисковый запрос, который а) будет охватывать максимум постов, посвящённых Донбассу, б) будет исключать те, которые не имеют к нему

[220] Подробно о критериях формирования списка см. «Формирование списка аккаунтов для исследования» // Токарев А.А. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса: (2009–2018) : исследование национального сегмента Facebook : семантика, частотность, эмоциональность, регионализация: монография. – Москва: МГИМО-Университет, 2018. — С. 25-29.

отношения. Задача облегчалась тем, что нас интересовало отношение к региону в целом, а не только на этапе войны.

Начиная с самых простых слов мы всё время усложняли поисковый запрос. Первоначально он состоял всего лишь из трёх слов – Донбасс, ДНР, ЛНР (с расшифровкой аббревиатур в том числе). При каждой последующей итерации добавлялись синонимы, которые мы с коллегами предлагали в рамках мозговых штурмов. После добавления уничижительных слов («Луганда» и «Донбабве»), при помощи которых в 2014-2015 гг. украинская блогосфера активно дегуманизировала население Донбасса, количество постов выросло незначительно. Чуть больше массив вырос после включения аббревиатуры официального дискурса Украины в отношении непризнанных республик: отдельные районы Донецкой и Луганской областей (ОРДЛО). Максимально на первом этапе БД обогатил синоним «Минск…»[221] и перевод синонимов на украинский. Совокупность из 14 синонимов выдала 5200 записей из общего числа в 88 536 постов (см. таблицу 19). Уровень упоминания объектов поиска в совокупности из 5200 постов (везде с учётом морфологии), представлен в таблице 17.

Таблица 17 – Частотность объектов поиска внутри объекта «Донбасс»

Объект поиска	% от числа постов, посвящённых Донбассу (5200)
«ОРДЛО»	4,1
перевод всех синонимов на украинский	10,8
«Минск…»	26,5
«Донбас…», «ДНР», «ЛНР» и расшифровки аббревиатур	76,7

В дальнейшем с увеличением числа синонимов росло и число найденных нами в общей совокупности постов, посвящённых региону (см. таблицу 18). В итоге нам удалось добиться роста с 4,5 % до 6,7 %, добавив к первоначальным 5 синонимам ещё 29.

[221] «Минские соглашения» не прописываются в запросе отдельно, поскольку являются составной частью морфологии запроса «Минск…». Сюда, конечно, попадали и те посты, которые упоминали «Минск…» и без привязки к минским соглашениям – например, отчёты о поездках в белорусскую столицу. Этим неудобством мы решили пренебречь, не стремясь удалять посты про географический Минск из общей БД ввиду их незначительности в массиве.

Таблица 18 – Усложнение поискового объекта «Донбасс»

Кол-во синонимов	Поисковый запрос	% От числа постов
5	"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*"	4,5
7	"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" **OR "Луганд*" OR "Донбабве"**[222]	4,54
8	"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" OR "Луганд*" OR "Донбабве" **OR "Минск"**	5,17
9	"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" OR "Луганд*" OR "Донбабве" OR "Минск" **OR "ОРДЛО"**	5,24
14	"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" OR "Луганд*" OR "Донбабве" OR "Минск" OR "ОРДЛО" **OR "Мінськ*" OR "Мінськ* домовленност*" OR "Донецьк* област*" OR "Луганськ* област*" OR "окремі райони Донецької і Луганської областей"**	5,87
34	Донбас* (рус, укр), ДНР (рус, укр), ЛНР (рус, укр); Донецк*, Луганск*, Донецьк*, Луганськ*; Донецк* област*, Луганск* област*, Донецьк* област*, Луганськ* област*; Донецк* народн* республик*, Донецьк* народн* республик*, Луганск* народн* республик*, Луганськ* народн* республик*; **Минск-1 (морф), Минск-2 (морф), Минск-3 (морф), Мински, Міньск-1 (морф), Міньск-2 (морф), Міньск-3 (морф), Минск* соглашен*, Мінськ* домовленност*;** **АТО (рус, укр), ОРДЛО (рус, укр), окрем* район* Донецьк* і Луганськ* област*, Луганд*, Донбабв***	6,72
110	***РУС*** Донбас*, ДНР, ЛНР, АТО, ОРДЛО, отдельн* район* Донецк* и Луганск* област*, минск* соглашен*, Минск-*, мински, Луганд*, Донбабв*, Донецк* област*, Луганск* област*, Донецк* Народн* Республик*, Луганск* Народн* Республик*, **Донетчина, Северск* Дон*, Кальмиус*, Авдеевка, Донецк*, Докучаевск, Горловка, Енакиево, Углегорск, Дебальцев*, Ждановка, Кировский, Макеевка, Торез*, Харцызск*, Зугрэс*, Шахтерск, Ясиноватая, Коминтерново, Заиченко, Широкино, Бердянское, Павлополь, Пищевик, Лебединское, Сопино, Новоазовск, Луганск*, Алчевск, Антрацит*, Брянка, Кировское, Красный Луч, Краснодон, Первомайск, Ровеньки, Свердловск, Стаханов, Саур-Могила** ***УКР*** Донбас*, ДНР, ЛНР, АТО, ОРДЛО, окрем* район* Донецьк* та Луганськ* област*, окрем* район* Донецьк* і Луганськ* област*, мінськ* угод*, мінськ домовленост*, Мінськ-*, Луганд*, Донбабв*, Донецьк* област*, Луганськ* област*, Донецьк* Народн* Республік*, Луганськ* Народн* Республік*, **Донетчина, Сіверськ* Дон*, Кальміус*, Авдіївка, Донецьк*, Докучаївськ, Горлівка, Єнакієво, Вуглегірськ, Дебальцев*, Жданівка, Кіровський, Макіївка, Торез*, Харцизськ*, Зугрес*, Шахтарськ, Ясинувата, Комінтерново, Заїченко, Широкіне, Бердянське, Павлопіль, Пищевик, Лебединське, Сопине, Новоазовськ, Луганськ*, Алчевськ, Антрацит*, Брянка, Кіровське, Красний Луч, Краснодон, Первомайськ, Ровеньки, Свердловськ, Стаханов, Савур-могила**	8,57

Итоговый запрос представляет собой совокупность 110 синонимов, каждый из которых ищется машиной с учётом морфологии, что обозначается знаком * (т.е. поиск учитывает только основу слова, независящую от окончания). Кроме того, учитывая билингвальность украинского Facebook, мы перевели все синонимы на украинский, что также учитывалось машиной. В таблице 18 те слова, которые имеют на обоих языках одинаковые основы, но возможные разные окончания, обозначены Донбас* (рус, укр). Слова с разными основами писались на обоих языках: Минск* соглашен*, Мінськ* домовленност*. Эти 110 синонимов были упомянуты в 91 698 постах из общего числа в 1 069 687.

[222] Жирным шрифтом выделены синонимы, которые добавлялись к предыдущему запросу.

Эта БД также неполная. Наверняка за пределами нашего внимания остались посты, посвящённые Донбассу и/или конфликту, написанные без упоминания хотя бы одного из 110 слов/фраз. Вероятность этого стремится к нулю, но она есть. К примеру, вполне можно представить пост, в котором автор упоминал слова «война» и «конфликт», но ни разу не употреблял «Донбасс» и «ДНР». Попытка включить подобные посты в исследование натолкнулась бы на логическое ограничение: все записи, посвящённые любым войнам и конфликтам, попали бы в поле зрения машины. Поэтому мы исходим из двух логических допущений: количество постов о конфликте на Донбассе без указания конкретных топонимов будет настолько незначительным, что не повлияет на общие результаты и, напротив, включение более общих слов-маркеров в поисковый запрос сильно исказит репрезентативность исследования.

С синонимами ДНР, ЛНР, ОРДЛО и прочими проблем не возникает – они появились после начала конфликта, а их использование свидетельствует исключительно о его описании. Но мы добавили множество городов и даже рек в список синонимов с тем, чтобы постараться найти ещё больше постов, посвящённых теме. На первый взгляд, включение широкого числа топонимов при последней итерации кажется неоправданным. Действительно, насколько велика вероятность того, что блогер, пишущий о реке Кальмиус или городе Торезе, имеет ввиду именно конфликт, а не географические, экономические, исторические, туристические и прочие проблемы? Этот справедливый вопрос получает ответ при пересечении сразу двух поисковых объектов: топонимического и дискурсивного. Посты, собранные для анализа дискурсов, обязательно содержат слова-маркеры из двух «корзин»: с топонимами, посвящённым Донбассу, и лингвистическими конструкциями, которыми элиты описывают его население и территорию. Таким образом, вероятность того, что некий блогер одновременно употребит «Кальмиус» и «террористы», но не будет при этом писать про конфликт, сильно уменьшается, хотя и не исчезает полностью.

Для начала опишем числовые характеристики каждой из трёх основных волн исследования (см. таблицу 19).

Таблица 19 – Численные характеристики трёх волн исследования

Время написания постов	Кол-во блогеров (барьер подписчиков)	Кол-во написанных ими постов	Кол-во синонимов в поисковом запросе	Кол-во постов, посвящённых Донбассу	Их доля в общем кол-ве постов	Число и доля постов на украинском языке[223]
01.01.2016-30.10.2016	175 (10 000+)	88 536	14	5 200	5,87	8 900 (10 %)
01.01.2010 – 30.04.2017	239 (10 000+)	714 561	34	48 006	6,72	379 133 (53,06%)
01.01.2009 – 15.02.2018	376 (5 000+)	1 069 687	110	91 698	8,57	672 576 (62, 87 %)

Мы не останавливаемся отдельно на второй волне, поскольку в целом её можно объединить с третьей. Первая волна была пилотажной. Мы выбрали совсем незначительный промежуток времени – 10 месяцев одного года, что не позволяет говорить о динамике отношения к региону. Кроме того, мы особо останавливались на стратегиях украинских элит по отношению к Донбассу, что не было ключевым вопросом второй-третьей волн. У них был общий исследовательский вопрос и значительная схожесть темпоральных характеристик.

На одной из крупных международных конференций, заслушав часть, посвящённую первой итерации, коллега-украинистка, критично относящаяся к нашей работе, с удивлением спросила «т.е. вы сами показываете неправильность вашего первого исследования?» Скрепя сердце, пришлось сознаться. Именно понимание предела возможностей машины на конкретном участке аналитической работы подвигло нас на дальнейшее развитие исследования. Кроме того, анализ причин нашей неудачи позволяет проследить нашу логику при постановке исследовательского вопроса и гипотез, выборе методов и не

[223] Для вычисления этого параметра мы взяли буквы и их сочетания, которых нет в русском языке, т.е. для украинского они являются уникальными маркерами. Поисковый запрос выглядел следующим образом «"ї*" OR "і*" OR "що*" OR "чч*" OR "ьо*" OR "є*" OR "ґ*"».

допустить подобных ошибок в дальнейшем. Подробно о неудачах пилотажного исследования можно прочитать здесь[224].

Результаты исследования и его методология были апробированы на нескольких открытых и непубличных конференциях, в которых мы с соработниками по проекту принимали участие[225]. Гораздо легче перечислить справедливые вопросы коллег к избранным исследовательским методам, чем пытаться описать их. «Почему именно Facebook?», «почему не пресса и телевидение?», «почему не новые медиа?», «почему не украиноязычный сегмент Интернета в принципе?», «как вы отбирали блогеров, чьи аккаунты будете анализировать?», «чем обусловлены темпоральные характеристики исследования?», «кого считать украинскими блогерами?» и т.д. Собственно, сам проект реализовывался не только физически на наших ноутбуках, но и – косвенно – на этих круглых столах, публичных лекциях и конференциях, когда вопросы праздных слушателей или въедливых старших товарищей заставляли нас искать ответы и улучшать методологию. Одна лишь аббревиатура «АТО»[226], упущенная нами при подготовке списка синонимов для первого волны исследования, предложенная на одной из конференций, позволила обогатить нашу БД на несколько тысяч постов.

Наша задача осложнялась тем, что никто не предлагал нам методологии исследования социальных сетей в связи с конфликтом. Мы с коллегами придумывали её самостоятельно, и моя первоначальная идея о банальном

---

[224] Токарев А.А. Опыт неудачного анализа… // Международная аналитика

[225] Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса. Доступ: https://mgimo.ru/about/news/departments/prezentatsiya-issledovaniya-big-data-o-diskurse-ukrainskikh-elit-v-facebook-2009-2018-rossiya-ukrain/ (проверено: 8.07.2018); Международная конференция по де-факто государствам на постсоветском пространстве. Доступ: https://mgimo.ru/about/news/departments/mezhdunarodnaya-konferentsiya-po-de-fakto-gosudarstvam-na-postsovetskom-prostranstve/ (проверено: 8.07.2018); Конференция «Экспорт демократии и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе». Доступ: https://mgimo.ru/about/news/departments/konferentsiya-eksport-demokratii-i-setevye-tekhnologii/ (проверено: 8.07.2018).

[226] «Антитеррористическая операция». Так официальный Киев называет те события на юго-востоке Украины, которые, по моему мнению, следует считать гражданской войной со включением иностранных воинских формирований с обеих сторон.

мониторинге соцсетей, быстро обросла усложняющими вопросами «почему так, а не иначе?»[227].

4.1.3. Регионы Украины и внешние партнёры

В рамках третьей волны мы скачали посты 376 блогеров с 2009 по 15 февраля 2018 года, получив 1 069 687 постов (см. таблицу 19). Ниже в таблице 20 представлены количественные характеристики этой БД после разбиения по годам. Количество символов, а также общее число слов и число уникальных словоформ необходимо, чтобы на основании служебной информации Facebook построить графики, позволяющие проследить динамику социальной сети.

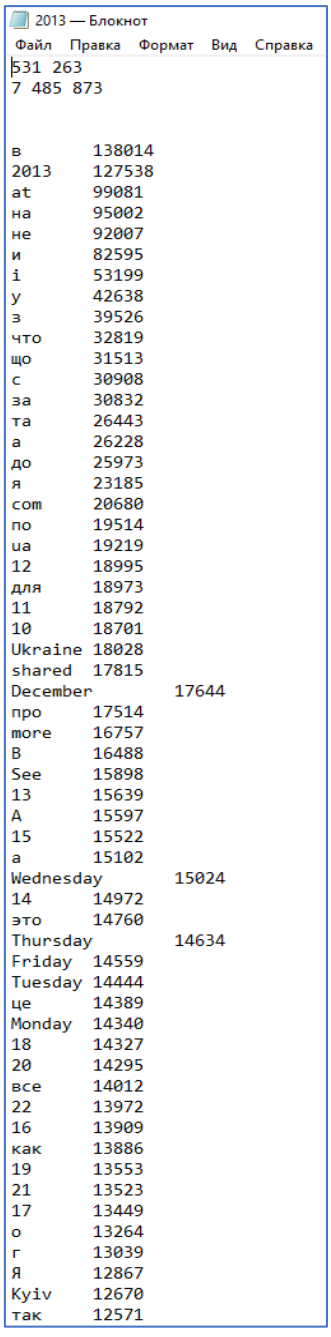
Таблица 20 – Статистика постов по годам

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Итого
Кол-во постов	763	11 868	44 219	76 893	107 449	164 182	182 670	233 274	215 456	32 913	1 069 687
Кол-во символов	259 269	3 234 548	13 257 753	28 115 205	50 401 923	94 965 772	122 954 376	163 366 672	153 021 551	24 085 670	653 662 739
Кол-во слов	38 139	482 591	1 975 243	4 196 188	7 485 873	14 048 500	18 059 027	23 921 377	22 389 291	3 539 182	96 135 411

[227] Следует особо отметить, что данное исследование не имеет в основе методологии «большие данные» в принципе. Программное обеспечение, которым мы пользовались для выкачки постов Facebook в офлайн и проведения количественного контент-анализа - «Семантический архив» - система, не имеющая искусственного интеллекта, не способная к самообучению, а просто хороший поисковик. Мы не знаем, где пролегает грань между действительно большим количеством данных для количественного исследования и по-настоящему «большими данными». Некоторые коллеги цитируют Википедию, постулирующую три V: объём (volume), скорость обработки данных (velocity) и разнообразие (variety)[227]. Частично эти V присутствуют в этом исследовании. Как минимум, использование «Семархива» исключительно в качестве поисковика (а не анализатора, которым он способен быть, как казалось в начале) и необходимость подключения к исследованию других программ позволяет утверждать, что big data употребляется здесь в максимально расширительном токовании. Скорее, не как термин, а метафора.

Вокабуляр (уникальные словоформы)	11 967	85 361	225 541	363 913	531 263	718 602	800 598	962 148	929 368	303 289	

Рисунки 13 и 14 – Интерфейс программы TextStat 3.0 (выгрузка в «Блокнот» и MS Word)

2013 — Блокнот

Файл Правка Формат Вид Справка

531 263
7 485 873

в	138014
2013	127538
at	99081
на	95002
не	92007
и	82595
і	53199
у	42638
з	39526
что	32819
що	31513
с	30908
за	30832
та	26443
а	26228
до	25973
я	23185
com	20680
по	19514
ua	19219
12	18995
для	18973
11	18792
10	18701
Ukraine	18028
shared	17815
December	17644
про	17514
more	16757
В	16488
See	15898
13	15639
А	15597
15	15522
а	15102
Wednesday	15024
14	14972
это	14760
Thursday	14634
Friday	14559
Tuesday	14444
це	14389
Monday	14340
18	14327
20	14295
все	14012
22	13972
16	13909
как	13886
19	13553
21	13523
17	13449
о	13264
г	13039
Я	12867
Kyiv	12670
так	12571

яНУК	1	Януковича-портнова	1	Януковча	1
Януках	1	Януковича-президента	1	Януковчи	1
Янукєвича	1	Януковича-Путина	1	Януковчиа	1
Янукизмы	1	Януковича-Рибака	1	Януковчич	1
Януківі	1	Януковича-Риббентропа	1	Януковчу	1
Януковаича	1	Януковича-среднего	1	Янукоквичу	1
Януковиа	1	Януковича-старшого	1	януконичє	1
януковистости	1	Януковича-Тулуба	1	Янукровичу	1
Янукович-Гімлер	1	Януковича09	1	Януку	1
Янукович-Дружок	1	януковичам-азаровым	1	янукунинги	1
Янукович-жалкий	1	ЯНУКОВИЧЕ	1	Януль	1
Янукович-капут	1	Януковичева	1	Януса	1
Янукович-кидала	1	януковичеве	1	януте	1
Янукович-Кривавий	1	януковичеву	1	янууковичів	1
Янукович-пидарешт	1	януковичеловці	1	янухованки	1
Янукович-политический	1	Януковичем-2004	1	янучара	1
Янукович-Путин	1	Януковичем-молодшим	1	Янучара	1
Янукович-Путін	1	януковичи	1	янучарам	1
Януковича-2015	1	Януковичів-Клименка-Арбузова-Захарченка	1	янучарів	1
Януковича-Азарова	1	Януковичом	1	ЯНУЧАРІВ	1
януковича-азарова	1	януковичських	1	януческо	1
януковича-азарова-захарченка-клюєва	1	Януковичу-Азарову-Арбузову-Клименку	1	януческу	1
Януковича-Азарова-Клюєва	1	Януковичу-Пшонці	1	Януческу-Азірова	1
Януковича-Азарова-Рибака	1	Януковичюгенд	1	Янушем	1
Януковича-Азарова-Тігіпка	1	ЯНУКОВИЧЮГЕНДУ	1	Янцз	1
Януковича-Азірова	1	януковіча	1	Янцзи	1
Януковича-Азірова-Табачніка	1	януковічь	1	Янцзы	1
Януковича-джуніора	1	Януковмча	1	янченка	1
Януковича-Захарченко	1	Януковоч	1	Янчу	1
Януковича-літератора	1	ЯнукОвоча	1	Янчукову	1
Януковича-Медведєва	1	януковощ	1	янъы	1
Януковича-Медведчука	1	Януковощ-Львочкін	1	яныk	1
Януковича-мл	1	януковским	1	ЯНЫК	1
Януковича-политика	1	януковський	1	яныком	1
				яныку	1

На данном этапе мы вынуждены были отказаться от «Семантического архива», поскольку он не мог выполнять нужных нам итераций. На выходе мы получили 10 файлов MS Exel с постами с 2009 по 2018 годы с шагом в год. MS Word, который и не должен использоваться для анализа больших текстов,

«зависал», разбивая тексты 2012-2018 годов[228] до 32 000 страниц – на дальнейшее он просто не рассчитан. Для сравнения объёма нашей БД с понятными аналогиями мы разделили наши 653 662 739 символов на объём авторского листа в 40 000 знаков. 16 341 ВАКовских статей – объём нашей БД.

Второй большой задачей после анализа служебной информации соцсети мы видели выявление частотности упоминания внешних акторов и регионов Украины. Уже имея опыт по работе с усложняющимся поисковым запросом, мы в рамках «мозгового штурма» набросали несколько синонимов для каждой из стран (см. таблицу 21). Включение в список исследуемых России и Украины не требует пояснений. ЕС и США попали в него как акторы, в значительной степени влияющие на лиц, принимающих на Украине решения. КНР мы взяли, чтобы проверить гипотезу о растущем влиянии Китая на постсоветское пространство. Польшу, Германию и Грузию – также для проверки нашего предположения о высокой частоте упоминания этих стран украинским мейнстримом как важнейших региональных внешнеполитических партнёров. Как и в случае с «Донбассом», мы переводили русские топонимы на украинский и ставили машине задачу искать синонимы с учётом морфологии.

Таблица 21 – Синонимы для поисковых объектов по внешним акторам

Государство	**Русскоязычный вариант**	**Украиноязычный вариант**
Россия	русск*, Росси*, РФ (рус, укр)	російськ*, Росі*
Украина	Украин*	Україн*
США	США (рус, укр), Соединенн* Штат*, америк* (рус, укр)	Сполучен* Штат*
Европа	ЕС, Европ*, Европейск* Союз*, Евросоюз*	Європ*, Європейськ* Союз*, Євросоюз*, ЄС
Грузия	Грузия (морф), грузин* (рус, укр)	Грузія (морф)
Польша	Польш*, Польск*, поляк* (рус, укр)	Польщ*, польськ*
Германия	Германи* (рук, укр), немец*	Німеччин*, німец*
Китай	Китай* (рус, укр)	КНР (рус, укр)

[228] Тексты с постами 2009-2011 годов содержали меньше 32 000 страниц и с трудом, но «переваривались» «Вордом».

После того как мы загрузили в «Семархив» поисковые объекты по каждому из государств, машина посчитала для нас частотность их упоминания, разбитую по месяцам. Результаты мы визуализировали в виде рисунка 19.

Рисунок 19 – Частотность употребления объектов «государства»

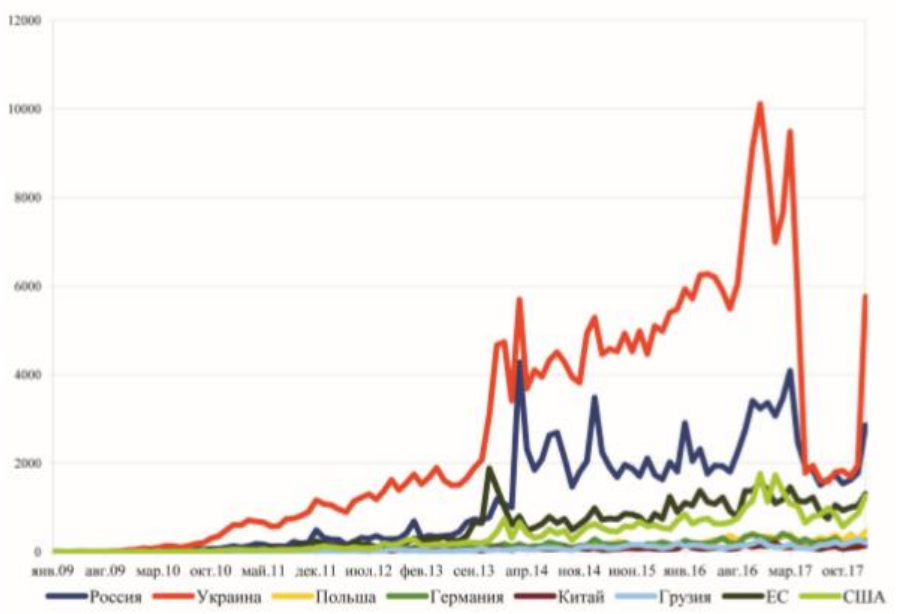

Рисунок 20 – Частота упоминаний регионов Украины по месяцам

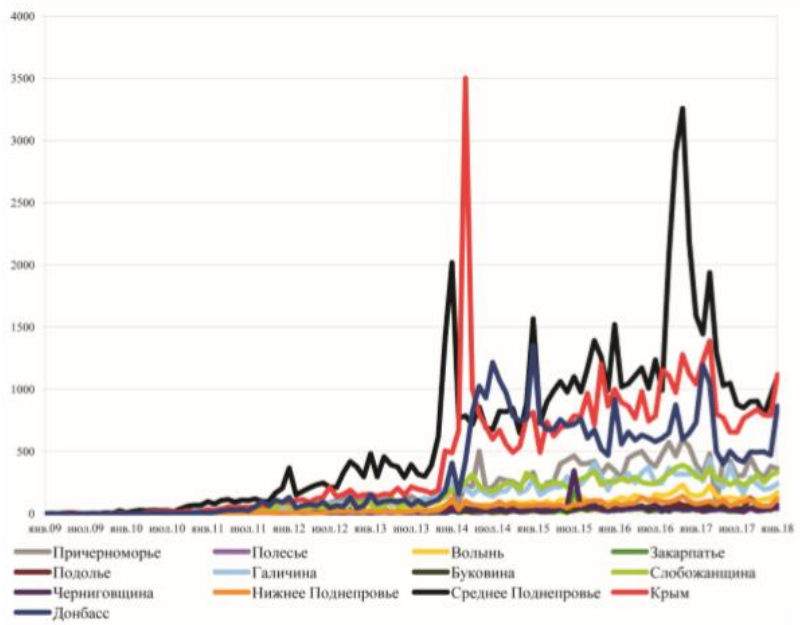

Рисунок 21 – Визуализация частотности синонимов о территории по итогам сентимент-анализа

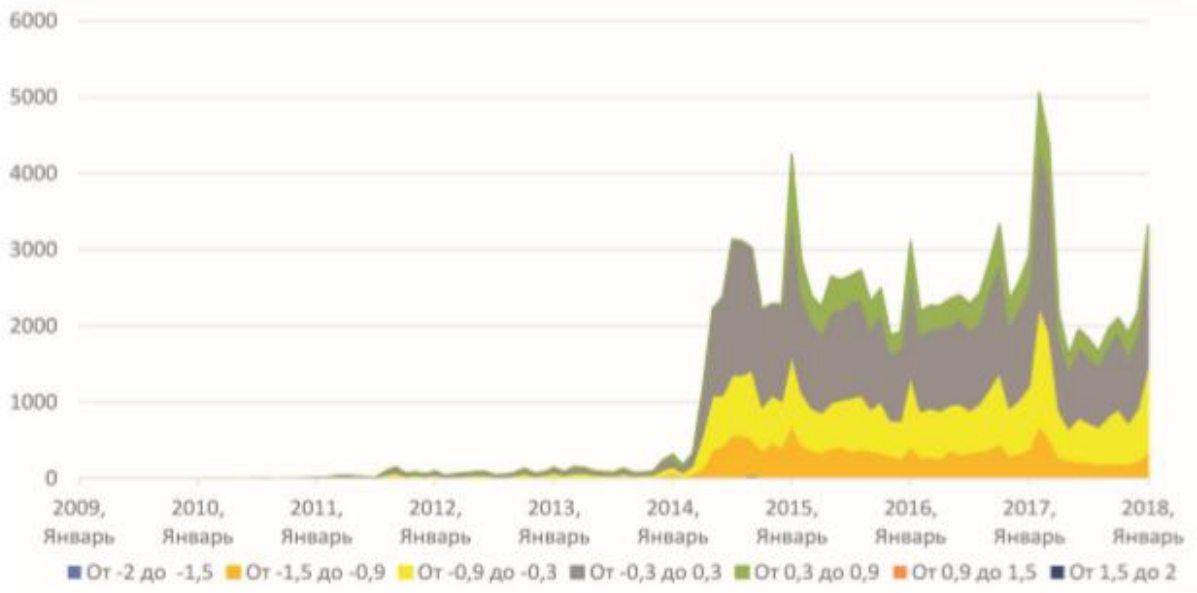
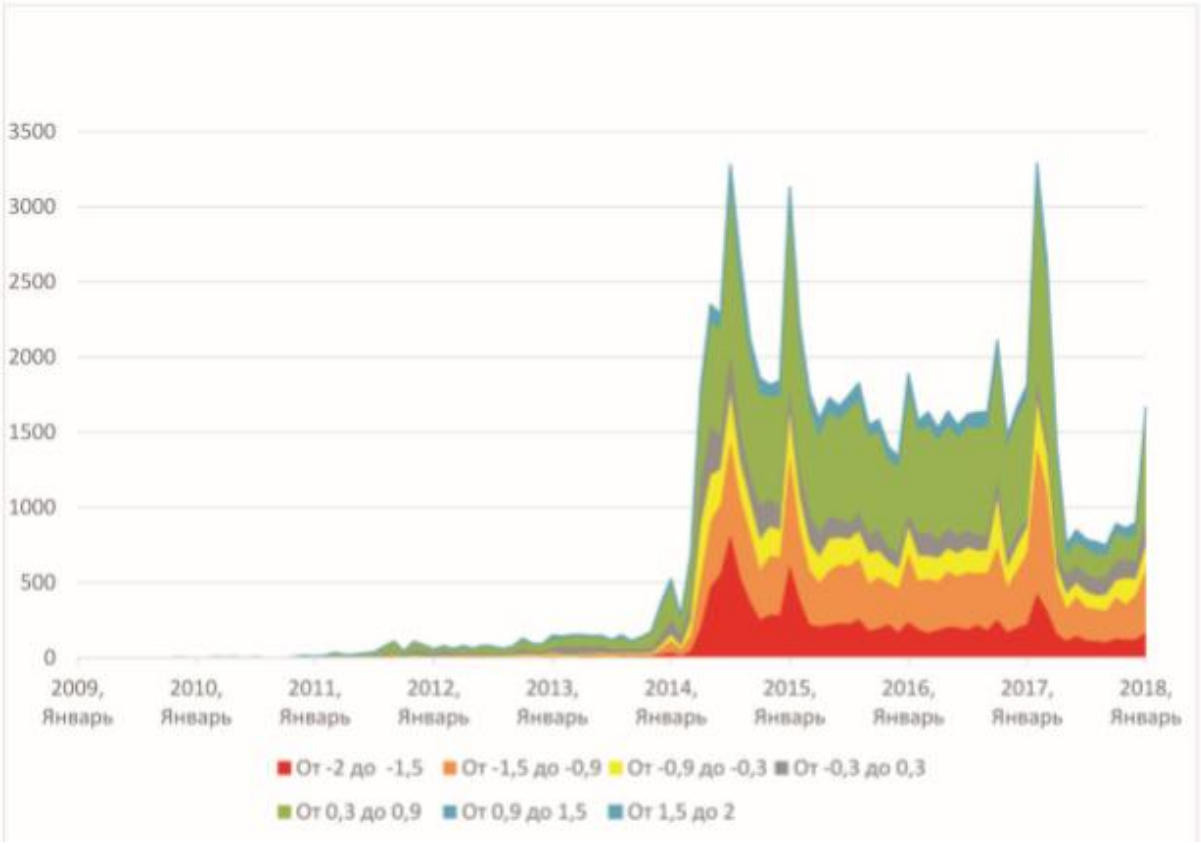

Рисунок 22 – Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

Первое, что бросается в глаза при сравнении четырёх графиков (см. рисунки 19-22) – наименьшая дифференциация на рисунке 19 на рубеже 2013-2014 годов. Как будет показано дальше, рубеж 2013-2014 годов – период «рождения» дискурсов и о населении, и о территории Донбасса, и о регионах, и о странах. Это некое время «пробуждения» украинского Facebook. Изменения есть и в страновом графике, но они не так заметны, как на других. Это означает, что в отличие от регионов, населения и территории Донбасса, исследуемые нами государства находились в повестке куда в большей степени.

Самой часто употребляемой в дискурсе страной оказалась Украина. Как и в отношении русского языка (мы ждали, что он будет наиболее употребимым), мы предполагали, что главным государством ТОПа украинских блогеров будет Россия – независимо от отношения к ней. Красная линия Украины ни разу не опускалась ниже синей линии России. Единственная точка их пересечения – начало лета 2017 года и время втечение полугода после. Это обусловлено парадоксальной реакцией украинской блогосферы на запрет российских соцсетей. Эту гипотезу мы пока не можем проверить: вероятно, Facebook был значим как платформа репостов, в т.ч. из российских соцсетей и российских ресурсов (подробнее об их соотношении в смысле частоты заходов см. п. 4.1.2. Динамика развития украинского Интернета). Когда количество заходов на российские ресурсы резко упало, сократилось и число репостов, прежде всего, тех, что упоминают Украину. Иного объяснения параллельного существования двух графиков, российского и украинского на протяжении второй половины 2017 года, мы не видим.

Помимо этого времени максимальный уровень сближения Украины и России наблюдался в первой трети 2014 года, что очевидным образом объясняется «крымской весной». Знаменитое «Украина – не Россия» украинский Facebook настойчиво заменяет на «Украина и Россия»: в смысле частотности в дискурсе наша страна следует за соседом на значительном расстоянии, но

повторяет большинство пиков внимания, чего не наблюдается в отношении прочих исследуемых государств. Единственным событием, на которое украинский Facebook не отреагировал повторяющимися графиками, оказался «Евромайдан». Он же – пиковое событие в отношении внимания к ЕС, что тоже неудивительно. Именно «Евромайдан» позволил Европе выйти на третье место после Украины и России в абсолютном зачёте. В относительном – вообще на второе, отдав России «бронзу» в конце 2013 года. Европа оставалась на третьем месте по вниманию всё время за исключением нескольких месяцев в конце 2016 и начале 2017 годов, когда была оттеснена США. Это же время – пик внимания к США, что обусловлено дебатами в украинской блогосфере в отношении поставок летального вооружения. В отношении западных партнёров Украины действует тренд, похожий на сочетание российско-украинских графиков. Линии Европы и США повторяют друг друга, но США отстаёт. Несмотря на высочайший уровень влияния американской администрации на украинскую, в публичном пространстве именно Европа остаётся главным партнёром, а влияние США нивелируется.

За исключением этих четырёх внешних партнёров остальные почти не получали внимания. Незначительный, но хотя бы заметный на фоне остальных рост показывала Германия в середине 2016 и начале 2017 годов, что связано с переговорами по Минским соглашениям. Но как отдельный актор Германия в дискурсе совершенно не заметна, сильно уступая США и ЕС. Про Китай, Польшу и Грузию нечего написать. Гипотеза об их значимом влиянии, подтверждаемом заметной частотностью, не подтвердилась. Отличие первой группы акторов от второй в том, что последняя не заметила рубеж 2013-2014 годов, оставив внимание к себе фактически на нулевом уровне. Тогда как Украина, Россия, США и ЕС именно в это время по уровню внимания начали расти.

Регионализация Украины – одна из самых популярных тем в отношении этой страны в академической науке. О специфике регионализации и её

критериях написано много хороших исследований, поэтому нет необходимости отвлекаться на повторение известных теорий о разделённости Украины[229]. Не вдаваясь в подробности исторических, географических, экономических, культурных и социальных причин нашего выбора, укажем те регионы, которые мы выделили для анализа (во всех случаях указаны синонимы, которые мы использовали для поискового запроса, переведённые на украинский язык). Значительные обобщения «Запад-центр-восток-юг» или даже «запад-центр/юго-восток» не показали бы специфику регионализации, явным образом расширяя масштаб. Предельная точность (каждый регион в отдельности как поисковый объект), напротив, способствовали бы излишней детализации. «Золотая середина» оказалась в том, чтобы взять историко-культурные регионы, объединяющие в себе несколько административных. Те же процедуры, что и со странами, мы повторили в отношении регионов: загрузка поисковых объектов (таблица 22), вычисления и визуализация через график 5.

[229] См. например, Kuzio T. National Identity and History Writing in Ukraine // Nationalities Papers. – 2006. - Vol. 34. - № 3. – P. 407-427.

Таблица 22 – Синонимы для поисковых объектов по регионам Украины

Регион	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
Среднее Поднепровье[230]	Киевская область, Киев, Черкасская область, Черкассы, Кировоградская область, Кропивницкая область, Кировоград, Кропивницкий, Полтавская область, Полтава, Днепропетровская область, Днепровская область, Днепропетровск, Днепр	Середнє Подніпров'я, Київська область, Київ, Черкаська область, Черкаси, Кіровоградська область, Кропивницька область, Кіровоград, Кропивницький, Полтавська область, Полтава, Дніпропетровська область, Дніпровська область, Дніпропетровськ, Дніпро
Нижнее Поднепровье	Херсонская область, Херсон, Запорожская область, Запорожье	Нижнє Подніпров'я, Херсонська область, Херсон, Запорізька область, Запоріжжя
Черниговщина	Черниговская область, Чернигов	Чернігівщина, Чернігівська область, Чернігів
Слобожанщина	Слободская Украина, Харьковская область, Харьков, Сумская область, Сумы	Слобожанщина, Слобідська Україна, Харківська область, Харків, Сумська область, Суми
Донбасс	Донецкая область, Донецк, Луганская область, Луганск	Донбас, Донецька область, Донецьк, Луганська область, Луганськ
Буковина	Северная Буковина, Черновицкая область, Черновцы	Буковина, Північна Буковина, Чернівецька область, Чернівці
Галичина	Галиция, Львовская область, Львов, Ивано-Франковская область, Ивано-Франковск, Тернопольская область, Тернополь	Галичина, Галіція, Львівська область, Львів, Івано-Франківська область, Івано-Франківськ, Тернопільська область, Тернопіль
Подолье	Хмельницкая область, Хмельницкий, Винницкая область, Винница	Поділля, Хмельницька область, Хмельницький, Вінницька область, Вінниця
Закарпатье	Закарпатская область, Ужгород	Закарпаття, Закарпатська область, Ужгород
Волынь	Волынская область, Луцк, Ровенская область, Ровно	Волинь, Волинська область, Луцьк, Рівненська область, Рівне
Полесье	Житомирская область, Житомир	Полісся, Житомирська область, Житомир
Причерноморье	Одесская область, Одесса, Николаевская область, Николаев	Причорномор'я, Одеська область, Одеса, Миколаївська область, Миколаїв
Не подвергая государственную принадлежность Крыма и Севастополя России, тем не менее, в исследовательских целях перечисляем его в списке объектов для поиска, чтобы проанализировать внимание украинских ЛОМов и к этому региону		
Крым	полуостров АРК (рус, укр), Автономная Республика Севастополь (рус, укр), Симферополь	Автономна Республіка Крим Сімферополь півострів

Самым значимым регионом оказался Крым. Пик внимания пришёлся на очевидные февраль-март 2014 года и не был превзойдён ни разу. На втором месте по абсолютным цифрам находится среднее Поднепрвовье, вырывающееся вперёд, если оценивать количество пиков: за исключением начала «крымской весны» этот регион превалировал в дискурсе, что обусловлено наличием Киева и Днепропетровска в списке синонимов для него. Пики внимания к Донбассу приходятся на два «котла» (ниже будет показано то же в отношении дискурсов и территориях и людях), август 2014 и февраль 2015, «ползучее наступление» ВСУ в начале 2016 и блокаду Л/ДНР со

[230] В качестве названия группы синонимов используется русскоязычное название. Оно также было одним из синонимов.

стороны Киева. По той же причине один из пиков относится к самому Киеву (февраль-март 2017 года). Крым, Киев и Донбасс находятся в сильном отрыве от остальных. Только они занимали первые места в «соревновании». Собственно, для Донбасса «Иловайский котёл» был единственным аргументом, чтобы оттеснить двух соперников вниз. Во время «Дебальцевского котла» Донбасс почти догнал Киев – это высшая точка синего графика за всё время.

Как и в случае стран, осень 2013 года – время «рождения» Facebook. Две тенденции, которые сохранились – первое место Среднего Поднепровья и второе место Крыма. Остальное менялось (см. таблицу 23). Донбасс не был третьим: парадоксально, но уровень его участия в повестке был равен остальным регионам второго эшелона, т.е. регион боролся за третье-пятое места с Галичиной, Слобожанщиной и Причерноморьем. Т.е. именно события «Евромайдана» и последовавшей войны «внесли» донецко-луганский регион в повестку. После «рождения» Facebook кластеризация[231] регионов изменилась.

Таблица 23 – Группы регионов Украины до и после рубежа 2013-2014 годов

	До	После
Лидеры	Киев (Среднее Поднепровье)	Крым, Киев (Среднее Поднепровье), Донбасс
Середняки	Крым	Причерноморье, Слобожанщина, Галичина
Аутсайдеры	Все остальные	Все остальные

Если до рубежа 2013-2014 в повестке находились сначала Киев, потом Крым, потом все остальные, то после этого рубежного времени за кластером трёх лидеров шли трое вице-чемпионов: Причерноморье, Галичина и Слобожанщина. Внимание к ним тоже усилилось после «Евромайдана». Третья группа включает всех остальных. Ярко выраженное четвёртое место

[231] Мы не пытаемся сделать кластеризацию на основе цифр, поскольку непонятно в принципе, что брать в случае с частотой упоминания регионов за 100 %, а следовательно, не ясны основания для шкалирования. В данном случае кластеры мы определяем по отнносительно отстоящим друг от друга линиям, что на данном графике возможно сделать без квантификаци.

оказалось у Причерноморья, которое обеспечивается ему наличием среди поисковых объектов Одессы. Казалось бы, главный пик одесского графика должен приходиться на майскую трагедию 2014 года, но отставка Михаила Саакашвили с поста главы Одесской ОГА вызвала большее внимание, дав наивысшую точку графика. В отличие от Причерноморья Галичина и Слобожанщина, два региона, делящие 5-6 места, вызывали стабильное внимание, избавленное от пиков. Равно как и прочие регионы, не демонстрирующие всплеска внимания к ним на рубеже 2013-2014 годов. Незначительное возвышение Галичины на графике во второй половине 2016 и начале 2017 годов обусловлено мусорным скандалом, который активно подсвечивали «порохоботы» - сторонники/проплаченные активисты по поддержке президента Порошенко, имеющего плохие отношения с мэром Львова Андреем Садовым.

Единственный заметный пик в группе остальных регионов показала Черниговщина в июле 2015 года. Довыборы в Верховную Раду, на которых столкнулись кандидаты Петра Порошенко и Игоря Коломойского, стали очередным этапом дедемократизации, поскольку в качестве политических технологий одна сторона использовала прямой подкуп избирателей, а другая раздавала гречку. «Гречка vs. бабло» - так саркастично описывали многие топовые блогеры этот случай, когда по окончании кампании полиция возбудила 57 уголовных дел[232].

Только Киев, Крым и Донбасс «родились» в общественном дискурсе в тот период, а Причерноморье в отдельные пиковые моменты уравнивалось с Донбассом по вниманию, что показывает его потенциал по вхождению в группу лидеров. Одно из главных отличий графика регионов от странового состоит в отсутствии зависимости графиков друг от друга. Тенденции,

[232] По итогам выборов в Чернигове МВД открыло 57 уголовных дел РИА Новости Украина. Доступ: https://rian.com.ua/incidents/20150729/371359135.htmlhttps://rian.com.ua/incidents/20150729/371359135.html (проверено: 8.07.2018).

похожие на «Украина и Россия», здесь не повторяются: единственный раз наложение/повторения графиков – «Дебальцевский котёл», в остальных случаях графики независимые.

Ещё одна примечательная черта – отсутствие нескольких регионов в повестке. К примеру, один из самых сложных регионов Украины, который часто связывают с сепаратизмом, основанным на этническом и лингвистическом отличии от остальной Украины[233], - Закарпатье. Как и Донбасс до 2013-2014 годов, оно не привлекает внимания. Только два пика обусловлены внутренними событиями (выборы в Чернигове и отставка Михаила Саакашвили в Одессе). Добавив сюда условный пик, больше похожий на плато, обозначающий львовский мусорный кризис, можем довести счёт до трёх. Остальные пики обусловлены исключительно внешними событиями: реинтеграцией Крыма, блокадой Л/ДНР со стороны Киева, «котлами», в которые попадали ВСУ и т.д. Можно сделать верифицированный вывод о том, что украинские лидеры общественного мнения в отношении регионов менее интересуются собственно региональной повесткой, нежели международной, оставляя своим вниманием потенциально кризисные регионы (Закарпатье).

4.1.4. Методология сентимент-анализа дискурса о населении и территории Донбасса

Исследование дискурсов при помощи сентимент-анализа было проведено в несколько этапов. На первом мы использовали метод «снежного кома», спросив 35 человек, живущих на Донбассе, как на Украине называют их и территорию. Опрос не кодифицировался – мы просто сохраняли новые

[233] См., например, Dickinson J. 2010. Languages for the market, the nation, or the margins: overlapping ideologies of language and identity in Zakarpattia. – International Journal of the Sociology of Language. № 201, P. 53–78. Доступ: https://doi.org/10.1515/ijsl.2010.004 (проверено 16.09.2017).

словоформы как часть вокабуляра. Каждый респондент рекомендовал следующего. Кроме того, часть нашей команды отсмотрела случайным образом выбранные 500 постов в каждом году. Всего 5000 постов на предмет поиска слов-маркеров в отношении территории и населения. Так мы получили набор из 289 синонимов (93 – про территорию, 196 – про людей)[234]. Те синонимы, которые были присланы на русском, в обязательно порядке переводились на украинский. И наоборот (см. таблицы 22, 24, 25[235]). Поэтому общее число синонимов для включения в поисковый объект составляет 578.

Таблица 24 – Синонимы, посвящённые территории, кластеризированные при помощи сентимент-анализа

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -2 до -1,5	Новоотсосия, Быдлоленд, Даунбассия, Лугандон	Нововідсосія, бидлоленд, Даунбасія, Лугандон	9	Новоотсос*, Быдлоленд*, Даунбасс*, Лугандон	Нововідсос*, бидл*, Даунбас*, Лугандон,
От -1,5 до -0,9	Кацапстан, Донбабвэ, обитель зла, "руSSкий мир"	Кацапстан, Донбабве, оселя зла, руSSкій мір	21	Кацапстан*, Донбабв*, обител* зл*, руSSк* мир*	Кацапстан*, Донбабв*, осел* зл*, руSSк* мір*
От -0,9 до -0,3	псевдо-квази-республики, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина	псевдо-квазі-республіки, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина	17	псевдо-квази-республик*, Януковичленд*, Януковичлэнд*, Ахметовленд*, Ахметовлэнд*, вотчин* Янукович*, махновщин*	псевдо-квазі-республік*, Януковичленд*, Ахметовленд*, вотчин* Янукович*, махновщин*,
От -0,3 до 0,3	регион Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Домбасс, ДонБосс	регіон Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Донбас / Домбас, ДонБосс	22	регион* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Домбасс*, ДонБосс*	регіон* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Донбас*, Домбас*, ДонБосс*

[234] Здесь снова необходимо сделать отступление: безусловно, данный список синонимов не является исчерпывающим. С учётом того, что большинство из тех словоформ, что нам присылали, преимущественно обсценные, и мы вообще никогда их не слышали, потенциал украинцев по использованию русского и украинского языков неисчерпаем. Тем не менее, полагаю, что общая картина соотношения позитивных и негативных дискурсов вполне может быть ясна, исходя из результатов нашего анализа.

[235] В таблицах 24-25 для примера оставлены по 3-4 синонима и их количество слов в каждом из интервалов. Полный список синонимов, соответствующий указанному количеству, находится в приложениях 4 и 5. Количество слов оставлено реальным.

От 0,3 до 0,9	ЛНР, ДНР, Новороссия, Восточный регион	ЛНР, ДНР, Новоросія, Східний регіон	14	ЛНР*, ДНР*, Новоросс*, Восточн* регион*	ЛНР*, ДНР*, Новорос*, Східн* регіон*
От 0,9 до 1,5	Донбасский край, Донецкий край, наша земля	Донбаський край, Донецький край, наша земля	7	Донбасск* кра*, Донецк* кра*, наш* зем*	Донбаськ* кра*, Донецьк* кра*, наш* земл*
От 1,5 до 2	город шахтёрской славы	місто шахтарської слави	1	город* шахтёрск* слав*	міст* шахтарськ* слав*

Таблица 25 – Синонимы, посвящённые людям, кластеризированные при помощи сентимент-анализа

Шкала	**Русскоязычный вариант**	**Украиноязычный вариант**	**Кол-во слов**	**Русскоязычный вариант**	**Украиноязычный вариант**
От -2 до -1,5	уебаны, лишнехромосомное быдло, быдло ссаное, пидерасты	уєбани, зайвехромосомне бидло, бидло ссане, підерасти	67	уебан*, лишнехромосомн* быдл*, быдл* ссан*, пидераст*	уєбан*, зайвехромосомн* бидл*, бидл* ссан*, підераст*
От -1,5 до -0,9	отброшенный грунт, даунецкие янучары, уркаганы, гопота обыкновенная, урки, ватные обыватели	відкинутий грунт, даунецкі янучари, вуркагани, гопота звичайна, урки, ватні обивателі	554	отброшенн* грунт*, даунецк* янучар*, уркаган*, гопот* обыкновенн*, урк*, ватн* обыватель*	відкинут* грунт*, даунецк* янучар*, вуркаган*, гопот* звичайн*, урк*, ватн* обивател*
От -0,9 до -0,3	москали, можемповторить, мотороллы, люди Яныка, захарченки	москалі, можемповторити, мотороли, люди Яника, захарченки	24	москал*, можемповторит*, моторолл*, люд* Яныкъ*, захарченки (морф)	москал*, можемповторит*, моторол*, люд* Яник*, захарченки (морф)
От -0,3 до 0,3	регионалы, жители с реки Кальмиус, повстанцы, донецкие пацаны	регіонали, мешканці з ріки Кальміус, повстанці, донецькі пацани	14	регионал*, жител* с рек* Кальмиус*, повстанц*, донецк* пацан*	регіонал*, мешканц* з ріки Кальміус*, повстанц*, донецьк* пацан*
От 0,3 до 0,9	бедолаги, луганчане, бедняги, заложники, переселенцы	бідолахи, луганчани, бідолашні, заручники, переселенці	23	бедолаг*, луганчан*, бедняг*, заложник*, переселенц*	бідолах*, луганчан*, бідолашн*, заручник*, переселенц*
От 0,9 до 1,5	шахтёры, горняки, металлурги, украинские парни и девчата, украинцы	шахтарі, гірники, металурги, українські хлопці та дівчата, українці	9	шахтёры / шахтеры (морф), горняк*, металлург*, украинск* парн* и девчат*, украинц*	шахтарі (морф), гірник*, металург*, українськ* хлопц* та дівчат*, українц*
От 1,5 до 2	трудовой Донбасс	трудовий Донбас	1	трудов* Донбасс*	трудов* Донбас*

После того как мы получили 283 синонима, встала задача по их этической оценке. Была предложена простая шкала, где -1 обозначает негативное отношение, 0 – нейтральное, +1 – позитивное. Однако, когда каждый из нас проставил значения для пробных 100 слов, выяснилось, что даже внутри нашего небольшого исследовательского коллектива наблюдается значительный разброс

мнений. Так возникло две идеи. Во-первых, провести бОльшую дифференциацию дискурсов, добавив по ещё одному интервалу на полюсах. Во-вторых, объективизировать собственные оценки, подключив к исследованию несколько десятков коллег.

Каждое из слов мы предложили оценить по шкале от -2 до +2 с тем же предложением: «Если оно кажется вам положительным, ставьте +2, нейтрально-положительным +1, нейтральным – 0 и т.д.». В экспертном опросе участвовали 69 коллег из России, Украины и Донбасса, которым мы гарантировали анонимность[236]. Мы старались подбирать тех коллег, которые, по нашему мнению, хорошо понимают русский и украинский язык, чувствуют его, способны провести тонкую дифференциацию дискурсов. Список профессий наших респондентов мы приводим в приложении 7. Одна только коммуникация с украинскими коллегами стоит отдельного исследования, как минимум, по изучению основания отказа: «Я не общаюсь с гражданами государства-агрессора» или «они там все террористы, зачем вы хотите их исследовать?»

Прошедшие 6 лет сильно изменили не только обывателей, но и учёных, некоторые из которых, кого мы лично знали как достойных представителей сообщества, больше не разделяют принципы нахождения «над схваткой» и сохранения уважительного отношения к коллегам, несмотря на их гражданство. Тем не менее, 14 граждан Украины согласилось участвовать в нашем опросе. Кроме них анкету заполнили 5 представителей ДНР. Мы не стремились к репрезентативному представительству Украины и непризнанных республик, поскольку нас интересовало не отношение наших экспертов к людям и территории, а их отношение к конкретным словам, чтобы понять степень эмоциональности каждого из собранных нами слов. К нашему удивлению, нашлись люди, которые ставили положительные значения совершенно обсценным терминам, меняя статус исследующих на исследуемых. Это их надо было изучать, чтобы понять, почему вдруг «свинособаки» или «лишнехромосомное быдло»

[236] Полный список профессий/рода деятельности см. в приложении 6.

получили оценки +2. Тех коллег, которые ставили высокие положительные оценки подобным словам, мы исключили из исследования, оставив в итоге 69 человек.

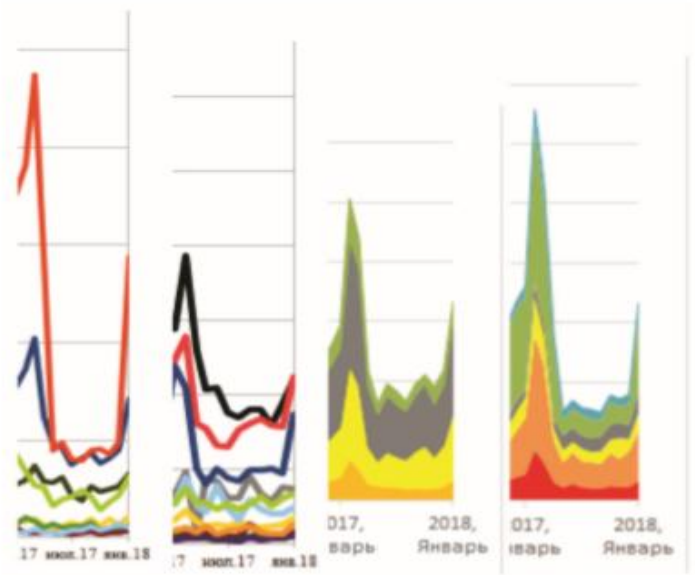
Об общих результатах можно судить, во-первых, по количеству слов в дискурсах (см. таблицы 24-25). В негативных дискурсах намного больше слов, чем в позитивных. «Трудовой Донбасс» как самый положительный синоним вообще находится в одиночестве – сравните с объёмом фантазии украинских блогеров в отношении обсценной лексики в адрес территории и населения Донбасса. Во-вторых, тот факт, что слова «люди», «украинцы», «луганчане», «шахтёра» и прочие, являющиеся абсолютно нейтральными по смыслу, перешли в категорию положительных, заставляет посмотреть на полюс отрицательности. На фоне «дебилов с мазохистскими подходами» и «недоношенных макак» и они смотрятся верхом человеколюбия. В-третьих, средний балл по территории: -0,4, по жителям: -0,9, общий: -0,73. Положительное отношение со стороны украинской блогосферы здесь найти трудно.

Интервальная шкала была поровну поделена на 7 дискурсов: от -2 до -1,5; от -1,5 до -0,9; от -0,9 до -0,3; от -0,3 до 0,3; от 0,3 до 0,9; от 0,9 до 1,5; от 1,5 до 2 (сентимент-анализ по каждому из синонимов представлен в приложении 8). Слова и фразы с соответствующими оценками были помещены внутрь интервалов и предложены системе в качестве поисковых объектов. После этого мы смогли посмотреть на частотность каждого из 7 дискурсов.

Общая черта на обоих графиках: «рождение» всех дискурсов в январе 2014 года. Если увеличить масштаб и посмотреть на диаграммы до этого периода, можно увидеть резкое уменьшение дискурса неопределённости и позитивных дискурсов в отношении населения и примерное равное и постоянное сохранение распределения по территории (см. рисунки 21-22). Данные графики разворачивают дискурсы, прежде представленные в долях, как совокупность 100 %, что позволяет видеть относительную долю каждого из дискурсов на фоне остальных.

Важнейшая общая черта, которую мы можем наблюдать на всех графиках частотности: U-положение линий с промежутке с мая 2017 по январь 2018 года (см. рисунок 23), чуть менее выраженное во втором графике (регионы) и более явное в первом, третьем и четвёртом (страны, территория, население). Единственное рациональное объяснение, которое я могу дать: «выстрел украинской власти себе в ногу». Запретив российские ресурсы в мае-2017, она надеялась снизить их влияние, а добилась того, что количество постов в Facebook упало в принципе – из-за резкого падения числа репостов из «Вконтакте». Независимо от того, что мы искали, синонимы ли в отношении населения, названия ли стран или регионов, графики показывали проседание в указанном промежутке с последующим восстановлением. Следовательно в это время снижалось и общее число постов, что подтверждает гипотезу о «выстреле в ногу».

Рисунок 23 – Сравнение графиков частотности употребления стран, регионов, синонимов в отношении территории и населения. U-положение

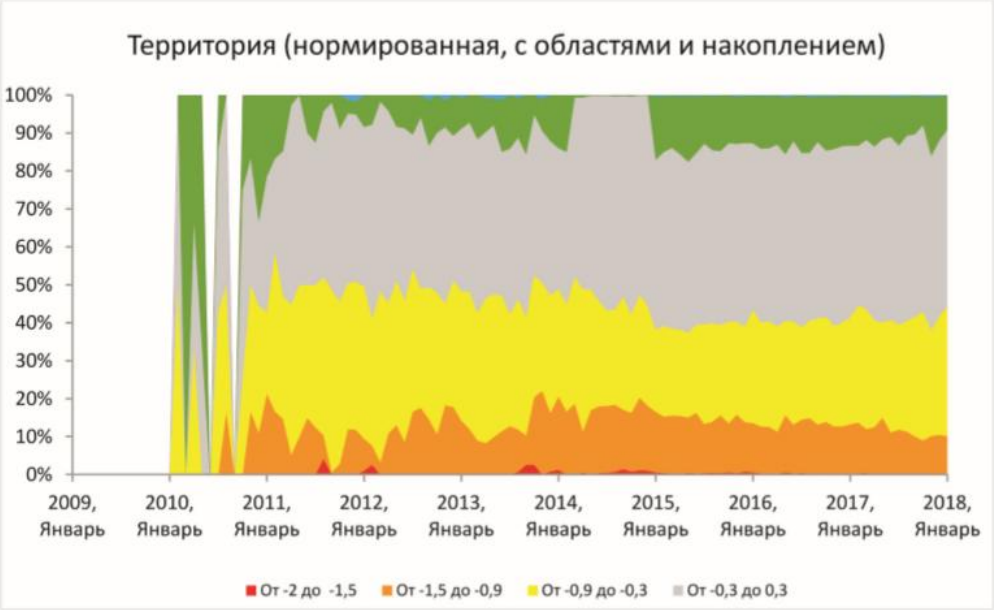
Рубеж 2013-2014 годов, тлеющий «Евромайдан», окончившийся государственным переворотом, и начало крымской операции ВС России, крайним образом изменили дискурс ЛОМов. Если в случае стран различия были наименьшими (по отношению к красной линии Украины – вообще не самыми заметными – см. рисунок 19), в случае с регионами более заметными, то

территория и население Донбасса ворвались в повестку, взрывным образом символизируя бифуркацию рубежа 2013-2014 года (см. рисунок 20). Т.е. страновая повестка после «Евромайдана» и «Крымской весны» изменилась в наименьшей степени, региональная в большей, донбассовская – в наибольшей.

Рисунок 24 – Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

Рисунок 25 – Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

Если переходить к анализу рисунков 24 и 25 после января 2014 года, то можно увидеть, что различия состоят в явной определённости элит по отношению к населению. Количество нейтрального (серого) дискурса минимально на диаграмме 24. В отдельные пиковые моменты он попросту исчезает, будучи «прокалываемым» негативными красно-оранжево-жёлтыми дискурсами, которые смыскаются с нейтрально-позитивным зелёным. Самый позитивный дискурс отсутствует в принципе. Это неудивительно, учитывая, что в него по итогам сентимент-анализа была включена лишь одна единица («трудовой Донбасс» - см. приложение 6). В отличие от территории в отношении населения присутствует значимый красный негативный дискурс, причём, как показывает рисунок 24, он лишь немного усилился в относительной степени после 2014 года, но существовал всегда.

В отношении территории, напротив, красный дискурс практически отсутствует. Основным является серый нейтральный дискурс. В самом начале рассматриваемого периода он вообще вытесняет позитивный зелёный дискурс, показывая, как велика неопределённость в отношении территории, сохраняя свою относительную долю, начиная с января 2011 года: на рисунке 25 серый дискурс занимает чуть меньше половины и фактически не меняет местоположение в пространстве (сравните с рисунком 24, анализирующим население, где он

сужается и отдавливается ввверх растущими негативными дискурсами). Количество позитивных и негативных дискурсов по отншению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории и низкой вероятности перехода этого нейтрального дискурса в позитивные, поскольку по сравнению с графиками «Население» на «Территории» явно заметно доминирование негативных дискурсов над позитивными. Отношение к населению предельно поляризовано, отношение к территории характеризуется неясностью.

Три максимальных пика внимания в отношении населения приходятся на август 2014, январь-февраль 2015 (Иловайский и Дебальцевский котлы) и январь-март 2017 годов (блокада Л/ДНР со стороны партии «Самопомощь» и «ветеранов АТО»). По отношению к территории добавляется «ползучее наступление» начала 2016 года в качестве ещё одного пика. В этом смысле и территория, и население графически повторяют модель частотности внимания по отношению к региону Донбасс на рисунке 20. Это неудивительно, потому что вышеупомянутые модели и визуализируют её, показывая, как внутри неё распределяются конкретные дискурсы. В целом пики внимания сохраняют относительное распределение дискурсов. Исключение составляет лишь пик в конце лета 2014 года, когда рост нейтрального дискурса заместил собой позитивный дискурс.

Запрет российских социальных сетей и новостных агрегаторов сказался на динамике всей сети на Украине. За исключением специализированного (нишевого) киносайта, остальные российские ресурсы имели устойчивую аудиторию на Украине. Это ядро незначительно преодолело последствия запрета и стабилизировалось на уровне от 18 («Одноклассники») до 25 («Вконтакте») %. Это означает, что от одной пятой до четверти украинских пользователей готовы игнорировать запрет государства на российские ресурсы, используя дополнительное ПО, и успешно это делают. Однако, былое «влияние» российские социальные сети не восстановили. Российские сайты никогда не были для украинских элит значимыми, уступая .com и .ua.

Запрет российских ресурсов сильно ударил по аудитории. Состоявшийся отскок, конечно, эти потери не компенсировал.

Facebook растёт примерно теми же темпами, что и youtube, google и Wikipedia. Это не ситуативный рост, а та же реакция Интернета на запрет российских ресурсов. Facebook находится на третьем месте по частоте заходов, вплотную подойдя к отметке в 70 %. С разницей в 10-15 % четыре американских ресурса занимают стабильный коридор 50-95 %, явно превалируя над российскими ресурсами. Для продвижения российской повестки выгодно использовать российские соцсети, контент на русском языке и сайты, зарегистрированные в доменных зонах .com и .ua, но никак не .ru, поскольку вследствие значимых усилий украинской пропаганды и собственного низкого качества многие российские ресурсы, направленные на внешнюю аудиторию, сильно дискредитированы в умах украинцев и имеют имидж «токсичных».

Украинский Facebook сильно политизирован. В топ-376 блогеров, взятых для исследования, лишь 7 писателей и 7 певцов (часть из них являются «факультативными» политиками). Остальные – это профессиональные политики и разного рода общественные активисты. Исходя из политизированности Facebook и его важности как канала коммуникации власти и общества, нередко опережающего официальные площадки по скорости предоставления информации и служащего обязательным публичным атрибутом любого украинского политика, мы и взяли эту социальную сеть, чтобы исследовать дискурсы лидеров общественного мнения в отношении населения и территории Донбасса.

Проанализировав служебную информацию Facebook, мы сделали некоторые выводы в отношении внутренней динамики соцсети. Внутри Facebook как платформы для репостов наблюдался незначительный рост youtube и Twitter, стабильно низкие показатели Instagram. Сама соцсеть в последние 10 лет характеризуется стабильным ростом глубины текста. Менее

стабилен тренд на плавное падение индекса вокабуляра: всё большее число постов пишется всё уменьшающимся в относительных величинах числом слов, что закономерно, ибо словарный запас любого языка в отличие от количества написанных на нём текстов конечен. Наконец, постоянен уровень чужих мыслей. Лидеры общественного мнения репостят друг друга с показателем в 15-20 % в последние 8 лет. Вероятно, это объясняется нахождением «золотой середины», начиная с того времени, когда рост Facebook на Украине стал устойчивым, т.е. именно в 2010-2011 годах.

Спустя два года произошли события, критически важные и для украинской постсоветской истории, и для национального сегмента Facebook. На рубеже 2013-2014 годов, после «Евромайдана» и последовавшего госпереворота, произошло «рождение» дискурсов. Именно на этот период приходится значительный рост внимания к территории Донбасса и его населению, а также трём регионам Украины: Донбассу, Крыму и Киеву.

Самой значимой страной стала Украина, вице-чемпионом – Россия. Знаменитое «Украина – не Россия» украинский Facebook настойчиво заменяет на «Украина и Россия»: в смысле частотности в дискурсе наша страна следует за соседом на значительном расстоянии, но повторяет большинство пиков внимания, чего не наблюдается в отношении прочих исследуемых государств. Европа оставалась на третьем месте по вниманию всё время за исключением нескольких месяцев в конце 2016 и начале 2017 годов, когда была оттеснена США. Это же время – пик внимания к США, что обусловлено дебатами в украинской блогосфере в отношении поставок летального вооружения. Несмотря на высочайший уровень влияния американской администрации на украинскую, в публичном пространстве именно Европа остаётся главным партнёром, а влияние США нивелируется.

За исключением этих трёх внешних партнёров остальные почти не получали внимания. Незначительный, но хотя бы заметный на фоне остальных рост показывала Германия в середине 2016 и начале 2017 годов, что связано с

переговорами по Минским соглашениям. Но как отдельный актор Германия в дискурсе совершенно не заметна, сильно уступая США и ЕС. Про Китай, Польшу и Грузию и писать нечего. Гипотеза об их значимом влиянии, подтверждаемом заметной частотностью, не подтвердилась.

Самым значимым регионом оказался Крым. Пик внимания пришёлся на очевидные февраль-март 2014 года и не был превзойдён ни разу. На втором месте по абсолютным цифрам находится среднее Поднепровье, что обусловлено наличием Киева и Днепропетровска в списке синонимов для него. Пики внимания к Донбассу приходятся на два «котла», август 2014 и февраль 2015, «ползучее наступление» ВСУ в начале 2016 и блокаду Л/ДНР со стороны Киева. По той же причине один из пиков относится к самому Киеву (февраль-март 2017 года). Крым, Киев и Донбасс находятся в сильном отрыве от остальных. Только они занимали первые места в «соревновании».

Как и в случае стран, осень 2013 года – время «рождения» Facebook. Две тенденции, которые сохранились – первое место Среднего Поднепровья и второе место Крыма. Донбасс не был третьим, а боролся за третье-пятое места с Галичиной, Слобожанщиной и Причерноморьем. Т.е. именно события «Евромайдана» и последовавшей войны «внесли» донецко-луганский регион в повестку. После «рождения» Facebook кластеризация регионов изменилась.

Если до рубежа 2013-2014 в повестке находились сначала Киев, потом Крым, потом все остальные, то после этого рубежного времени за кластером трёх лидеров шли трое вице-чемпионов: Причерноморье, Галичина и Слобожанщина. Внимание к ним тоже усилилось после «Евромайдана». Третья группа включает всех остальных. Ярко выраженное четвёртое место оказалось у Причерноморья, которое обеспечивается ему наличием среди поисковых объектов Одессы. Казалось бы, главный пик одесского графика должен приходиться на майскую трагедию 2014 года, но отставка Михаила Саакашвили с поста главы Одесской ОГА вызвала большее внимание, дав наивысшую точку графика. В отличие от Причерноморья Галичина и

Слобожанщина, два региона, делящие 5-6 места, вызывали стабильное внимание, избавленное от пиков. Незначительное возвышение Галичины на графике во второй половине 2016 и начале 2017 годов обусловлено мусорным скандалом, который активно подсвечивали «порохоботы». Единственный заметный пик в группе остальных регионов показала Черниговщина в июле 2015 года благодаря довыборам в Верховную Раду, на которых столкнулись кандидаты Петра Порошенко и Игоря Коломойского, под лейблом «гречка vs. деньги».

В число значимых регионов не попало Закарпатье. Как и Донбасс до 2013-2014 годов, оно не привлекает внимания. Получается, что только два пика обусловлены внутренними событиями (выборы в Чернигове и отставка Михаила Саакашвили в Одессе). Добавив сюда условный пик, больше похожий на плато, обозначающий львовский мусорный кризис, могу довести счёт до трёх. Остальные пики обусловлены исключительно внешними событиями: реинтеграцией Крыма, блокадой Л/ДНР со стороны Киева, «котлами», в которые попадали ВСУ и т.д. Полагаю, можно сделать верифицированный вывод о том, что украинские лидеры общественного мнения в отношении регионов менее интересуются собственно региональной повесткой, нежели международной, оставляя своим вниманием потенциально кризисные регионы (Закарпатье).

Не менее удивительным оказалось рассогласованное отношение украинских элит к населению и территории Донбасса. Различия состоят в явной определённости элит по отношению к населению. Количество нейтрального дискурса минимально. В отдельные пиковые моменты он попросту исчезает, будучи заменяемым негативными дискурсами. Самый позитивный дискурс отсутствует в принципе. Это неудивительно, учитывая, что в него по итогам сентимент-анализа была включена лишь одна единица («трудовой Донбасс»). В отличие от территории в отношении населения

присутствует значимый негативный дискурс, причём, он немного усилился в относительной степени после 2014 года, но существовал всегда.

В отношении территории, напротив, дискурс ненависти практически отсутствует. Основным является нейтральный дискурс. В самом начале рассматриваемого периода он вообще вытесняет позитивный дискурс, показывая, как велика неопределённость в отношении территории, сохраняя свою относительную долю, начиная с января 2011 года. Количество позитивных и негативных дискурсов по отношению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории и низкой вероятности перехода этого нейтрального дискурса в позитивные, поскольку по сравнению с графиками «Население» на «Территории» явно заметно доминирование негативных дискурсов над позитивными. Отношение к населению предельно поляризовано, отношение к территории характеризуется неясностью.

Три максимальных пика внимания в отношении населения приходятся на август 2014, январь-февраль 2015 (Иловайский и Дебальцевский котлы) и январь-март 2017 годов (блокада Л/ДНР со стороны партии «Самопомощь» и «ветеранов АТО»). По отношению к территории добавляется «ползучее наступление» начала 2016 года в качестве ещё одного пика. В этом смысле и территория, и население графически повторяют модель частотности внимания по отношению к региону Донбасс. Это неудивительно, потому что выгеупомянутые модели и визуализируют её, показывая, как внутри неё распределяются конкретные дискурсы. В целом пики внимания сохраняют относительное распределение дискурсов. Исключение составляет лишь пик в конце лета 2014 года, когда рост нейтрального дискурса заместил собой позитивный дискурс. Во всех остальных случаях соотношение дискурсов изменяло расположение в пространстве, но между собой они соотносились

прежним образом, что позволяет сделать вывод об устоявшемся отношении лидеров общественного мнения к территории и населению в 2014-2018 годах.

4.2 Образы России, Украины и непризнанной республики в массовом сознании жителей ДНР. Психографический метод[237]

После того как мы при помощи количественных методов выявили отношение украинских элит к территории и населению Донбасса, обратим внимание на его население. Состояние массового сознания ДНР стало предметом данного параграфа, написанного по результатам полевых исследований и применения качественного метода прикладной социологии: психографического.

4.2.1. Методология исследования на стыке феноменологического подхода визуальной социологии и политической психологии

Визуальная социология как научная дисциплина оформилась на рубеже XIX-XX веков с развитием фотографии, а к концу XX века особое внимание уделяла анализу различных проявлений медиа: видео-роликов, рекламы, визуальных сообщений, пересылаемых пользователями друг другу. Социологию XXI века невозможно представить без анализа визуальных образов – социальные сети стали инструментом коммуникации между людьми и, естественно, объектом анализа социологов. П. Штомпка справедливо пишет о том, что мы живём в визуальную эпоху – после оральной (когда информация передавалась исключительно ртом) и вербальной (посредством письма). Чтобы понять значение образа в современной жизни, вовсе необязательно читать выдающегося польского социолога современности – достаточно

[237] Автор благодарит магистрантов МГИМО А.А. Целещева и И.Ю. Щедрова, аспиранта МГИМО А.Р. Маргоева и М.Ю. Бойко за помощь в работе над данным параграфом.

взглянуть на рутинное занятие человека любого возраста от 6 до 60 в транспорте. С высокой долей вероятности этот мальчик, девочка, подросток, мужчина или женщина будет перелистывать на экране смартфона большим пальцем ленту новостей в социальных сетях или лайкать там же посты френдов.

«Мы проходим мимо богато декорированных витрин магазинов и уличных памятников. Минуем агрессивные граффити на стенах и вагонах метро. Читаем иллюстрированные журналы, рассматриваем комиксы, заглядываем в картиночные окошки Интернета, посылаем картинки в посланиях по сотовому телефону (SMS), играем в компьютерные игры» [Штомпка 2007: 7]. Текст Штомпки в 2007 ещё содержит аббревиатуру SMS, ныне вытесненную низкой стоимостью (или де-факто бесплатным использованием) одного сообщения через мессенджер (Вацап, Телеграм, Вайбер и т.д.).

Насколько возможно исследовать (квантифицировать/верифицировать) визуальные объекты? На первый взгляд кажется, что они поддаются анализу в меньшей степени, нежели те, что можно сразу «перевести» в цифры – различные текстовые единицы. «В социологическом мире постоянно идут дискуссии о том, насколько визуальный анализ адекватен целям и методам социологии как таковой. Не есть ли свобода множественных интерпретаций зрительных индикаторов лишь прикрытие субъективного произвола неоправданных суждений? Множественность интерпретаций одних и тех же зафиксированных зрительных феноменов практически всегда имеет место. Но процесс коллективного анализа (обсуждения) как раз и становится основой анализа», - пишет Н.Е. Покровский во введении к книге П. Штомпки [Покровский 2007: XIV].

Сам Штомпка вовсе не задумывается о субъективности собственных ощущений, когда описывает визуальные наблюдения за «серостью» социалистического мира, который явным образом проигрывает «красочному»

капиталистическому: «В наше время любопытен очевидный контраст, сопровождающий антикоммунистические перемены 1989 г., между серостью и пресностью мира повседневной жизни в реальном социализме и блещущей красками новой рыночной, потребительской, капиталистической цивилизации. В моей памяти живы воспоминания о красках мира, когда я пересекал чешско-австрийскую или польско-немецкую границу. Это бросалось в глаза сильнее, чем колючая проволока или пограничные шлагбаумы. Сегодня наш мир, по крайней мере в больших городах, стал таким же разноцветным, как мир Запада». В этом смысле теоретизированное кабинетное исследование всегда наиболее удачным образом дополняется полевыми этапами, когда социолог может узнать, о чём люди говорят на кухнях, в автобусах, очередях – почувствовать атмосферу исследуемого общества. Штомпка, упоминая важность структурированных вербальных методик, опроса, интервью, анкетирования, справедливо приводит удачную метафору немецкого социолога Эйвина Шойха: «Всю жизнь я писал анкеты и проводил опросы. Но когда хочу понять характер общества, то иду в итальянскую кофейню, немецкую пивную или английский паб и смотрю вокруг» [Штомпка 2007: 18]. Один из пионеров современной визуальной социологии Дуглас Харпер отстаивает важность новой дисциплины, дополняющей классические количественные методы: «Мир за пределами статистических данных существует, и он не менее пригоден для социологического изучения, чем мир цифр… Очень немногие социологи когда-либо разговаривают с человеком в ходе своих исследований, но большинство из них очень хороши в статистике. Визуальная социология – это приглашение открыть глаза дисциплины на бесконечно более интересный мир восприятия, чем экран компьютера, заполненный числами» [Harper 2012: 7].

По собственному опыту использования качественных (в данном случае – проективных) методов эмпирической социологии можем сказать, что такие методы действительно позволяют выявлять феномены массового сознания без

использования значительной квотной выборки, необходимой при массовых опросах и анкетированиях. Когда при проведении фокус-групп или глубинных интервью незнакомые между собой люди, нередко проживающие в разных городах, а в случае общности цивилизации в хантингтоновском смысле – и в странах, без всяких намёков со стороны модератора начинают использовать одни и те же образы, невольно задумываешься о реальности существования массового сознания и коллективного бессознательного.

Фокус современной визуальной социологии, безусловно, относится к фотографии. Дешевизна и быстрота процесса фотографирования, когда одним кликом (тапом)[238] на смартфон пользователь получает единственное или даже множественное изображение, и далее волен редактировать его и многократно передавать другим пользователям, делают фотографию гораздо менее затратным объектом творчества, нежели рисунок. В случае с его созданием респондент думает, прежде всего, о самопрезентации. «Ой, а я не умею рисовать», - 9 из 10 человек говорили это в рамках настоящего исследования (и обращаясь к нашим предыдущим исследованиям, можем утверждать, что стеснение респондента в данном случае не зависит от культуры – примерно половина из них всегда смущённо ссылается на низкий уровень рисования). Социологам каждый раз приходилось объяснять, что творческие способности совсем не интересуют их – гораздо важнее те образы, которые диктует сознание/подсознание для визуализации на бумаге.

В отличие от фотографии рисунок несёт меньше контекстов для анализа (Штомпка выделяет 15 «наиважнейших общественных контекстов», по которым «скользит глаз» анализирующего фотографию: от пола и расы до воротничка пастора и галстука офис-менеджера). Рисунок в сфокусированном виде отображает образ, сформированный в сознании респондента, который он

[238] Автор не знает русскоязычный аналог действия, которое осуществляет человек, нажимающий на экран гаджета при фотографировании, равно как и обозначение соответствующего глагола. Возможно, стоит употреблять слова и производные от «клик», «тап», «шот» (click, tap, shot).

опубличивает по просьбе социолога. Узость инструментария (хорошо рисовать и прорабатывать детали умеет незначительное число людей) заставляет респондентов транслировать на бумаге самое основное, не отвлекаясь на частности и пояснения, как это часто бывает в ходе фокус-группы или уличного опроса. В то же время социолог всегда способен задать уточняющие вопросы, чтобы раскрыть понимание образов, изображённых на рисунке, дополняя визуализацию вербальными характеристиками. Именно так и происходило в большинстве случаев подготовки рисунков, за исключением тех, глядя на которые, коллеги восхищённо говорили: «Спасибо, всё ясно!» Наконец, рисунок отличается в социологическом смысле от фотографии отсутствием значимого влияния социолога на объект исследования. Если в фотографии обязательно присутствует фотограф-художник, интересы, мысли, приёмы которого могут быть предметом анализа и герменевтической интерпретации[239], иногда отвлекая от содержания снимка, у рисунка только один автор – социолог предельно абстрагирован от процесса его создания, а значит его влияние сведено к минимуму. Психологи О.Т. Мельникова и Ю.А. Шайдулина описывают преимущества психографического метода перед количественными через «свободу выбора, которая проявляется у респондента при оценивании исследуемых объектов. Оперируя теми категориями, которые представлены в его сознании, а не навязаны извне, респондент даёт возможность исследователю проникнуть вглубь изучаемых установок» [Мельникова 2005: 109].

Существует несколько классификаций для анализа рисунков. Е.Б. Шестопал, самым активным образом использовавшая психографический метод в своих исследованиях восприятия россиянами власти и иных политических образов, предлагает анализировать рисунки через три уровня интерпретации:

[239] Несколько таких примеров описывают Штомпка и Харпер. Первый – эксперимент фотографа Петра Яновского по автофотографированию, когда подросткам 10-17 лет раздали несколько сотен дешёвых фотоаппаратов и предоставили свободу воли [Штомпка 2007: 72]. Второй рассказывает о собственном опыте анализа фотографий с молочной фермы, сделанных женщинами и мужчинами, и выявлении гендерной разницы в подходах фотографов [Harper 2012: 8].

содержательный, технический и символический. Что изображено? Как изображено? Что это значит? – три простых вопроса, которые помогают сравнить рисунки между собой [Шестопал 2015; Шестопал 2016]. «А. Брантвейт и П. Купер выделяют: характеристики (настроение, тональность, воздействие); содержание (объекты, тема); коннотации (ассоциации, смыслы); окружающий контекст (история, происходящее, актуальные события). В.И. Батов предлагает метод формализованного анализа изображений «Артэкспресс», основанный на последовательном выделении элементов следующих трех пластов рисунка: внешней формы рисунка (приемы композиции); внутренней формы (позиция автора и способы коммуникации); «психологической ткани» рисунка (психологические черты автора, проецируемые на изображение). Т.В. Фоломеева, применяя рисунки для выявления образов музыкальных радиостанций и музыкальных групп, подчеркивает, что «определенные характеристики рисунка специфичны для отражения индивидуальных особенностей субъекта восприятия, другие же – для отражения образа социального объекта». Различные характеристики рисунка показывают принципиально разные аспекты восприятия социального объекта: эмоциональный; когнитивный; мотивационный; смысловой; свойства структуры образа» [Гуреев 2007: 123]. Гуреев пишет о коллегах-психологах, имеющих опыт интерпретаций проективных рисунков, которые на основании несмысловых критериев также анализируют их.

Поскольку мы не имеем психологического образования, не считаем возможным трактовать те глубинные пласты восприятия реальности респондентами, что могут быть выделены через анализ толщины и направленности линий, соответствия размеров рисунка и листа, взаимосвязи элементов, наклона почерка. Мы принципиально не применяли методики Е.Б. Шестопал [Власть и лидеры… 2019], анализирующие, собственно, форму рисунков – плотность заполнения листа, степень прорисованности изображений, дихотомии «закруглённость/острота», «нетривиальность/стереотипность», на основании чего делаются выводы о бессознательном респондентов [Ван, Бокова

2016: 170–192]. По опыту использования психографического метода в таких разных культурах как российская, китайская и украинская, можем уверенно сказать, что самый важный фактор, который оказывает влияние на создание формы образов, - умение рисовать, а не подсознательное восприятие политических феноменов. Часто респонденты, жалуясь на отсутствие полезных навыков, «дообъясняют» образ словами. Недавний пример: один из респондентов, (китайский профессор, старейшина кафедры, сидевший во главе стола), перевернув бумажный стаканчик, просто обвёл его три раза. Получившееся пересечение кругов он долго объяснял через разнообразие культур, религий и идеологий, которые исторически переплетались в Китае. Абсолютно простой схематичный рисунок, если бы мы использовали анализ его формы, стал бы объектом минимальной трактовки. В реальности автор объяснял нам глубокий смысл образа, который он так просто изобразил. Иными словами, если бы передо нами лежали рукописные тексты, нас интересовала не каллиграфия, а их содержание.

Как и в дискурс-анализе, когда важен не только сам текст, но и контекст вокруг него, анализ визуальных образов часто предполагает исследование не только их сути, но и формы, методов и обстоятельств создания, что также является исследовательскими предметами визуальной социологии. «В настоящий момент в визуальных исследованиях различимы четыре парадигмы: натурализм (с ориентацией на позитивистскую методологию), структурализм (с ориентацией на системно-семиотический анализ), конструктивизм (с ориентацией на анализ ситуации возникновения и функционирования явления, в том числе и дискурсивный анализ) и феноменология (с ориентацией на анализ смысла)» [Пирогов 2013: 124–131]. Мы использовали феноменологический подход, поскольку нас интересовала не конструкция образов, не дискурсивное описание контекста вокруг их создания, наконец, не натурализм, возможный в фотографиях, передающих непосредственно окружающую среду, но не в рисунках, транслирующих восприятие политических феноменов. Отбросив

ненужные в данном случае аналитические манипуляции с формой рисунков, на стыке визуальной социологии и политической психологии, мы выбрали «чистый» анализ образов, данных нам в рисунках.

Методология создания рисунков была предельно простой. Респонденту объясняли цели исследования, заверяли, что его творческий объект будет использован исключительно в неперсонализированном виде («никто не узнает автора»), и просили «нарисовать ДНР, проблемы ДНР, Украину, Россию». Примерно половина респондентов уточняли, что от них требуется. В таком случае социологи уходили от ответа, поясняя, что их интересует именно оригинальный взгляд респондента как реакция мозга на слова «ДНР», «Россия» и «Украина»: «Всё, что приходит в голову. Нам нужны ваши образы, а не способности рисовать». В отношении каждого рисунка социологи уточняли, что на нём изображено. Таким образом респонденты дополняли картину образов вербальными характеристиками, по факту усложняя и дифференцируя собственное восприятие. Пояснения авторов к рисункам фиксировались. В случаях, когда респонденты явным образом затруднялись нарисовать, они начинали писать, всё равно отображая образы, искомые исследователями. Подобная практика не просто помогала «не терять» респондента, не умеющего рисовать, а позволяла рождать смысловые шедевры: на одном из рисунков явно плохо рисующий человек подписал «во имя Господа огонь», подчёркивая противоречия быта на военных территориях; на другом рисунке Украина – распавшаяся картинка из пазлов. Потому особое внимание уделим восприятию массовым сознанием России, Украины и ДНР, обращаясь не только к анализу образов, но и конкретным цитатам респондентов, записанным социологами при выяснении трактовки их рисунков.

Психографический метод отлично позволяет увидеть употреблённый В.Ю. Сурковым не в академическом дискурсе, но в публицистике термин – «глубинный

народ»[240]. Большинство респондентов не владеет категориями науки, не стремится к объективности или попросту недолюбливает власти. Но именно психографический метод позволяет им отметить точности, нюансы, общественные оксюмороны, недоступные «кабинетному» исследователю, но весьма распространённые в изучаемом социуме. Некоторые рисунки можно считать профессиональными карикатурами на жизнь в России, Украине и ДНР. Один из респондентов изображает образ России как банку с берёзовым соком, внутри которой ютятся человечки (см. рисунок 26[241]). «Предвижу перегиб консерватизма», - прокомментировал автор.

Рисунок 26

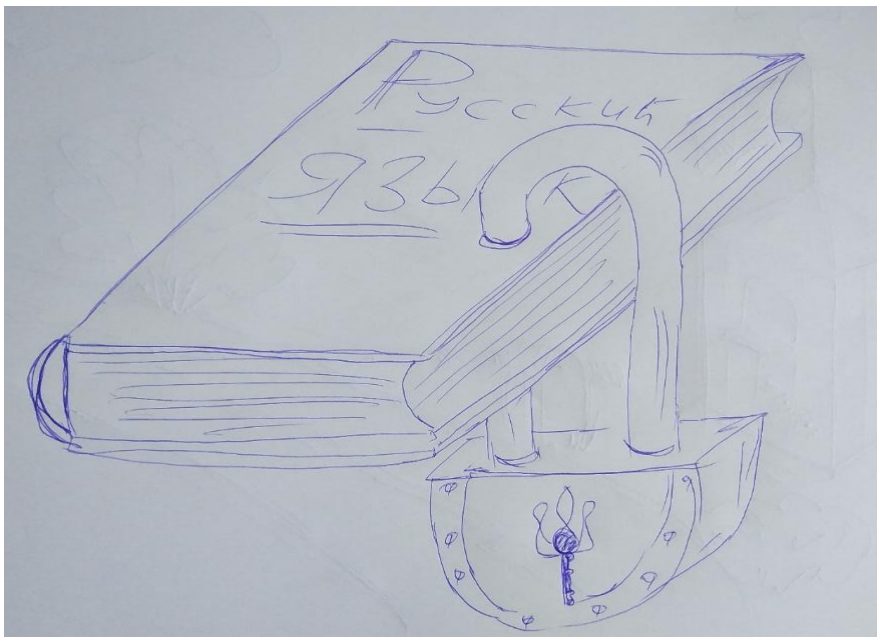
[240] Не собираемся вводить его в академическую литературу и аргументированно оправдывать его использование в ней, но субъективно полагаем, что он отлично описывает особенности коллективного бессознательного.

[241] Здесь и далее до конца праграфа цифра в скобках обозначает порядковый номер рисунка. Если он не находися внутри текст, смотреть в приложении.

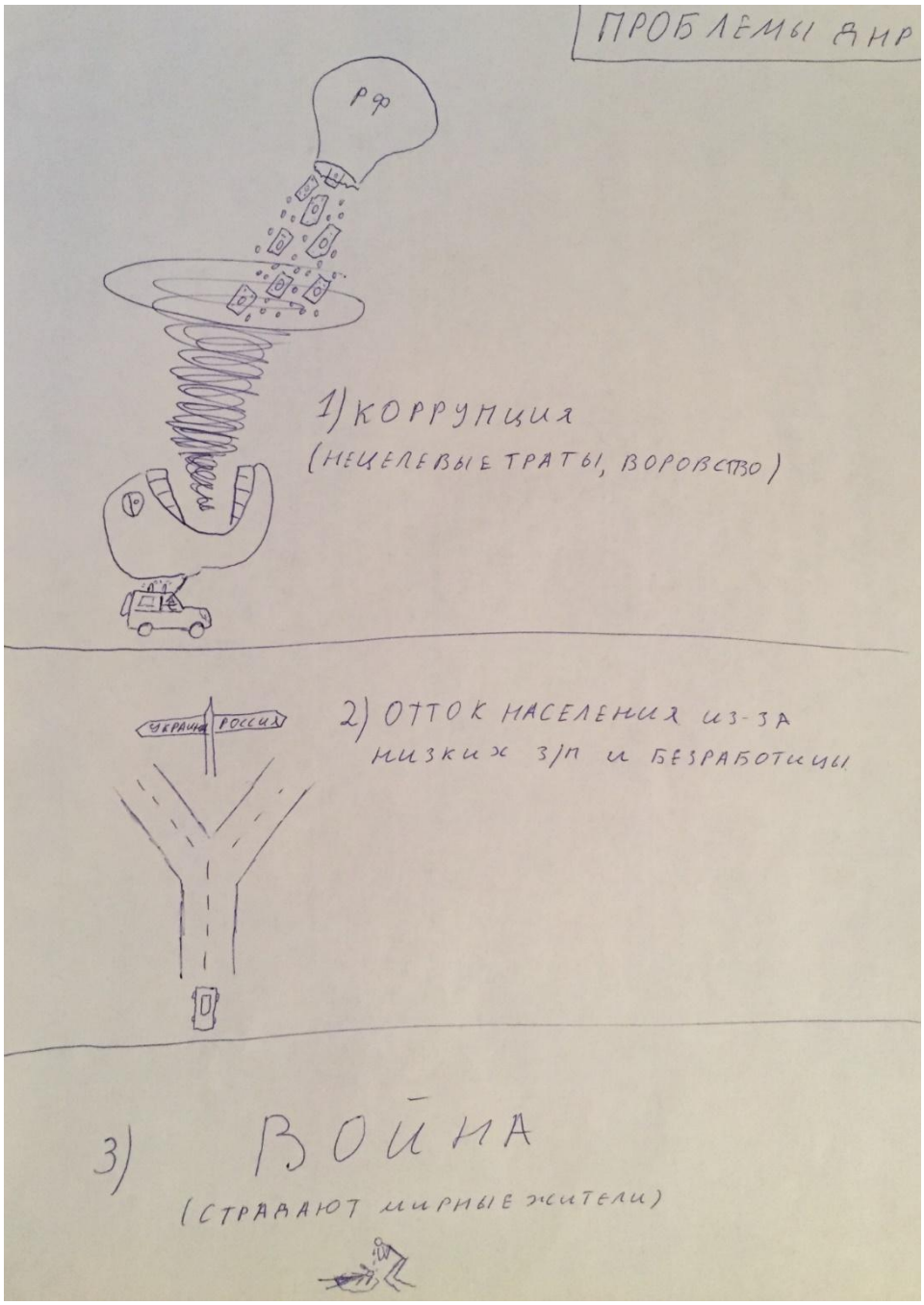
Он же рисует Украину: учебник русского языка на замке (27). Что здесь комментировать? Ярко, образно, точно.

Рисунок 27

Третий рисунок (28) – отличная карикатура на функционирование власти в ДНР, на которой вылезшая из автомобиля огромная голова пожирает летящие к ней в рот в воронке деньги из мешка с надписью «РФ» (здесь в яркой форме отображается негативное отношение населения и к власти, и к номенклатурным привилегиям, которые её окружают (для дончан весьма чувствителен вопрос кортежей и «чрезмерной» охраны руководства), и к коррупции).

Рисунок 28

Из 133 человек, к которым обращались коллеги, 10 наотрез отказались участвовать в исследовании, причём все мотивировали это «отсутствием образного мышления». По словам этих респондентов, они просто не могли вообразить, как можно нарисовать политическую абстракцию, не имеющую реального предметного выражения. Таким образом мы с коллегами получили 492

рисунка по 4 от каждого респондента. Выборка не квотировалась по уровню образования и профессиональным характеристикам. Женщины и мужчины представлены в исследовании поровну. На вопрос «можно ли анализ почти 500 рисунков 123 человек в рамках качественного социологического исследования экстраполировать на генеральную совокупность в 2 276 533 человека[242]?» мы уверенно отвечаем «да». Качественная социология за рамками репрезентативной квотированной выборки «работает» ровно тогда, когда у людей, не связанных между собой, возникают похожие образы в рисунках – так и отражается массовое сознание.

Эмпирический этап любого социологического исследования на военной территории имеет характерные особенности, прежде всего, недоверие респондентов социологу: «Что вы здесь вынюхиваете?» Мы сознательно опустим определённые моменты установления контактов с респондентами. Но отметим значимые заслуги коллег, работавших в «поле» и пожелавших остаться анонимными, при помощи которых удалось получить эти рисунки и расшифровки их вербальных комментариев от 123 жителей ДНР, проживающих на территории непризнанной республики в Донецке, Макеевке, Горловке, Ясиноватой и Торезе. После завершения полевого этапа исследования начался кабинетный, который проводился в Москве.

Штомпка выделяет 6 простых и понятных аспектов в анализе фотографий, которые мы пробуем применить к анализу рисунков: личности, действия, взаимодействия и общественные отношения, коллективность, культура и окружение (среда). «Каждый контекст специфичен в отношении разнообразных аспектов. Примем во внимание 15 наиважнейших общественных контекстов. Сначала те, которые являются базовым экзистенциальным опытом каждого человека, вытекающим из его биологической природы: дом, работа (в том числе техника), потребление, путешествия (перемещение в пространстве), болезнь,

[242] Численность населения Донецкой Народной Республики на 1 января 2019 года // glavstat.govdnr.ru/pdf/naselenie/chisl_naselenie_0119.pdf

смерть. Затем те, которые встречаем в большинстве человеческих культур и которые отражают либо какие-то императивы коллективной, общественной формы человеческого бытия, либо какие-то неизбежные драмы коллективного существования: образование (воспитание), религию, политику, науку (познание), искусство, отдых (развлечения), спорт, войну и природные катастрофы [Штомпка, 35]. На пересечении этих 15 контекстов и 6 аспектов формируются конкретные визуальные образы в систематизированном виде.

Штомпка и Гофман скрупулёзно описывают детализацию фотографий: от базовых элементов анализа вроде пола, возраста и расы до мельчайших деталей (татуаж и наклон головы) [Гофман]. Учитывая больший масштаб рисунков по сравнению с фотографией, мы избегаем детализации в отношении шести аспектов человеческих взаимодействий, редуцируя их до трёх: личность, коллективность, обезличенность. Очевидно, что 15 контекстов Штомпки не исчерпывают всех феноменов, которые можно найти в фотографии/рисунке. К примеру, в исследовании, которое под моим руководством проводилось в Китае, направленном на изучение посредством психографического метода образа будущего в массовом сознании китайцев, нам тоже пришлось добавлять новую категорию – технологии[243]. В случае дончан значительное количество упоминаний феноменов вне контекстов Штомпки требовало введения новой категории «природа». Таким образом мы получили матрицу анализа рисунков из 16 контекстов (столбцы) и 3 аспектов (строки). Каждый рисунок был «разложен» до условного визуального «атома» – т.е. такого образа, который дальше не подвергается делению. К примеру, многочисленные нарисованные «войны» распадаются на отдельных людей, их взаимодействия, военную технику, часто включая элементы «политики» или «потребления». Именно поэтому число образов в 5-6 раз превышает число рисунков. Каждый из образов простейшим образом заносился в ячейку («война-коллективность», «потребление-личность»,

[243] См. подробнее: 10. Токарев А.А., Маргоев А.Р., Приходченко А.Ю., Целещев А.А. Отражение внешней политики КНР в образах настоящего и будущего в массовом сознании китайцев: психографический метод // Полис, 2021. - №1. С…

«политика-обезличенность» и т.д.) как единица (см. рисунок 31), после чего все они были сложены, чтобы цифры внутри ячеек, обозначающие количество конкретных образов, можно было сравнивать.

Не будем много внимания уделять выбору локализации исследования. Особая идентичность Донбасса – принятая и в политической публицистике, и в академической украинистике, политологии и международных отношений константа[244]. Наши количественные исследования всех украинских голосований с 1991 по 2014 годы демонстрируют то же: Донбасс всегда был вотчиной пророссийских сил, во многом противостоящих западноукраинской идентичности [Токарев, 2014]. Данное исследование направлено не на то, чтобы в который раз подтвердить особую идентичность Донбасса, а в условиях военно-политического конфликта посмотреть на массовое сознание жителей ДНР и их отношение к трём политическим акторам: собственной непризнанной республике, материнскому государству и государству-патрону. Сформулируем исследовательские гипотезы:

H1: украинское государство имеет явно негативный образ в массовом сознании жителей ДНР, который используется властями и государством-патроном во многом для сохранения гражданами лояльности непризнанной республике.

H2: развязывание войны и неонацизм – одни из основных черт этого образа, во многом определяющие его эффективное влияние на сохранение за официальным Киевом «образа врага».

H3: Образ ДНР более личный и более позитивный, чем украинский, что обусловлено не только образом Украины как врага, но и восприятием ДНР как дома, который необходимо защищать.

---

244 См. например: https://www.researchgate.net/profile/Ararat_Osipian/publication/228646344_Why_Donbass_Votes_for_Yanukovych_Confronting_the_Ukrainian_Orange_Revolution/links/545c76dd0cf249070a7aa48b.pdf ; https://ideopol.org/wp-content/uploads/2019/11/__Full-Version-IPJ-112-2019.pdf#page=121

H4: Россия представляется максимально комфортной для проживания территорией, в состав которой необходимо стремиться, во-первых, чтобы закончить войну, во-вторых, для повышения качества жизни.

Явный недостаток академической литературы, посвящённой Донбассу в 2010-х годах – её преимущественно «кабинетный» характер. И особая донецкая идентичность[245], и проблемы билингвальности Украины[246], и «информационные войны России»[247], и военно-политический конфликт, и различные формы сепаратизма и ирредентизма[248], - изучаются вне рамок полевых исследований. Количество посвящённых украинскому конфликту академических исследований с применением методов прикладной социологии, которые нам удалось найти в базе Google.Academia, невелико[249]. Нет никаких сомнений в высочайшей сложности проведения полевых исследований в зоне боевых действий или около неё. Следующий параграф восполняет явный пробел в академической литературе.

4.2.2. Кодификация образов и интерпретация результатов

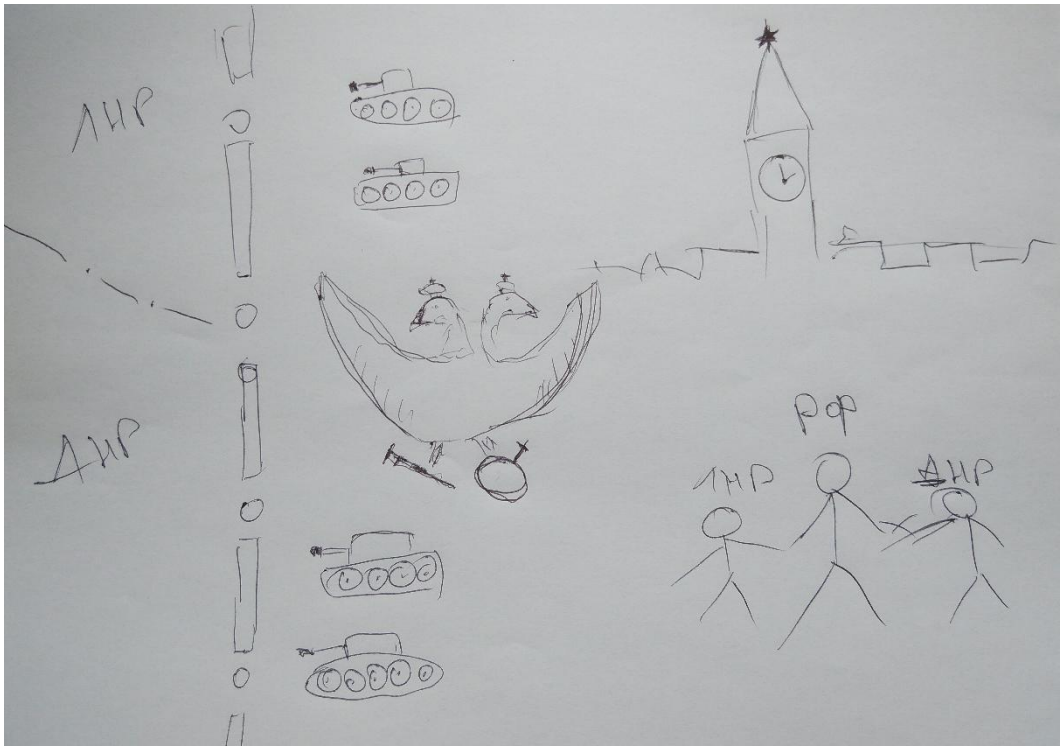
По результатам исследования нельзя сделать однозначные выводы, что массовое сознание в ДНР явным образом комплиментарно настроено по отношению к России и негативно – к Украине. Единственная явная тенденция: если отношение к России позитивно, то к Украине – отрицательно и наоборот. На

---

[245] http://aei.pitt.edu/94331/
[246] https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/sm.2017.10.issue-1/sm-2017-0001/sm-2017-0001.pdf
[247] https://it4sec.org/system/files/4103_pocheptsov_cognitive_attacks.pdf
[248] https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683857.2016.1149349
[249] См. например: 1. Neuropsychiatric characteristics of antiterrorist operation combatants in the Donbass (Ukraine) URL: https://www.cambridge.org/core/journals/cns-spectrums/article/neuropsychiatric-characteristics-of-antiterrorist-operation-combatants-in-the-donbass-ukraine/66AA70262C782961CD5DF12363BE64CD
2. The models of use of information sources by the population of the free part of the Luhanska oblast. URL: https://philpapers.org/rec/TMO-47
3. Theory of Mass Consciousness: opportunities and limitations under conditions of unconventional warfare (Based on the results of studies on the Government controlled territory of Luhansk oblast) URL: https://grani.org.ua/index.php/journal/article/view/1176
4. What's Wrong with the Donbas? The Challenges of Integration Before, During and After the War. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-24978-6_10

нескольких рисунках (их число невелико – менее одной десятой от общего количества) Россия и российское руководство предстают как «оккупанты» (20а), «захватчики», «строители барьеров», создатели «масок лжи» для всех жителей ДНР (21). На них, а так же на тех, что изображают позитивную роль России, присутствуют различного рода заборы и ограничительные линии (22).

Рисунок 29

Эти же респонденты рисуют Украину как «пространство свободы», «незалежную», «суверенную». На одном и том же рисунке респондент старшей возрастной группы изображает и свастику, поясняя «фашистский угар», и весьма комплиментарно – группу людей с завязанными глазами, подписывая их «заблудшие братья» (23).

Рисунок 30

Отношение к Украине неоднозначно. Результаты анализа явным образом опровергают первую гипотезу (Н1). Украинское государство не имеет однозначно негативный образ. С одной стороны, у образов Украины явно наименьший положительный вес (см. табл. 26). Но, во-первых, отрицательный вес почти в два раза больше у ДНР. Это легко объясняется тем, что образы, через которые респонденты визуализируют ДНР, связаны с войной. Подчеркнём особо: не

украинское государство связано с войной, но, прежде всего, непризнанная Донецкая республика (ниже вернёмся к обсуждению войны). Во-вторых, наименьший вес у нейтральных образов Украины, но почти столько же у ДНР. В-третьих, соотношение положительные/отрицательные образы у Украины примерно то же, что и у ДНР – 1/2. Только Россия с точки зрения сенситивного анализа рисунков явным образом выделается соотношением положительные/отрицательные образы – 5/1. Т.е. Россию респонденты не считают стороной войны (ниже мы подтвердим это и через качественный анализ рисунков), несмотря на то, что вербализируют важность российской поддержки, в т.ч. её военной и кадровой составляющей. Получается видимый парадокс массового сознания: война, прежде всего, дело Украины и ДНР, которые воспринимаются в относительном соотношении одинаково плохо.

Таблица 26 – Абсолютные цифры сенситивного разделения рисунков

	Россия	Украина	ДНР
Положительно	84	24	56
Нейтрально	72	52	60
Отрицательно	16	96	188

В отношении каждого из 492 рисунков мы применяли процедуру «атомизации», пытаясь разложить рисунок на неделимые образы – «атомы». Например, в рисунке войны можно увидеть образы танка, людей, огня, автомата, окопа и т.д. Общее число образов более 2000, на ДНР приходится примерно половина (это легко объясняется тем, что мы объединили рисунки категорий «ДНР» и «проблемы ДНР»), на Россию и Украину – примерно по четверти (см. табл. 27).

Таблица 27 – Абсолютные и относительные цифры образов после «атомизации»

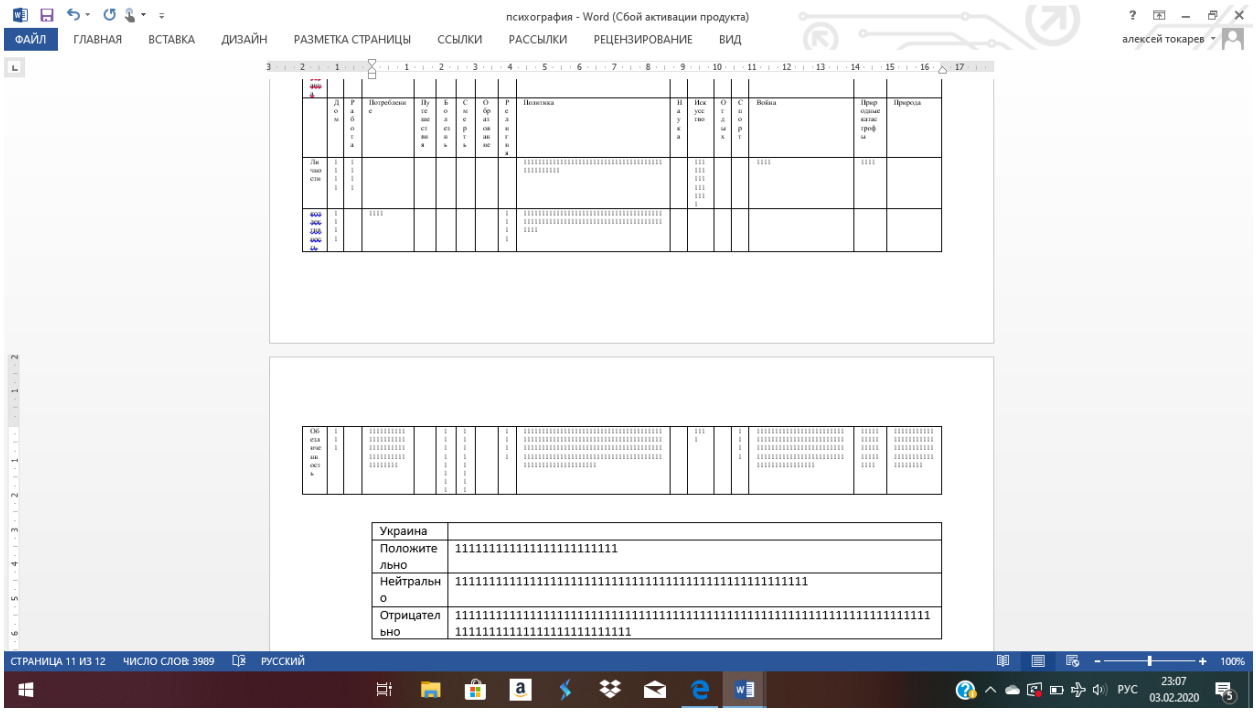
Всего	Россия	Украина	ДНР
2339	611 / 100 %	686 / 100 %	1024 / 100 %
Личное	80 / 13,1 %	81 /11,8 %	77 / 7,3 %
Коллективное	92 / 15,1 %	89 / 13 %	89 / 8,5 %
Обезличенное	439 / 71,8 %	516 / 75,2 %	882 / 84,2 %

На удивление цифры соотношения личного/коллективного/обезличенного в целом оказались похожи. Изначально субъективное ощущение состояло в том, что в образах России будет много личного и совсем мало обезличенного, в образах Украины минимум личного и максимум обезличенного, наконец, образы ДНР будут содержать максимум личного и совсем мало обезличенного, поскольку именно это дом, Родина для дончан и место приложения особой донецкой идентичности, неоднократно описанной в академической литературе («я из Донецка» для местных всегда было важнее, чем «я – русский» или «я – украинец»). В реальности самым «обезличенным» регионом оказалась ДНР, а не Украина, а самым «личным» - Россия, что опровергает третью гипотезу (Н3). ДНР, и это будет видно позже – при анализе образов, воспринимается как чужое образование, а для четверти респондентов личное и коллективное – это Россия, у которой так же наименьший процент обезличенного. Украина по этому критерию находится чётко по середине, не являясь одним из полюсов, как мы предполагали вначале. Отметим высокий уровень обезличенного восприятия в принципе: от 72 до 84 %. Для проверки соответствия данного феномена массового сознания в ДНР с другими регионами, очевидно, требуются дополнительные исследования.

Каждый из образов заносился без кодировки (в виде простой единицы) в конкретную ячейку, находящуюся на пересечении одного из шестнадцати контекстов и одного из трёх аспектов (см. рис. 31). Например, одинокий солдат с автоматом давал единицу ячейке «война-личность», парк из роз (роза – один из часто встречающихся символов Донецка) отправлялся в категорию «природа-обезличенное», а несколько людей, стоящих в очереди за продуктами очевидным образом относились к группе «потребление-коллективное». Безусловно, встречались и сложные образы, которые не сразу можно отнести к конкретному контексту – с аспектами о личности/коллективности/обезличенности было намного проще. Иногда один и тот же образ требовал контекстуальных пояснений. Яркий пример – самолёт, нарисованный одним из респондентов. На вопрос социолога, это самолёт военной авиации Украины, т.е. тот, что

осуществлял бомбометание по Луганску, или российских ВКС, или малазийский Боинг, респондент с улыбкой ответил: «Это Мрия – самый большой самолёт в мире. И сделали его украинцы». Тут восприятие конфликта оказалось острее у социолога, а респондент продемонстрировал проукраинские настроения (Ан-225 «Мрия», действительно, был сделан на территории Украинской ССР советской авиастроительной промышленностью в ОКБ Антонова).

Рисунок 31 – Пример занесения образов в сетку контекстов-аспектов Штомпки

После внесения всех 2339 единиц, равных числу образов, они были подсчитаны и визуализированы в таблицах (см. табл. 28-30).

Таблица 28 – Распределение образов Украины

украина																
	Дом	Работа	Потребление	Путешеств	Болезнь	Смерть	Образование	Религия	Политика	Наука	Искусство	Отдых	Спорт	Война	Природные рофы	Природа
Личности	4	4							48		16			4	4	
Коллектив	4		4					4	80							
Обезличен	3		48		8	8		4	172		4		4	112	24	52

Таблица 29 – Распределение образов России

Россия																
	Дом	Работа	Потреблени	Путешес	Болезнь	Смерть	Образовани	Религия	Политик	Наука	Искусств	Отдых	Спорт	Война	Природные катастрофы	Природа
Личност	8	4							64		4			1		
Коллекти	8		24						56					1		
Обезличе	28		72			4		8	188	4	28		20	28		136

Таблица 30 – Распределение образов ДНР

ДНР																
	Дом	Работа	Потребление	Путешеств	Болезнь	Смерть	Образование	Религия	Политика	Наука	Искусство	Отдых	Спорт	Война	Природные катастрофы	Природа
Личности	12	16							24				5	20		
Коллектив	4	8							72					5		
Обезличен	92	120	72			8	4	4	260				12	218		92

Больше всего образов относительно всех трёх территорий попало в категорию «политика-обезличенность». Здесь встречаются многочисленные образы флагов, географических карт, зданий органов власти (Кремль, Белый дом), колонна на площади Независимости в Киеве, памятники Ленину в Донецке и Горловке. Самые «недооценённые» категории: «образование» (4 образа у ДНР) и «наука» (4 образа у России). Вне конкуренции «путешествия» и «отдых» - 0 образов. Украина выделяется на фоне остальных 28 образами «природных катастроф» и 8 образами «болезней». Категория «спорт» встречается в случае Украины 4 раза, ДНР – 17 раз, России – 20 раз. Для интерпретации всех этих данных нужны дополнительные исследования. Значит ли множественность категории «природные катастрофы» в образах Украины, что в бессознательном респондентов страна ассоциируется с кризисами? Обусловлены ли малые

количества «наук» и «образования» в восприятии трёх стран, прежде всего, восприятием действительности через призму войны («не убили бы – какое уж тут образование»)? Является ли политизированность восприятия всех стран отличительным признаком постсоветского пространства, или респонденты в любой цивилизации будут опосредовать образы через политическое? В данном случае мы исследуем базу рисунков только в отношении проверки начально поставленных гипотез.

Наиболее интересен анализ действительно важных категорий: «дом», «работа», «война». Украина представляется домом в наименьшей степени – 11 образов (у России – 44). Сравните со 108 образами ДНР. Даже учитывая двойственность категории (социологи просили нарисовать и ДНР, и проблемы ДНР), число образов составит 54 – в пять раз больше, чем у Украины. Поэтому в отношении категории «дом» мы можем сделать устойчивый вывод: ДНР и Россия вполне очевидно отождествляются с домом, а Украина в наименьшей степени, но не является при этом максимально чуждым образованием.

Лишь 8 образов показывали категорию «работа» применительно к Украине и России (поровну). 144 отнесены к ДНР, что, в отличие от «дома» показывает большую привязанность населения к непризнанной республике и в абсолютных цифрах, и по сравнению с Украиной и Россией. Можно смело утверждать, что для массового сознания жителей «ДНР – место, где работают».

В отношении «потребления» ДНР уступает Украине: 36 образов против 52. 96 образов России выводят её на первое место. Не будем отдельно останавливаться на образах религии (Украина и Россия – по 8, ДНР – 4) и смерти (8/4/8, соответственно). Цифры по ним примерно одинаковы и не позволяют выявить значимую разницу. Но отметим тут, что ключевые для жизни человека образы дома, работы и потребления позволяют провести чёткое разделение между Россией, Украиной и ДНР, но не такое, которое расставило бы их на разные полюсы шкалы успешной и безопасной жизни. Ни Украина не воспринимается как место, непригодное для жизни, ни Россия не является манящим ориентиром,

ни ДНР не считывается как чёрная дыра. «ДНР» – это устойчивый образ места, где люди живут и работают (и Украина в наименьшей степени отождествляется с таковым), в «России» тоже можно жить и в особенности покупать и продавать, но и «Украина» с точки зрения «потребления» место более значимое, чем ДНР. Некоторые образы «потребления» носят откровенно негативный характер: оборванная труба из России, под которой стоит тазик, обозначает воровство газа.

Наибольшее пространство для анализа дают две категории с бОльшим количеством образов: «политика» и «война». Россия явно выделяется в категории «политика-личность» - конечно, речь идёт о самых разных изображениях президента Путина. В наименьшей степени политика связана с образами личностей в ДНР, что мы можем объяснить низким уровнем структурирования донецкого политического пространства и совсем молодой традицией публичной политики на данной территории. Приблизительно равны категории «политика-коллективное» в украинской и российской версиях, наконец, донецкая «политика-обезличенность» превосходит все прочие категории.

Не менее интересная для анализа категория – «война». Здесь мы можем сделать сразу три интересных верифицированных вывода. 1) Россия воспринимается как участник конфликта в наименьшей степени – лишь 30 образов, причём все они сплошь позитивные, связанные исключительно с защитой, а не с агрессией, смертью и нападением. Т.е. Россия – даже не участник конфликта, а защитник, миротворец. Российская армия представлена функционально как защищающий, а не нападающий. 2) Украина, безусловно, является стороной конфликта в массовом сознании со 116 образами, которые представляют её как агрессора, что подтверждается и качественным анализом рисунков. 3) 243 образа по двум категориям набирает ДНР: «ДНР» и «проблемы ДНР». Разделив условно на 2, получим 122 образа, что примерно соответствует украинскому уровню. Подчеркнём, что очевидно война является одной из основных «проблем ДНР», которые рисовали респонденты.

Подробное рассмотрение рисунков категории «война» позволяет верифицировать вторую гипотезу (H2). Мы предполагали, что образ Украины как врага и агрессора включает конкретные черты неонацизма. Военные образы Украины имеют однозначно негативную коннотацию. Это танки (25), гробы (один из них с надписью ROSHEN (26), другой содержит цитату из украинского гимна «ще не вмерла» (27)), черепа, кости, рука, закованная в цепи (28), блокпосты (29), подписи «полная неизвестность», «запрет», «опасность», «боль утраты, обида, страдания», «марионеточное правительство», «страдающий народ», «крик души», «WAR» (30).

Рисунок 32

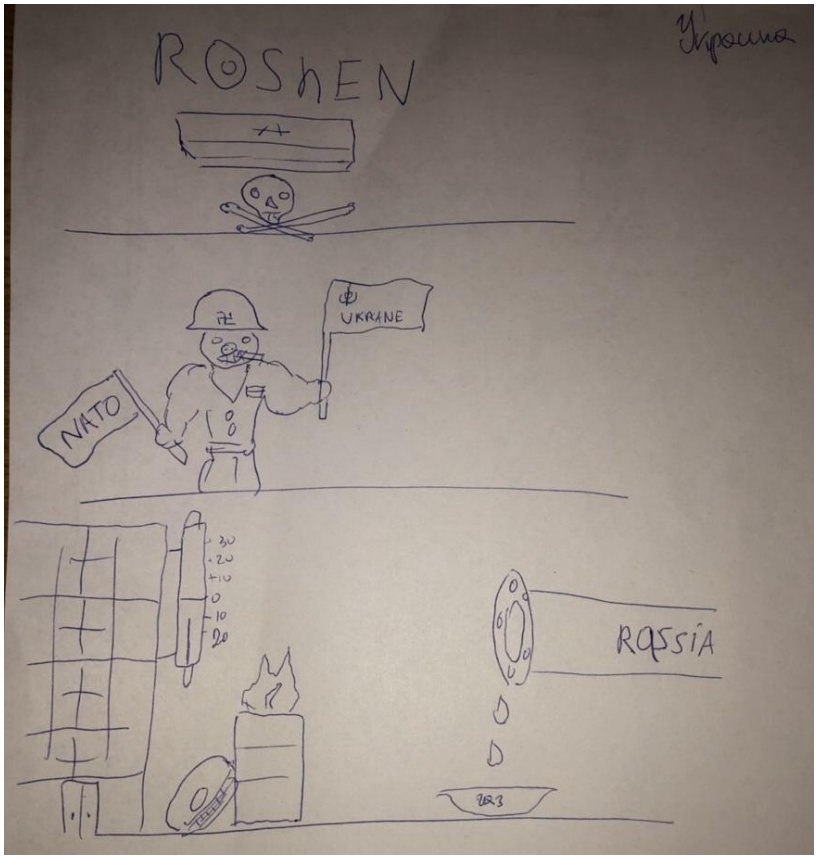

Рисунок 33

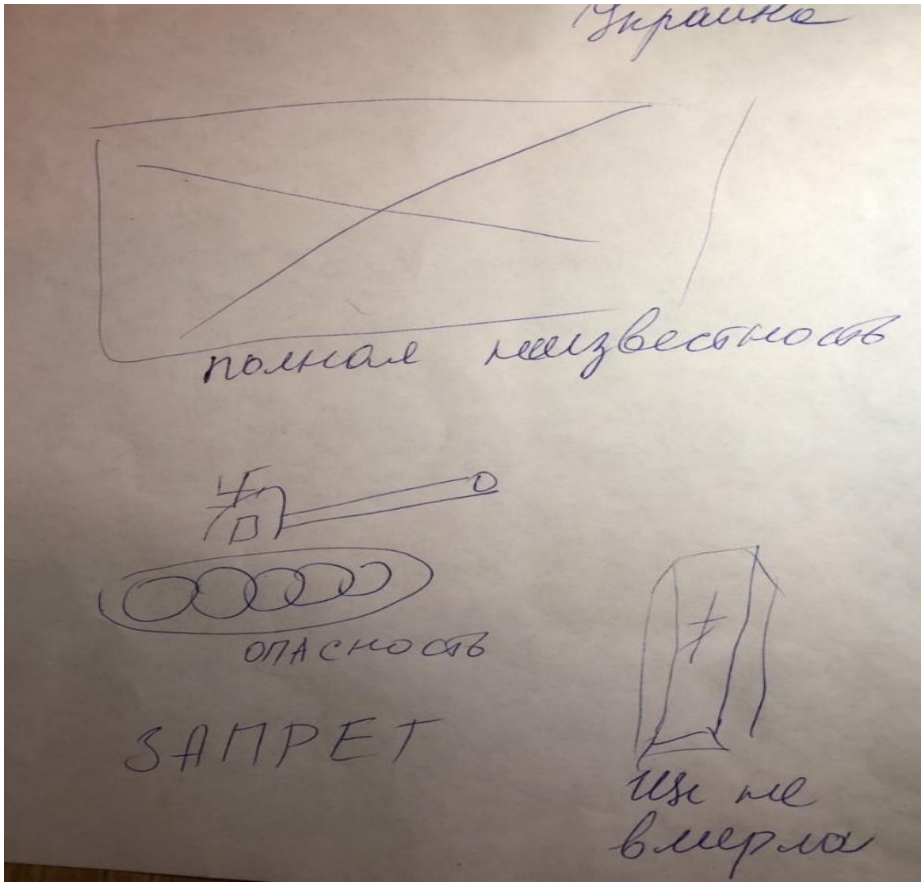
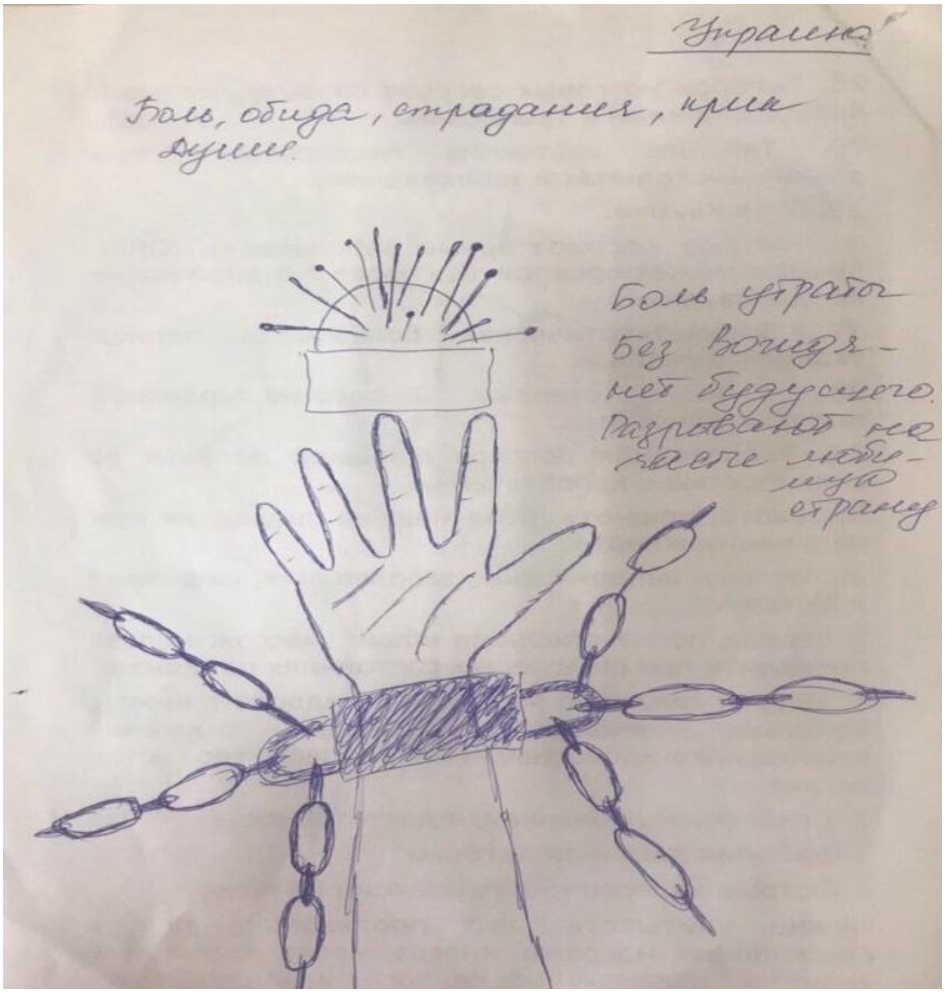

Украина
полная неизвестность
ОПАСНОСТЬ
ЗАПРЕТ
Ия не
вмерла

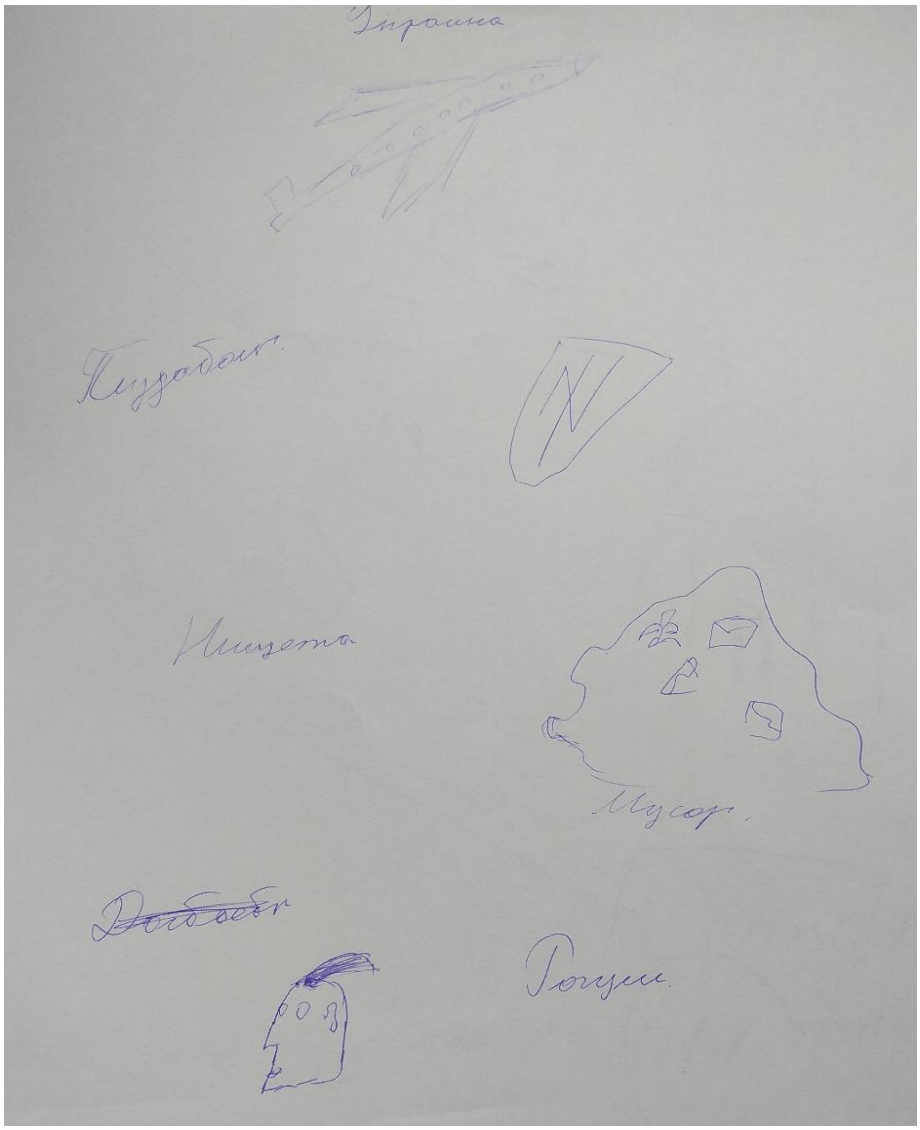
Рисунок 34

Орудия и оружие в руках человечков на рисунках направлены на отображаемую территорию ДНР. На одном из танков нарисована свастика, на другом подпись под флагами: «УПА, Бандера, развитие нацистских движений» (25). Свастику включают рисунок костра с подписью «фашистский угар» (23) и рисунок административного здания с флагом (31). Свастика отображает разницу

между ДНР и Украиной – подпись респондента: «то же самое+свастика» (32). Ещё один рисунок содержит вольфсангель и лицо с выраженным оселедцем (33) (оселедец появляется и на другом откровенно негативном рисунке, отобрадающем лицо как мужские гениталии, подписанном «гордый хохол» (34)). Свастика также нарисована на шлеме одного из персонажей, держащего в руках флаги НАТО и Украины. Но здесь же отмечается успех Украины по безвизовому посещению ЕС, который отображается поднятым шлагбаумом (25-26).

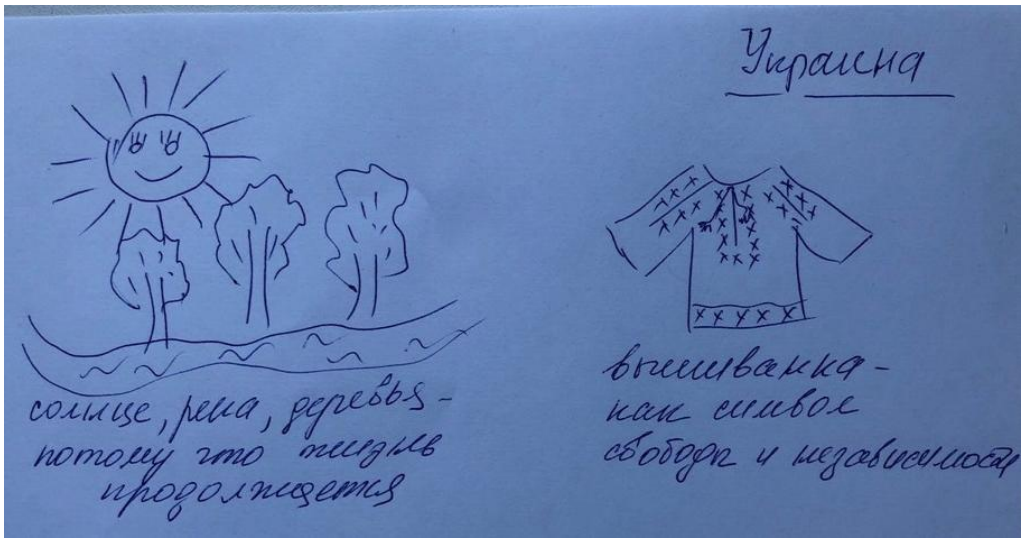
Рисунок 35

Часть рисунков постулирует сугубо позитивные образы: это уважение к украинской культуре (вышиванка с подписью «символ свободы и

независимости»), любовь к природе (деревья и река с подписью «потому что жизнь продолжается»), раскидистое дерево с подписью «цветущий вишнёвый сад», головной венок из цветов, рябина (36а). Пояснения части респондентов в отношении Украины избавлены от милитаризма: «душевность, умиротворение, тихий ритм провинциальной жизни, свой дом», «свобода быть собой», «наивность и пофигизм». Даже явно негативный образ запястья в кандалах сопровождается эмоциональным посылом, в котором видна не ненависть к врагу, а сожаление: «Разрывают на части любимую страну» (28). На похожем рисунке небольшой домик, разорванное сердце (этот образ встречается неоднократно) и газон, из которого не растут цветы (36). На том же рисунке, где есть подписи «государственный переворот» и «переписывание истории», изображён головной венок с подписью «культура». Ещё один рисунок отображает Украину через донецкую идентичность: на части «до 2014 года» Украина – это счастливая семья из 4 человек, завод в Донецке, стадион «Донбасс-арена», на части «после 2014 года» единственное слово «пустота». На другом рисунке Украины нарисована заштрихованная, т.е. недоступная, территория ДНР. На третьем рисунке подпись рядом с развалинами: «война: разрушенный дом». Подобные рисунки вполне очевидно можно трактовать как продолжение тенденции восприятия Украины не как злейшего врага, а как утраченной части собственной идентичности.

Рисунок 36

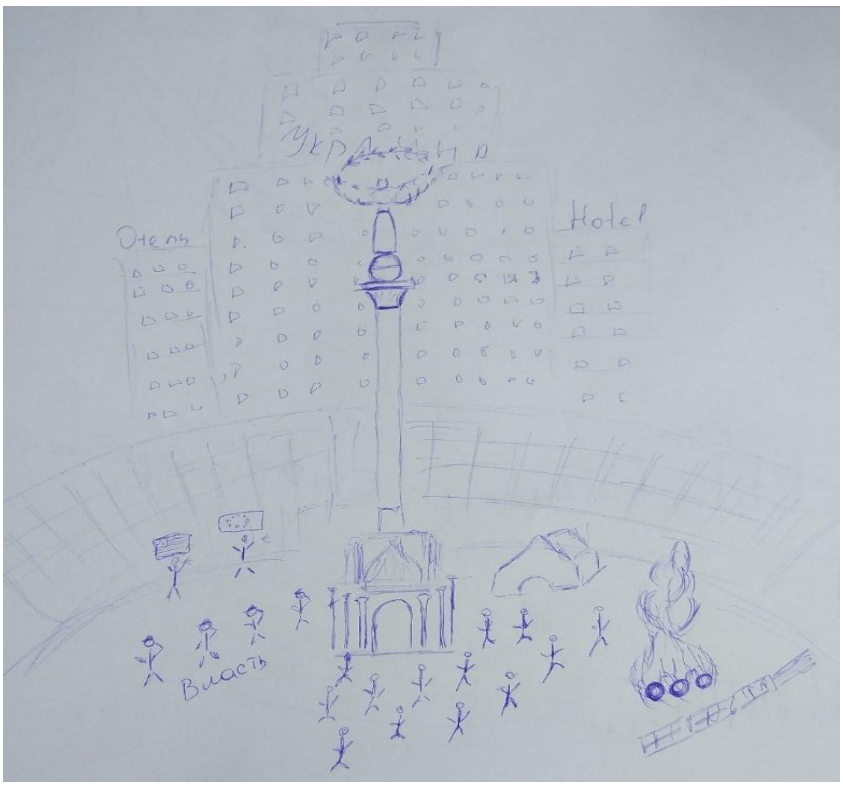
Венок как головной убор и цветы – одни из самых часто встречающих образов Украины. Респонденты делают подписи о культуре и истории Украины («Киевская Русь») сугубо в позитивном, невоинственном ключе. Очевидно это свидетельства позитивного отношения к культуре Украины за рамками её дерусификации, т.е. к собственно её украинскому компоненту, не связанному с тотальным отрицанием русского – сюда же отнесём подписи «Шевченко», «Кобзарь», «Франко», «Пётр Могила», «гопак» (30). Конечно, таковые рисунки мы не относили в категорию «война», но именно они и позволяют судить о неоднозначном образе Украины.

Дерусификация воспринимается однозначно отрицательно. Один из самых выразительных рисунков: учебник русского на замке (19). Другой рисунок содержит подпись под тризубом – частью герба Украины: «желание навязать свои идеи и язык» (37). Третий показывает, как русская «и» зачёркивается, а вместо неё подставляется i. Подпись та же: «острое желание навязать язык» (респонденты разные). Другой респондент объясняет украинскую политику по дерусификации: «Коррупция была, есть и будет всегда. Если б Украина не боролась с русским языком, я б и не был оппонентом».

Интересное наблюдение в отношении категории «политика» в массовом сознании ДНР: по сравнению с китайцами[250] жители непризнанной республики почти не использовали в качестве символа страны карту. По сравнению с Россией они мало использовали национальные символы: флаги и гербы – число рисунков, на которых отображается в разном виде тризуб, не превышает 10. «Политика» в отношении Украины опосредуется во многом через образы Майдана (38): горящие шины, костры внутри бочек, кресты как изображение могил и жертв, подписи «заблудшие братья» (23), мусорные баки, в которых везут людей (отображение частых случаев, когда активисты засовывали в баки неугодных им политиков). «Они превратили главную площадь своей страны в мусор. А у нас здесь порядок», - сравнивает респондент центры Киева и Донецка. «В Донецке обычно чисто, а в Киеве и Львове под мостами мусор», - вторит ему другой.

Рисунок 37

[250] Полевые исследования в КНР, в т.ч. при помощи психографического метода, исследовательский коллектив проводил в тот же год, что и на Донбассе.

Огонь появляется сразу на нескольких рисунках в папке «Украина»: в нём горят «церкви», «люди», сама «страна», российско-украинские отношения, конечно, покрышки. Часто встречаются кандалы, стены, решётки, наручники, колючая проволока, разного рода барьеры как символические ограничители свободы, наконец, люди, отделённые этими барьерами от зрителя (38а). В целом отмечается обнищание населения, рост цен на продукты первой необходимости и коммунальные услуги, увеличение налогового бремени и уровня безработицы, разбитые дороги. Образ украинских властей контрастирует с образом самой страны. Он, безусловно, негативен: от откровенного презрения, когда конкретные политические лидеры ассоциируются со свиньями (23), (27), (77), до ненависти. Подписи «шуты у власти», «никакой управы», «плевать на народ», «пустота», «банкрот» и т.д. (40) сопровождают все рисунки, где в том или ином виде присутствует власть. Украинская элита характеризуется как прозападная: держащая флаг США и мешки с долларами в руках (41). Сразу на нескольких рисунках США тем или иным образом передаёт Украине деньги. Характерная особенность: ни на одном из рисунков не отображается рубль или гривна – любой

образ денег визуализируется через знак доллара (41а). Очевидная коннотация негативного отношения к прозападной ориентации Украины: оскалившаяся собака стоит перед миской с надписью «Европа», отчего у неё текут слюни (42). На рисунке другого респондента снова собака, стоящая на задних лапах и тянущаяся за долларом к руке с надписью США (100). На третьем маленький мишка («ДНР») стоит между большим медведем («Россия») и свиньёй («Украина») (77). На одном из рисунков элиты («ругань», «ложь», «грязь») стоят над народом через разделяющее их слово «выборы», а чувства толпы описываются как «злоба» и «разочарование» (42а). На другом рядом с «шутовской» элитой нарисовано стекло, подёрнутое паутинкой (подпись: «разбитое стекло (надежда)»). На третьем собаки дерутся за кусок «власти», под которым стоит «народ» с протянутой рукой (100). Уже со сложившимися анималистскими ассоциациями респондент поэтично поясняет смысл зависимости украинских властей от американских: «Белоголовый орлан, крылья которого составляют боковые ветви железного креста, впился когтями в исхудавшую свинью, рёбра которой просматриваются на фоне слёз, которые она пускает в плодородную землю Украины».

Рисунок 38

Рисунок 39

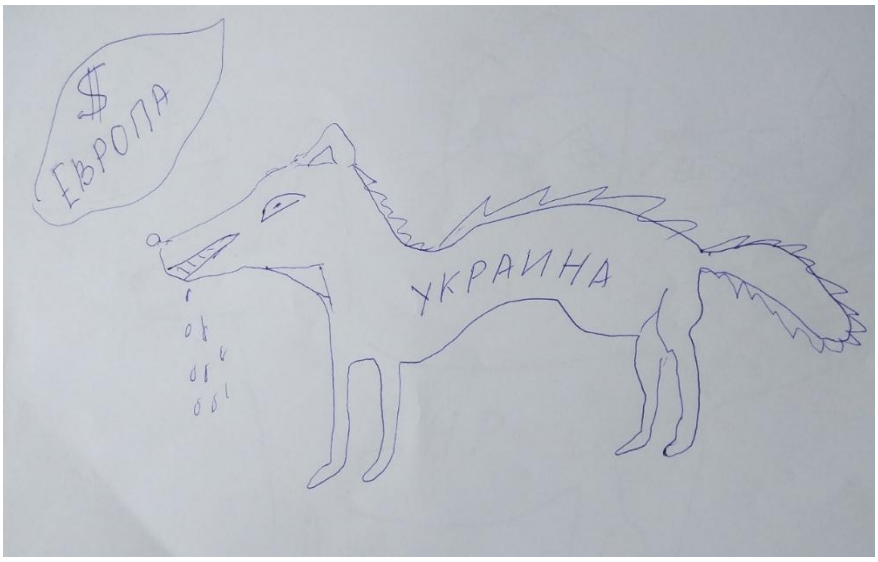

Рисунок 40

Рисунок 41

Региональная разбивка образов невелика: превалируют, конечно, столичные места (площадь Независимости с колонной и гостиницей «Украина» позади), несколько респондентов нарисовали/подписали Одессу, Львов и Карпаты (43). Украинский раскол тоже подмечается респондентами: рисунки распавшихся пазлов, большого каньона, подписи «раскол», «разделение» (44), (45). «Если Украина – это наша страна, почему на нас наложены ограничения на передвижения?» - риторический вопрос одного из респондентов.

Россия во многом предстаёт как оппозиция Украине: и на символическом уровне, и на сущностном. «Сердце» здесь не разорванное, а наоборот, объединяющее: внутри него написано «русские, украинцы, белорусы – братство народов» (46). «Семьи» здесь – счастливые человечки, стоящие возле домиков, взявшись за руки (53). Под ярко светящими на многих рисунках солнцами растут цветы или их рвут дети (подписи: «счастливая жизнь», «семья», «детство», «радость», «спокойствие», «мир», «добро» (50), (51), (55)).

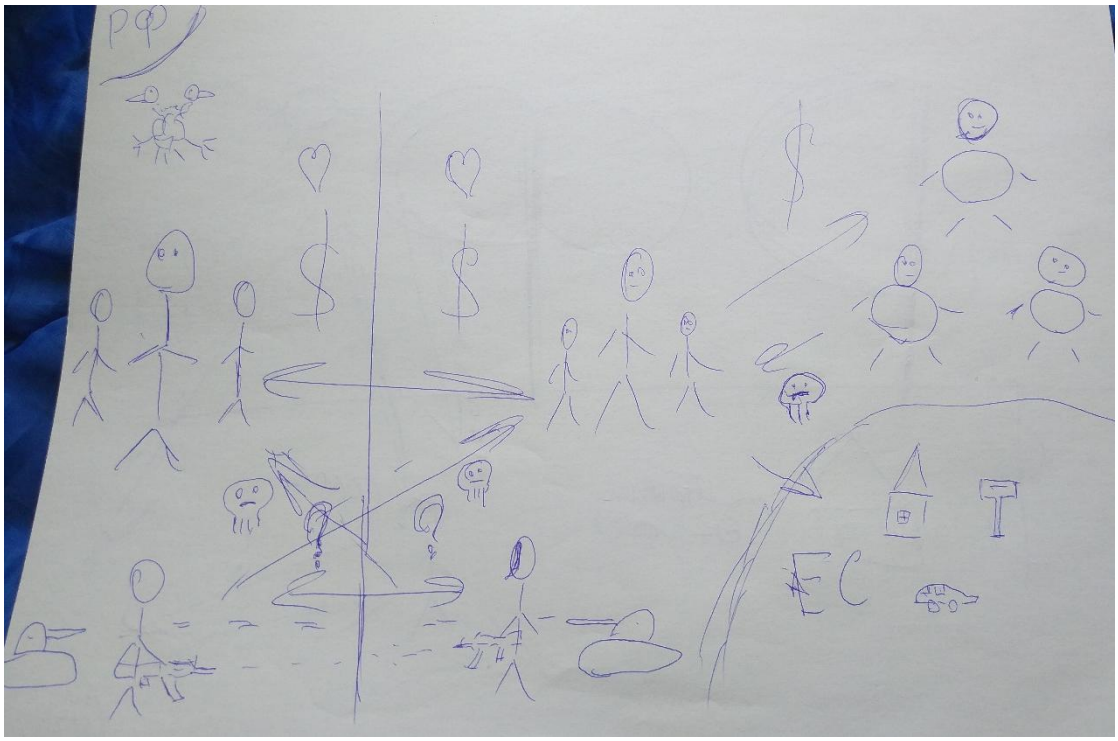
Рисунок 42

В отличие от рисунков украинского раскола Россия предстаёт местом собирания земель (неоднократное «Крым наш» (46); «сила в единстве» (48); «содружество с другими странами»), «дружбы народов» (47), масштабного строительства (оценке которого не чужд сарказм «денег нет, но вы держитесь») (46), восстановления дорог, возведения мостов, творчества, великой истории. У одного из респондентов Россия – сжатый кулак, обращённый к зрителю тыльной стороной, т.е. не направленный ни на кого (48). Его Россия – «мощная, огромная держава… с настоящим руководителем страны». Другой респондент рисует рукопожатие, которое подписывает «братский народ» (49). Третий изображает руку с огромным бицепсом, развёрнутую к зрителю опять же тыльной стороной кулака – в таком виде это демонстрация силы, но не агрессии («стойка» культуриста, но не боксёра) (56). Единственное явно визуализированное

столкновение кулаков – случай России и США, когда «руки» ударяются друг в друга (52) (на другом рисунке США снова предстаёт в виде антагониста России – их «большая рука» управляет Украиной, а к России идёт ДНР). Несмотря на явно негативный образ США в сознании тех респондентов, которые упоминают эту страну, она является важной, в т.ч. для позиционирования России. Неоднократно и в папке «Россия», и в папке «ДНР» встречаются рисунки, на которых Россия визуализируется через столкновение с США, а не сама по себе. Предположим, что США таким образом выполняют важную символическую роль «чужого». Особняком стоит рисунок, на котором Россия изображается через столкновение с равным, вероятно, Украиной. «Автоматы» и «танки» направлены друг на друга, они несут смерть, человечки, которые осуществляют власть, по обе стороны от границы «любят» деньги (снова доллары США). При этом неподписанная респондентом Украина стремится в ЕС, воспринимаемый как пространство, во-первых, достатка, во-вторых, избавленное от войны (52а).

Рисунок 43

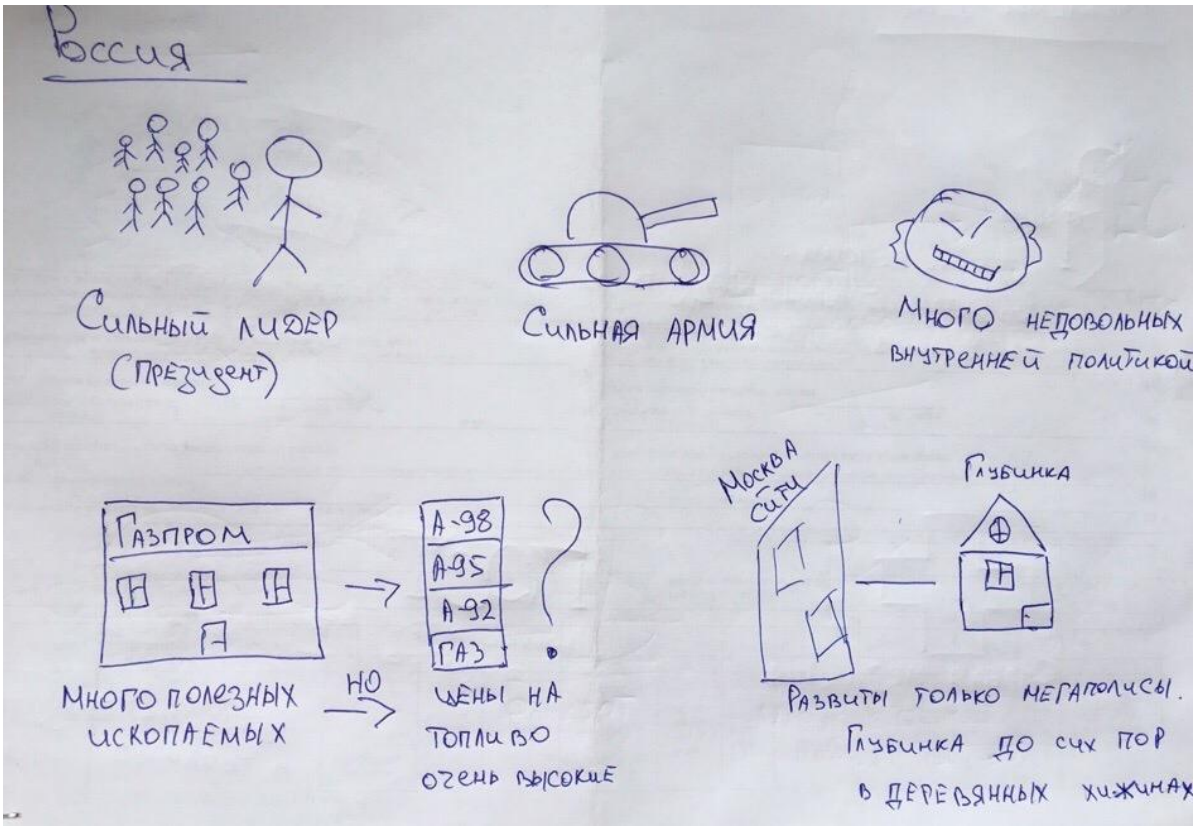

В отличие от Украины, которая «переписывает историю» и «навязывает язык», Россия предстаёт как «хранительница исторических традиций», в которой живёт «народ-победитель» и не гаснет вечный огонь (54). По мнению респондентов, Россия – это «бескрайность», «воля», «развитие», «прогресс», «газ (зависимость)», «процветание», «коррупция», «различие культур», «Северный поток», «вечный лидер», «могущество» и многократно «медведь» (55), (56), (59), (64). Нарисовавший стереотипизированную берёзу респондент подписал свой рисунок очень ёмко: «Россия всегда стремилась к миру, но и к тому, чтобы с ней считались в мире» (57).

Российская региональная специфика выражена упоминаниями (в порядке убывания частоты): Москвы (46), (48), (54), (58), (59), 69, Крыма (46), Санкт-Петербурга (59), (61), Сочи (как олимпийской и туристической столицы) (58), Кавказа (56), (66), Ростова-на-Дону (ближайший к ДНР российский мегаполис) (69), Сибири (58), Волги и «необъятных просторов». Отечественная символика присутствует в неоднократных рисунках флагов и гербов (России и СССР) (47), Кремля (22), (47), (62), (64), (69), матрёшек (69), олимпийских колец, олимпийского мишки-1980 (55), (69), православных символов (49), (54), (69),

гармошек (56), берёз (55), (58). Российская политика описывается неоднозначно (59): с одной стороны, респонденты неоднократно пишут «сильный лидер» (60) (он изображается как чуть бОльшая фигурка рядом с фигурками поменьше), с другой, тут же подпись рядом с негативным смайлом «много недовольных внутренней политикой» и описание имущественного расслоения в стиле «развиты только мегаполисы, на фоне Москвы-сити народ в глубинке живёт в хижинах» (60). Здесь же претензия к Газпрому (у которого «много полезных ископаемых»), выраженная в знаке вопроса у рисунка бензоколонки с большими ценниками (60).

Рисунок 44

Другой респондент подписывает рисунок, на котором стрелки с территории России направлены к столице: «Москва и Питер – два великолепных города, в которых концентрат всего лучшего, что есть в стране. На остальной территории – тоска, холод, алкоголизм» (61). Ещё несколько рисунков различных респондентов показывают социально-экономическое расслоение российских регионов как стрелки, с территории всей России направленные в сторону Москвы. Ещё более

негативный рисунок: два лица (улыбающееся и грустное) с подписью «маска лжи» (21). Подпись под двуглавым орлом на другом рисунке: «башни Кремля – левая рука не ведает, что делает правая». Очередной рисунок демонстрирует, как «Спасская башня» московского Кремля держит в руках территорию России и ест её (62).

Рисунок 45

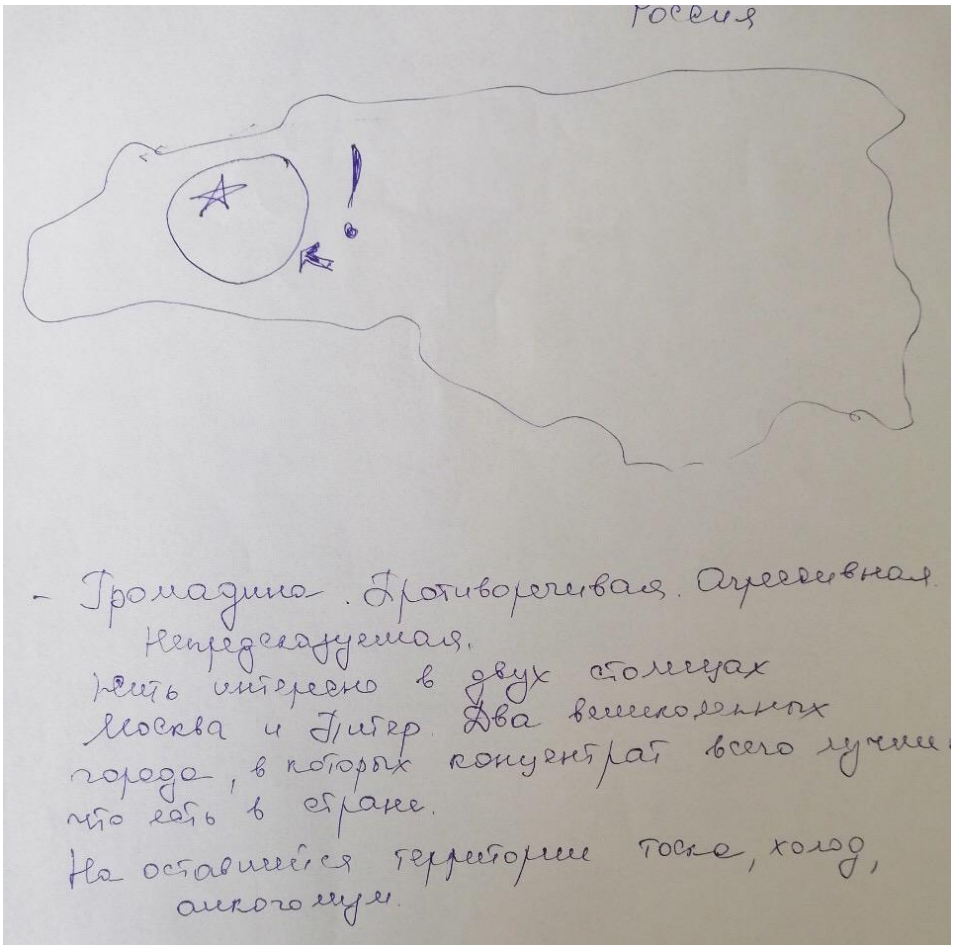
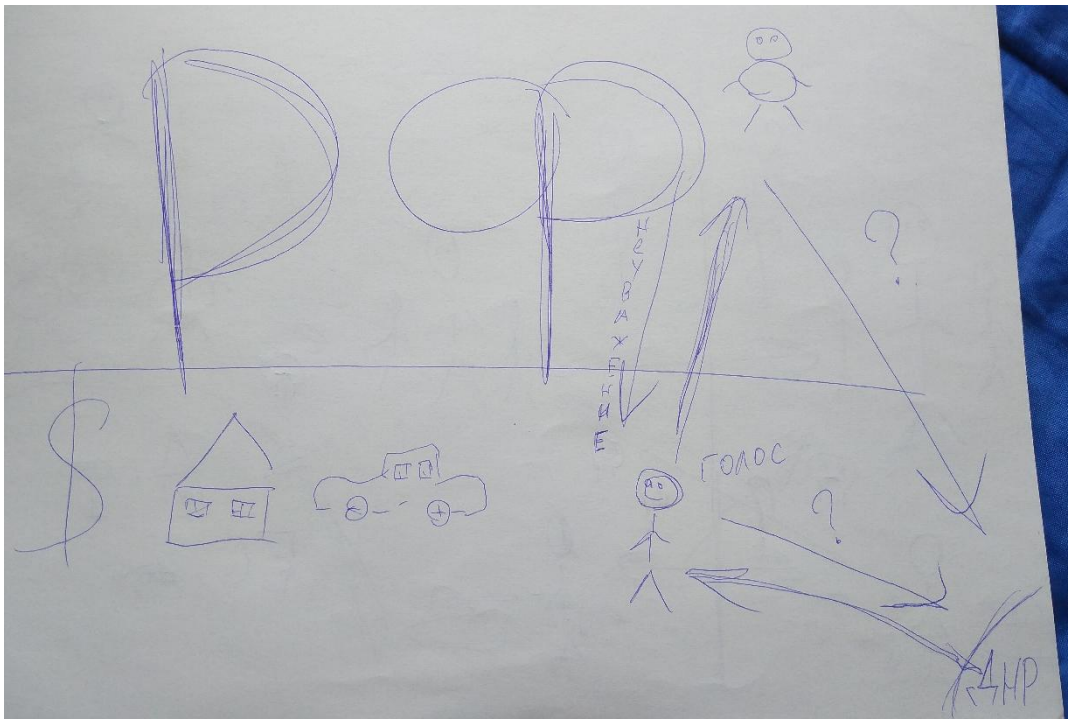

Рисунок 46

Если российское общество потребления представляется успешным (на рисунке, как и в случае Украины, символ доллара, дом, автомобиль), то обратная связь властей (человек сверху) и народа (человек снизу) подписана словом «неуважение» (63). Оппоненты российской власти из ДНР так воспринимают социально-экономическое расслоение: «Власть доедает Россию, как арбуз. Россия разделилась на сословное общество»; «Одинокая башня стоит посреди... Зубцы, за которыми люди в безопасности, но лишены свободы. Ни лучников, ни окон, ни дверей, них... Она стоит, и в неё все верят, но никто не знает, что за ней».

Рисунок 47

В противовес рисункам, отображающим значительные социально-экономические диспропорции, другие респонденты характеризуют Россию, как место «карьерного роста» (вертикальные стрелки вдоль лестницы), пространство создания «рабочих мест», «возможностей учиться для детей» и получать «дипломы международного образца» (65). «Развитие» и «прогресс» отображаются через скоростной поезд (49), что повторяет образы массового сознания китайцев: наши исследования в ноябре-декабре 2019 года в КНР позволили выявить неоднократное тиражирование скоростных поездов как символов будущего и прогресса в настоящем.

Из российских персоналий, кроме многократно упоминаемого президента Путина (20а), (66), респонденты вспоминали поэта Пушкина (54) и революционера Ленина (47) (в качестве портрета с бакенбардами и надписи на мавзолее, соответственно). Российская армия для жителей ДНР – не агрессор, а защитник. Российские танки едут по Красной площади, на другом рисунке они

подписаны «сильная армия». «Тополь-М» лишь демонстрирует ракету, не запуская её. Характерный рисунок карты мира, на котором Россия «под солнцем» держит щит, направленный на запад – в сторону подписанной «Европы» (67). Отметим и рисунок, на котором Россия и ЕС тянут друг к другу руки (68).

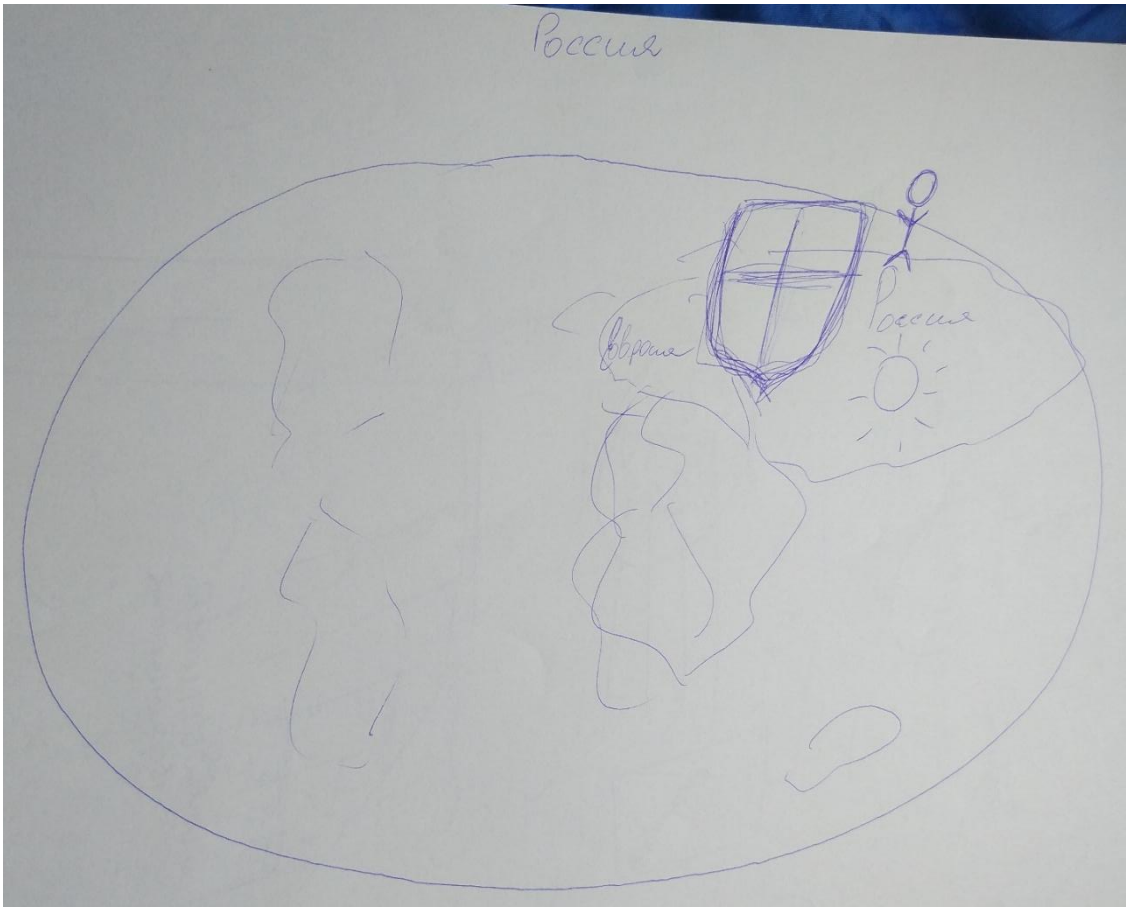

Рисунок 48

На немногих рисунках Россия отображается через барьеры и стены (как правило, с кремлёвскими зубцами[251]) (22), (47), (49), (62), (64). На одном из таких отгораживается от Л/ДНР линией границы (граница прочерчена и между непризнанными республиками): на российской стороне границы стоят танки,

[251] Подчеркнём здесь, что символы стен, барьеров, крепостей, кремлей традиционны для российского массового сознания, что показывают наши исследования 2009 года в Туле. ЛИНК НА ТЕКСТ НА САЙТЕ ВЫШКИ

обращённые дулами на запад, сама большая «Россия» держит за руки маленьких «ЛНР» и «ДНР» (22).

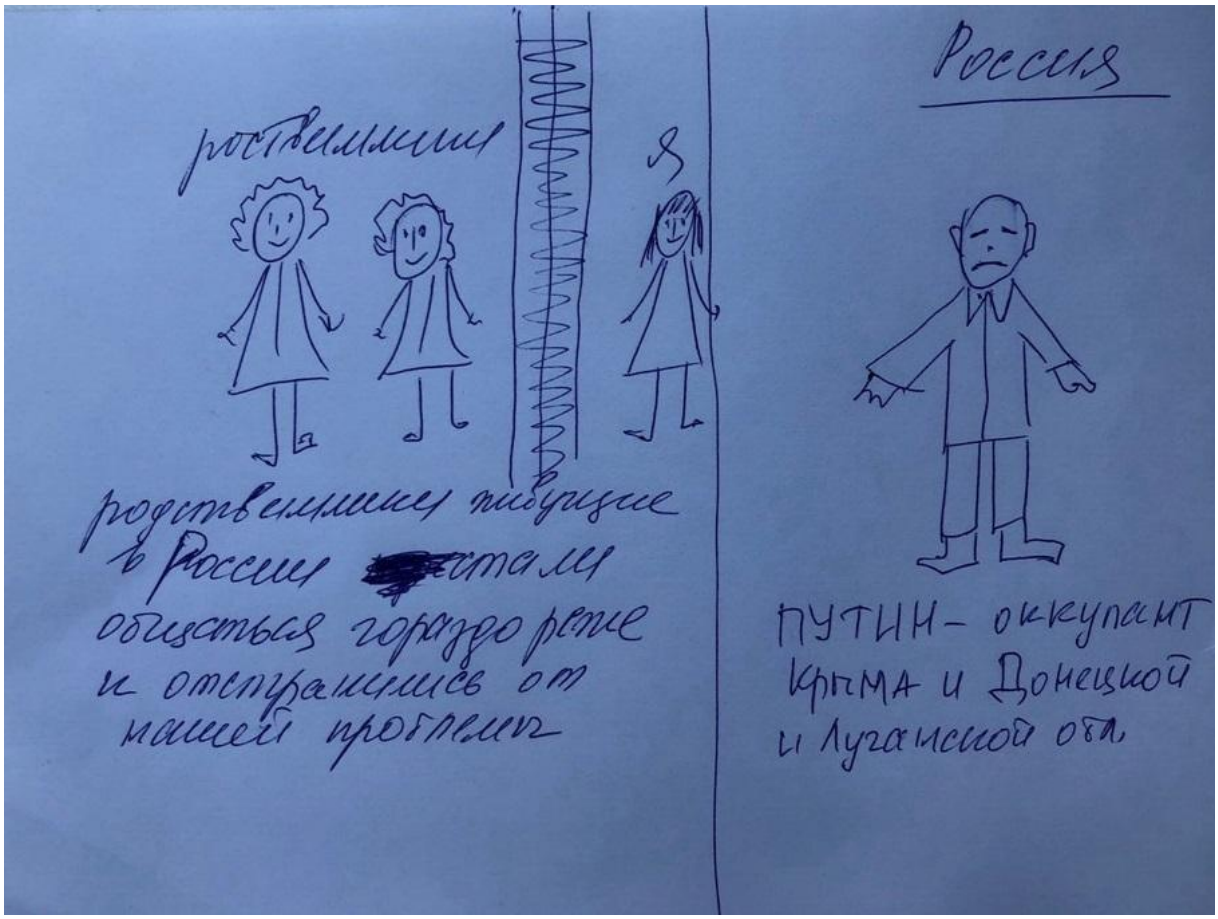
Рисунок 49

Только два рисунка однозначно негативно оценивают внешнеполитическую активность России: первый демонстрирует страну, ощетинившуюся стволами во

всех направлениях (дабы не возникало сомнений, автор подписывает: «пушки»; «кругом враги») (70). Автор второго рисунка единственный из всех респондентов возлагает на Россию вину за конфликт на юго-востоке Украины, чётко очерчивая линию, которая пролегла между ним и его российскими родственниками, «которые отстранились от нашей проблемы», и прямо говорит, что «президент России» ответственен за «оккупацию Крыма и Л/ДНР» (20а). Альернативный взгляд (72б): «Территория Донбасса оккупирована украинской властью».

Рисунок 50

Образы войны по отношению к ДНР, как и в случае с Украиной сугубо отрицательные – нет гордости или уважительного восприятия армии как защитника (как в случае с Россией). Подпись под рисунком одного из танков: «Опасность» (71). Другие танки при поддержке пехоты «стреляют», и получаются объёмные взрывы и воронки (71), (72), (75). Сразу на нескольких рисунках образы войны (автоматы (84а), (84г), бомбы, взрывы, воронки (92а), гаубицы (72а), осколки, гранаты, мины (71а), РСЗО, трупы (72), (72б)) отображаются как причина безработицы, разрухи и ухудшения уровня социально-экономического развития (74). Человечки, вооружённые пистолетами, убивают друг друга. «Автоматы диктуют свои условия» (84). На другом рисунке один человечек скорбит над трупом: «Погибают мирные жители» (20). На третьем ракета попадает прямо в человека (74а). На четвёртом танк врезается в дом. «Война имеет больший вес, чем мир», - подписывает респондент рисунок весов (76). На шестом рисунке лаконично перечёркнут дом (подпись «разруха») (71). Седьмой рисунок изображает Донецкий аэропорт до и после войны на контрасте (77). Другой респондент пишет: «Жизнь не стоит и гроша. Убить могут где угодно и кого угодно». У очередного респондента образ весов символизирует нестабильное будущее, но тут же он уточняет формулу желаемого государственного устройства («ДНР+Россия=союз навеки») (77а), ругает войну и комендантский час, который является одной из основных проблем, по мнению респондентов.

Рисунок 51

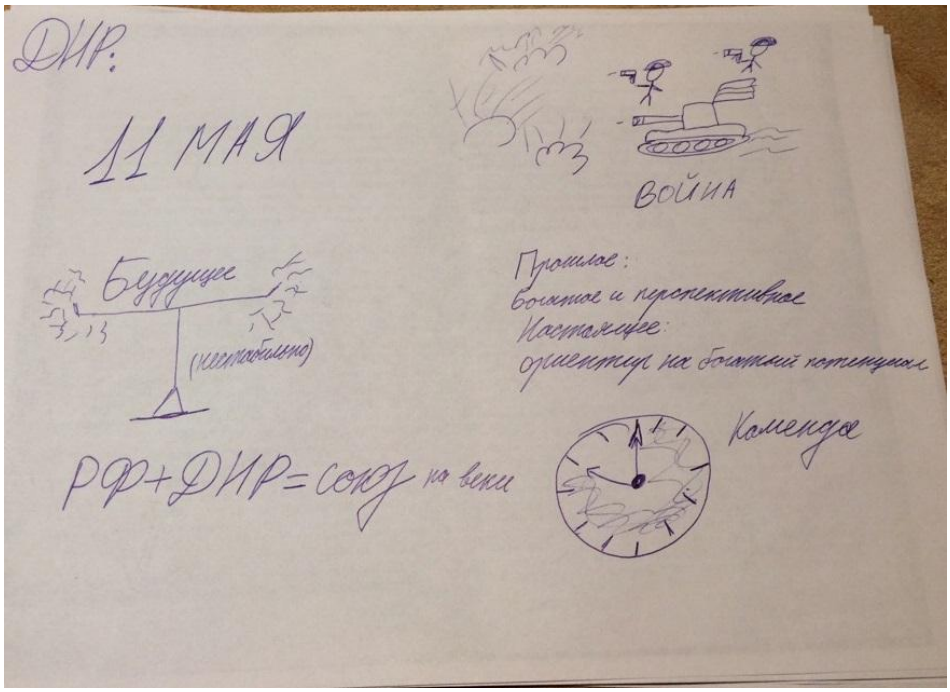

ДНР:
11 МАЯ
ВОЙНА
Будущее
(неизвестно)
Прошлое:
богатое и перспективное
Настоящее:
оружие на богатый потенциал
РФ+ДНР=союз на веки
Команда

Рисунок 52

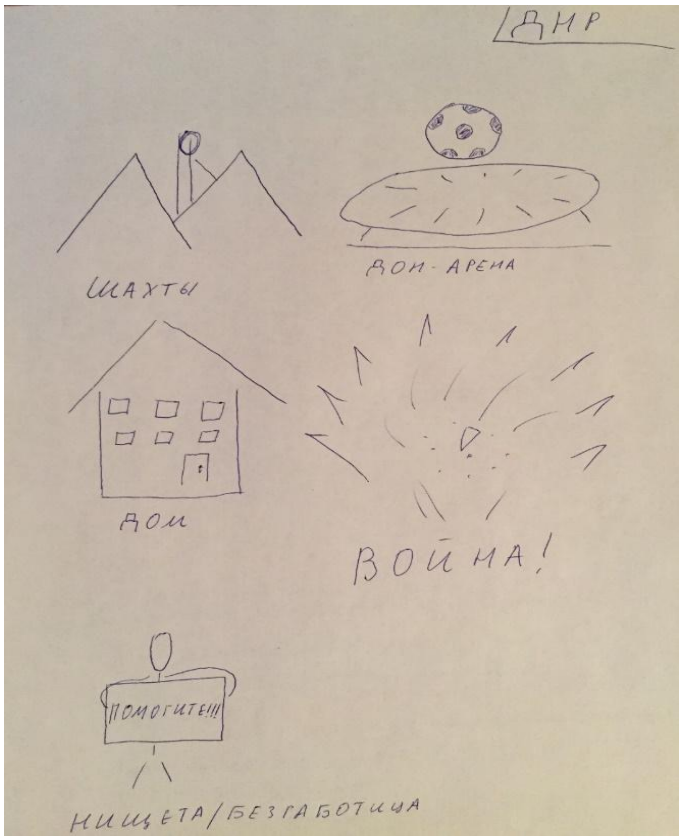
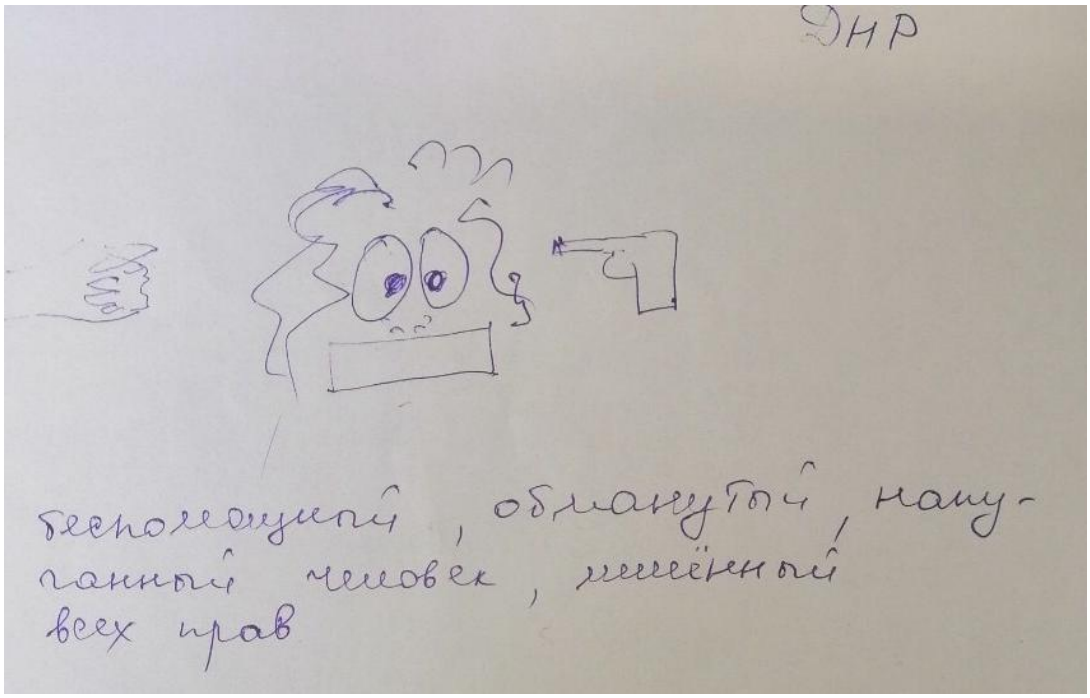

Рисунок 53

Восприятие войны негативно не только применительно к агрессору, но и само по себе. Те рисунки, которые не содержат адресного и субъективизированного образа нападающего, выражают усталость от войны. На одном из них рожица с приставленным к виску пистолетом: «Беспомощный, обманутый, напуганный человек, лишённый всех прав» (78), на другом танк подписан «разрушенные дома, разрушенные семьи».

Рисунок 54

Обстановка в республике описывается как «борьба разных сил внутри и снаружи» - на рисунке человечки, скрестившие шпаги. Респонденты – безусловная часть «глубинного народа», который точно подмечает нюансы общественной жизни: на одном рисунке парадоксально соседствуют флаг, герб и человек в форме с подписями «новые веяния», «сила, могущество» и «войска» и гроб и дом с подписями «смерть» и «разрушения» (79); другой автор описывает ДНР словами «герои» и «нищета внутри». Очередной респондент весьма пессимистичен: структура управления ДНР подробно описывается внутри овала, за пределами которого лаконичная подпись «цивилизация».

Заметим, что, несмотря на негативное отношение к властям непризнанной республики и самой её государственности со стороны авторов, образ ДНР самодостаточен и в редких случаях определяется через оппозицию (или любой другой вид отсылки) к Украине, как например, в случае определения России при помощи противостояния с США. Но при этом идентичность ДНР, судя по рисункам, постоянно воспроизводится через образ России, который нельзя оценить как полностью беспроблемный. Единственный раз, когда ДНР воспроизводится через образы Украины, но весьма опосредовано: автомобили в очереди стоят перед блокпостом у двух указателей «мины» и «пенсия» (71а).

Несмотря на позитивное отношение к России абсолютного большинства респондентов, они видят проблемы в наличии границ (81). В рисунках ДНР, как и в случае с Украиной, отображаются всевозможные барьеры, шлагбаумы, блокпосты, колючие проволоки, наручники, решётки, в т.ч. между Россией и ДНР (74а), (80), (80а), (81), (82). Глубокий по смыслу рисунок изображает путь, связывающий ДНР и Россию, на котором стоит шлагбаум. Надписи: «Таможня. Тяжёлая дорога домой» (71). На другом рисунке территория между Россией и Украиной изображена как разделительный забор с колючей проволокой. Третий рисунок изображает вереницу человечков, стоящих в очереди к российской границе – их фразы: «Мы устали… возьмите нас домой… вот бы нам туда…» (82). На четвёртом объединившиеся Л/ДНР тянут руку к России, которая остаётся отгороженной территорией. На пятом, посвящённом именно ДНР, изображён забор, триколор и надпись «граница РФ» (80). Из пояснений респондентов к рисункам: «Россия обещала забрать к себе. А теперь стена»; «Мы – блок-пост русского мира. Я – русский. России выгодно такое состояние республик. Украина – это проамериканское государство, ДНР защищает российско-украинскую границу от НАТО»; «Россия бросила людей. А Крым забрали. Уже всё равно на войну. Можно жить даже хуже, чем раньше, но это всё равно будет лучше».

Рисунок 55

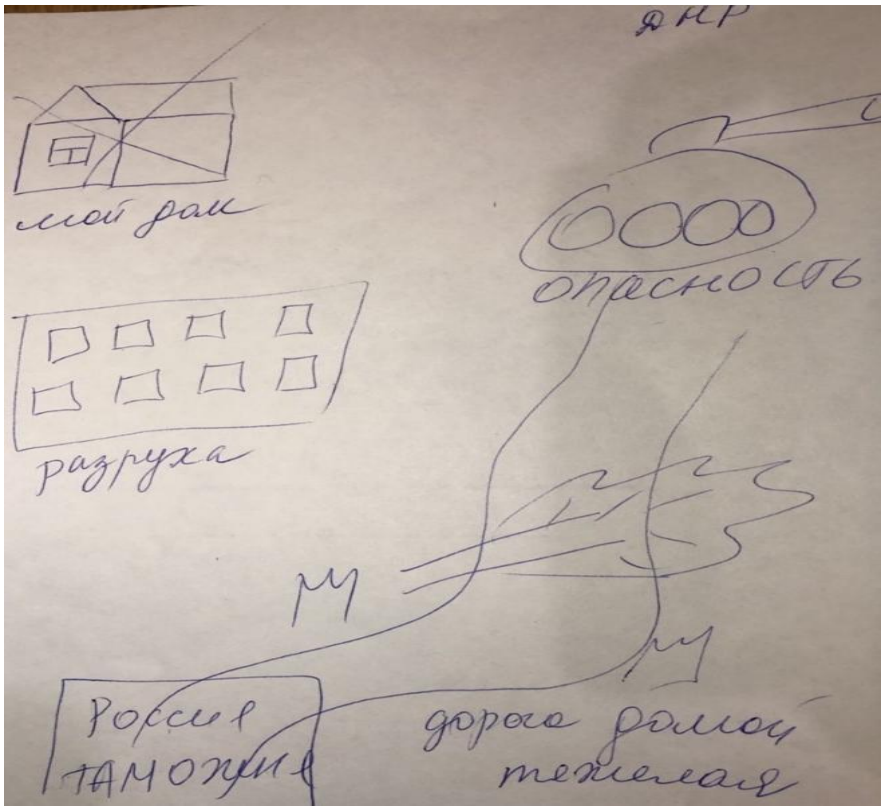
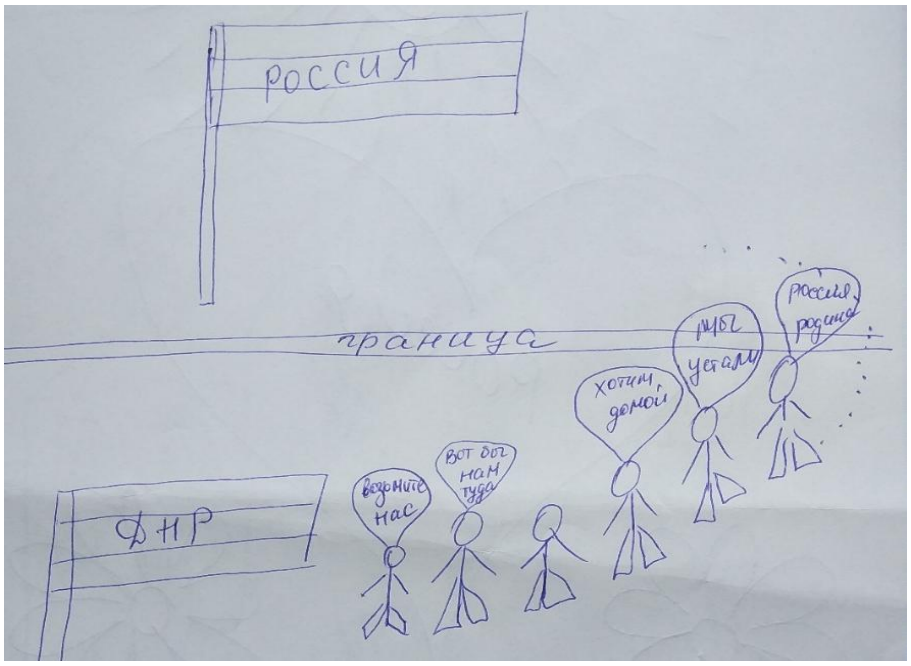

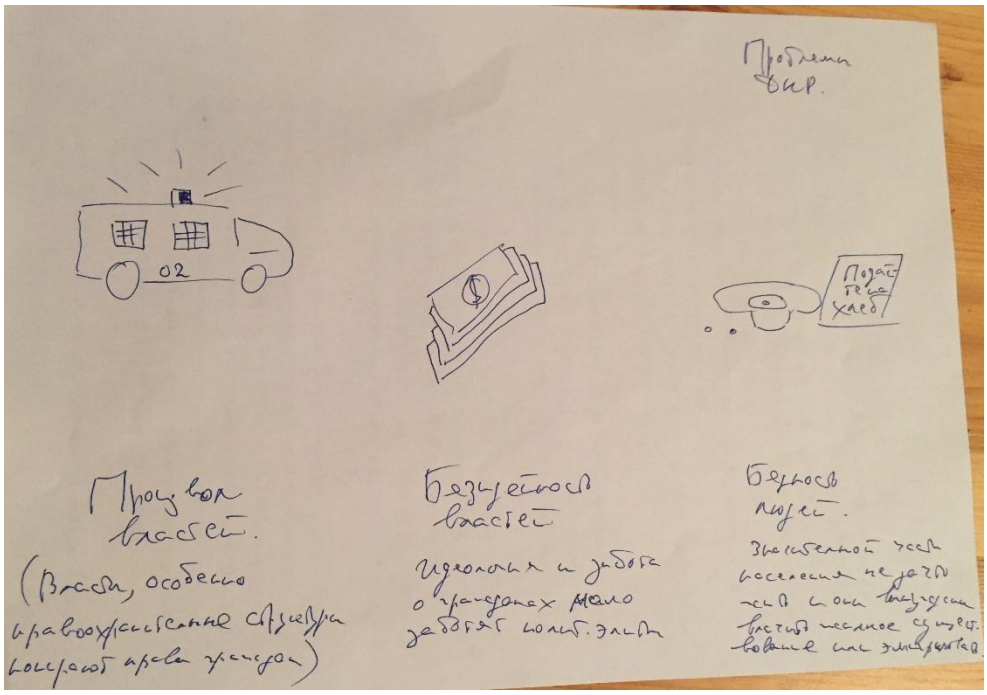
Рисунок 56

Образ будущего у респондентов чётко не описан. Но отметим наверняка, что он устойчив именно в их понимании его нечёткости: «туман», «непонятное будущее», «нестабильное будущее», «что будет завтра?!» (80а), «серая зона», «роза в пустоте – отсутствие перспектив и надежды» (84б) и т.п. Настоящее

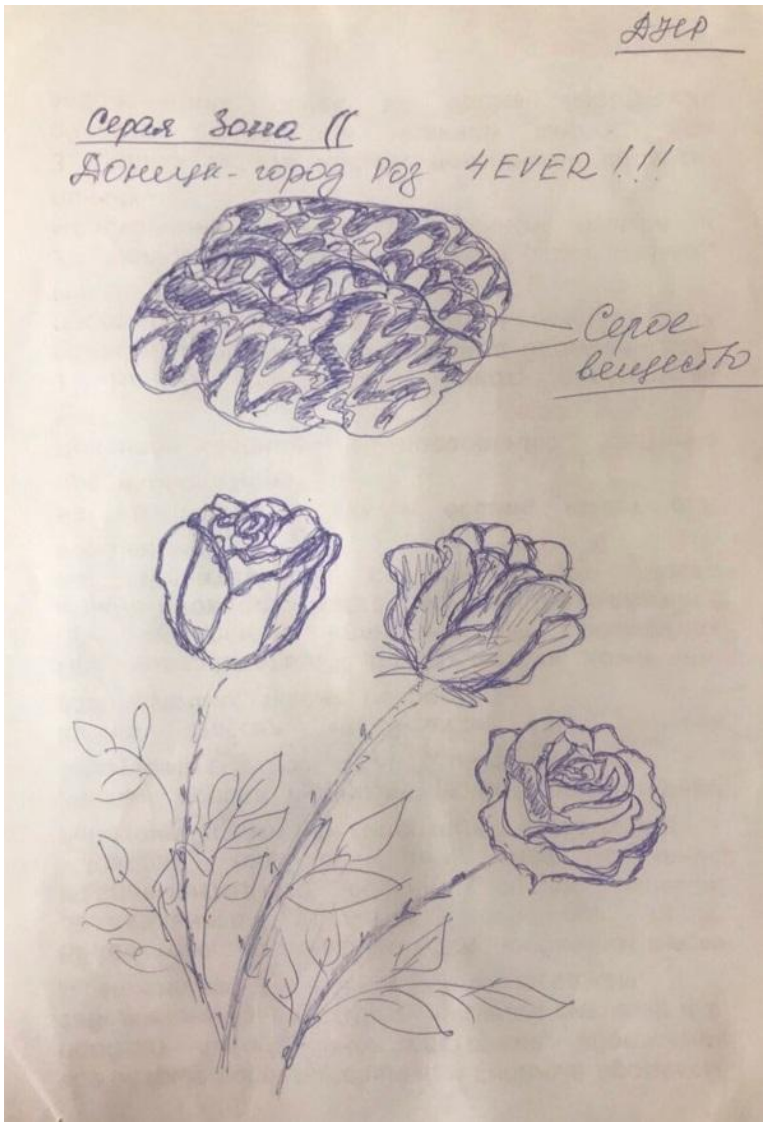
характеризуется, прежде всего, через низкий уровень экономики. Как и в случае с Украиной и Россией, деньги, обозначаемые исключительно знаком доллара, «водятся» у власти, находящейся в символической оппозиции народу. «Цены на продукты и топливо высокие», «нет работы из-за войны». «Низкие пенсии» вынуждают пожилого человечка с долларом в руке «ездить на Украину» (80б). Развилка перед машиной содержит указатели «Украина» и «Россия» (подпись «отток населения из-за низких зарплат и безработицы») (20). Человечек с котомкой за спиной уходит из дома, над которым написано «нет перспектив», у другого респондента схожий образ, только человек стоит с чемоданом, прощаясь с домом, в который летит ракета (83). На разных рисунках несчастные человечки думают о работе или держат плакат «помогите!» (подпись «нищета») (74). Рисунок в виде таблицы, изображающей смену лет, но сохранение одной и той же цифры зарплаты («5 000») (84). Другой респондент рисует несчастливую семью, ребёнок в которой спрашивает зрителя: «Как прожить на пять тысяч?» (84в) Подпись под перевёрнутой шляпой «подайте на хлеб» (89). На других рисунках одна и та же мысль выражается по-разному: «нет работы», «безработица», «нет зарплаты», «зажатость в клетке», «ничего не происходит» (84б), «нежилые дома, потому что люди уезжают» (84а) и т.д. Наконец, рисунок, требущий минимальной интерпретации: тонущий от столкновения с айсбергом «Титаник». Из пояснения другого респондента: «Все те, кто топит за ДНР, не видят в ней будущее. Они хотят уехать. В Россию, в Украину, в Европу – неважно куда, хоть заробитчанами быть. Мне приходится видеть будущее здесь». Едва ли не единственный рисунок с позитивным восприятием будущего изображает три ступени лестницы. На нижней – «Украина», на средней – «ДНР», на высшей – «русский мир» (85).

Рисунок 57

Отношение к властям ДНР сугубо негативно. У респондентов нет презрения, как в случае с Украиной (например, ни один рисунок не включает образ свиньи), но нет и уважения. Но сама республика многими респондентами характеризуется жёстко: «Помои. Театр обмана. Грязь и нищета» (86); «дураки у власти»; «некомпетентное управление»; «отсутствие лидера»; «отсутствие развития» (95); «тотальный контроль» (95); перечёркнутые слова «свободы» и «выбор» (97). На другом рисунке рядом с мозгом (подпись «серое вещество»+«Донецк навсегда»), изображающим интеллектуальный потенциал Донбасса, и розами, написано «серая зона» (87). Очередной автор рисует воронку («чёрная дыра, попа») и бутылку со стрелкой внизу («дно») (88). «На дне» - подпись подробного рисунка жизни у другого респондента (88а). «Война-зарплата-граница», - описывается жизненный путь гражданина ДНР (88б). Едва ли не единственный позитивный образ ДНР передаётся через ответ «да» на референдуме по созданию непризнанной республики 11 мая 2014 года: «Символ свободомыслия и самостоятельного мышления…» (88в).

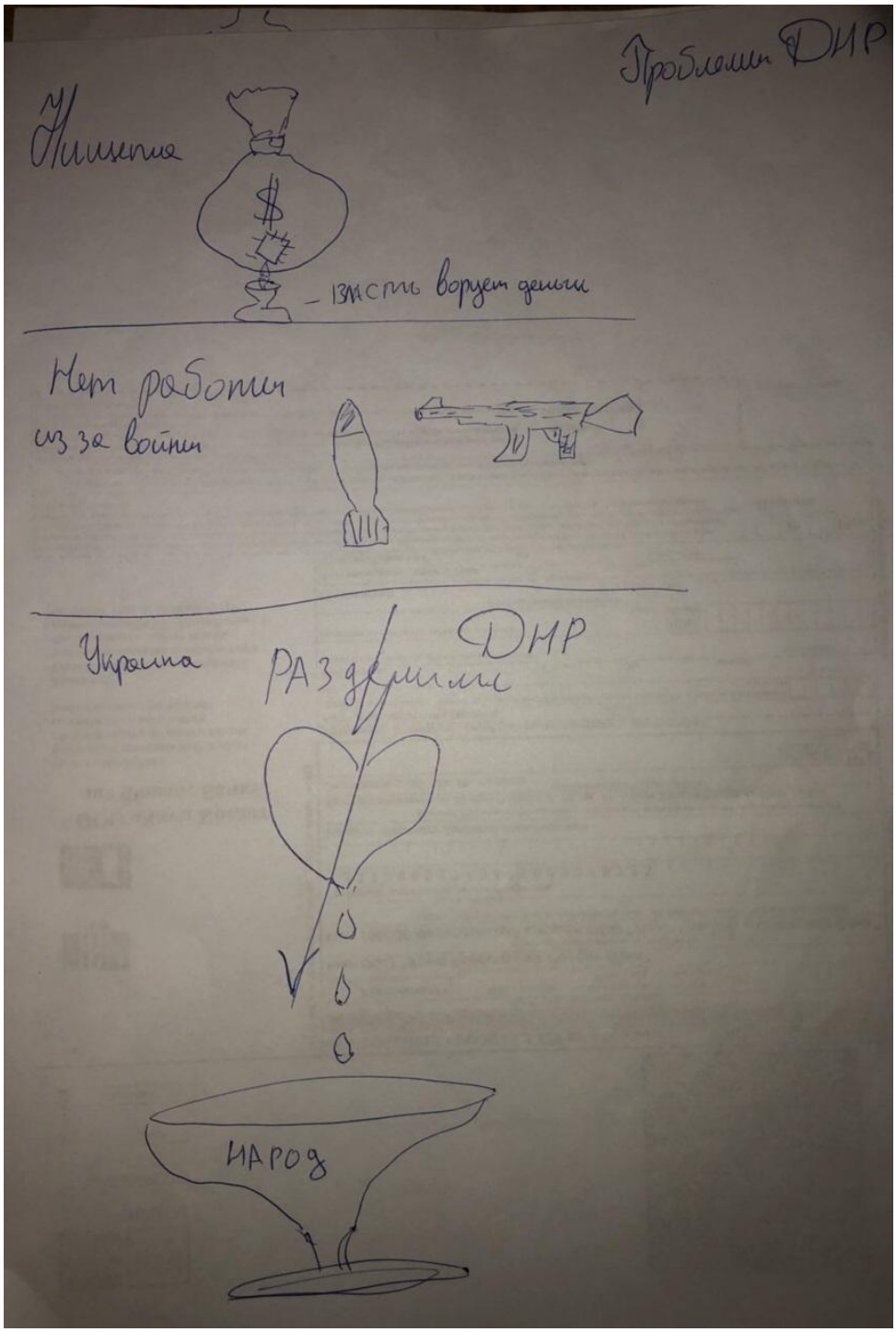
Рисунок 58

Несколько раз на рисунках разных респондентов появляются слова «изоляция» и «опасность» (71), (89а), (90), (92). Рисунок полицейской машины с мигалкой и решётками подписан: «произвол властей… особенно правоохранительные органы нарушают права граждан» (89). ДНР ассоциируется с «политическими репрессиями» (89а) («я не чувствую себя здесь в безопасности. Я не чувствую себя свободным, когда выхожу на улицу», - объясняет респондент), «депрессией, унынием, безысходностью, унижением, беззаконием, ущемлением прав украинцев»; «нет нормальной коммуникации с миром, нищета и плесень, жизнь по законам банд»; «разграбление предприятий, некомпетентность людей «у руля», безнаказанность и вседозволенность руководства»; «мало рабочих мест, наркотики, бедствующие пенсионеры»; «территория, оккупированная украинской властью» (72б). Про власть прямо пишут: «Ворует деньги» (на рисунке сквозь

прореху в мешке со знаком доллара «утечка» в другой мешок) (91). Ещё один рисунок изображает тот же мешок с долларом, который человечек тянет за собой (подпись «воры») (90). На другом рисунке толстый человек держит в руке знак доллара (подпись «неконтролируемый финансовый поток; коррупция»). Новый рисунок подписан: «коррупционная система прохода блокпостов». Другой респондент: «охамевшее быдло на блокпостах требует взятки за место в очереди». Ещё на одном рисунке пачка долларов подписана: «безыдейность властей… идеология и забота о гражданах мало заботят политические элиты». На рисунке другого респондента подпись под пачкой долларов: «кумовство, либо всё решается через деньги» (95). Ещё один респондент описывает ту же проблему несколькими образами: братающиеся человечки подписаны «во власть приходят свои люди» (91a). Другой человечек описывается: «на должности назначаются молодые люди по блату, без опыта работы» (91a). Рисунок, представляющий собой отличную карикатуру уровня ведущего общественно-политического журнала, изображает огромный рот, поглощающий воронку, утягивающую российские деньги (подпись: «коррупция, нецелевые траты, воровство») (20).

Рисунок 59

Вероятно, три самые популярные образа в массовом сознании, связанные с ДНР, не имеют геополитической привязки, - только региональную. Это шахты (терриконы) (72), (74), (75), (83), (92), (92а), розы («Донецк – город роз» часто подписывают респонденты) (75), (93) и солнце. Чуть реже рисуется сердце, причём как цельное, так и разбитое войной (в этом смысле восприятие ДНР схоже с восприятием Украины) (89а), (91), (94), и стадион «Донбасс-арена» или

футбольный мяч, отображающие сильную региональную привязку Донецка к футболу и клубу «Шахтёр» (74), (93).

Психографический метод, несмотря на принадлежность к качественным и отсутствие при его использовании квотной репрезентативной выборки, безусловно позволяет «схватить» конкретные феномены массового сознания. К тому же описать их в образах так, как невозможно сделать на дискурсивном уровне, как минимум, по этическим причинам (иногда респонденты внутри военных/конфликтных территорий, опасаясь за свою безопасность, попросту отказываются говорить с социологами). Психографический метод – мы можем свидетельствовать об этом и по российским, и по китайским, и по украинским исследованиям – позволяет людям изобразить то, что они не могут/не хотят говорить.

Две из четырёх гипотез (Н1 и Н3) были опровергнуты на стадии количественного анализа образов после «атомизации». Украина как государство не воспринимается однозначно негативно. Напротив, наравне с ДНР она отождествляется с негативными образами и разделяет ответственность за войну. Причём даже часть респондентов, возлагающих ответственность за войну на Украину, сожалеют о последовавшем разрыве со страной.

ДНР не характеризовалась по большей части личными образами, оказавшись самым обезличенным объектом, и большинством респондентов не воспринималась как место, которое требует защиты. Лидером по личным и коллективным образам оказалась Россия, а Украина находится ровно посередине – между нею и ДНР. При этом в отношении ДНР постоянно отображаются два специфичных образа именно с региональной привязкой: розы и терриконы (или шахты), что подтверждает гипотезу о сильной региональной идентичности дончан. Самый высокий уровень региональной спецификации у респондентов наблюдается в отношении России: они упоминают множество городов, общественно значимых событий и географических объектов. Как гипотезу для новых исследований можем предложить тезис: отсутствие аналогичных

углублений в украинскую культуру, социум, историю и географию говорит не о «проигрыше» Украиной России в сравнении, а о культурной принадлежности дончан к российскому, а не украинскому пространству.

Категории Штомпки, дополненные нами, тоже выстроились в определённую иерархию после занесения образов в ячейки. Больше всего образов относительно всех трёх территорий попало в категорию «политика-обезличенность». Здесь встречаются многочисленные образы флагов, географических карт, зданий органов власти (Кремль, Белый дом), колонна на площади Независимости в Киеве, памятники Ленину в Донецке и Горловке. «Спорт» для всех трёх территорий (Россия – 20, ДНР – 17, Украина – 4), «природные катастрофы» для Украины (28), «потребление» (Россия – 96, ДНР – 36, Украина – 52), «религия» (Россия – 8, ДНР – 4, Украина – 8) и «смерть» (так же) могут дать интересные данные после интерпретации, но для этого необходимы дополнительные исследования.

Наиболее интересен анализ действительно важных категорий: «дом», «работа», «война». В отношении категории «дом» мы можем сделать устойчивый вывод: ДНР (54) и Россия (44) вполне очевидно отождествляются с домом, а Украина (11) в наименьшей степени, но не является при этом максимально чуждым образованием. Лишь 8 образов показывали категорию «работа» применительно к Украине и России, 144 отнесены к ДНР: массового сознания жителей «ДНР – место, где работают».

С точки зрения количественного анализа, ни Украина не воспринимается как место, непригодное для жизни, ни Россия не является манящим ориентиром, ни ДНР не считывается как чёрная дыра. «ДНР» – это устойчивый образ места, где люди живут и работают (и Украина в наименьшей степени отождествляется с таковым), в «России» тоже можно жить и в особенности покупать и продавать, но и «Украина» с точки зрения «потребления» место более значимое, чем ДНР.

Качественный анализ рисунков вносит значимые коррективы. Украина и ДНР по-прежнему воспринимаются как стороны, ответственные за войну, но у Украины при этом сформирован однозначный образ агрессора, который в сознании у значимого числа респондентов разделяет нацистскую идеологию, что полностью подтверждает одну из гипотез (Н2). Украинская армия (в отличие от «защищающей» российской) в массовом сознании воспринимается как несущая разрушения и смерть. При этом именно у украинского общества нет негативных коннотаций, напротив, украинские культура и природа вызывают в памяти респондентов исключительно светлые образы. Массовое сознание чётко разделяет Украину как государство (агрессия, дерусификация и неонацизм), украинские власти (презрение к конкретным лидерам, высочайший уровень коррупции всей властной корпорации, отсутствие суверенитета, полная подконтрольность США) и украинское общество, по отношению к которому испытывает ностальгические, грустные эмоции – сожаление, разочарование, негативное отношение к состоявшейся разделённости и углублению раскола.

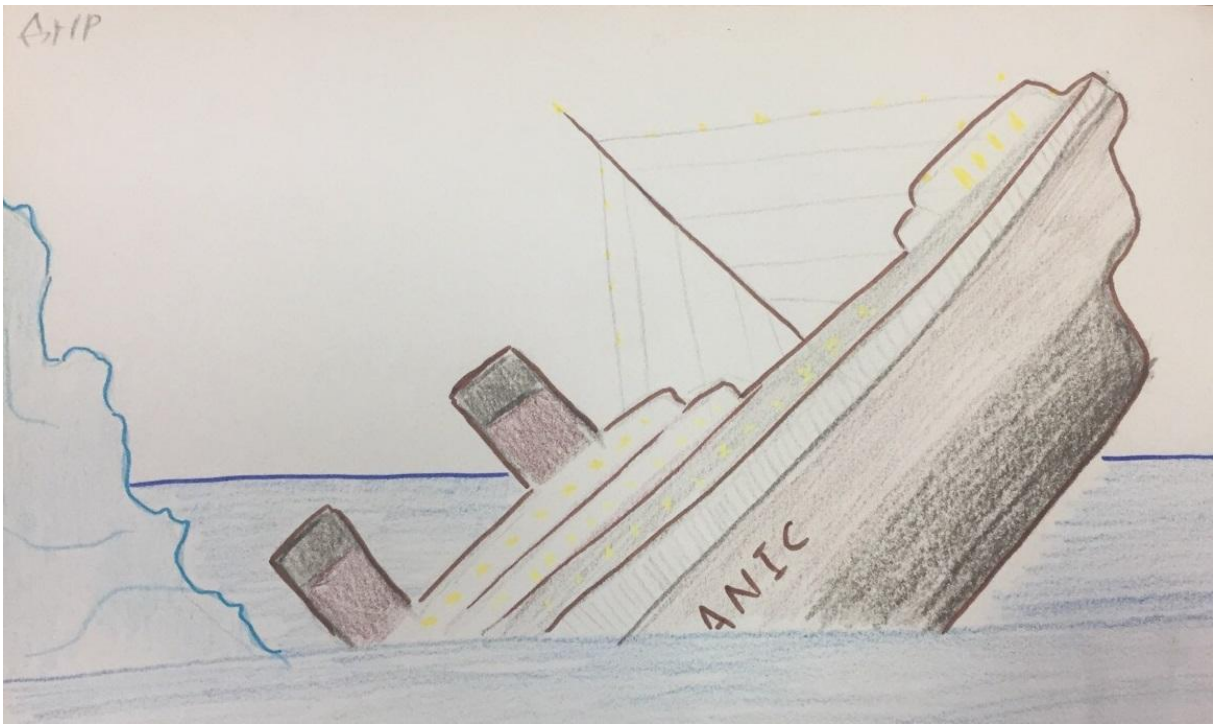
Россия, с точки зрения качественного анализа, - это «образ желаемого завтра» дончан, что полностью подтверждает нашу гипотезу (Н4). В этой стране качественные дороги, высокий уровень образования, множество карьерных развилок для молодых людей и в целом высокий уровень жизни. В отличие от Украины, находящейся, по мнению респондентов, в состоянии раскола, Россия, напротив, - пространство притяжения земель. Эта Россия – мощное и сильное государство с передовыми технологиями, уважаемым лидером (образ российского президента – наиболее часто употребляемая персоналия) и неагрессивной, но мощной армией, способной защитить и своих граждан, и жителей ДНР от украинской и – шире – американской агрессии (таковая проявляется, по мнению респондентов, через тотальный контроль за действиями украинских властей). Россия в отличие от Украины «не переписывает историю», а наоборот, «чтит традиции». Число респондентов, описывающих Россию, прежде всего, как пространство социально-экономического расслоения и огромной диспропорции

между столицами и регионами, невелико, но образ страны в их сознании вполне конкретизирован.

Общим для России и Украины являются их частые изображения при помощи «США»: в первом случае страна борется с этим государством, во втором является его марионеткой. Россия, несмотря на присутствие военных и армейских образов, не воспринимается как участник конфликта. Но и у этого образа есть негативные черты: таможня, государственная граница, «неповторение» с ДНР той же истории, что с Крымом, утраченные надежды и ощущение неоправданных ожиданий относительно судьбы региона, который так и не вошёл в состав государства, а кроме того, отгораживается формальными барьерами от «своих» же людей.

Наконец, нашим исследовательским упущением оказалось то, что ни одной гипотезы мы не посвятили самой ДНР. Множество образов позволяет обрисовать достаточно чёткий образ непризнанной республики в сознании её граждан. Во-первых, в массовом сознании не закрепился образ территории ДНР или её официальных символов. Пока это, скорее, система управления и бюрократии для граждан, нежели конкретная территориальная полития. Во-вторых, образ будущего представляется крайне негативным, хотя и не определяется чётко. Нет ни одного образа, который отображал бы будущее ДНР позитивно. «Дыра», «тонущий Титаник» (96), «туман» и пр.

Рисунок 60

В-третьих, собственные элиты не вызывают того же презрения и ненависти, как украинские, но их не уважают. По мнению респондентов, они коррумпированы, некомпетентны, не в состоянии обеспечить целевое расходование российской помощи, не обладают лидерскими и харизматическими качествами, оказались на своих постах случайно, не заинтересованы в развитии территории. В-четвёртых, образ самой ДНР в настоящий момент крайне негативен, на что очевидное влияние оказывает война. Это «серая зона», территория без драйверов развития, без международного признания, без будущего, с крайне низким уровнем социально-экономического развития территория, из которой постоянно идёт отток людей, которая контролируется людьми со слабыми управленческими навыками, при этом излишне зарегулированная, не предоставляющая возможность для реализации гражданских прав, без уважения к личности отдельного человека. Самое главное, у этого образа нет черт личной собственности, каких-то признаков, которые позволяли бы респондентам сказать «да, сейчас плохо, но это мой дом, и я должен воевать за него». Война не воспринимается как священная, оборонительная, наступательная,

как необходимость или как личное/семейное дело. Война в массовом сознании представляется константой, без конечной цели и направления движения войск. Учитывая, что ожидания от этой войны, по мнению значимой части респондентов, оказались неоправданными («не получилось, как с Крымом»), то и нынешнее её продолжение не имеет смысла. Несмотря на явное восприятие Украины-государства как агрессора, её образ внешнего врага не является настолько значимым, чтобы угрожать самому существованию респондентов. С одной стороны, они чётко верифицируют разрушения и смерти, ответственность за которые возлагают на Украину, с другой, во-первых, у украинского общества и культуры сохраняются позитивные коннотации в массовом сознании, во-вторых, политический режим ДНР, жёстко ограничивая права и свободы, не предъявляя при этом значимых социально-экономических успехов, так же несёт угрозу гражданам, по их мнению. В итоге мы можем сделать аргументированный вывод о том, что миротворческий потенциал населения ДНР высок и в случае складывания определённой политической конъюнктуры оно готово к реинтеграции в состав Украины, тогда как малоуспешное (с точки зрения респондентов) функционирование самих институтов и некомпетентного политического класса ДНР не является весомыми причинами для сохранения этой территориальной и политической структуры.

Глава 5. Прогностическая модель успешности постсоветских сецессий

Рассмотрев объективные и субъективные факторы постсоветских сецессий, а также посвятив отдельную главу частному случаю украинского конфликта, мы предложим универсальную модель, которую можно использовать для прогнозирования развития сецессий. Первый параграф посвятим не только описанию модели, но и её эмпирической проверке данными нескольких завершившихся (успешно и неуспешно) сецессий. Во втором параграфе загрузим в уже верифицированную модель данные по ключевым исследовательским казусам этой работы и спрогнозируем их развитие.

5.1 Критическое осмысление факторов сецессий и верификация модели

Ни один из факторов не может быть главенствующим для старта сецессии и при определении её успеха. Только совокупность географических, внутриполитических, международных, исторических, культурных, лингвистических, экономических, иногда личностных условий влияет на выход политии из состава материнского государства. Невозможно создать комплексную работающую прогностическую теорию о распаде государств: в одних случаях предсказания сбудутся, в других – нет. Сколько бы ни говорилось и ни писалось о глубине украинского раскола до событий 2014 г., сколько бы ни существовало объективных условий для выхода юго-востока Украины из состава государства, сецессия стала возможна, прежде всего, после захвата здания СБУ в Славянске, что, по признанию руководившего им И.И. Стрелкова, и стало «спусковым

крючком войны»[252]. Мы имеем возможность лишь приблизиться к указанию тех точек и регионов, в которых сецессия может быть наиболее успешной, а состоявшееся де-факто государство — эффективным.

Напомним основные факторы сецессий, который мы рассматривали в параграфе 1.3 «Автономизм и сепаратизм на постсоветском пространстве. Факторы постимперского транзита» и третьей главе «Имманентные факторы сецессий: двусторонний процесс». Они таковы:

- наличие государства-сегмента или чётко очерченной сепаратистской/атономистской территории;

- наличие политической организации у сепаратистов;

- наличие собственного языка, отличного от языка «материнского государства»;

- наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию;

- наличие государства-патрона;

- наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом;

- исторический опыт вооружённой борьбы за автономию или сецессию;

- тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом;

- реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета;

- длительность традиции самостоятельной государственности (год вхождения государства-сегмента (территории, осуществлявшей выход) в состав

[252] И.И. Стрелков «Я запустил маховик войны» https://www.youtube.com/watch?v=ICgazA79a2g (проверено 30.08.2020).

материнского государства, специфика такого вхождения и годы существования в составе другого государства;

- статус в составе материнского государства.

Добавим к ним объективные географические факторы, детально рассмотренные нами во второй главе «Объективные факторы развития постсоветских сецессий»:

- наличие общей границы с государством-патроном и её качественные характеристики;

- специфика границы с материнским государством: естественность vs искусственность;

- географические аспекты территории сецессии;

- специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии.

Укажем факторы, подробно исследованные в четвёртой главе «Украинский конфликт как частный случай взаимодействия государства-патрона, материнского государства и сепаратистских де-факто государств», которые относятся к массовому сознанию населения и материнского государства, и самой сецессии:

- восприятие населением и элитами материнского государства населения и территории сецессии (при максимальном акценте на социологическое измерение);

- отношение населения сецессии к материнскому государству (ответы на «устанавливающие вопросы»: критерии членства в нации, идентичность, вектор внешнеполитической интеграции и т.д.).

Наконец, добавим внутренние и международные факторы, изученные нами ранее в других работах[253]:

---

[253] Токарев А.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕЦЕССИЙ НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КВАНТИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ // Полис. 2017. № 4. С. 106-177; Токарев А.А. и др. ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В ОБРАЗАХ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ: ПСИХОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД // Полис. 2021. № 1. С. 58-77.

- стремление сохранить свой статус в составе федерации;

- независимость от государства-патрона при решении о начале сецессии;

-уровень эффективности внутреннего суверенитета;

- введение миротворцев в регион конфликта;

- специфика дифференцированного признания членами ООН.

Перегруппировав эти факторы не в порядке появления в данном тексте, а исходя из их общих родовых признаков, получим следующую операционализацию (см. табл. 31).

Таблица 31 – Операционализация прогностической модели (переменные/индикаторы)

Группы факторов	Переменные	Индикаторы (их значения)	Идеальная сецессия	Идеальная антисецессия
1. Географические	1. наличие общей границы с государством-патроном и её качественные характеристики;	1а) проходит по равнинной территории (+3) / по горной территории (+1) / по морю (+2) / отсутствует (-3); 1б) количество официальных пограничных переходов (если 2 и больше: +2, если 1: +1, если нет: -2); 1в) наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: +2, если прочие дороги: +1, если нет: -2); 1г) наличие ж/д (+2/-2); 1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в % (если 50 и более %: +2, если менее 50%: +1, если нет: -2); 1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в % (+1/-1).	Граница с патроном проходит исключительно по равнине. Через границу более двух МКПП, авто- и ж/д-магистралей, доля границы с патроном более половины.	По горам, в отсутствие тоннелей, дорог и ж/д
	2. специфика границы с материнским государством: естественность vs искусственность;	2а) Граница с материнским государством проходит по реке (0) / по горам (+3) / по равнинной местности без природных барьеров (-3) / по морю (-2); 2б) в случае наличия природных барьеров существует ли инфраструктура для их преодоления (мосты, тоннели – при наличии: -2); 2в) наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: -2, если прочие дороги: -1, если нет: +2); 2г) наличие ж/д (-2/+2); 2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в % (если 50 и более %: -2, если менее 50%: -1, если нет: +2); 2е) доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в % (-1/+1).	Граница проходит по горам, через которые не проложены тоннели, нет автомобильных дорог.	По равнине
	3. географические аспекты территории сецессии;	3а) Территория сецессии преимущественно равнинная (-2)/горная (+2); 3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину (интервал 1-1,5: +3; 1,6-2: +1; 2,1-2,5: -1; больше, чем 2,6: -3); 3в) имеет ли сецессия эксклавы, отделённые природными барьерами (имеет -3, не имеет 0); 3г) имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства (имеет -3, не имеет 0); 3д) наличие выхода к морю (+2/-2); 3е) наличие портов (+2/-2); 3ж) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политии в расстоянии от столицы до крайне точки государства в данном направлении де-юре (70-80 % +1, 81-90 % +2, больше 91 % +3); 3и) соотношение границ с патроном и материнским государством (если бОльшая доля у патрона +2, если у материнского государства -2).	Территория сецессии горная, похожа на круг или квадрат, не имеет эксклавов, выходит к морю, имеет порты. БОльшая часть госграницы приходится на патрона, меньшая на материнское государство.	Территория равнинная, сильно вытянутая
	4. специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии;	4а) Часть территории, в %, занимаемая этносом, титульным для материнского государства; 4б) эта этническая группа расселена равномерное по территории сецессии / сосредоточена на границе с материнским государством (-2/+2).	Титульный этнос рассредоточен по всей территории, этнос материнского государства сосредоточен компактно	Этнос материнского государства рассредоточен по территории
2. Исторические	5. наличие государства-сегмента или чётко очерченной сепаратистской/автономистской территории;	5) Функционирование государства-сегмента в границах сецессии, которые признаются материнским государством (+3), функционирование государства-сегмента в границах, которые не признаются материнским государством (+2), функционирование государства-сегманта при несовпадении границ (+1), отсутствие государства-сегмента (-3).	Территорию сецессии материнское государство считает обладающей специальным статусом в своём составе.	Материнское государство не предоставляет сецессии особого статуса/государство сегмент отсутствует
	6. исторический опыт вооружённой борьбы за автономию или сецессию;	6) Несколько войн с материнским государством (+5), восстания/вооружённые конфликты (+3), отсутствие войн и конфликтов (-5)	Сецессия несколько раз воевала с материнским государством.	Отсутствие войн и конфликтов

	7. статус в составе материнского государства; длительность традиции самостоятельной государственности; специфика вхождения;	7а) статус: ССР (+4), АССР/АТО (+3), часть АССР (+2), автономная область/область (+1); отсутствие статуса (-4); 7б) нахождение в составе материнского государства до начала сецессии: меньше 50 лет (+4), 51-100 (+3), 101-150 (+2), 151-200 (+1), 201-250 (0); 7в) специфика вхождения: завоевание материнским государством (+3), передача властями федерации материнскому государству (+2), добровольное вхождение (-3)	Сецессия имела статус ССР, в составе материнского государства находилась менее 50 лет и была завоёвана им.	Сецессия обладала незначительным статусом (область/автономная область) и находилась в составе материнского государства более 250 лет
	8. стремление сохранить свой статус в составе СССР;	Референдум о сохранении СССР (+3), декларация ВС (+2), отсутствие подобных процедур (-3)	В 1991 году сецессия участвовала в референдуме по сохранению СССР.	Не участвовала
3. Этно-лингвистические	9. наличие собственного языка, отличного от языка «материнского государства»;	Собственный язык основной (+3), собственный язык используется вместе с русским/собственный язык русский (+2), собственный язык уступает русскому в распространении (+1), собственного языка нет (-3)	У сецессии есть собственный язык, превосходящий по частоте употребления русский.	Отсутствует
	10. наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию;	+3/-3	Сецессия строится вокруг отдельного этноса, стремящегося к выходу.	Отсутствует
	11. наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом;	+2/-2	В государстве-патроне на границах с сецессией проживает тот же этнос.	Отсутствует
4. Политические/экономические	12. наличие политической организации/политических институтов у сепаратистов;	+2/-2	Сепаратисты реализуют выход через устоявшиеся политические институты.	Отсутствует
	13. реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета;	Ведение боевых действий против сепаратистов без попыток договориться с частью лояльных (+5), ведение боевых действий с одновременными переговорами (+3), прекращение попыток военного захвата с переходом к вовлечению сецессии экономическими преференциями (-3), попытки мирной реинтеграции с признанием особого статуса сецессии внутри материнского государства (-5)	Материнское государство попыталось жёстко подавить сепаратистов силами армии.	Мирная реинтеграция
	14. восприятие населением и элитами материнского государства населения и территории сецессии;	Население и территория воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порождён исключительно поддержкой патрона (+5)/население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под другим сувереном (-5)	Население и территория воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порождён исключительно поддержкой патрона	Население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под другим сувереном
	15. отношение населения сецессии к материнскому государству	Позитивное (-3), нейтрально-позитивное (-2), нейтрально-негативное (+2), «население материнского государства – главный враг» (+3)	«население материнского государства – главный враг»	Население материнского государства – «наши люди»
	16. уровень эффективности внутреннего суверенитета;	Высокий (сецессия самостоятельно производит общественные блага и обеспечивает порядок и верховенство закона – без масштабной помощи патрона +5), средний +2 (сецессия производит общественные блага, но не способна делать это без помощи патрона, при этом в состоянии поддерживать верховенство закона)/-2 (сецессия не производит общественные блага без помощи патрона, но поддерживает верховенство закона), низкий (сецессия не производит общественные блага, не поддерживает верховенство закона -5)	Высокий уровень внутреннего суверенитета	Низкий уровень
	17. независимость от государства-патрона при решении о начале сецессии;	Высокий уровень самостоятельности (+3), низкий (+1), начало сецессии под давлением патрона (-1), сецессия начата патроном (-3)	Сепаратисты самостоятельно приняли решение о начала сецессии	Сепаратистов к сецессии подтолкнул патрон
5. Легалистские	18. введение миротворцев в регион конфликта;	Если миротворцы работают на закрепление сецессии (+3), нейтральная позиция миротворцев (0), миротворцы работают на реинтеграцию (-3)	Миротворцы работают на сохранение сецессии	Миротворцы работают на реинтеграцию

	19. тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом;	Референдум о независимости (+3), парламентская декларация (+1), отсутствие (-3)	Сецессия основывается на референдуме о независимости	Сецессия не имела законодательного оформления
	20. специфика ранжированного признания членами ООН.	20а) наличие военной базы одного из членов ООН (+5/-5), 20б) военная помощь/торговля оружием одного из членов ООН (+3/-3), 20в) наличие посольств членов ООН (+5/-5), 20г) Выдача национальных паспортов населению ДФГ (в т.ч. упрощенная процедура вступления в гражданство) (+3/-3), 20д) признание документов ДФГ (+3/-3)	На территории сецессии функционируют посольства и военные базы членов ООН, национальные паспорта патрона выдаются населению сецессии в упрощённом режиме, документы сецессии признаются патроном	Члены ООН не признают сецессию ни в дипломатическом, ни в экономическом, ни в военном смысле.
Итого			104 балла	-111

Там, где вес фактора был менее значителен, чем остальных, а также сам фактор не предполагал значимой дифференциации, мы назначали бинарную шкалу (+1/-1). В случаях, когда фактор был более значим и предполагал бОльшую дифференциацию при измерении индикаторов, мы назначали среднюю степень дифференциации (+3/+2/+1/-1/-2/-3). В случаях максимального веса фактора и/или максимальной дифференциации мы использовали максимум значений на шкале (+5/+3/+1/-1/-3/-5). Знак «+» во всех случаях означает приближение к успеху сецессии, знак «-» – отдаление. Чем больше баллов получает кейс конкретной сецессии, тем выше вероятность успешного выхода и, как результат, реальной независимости от материнского государства. Чем ниже балл, тем ниже вероятность успешной сецессии и выше вероятность её реинтеграции в состав материнского государства.

Для дополнительной верификации модели введём понятия «идеальная сецессия» и «идеальная антисецессия», которые, конечно не встречаются в «чистом виде». Первая предполагает, что граница с патроном, на которой функционируют 2 и более МКПП, а также функционируют автомагистрали и ж/д переходы, проходит исключительно по равнине. Граница с материнским государством проходит по горам. БОльшая часть госграницы приходится на патрона, меньшая на материнское государство. Территория самой сецессии горная, по форме ближе к кругу или квадрату, не имеет эксклавов, выходит к морю, имеет порты.

Территорию сецессии материнское государство считает обладающей специальным статусом в своём составе. Сецессия несколько раз воевала с

материнским государством, а в 1991 году сецессия участвовала в референдуме по сохранению СССР. Сецессия имела статус ССР, в составе материнского государства находилась менее 50 лет и была завоёвана им.

У сецессии есть собственный язык, превосходящий по частоте употребления русский. Сецессия строится вокруг отдельного этноса, стремящегося к выходу. В государстве-патроне на границах с сецессией проживает тот же этнос.

Сепаратисты реализуют выход через устоявшиеся политические институты. Материнское государство попыталось жёстко подавить сепаратистов силами армии. Население и территория сецессии в материнском государстве воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порождён исключительно поддержкой патрона. Население сецессии – главный враг.

Высокий уровень внутреннего суверенитета. Сепаратисты самостоятельно приняли решение о начала сецессии. Сецессия основывается на референдуме о независимости. Миротворцы работают на сохранение сецессии. На территории сецессии функционируют посольства и военные базы членов ООН, национальные паспорта патрона выдаются населению сецессии в упрощённом режиме, документы сецессии признаются патроном. Подобная «идеальная сецессия» квантифицируется в 104 балла – по всем переменным присваиваются максимальные значения.

«Идеальная антисецессия» имеет равнинную границу с материнским государством и горную с патроном, причём на патрона приходится меньшая часть. Выхода к морю не имеет. Сама территория вытянута. Этнос материнского государства плавно расселён по всей территории. Собственного языка и этноса нет.

Исторически территория сецессии не завоёвывалась материнским государством, а самостоятельно вошла в его состав и пребывала более 250 лет.

Статус в составе материнского государства был самый низкий (область/автономная область). Референдум о сохранении СССР не проводился.

Сецессия стартовала при непосредственном участии патрона и не оформлялась законодательно. Материнское государство не пыталось завоевать территорию сецессии, но и не предоставляет особого статуса ей. Уровень внутреннего суверенитета низкий. Население материнского государства и сецессии представляет собой единую группу, не имеющую явных внутренних антагонизмов.

Миротворцы работают на реинтеграцию материнским государством. Ни один член ООН не размещает посольства или военные базы, не признаёт документы сепаратистского правительства и не выдаёт свои в облегчённом режиме. Подобная «идеальная антисецессия» оценивается в -111 баллов. Подчеркнём, что сецессия и антисецессия не равнозначны в оценках, поскольку не все факторы при квантификации были «отзеркалены» - часть шкал представлена в виде «+3/+2/+1/0» и подобных (в зависимости от значений индикаторов).

Очевидно, что ни идеальной сецессии, ни идеальной антисецессии не существует в природе. Аналитически мы подробно обозначили полюсы, к которым могут стремится сецессии в своём развитии. Прежде чем приступить к использованию прогностической модели по прямому назначению, протестируем её на успешность квантификации факторов при помощи уже завершившихся сецессий: как успешных, так и закончившихся реинтеграцией. В качестве проверочных казусов используем все те, что помечены красным в таблице 3 (параграф 1.3), т.е. де-факто государства: Автономная республика Бадахшан (АРБ), НКР, Панкисское ущелье, террористические «Ичкерия» и Кадарская зона, Гагаузия, Крым, Аджария (де-факто государства, осуществляющие сецессию при патронаже России, мы рассматриваем в п. 5.2).

Таблица 32 – Квантификация факторов сецессий

Индикаторы (их значения)	РБ	КР	анкиси	Ичкерия»	адарская зона	агаузия	рым	джария
Граница с патроном 1а) проходит по равнинной территории (+3) / по горной территории (+1) / по морю (+2) / отсутствует (-3); 1б) количество официальных пограничных переходов (если 2 и больше: +2, если 1: +1, если нет: -2); 1в) наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: +2, если прочие дороги: +1, если нет: -2); 1г) наличие ж/д (+2/-2); 1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в % (если 50 и более %: +2, если менее 50%: +1, если нет: -2); 1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в % (+1/-1).	3 1 2 2 2 1	1 2 2 2 1 1	1 2 2 2 1 1	1 1 1 2 1 1	3 2 2 2 2 1	3 2 2 2 2 1	2 2 2 2 1 1	2 2 2 2 1 1
2а) Граница с материнским государством проходит по реке (0) / по горам (+3) / по равнинной местности без природных барьеров (-3) / по морю (-2); 2б) в случае наличия природных барьеров существует ли инфраструктура для их преодоления (мосты, тоннели – при наличии: -2); 2в) наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: -2, если прочие дороги: -1, если нет: +2); 2г) наличие ж/д (-2/+2); 2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в % (если 50 и более %: -2, если менее 50%: -1, если нет: +2); 2е) доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в % (-1/+1).	3 2 2 2 2 1	3 2 1 2 1	3 2 2 1	3 0 2 2 2 1	3 0 2 2 2 1	3 2 2 2 1	2 1	2 2 2 1
3а) Территория сецессии преимущественно равнинная (-2)/горная (+2); 3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину (интервал 1-1,5: +3; 1,6-2: +1; 2,1-2,5: -1; больше, чем 2,6: -3); 3в) имеет ли сецессия эксклавы, отделённые природными барьерами (имеет -3, не имеет 0); 3г) имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства (имеет -3, не имеет 0); 3д) наличие выхода к морю (+2/-2); 3е) наличие портов (+2/-2); 3ж) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политии в расстоянии от столицы до крайне точки государства в данном направлении де-юре (70-80 % +1, 81-90 % +2, больше 91 % +3); 3и) соотношение границ с патроном и материнским государством (если бОльшая доля у патрона +2, если у материнского государства -2).	2 1 2 2 1 2	2 3 3 2 2 3 2	2 3 2 2 2 2	0 1 0 3 2 2 3 2	2 1 3 3 2 2 0 2	2 3 3 3 2 2 1 2	1 2 2 3 2	2 1 2 2 2 2
4а) Часть территории, в %, занимаемая этносом, титульным для материнского государства; 4б) эта этническая группа расселена равномерное по территории сецессии / сосредоточена на границе с материнским государством (-2/+2).	2	2	2	2	2	2	2	2
5)Функционирование государства-сегмента в границах сецессии, которые признаются материнским государством (+3), функционирование государства-сегмента в границах, которые не признаются материнским государством (+2), функционирование государства-сегмента при несовпадении границ (+1), отсутствие государства-сегмента (-3).	3	2	3	1	3	3	3	3
6) Несколько войн с материнским государством (+5), восстания/вооружённые конфликты (+3), отсутствие войн и конфликтов (-5)	5	5	5	5	5	5	5	5
7а) статус: ССР (+4), АССР/АТО (+3), часть АССР (+2), автономная область/область (+1); отсутствие статуса (-4); 7б) нахождение в составе материнского государства до начала сецессии: меньше 50 лет (+4), 51-100 (+3), 101-150 (+2), 151-200 (+1), 201-250 (0); 7в) специфика вхождения: завоевание материнским государством (+3), передача властями федерации материнскому государству (+2), добровольное вхождение (-3)	4 3	1 2 3	4 3	2 1 3	4 0 3	4 2	3 3 2	4 2 3
Референдум о сохранении СССР (+3), декларация ВС (+2), отсутствие подобных процедур (-3)	3	2	3	3	3	3	3	3
Собственный язык основной (+3), собственный язык используется вместе с русским/собственный язык русский (+2), собственный язык уступает русскому в распространении (+1), собственного языка нет (-3)	3	3	3	2	2	2	2	3
наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию +3/-3	3	3	3	0	3	3		3
нЗаличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом; +2/-2	2	2	2	2	2	2	2	2

наличие политической организации/политических институтов у сепаратистов; +2/-2	2	2	2	2	2	2	2	2
Ведение боевых действий против сепаратистов без попыток договориться с частью лояльных (+5), ведение боевых действий с одновременными переговорами (+3), прекращение попыток военного захвата с переходом к вовлечению сецессии экономическими преференциями (-3), попытки мирной реинтеграции с признанием особого статуса сецессии внутри материнского государства (-5)	5	5	3	3	5	3		
Отношение материнского государства: население и территория воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порождён исключительно поддержкой патрона (+5)/население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под другим сувереном (-5)	5	5			5	5		5
Отношение к материнскому государству Позитивное (-3), нейтрально-позитивное (-2), нейтрально-негативное (+2), «население материнского государства – главный враг» (+3)	3	3	2		2	3		
Высокий (сецессия самостоятельно производит общественные блага и обеспечивает порядок и верховенство закона – без масштабной помощи патрона +5), средний +2 (сецессия производит общественные блага, но не способна делать это без помощи патрона, при этом в состоянии поддерживать верховенство закона)/-2 (сецессия не производит общественные блага без помощи патрона, но поддерживает верховенство закона), низкий (сецессия не производит общественные блага, не поддерживает верховенство закона -5)	2	2	5	5	5	2	5	5
Высокий уровень самостоятельности (+3), низкий (+1), начало сецессии под давлением патрона (-1), сецессия начата патроном (-3)	1	1	3	3	3	3	1	3
Если миротворцы работают на закрепление сецессии (+3), нейтральная позиция миротворцев (0), миротворцы работают на реинтеграцию (-3)							3	3
Референдум о независимости (+3), парламентская декларация (+1), отсутствие (-3)	1	3	3	1	3	2	1	
21а) наличие военной базы одного из членов ООН (+5/-5), 21б) военная помощь/торговля оружием одного из членов ООН (+3/-3), 21в) наличие посольств членов ООН (+5/-5), 21г) Выдача национальных паспортов населению ДФГ (в т.ч. упрощенная процедура вступления в гражданство) (+3/-3), 21д) признание документов ДФГ (+3/-3)	5 3 5 3 3	5 3 5 3 3	5 3 5 3 3	5 3 5 3 3	5 3 5 3 3	5 3 5 3 3	5 3 3	5 3 5 3 3
Итого	67	6	65	10	74	51	7	4

Не во всех случаях сетка из переменных и индикаторов позволяет точно описать реальность сецессии. Например, существование республики Крым один день в марте 2014 года (после выхода из Украины и до включения в состав России) не позволяет ставить ей +3 балла за выдачу документов самого государства Крым, поскольку их не было, но как можно игнорировать российскую всеобъемлющую помощь сецессии? Формально миротворцев в

Крыму не было, значит по данному индикатору этот кейс должен получить 0 баллов – очевидно, что это игнорирует реальность, в которой именно вмешательство «вежливых людей» сделало возможным реинтеграцию, следовательно Крым получил +3 балла. Де-юре у террористической Ичкерии не было конкретного патрона, с которым она граничит, и значит по переменной «граница с патроном» она должна была получать минимальные баллы. Но значит ли это, что мы можем исключить из внимания и проницаемость госграницы России на участке с Грузией (по ту сторону – Панксисское ущелье – тоже без формального патрона, которым в реальности и были террористы из Ичкерии), и поддержку международного терроризма, и отдельные каналы поставок оружия и людей с Ближнего Востока? Та же Ичкерия граничила с материнским государством на равнине, но, отходя вглубь территории, террористы прятались в горах и лесах – такая тактика опробована ими со времён Большой Кавказской войны XIX века. Конечно, мы учитывали эти факторы при выставлении значений индикаторов. Применительно к таблице 32: формально мы должны были поставить казусу «Ичкерии» -3 балла по индикатору «граница с материнским государством проходит по равнине», но в итоге поставили +3, поскольку горы на территории бывшей ЧИАССР на границе с Грузией облегчали сецессию, а не препятствовали ей. Завершим обзор сложных случаев квантификации тоже чеченским примером. С одной стороны, ичкерийская сецессия очевидно строилась вокруг чеченского этноса и языка, а значит по этим показателям она должна была получить максимум баллов. Нам пришлось ставить 0 в отношении этноса и +2 в отношении языка. Не все чеченцы выступали за сецессию и поддерживали террористов в войне против российской армии.

Обе чеченские войны представляют собой гражданский конфликт не только внутри нации-государства, когда одни граждане воют против других (упрощение в данном случае выглядит как «чеченцы/федералы»), но и внутри этно-нации, когда одни чеченцы воюют против других чеченцев. Попытки представить данный конфликт как узкоэтнический не являются профессиональными: линия

разлома пролегала не по гражданству, этничности или морали. В конфликте на стороне террористов участвовали русские и украинцы, на стороне российской армии – множество чеченцев, преступления террористов широко известны, что не отменяет отдельных преступлений российских военнослужащих (полковник Буданов, капитан Ульман). Именно граница между противоборствующими сторонами по основанию «выход/реинтеграция» вне зависимости от гражданства и этноса, а также используемого языка (многие террористы, не только главари и бывшие военачальники советской армии, но и рядовые боевики отлично говорили по-русски), заставили нас снизить оценки по факторам «этнос» и «язык».

Террористическая Ичкерия, АРБ, Аджария, Панкиси, Кодорская зона и Гагаузия были реинтегрированы. В рамках второй чеченской войны сепаратисты были подавлены федеральными силами при помощи местного ополчения, во главе с семьями Кадыровых и Ямадаевых перешедшего на сторону официальной Москвы. ЧРИ как институция перестала существовать (внутри сепаратистов произошёл раскол на светское и радикально-исламское крыло). Однако, у российской Чеченской республики по-прежнему сохраняется крайне высокая финансовая и правовая автономия от центра.

Гагаузия оказалась единственной политией из всех, начавших сецессию, реинтегрированной мирно. В 1994-1995 годах автономный статус Гагаузии был закреплён Молдовой законодательно. Комрат с тех пор не приближался к той степени независимости, которой обладает Тирасполь. Основой спокойного существования Гагаузии является отсутствие резких движений Кишинёва в сторону Бухареста. В случае потери Молдовой субъектности (весомая часть политического класса страны считает необходимым объединение с Румынией), гагаузские элиты подчёркивают собственное право решать судьбу автономии.

Случаи военной реинтеграции стали возможны, прежде всего, из-за невмешательства (или отсутствия) государств-патронов. Параллельно российской КТО по другую сторону Большого кавказского хребта в 2003 году стартовала антикриминальная операция. Грузия усилила контроль над Панкиси, что резко

снизило возможности чеченских боевиков к отступлению. В случае с реинтеграцией Гагаузии Россия и Турция (гагаузы – тюркский, хотя и православный народ) не вмешивались в процесс возвращения официальным Кишинёвом контроля над политией на условиях автономии. Требования гагаузов о повышении статуса их территории внутри единого молдавского государства были удовлетворены.

Предложенная модель показывает низкие шансы на успех у всех завершившихся реинтеграцией сецессий и высокий у тех, которые стали де-факто государствами (см. рис. …). Подчеркнём, что оба полюса, и «успех», и «неуспех» балансируют вокруг похожих экстремумов: -51 – -74 и 56 – 60, соответственно. Есть пять случаев, интегральные значения которых не укладываются в заданные интервалы: Аджария, ПМР, Ичкерия, Л/ДНР и Абхазия. Ичкерии мы посвятили несколько абзацев выше, к остальным де-факто государствам подробно обратимся в параграфе 5.2. Четыре первых сецессии являются «балансирующими» случаями, которые могли (могут) быть склонены обстоятельствами внутри треугольника «сецессия – материнское государство – патрон» к любому полюсу, Абхазия – приближение к полюсу идеальной сецессии.

Кадарская зона (-74), АРБ (-67), Гагаузия (-51), Панкиси (-65), с одной стороны, и НКР (56) и Крым (57), с другой, обозначают два кластера антисецессий и сецессий, находящихся примерно посередине расстояния от абсолютного баланса (ноль баллов) до каждого из полюсов идеальной антисецессии и идеальной сецессии. Кластер «балансирующих» случаев (Аджария, ПМР, Ичкерия, Л/ДНР) находится в коридоре -20 – 14 баллов, включая явно неустойчивые сецессии.

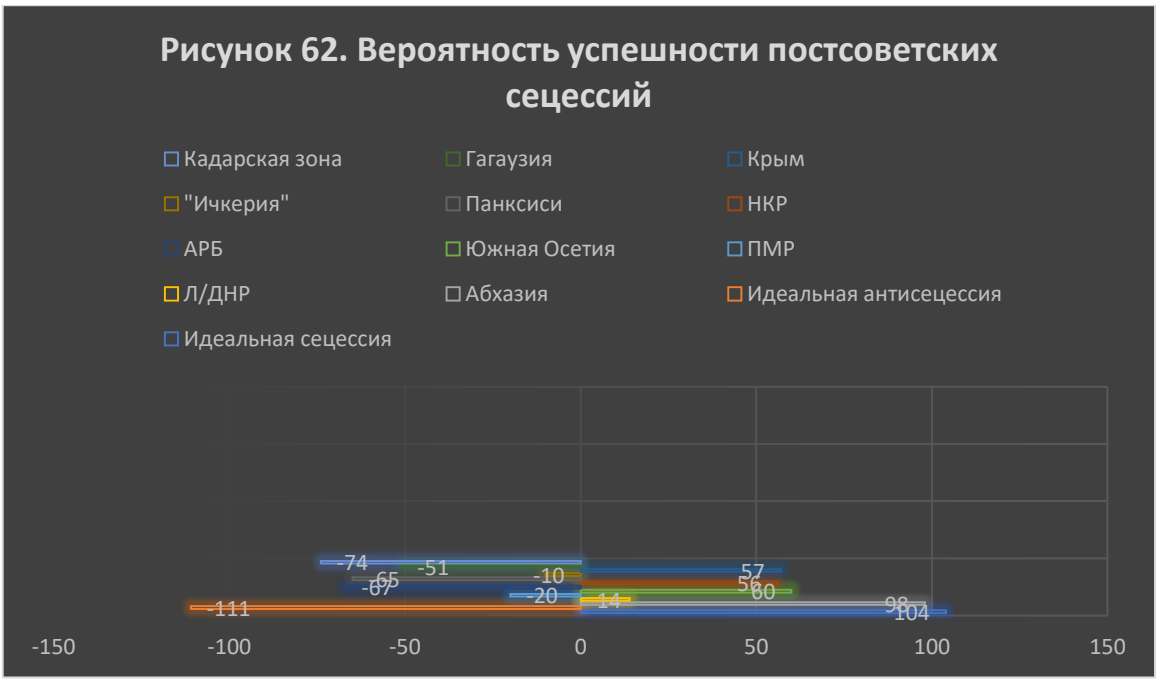
Анализ кластера антисецессий показывает, что сецессия может стартовать даже при самых плохих условиях. Гагаузия, Кадарская зона и Панкиси, не имеющие ни политических институтов, ни исторических, ни географических условий для сецессии (Панкисское ущелье вообще открыто для материнского государства и, напротив, отделено горами от условного патрона в виде

террористов на Северном Кавказе, а Гагаузия из всех рассматриваемых кейсов имеет наихудшую географию для сецессии[254]), ни высокого уровня внутреннего суверенитета, ни любого вида государства-сегмента, ни объёмную поддержку патронов (Кадарская зона и Гагаузия вообще не граничили с Ближним Востоком и Россией/Турцией, соответственно), тем не менее, непродолжительное время являлись де-факто государствами. В отношении положительного полюса сецессии их объединяет этническое отличие их народов от материнских государств: по переменным этноса и языка все три случая получали высший балл. АРБ, в отличие от этих случаев имела преимущество в виде государства-сегмента, политических институтов и легализации сецессионистского курса через парламентские процедуры (о легализации в случае террористической Кадарской зоны и Панксиси говорить не приходится), но так же отсутствие патронажа для сецессии.

Общими признаками обладают и успешные сецессии НКР и Крыма. Общая граница с патронами, Арменией и Россией, их явная политическая, военная и экономическая поддержка, историческая легитимация сецессий (обе территории принадлежали материнским государствам менее 100 лет), этнические причины выхода, толкавшие соответственно армян и русских к сепаратизму, наконец, наличие государств-сегментов, признаваемых материнскими государствами (в случае с НКР – меньшая территория, чем та, которую контролирует де-факто государство) – эти причины сделали выход успешным, а сами сецессии близко стоящими на шкале (56-57 баллов).

Рисунок 62

[254] Несколько районов, отделённых друг от друга территорией материнского государства, и находящихся на равнине, не граничащие с патронами в виде России и Турции.

Едва ли не главный наш вывод после анализа сецессий: они возникают не только в тех случаях, когда этносам и руководящим ими политикам или лидерам есть куда выходить. Особый случай – Аджария, которая формально не заявляла о выходе, но фактически была самопровозглашённым государством, с одной стороны, признающим флаг Грузии и имеющим фракцию в парламенте страны, но с другой стороны, ограничившим доступ грузинских силовиков на свою территорию, самостоятельно управляющим таможней и границей, наконец, базирующим власть внутри автономии в т.ч. на поддержке военной базы постоянного члена СБ ООН, который, подчеркнём это, не был патроном (вероятный патрон при сецессии Аджарии, конечно, Турция, а не Россия, чья 145-ая мотострелковая дивизия базировалась в Батуми).

Гагаузия, Кадарская зона, Панкиси, АРБ, Ичкерия не имели конкретных направлений для выхода. В отличие от Крыма, Южной Осетии, Л/ДНР, ПМР, в разной степени стремящихся к России, НКР, желающей воссоединиться с армянским соседом, вхождение этих политий в состав других государств попросту невозможно по причине отсутствия таковых государств: вопросы вхождения Гагаузии в состав Турции или Кадарской зоны в состав Саудовской Аравии не требуют дискуссий. Случаи Панкиси или АРБ не имеют ответа на

вопрос: вхождение куда? Следовательно, мы обязаны подчеркнуть, что выход территории из состава материнского государства возможен не только там, где активно действует патрон, оказывая сецессии поддержку, но и там, где материнское государство ослабляет свои институты, в т.ч. выталкивая конкретные этносы за пределы «государственного тела» (state body).

5.2 Индикаторы успеха сецессий при поддержке России (статическая модель)

После эмпирической проверки модели успешности сецессий мы переходим к её использованию для создания прогноза *вероятности* такого успеха. Оговоримся ещё раз: бессмысленно ждать от академических и аналитических инструментов прогноза точных диагнозов, дат и сценариев. Наука позволяет с высокой вероятностью определить, в какую сторону движется конкретная сецессия: к закреплению собственного статуса вне материнского государства или же к реинтеграции в его состав. Например, модель в июне 2020 года не позволяла прогнозировать активные боевые действия Азербайджана по восстановлению контроля над территорией НКР – для этого существуют другие инструменты, а модель нацелена на долгосроное прогноизрование сценариев сецессий.

Представленные ниже таблица 33, рисунки и текстовый анализ представляют собой «срез» взаимоотношений внутри треугольника «сецессия – патрон – материнское государство» с учётом многих особенностей исторического процесса. Т.е. для того чтобы понять ту же картину в динамике, необходимо высчитать значения индикаторов модели для каждого года. Очевидно, что во время боевых действий или экономических блокад часть индикаторов будут давать более высокие значения (например, негатив в отношении населения сецессии к материнскому государству), другие же будут, наоборот, снижаться (например, уровень эффективности внутреннего суверенитета). Но мы в самом

начале работы указали, что воспринимаем сецессию как многофакторный процесс, сочетающий в себе не только военные или экономические, но так же исторические, культурные, лингвистические, этнические, географические и многие другие признаки, часть из которых остаётся неизменной или меняется очень медленно. Самые быстрые изменения – политические, самые медленные – этнические и географические. Но даже недолгая постсоветская история знает примеры изменения последних: пусть медленно, но переселение этносов и административные реформы в грузинском мхаре Самцхе-Джавакхетия постепенно снизили сепаратистский потенциал территории, до того населённой преимущественно армянами, которые и теперь говорят Джавакх, а строительство Крымского моста принципиально изменило экономическую и транспортную географию до того не связанного сушей с Россией полуострова.

Мы специально вынесли в название параграфа уточнение «статическая модель», предполагая развитие её до динамической в дальнейших исследованиях. Безусловно, настоящее исследование будет подвергнуто аргументированной критике коллег, после чего конкретные значения индикаторов (а может быть, и сами индикаторы и даже переменные) придётся подвергнуть коррекции. Вероятно, после этого мы с командой приступим к созданию полноценной динамической модели, способной сравнивать успешность сецессий по годам.

Исходя из многофакторности процесса сецессии, самым подробным образом отражённой в модели, мы предполагаем, что сиюминутные изменения, как правило, политические, корректируют значения некоторых индикаторов, но в целом показатели каждого из де-факто государств едва ли подвергнутся значительной коррекции: условно постоянные индикаторы будут сохранять основу тех оценок, что даны нами в 2020 году и подтверждены коллегами через оценку размерности весов в рамках экспертного опроса. С высокой степенью вероятности мы предполагаем, что тренды в отношении закрепления сецессии одних и реинтеграции других, даже изменяясь в деталях, не переформатируются в

отношении направлений. Сейчас, полагаясь на адекватность проверки данными в параграфе 5.1, мы представляем модель в статике в её прогностической версии.

Таблица 33 – Числовые значения индикаторов прогностической модели успешности сецессий при поддержке России

Индикаторы (их значения)	РА	РЮО	ПМР	Л/ДНР
1а) Граница с патроном: проходит по равнинной территории (+3) / по горной территории (+1) / по морю (+2) / отсутствует (-3); 1б) количество официальных пограничных переходов (если 2 и больше: +2, если 1: +1, если нет: -2); 1в) наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: +2, если прочие дороги: +1, если нет: -2); 1г) наличие ж/д (+2/-2); 1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в % (если 50 и более %: +2, если менее 50%: +1, если нет: -2); 1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в % (если 50 и более %: +1, если нет: -1).	+3 +2 +2 +2 +2 -1	+1 +1 +2 -2 +1 -1	-3 -2 -2 -2 -2 -1	+3 +2 +2 +2 +1 +1
2а) Граница с материнским государством проходит по реке (0) / по горам (+3) / по равнинной местности без природных барьеров (-3) / по морю (-2); 2б) в случае наличия природных барьеров существует ли инфраструктура для их преодоления (мосты, тоннели – при наличии: -2; при отсутствии: +2); 2в) наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: -2, если прочие дороги: -1, если нет: +2); 2г) наличие ж/д (если есть: -2, если нет: +2); 2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в % (если 50 и более %: -2, если менее 50%: -1, если нет: +2); 2е) доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в % (если 50 и более %: -1, если нет: +1).	+3 -2 +2 +2 -1 +1	-3 0 -2 +2 -2 -1	-3 -2 -2 -2 -2 -1	-3 0 -2 -2 -1 -1
3а) Территория сецессии преимущественно равнинная (-2)/горная (+2); 3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину (интервал 1-1,5: +3; 1,6-2: +1; 2,1-2,5: -1; больше, чем 2,6: -3); 3в) имеет ли сецессия эксклавы, отделённые природными барьерами (имеет -3, не имеет 0); 3г) имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства (имеет -3, не имеет 0); 3д) наличие выхода к морю (+2/-2); 3е) наличие портов (+2/-2); 3ж) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политии в расстоянии от столицы до крайне точки государства в данном направлении де-юре (70-80 % +1, 81-90 % +2, больше 91 % +3); 3и) соотношение границ с патроном и материнским государством (если бОльшая доля у патрона +2, если у материнского государства -2).	+2 +2 0 -3 +2 +2 +3 +2	+2 +3 -3 -3 -2 -2 +1 -2	-2 -3 -3 -3 -2 -2 +3 -2	-2 +3 0 0 +2 +2 +3 +2
4а) этническая группа, идентичная нации материнского государства, расселена равномерно по территории сецессии / сосредоточена на границе с материнским государством (-2/+2).	+2	+2	-2	-2
5) Функционирование государства-сегмента в границах сецессии, которые признаются материнским государством (+3), функционирование государства-сегманта при несовпадении границ (+1), отсутствие государства-сегмента (-3).	+3	+1	+3	+1
6) Несколько войн с материнским государством (+5), восстания/вооружённые конфликты (+3), отсутствие войн и конфликтов (-5)	+5	+5	+3	-5
7а) статус: ССР (+4), АССР/АТО (+3), часть АССР (+2), автономная область/область (+1); отсутствие статуса (-4); 8а) нахождение в составе материнского государства до начала сецессии: меньше 50 лет (+4), 51-100 (+3), 101-150 (+2), 151-200 (+1), 201-250 (0); 8в) специфика вхождения: завоевание материнским государством (+3), передача властями федерации материнскому государству (+2), добровольное вхождение (-3)	+4 +3 +2	+1 0 +3	+2 +3 +2	-4 +3 +2
9) Референдум о сохранении СССР (+3), декларация ВС (+2), отсутствие подобных процедур (-3)	+3	+3	+3	-3
10) Собственный язык основной (+3), собственный язык используется вместе с русским/собственный язык русский (+2), собственный язык уступает русскому в распространении (+1), собственного языка нет (-3)	+2	+1	-3	-3
11) наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию +3/-3	+3	+3	-3	-3
12) наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом; +2/-2	+2	+2	-2	+2
13) наличие политической организации/политических институтов у сепаратистов; +2/-2	+2	+2	+2	+2
14) Ведение боевых действий против сепаратистов без попыток договориться с частью лояльных (+5), ведение боевых действий с одновременными переговорами (+3), прекращение попыток военного захвата с переходом к вовлечению сецессии экономическими преференциями (-3), попытки мирной реинтеграции с признанием особого статуса сецессии внутри материнского государства (-5)	+5	+5	+3	+5
15) Отношение материнского государства: население и территория воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порождён исключительно поддержкой патрона (+5) / территория нужна материнскому государству, а население воспринимается как чуждое (+3), /население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под другим сувереном (-5)	+3	+3	-5	+5
16) Отношение к материнскому государству: позитивное (-3), нейтрально-позитивное (-2), нейтрально-негативное (+2), «население материнского государства – главный враг» (+3)	+3	+2	-2	+2
17) уровень внутреннего суверенитета: высокий (сецессия самостоятельно производит общественные блага и обеспечивает порядок и верховенство закона – без масштабной помощи патрона +5), средний +2 (сецессия производит общественные блага, но не способна делать это без помощи патрона, при этом в состоянии поддерживать верховенство закона)/-2 (сецессия не производит общественные блага без помощи патрона, но поддерживает верховенство закона), низкий (сецессия не производит общественные блага, не поддерживает верховенство закона -5)	+5	+2	+2	+5
18) уровень самостоятельности при принятии решении о сецессии: высокий (+3), низкий (+1), начало сецессии под давлением патрона (-1), сецессия начата патроном (-3)	+3	+3	+3	-1
19) результаты ввода миротворческого контингента: миротворцы работают на закрепление сецессии (+3), нейтральная позиция миротворцев или их отсутствие (0), миротворцы работают на реинтеграцию (-3)	+3	+3	+3	0

20) юридическое оформление сецессии: референдум о независимости (+3), парламентская декларация (+1), отсутствие (-3)	+1	+3	+3	-3
21а) наличие военной базы одного из членов ООН (+5/-5), 21б) военная помощь/торговля оружием одного из членов ООН (+3/-3), 21в) наличие посольств членов ООН (+5/-5), 21г) Выдача национальных паспортов населению ДФГ (в т.ч. упрощенная процедура вступления в гражданство) (+3/-3), 21д) признание документов ДФГ (+3/-3)	+5 +3 +5 +3 +3	+5 +3 +5 +3 +3	+5 +3 -5 +3 -3	-5 +3 -5 +3 +3
Итого	**98**	**53**	**-20**	**14**

Даже по вербальному описанию, если не принимать во внимание конкретные значения индикаторов, очевидно, что идеальная сецессия почти воспроизводит описание Абхазии. Географические условия отличные (бОльшая часть границы – с патроном, граница с материнским государством – по реке и горам, территория вытянута, но не представляет собой узкую полоску, с материнским государством транспортное сообщение затруднено, с патроном – напротив, развивается, особенно после олимпиады в Сочи); высокий уровень внутреннего суверенитета (в т.ч. в отношении идентичности (stateness): абхазы искренне стремятся к сохранению национального государства и не желают не только реинтеграции в Грузию, но и вхождения в состав России); на территории страны находится российские посольство и военная база, дополнительно обеспечивающие политический и военный суверенитет; история отношений с материнским государством имеет в списке и войны, и равные статусы внутри СССР. Все эти признаки делают Абхазию абсолютным лидером среди постсоветских сецессий по успешности (98 баллов из 104).

В отличие от неё Южная Осетия не является «идеальной сецессией», входя в кластер успешных сецессий, который, как мы указывали в предыдущем параграфе, находится в коридоре оценки 56-60 баллов. В пользу юго-осетинской сецессии говорят тяжёлые отношения с материнским государством, несколько ожесточённых войн с ним и нежелание Грузии даже считать существующей её в реальности (территория официальным Тбилиси разделена между несколькими мхаре, а сама полития именуется, скорее, географическим, нежели политическим понятием – Цхинвальский регион). РЮО реализовывала сецессию, как и Абхазия, надеясь остаться в составе СССР, имея государство-сегмент, отличный от материнского языка этнос и язык, получив российские паспорта, военную помощь России в финальном конфликте с Грузией, российскую военную базу и

посольство, т.е. максимальную поддержку, которую может оказать патрон. Ослабляют юго-осетинскую сецессию почти все географические факторы – именно поэтому она не может быть, как Абхазия, «идеальной сецессией»: 84 % границы с материнским государством, слабая транспортно-логистическая связь с патроном, словно подталкивающие РЮО к реинтеграции горы, как мало преодолимая преграда между ними, напротив, отсутствие природных барьеров между сецессией и материнским государством, наличие этнических эксклавов на территории РЮО (Ахалгорский район), прохождение линии госграницы (непризнаваемой Грузией) прямо по грузинским сёлам. Именно эти объективные географические факторы в долгосрочной перспективе будут отрицательно влиять на успех сецессии. Добавим сюда же невысокий уровень внутреннего суверенитета и, наоборот – высокий – коррупции, а так же то, что сложно описать академическим дискурсом: слабую привлекательность территории для российских кураторов и по карьерным, и по экономическим причинам, отсутствие того же рекреационного потенциала, что и в Абхазии, и получим группу политических, правовых и экономических факторов, способствующих реинтеграции в случае, если поддержка патрона будет уменьшаться, а желание материнского государства реинтегрировать увеличиваться. Кроме того, в данной работе мы не рассматривали демографические факторы, но в случае Южной Осетии именно снижение численности населения (реальные оценки намного меньше официальных 53 тысяч человек) станет одним из значимых факторов, ослабляющих сецессию.

Шансы на успешную сецессию Л/ДНР в 4 раза меньше, чем у Южной Осетии: 14 против 60. Государство-сегмент отсутствует, никаким образом сецессия в постсоветское время (за исключением откровенно неудачно организованного референдума о независимости) не оформлялась, исторических примеров войн с материнским государством нет. Вопросы языка играют значительную роль в реализации сецессии, поскольку материнское государство явным образом сужает пространство использования русского языка, но он

является общим для населения по обе стороны линии соприкосновения. Географические условия не предполагают успеха сецессии: природные барьеры между её территорией и материнским государством отсутствуют, сама граница не имеет никаких исторических или природных оснований, представляя из себя ситуативную, немаркированную линию в степи. Местные элиты в отличие от абхазских, например, не воспринимают существование непризнанного государства как необходимость, поскольку никакой национально или этнической привязки ни ЛНР, ни ДНР не имеют. Население сецессий, как показывают наши собственные полевые исследования, не воспринимают материнское государство как важнейшего врага, ненависть к которому является одним из основных драйверов сецессии. Уровень внутреннего суверенитета за последние 6 лет явно повысился, но данная динамика обуславливается в большей степени работой кураторов региона, а не самостоятельными реформами местных элит. Республики контролируют лишь малую часть заявленной территории. Правоохранительные и судебные институты не выстроены. Командиры ополчения находились в жёстком противостоянии друг с другом и боролись за власть при помощи оружия и убийств. Состояние правового пространства даже на подконтрольных Донецку и Луганску территориях, равно как и отношение к институтам частной собственности и прав человека плачевно. Наконец, патрон не оформляет поддержку в виде военной базы или посольства.

Эти регионы не имели автономии до начала суверенизации. Попытки равных в правах с другими регионами Украины Донецкой и Луганской областей провести в 1994 году референдум о федерализации были нивелированы судом и генпрокуратурой Украины. Последний раз высокий уровень автономии можно было найти на этих территориях почти сто лет назад в рамках Донецко-Криворожской республики, границы которой вовсе не идентичны границам ДНР и ЛНР. При распаде СССР ни одна из этих политий не стремилась повысить свой статус до автономного при условии развода с Москвой собственной столицы. Декларируя необходимость разрыва с Киевом и вхождение в состав России,

Донецк и Луганск не учитывают отсутствие институциональной традиции существования вместе с Москвой за последние 29 лет.

Ни ДНР, ни ЛНР не являются образованиями, имеющими этническую и лингвистическую основу. Обе самопровозглашённые республики объективно лишены важнейшего инструмента легитимации сецессионистских проектов. В отличие от прочих политий их лидеры не могут апеллировать к существованию особой этнической общности с отдельным языком в рамках границ. Административный фронтир, доставшийся в наследство от Киева, - единственный инструмент оправдания функционирования конкретно ЛНР и ДНР. Русские, русскокультурные и русскоязычные люди живут далеко за пределами республик. Апелляция к русской крови, истории и языку имела больший смысл для «Новороссии», условно отделяемой украинское население от русского (но и в этом случае этнические и лингвистические границы крайне размыты). У идеологов ЛНР и ДНР отсутствует монополия на этничность, каковая была у Сербской Краины – для сербов, Абхазии – для абхазов, Южной Осетии – для осетин, Гагаузии – для гагаузов. Дискурс лидеров Донбасса строится вокруг цели «дойти до границ областей», что, конечно, несравнимо по силе влияния на массовое сознание с «построить своё чеченское государство» или «избавиться от грузинского ига».

Но факторы, положительно влияющие на сецессию тоже имеют место. ДНР, как и Абхазия, имеет выходы к морю и порты. Сама территория из всех сецессий наиболее приближена к окружности без явных стратегических выступов, которые можно «срезать». Граница с патроном проницаема так же, как и с материнским государством, а значит нет природных барьеров для бронетехники для движения в обе стороны. Вероятно, самый значимый фактор сохранения сецессии – 13 000 погибших за годы конфликта по обе стороны фронта, что позволяет обеим сторонам на официальном уровне формировать политики памяти, основанные на ненависти к противнику. Патрон оказывается поддержку в виде признания документов, выданных Донецком и Луганском, выдачи собственных паспортов,

что, напомним, было предшествующей мерой перед признанием Абхазии и Южной Осетии, а так же значительную кадровую и финансовую помощь.

По сравнению с рассматриваемыми казусами ДНР и ЛНР имеет наименьшие шансы на успех сецессии. Из всех факторов к успеху их приближают лишь три: мощное государство-патрон, общая граница с ним, неподконтрольная официальному Киеву, и военная агрессия украинской армии. С одной стороны, до активного вмешательства России в августе 2014 года, когда российские ВС, согласно оппозиционным массмедиа помогали местным ополченцам и российским добровольцам «закрывать» иловайский котёл, а в феврале 2015 года – котёл в Дебальцево (что неоднократно опровергалось официальными спикерами МО РФ), Украина обороняла свою территорию от вторжения иностранных вооружённых граждан (подразделений Игоря Стрелкова в Славянске) и пыталась установить контроль над сепаратистскими территориями. С другой, использование тяжёлой артиллерии и ракетно-бомбовых ударов ВВС, обстрел жилых кварталов, зверства отдельных батальонов нацгвардии, борьба с советским наследием (на фоне реставрации советских мифов в ДНР и ЛНР) крайне осложнили возвращение Донбасса в конституционное пространство Украины.

Республики не смогли определиться со своей внешнеполитической стратегией, что во многом обусловлено отсутствием единого центра принятия решений внутри ДНР и ЛНР и «распылением» внутреннего суверенитета между несколькими центрами власти внутри республики и среди её кураторов. Власти Л/ДНР с момента подписания «Минских соглашений» находились в двойственном положении. С одной стороны, они были вынуждены настаивать на их соблюдении, а значит, в итоге – на реинтеграции в состав сильно изменившейся Украины. С другой, в условиях боевых действий, постоянно поддерживать образ врага. Говорить о международном признании самопровозглашённых республик не приходится. Они признаются друг другом и РЮО. С высокой вероятностью мы предполагаем, что при редукции значения факторов мощи государства-патрона и общности границы с ним, сецессия

завершится провалом. Ярчайший исторический пример – РСК, при бездействии Белграда и молчаливом согласии международного сообщества за несколько месяцев реинтегрированная армией Хорватии. Если Россия позволит Киеву восстановить контроль на границей и перестанет поддерживать ДНР и ЛНР, скорее всего, Украина силовым путём вернёт их в своё конституционное пространство. Это будет сопровождаться исходом сотен тысяч беженцев из региона и многолетним ценностным конфликтом между новой украинской нацией и жителями Донбасса.

Как и Л/ДНР на шкале успешности сецессий (см. рисунки …) Приднестровье находится в кластере балансирующих случаев. Причём это единственный кейс из всех рассмотренных, нынешний статус которого не соответствует значению в модели. Если во всех остальных случаях нахождение их значений в отрицательном интервале (слева от ноля) означало прекращение сецессии, в положительном (справа от ноля) – её развитие, то только ПМР имеет отрицательное значение (-20), но при этом сохраняет статус де-факто государства. Это говорит не об исключительном случае в модели, а о наиболее очевидном и устойчивом прогнозе, который она предлагает: ПМР имеет наивысшие шансы на завершение сецессии и реинтеграцию в Молдавию несиловым путём, что будет означать разрешение и завершение Приднестровского конфликта.

Факторов сохранения приднестровской сецессии немного. Это румынизация Молдавии и желание части молдавских элит объединиться с Румынией не только в институциональном смысле, но и значительно изменить исторические концепции в сторону унионизма. Политическая, финансовая и военная поддержка Россией Приднестровья – второй значимый фактор сохранения сецессии, но при этом Россия признаёт суверенитет Молдавии над регионом и стремится к разрешению конфликта путём возвращения ПМР в состав материнского государства в правами широкой автономии. И наоборот, не признаёт независимость ПМР и не учитывает несколько обращений в адрес официальной Москвы со стороны непризнанной республики о признании или вхождении в

собственное «государственное тело». Учитывая успешную и мирную реинтеграцию Гагаузии и почти состоявшийся в 2003 году аналогичный процесс в молдо-приднестровских отношениях (подписание уже парафированного текста «меморандума Козака» сорвалось в последний момент), а так же позиции внешних игроков в лице ЕС и США, которые тоже поддерживают территориальную целостность Молдавии, мы не видим внешних факторов, способствующих продолжению сецессии.

География приднестровской сецессии одна из худших. Узкая, вытянутая территория (хуже форма территории только у Гагаузии), легко перерезаемая бронетехникой, эксклавы в виде молдавских сёл в районе Дубоссар и приднестровский эксклав – город Бендеры, отделённый рекой от основной территории, отсутствие границы с патроном, напротив, общая граница с материнским государством, - все эти факторы лишь усложняют сецессию. При этом внутренние факторы, способствующие сецессии, сохраняются. Они преимущественно исторические и легалистские. У ПМР есть отчётливо выраженное государство-сегмент, к тому же обладавшее статусом АССР, хотя и не самым высоким. Приднестровье дважды проводило референдум о независимости и референдум о сохранении в составе СССР, что, как и в случае с Абхазией и Южной Осетией, было одной из важнейших причин легитимации сецессии: «Материнское государство уходит, а мы (сецессия) остаёмся».

Внутренние факторы, так же как и международные, «работают» на завершение сецессии. Нет отдельного этноса, для которого сецессия принципиальна. В разные годы приднестровские власти делали попытки сконструировать гражданскую идентичность, и автор неоднократно получал ответ на вопрос «кто ты?» - «приднестровец», «приднестровчанка». Но в целом эти попытки следует признать неудачными, как минимум, потому что в республике наблюдается межэтнический мир, и треть русских, треть молдаван и треть украинцев живут бесконфликтно. Точно так же язык не является драйвером сецессии, поскольку не притесняется в Молдавии. С точки зрения социологии,

приднестровцы не видят в молдаванах (и жителях Молдавии иных этносов) врага, а память о конфликте 1992 года и жертвах поддерживается преимущественно в музеях и мемориальных композициях. Ненависть к врагу/оккупанту/агрессору не является в ПМР основой национального самосознания, как например, память о войне Грузии против Абхазии (Отечественная война абхазского народа 1992-1993 годов). Жители Тирасполя свободно ездят на работу каждый день в Кишинёв. С со стороны Молдавии граница отсутствует. Наконец, экономика непризнанной республики основана на экспорте продукции в ЕС именно через молдавскую границу и на работе монополиста во многих сферах – фирме «Шериф», установившей в стране юрисдикцию, параллельную официальной.

Международные, социологические, легалистские, политические, этнические, лингвистические, географические факторы способствуют мирной реинтеграции Приднестровья, и только исторические предполагают сохранение сецессии. С самой высокой вероятностью мы прогнозируем, что в течение 5-10 лет ПМР будет реинтегрирована в состав Молдавии. Все внутренние условия для этого сложились. Значимым препятствием является деятельность «Шерифа», но и с его руководством при создании конкретных условий (например, тех, что способствовали ликвидации статуса Владимира Плахотнюка как прямого «хозяина» страны, в прямом смысле управлявшего большей частью парламента, правительством и силовиками) при синхронном взаимодействии всех заинтересованных международных акторов (Россия, Украина, ЕС, США) можно прийти к соглашению (пока, заметим, геополитическая ситуация вокруг ПМР остаётся стабильной, но сложной, в т.ч. из-за наличия ОГРВ в регионе, устранения которой хотели бы конкретные «ястребы» в ЕС и США). Единственным резким изменением, которое приведёт к взрывному развитию сецессии и возможному признанию Россией, может быть дальнейшая румынизация Молдавии в форме её раскола на части, вхождения в состав Румынии или попыток завоевать Приднестровье. В таком случае будет реализован абхазский сценарий, при котором Россия вынуждено будет защищать своих

граждан и использует все имеющиеся у неё дипломатические, политические, экономические и военные средства для того, чтобы данная территория не была реинтегрирована насильно.

Отдельно рассмотрим два важнейших фактора: международное признание и внутренний суверенитет. Степень признания не является единственным мерилом успеха сецессий. Вопрос «что считать государством?» дискуссионен. С одной стороны, российский политолог Михаил Ильин прав: «Есть один признак, присущий всем государствам – их формальное «равенство» относительно друг друга, принадлежность к сообществу государств. Это единственная общая характеристика, все остальные их разделяют» [Ильин 2008: 63]. Референтная сетка взаимных признаний – ООН – является элитным клубом, пропуск в который в большинстве случаев обозначает современное состоявшееся государство [Schmitter 2005].

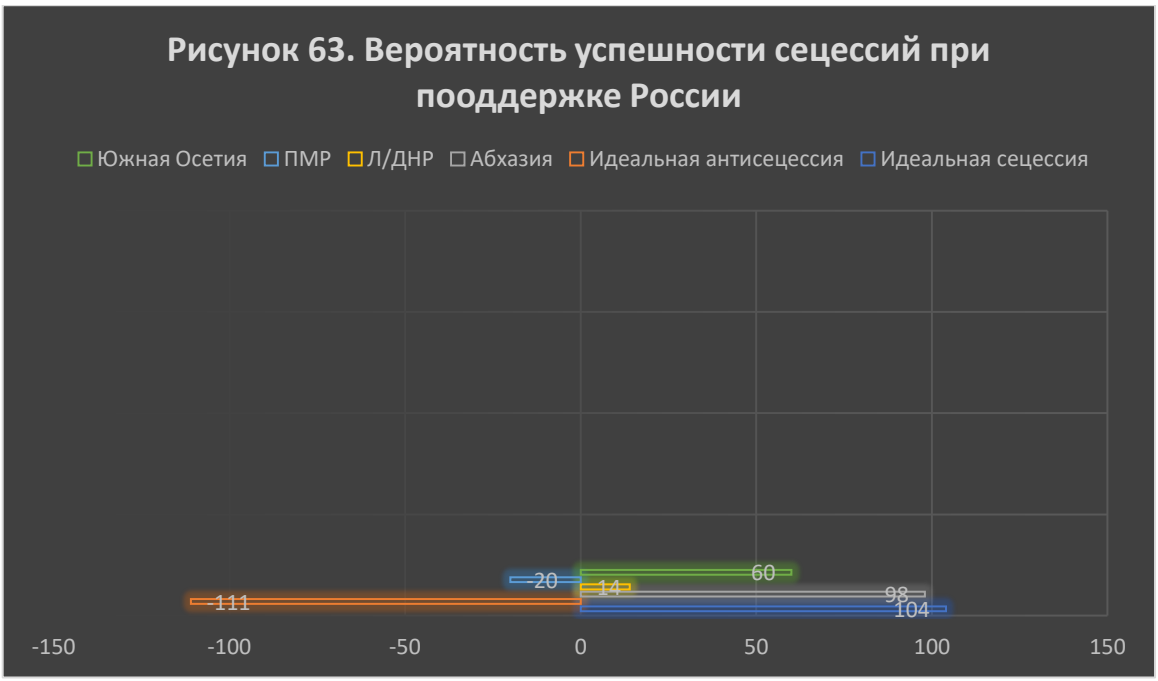
Абхазия и Южная Осетия «твёрдо» признаны пятью членами ООН: Россией, Венесуэлой, Никарагуа, Сирией и Науру. Вануату признавало только Абхазию – вместе с Тувалу то подтверждало, то опровергало признание. Абхазия и Южная Осетия входят в группу частично признанных государств. Никто из членов ООН не устанавливал дипломатические отношения с НКР и ПМР. Они признаются друг другом и частично признанными Абхазией и Южной Осетией, но, учитывая, нашу концепцию дифференцированного признания (см. п. 3.4), подчеркнём, что НКР и ПМР имеют явную военную поддержку патронов в виде военных баз – в данных случаях отсутствие посольств патронов не сильно влияют на сецессию.

Если исследовать не формальную (статусность – statehood), а сущностную (состоятельность – stateness) характеристику государственности [Kuthy 2012], то выяснится, что ПМР – исключение из правил развития сецессий, не добившихся дипломатического признания. Уровень приватизации государства семьёй первого президента Игоря Смирнова пошёл на спад после 2012 года, как и неформальное влияние на публичную политику владельцев компании «Шериф» Ильи Казмалы и

Виктора Гушана. В республике функционируют суды и правоохранители (пусть и с высоким уровнем коррупции). Её границы консолидированы и охраняются. Альтернативные выборы не проводятся, как в северной части Косова. У ПМР нет правительства в изгнании, как у РСК, нет навязываемой со стороны бывшего центра временной, ничем не управляющей администрации, как у Южной Осетии. Государство как совокупность институтов обладает монополией на применение легитимного насилия. В отношении внутреннего суверенитета ПМР обгоняет Абхазию, где сформировалась параллельная юрисдикция «воровского мира», через которую тоже возможно решение проблем населения и частичное производство общественных благ – например, поиск справедливости и возмездие обидчику.

В Абхазии, ПМР, Южной Осетии и Л/ДНР сформированы органы госуправления. Уровень внутреннего суверенитета в них, безусловно, превышает худшие образцы сецессий по данному параметру в виде террористической Ичкерии, Кадарской зоны или Панкисского ущелья. Но во всех этих случаях внутренний суверенитет испытывает давление: в Абхазии со стороны воров в законе, в Южной Осетии – в связи с высочайшим уровнем коррупции, в Л/ДНР – со стороны борющихся за власть местных силовиков и полевых командиров, в Приднестровье – со стороны параллельной юрисдикции в форме «Шерифа». Ни одно из этих непризнанных государств не смогло построить прозрачную и эффективную систему создания общественных благ и государственного управления. При этом даже эти неэффективные системы в состоянии поддерживать минимальный уровень их независимости от материнских государств и зависимости и распределения (в т.ч. нецелевого) средств и ресурсов патрона.

Рисунок 63 – Вероятность успешности сецессий при поддержке России

5.3 Математическое описание модели[255].

После того как модель была впервые представлена экспертному сообществу[256], сразу несколько коллег высказали справедливые критические аргументы в отношении отсутствия веса факторов. Несмотря на то, что в начальных версиях модели вес факторов опосредованно учитывался (через различающиеся числовые характеристики индикаторов), рефлексируя в отношении критики, автор принял решение, во-первых, ввести вес факторов, во-вторых, унифицировать значения индикаторов, разместив их на шкале от -1 до +1, в-третьих, провести экспертный опрос с целью повышения степени объективности при определении размерности весов. Стоит отметить, что в минимальном количестве случаев авторские оценки совпали с мнением коллег, а в максимальном уложились в те же интервалы при округлении: 3 у автора соответствовало 3,2 у коллег, к примеру. Т.е. результаты опроса не

[255] За помощь в создании данного параграфа автор благодарит О.А. Клименко, кандидата физико-математических наук, советника председателя Сибирского отделения РАН.

[256] Публичная лекция в Фонде Горчакова 3 июля 2020 года «Будущее постсоветских конфликтов» https://www.youtube.com/watch?v=rTbftp7-eOI&t=218s

детерминировали смену размерности весов, которую можно было бы дополнить корректировкой до десятых долей, что было сочтено нецелесообразным. Лишь в случае переменной «введение в регион миротворцев» оценки разошлись больше, чем на 0,5, но автор принял решение не менять размерность веса данной переменной, поскольку очевидно влияние карабахских событий второй половины 2020 года на её оценки, а модель предполагает долгосрочное прогнозирование и не должна сильно корректироваться в соответствии с конъюнктурой.

Каждой из 43 переменных, сгруппированных в 8 кластеров, было присвоено значение и вес (таблица 34). Веса обозначаются латинскими буквами от a, b, c, d, j, q[257]. Первые три группы переменных географические – их веса обозначены только литерой a. Каждая новая группа весов из оставшихся 5 обозначается отдельной буквой. Аналогичным образом именуются переменные: три группы географических переменных обозначены литерой g. Здесь и далее при смене литеры в кавычках даётся пояснение её именования: g_1^p - «география патрона», g_1^m - «география материнского государства» и т.д.

Таблица 34 – Присвоение переменным весов и обозначений

Группы переменных	Вес (в авторской интерпретации)	Вес (по итогам экспертного опроса)	Обозначение в формуле	Переменные, индикаторы и их значения	Обозначение в формуле
1. наличие общей границы с государством-патроном и её качественные характеристики	(4)	3,6	a_1^p	проходит по равнинной территории (+1) / по горной территории (+0.0) / по морю (+0.5) / отсутствует (-1)	g_1^p «география патрона»
	(2)	2,4	a_2^p	количество официальных пограничных переходов (если 2 и больше: +1, если 1: +0.5, если нет: -1)	g_2^p
	(2)	2,2	a_3^p	наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: +1, если прочие дороги: +0.5, если нет: -1)	g_3^p
	(2)	2,2	a_4^p	наличие ж/д (+1/-1)	g_4^p
	(2)	2,4	a_5^p	доля границы с патроном в общей длине границ, в % (если 50 и более %: +1, если менее 50%: +0.5, если нет: -1)	g_5^p
	(1)	1,4	a_6^p	доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в % (больше/меньше 50 % +1/-1)	g_6^p

[257] Для наглядности веса стоило обозначить заглавными литерами, но в математике так обозначаются матрицы. Литеры e и f используются для обозначения экспоненты и функции, соответственно. Остальные буквы латинского алфавита использованы по порядку в весах и переменных.

2. специфика границы с материнским государством	(3)	3,2	a_1^m	граница с материнским государством проходит по реке (0) / по горам (+1) / по равнинной местности без природных барьеров (-1) / по морю (-0.5)	g_1^m «география материнского государства»
	(2)	2,4	a_2^m	в случае наличия природных барьеров существует ли инфраструктура для их преодоления: мосты, тоннели – при наличии: (-1), если отсутствуют (0)	g_2^m
	(2)	2,4	a_3^m	наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: -1, если прочие дороги: -0.5, если нет: +1)	g_3^m
	(2)	2,4	a_4^m	наличие ж/д (-1/+1)	g_4^m
	(2)	2,4	a_5^m	доля границы с материнским государством в общей длине границ, в % (если 50 и более %: -1, если менее 50%: -0.5, если нет: +1)	g_5^m
	(1)	1,4	a_6^m	доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в % (если меньше 50 % -1/ если больше +1)	g_6^m
3. географические аспекты территории сецессии	(2)	2,2	a_1^s	территория сецессии преимущественно равнинная (-1)/горная (+1)	g_1^s «география сецессии»
	(3)	3	a_2^s	отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину (интервал 1-1,5: +1; 1,6-2: +0.5; 2,1-2,5: -0.5; больше, чем 2,6: -1)	g_2^s
	(3)	2,8	a_3^s	имеет ли сецессия эксклавы, отделённые природными барьерами (имеет -1, не имеет 0)	g_3^s
	(3)	3	a_4^s	имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства (имеет -1, не имеет 0)	g_4^s
	(2)	2,2	a_5^s	наличие выхода к морю (+1/-1)	g_5^s
	(2)	2,2	a_6^s	наличие портов (+1/-1)	g_6^s
	(3)	3,4	a_7^s	доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политии в расстоянии от столицы до крайне точки государства в данном направлении де-юре (70-80 % +0.3, 81-90 % +0.7, больше 91 % +1)	g_7^s
	(2)	1,8	a_8^s	- соотношение границ с патроном и материнским государством (если бОльшая доля у патрона +1, если у материнского государства -1)	g_8^s
4. специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии	(2)	2,4	b	эта этническая группа расселена равномерное по территории сецессии / сосредоточена на границе с материнским государством (-1/+1)	g^{et} «география этноса»
5. исторические переменные: государство-сегмент и его характеристики, исторические отношения с материнским государством и наднациональной федерацией, статус	(3)	3,2	c_1	наличие государства-сегмента или чётко очерченной сепаратистской/автономистской территории: функционирование государства-сегмента в границах сецессии, которые признаются материнским государством (+1), функционирование государства-сегмента в границах, которые не признаются материнским государством (+0.6), функционирование государства-сегманта при несовпадении границ (+0.4), отсутствие государства-сегмента (-1)	h_1 «история»
	(5)	4,8	c_2	исторический опыт вооружённой борьбы за автономию или сецессию: несколько войн с материнским государством (+1), восстания/вооружённые конфликты (+0.5), отсутствие войн и конфликтов (-1)	h_2
	(4)	4,4	c_3	статус в составе материнского государства: ССР (+1), АССР/АТО (+0.8), часть АССР (+0.6), автономная область/область (+0.4); отсутствие статуса (-1)	h_3
	(3)	3,4	c_4	нахождение в составе материнского государства до начала сецессии: меньше 50 лет (+1), 51-100 (+0.8), 101-150 (+0.6), 151-200 (+0.4), 201-250 (0.2)	h_4
	(3)	3,4	c_5	специфика вхождения: завоевание материнским государством (+1), передача властями федерации материнскому государству (+0.5), добровольное вхождение (-1)	h_5

	(2)	2,4	c_6	стремление сохранить свой статус в составе СССР: референдум о сохранении СССР (+1), декларация ВС (+0.5), отсутствие подобных процедур (-1)	h_6
6. этно-лингвистические характеристики	(3)	3,2	d_1	собственный язык основной (+1), собственный язык используется вместе с русским/собственный язык русский (+0.5), собственный язык уступает русскому в распространении (0), собственного языка нет (-1)	l «язык»
	(3)	3,4	d_2	наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию; +1/-1	Et «этнос»
	(2)	2,2	d_3	наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом; +1/-1	Gr «граница»
7. политические и экономические характеристики	(2)	1,8	j^1	наличие политической организации/политических институтов у сепаратистов; +1/-1	p^1 «политика»
	(5)	4,8	j^2	реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: ведение боевых действий против сепаратистов без попыток договориться с частью лояльных (+1), ведение боевых действий с одновременными переговорами (+0.5), прекращение попыток военного захвата с переходом к вовлечению сецессии экономическими преференциями (-0.5), попытки мирной реинтеграции с признанием особого статуса сецессии внутри материнского государства (-1)	p^2
	(5)	4,8	j^3	восприятие населением и элитами материнского государства населения и территории сецессии: население и территория воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порождён исключительно поддержкой патрона (+1)/население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под другим сувереном (-1)	p^3
	(4)	4,4	j^4	отношение населения сецессии к материнскому государству: позитивное (-1), нейтрально-позитивное (-0.5), нейтрально-негативное (+0.5), «население материнского государства – главный враг» (+1)	p^4
	(4)	3,8	j^5	уровень эффективности внутреннего суверенитета; Высокий (сецессия самостоятельно производит общественные блага и обеспечивает порядок и верховенство закона – без масштабной помощи патрона +1), средний +0.5 (сецессия производит общественные блага, но не способна делать это без помощи патрона, при этом в состоянии поддерживать верховенство закона)/-0.5 (сецессия не производит общественные блага без помощи патрона, но поддерживает верховенство закона), низкий (сецессия не производит общественные блага, не поддерживает верховенство закона -1)	p^5
	(3)	3,4	j^6	независимость от государства-патрона при решении о начале сецессии: высокий уровень самостоятельности (+1), низкий (+0.5), начало сецессии под давлением патрона (-0.5), сецессия начата патроном (-1)	p^6
8. Легалистские факторы: характер взаимоотношений с миротворцами, специфика референдумов и ранжированного признания членами ООН	(3)	4	q^1	введение миротворцев в регион конфликта:сли миротворцы работают на закрепление сецессии (+1), нейтральная позиция миротворцев (0), миротворцы работают на реинтеграцию (-1)	leg_1 «легализм»
	(2)	2,2	q^2	тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом; Референдум о независимости (+1), парламентская декларация (+0.5), отсутствие (-1)	leg_2
	(5)	4,8	q^3	наличие военной базы одного из членов ООН (+1/-1)	leg_3
	(4)	4	q^4	военная помощь/торговля оружием одного из членов ООН (+1/-1)	leg_4
	(5)	4,8	q^5	наличие посольств членов ООН (+1/-1)	leg_5
	(3)	3,6	q^6	выдача национальных паспортов населению ДФГ (в т.ч. упрощенная процедура вступления в гражданство) (+1/-1)	leg_6
	(3)	3,4	q^7	признание документов ДФГ (+1/-1)	leg_7

Математическое описание модели выглядит следующим образом:

$$S = \sum_{k=1}^{6} a_k^p g_k^p + \sum_{k=1}^{6} a_k^m g_k^m + \sum_{k=1}^{8} a_k^s g_k^s + b\ g^{et} + \sum_{k=1}^{6} c_k\ h_k + d_1\ l + d_2 Et + d_3 Gr + \sum_{k=1}^{6} j_k p^k + \sum_{k=1}^{7} q_k leg_k$$

Для проверки формулы она была развёрнута и разложена на слагаемые согласно общим переменным («география патрона» - $\sum_{k=1}^{6} a_k^p g_k^p$, «география материнского государства» - $\sum_{k=1}^{6} a_k^m g_k^m$, «география сецессии» - $\sum_{k=1}^{8} a_k^s g_k^s$ и т.д.). После этого к формуле были добавлены слагаемые вне общих переменных, и подставлены значения из таблицы 34.

$$\sum_{k=1}^{6} a_k^p g_k^p = a_1^p g_1^p + a_2^p g_2^p + a_3^p g_3^p + a_4^p g_4^p + a_5^p g_5^p + a_6^p g_6^p$$

$$\sum_{k=1}^{6} a_k^m g_k^m = a_1^m g_1^m + a_2^m g_2^m + a_3^m g_3^m + a_4^m g_4^m + a_5^m g_5^m + a_6^m g_6^m$$

$$\sum_{k=1}^{8} a_k^s g_k^s = a_1^s g_1^s + a_2^s g_2^s + a_3^s g_3^s + a_4^s g_4^s + a_5^s g_5^s + a_6^s g_6^s + a_7^s g_7^s + a_8^s g_8^s$$

$$\sum_{k=1}^{6} c_k\ h_k = c_1\ h_1 + c_2\ h_2 + c_3\ h_3 + c_4\ h_4 + c_5\ h_5 + c_6\ h_6$$

$$\sum_{k=1}^{6} j_k p^k = j_1 p^1 + j_2 p^2 + j_3 p^3 + j_4 p^4 + j_5 p^5 + j_6 p^6$$

$$\sum_{k=1}^{7} q_k leg_k = q_1 leg_1 + q_2 leg_2 + q_3 leg_3 + q_4 leg_4 + q_5 leg_5 + q_6 leg_6 + q_7 leg_7$$

Оставшиеся слагаемые: $b\ g^{et} + d_1\ l + d_2 Et + d_3 Gr$

На семинаре в Институте вычислительной математики и математической геофизики Сибирского отделения РАН, где автор в сентябре 2020 года представил данную модель, коллеги-математики посоветовали проверить её на устойчивость. Согласно теории некорректных решений[258], для этого необходимо незначительным образом изменить значения коэффициентов и посмотреть на результат. Если он меняется столь же незначительно и находится в небольшом

[258] Тихонов А.Н., Арсенин В.Я. Методы решения некорректных задач – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1979. Изд. 2-е. – 284 с.

«облаке решений», значит, модель устойчива. Если же «облако решений» стремится к расширению, а итоговые значения «скачут», модель явно неустойчива.

При помощи датчика случайных чисел[259] в чётные столбцы таблицы 35 (для примера представлена Абхазия) мы внесли незначительно изменённые значения коэффициентов (не превышающие 10 %), в нечётных сохранив оригинальные значения. Подсчёт итоговых индексов показал незначительные отклонения новых величин от оригинальных: не более 10 % (см. табл. 35, приложение 10).

Таблица 35 – Проверка матмодели через изменение коэффициентов (Абхазия)

PA										
3	3,08	3,04	3,04	3,05	3,05	3,01	3,02	3,05	3,03	3,06
2	2,09	2,08	2,02	2,06	2,08	2,05	1,94	2,07	2,07	2,08
2	2,06	2,09	2,06	2,08	2,08	2,08	2,06	2,03	2,04	2,1
2	2,07	2,03	2,03	2,05	2,04	2,08	2,06	2,04	2,04	2,07
2	2,1	2,05	2,08	2,02	2,02	2,08	2,01	2,08	2,02	2,02
-1	-1,09	-1,02	-1,07	-1,09	-1,02	-1,08	-1,04	-1,03	-1,05	-1,09
3	3,08	3,07	2,92	3,06	3,01	3,02	3,07	2,9	2,98	3,03
-2	-2,04	-2,06	-2,03	-2,02	-2,05	-2,1	-2,06	-2,03	-2,03	-2,09
2	2,03	2,01	1,92	2,02	2,09	2,05	2,08	2,06	2,02	2,03
2	2,03	2,04	2,08	1,96	2,03	2,04	2,1	2,01	2,04	2,05
-1	-1,08	-1,01	-1,08	-1,04	-1,07	-1,02	-1,06	-1,1	-1,05	-1,06
1	1,02	1,04	1,06	1,05	1,07	1,03	0,9	1,06	1,02	1,04
2	1,94	2,09	2,01	2,03	1,91	1,96	2,08	2,01	2,03	2,01
2	2,03	2,06	1,97	2,08	1,93	2,02	2,08	2,1	2,02	2,02
0	0,01	0,03	0,05	0,01	0,02	0,03	0,03	0,06	0,04	0,09
-3	-3,03	-3,07	-3,05	-3,07	-3,04	-3,04	-3,02	-3,09	-3,05	-3,06
2	2,01	0,9	1,95	2,06	2,07	2,02	1,91	1,93	1,91	2,02
2	2,06	2,09	2,04	2,01	2,07	2,03	2,01	2,1	2,06	2,07
3	3,06	3,09	3,04	3,09	1,91	3,04	3,07	3,07	2,97	3,05
2	2,05	2,07	1,98	2,04	2,02	2,02	2,05	1,91	2,01	2,07
2	2,02	2,04	2,1	2,1	2,04	2,05	2,05	2,01	2,01	2,01
3	2,96	3,02	3,05	3,02	3,03	3,03	2,93	3,01	3,01	2,9
5	4,97	5,09	4,9	5,07	5,09	5,09	5,07	5,02	4,97	5,02
4	4,06	3,93	3,91	3,95	4,01	4,02	4,02	4,08	4,03	4,08
3	3,09	3,04	3,01	3,1	2,91	3,08	3,05	2,95	3,04	3,01
2	1,9	2,02	2,07	1,9	1,9	2,05	2,1	2,07	2,07	2,02
3	3,07	3,09	3,01	3,1	3,03	3,03	2,9	3,1	3,1	3,05
2	1,94	2,01	2,04	1,93	2,07	2,04	2,02	2,04	2,03	2,06
3	3,06	3,01	2,9	3,03	3,07	3,06	2,92	3,01	2,92	3,04
2	2,06	2,05	2,05	2,07	2,01	2,03	1,9	2,02	2,09	1,97

[259] https://castlots.org/generator-sluchajnyh-chisel/

2	1,99	2,03	2,03	2,09	2,05	2,04	2,08	2,03	2,03	2,02
5	4,97	5,1	4,92	4,94	5,06	4,92	5,1	4,93	5,08	5,06
3	3,05	3,09	2,95	3,02	2,9	3,02	2,98	3,03	2,91	2,95
3	3,03	3,05	3,01	2,93	2,95	2,91	3,02	3,08	3,04	3,05
5	4,96	5,05	5,03	4,95	5,05	5,03	5,02	4,91	4,91	5,05
3	3,08	3,01	2,92	3,07	3,08	3,01	3,03	3,08	3,05	2,9
3	3,09	3,02	3,05	3,07	3,02	3,08	3,06	2,91	3,02	2,96
1	0,9	1,07	1,01	1,07	1,09	1,02	1,1	1,08	0,92	1,1
5	5,01	4,96	4,93	5,01	4,97	4,93	4,95	4,95	5,02	4,96
3	3,1	2,92	3,09	3,09	2,93	2,9	3,02	3,01	2,93	2,9
5	4,97	5,06	4,98	4,94	5,02	5,02	4,97	4,93	5,05	5,03
3	3,06	3,08	3,02	3,05	3,05	3,02	3,05	3,08	3,07	3,01
3	3,05	2,95	2,97	3,03	2,94	3,09	3,07	3,07	3,08	3,04
98	**98,87**	**98,31**	**97,97**	**98,98**	**97,49**	**98,79**	**98,7**	**98,63**	**98,5**	**98,7**

Полученные результаты показывают, что модель устойчива.

Заключение

Детальное изучение опыта постсоветских сецессий, автономизаций и прочих «сложных» случаев позволяет нам с уверенностью сказать: любая форма выхода из состава материнской политии представляет собой крайне сложный процесс, определяемый множеством этнических, культурных, лингвистических, исторических, политических, экономических, военных и географических факторов. Среди них есть более весомые, влияющие на успех сецессии сильнее других – таковы, безусловно, фактор сильного патрона, военная сила сецессии и география, способствующая сецессии или препятствующая ей. Есть те, которые влияют на успешность совсем незначительно. Например, исторический опыт нахождения в составе другого государства может стать важным при апелляции к национальному сознанию в случае «воссоединения Крыма с Россией», а может никак не повлиять на выход (случай постсоветского развития украинского Закарпатья).

Несмотря на то, что четвертной транзит для всех постсоветских государств стартовал из одной точки – распада СССР – он породил принципиально разнообразные результаты по всем четырём направлениям государственности, идентичности, режиму, экономике: успешная консолидация институтов и оформление эффективной государственной власти, автономизация не только национальных окраин, но и попытки регионов с очевидным титульным этносом реализовать планы по автономизации, полный коллапс государственной власти и её подмена нелегальными акторами, дополненные гражданскими войнами, попытки бандформирований самостоятельно производить общественные блага, т.е. создавать альтернативную государству юрисдикцию, жестокие военные конфликты как следствие борьбы за власть внутри сложносоставных государств,

успешные сецесии, активно поддержанные патроном, неудачные сецессии, завершившиеся реинтеграцией.

Основной теоретический метод исследования заключался в квантификации факторов сецессий и их ранжировании. Поддержка патрона не является определяющей для успеха сецессии как инвариантного и многофакторного процесса. Наличие государства-сегмента – самый популярный фактор сецессии. В 17 из 20 случаев «сложных» территорий процесс выхода или автономизации происходит в рамках сегмента, за исключением террористических де-факто государств Ичкерии, Кадарской зоны и Панкисского ущелья, поскольку террористы контролировали не всю территорию, соответственно, Чечни, Дагестана и Ахметского района Грузии, соответственно, а лишь ту часть, которую не могли отвоевать правительственные войска.

Наличие политической организации, представляющей интересы сепаратистов/автономистов – не менее популярный фактор (также 17 случаев из 20). В одних странах это были уважаемые общенациональные движения (ПМР), в других – террористические группировки («Ичкерия»), в третьих – парламент как таковой (Абхазия, Южная Осетия, НКР), действия которого отображают общественный консенсус в отношении достижения суверенитета от материнского государства. Без политической организации, отстаивающей интересы либо конкретной группы сепаратистов, либо всего общества будущего де-факто государства, успех сецессии невозможен. Ярчайший пример – две киргизские области в 1990 году и Панкисское ущелье, управляемое бандой Гелаева на рубеже веков.

Наличие отдельного этноса, готового при стечении конкретных обстоятельств отстаивать независимость – фактор 16, а существование собственного языка, отличного от языка материнского государства – 15 «сложных» случаев. Несмотря на количественную значимость этих факторов, они точно не являются определяющими. ПМР, Л/ДНР, Крым не имели ни отдельного этноса, ни собственного языка (хотя во всех этих случаях проблема свободного

распространения русского языка была одним из триггеров сецессии). Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, люди внутри де-факто государства используют те же языки, что и в материнском государстве (русский и украинский или русский и молдавский), с другой – радикальный национализм внутри материнских государств мешает реинтеграции: попытки «зачистки» лингвистического пространства всегда чреваты опасностями для территориальной целостности. Это значит, что лингвистическая обособленность общества, готовящегося к сецессии, важна, но детерминирует её – прочие факторы являются более важными.

Наличие государства-патрона, помогающего осуществить сецессию, вопреки часто встречающемуся в материнских государствах мнению среди экспертов и журналистов, отнюдь не является определяющим фактором. Лишь в 10 «сложных» случаях из 20 патрон оказывал помощь. Это не отменяет самой силы данного фактора: в некоторых случаях (Крым, Л/ДНР) без патрона сецессия не была бы успешной.

Исторический опыт функционирования в составе другого государства есть лишь у 7 случаев. Временные интервалы, от сотен лет Крыма и Донбасса в составе России до 5 лет Каракалпакстана в составе Киргизии, не позволяют выявить корреляцию между пребыванием в составе другого государства и успешностью сецессии.

Для случаев автономизма/сепаратизма во всех 12 постсоветских странах нет ни одного общего фактора, т.е. такого, который повторялся бы 12 раз. Три государства оказались не затронуты проблемами сепаратизма, хотя в Белоруссии и Казахстане имели место попытки политических организаций их будировать (в последнем – с гораздо бОльшими основаниями). В остальном все три унитарных страны, включая моноконфессиональную и моноэтничную Армению, где оснований для сепаратизма попросту не существует, не испытывали давления со стороны регионов. На 12 стран приходится 20 сложных территориальных случаев, из которых 11 были де-факто государствами или сепаратистскими образованиями,

7 – случаями автономизации, ещё 2 – попытками автономизации без успешных политических действий. Не все случаи сепаратизма объявлялись таковыми (уникальная в этом смысле аджарская «сецессия без выхода»). В некоторых из них политические (террористические) силы, осуществляющие выход, не интересовались вопросами легитимации своей власти в принципе, не нуждаясь в международном признании (таковы, например, Панкисское ущелье и Кадарская зона). Под определение сецессий они попадают, поскольку в соответствии с формулой Фукуямы осуществили де-факто выход, не декларируя его.

Факторы, влияющие на сецессии, различаются по степени зависимости от деятельности политических акторов. И легитимизация сецессий посредством парламентских процедур и всенародных голосований, и жёсткие действия материнских государств по возвращению сепаратистских территорий в процессе боевых действий, и тем более, дифференцированное признание, обусловленное, прежде всего, актуальной политической ситуацией и соотношением сил акторов (а не международным правом) в каждом конкретном случае, гораздо сильнее зависят от конъюнктуры, нежели объективные факты географического и исторического пространства, которые так же могут быть подвержены корректировке и трактовке.

С точки зрения географического фактора, рассмотренные сецессии делятся на две группы. География способствует реинтеграции: ПМР, РЮО, Л/ДНР. В случае прекращения масштабной поддержки патрона (вывода баз из ПМР и РЮО, передачи контроля над границей Украине на участке в Л/ДНР), в краткосрочной перспективе эти сецессии с высокой вероятностью завершатся неудачей. Отсутствие общей границы с патроном, наличие бендерского эксклава, превращение Днестра из естественного барьера в символический благодаря многим мостам и значительная растянутость легко перерезаемой посередине территории ПМР; единственный, быстро блокируемый тоннель как связь с Россией и расположение территории по одну сторону гор с материнским государством, на равнине вообще не делимитирующим территорию РЮО;

отсутствие природных барьеров, широчайшая сеть дорог, соединяющих сецессию и материнское государство, полная искусственность созданной границы Л/ДНР и Украины – эти черты будут способствовать тому, что без патрона данные сецессионистские проекты в постоянных географических условиях вернутся в международно признанные границы. Единственное географическое преимущество ПМР – некомпактное расселение молдаван по всей территории и их включённость в национальный проект. Сюда же стоит отнести и Крым с Л/ДНР – по критерию плавности расселения в большей степени, по критерию включённости в национальные сообщества украинцев и крымских татар – в меньшей, упомянув, что в обоих случаях этничность не может быть основанием для подозрений в стремлении к реинтеграции. Обе кавказские сецессии объединены, во-первых, компактностью проживания грузин, во-вторых, наличием подобных районов на границах сецессий и материнских государств, что в условиях низкого уровня интеграции грузин в национальные сообщества создаёт определённые риски.

Крым и Абхазия образуют вторую группу – территории, которым география помогает реализовывать сецессию (в крымском случае – ирредентизм). Отделённая от Грузии рекой и горами, имеющая длинную границу с патроном и высокий уровень развития российской инфраструктуры на пункте пропуска Абхазия даже при изменении военно-политических условий, наверняка, останется де-факто государством, а Крым сохранится как часть, продолжающая её административное пространство.

Наибольшую вероятность успеха по критерию функционирования государства-сегмента до объявления о старте сецессии имела Абхазия - единственный случай, когда (1) статус будущей сецессии был равен статусу материнского государства, (2) он признавался и будущим материнским государством, и федерацией, (3) Абхазия обладала наивысшим возможным статусом ССР (позднее – АССР). Признаваемое Молдовой в качестве особой

территориальной единицы Приднестровье стоит в иерархии ниже Абхазии, но выше остальных рассматриваемых казусов, поскольку 16 лет имела статус АССР.

На основании критерия наличия государства-сегмента сложно ранжировать Л/ДНР и Южную Осетию. По критерию признания властями материнского государства Л/ДНР стоит выше. По критерию истории различных видов статусности – ниже. В рамках советского государства у Л/ДНР не было особых статусов. Явная современная проблема территориального развития Л/ДНР – непонимание элитами территории сецессии и целей экспансии. Кроме того, государство-сегмент отсутствует как таковое. Отличие от Южной Осетии состоит в том, что материнское государство признаёт особый статус сецессий (ОРДЛО), что не является консолидированной позицией украинского руководства.

По степени признанности (т.е. уровню государственной статусности) все рассматриваемые голосования и заявления также можно разделить на две группы: абхазские и юго-осетинские референдумы о независимости/суверенитете и аналогичные парламентские декларации Россия признала в 2008 году, все остальные – нет. В случае Л/ДНР значение их деклараций о суверенитете резко редуцируется спецификой принятия: нелегитимными и частично нелегальными акторами – в отличие от прочих случаев, когда голосования проводились в легитимных параламентах. Единственная общая черта всех голосований в рассматриваемых сецессиях – ни один из референдумов не был признан материнским государством. Непризнание итогов голосований на территориях, желающих осуществить выход, – один из шагов, предшествующих военным действиям со стороны материнского государства, стремящегося силой восстановить контроль над сецессией.

Помимо объективных факторов, на сецессии оказывают влияние и субъективные. Попытки силовой реинтеграции территорий в условиях противодействия материнскому государству сильного патрона работают на сохранение и развитие сецессионистских устремлений. В ПМР, Абхазии и РЮО военные действия материнского государства способствовали сплочению

политической нации внутри сецессионистских проектов на основе общей ценности противодействия внешнему врагу. Несмотря на рост проукраинских настроений в ДНР в последние годы, именно обстрел со стороны украинских ВСУ жилых кварталов (необходимый украинским силовикам в т.ч. для подавления огневых позиций ополчения) является основным препятствием на пути реинтеграции.

Часто материнские государства в условиях слабой государственной состоятельности, состояние которой ухудшается «расползанием» территории во время сецессии, используют не просто нелегитимные, но и нелегальные и откровенно криминальные средства в попытках остановить сецессию (переход банды Гелаева через Грузию в Абхазию, участие боевиков и неонацистов в конфликте на юго-востоке Украины). Любой конфликт привлекает внимание маргиналов (некоторые участники украинского конфликта воспринимают боевые действия как «сафари» – охоту на людей), но показательно, использует ли их материнское государство в попытках на фоне ослабленной государственности восстановить контроль на сепаратистской территорией?

Грань, отделяющую готовность государства защищать свою территориальную целостность от шовинистских действий того же государства по подчинению этноса, встраиваемого в национальный проект большинства, для всех случаев определить невозможно. Дифференциация действий материнских государств по борьбе с сецессиями (России в Чечне, Грузии в Абхазии и ЮО, Молдавии в ПМР, Украины в Л/ДНР) зависит от нескольких переменных: официального дискурса по отношению к населению сецессии (условно «террористы» vs «наши граждане»), попыток замирения с сепаратистскими элитами и широкой амнистии участникам боевых действий против центра, готовности вкладывать государственные финансы в восстановление инфраструктуры.

Государственная статусность, опосредуемая через признание конкретной политии другими международно признанными акторами (государствами-членами ООН), - понятие и явление, подлежащее дифференциации. В данной диссертации мы рассмотрели признание не только как политическую (дипломатическую) категорию, но так же как экономическую, военную и символическую. Дипломатическое признание не является основным условием для существования ДФГ и государства в XXI веке. Эффективные действия патрона по поддержке ДФГ много важнее для государственной состоятельности ДФГ, чем количество признающих его в качестве суверена над своей территорией членов ООН.

Украинский конфликт как наиболее интенсивный из всех современных на постсоветском пространстве (наибольшее число жертв) стал в нашем исследовании кейс-стади методов прикладной социологии. Для его изучения мы использовали нестандартные количественные и качественные методы, позволившие детально описать массовое сознание по обе стороны фронта. В случае Украины мы подробно остановились на изучении 1 млн. 69 тыс. постов 376 блогеров (украинские элиты) за 2009-2018 годы в отношении западных партнёров, регионов страны, населения Донбасса и его территории.

На рубеже 2013-2014 годов, после «Евромайдана» и последовавшего госпереворота, произошло «рождение» дискурсов. Именно на этот период приходится значительный рост внимания к территории Донбасса и его населению, а также трём регионам Украины: Донбассу, Крыму и Киеву. Отношение украинских элит к населению и территории Донбасса рассогласовано. Различия состоят в явной определённости элит по отношению к населению. Количество нейтрального дискурса минимально. В отдельные пиковые моменты он попросту исчезает, будучи заменяемым негативными дискурсами. Самый позитивный дискурс отсутствует в принципе. В отличие от территории в отношении населения присутствует значимый негативный дискурс, причём, он немного усилился в относительной степени после 2014 года, но существовал всегда.

В отношении территории, напротив, дискурс ненависти практически отсутствует. Основным является нейтральный дискурс. Количество позитивных и негативных дискурсов по отношению к территории кратно меньше, чем в отношении населения, что позволяет сделать выводы о высокой степени неопределённости элит по отношению к территории. Отношение к населению предельно поляризовано, отношение к территории характеризуется неясностью.

Даже с учётом того, что географические условия (отсутствие географических барьеров в качестве границ между Донбассом и Украиной и неконкретность «линии соприкосновения»), отсутствие этнических и лингвистических противоречий между ДНР/ЛНР и соседними русско-населёнными и русско-язычными регионами Украины, санкционное давление на Россию, которая (пусть это крайне маловероятно, но не будем исключать этот вариант окончательно) перестанет поддерживать республики, постоянные стычки элитных групп на Донбассе в борьбе за ресурсы и крайне низкий уровень внутреннего суверенитета непризнанных республик, Украине будет затруднительно реинтегрировать население Донбасса.

Украина и ДНР по-прежнему воспринимаются как стороны, ответственные за войну, но у Украины при этом сформирован однозначный образ агрессора, который в сознании у значимого числа респондентов разделяет нацистскую идеологию, - показали наши качественные эмпирические исследования психографическим методом на территории ДНР. Украинская армия (в отличие от «защищающей» российской) в массовом сознании воспринимается как несущая разрушения и смерть. При этом именно у украинского общества нет негативных коннотаций, напротив, украинские культура и природа вызывают в памяти респондентов исключительно светлые образы. Массовое сознание чётко разделяет Украину как государство (агрессия, дерусификация и неонацизм), украинские власти (презрение к конкретным лидерам, высочайший уровень коррупции всей властной корпорации, отсутствие суверенитета, полная подконтрольность США)

и украинское общество, по отношению к которому испытывает ностальгические, грустные эмоции – сожаление, разочарование, негативное отношение к состоявшейся разделённости и углублению раскола.

Россия, с точки зрения качественного анализа, - это «образ желаемого завтра» дончан. В этой стране качественные дороги, высокий уровень образования, множество карьерных развилок для молодых людей и в целом высокий уровень жизни. В отличие от Украины, находящейся, по мнению респондентов, в состоянии раскола, Россия, напротив, - пространство притяжения земель. Эта Россия – мощное и сильное государство с передовыми технологиями, уважаемым лидером (образ российского президента – наиболее часто употребляемая персоналия) и неагрессивной, но мощной армией, способной защитить и своих граждан, и жителей ДНР от украинской и – шире – американской агрессии. Россия в отличие от Украины «не переписывает историю», а наоборот, «чтит традиции». Число респондентов, описывающих Россию, прежде всего, как пространство социально-экономического расслоения и огромной диспропорции между столицами и регионами, невелико, но образ страны в их сознании вполне конкретизирован.

Общим для России и Украины являются их частые изображения при помощи «США»: в первом случае страна борется с этим государством, во втором является его марионеткой. Россия, несмотря на присутствие военных и армейских образов, не воспринимается как участник конфликта. Но и у этого образа есть негативные черты: таможня, государственная граница, «неповторение» с ДНР той же истории, что с Крымом, утраченные надежды и ощущение неоправданных ожиданий относительно судьбы региона, который так и не вошёл в состав государства, а кроме того, отгораживается формальными барьерами от «своих» же людей.

В массовом сознании не закрепился образ территории ДНР или её официальных символов. Пока это, скорее, система управления и бюрократии для граждан, нежели конкретная территориальная полития. Образ будущего

представляется крайне негативным, хотя и не определяется чётко. Элиты не вызывают того же презрения и ненависти, как украинские, но их не уважают. По мнению респондентов, они коррумпированы, некомпетентны, не в состоянии обеспечить целевое расходование российской помощи, не обладают лидерскими и харизматическими качествами, оказались на своих постах случайно, не заинтересованы в развитии территории. Образ самой ДНР в настоящий момент крайне негативен, на что очевидное влияние оказывает война. Это «серая зона», территория без драйверов развития, без международного признания, без будущего, с крайне низким уровнем социально-экономического развития территория, из которой постоянно идёт отток людей, которая контролируется людьми со слабыми управленческими навыками, при этом излишне зарегулированная, не предоставляющая возможность для реализации гражданских прав, без уважения к личности отдельного человека. У этого образа нет черт личной собственности, каких-то признаков, которые позволяли бы респондентам сказать «да, сейчас плохо, но это мой дом, и я должен воевать за него». Война не воспринимается как священная, оборонительная, наступательная, как необходимость или как личное/семейное дело. Война в массовом сознании представляется константой, без конечной цели и направления движения войск. Учитывая, что ожидания от этой войны, по мнению значимой части респондентов, оказались неоправданными («не получилось, как с Крымом»), то и нынешнее её продолжение не имеет смысла. Несмотря на явное восприятие Украины-государства как агрессора, её образ внешнего врага не является настолько значимым, чтобы угрожать самому существованию респондентов. С одной стороны, они чётко верифицируют разрушения и смерти, ответственность за которые возлагают на Украину, с другой, во-первых, у украинского общества и культуры сохраняются позитивные коннотации в массовом сознании, во-вторых, политический режим ДНР, жёстко ограничивая права и свободы, не предъявляя при этом значимых социально-экономических успехов, так же несёт угрозу гражданам, по их мнению. Миротворческий потенциал населения ДНР высок и в случае складывания определённой политической конъюнктуры оно готово к

реинтеграции в состав Украины, тогда как малоуспешное (с точки зрения респондентов) функционирование самих институтов и некомпетентного политического класса ДНР не является весомыми причинами для сохранения этой территориальной и политической структуры. Здесь, подчеркнём, складывается парадоксальная ситуация: наши эмпирические исследования свидетельсвуют, что потенциал реинтеграции граждан ДНР выше, чем у украинских элит.

Общий итог исследования факторов сецессий диктует неизбежный тезис: сецессии возникают не только в тех случаях, когда этносам и руководящим ими политикам или лидерам есть куда выходить. Гагаузия, Кадарская зона, Панкиси, АРБ, Ичкерия не имели конкретных направлений для выхода. В отличие от Крыма, Южной Осетии, Л/ДНР, ПМР, в разной степени стремящихся к России, НКР, желающей воссоединиться с армянским соседом, вхождение этих политий в состав других государств попросту невозможно по причине отсутствия таковых государств: вопросы вхождения Гагаузии в состав Турции или Кадарской зоны в состав Саудовской Аравии не требуют дискуссий. Случаи Панкиси или АРБ не имеют ответа на вопрос: вхождение куда? Выход территории из состава материнского государства возможен не только там, где активно действует патрон, оказывая сецессии поддержку, но и там, где материнское государство ослабляет свои институты, в т.ч. выталкивая конкретные этносы за пределы «государственного тела» (state body). Особый случай «сецессии без выхода» – Аджария, которая ни провозглашала сецессию, ни стремилась повысить степень автономизации, сохраняя статус грузинской автономной республики, при этом имела собственные ВС, успешно и мирно противодействовавшие грузинским силовикам, сильного патрона в виде Труции, ВС России, наконец, собственное таможенное пространство, не контролируемое Тбилиси.

После иерархизации и квантификации факторов сецессий стало возможным расположить их на дихотомической шкале «сецессия – антисецессия», в котором два полюса обозначены аналитически и не встречаются в политической реальности в чистом виде. Мы, однако, подробным образом описали полюсы

«идеальная сецессия» и «идеальная антисецессия» для облегчения аналитической работы будущих исследователей сепаратизма, находящихся и в поиске теоретических рамок сецессии и конкретных сепаратистских казусов, и определения их будущего.

Все постсоветские де-факто государства (11 случаев) получили конкретные оценки по каждому из факторов, выявленных в рамках операционализации: 7 случаями мы верифицировали модель, прежде чем использовать её в отношении 4 ключевых исследовательсих казусов. Анализ кластера антисецессий показывает, что сецессия может стартовать даже при самых плохих условиях. Гагаузия, Кадарская зона и Панкиси, не имеющие ни политических институтов, ни исторических, ни географических условий для сецессии, ни высокого уровня внутреннего суверенитета, ни любого вида государства-сегмента, ни масштабную поддержку патронов, тем не менее, непродолжительное время являлись де-факто государствами. В отношении положительного полюса сецессии их объединяет этническое отличие их народов от материнских государств: по переменным этноса и языка все три случая получали высший балл. АРБ, в отличие от этих случаев имела преимущество в виде государства-сегмента, политических институтов и легализации сецессионистского курса через парламентские процедуры (о легализации в случае террористической Кадарской зоны и Панксиси говорить не приходится), но так же отсутствие патронажа для сецессии.

Общими признаками обладают и успешные сецессии НКР и Крыма. Общая граница с патронами, Арменией и Россией, их явная политическая, военная и экономическая поддержка, историческая легитимация сецессий (обе территории принадлежали материнским государствам менее 100 лет), этнические причины выхода, толкавшие соответственно армян и русских к сепаратизму, наконец, наличие государств-сегментов, признаваемых материнскими государствами (в случае с НКР – меньшая территория, чем та, которую контролирует де-факто государство) – эти причины сделали выход успешным, а сами сецессии близко стоящими на шкале (56-57 баллов).

В очередной раз аргументируя один из ключевых тезисов исследования о сложносоставности и многофакторности сецесси как процесса, подчеркнём, что одни и те же факторы по-разному влияют на сецессии. Статус АССР был у обеих формальных частей советской Грузии, республик Абхазия и Аджария, но первая близка к «идеальной сецессии», а вторая даже не объявляла её (при этом осуществляя де-факто). Российские военные базы есть и в Южной Осетии, и в Приднестровье, но первая признана несколькими членами ООН, а второе с высокой степенью вероятности будет реинтегрировано в состав материнского государства. Отдельный этнос и язык есть и в НКР, и в Гагаузии, но первая, скорее всего, никогда не вернётся в состав Азербайджана, а вторая была мирно реинтегрирована Молдавией. Материнское государство жёстко подавляло сецессии и в террористической Ичкерии, и в Л/ДНР, но первая успешно вернулся в суверенное пространство России в форме Чеченской республики, а две другие по-прежнему воюют с Украиной. С точки зрения истории, отвратительные условия для сецессии имелись и в Горном Бадахшане, и в Панкисском ущелье, и в Кадарской зоне, но только первый был де-факто государством, а два вторых, скорее, вотчиной террористов, мало заботящихся о создании новой государственности. Мировое сообщество активно промотировало сецессию Косово, а выход Крыма из состава Украины не поддержали даже ближайшие союзники России, но кто усомнится в успешности этой сецессии? Миротворцы размещались и в Сербской Краине, и в Абхазии, но в первом случае сецессия была завоёвана материнским государством при фактическом бездействии миротворцев, а во втором миротворцы поддерживали сецессию, как и сейчас в ПМР. В Южной Осетии был референдум о независимости, а в Приднестровье – целых два, но безусловный лидер в «гонке сецессий» - Абхазия, где подобный референдум не проводился ни разу. Государство-сегмент как признаваемая материнским государством реальность имеет (имела) место в отношениях Грузии-Абхазии, Молдавии-Приднестровья, Таджикистана-Горного Бадахшана, Украины-Крыма, но и Южная Осетия, которой по грузинскому законодательству просто не существует, успешно реализует сепаратистский курс. Долгие годы в

России развивались и политические, и экспертные, и академические дискурсы о крымской ирредента, а сами крымчане пробовали реализовывать сецессию, и обращаясь к России через парламент Севастополя в 1994 году, и организовав в 1996 году формальный выход АР Крым из состава Украины, но до 2014 года официальная Москва упорно настаивала на суверенитете Украины над полуостровом.

По итогам анализа факторов сецессий мы настаиваем, что ни признание членов ООН, ни географическая близость сецессии к патрону, ни российская военная база, ни отдельный этнос и язык, - никакой параметр не может «в одиночестве» гарантировать успех сецессии. Вероятно, единственный фактор, который можно наблюдать во всех состоявшихся сецессиях, который, тем не менее, не детерминирует их выживаемость, - это относительно высокий уровень внутреннего суверенитета. В случае Абхазии внутренний суверенитет позволил сохранить сецессию даже в годы, когда патрон организовывал экономическую блокаду вместе с материнским государством. Уровень внутреннего суверенитета в ПМР никак не ниже, чем в Кишинёве, а по ряду показателей уровня жизни непризнанное государство превосходит материнское. Л/ДНР и Южная Осетия в сравнении с прочими начинавшимися сецессиями имеют самый высокий уровень внутреннего суверенитета, хотя первая на заре независимости и была похожа, скорее, на вотчину соревнующихся в борьбе за ресурсы полевых командиров, нежели на пространство верховенства закона.

Ключевой фактор не является определяющим. Поддержка России, безусловно, добавляет максимум баллов успеху сецессии, но в одних случаях непостоянна и может заметно уменьшаться (Абхазия), в других – сохраняется на протяжении долгого времени, но при этом стратегический курс патрона очевиден – реинтеграция (Приднестровье), в третьих – сильно зависит от конъюнктуры в материнском государстве (Л/ДНР). Внешняя политика России в адрес и де-факто государств, и соседей по постсоветскому пространству (материнских государств) не является неизменной. Россия не стремится поддерживать сецессии в любых

случаях любой ценой, а ключевые решения (например, установление дипотношений с Абхазией и Южной Осетией или начало войсковой операции в Крыму) принимает, исходя из текущих событий, в т.ч. мировой политики, часто не проективно, а реактивно, руководствуясь своими национальными интересами, которые, подчеркнём это, предельно прозрачно описываются в доктринальных документах.

Числовые оценки успешности сецессий расположены на шкале вероятности с полюсами «идеальная сецессия» (104 балла) и «идеальная антисецессия» (-111 баллов). Исходя из вычислений, заложенных нами в модель после квантификации факторов, мы оцениваем вероятность успеха сецессии ПМР – в -20 баллов; вероятность успеха сецессии Л/ДНР – в 14 баллов; вероятность успеха сецессии Южной Осетии – в 53 балла; вероятность успеха сецессии Абхазии – в 98 баллов.

Безусловно, данная модель не предсказывает, а прогнозирует будущее, уточним, конкретные вероятности. При изменении степени влияния факторов, устранении одних и появлении других, и модель, и оценки, полученные в ходе её использования должны быть подвергнуты коррекции. Кроме того, данная модель является статической, т.е. не показывает развитие сецессии в динамике. Несмотря на это, она может быть использована для оценки сепаратистского потенциала любой территории – и за пределами постсоветского пространства, что означает её универсальность. С учётом добавления новых факторов или редукции значения уже включённых в модель, её основа как соотношение квантифицированных географических, исторических, лингвистических, политических, военных, дипломатических, экономических, культурных, социологических, международных факторов процесса сецессии, в котором ни один из них не является детерминирующим, останется неизменной.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. “China's Peaceful Development” White Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Electronic Resource]. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t855789.shtml (Mode of access: 04.10.2019).

2. 2018年大陆与台湾经贸交流情况 [Economic and Trade Exchanges between the Mainland and Taiwan in 2018 //Ministry of Commerce of the PRC official website. 1 January 2019. [Electronic Resource]. Available at: http://tga.mofcom.gov.cn/article/sjzl/taiwan/201901/20190102828082.shtml (Mode of access: 04.10.2019).

3. 5839th meeting // UN Security Council official website. 18 February 2008. [Electronic Resource]. Available at: https://undocs.org/en/S/PV.5839 (Mode of access: 04.10.2019).

4. 7134th meeting // UN Security Council official website. 13 March 2014. [Electronic Resource]. Available at: https://undocs.org/en/S/PV.7134 (Mode of access: 04.10.2019).

5. Abkhazia in the system of international relations // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Abkhazia [Electronic Resource]. Available at: http://mfaapsny.org/en/foreign-policy/abkhazia/ (Mode of access: 10.03.2019).

6. American Institute in Taiwan homepage // American Institute in Taiwan [Electronic Resource]. Available at: https://www.ait.org.tw (Mode of access: 25.10.2019).

7. Case of Chigarov and Others v. Armenia (Merits) Application no. 13216/05 // European Court of Human Rights. 16 June 2015 [Electronic Resource]. Available at: https://www.echr.am/en/events/chiragov-and-others-v-armenia-gc.html (Mode of access: 04.11.2019).

8. Citizenship Services // U.S. Embassy in Kosovo official website [Electronic Resource]. Available at: https://xk.usembassy.gov/u-s-citizen-services/citizenship-services/ (Mode of access: 04.10.2019).

9. Commercial Opportunities // American Institute in Taiwan [Electronic Resource]. Available at: https://www.ait.org.tw/business/commercial-opportunities-taiwan/ (Mode of access: 25.10.2019).

10. Commercial Opportunities // U.S. Embassy in Kosovo official website [Electronic Resource]. Available at: https://xk.usembassy.gov/business/commercial-opportunities-kosovo/ (Mode of access: 04.10.2019).

11. Cyprus. History // USAID official website [Electronic Resource]. Available at: https://www.usaid.gov/where-we-work/europe-and-eurasia/cyprus/history (Mode of access: 04.10.2019).

12. Economic and Trade Exchanges between the Mainland and Taiwan in 2018 // Ministry of Commerce of the PRC. 01 January 2019. [Electronic Resource]. Available at: http://tga.mofcom.gov.cn/article/sjzl/taiwan/201901/20190102828082.shtml (Mode of access: 04.10.2019).

13. Ekonomik program [Economic Program] // Official website of Embassy of Turkey in the Turkish Republic of Northern Cyprus [Electronic Resource]. Available at: http://www.kei.gov.tr/ekonomik-program/ (Mode of access: 04.10.2019).

14. Foreign Minister of Artsakh received the U.S. congresswomen // Official Website of the Ministry of Foreign affairs of the Republic of Artsakh. 08 October 2019. [Electronic Resource]. Available at: http://www.nkr.am/en/news/2019-10-08/FM-received-delegation-Congress-USA (Mode of access: 10.04.2019).

15. Güvenlik Kuvvetleri Komutanlığı. Güvenlik Kuvvetleri Komutanlığı // Security Forces Command. [Electronic Resource]. Available at: http://www.mucahit.net/ (Mode of access: 04.10.2019).

16. H.R.535 - Taiwan Travel Act." US Congress official website. n.d. https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text (accessed October 4, 2019).

17. Hong Kong, China and the WTO // WTO official website [Electronic Resource]. Available at: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/hong_kong_china_e.htm (Mode of access: 04.10.2019).

18. Information for Tourists // Official Website of the Ministry of Foreign affairs of the Republic of Artsakh [Electronic Resource]. Available at: http://www.nkr.am/en/travel-to-karabakh (Mode of access: 04.10.2019).

19. Kosovo // USAID official website [Electronic Resource]. Available at: https://www.usaid.gov/kosovo (Mode of access: 04.10.2019).

20. Missions Abroad // Official Website of Deputy Prime Ministry and Ministry Foreign Affairs Turkish Republic of Northern Cyprus [Electronic Resource]. Available at: https://mfa.gov.ct.tr/consular-info/missions-abroad/ (Mode of access: 04.10.2019).

21. Permanent Representations // Official Website of the Ministry of Foreign affairs of the Republic of Artsakh [Electronic Resource]. Available at: http://www.nkr.am/en/karabakh-permanent-representations (Mode of access: 04.10.2019).

22. Security Council meeting statement by H.E. Ms. Vlora Çitaku, Ambassador of the Republic of Kosovo to the United States // Embassy of the Republic of Kosovo. 16 August 2017. [Electronic Resource]. Available at: http://www.ambasada-ks.net/us/?page=2,8,136 (Mode of access: 04.10.2019).

23. Separate Customs Territory of Taiwan, Penghu, Kinmen and Matsu (Chinese Taipei) and the WTO // WTO official website [Electronic Resource]. Available at: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/chinese_taipei_e.htm (Mode of access: 04.10.2019).

24. Statement by Minister of Foreign Affairs Abdullah Gül, 30 May 2005 // Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of Turkey. 30 May 2005. [Electronic Resource]. Available at: http://www.mfa.gov.tr/statement-by-minister-of-foreign-affairs-abdullah-gul_-30-may-2005.en.mfa (Mode of access: 04.10.2019).

25. Statement by the Ambassadors of France, Germany, Italy, the United Kingdom and the United States // U.S. Embassy in Kosovo official website [Electronic Resource]. Available at: https://xk.usembassy.gov/joint_statement_by_ambassadors/ (Mode of access: 04.10.2019).

26. Taiwan // USAID offical website [Electronic Resource]. Available at: https://www.usaid.gov/crisis/taiwan (Mode of access: 04.10.2019).

27. Taiwan issue and China's unification // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 5 July 2002. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/wzzt_675579/2296_675789/t10531.shtml#5 (Mode of access: 04.10.2019).

28. Taiwan Relations Act (Public Law 96-8, 22 U.S.C. 3301 et seq.) // American Institute in Taiwan [Electronic Resource]. Available at: https://www.ait.org.tw/our-relationship/policy-history/key-u-s-foreign-policy-documents-region/taiwan-relations-act/ (Mode of access: 25.10.2019).

29. Treaty [...] on Facilitating Additional Amenities on Recognition // Grand National Assembly of Turkey. 3 November 1999. [Electronic Resource]. Available at: https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k4465.html (Mode of access: 04.10.2019).

30. Treaty Concerning The Establishment of The Republic of Cyprus // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Turkey [Electronic Resource]. Available at: http://www.mfa.gov.tr/treaty-concerning-the-establishment-of-the-republic-of-cyprus.en.mfa (Mode of access: 04.10.2019).

31. U.S. Congressional leaders salute international pro Artsakh forum // Armenian National Committee of America. 14 October 2019. [Electronic Resource]. Available at: https://anca.org/press-release/u-s-congressional-leaders-salute-international-pro-artsakh-forum/ (Mode of access: 25.10.2019).

32. U.S. Recognizes Kosovo as Independent State // Official website of U.S. Department of State Archive. 18 February 2008. [Electronic Resource]. Available at: https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/02/100973.htm (Mode of access: 04.10.2019).

33. U.S. Relations With Kosovo. Bilateral Relations Factsheet // Official website of U.S. Department of State. 31 October 2019. [Electronic Resource]. Available at: https://www.state.gov/u-s-relations-with-kosovo/ (Mode of access: 03.04.2020).

34. U.S. Relations With Taiwan. Bilateral Relations Factsheet // Official website of U.S. Department of State. 31 August 2018. [Electronic Resource]. Available at: https://www.state.gov/u-s-relations-with-taiwan/ (Mode of access: 04.10.2019).

35. US Congress. Congressional record: proceedings and debates of the 112th Congress. Second Session. Washington, September 2012.

36. US Embassy in Kosovo. Homepage // U.S. Embassy in Kosovo official website [Electronic Resource]. Available at: https://xk.usembassy.gov (Mode of access: 04.10.2019).

37. US Relations With Kosovo. Bilaterlal Relations Factsheet // Official website of U.S. Department of State. 31October 2019. [Electronic Resource]. Available at: https://www.state.gov/u-s-relations-with-kosovo/ (Mode of access: 04.10.2019).

38. В Кремле подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и Республикой Абхазией, а также между Россией и Республикой Южная Осетия // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 19 сентября 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/1439 (дата обращения: 09.10.2019).

39. В Оперативной группе российских войск в Приднестровье проходят состязания снайперов // Официальный сайт Министерства обороны РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12232829@egNews (дата обращения: 10.04.2019).

40. Военная доктрина Республики Армения // Официальный сайт Министерства обороны Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mil.am/files/LIBRARY/Hayecakargayin/826.pdf (дата обращения: 04.10.2019).

41. Встреча министров иностранных дел Республики Арцах и Республики Армения // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики

Арцах. 20 сентября 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nkr.am/ru/news/2019-09-20/Mnatsakanyan-Mayilian (дата обращения: 04.10.2019).

42. Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 24 ноября 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/4783 (дата обращения: 10.04.2019).

43. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 16 июля 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/supplement/3418 (дата обращения: 10.04.2019).

44. Меморандум Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности // Официальный сайт Народного совета ДНР. 04 февраля 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/155-memorandum-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osnovah-gosudarstvennogo-stroitelstva-politicheskoj-i-istoricheskoj-preemstvennosti/ (дата обращения: 15.05.2020).

45. Министры обороны России и Абхазии подписали Соглашение о финансировании расходов на модернизацию Вооруженных сил республики // Официальный сайт Министерства обороны РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12248946@egNews (дата обращения: 10.04.2019).

46. Обращение Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 18 марта 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/20603 (дата обращения: 04.10.2019).

47. Обсуждается проект программы модернизации вооруженных сил // Официальный сайт Министерства обороны Армении. 4 января 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mil.am/ru/news/5093 (дата обращения: 04.10.2019).

48. Представительство МТКК // Консульский департамент МИД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/Консульские%20учреждения%20России%20в%20Тайване.aspx (дата обращения: 04.10.2019).

49. Президент встретился с послами государств-участников ОБСЕ // Официальный сайт Президента Республики Армения. 4 апреля 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.president.am/ru/press-

release/item/2016/04/04/President-Serzh-Sargsyan-meeting-with-Ambassadors-of-OSCE-states/ (дата обращения: 04.10.2019).

50. Президент Республики Арцах принял министра обороны РА // Официальный сайт Министерства обороны Армении. 12 октября 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mil.am/ru/news/6974 (дата обращения: 25.10.2019).

51. Рабочий визит начальника Генштаба ВС РА в Армию обороны Республики Арцах // Официальный сайт Министерства обороны Армении. 5 июня 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mil.am/ru/news/5317 (дата обращения: 25.10.2019).

52. Расширены возможности для получения гражданства России жителями Украины // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 17 июля 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/news/61010 (дата обращения: 04.10.2019).

53. Сергей Миронов посетил Миграционную службу МВД ДНР // Официальный сайт политической партии Справедливая Россия. 31 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/9762410 (дата обращения: 04.10.2019).

54. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об Объединенной группировке войск // Консорциум Кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/420328062 (дата обращения: 10.04.2019).

55. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе // Консорциум Кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902216906 (дата обращения: 04.10.2019).

56. Торговое представительство Российской Федерации в Республике Абхазия: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rustrademission.ru/ (дата обращения: 30.08.2020).

57. Указ о признании документов, выданных гражданам Украины […] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 18 февраля 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/53895 (дата обращения: 04.10.2019).

58. Указ Президента РФ от 15.09.1992 N 1072 "Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем // Legalacts.ru. 25 сентября 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-15091992-n-1072/ (дата обращения: 04.10.2019).

59. Участие России в миротворческих операциях // Официальный сайт Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations.htm (дата обращения: 22.06.2020).

60. 中国的和平发展“白皮书（全文）["China's Peaceful Development" White Paper] // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 11 September 2019. [Electronic Resource]. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t855789.shtml (Mode of access: 04.10.2019).

61. 台湾问题与中国的统 [Taiwan issue and China's unification] // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 05 July 2002. [Electronic Resource]. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/wzzt_675579/2296_675789/t10531.shtml#5 (Mode of access: 04.10.2019).

Книги и диссертации

62. Бабаян, Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном прикаспии в конце XX – начале XXI вв.: дисс. … доктора ист. наук: 07.00.15 / Бабаян Давид Климович. – Москва: ИДВ РАН, 2016. – 521 с.

63.

64. Даль, Р. Демократия и ее критики / Р. Даль. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.

65. Кривохиж С.В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие: автореф. дис… доктор полит. наук: 07.00.15 / Кривохиж, Светлана Валентиновна. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 2014. – 165 с.

66. Маркедонов, С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства / С. Маркедонов // Аналитический доклад, Ереван: Институт Кавказа, 2012. –180 с.

67. Мелешкина, Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография / Е.Ю. Мелешкина. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 252 с.

68. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.

69. Мельвиль А.Ю. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах / А. Ю.

Мельвиль, Д. К. Стукал, М. Г. Миронюк. – НИУ «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. – 52 с.

70. Минасян, С. Внутриполитическое измерение внешней политики Армении: Карабахский конфликт и армяно-турецкие отношения // Сергей Минасян. – PONARS Eurasia. Аналитическая записка, Вашингтон, 2012. – 6 с.

71. Попов, Ф.А. География сецессионизма в современном мире / Ф.А. Попов. – М.: Новый хронограф, 2012. – 341 с.

72. Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39 / С.Г. Лузянин (рук.) и др., Х. Чжао (рук.) и др.; под общ. ред. И.С. Иванова – М.: НП РСМД, 2018. – 243 с.

73. Тилли, Ч. Демократия / Ч. Тилли – М: Европа, 2007. – 264 с.

74. Тихонов А.Н., Арсенин В.Я. Методы решения некорректных задач – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1979. Изд. 2-е. – 284 с.

75. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М.: РОССПЭН, 2003. - 368 с.

76. Хархордин, О.Н. Понятие государства в четырех языках / О.Н. Хархордин. – С.-Пб., М.: ЕУ СПб, Летний сад, 2002. – 218 с.

77. Штомпка, П. Визуальная социология. Фотография как метод иссле-дования: учебник / пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. – М.: Логос, 2007. – 168 с.

Статистические сборники, справочники и энциклопедии

78. 2017 International Total (Scheduled and Non-Scheduled) RTK // ICAO, 2017. – 4 p.

79. Artsakh Republic National Statistical Service. “Statistical yearbook of AR.” Statistical yearbook, Khankadi, 2018.

80. Jankauskas, A., Gudžinskas L. Reconceptualizing Transitology: Lessons from Post-Communism / A. Jankauskas, L. Gudžinskas. – Lithuanian Annual Strategic Review, 2007. – P. 181–199.

81. Mine Action Review. Nagorno-Karabakh. Clearing the Mines. Report, Mine Action Review, 2016.

82. Statistical Yearbook 2017. Statistical Yearbook, Lefkosia: Prime Ministry State Planning Organisation, 2017.

83. The Fragile States Index // Fund for peace. 2017. P. 24-33. [Electronic Resource]. Available at:

https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/951171705-Fragile-States-Index-Annual-Report-2017.pdf (Mode of access: 27.04.2020).

84. Атласная информационная система российско-украинского приграничья / В.А.Колосов, Л.Г.Руденко, В.С.Тикунов, А.А.Герцен, Е.Д.Головина, М.В.Зотова, А.С.Себенцов // INTERCARTO.MSU.RU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://intercarto.msu.ru/jour/article/view/39 (дата обращения: 26.09.2017).

85. Внешняя торговля ПМР по основным странам и группам стран // Государственный таможенный комитет ПМР. 15 октября 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://customs.gospmr.org/2014-3.html (дата обращения: 15.10.2019).

86. Национальная статистическая служба Республики Арцах. Статистический ежегодник, Кханкади, 2018.

87. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 320 с.

88. Численность населения Донецкой Народной Республики на 1 января 2019 // Glavstat. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: glavstat.govdnr.ru/pdf/naselenie/chisl_naselenie_0119.pdf (дата обращения: 10.02.2020).

89. Шахрай, С.М., Станских, С.Н. Мифы и факты о распаде Советского Союза // Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). Том I. Нормативные акты. Официальные сообщения / Под. общ. ред. С.М. Шахрая. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 62.

Книги на иностранных языках

90. Against overwhelming force: Chechnya’s attempt to secede from Russia // Pavković А., Radan P. Creating new states: theory and practice of secession. – Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2007. – P. 109–118.

91. Aliyev, H. Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy Challenges of Democratisation and Reform in the Caucasus / H. Aliyev. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 241 p.

92. Bachmann, K., and Lyubashenko, I. The Maidan Uprising, Separatism and Foreign Intervention. Ukraine's complex transition / Klaus Bachmann, Igor

Lyubashenko. – Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2014. – 523 p.

93. Barkey, K., von Hagen, M. After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Mark von Hagen, Karen Barkley. – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – 200 p.

94. Bartolini, S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union / S. Bartolini. – N.Y.: Oxford univ. press, 2005. – 415 p.

95. Cabestan, J-P., Pavković, A. Secessionism and separatism in Europe and Asia: to have a state of one's own / Jean-Pierre Cabestan, Aleksandar Pavković. – Routledge, 2013. – 264 p.

96. Caspar, ten Dam. Separatist Versus Centrist Forces in the USSR, 1988-1991: Explaining the Collapse of the Soviet Internal Empire by a Strategic Alliance Approach / ten Dam Caspar. – Erasmus, 2015. – 84 p.

97. Collier, P., Hoeffler, A. The Political Economy of Secession / H. Hannum. –2011. – 37 p.

98. Colomer, J.M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State / Colmer Josreph M. – London; New York: Routledge, 2007. - 114 p.

99. Crosston M. Shadow separatism: implications for democratic consolidation / Matthew Crosston. – Routledge, 2019. – 158 p.

100. Crawford J. The Creation of States in International Law, (Oxford: Oxford University Press). 2006. – 851 p.

101. De Facto States in Eurasia / Tomáš Hoch, Vincenc Kopeček. – Routledge: Contemporary Russia and Eastern Europe Series, 2019. – 324 p.

102. Delcour, L. Shaping the post-Soviet Space?: EU policies and approaches to region-building / L. Delcour. – Ashgate Publishing, Ltd., 2013. – 194 p.

103. Gaidar, Y. Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia / Y. Gaidar. – Brookings Institution Press, 2010. – 332 p.

104. Geukjian, O. Ethnicity, Nationalism and Conflict in the South Caucasus / O.Geukjian. – Routledge, 2016. – 247 p.

105. Gordon, D. Secession, State, and Liberty / D. Gordon. – Routledge, 2017. – 344 p.

106. Gorgulu, M. The Effects of isolation on the Turkish Republic of Northern Cyprus: essay / Mehmet Emre Gorgulu. – Munich: MPRA, 2014. – 20 p.

107. Hale, Henry E. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective Cambridge University Press, 2014. – 383 p.

108. Harper, D.A. Visual sociology / D.A. Harper. – Routledge. New-York, 2012. – 301 p.

109. Howard, Philip N., Duffy, A., Freelon, D., Hussain, M.M., Mari, W., Maziad, M. Opening Closed Regimes: What Was the Role of Social Media During the Arab Spring? – 2011. – 30p.

110. Isachenko, D. The making of informal states: statebuilding in Northern Cyprus and Transdniestria / D. Isachenko. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 208 p.

111. Ivaschenko-Stadnik, K. (2020) What's Wrong with the Donbas? The Challenges of Integration Before, During and After the War / Veira-Ramos A., Liubyva T., Golovakha E.Ukraine in Transformation. – Palgrave Macmillan, Cham, 2020. – P. 229–260.

112. Jackson R. H. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world / R. H. Jackson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – 240 p.

113. Kaiser, R. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR / R. Kaiser. – Princeton University Press, 2017. – 496 p.

114. Kamilova, S., Berg, E. How Can De Facto State be Distinguished from the Puppet State? Analysis of Transnistrian-Russian Relations and Dependences / S. Kamilova, E. Berg // The Estonian Foreign Policy Yearbook. Tallinn: Eesti Välispoliitika Instituut. – 2011. – P. 151–182.

115. Ker-Lindsay J. The foreign policy of counter secession: Preventing the recognition of contested states / J. Ker-Lindsay. – OUP Oxford, 2012. – 215 p.

116. Kopstein, J., Reilly, D. A. Postcommunist spaces: A political geography approach to explaining postcommunist outcomes // G. Ekiert, S. E. Hanson. Capitalism and democracy in Central and Eastern Europe. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 120–154.

117. Kurbatov, L., and Bennich-Björkman, S. When the Future Came: The Collapse of the USSR and the Emergence of National Memory in Post-Soviet History Textbooks / L. Kurbatov, S. Bennich-Björkman BoD – Books on Demand, 2019. – 206 p.

118. Kuthy, D.W. The Effect of State Capacity on Democratic Transition and the Survival of New Democracies: Dissertation, PhD // Scholarworks [Electronic Resource]. Available at: http://digitalarchive.gsu.edu/political_science_diss/20/ (Mode of access: 11.04.2012).

119. Kuthy, Daniel W., The Effect of State Capacity on Democratic Transition and the Survival of New Democracies. Dissertation, Georgia State University, 2011.

120. Leetaru, K. Data mining methods for the content analyst: An introduction to the computational analysis of content / K. Leetaru. – Routledge, 2011. – P. 120.

121. Liu, H., Salerno, J. Young M. Social Computing and Behavioral Modeling / H. Liu, J. Salerno. – Berlin: Springer, 2009. – 264 p.

122. Malyarenko, T., Wolff, S. The Dynamics of Emerging De-Facto States: Eastern Ukraine in the Post-Soviet Space / T. Malyarenko, S. Wolff. – Routledge: NY., 2019. – 100 p.

123. Mancini, S. Secession and Self-Determination. The Oxford Handbook of Comparative Constitional Law / S. Mancini. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 1057 p.

124. Markedonov, S. The Big Caucasus: Consequences of the "Five Day War", Threats and Political Prospects: report / Sergei Markedonov. – Athens: International Centre for Black Sea Studies, 2009. – 76 p.

125. Miller, C. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR / C. Miller. – UNC Press Books, 2016. – 264 p.

126. Minakov, M. Novorossiya and the Transnationalism of Unrecognized Post–Soviet Nations / Timm Beichelt, Susann Worschech // Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukrane, 2017. – P. 280.

127. Morelli, V.L. Kosovo: Background and U.S. Relations Report / Vincent Morelli. – Washington D.C.: Congressional Research Service, 2018. – 20 p.

128. Nicholson M. Failed States and International Security: Causes, Prospects and Consequences, 1998.

129. Nørgaard, O. Governance and state capacity in post-communist states // 29th ECPR Joint Sessions of Workshops, Grenoble, France, 2001.

130. Pavkovic, A., Radan P. Creating new states: theory and practice of secession / A. Pavkovic, P. Radan. – Ashgate Publishing, Ltd., 2013. – 292 p.

131. Pavkovic A. Secession: a much contested concept // Territorial Separatism in Global Politics: Causes, Outcomes and Resolution. Edited by Damien Kingsbury, Costas Laoutides. Routledge, 2015, pp.13-28.

132. Remington, T. Parliaments in Transition: The New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe / T. Remington. – Routledge, 2019. – 246 p.

133. Roeder, P.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism / P.G.Roeder. – Princeton: Princeton university press, 2007. – 430 p.

134. Rospigliosi A., Greener S. ECSM2014 – Proceedings of the European Conference on Social Media / Asher Rospigliosi, Sue Greener. – Academic Conferences Limited, 2014. – 773 p.

135. Rotberg, R. State Failure and State Weakness in a Time of Terror / R.I. Rotberg. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 456 p.

136. Schwarz H. A Companion to Postcolonial Studies / H. Schwarz. – Blackwell Publishing Ltd, 2005. – 632 p.

137. Stefes, C.H. Understanding Post-Soviet Transitions: Corruption, Collusion and Clientelism / C.H. Stefes. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 211 p.

138. Sterio, M. The Right to Self-determination Under International Law:" selfistans", Secession and the Rule of the Great Powers / M. Sterio. – Routledge, 2013. – 206 p.

139. Şükrü, Balci, Abdulkadir, Gölcü. The Role and Impacts of Social Media in Social Movements: “Example of the Arab Spring” / B. Şükrü, A. Gölcü // The Asian Conference on the Social Sciences 2013. Official Conference Proceedings, 2013.

140. Sussex, M. Conflict in the Former USSR / M. Sussex. – Cambridge University Press, 2012. – 245 p.

141. Tagliavini, H. Independent International Fact-Finding Mission. Report. Report, Brussels: Official Journal of the European Union, 2009. – 702 p.

142. Tagliavini, H. Independent International Fact-Finding Mission. Report. Report, Brussels: Official Journal of the European Union, 2009.

143. Tilly, Ch. How Empires End // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/ Barkey K., von Hagen M. – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 6.

144. Tilly, Ch. The Formation of national states in Western Europe // Ch. Tilly. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P.32.

145. Uzer, U. Identity and Turkish foreign policy: the Kemalist influence in Cyprus and the Caucasus / Umut Uzer. – London: I.B.Tauris & Co Ltd, 2011. – 256 p.

146. Waal, Thomas de. Uncertain ground. Engaging with Europe’s de facto states and breakaway territories / Thomas de Waal. – Brussels: Carnegie Europe, 2018. – 98 p.

147. Walter, C., von Ungern-Sternberg, A., Abushov, K. Self-determination and secession in international law / C. Walter, A. von Ungern-Sternberg, K. Abushov. – OUP Oxford, 2014. – 340 p.

148. Ward, A. Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance / A. Ward. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 248 p.

149. Welhengama, G. Minorities' claims: from autonomy to secession: international law and state practice / G. Welhengama. – Routledge, 2017. – 368 p.

150. Zakharov, N., Law, I. Post-Soviet Racisms / Nikolay Zakharov, Ian Law. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 251 p.

151. Zaslavsky, V. The Soviet Union / Barkey K., von Hagen M After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 73–92.

152. Zurcher, C. The Post-Soviet Wars: Rebellion Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus / Christoph Zürcher. – New York: New York university press, 2007. – 289 p.

153. Власюк, А., Кононенко, С. Кремлівська агресія проти України: роздуми в контексті війни : монографія / О. С. Власюк, С. В. Кононенко. – К. : НІСД, 2017. – 304 с.

Электронные ресурсы на русском языке

154. «Опередившая время на век»: Донецко-Криворожская Республика была создана 100 лет назад // ИА News Front. 12 февраля 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news-front.info/2018/02/12/operedivshaya-vremya-na-vek-donetsko-krivorozhskaya-respublika-byla-sozdana-100-let-nazad/ (дата обращения: 12.05.2020).

155. 7 украинских социальных сетей // AIN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ain.ua/2017/05/19/7-ukrainskix-socialnyx-setej (дата обращения: 08.07.2018).

156. VII инвестиционный экономический форум пройдет 10-11 октября // ИА Новости Приднестровья. 20 апреля 201. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://novostipmr.com/ru/news/19-04-20/vii-investicionnyy-ekonomicheskiy-forum-proydet-10-11-oktyabrya (дата обращения: 04.10.2019).

157. Абосзода, Ф. 20-летие Талыш-Муганской Республики: что дальше? / Фахраддин Абосзода // ИА REX. 8 августа 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iarex.ru/articles/39761.html (дата обращения: 20.06.2020).

158. Азербайджан обиделся // Взгляд. Деловая газета. 26 мая 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vz.ru/politics/2010/5/26/405607.html (дата обращения: 04.10.2019).

159. Азербайджан пригрозил сбивать самолеты за полеты в Степанакерт // Lenta.ru. 16 марта 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2011/03/16/fly/ (дата обращения: 04.10.2019).

160. Активная позиция: явка на президентских выборах в Приднестровье составила почти 60% // RT. 12 декабря 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/ussr/article/340884-vybori-pridnestrovie-prezident-rezultaty (дата обращения: 04.10.2019).

161. Алга, Каракалпакстан! // Lenta. Ru. 10 июня 2014. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2014/06/10/karakalpakstan/ (дата обращения: 27.04.2020).

162. Алмонд, Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/60.php (дата обращения: 6.04.2012).

163. Арефьев, А.Л. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве / А.Л. Арефьев // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php (дата обращения: 06.04.2012).

164. Армения и Нагорный Карабах могут заключить военный союз // EurAsia Daily. 15 ноября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2018/11/15/armeniya-i-nagornyy-karabah-mogut-zaklyuchit-voennyy-soyuz (дата обращения: 04.10.2019).

165. Артеменко, С. Присутствие России в Приднестровье: ещё есть или уже нет? / Сергей Артеменко // Regnum [Электронный ресурс]. 2018. 24 ноября. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2525368.html (дата обращения: 04.11. 2019).

166. Ахмедов, С. Конфликты в Таджикистане: причины и последствия / Саид Ахмедов // под общ. ред. Коппитерс, Б., Малашенко, А., Тренин, Д. – Москва: Весь мир, 1997. – Режим доступа: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/akhmedov.htm (дата обращения: 02.02.2020).

167. Без визы прямым рейсом – Тайвань стал ближе приморцам // PrimaMedia. 27 мая 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://primamedia.ru/news/816202/ (дата обращения: 09.10.2019).

168. Бибилов: Россия обеспечивает безопасность Южной Осетии от любых посягательств на 100% // ТАСС. 8 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6743623 (дата обращения: 04.10.2019).

169. Богачева, К., Запольская, А. Земли раздора / Ксения Богачева, Алевтина Запольская // Lenta.ru. 13 июня 2019.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2019/06/13/karabah/ (дата обращения: 04.10.2019).

170. В иммиграционных документах США появится название «Тайвань» вместо «Китайской Республики» // Radio Taiwan International. 4 октября 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.rti.org.tw/news/view/id/92446 (дата обращения: 10.10.2019).

171. В Карабахе впервые прошли учения ВС Армении и самопровозглашенной республики // Интерфакс. 2 декабря 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/590118 (дата обращения: 04.10.2019).

172. В населенном армянами Самцхе-Джавахети поднят вопрос об автономии в составе Грузии // ИА Регнум. 19 августа 2008. [Электронный ресурс].

– Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/1043811.html#ixzz29rSJzn8C (дата обращения: 20.10.2012).

173. В Приднестровье из России поступила финансовая помощь для пенсионеров // ТАСС. 29 марта 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/5077789 (дата обращения: 04.10.2019).

174. Васильев, И., Грузинова, И., Бурлакова, Е. Кто и как зарабатывает на поставках продуктов в ДНР и ЛНР / И. Васильев, И. Грузинова, Е. Бурлакова // Ведомости. 20 февраля 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/02/20/678337-zarabativaet-postavkah-dnr-lnr#/business/articles/2017/02/20/678337-zarabativaet-postavkah-dnr-lnr%20 (дата обращения: 04.10.2019).

175. Визит делегации из Китая // Международный фонд АПСНЫ. Общественная организация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fondapsny.org/ru/vizit-delegacii-iz-kitaya (дата обращения: 04.10.2019).

176. Военный потенциал Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха // ТАСС. 5 апреля 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/info/3179217 (дата обращения: 04.10.2019).

177. Возродится ли Союз? Будущее постсоветского пространства // Совет по внешней и оборонной политике. 23 мая 1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.svop.ru/public/docs_1996_5_15_1351675985.pdf (дата обращения: 24.12.2011).

178. Галстян, А. Карабахские виражи во внешней политике США / А. Галстян // Журнал «Международная жизнь». 27 апреля 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/15177 (дата обращения: 04.10.2019).

179. Гамова, С. Приднестровье кормят и Россия, и Евросоюз / Светлана Гамова // Независимая Газета. 5 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2017-09-05/1_7066_clothes.html (дата обращения: 04.10.2019).

180. Гаспарян: присутствие наблюдателей из Китая и ФРГ на выборах говорит о признании Абхазии / Армен Гаспарян // Sputnik Абхазия. 26 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sputnik-abkhazia.ru/radio/20190826/1028247108/Gasparyan-prisutstvie-nablyudateley-iz-Kitaya-i-FRG-na-vyborakh-govorit-o-priznanii-Abkhazii.html (дата обращения: 04.10.2019).

181. Голунов, И., Артемьев, А. Расследование РБК: на чьи деньги живет Донбасс / Иван Голунов и Александр Артемьев // РБК. 15 июня 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.rbc.ru/investigation/politics/15/06/2015/5579b4b99a7947b063440210 (дата обращения: 04.10.2019).

182. Горянов А., Ившина О. Боец «спецназа ДНР»: помощь России была решающей / Андрей Горянов и Ольга Ившина // BBC. 31 март 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150325_donetsk_rebel_interview (дата обращения: 04.10.2019).

183. Давтян, В. Внешнеторговые проблемы Нагорно-Карабахской Республики в условиях транспортной блокады / Ваге Давтян // ИА REX [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iarex.ru/articles/54680.html (дата обращения: 04.10.2019).

184. Давыдов, А.А. Системная социология: Social Computing / А.А. Давыдов // Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1016 (дата обращения: 10.10.2019).

185. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса // МГИМО. 20 апреля 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/departments/prezentatsiya-issledovaniya-big-data-o-diskurse-ukrainskikh-elit-v-facebook-2009-2018-rossiya-ukrain/ (дата обращения: 08.07.2018).

186. Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 26 августа 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/1223 (дата обращения: 10.11.2019).

187. Егоров, В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления / В.Г. Егоров // Материк: информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=13513 (дата обращения: 24.01.2012).

188. Егоров, В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления / В.Г. Егоров // Материк. 28 июля 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=13513 (дата обращения: 24.01.2012).

189. Жолдошев, К. Реальна ли угроза сепаратизма в Кыргызстане? // Радио Азаттык. 11 июня 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_uzbek_alisher_sabirov/24610631.html (дата обращения: 27.04.2020).

190. Зарубежная общественность отмечает важное значение встречи Си Цзиньпина и Ма Инцзю // Синьхуа Новости. 09 ноября 2015. [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2015-11/09/c_134798828.htm (дата обращения: 04.10.2019).

191. Зарубежная общественность отмечает важное значение Си Цзиньпина и Ма Инцзю // Xinhua. 9 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2015-11/09/c_134798828.htm (дата обращения: 04.10.2019).

192. Интервью с Паатой Закареишвили // Gazeta.ru. 9 октября 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/10/09_a_4805813.shtml (дата обращения: 15.10.2012).

193. История отношений России и Южной Осетии // ТАСС. 8 сентября 2019. [Электроннный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/info/5538798 (дата обращения: 10.04.2019).

194. Казаков, А. ДНР: республика Захарченко / А. Казаков // ИА Регнум. 22 сентября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/2487080.html (дата обращения 12.05.2020).

195. Как Шавката Мирзиёева чуть не разорвали в Каракалпакстане // Центр – 1. 23 января 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://centre1.com/uzbekistan/kak-shavkata-mirziyoeva-chut-ne-razorvali-v-karakalpakstane/ (дата обращения: 27.04.2020).

196. Каныгин, П. Стыдные вопросы про ДНР и ЛНР. Чем они вообще отличаются? Что там происходит? / Павел Каныгин // Meduza. 24 ноября 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2017/11/24/stydnye-voprosy-pro-dnr-i-lnr-chem-oni-voobsche-otlichayutsya-chto-tam-proishodit (дата обращения: 04.10.2019).

197. Караваев А. Русская речь и культура в странах СНГ (на примере Азербайджана): исследование фонда «Наследие Евразии» [Электронный ресурс] / А. Караваев // Неприкосновенный запас. 2015. – № 101. – Режим доступа: http://ia-centr. ru/expert/874/ (дата обращения: 27.08.2017).

198. Кашин, В. Много ли Китай инвестирует в Россию? / Василий Кашин // Валдай: международный дискуссионный клуб. 9 июнь 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu (дата обращения: 04.10.2019).

199. Китайская фирма презентовала свою продукцию в Минсельхозприроды // ИА Новости Приднестровья. 26 октября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://novostipmr.com/ru/news/18-10-26/kitayskaya-firma-prezentovala-svoyu-produkciyu-v-minselhozprirody (дата обращения: 02.03.2019).

200. Китайская фирма презентовала свою продукцию в Минсельхозприроды // ИА Новости Приднестровья. 26 октября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://novostipmr.com/ru/news/18-10-26/kitayskaya-firma-prezentovala-svoyu-produkciyu-v-minselhozprirody (дата обращения: 04.10.2019).

201. Контактная группа в Минске подписала «формулу Штайнмайера» // Rbc.ru. 1 октября 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/01/10/2019/5d926d059a794753f1e110c7 (дата обращения: 04.10.2019).

202. Конференция «Экспорт демократии и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе» // МГИМО. 18 мая 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/departments/konferentsiya-eksport-demokratii-i-setevye-tekhnologii/ (дата обращения: 08.07.2018).

203. Костюченко, Е. «Мы все знали, на что идем и что может быть» / Елена Костюченко // Новая Газета. 2 марта 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/02/63264-171-my-vse-znali-na-chto-idem-i-chto-mozhet-byt-187 (дата обращения: 04.10.2019).

204. Крым вместо ДНР: как в правительстве обсуждают отказ от помощи Донбассу // РБК. 15 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/15/09/2017/59b84cc99a7947ce896ad25c (дата обращения: 04.10.2019).

205. Линц, Х., Степан, А. «Государственность», национализм и демократизация // Polisportal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=120 (дата обращения: 6.04.2012).

206. Макаренко, Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации / Б.И. Макаренко // Политиком. Ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politcom.ru›tables/statja.doc (дата обращения: 04.10.2012).

207. Макеева, Н. Президент ПМР добьется расширения прав приднестровцев с паспортами РФ / Наталья Макеева // Федеральное Агентство Новостей. 7 июня 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riafan.ru/1185330-prezident-pmr-dobetsya-rasshireniya-prav-pridnestrovcev-s-pasportami-rf (дата обращения: 04.10.2019).

208. Малаев, М. Какой статус имеют паспорта Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии / Михаил Малаев // Коммерсантъ. 20 февраля 2017. [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3224414 (дата обращения: 04.10.2019).

209. Малинова, О.Ю. Другой взгляд на «транзит», или о пользе и вреде повествовательных схем / О.Ю. Малинова // Политнаука [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politnauka.org/library/dem/malinova.php (дата обращения: 01.08.2012).

210. Малиновский, А. Узбекские сепаратисты: каракалпаки / А. Малиновский // Спутник и Погром. 20 мая 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sputnikipogrom.com/society/71973/the-karakalpaks/ (дата обращения: 20.06.2020).

211. Маркедонов, С. Готова ли Армения признать Нагорный Карабах / Сергей Маркедонов // Московский Центр Карнеги. 16 мая 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/63589 (дата обращения: 04.10.2019)

212. Маркедонов, С.М. Об итогах президентских выборов в Грузии / С.М. Маркедонов // Политнаука [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politnauka.org/library/konflikt/markedonov2.php (дата обращения: 06.04.2012).

213. Маркедонов, С.М. Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: история и политика [Электронный ресурс] / С.М. Маркедонов // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 101. – Режим доступа: http:// www.nlobooks.ru/node/6381 (дата обращения: 27.08.2017).

214. Маркедонов, С.М. СНГ-2. Феномен непризнанных государств на постсоветском пространстве / С.М. Маркедонов // Кафедра стран постсоветского зарубежья РГГУ. 10 сентября 2006. [Электронны й ресурс]. – Режим доступа: http://www.postsoviet.ru/publications/21/ (дата обращения: 25.01.2012).

215. Международная конференция по де-факто государствам на постсоветском пространстве // МГИМО. 10 апреля 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/departments/mezhdunarodnaya-konferentsiya-po-de-fakto-gosudarstvam-na-postsovetskom-prostranstve/ (дата обращения: 08.07.2018).

216. Международные наблюдатели заявили о беспрецедентной явке на выборах в ДНР и ЛНР // ТАСС. 11 ноября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5779229 (дата обращения: 04.10.2019).

217. Миллер, А.И. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны / А.И. Миллер // Полит. ру. 11 апреля 2006.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2006/04/11/miller2/ (дата обращения: 01.08.2012).

218. Минасян, С. Наблюдатели: Выборы в Карабахе соответствовали международным стандартам / Сергей Минасян // Regnum. 4 мая 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/1921198.html (дата обращения: 04.10.2019).

219. Михалева, Г. Государства «де-факто». Как сложилась судьба непризнанных республик на постссср? / Галина Михалева // Европейский диалог. Экспертная группа. 15 января 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eedialog.org/ru/2018/01/15/de-fakto-gosudarstva-na-territorii-sssr-tranzit-bez-mezhdunarodnogo-priznaniya/ (дата обращения 10.08.2019).

220. Молдавия и Приднестровье высказались за активизацию переговоров // ТАСС. 12 июля 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6660411 (дата обращения: 04.10.2019).

221. Мухаматулин Т. 10 лет назад появилась социальная сеть Facebook / Т. Мухаматулин // Gazeta.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.gazeta.ru/science/2014/02/05_a_5880181.shtml (дата обращения: 08.07.2018).

222. Наблюдатели из Госдумы не зафиксировали нарушений на выборах Абхазии // ТАСС. 26 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/6798759 (дата обращения: 04.10.2019).

223. Наблюдатели из России не зафиксировали нарушений на выборах в Южной Осетии // РИА Новости. 09 июня 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20190609/1555418842.html (дата обращения: 04.10.2019).

224. Нагорный Карабах хочет восстановить связи с Россией и наладить – с ДНР и ЛНР // Коммерсантъ. 16 мая 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3969285 (дата обращения: 04.10.2019).

225. Никол Пашинян в Степанакерте встретился с Бако Саакяном // Sputnik Армения. 5 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.armeniasputnik.am/politics/20190805/19942687/Nikol-Pashinyan-v-Stepanakerte-vstretilsya-s-Bako-Saakyanom.html (дата обращения: 04.10.2019).

226. Пипия: китайских инвесторов привлекает Абхазия // Sputnik Абхазия. 8 февраля 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: abkhazia.ru/radio/20180227/1023266339/pipiya-kitajskix-investorov-privlekaet-abxaziya.html (дата обращения: 04.10.2019).

227. По итогам выборов в Чернигове МВД открыло 57 уголовных дел // РИА Новости Украина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rian.com.ua/incidents/20150729/371359135.

htmlhttps://rian.com.ua/incidents/20150729/371359135.html (дата обращения: 08.07.2018).

228. Полный текст заявления Дмитрия Медведева о признании независимости Абхазии и Южной Осетии // Корреспондент. net. 26 августа 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://korrespondent.net/world/russia/565820-polnyj-tekst-zayavleniya-dmitriya-medvedeva-o-priznanii-nezavisimosti-abhazii-i-yuzhnoj-osetii (дата обращения: 22.06.2020).

229. Премьер: Правительство Армении предоставит Арцаху около 2.9 млрд драмов помощи // Panorama.am. 14 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.panorama.am/ru/news/2019/08/14/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B5%D1%80-%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%90%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%90%D1%80%D1%86%D0%B0%D1%85/2153216 (дата обращения: 04.10.2019).

230. Путин встретился в Сочи с президентом Абхазии в разгар выборной кампании // Rbc.ru. 6 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/06/08/2019/5d4963349a79471c815ca962 (дата обращения: 04.10.2019).

231. Путин: Россия направит наблюдателей на парламентские выборы в Южной Осетии // ТАСС. 6 марта 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/6193538 (дата обращения: 04.10.2019).

232. Растоу, Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. Растоу // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/71.php (дата обращения: 06.04.2012).

233. Рейтинг // ICTV–факты. 100 блогеров 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bloggers.fakty.ictv.ua/ (дата обращения: 17.11.2017).

234. Рейтинг самых популярных аккаунтов политиков и блогеров Украины в Facebook в мае 2015 года // Биржевой лидер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://antikor.com.ua/articles/45909–nazvany_populjarnye_akkaunty_politikov_i_blogerov_ukrainy_maja_2015_g._v_facebook (дата обращения: 10.11.2017).

235. Рейтинг самых популярных аккаунтов политиков и блогеров Украины в Facebook в августе 2015 года // Politolog.net. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://politolog.net/ukrnews–php/rejting–samyx–populyarnyx–akkauntov–politikov–blogerov–ukrainy–v–facebook–za–avgust–2015–g/

236. Российские власти предлагают руководству Абхазии усилить защиту собственности инвесторов // ТАСС. 7 ноября 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/4707579 (дата обращения: 04.10.2019).

237. Российско-абхазские отношения. Досье // ТАСС. 8 августа 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/info/4470211 (дата обращения: 04.10.2019).

238. Россия выступила против членства Тайваня в ИКАО // РИА Новости. 3 октября 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20191003/1559405317.html (дата обращения: 04.10.2019).

239. Россия установила дипотношения с Южной Осетией и Абхазией // РИА Новости. 9 сентября 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20080909/151119284.html (дата обращения: 04.10.2019).

240. Слободской, М. От ДКР к ДНР. К вопросу о границах современной Украины / М. Слободской // Информационно-аналитическое издание Столетие. 12 февраля 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/vzglyad/ot_dkr_k_dnr_469.htm (дата обращения: 12.05.2020).

241. Суздальцев А.И. Постсоветское пространство: уходящая реальность / А.И. Суздальцев // Полит.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2007/03/14/2017/ (дата обращения: 24.01.2012).

242. Схема с Росрезервом? ДНР и ЛНР смогут получать руду для металлургов из России // Forbes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/biznes/342647-shema-s-rosrezervom-dnr-i-lnr-smogut-poluchat-rudu-dlya-metallurgov-iz-rossii (дата обращения: 04.10.2019).

243. Токарев. А.А. Публичная лекция в Фонде Горчакова 3 июля 2020 года «Будущее постсоветских конфликтов» / Алексей Токарев // YouTube [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=rTbftp7-eOI&t=218s (дата обращения: 05.05.2020).

244. Топ Facebook-страниц украинского политикума // Microtargeting [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://microtargeting.com.ua/?utm_source=espreso&utm_medium=link&utm_campaign=rating&utm_content=12.17&sort=rating&page=1 (дата обращения: 20.01.2020).

245. ТОП рейтинг украинских блогеров // Uainfo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uainfo.org/rating (дата обращения: 02.02.2020).

246. ТОП-20 украинских политиков по приросту подписчиков на Facebook // ЛігаБізнесІнформ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://biz.liga.net/all/it/stati/3056600-pomeryalis-facebookom-kto-iz-politikov-luchshiy-bloger-v-2015-om.htm (дата обращения: 02.02.2020).

247. ТОП–50 украинских блогеров в Facebook и Twitter. Рейтинг НВ // НВ. 1 декабря 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nv.ua/publications/virtualnye–geroi–politiki–i–zhurnalisty–tesnyat–pop–znamenitostey–v–facebook–i–twitter–infografika–nv–22945.html (дата обращения: 15.12.2017).

248. Торговые партнеры Абхазии // Абхазия-Апсны. Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abkhazia-apsny.ru/trading-partners.html (дата обращения: 25.10.2019).

249. Троицкий М.А., Чарап С. Игра с нулевой суммой / М.А. Троицкий, С. Чарап // Независимая газета. 13 октября 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2011-10-13/3_kartblansh.html (дата обращения: 24.01.2012).

250. Турецкий профессор: Турция должна признать Крым, а Россия – Северный Кипр // ИноТВ. 12 июня 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/inotv/2019-06-12/Tureckij-professor-Turciya-dolzhna-priznat (дата обращения: 04.10.2019).

251. Участники Женевских дискуссий по Закавказью обсудят ситуацию в регионе // ТАСС. 3 апреля 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6288970 (дата обращения: 04.10.2019).

252. Фадеева, А., Ткачев, И., Дергачев, В. Крым вместо ДНР: как в правительстве обсуждают отказ от помощи Донбассу / А. Фадеева, И. Ткачев, В. Дергачев // РБК. 15 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/15/09/2017/59b84cc99a7947ce896ad25c (дата обращения: 04.10.2019).

253. Фещенко, В. Made in Artsakh: Как бизнесмены подняли с колен непризнанную республику / Виктор Фещенко // Секрет фирмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://secretmag.ru/cases/stories/artsakh-epic.htm (дата обращения: 04.10.2019).

254. Филипенок, А. Смена формата: что означает окончание АТО в Донбассе / А. Филипенок // РБК. 03 мая 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/03/05/2018/5aeade659a794775466568f6 (дата обращения: 22.06.2020).

255. Шойгу предложил Додону уничтожить арсеналы боеприпасов в Приднестровье // Rbc.ru. 25 августа 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/25/08/2019/5d61d1ce9a79472ef54416d1 (дата обращения: 04.10.2019).

256. Это история: где и когда в Беларуси были свои сепаратисты // Журнал Большой.12. сентября 2014.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bolshoi.by/power/separatistskie-istorii-v-belarusi/ (дата обращения: 20.06.2020).

257. Ющенко терять уже нечего. Интервью с Алексеем Миллером // Полит.ру. 03 января 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2006/01/03/miller/ (дата обращения: 01.08.2012).

Электронные ресурсы на иностранных языках

258. Airports By Country Name // World Airport Codes [Electronic Resource]. Available at: https://www.world-airport-codes.com/alphabetical/country-name/t.html?page=1 (Mode of access: 04.10.2019).

259. Archive of European Integration // University of Pittsburg [Electronic Resource]. Available at: http://aei.pitt.edu/94331/ (Mode of access: 31.08.2020).

260. Artsakh Investment Guide // Artsakh Investment Fund [Electronic Resource]. Available at: http://aif.am/images/photos/Artsakh_Investment_Guide.pdf (Mode of access: 04.10.2019).

261. Balci, Ş., Gölcü, A. The Role and Impacts of Social Media in Social Movements: “Example of the Arab Spring” // The Asian Conference on the Social Sciences 2013. Official Conference Proceedings. [Electronic Resource]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/289506722_The_Role_and_Impacts_of_Social_Media_in_Social_Movements_Example_of_the_Arab_Spring (Mode of access: 11.11.2017).

262. Chung, L. Second senior US official sent to Taiwan under new travel act / L. Chung // South China Morning Post. 22 March 2018a. [Electronic Resource]. Available at: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2138500/second-senior-us-official-sent-taiwan-under-new-travel (Mode of access: 04.10.2019).

263. Chung, L. US, Taiwan military ties closer than ever as Donald Trump challenges Beijing / L. Chung // South China Morning Post. 29 October 2018. [Electronic Resource]. Available at: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2170449/us-taiwan-military-ties-closer-ever-donald-trump-challenges (Mode of access: 04.10.2019).

264. Dwyer, Colin. De facto U.S. embassy In Taiwan dedicates new complex — over Chinese objections / Colin Dwyer // National Public Radio. 19 June 2018. [Electronic Resource]. Available at: https://www.npr.org/2018/06/12/619197199/de-

facto-u-s-embassy-in-taiwan-dedicates-new-complex-over-chinese-objections (Mode of access: 04.10.2019).

265. Elkins Z. The Problem of Stateness / Z. Elkins // 2006 Meeting of the International Studies Association, San Diego, CA. European Values Study Group and World Values Survey Association. [Electronic Resource]. Available at: http://home.gwu.edu/~jsides/stateness.pdf (Mode of access: 11.04.2012).

266. Fırat, H. Turkey to increase troops in Turkish Cyprus / Hande Fırat // Hurriyet. 17 September 2018. [Electronic Resource]. Available at: http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-to-increase-troops-in-turkish-cyprus-136917 (Mode of access: 04.10.2019).

267. Ge Zhili: Inherit and Carry Forward Chinese Traditional Medicine culture // China Citizen News. 11 November 2017. [Electronic Resource]. Available at: http://chinacitizennews.news/view.php?d=152289 (Mode of access : 04.10.2019).

268. General Secretary Xi Jinping Meets with Taiwan Peaceful Reunification Group // Xinhua [Electronic Resource]. 24 September 2014. Available at: http://www.xinhuanet.com//politics/2014-09/26/c_1112641354.htm (Mode of access: 04.10.2019).

269. Google-тренды. Украина // Google [Electronic Resource]. Available at: https://trends.google.com.ua/trends/topcharts#geo=UA&date=2017 (Mode of access: 8.07.2018)

270. Grassegger, H. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt / Grassegger H // Daz Magazine [Electronic Resource]. Available at: https://www.dasmagazin.ch/2016/12/03/ich–habe–nur–gezeigt–dass–es–die–bombe–gibt/ (Mode of access: 10.12.2016).

271. Jennings, R. Small U.S. Marine presence in Taiwan could ruffle Chinese feathers / Ralph Jennings // Los Angeles Times. 8 April 2019. [Electronic Resource]. Available at: https://www.latimes.com/world/la-fg-taiwan-marines-20190408-story.html (Mode of access: 04.10.2019).

272. Kosovo // WorldCity, Inc. US Trade Numbers. [Electronic Resource]. Available at: https://www.ustradenumbers.com/country/kosovo/ (Mode of access: 04.10.2019).

273. Kosovo Welcomes US Military Aid // BalkanInsight. 20 March 2008. [Electronic Resource]. Available at: https://balkaninsight.com/2008/03/20/kosovo-welcomes-us-military-aid/ (Mode of access: 04.10.2019).

274. Levitski, S. Why «Democratic Breakthrougs» often fail to create democracies: Modes of Transition / S. Levitski // Johns Hopkins School [Электронный ресурс]. Available at: http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/

europe/conferences/countering-regression/pdf/ lucan-way-background.pdf (Mode of access 27.08.2017).

275. Lutsevych, O. How to finish a revolution: Civil society and democracy in Georgia, Moldova and Ukraine / Orysia Lutsevych // Chatam House. 2013. [Electronic Resource]. Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0113bp_lutsevych.pdf (Mode of access: 12.10.2017).

276. Manovich, L. The Science of Culture? Social Computing Digital Humanities and Cultural Analytics. / L. Manovich // Manovich. Cultural Analytics Lab. 2015. [Electronic Resource]. Available at: http://manovich.net/index.php/projects/cultural–analytics–social–computing (Mode of access: 10.12.2016).

277. Opinion: replace the Taiwan Compatriot Certificate with the Taiwanese Resident Travel Certificate of the People's Republic // Tianya.cn. 9 September 2018. [Electronic Resource]. Available at: http://bbs.tianya.cn/post-333-1361306-1.shtml (дата обращения: 04.10.2019).

278. Passports // American Institute in Taiwan [Electronic Resource]. Available at: https://www.ait.org.tw/u-s-citizen-services/passports/ (Mode of access: 25.10.2019).

279. Pilarquim. Homepage // Pilarquim. com [Electronic Resource]. Available at: http://en.pilarquim.com/ (Mode of access: 04.10.2019).

280. Pomfret, J. The U.S. makes a new push to bolster Taiwan's military defenses. China won't like It / J. Pomfret // The Washington Post. 23 July 2018. [Electronic resource]. Availible at: https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/23/the-u-s-makes-a-new-push-to-bolster-taiwans-military-defenses-china-wont-like-it/ (Mode of access: 04.10.2019).

281. Schmitter, P. Democratization and State capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, 2005. Available at: http://www.clad.org.ve/congreso/schmitte.pdf (Mode of access: 06.04.2012).

282. Taiwan and US officials hold rare meeting amid China tension // Al-Jazeera. 27 May 2019. [Electronic Resource]. Available at:: https://www.aljazeera.com/news/2019/05/taiwan-officials-hold-rare-meeting-china-tension-190527042649290.html (Mode of access: 25.10.2019).

283. Taiwan Compatriots cant travel visa free to Mainland. People in Taiwan praise the New Deal // China Daily. 15 May 2015. [Electronic Resource]. http://world.chinadaily.com.cn/2015-06/15/content_21002242.htm (Mode of access: 04.10.2019).

284. Taiwan recognizes Kosovo in move likely to anger China // Reuters. 20 February 2008. [Electronic Resource]. Available at: https://www.reuters.com/article/us-

taiwan-kosovo/taiwan-recognizes-kosovo-in-move-likely-to-anger-china-idUSTP33781020080220 (Mode of access: 04.10.2019).

285. Trump's envoy visits Kosovo in push for new talks with Serbia // Reuters. 9 October 2019. [Electronic Resource]. Available at: https://www.reuters.com/article/us-kosovo-usa/trumps-envoy-visits-kosovo-in-push-for-new-talks-with-serbia-idUSKBN1WO1Y2 (Mode of access: 15.10.2019).

286. Turkey to establish naval and air bases in Northern Cyprus // Middle East Monitor. 19 June 2019. [Electronic resource]. Available at: https://www.middleeastmonitor.com/20190619-turkey-to-establish-naval-and-air-bases-in-northern-cyprus/ (Mode of access: 04.10.2019).

287. Voyant Tools // Voyant-tools.org [Electronic Resource]. Available at: http://voyant-tools.org/ (Mode of access: 01.02.2020).

288. Way, L., Levitski, S. Why «Democratic Breakthroughs» often fail to create democracies: Modes of Transition and the Prospects for Democratic Change. 19 june 2020. [Electronic Resource]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/266474057_Why_Democratic_Breakthroughs_often_fail_to_create_democracies_Modes_of_Transition_and_the_Prospects_for_Democratic_Change (Mode of access: 27.04.2020).

289. Xi-Ma Meeting // Baidu Baike [Electronic Resource]. Available at: https://baike.baidu.com/item/%E4%B9%A0%E9%A9%AC%E4%BC%9A (Mode of access: 04.10.2019).

290. Активізація Сходу, зростання Facebook і Google+: UAнет на другий день після оголошення про блокування // Kantar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tns-ua.com/news/aktivizatsiya-shodu-zrostannya-facebook-i-google-uanet-na-drugiy-den-pislya-ogoloshennya-pro-blokuvannya (дата обращения: 8.07.2018).

291. Анатомія українського Facebook. Боти політиків, рейтинги, перемога на виборах // Еспресо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://espreso.tv/article/2017/12/13/reytyng_ukrayinskogo_facebook (дата обращения: 08.07.2018)

292. Аппарат государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия // Smr. Gov. Ge. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://new.smr.gov.ge/smr/default.aspx (дата обращения: 08.04.2014).

293. Кількість українських користувачів в Instagram зросла до 6 млн, а Facebook припинив ріст // Watcher [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://watcher.com.ua/2017/08/18/kilkist-ukrayinskyh-korystuvachiv-v-instagram-zrosla-do-6-mln-a-facebook-prypynyv-rist/ (дата обращения: 08.07.2018).

294. Пашинська, А. Анатомія українського Facebook. Боти політиків, рейтинги, перемога на виборах / А. Пашинська // Еспресо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://espreso.tv/article/2017/12/13/reytyng_ukrayinskogo_facebook (дата обращения: 10.02.2020).

295. Померялись Фейсбуком: кто из политиков лучший блогер в 2015-м // ЛігаБізнесІнформ. 9 июля 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://biz.liga.net/all/it/stati/3056600–pomeryalis–facebookom–kto–iz–politikov–luchshiy–bloger–v–2015–om.htm (дата обращения: 21.11.2017).

296. Рейтинг популярних сайтів // Kantar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tns–ua.com/news/reyting–populyarnih–saytiv–za–listopad–2017 (дата обращения: 15.09.2017).

297. У Facebook вже 11 млн українців // Watcher [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://watcher.com.ua/2018/01/23/u-facebook-vzhe-11-mln-ukrayintsiv/ (дата обращения: 08.07.2018).

298. Українська аудиторія Facebook за рік виросла на 30%, і вперше досягла 5 млн користувачів // Watcher [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://watcher.com.ua/2016/01/25/ukrayinska-audytoriya-facebook-za-rik-vyrosla-na-30-i-vpershe-dosyahla-5-mln-korystuvachiv/ (дата обращения: 08.07.2018).

299. Українців знову 9 млн на Facebook // Watcher [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://watcher.com.ua/2017/09/28/ukrayintsiv-znovu-9-mln-na-facebook/ (дата обращения: 08.07.2018).

300. 习近平总书记会见台湾和平统一团体联合参访团 [General Secretary Xi Jinping Meets with Taiwan Peaceful Reunification Group] // Xinhua. 24 September 2014. [Electronic Resource]. Available at: http://www.xinhuanet.com//politics/2014-09/26/c_1112641354.htm (Mode of access: 04.10.2019).

301. 建议：用“中华人民共和国台湾居民旅行证”代替台胞证 [Opinion: replace the Taiwan Compatriot Certificate with the "Taiwanese Resident Travel Certificate of the People's Republic"] // Tianya.cn. 9 September 2018. [Electronic Resource]. Available at: http://bbs.tianya.cn/post-333-1361306-1.shtml (Mode of access: 04.10.2019).

Статьи на русском языке

302. Азаров А.А. Бродовская, Е.В. Дмитриева О.В. Домбровская А.Ю. Фильченков А.А. 2014. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на

примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) / А.А. Азаров, Е.В. Бродовская, О.В. Дмитриева, А.Ю. Домбровская, А.А. Фильченков // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 3. – С. 36–74.

303. Бабурин В.А. Яненко М.Е. Технологии Big Data в сервисе: новые рынки, возможности и проблемы / В.А. Бабурин, М.Е. Яненко // Технико-технологические проблемы сервиса. – 2014. – № 1(27). – С. 100–105.

304. Баринова Д.С. Ассиметрия политического пространства Интернета / Д.С. Баринова // Международные процессы. – 2011. – № 9. – С. 84–92.

305. Батура Т.В. Методы анализа компьютерных социальных сетей / Т.В.Батура // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. Том 10. – 2012. – № 4. – С. 13–28.

306. Бродовская, Е.В., Домбровская, А.Ю., Синяков, А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования / Е.В. Бродовская // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1. – С. 283–296.

307. Бударагина, Л. Статус непризнанных государств / Людмила Бударагина // Право и современные государства. – 2016. – № 3. – С. 44–49.

308. Врадий, С.Ю. Российско-тайваньские отношения: история и перспективы / Сергей Юрьевич Врадий // Известия Восточного института. – 2017. – Vol. 2, № 34. – С. 68–82.

309. Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. 2019. № 5. – С. 19-42.

310. Гельман, В.Я. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации / В.Я. Гельман // Ответственные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 46–64.

311. Голиков, А.П. Экономика еврорегиона «Слобожанщина»: региональная диагностика / А.П. Голиков // Научные ведомости Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 1. – С. 29–36.

312. Горгадзе, А. Семантический анализ кавказских групп «Вконтакте» / Алексей Горгадзе // Социология в действии. – 2014. – С.82–89.

313. Гуреев, С.В. Анализ рисунков в социологических исследованиях / С.В. Гуреев // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 132-139.

314. Даймонд, Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? / Л. Даймонд // Полис. – 1999. – № 1. – С. 10–26.

315. Джгамадзе, К. Б., Шестопал Е. Б., Рогозарь А. И. Проблемы восприятия в международной политике: образ ЕС в России сегодня / К.Б. Джагмадзе, Е.Б. Шестопал, А.И. Рогозарь // Жизнь исследования после

исследования: как сделать результаты понятными и полезными. — Всероссийский центр изучения общественного мнения Москва, 2016. — С. 964–967.

316. Зубков К.И. Непризнанные государства, международное признание и глобальный порядок / К.И. Зубков // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты сборник материалов Всероссийской научной конференции. Самара: Самарская гуманитарная академия. – 2016. – С. 25-33.

317. Ильин М. Признание государства в контексте эволюции мировой системы / М. Ильин // Международные процессы. – 2012. – С. 18–27.

318. Ильин М. Формула государственности / М. Ильин // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2008. – № 3. – С. 67–78.

319. Ильин, М.В., Мелешкина, Е.Ю., Мельвиль, А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации / М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, А.Ю. Мельвиль // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 26–39.

320. Ильяшевич, М., Хахина А. К вопросу о международно-правовом признании государств / М. Ильяшевич и А. Хахина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 236–244.

321. Карл, Т.Л., Шмиттер, Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций / Т.Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. – 2004. - № 4. – С. 6–27.

322. Кива, А.В., Фёдоров, В.А. Анатомия терроризма / А.В. Кива, В.А. Фёдоров // ОНС. – 2003. – №1. – С. 130–142.

323. Кобелева, В.А., Бабенко, П.С. Анализ взаимоотношений граждан России и Украины (на основе контент–анализа комментариев в сети Интернет) / В.А. Кобелева, П.С. Бабенко // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – №1(76). – С. 153–160.

324. Кольцова О. Автоматизированные методы анализа больших массивов интернет-текстов / Олеся Кольцова // Онлайн исследования в России. – 2015. – С. 505–521.

325. Коршунов А., Белобородов И., Бузун Н., Аванесов В., Пастухов Р., Чихрадзе К., Козлов И., Гомзин А., Андрианов И., Сысоев А., Ипатов С., Филоненко И., Чуприна К., Турдаков Д., Кузнецов С. Анализ социальных сетей: методы и приложения // Труды Института системного программирования РАН. – 2014. – №26(1). – С. 439–456.

326. Кузнецов, А.С. «Надкушенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии / А.С. Кузнецов // Политэкс. – 2006. – № 3. – С. 241–252.

327. Кустарев А.И. Неудавшиеся государства / А.И. Кустарев // Космополис. – 2004. – №2. – С. 17–36.

328. Локшин, И.М. Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи / И.М. Локшин // Полития. – 2011. – № 4. – С. 74–92.

329. Лысенко М.В., Давыдов А.А. Египетская революция в Твиттере − безмасштабная сеть? / М.В. Лысенко, А.А. Давыдов // Экономика. Социология. Менеджмент, 28 сентября. 2011. – С. 1–8.

330. Ляшенко И. В., Федюнина, И. Э. Этнические прозвища русских в украинской и российской блогосферах / И. Ляшенко, И. Федюнина // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Том.3. – 2017. – №1. – С. 42–48.

331. Мальцева, Д.В.. Сетевой подход как феномен социологической теории / Д.В. Мальцева // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 3–14.

332. Маркедонов С. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства / Сергей Маркедонов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2018. – № 11. – С. 24–40.

333. Мелешкина Е.Ю. Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. - № 3. – 2013. С. 10-29.

334. Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций в условиях этно-культурной разнородности: теоретические подходы и историческая практика / Е.Ю. Мелешкина // Политическая наука. – 2010. – № 1. – С. 20-30.

335. Мельвиль А., Стукал, Д., Миронюк М. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) / А. Мельвиль, Д. Стукал, М. Миронюк // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 83–103.

336. Мельникова, О.Т., Шайдуллина, Ю.А. Методика психологического рисунка в качественном исследовании социальных установок / О.Т. Мельникова, Ю.А. Шайдуллина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). – 2016. – № 21. – С. 108-127.

337. Нечаева, П.Е. Реация российской элиты на присоединение Крыма к Российской Федерации / П.Е. Нечаева // Аллея науки. Т.2. – 2017. – №11. – С. 388–395.

338. Нигматуллина, К.Р., Бодрунова, С.С. 2017. Методика качественного анализа дискуссий в Twitter / К.Р. Нигматуллина, С.С. Бодрунова // Медиаскоп. – 2017. – №1.

339. Никипорец-Такигава, Г.Ю. Информационная поддержка политических решений как политическая технология: из уроков недавнего прошлого / Г.Ю. Никипорец–Такигава // PolitBook. – 2016. – №1. – С. 67–82.

340. Никитин А.И. Конец «постсоветского пространства» // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006 / РАПН, гл. ред. А.И. Соловьёв. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 13–21.

341. Новикова, С.А. Российские хэштеги микроблога «Твиттер» как политикоидентификационный маркер / С.А. Новикова // Социум и власть. – 2014. – № 5(49). – С. 20–26.

342. Олещук, П.Н. Влияние социальной сети Facebook на политическую мобилизацию / П.Н. Олещук // Гилея. Научный вестник. – 2014. – №88. – С. 336–340.

343. Павлов, П.В. Создание образа врага через посты и репосты политических медиановостей в социальной сети Facebook: семантический и прагматический аспекты воздействия / П.В. Павлов // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2016. – С. 90–97.

344. Платонова, М. Де-факто независимые государства Кавказа: переосмысление терминологии / М. Платонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 98–101.

345. Попов Ф. От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» / Федор Попов // Международные процессы. – 2011. – № 2. – С. 5-17.

346. Прохоров, А., Ларичев, Н. Компьютерная визуализация социальных сетей / А. Прохоров, Н. Ларичев // КомпьютерПресс. – 2006. – № 9. – С. 156–160.

347. Роккан, С. Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций / С. Роккан // Политическая наука. – М., 2006. – № 4. – С. 102–134.

348. Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ / Ю.Г. Рыков // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVIII. – 2015. – № 4. – С. 144−156.

349. Сергеева, Л. Проблема понятийно-категориального аппарата при классификации типов непризнанных (частично-признанных) государств постсоветского пространства / Л. Сергеева // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5–2. – С. 169–172.

350. Сморгунов Л.В. Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления // Демократия в современном мире. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 63-67.

351. Соколов С. Перспективы существования непризнанных государств в XXI веке / А. Н. Сквозников. Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. – С. 108–117.

352. Тревер К.А., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э. История народов Узбекистана / К.А. Тревер, А.Ю. Якубовский, М.Э. Воронец. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. – С. 188–193.

353. Фисун А.А. Постсоветская политика как неопатримониальный процесс / А.А. Фисун // Вестник Института Кеннана в России. – 2009. – № 16. – С. 53–62.

354. Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология / А.А. Фисун // Отечественные записки. – 2007. – № 6. – С. 25.

355. Холина Е. Формы и критерии признания государств / Елена Холина // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – С. 218–223.

356. Цвицинская Н. Эволюция института признания государства в международном праве / Н. Цвицинская // История и современность. – 2014. – № 2. – С. 147–161.

357. Чернова Т.А., Слеповронская К.Ю.. Историческая память в информационной войне. Как используются социальные сети в идеологическом противостоянии Украины и России / Т.А. Чернова // Философские науки. – 2015. – №5. – С. 16–23.

358. Чижик А.В. Социолингвистическое исследование некоторых тенденций публикации постов в русскоязычном Twitter / А.В. Чижик // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2014. – № 17. – С. 337−346.

359. Чураков, А.Н. Анализ социальных сетей / А.Н. Чураков // СоцИс. – 2001. – № 1. – С. 109–121.

360. Шестопал Е.Б. Восприятие В.В. Путина российскими гражданами: 15 лет пребывания во власти / Е.Б. Шестопал // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 68-80.

Статьи на иностранных языках

361. Agnew J. The territorial trap: the geographical assumptions of international relations theory / J. Agnew // Review of international political economy. – 1994. – Vol. 1, № 1. – P. 55.

362. Bäck, H., Hadenius, A. Democracy and State Capacity: Exploring a J-shaped Relationship / H. Bäck, A. Hadenius // Governance. – 2008. – Vol. 21, № 1. – P. 1–21.

363. Balmaceda, M. Privatization and elite defection in de facto states: The case of Transnistria, 1991–2012 / M. Balmaceda // Communist and Post-Communist Studies. – 2013. – Vol. 46, № 4. – P. 445–454.

364. Berg, E., Mölder, M. Who is Entitled to Earn Sovereignty? Legitimacy and Regime Support in Abkhazia and Nagorno-Karabakh / E. Berg, M. Mölder // Nations and Nationalism. – 2012. – № 18. – P. 527-545.

365. Berg, E., Vits, K. Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet de facto States / E. Berg, K. Vits // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 390–407.

366. Berki, E., Pegg, S. Scrutinizing a Policy of “Engagement Without Recognition”: US Requests for Diplomatic Actions With De Facto States / E. Berki and S. Pegg // Foreign Policy Analysis. – 2018. – Vol. 14, № 3. – P. 388–407.

367. Besley T. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation, and Politics / T. Besley // American Economic Review, American Economic Association. – 2009. – Vol. 99. – P. 1218–44.

368. Bieri, M. Separatism in the EU / M. Bieri // CSS Analyses in Security Policy. – 2014. –№ 160. – P. 1–5.

369. Blakkisrud, H., Kolstø, P. Dynamics of de facto statehood: the South Caucasian de facto states between secession and sovereignty / H. Blakkisrud, P. Kolstø // Southeast European and Black Sea Studies. – 2012. – Vol. 12, № 2. – P. 280–289.

370. Bobick, M.S. Separatism Redux: Crimea, Transnistria, and Eurasia's de facto States / M.S. Bobick // Anthropology Today. – 2014. – Vol.30, № 3. – P. 3–8.

371. Bohdanova, T. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine’s Euromaidan uprising / T. Bohdanova // European View. – Vol.13. – P. 133–142.

372. Brancati, D. Another Great Illusion: The Advancement of Separatism through Economic Integration / D. Brancati // Political Science Research and Methods. – 2014. – Vol. 2, № 1. – P. 69–95.

373. Bunaug, H. The geography of Civil war / H. Bunaug // Journal of peace research. – 2002. – Vol. 39, № 4. – P. 420.

374. Cameron, D. R. Post-communist democracy: The impact of the European Union / D.R. Cameron // Post-Soviet Affairs. – 2007. – № 23. – P. 185–217.

375. Caspersen, N. Recognition, Status Quo or Reintegration: Engagement with de facto States / N. Caspersen // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 373–389.

376. Catala, A. Remedial Theories of Secession and Territorial Justification / A. Catala // Journal of Social Philosophy. – 2013. – Vol. 44, № 1. – P. 74–94.

377. Coggins, B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism / Bridget Coggins // International Organization. – 2011. – Vol. 65, № 3. – P. 437-467.

378. Comaia, G., Venturib, B. Language and Education Laws in Multi-ethnic de facto States: the Cases of Abkhazia and Transnistria / G.Comaia, B. Venturib // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2015. – Vol. 43, № 6. – P. 886-905.

379. Connolly, C. Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union / C. Connolly // Duke Journal of Comparative & International Law. – 2013. – P. 51–105.

380. Cornell S.E., Nilsson N. Georgian Politics since the August 2008 War / S.E. Cornell, N. Nilsson // Demokratizatsiya. – 2009. – Vol. 17, № 3. – P. 252.

381. Csernicskó, I., Máté, R. Bilingualism in Ukraine: Value or Challenge? / István Csernicskó, Réka Máté // Sustainable Multilingualism. – 2017. – Vol. 10, № 1. – P. 14–35.

382. Cuffe, J., Siroky, D. Lost Autonomy, Nationalism and Separatism / J. Cuffe, D. Siroky // Comparative Political Studies. – 2014. – Vol. 48, № 1. – P. 3–34.

383. Dembinska, M., Campana, A. Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research / M. Dembinska, A. Campana // International Studies Review. – 2017. – Vol. 19, № 2. – P. 254–278.

384. Dickinson, J. Languages for the market, the nation, or the margins: overlapping ideologies of language and identity in Zakarpattia / J. Dickinson // International Journal of the Sociology of Language. – 2010. –№ 201. – P. 53–78.

385. Diehl, P. Geography and war: a review and assessment of the empirical literature / P. Diehl // International interactions. – 2008. – Vol.17, № 1. – P. 12.

386. Diener, A. Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan's northern oblasts / A. Diener // Eurasian Geography and Economics. – 2015. – Vol. 56, № 5. – P. 469–492.

387. Dimitrovna, A., Pridham, G. International actors and democracy promotion in Central and Eastern Europe: The integration model and its limits / A. Dimitrovna, G. Pridham // Democratization. – 2004. - № 11(5). – P. 91–112.

388. Duffy M. Self-Determination, Secession, and Civil War / M. Duffy // Terrorism and Political Violence. – 2012. – Vol. 24, № 4. – P. 581–600.

389. Easter, G.M. The politics of revenue extraction in post-communist states: Poland and Russia compared / G.M. Easter // Politics & Society. – 2002. – № 30. – P. 599–627.

390. Ericson, R., Zeager L. Ukraine Crisis 2014: A Study of Russian-Western Strategic Interaction / R. Ericson, L. Zeager // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. – 2015. – Vol. 21, № 2. – P. 153–190.

391. Etling, B. Russia, Ukraine, and the West: Social Media Sentiment in the Euromaidan Protests / Bruce Etling // Berkman Center Research Publication. – №. 2014–13. – 18 p.

392. Fazal, T. State Death in the International System / T. Fazal // International Organization. – 2004. – Vol. 58, № 2. – P. 311–344.

393. Florea A. De Facto States: Survival and Disappearance (1945-2011) / A. Florea // International Studies Quarterly. – 2017. – Vol. 61, № 2. – P. 337–351.

394. Florea, A. De Facto States in International Politics (1945–2011): A New Data Set / A. Florea // International Interactions. – 2014. – Vol. 40, № 5. – P. 788–811.

395. Fortin, J. Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries / J. Fortin // Comparative Political Studies. – 2011. – № 20. – P. 1–28.

396. Fukuyama, F. «Stateness» first / F. Fukuyama // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16, № 1. – P. 84–89;

397. Fukuyama, F. The Imperative of State-building / F. Fukuyama // Journal of Democracy. – 2004. – Vol. 15, №2. – P. 17-31.

398. Gachechiladze, R. Geopolitics in the South Caucasus: Local and External Players / R. Gachechiladze // Geopolitics. – 2004. – Vol. 7, № 1. – P. 120-130.

399. Gammer, M. Separatism in the Northern Caucasus / M. Gammer // Caucasus Survey. – 2015. – Vol. 3, № 3. – P. 219–238.

400. Gilley, B. The Determinants of State Legitimacy: Results for 72 Countries / B. Gilley // International Political Science Review. – 2006. – Vol 27, № 1. – P. 47–71.

401. Giuliano, E. Who supported separatism in Donbas? Ethnicity and popular opinion at the start of the Ukraine crisis / E. Giuliano // Post-Soviet Affairs. – 2018. – Vol. 34, № 2–3. – P. 158–178.

402. Goroshko, O. 2014. Leaders 2.0 through Crisis Communications in Ucrane: Or Facebook in Use / O. Goroshko // Chorzowskie Studia Polityczne. – 2014. – № 8, P. 177–197.

403. Grzybowski, J. The paradox of state identification: de facto states, recognition, and the (re-)production of the international / J. Grzybowski // International Theory. – 2019. – Vol. 11, № 3. – P. 241–263.

404. Grzymala-Busse, A., Jones Luong, P. Reconceptualizing the state: Lessons from post-communism / A. Grzymala-Busse, P. Jones Luong // Politics & Society. – № 30. – P. 529–554.

405. Guretski, V. The Question of Javakheti / V. Guretski // Caucasian Regional Studies. – 1998. – Vol. 3, № 1. – P. 2

406. Hale, H. 25 Years After The USSR: What's Gone Wrong? / H.Hale // Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27, № 3. – P. 24–35.

407. Hoch, T., Rudincová, K. Legitimization of Statehood in de facto States: a Case Study of Somaliland / T. Hoch, K. Rudincová // AUC Geographica. – 2015. – Vol. 15, № 1. – P. 37–49.

408. Iskandaryan, A., Minasyan, S., Broers, L. Introduction: the unrecognized politics of de facto states in the post-Soviet space / A. Iskandaryan, S. Minasyan, L. Broers // Caucasus Survey. – 2015. – Vol. 3, № 3. – 187–194.

409. Jure, V. Remedial Secession in International Law: Theory and (Lack of) Practice / V. Jure // St Antony's International Review. – 2010. – Vol. 6, № 1. – P. 37–56.

410. Katchanovski, I. The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? / I.Katchanovski // European Politics and Society. – 2016. – P. 35-50.

411. Kennedy, R. The limits of soft balancing: the frozen conflict in Transnistria and the challenge to EU and NATO strategy / R. Kennedy // Small Wars & Insurgencies. Special Issue: Hybrid War in Post-Soviet Spaces. – 2016 – Vol. 27, № 3. – P. 512-537.

412. Ker-Lindsay, J. Engagement without recognition: the limits of diplomatic interaction with contested states / J. Ker-Lindsay // International Affairs. – 2015. – Vol. 91, № 2. – P. 267–285.

413. Ker-Lindsay, J. The Stigmatisation of de facto States: Disapproval and 'Engagement without Recognition' / J. Ker-Lindsay // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 362–372.

414. Ker-Lindsay, J., and Berg, E. Introduction: A Conceptual Framework for Engagement with De Facto States / J. Ker-Lindsay, E. Berg // Ethnopolitics (formerly Global Review of Ethnopolitics). – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 335–342.

415. Khondker, H.H. Role of the New Media in the Arab Spring / H.H. Khondker // Globalizations. – 2011. – Vol. 8, № 5. – P. 675–679.

416. Kolosov, V., O'Loughlin, J. Building identities in post-Soviet "de facto states": cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia / V. Kolosov, J. O'Loughlin // Eurasian Geography and Economics. – 2017. – Vol. 58, № 6. – P. 691–715.

417. Kolosov, V., O'Loughlin, J. After the Wars in the South Caucasus State of Georgia: Economic Insecurities and Migration in the "De Facto" States of Abkhazia and South Ossetia / V. Kolosov, J. O'Loughlin // Eurasian Geography and Economics. – 2011. – Vol. 52, № 5. – P. 631–654.

418. Kolsto, P. Nation-Building in the Former USSR / P. Kolsto // Journal of Democracy. – 1996. – Vol. 7, № 1. – P. 118–132.

419. Kolstø, P., Blakkisrud, H. De facto states and democracy: The case of Nagorno-Karabakh / P. Kolstø, H. Blakkisrud // Communist and Post-Communist Studies. – 2012. – Vol. 45, № 1–2. – P. 141–151.

420. Kononov, I.F. Theory of Mass Consciousness: opportunities and limitations under conditions of unconventional warfare (Based on the results of studies on the Government controlled territory of Luhansk oblast) / I.F. Kononov // Grani. – 2018. – № 21(5). – P. 28–47.

421. Kopeček V. Political institutions in the post-Soviet de facto States in Comparison: Abkhazia and Nagorno-Karabakh / V. Kopeček // ALPPI Annual of Language & Politics and Politics of Identity. – 2016. – № 10. – P. 73–99.

422. Kopeček V., Hoch T., and Baar V. De Facto States and Democracy: The Case of Abkhazia / V. Kopeček, T. Hoch, V. Baar // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. – 2016. – Vol. 32, № 32. – P. 85–104.

423. Kuzio, T. A New Framework for Understanding Nationalisms in Ukraine: Democratic Revolutions, Separatism and Russian Hybrid War / T. Kuzio // Geopolitics, History, and International Relations. – 2015. – № 1. – P. 30–51.

424. Kuzio, T. Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian / T. Kuzio // Conflict Studies in Ethnicity and Nationalism. Special Issue: Nationalism and Belonging. – 2015. – Vol. 15, № 1. – P. 157–169.

425. Kuzio, T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space / T. Kuzio // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2002. Vol. 30, № 2. – P. 241–264.

426. Kuzio, T. National Identity and History Writing in Ukraine / T. Kuzio // Nationalities Papers. – 2006. – Vol. 34, № 3. – P. 407–427.

427. Kuzio, T. Transition in Post-Communist states: Triple or Quadruple / T. Kuzio // Politics. – 2001. – Vol. 21, №3. – P. 168–177.

428. Laruelle, M. The Three Colors of Novorossiya, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis / M. Laruelle // Post-Soviet Affairs. – 2016. – Vol. 32, № 1. – P. 55-74.

429. Lim, M. Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011 / M. Lim // Journal of Communication. – 2012. – № 62. – P. 231–24.

430. Loganovsky, K., Zdanevich, N., Gresko, M., Marazziti, D., Loganovskaja T. Neuropsychiatric characteristics of antiterrorist operation combatants in the Donbass (Ukraine) / K. Loganovsky, N. Zdanevich, M. Gresko, D. Marazziti, T. Loganovskaja // CNS Spectrums. – 2018. – Vol. 23, № 2. – P. 178–184.

431. Loshkariov, I., Sushentsov, A. Radicalization of Russians in Ukraine: from 'accidental' diaspora to rebel movement / Ivan Loshkariov, Andrey Sushentsov // Southeast European and Black Sea Studies. – 2016. – Vol. 16, № 1. – P. 71–90.

432. MacDuffee Metzger M., Joshua A. Tucker Social Media and EuroMaidan: A Review Essay / Megan MacDuffee Metzger, Joshua A. Tucker // Slavic Review. – 2017. – Vol. 76, № 1. – P. 169–191.

433. Malek, M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework / M. Malek // Transition Studies Review. – 2006. – № 13. – P. 441–460.

434. Massetti, E., Schakel, A. Between autonomy and secession: Decentralization and regionalist party ideological radicalism / E. Massetti, A. Schakel // Party Politics. – 2013. – Vol. 22, № 1. – P. 59–79.

435. McFaul M. Transitions from Postcommunism / M. McFaul // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16, № 3. – P. 5-19.

436. Metzger, M., Joshua A. Tucker Social Media and EuroMaidan: A Review Essay / Megan MacDuffee Metzger, A. Joshua // Slavic Review. – 2017. – Vol. 76, № 1. – P. 169–191.

437. Moore, C.D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique / C.D. Moore // PMLA. – 2001. – Vol. 116, № 1. – P. 111–128.

438. Muñoz, J., Tormos, R. Economic expectations and support for secession in Catalonia: between causality and rationalization / J. Muñoz, R. Tormos // European Political Science Review. – 2014. – Vol. 7, № 2. – P. 315–341.

439. Nettl, J. The State as a conceptual variable / J. Nettl // World politics. – 1968. – Vol. 20, № 4. – P. 559–592.

440. O' Loughlin, J. Bringing geography back to the study of international relations / J. O' Loughlin // International interactions. – 2008. – Vol. 17, № 1. – P. 29.

441. Onuch, O. EuroMaidan Protests in Ukraine: Social Media Versus Social Networks / O. Onuch // Problems of Post–Communism. – 2015. – Vol. 62, № 4. – P. 217–235.

442. Overland, I. The Closure of the Russian Military Base at Akhalkalaki: Challenges for the Local Energy Elite, the Informal Economy and Stability / I. Overland // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. – 2009. – № 9. – P. 3.

443. Pashakhin, S. Topic Modeling for Frame Analysis of News Media / S. Pashakhin // Proceedings of the AINL FRUCT – Saint-Petersburg, 2016. – P. 103–105.

444. Pavlinek, P. Alternative Approaches to Post-Communist Transformations in Central and Eastern Europe / P. Pavlinek // Acta Slavica Iaponica. – 2003. – № 20. – P. 85–108.

445. Petrenko, O.S.The models of use of information sources by the population of the free part of the Luhanska oblast / O.S. Petrenko // Grani. – 2019. – № 22(3). – P.27–34.

446. Pilgun, M, Gradoselskaya, G. Political Communication on Facebook: Russian Case / M. Pilgun, G. Gradoselskaya // Revista Latina de Comunicación Social. – 2015. – № 70. – P. 726–749.

447. Pilgun, M., Gradoselskaya, G. Political Communication on Facebook: Russian Case / M. Pilgun, G. Gradoselskaya // Revista Latina de Comunicación Social. – 2015. – № 70. – P. 726-749.

448. Pocheptsov, G. Cognitive attacks in Russian Hybrid Warfare / Georgii Pocheptsov // Information and Security: An International Journal. – 2018. – Vol. 41. – P. 37–43.

449. Raleigh, C. Seeing the forest for the trees: does physical geography affect a state's conflict risk? / C. Raleigh // International interactions. – 2010. – Vol. 36, № 4. – P. 384–410.

450. Relitz, S. De Facto States in the European Neighborhood: Between Russian Domination and European (Dis)Engagement. The Case of Abkhazia / S. Relitz // Eurint. – 2016. – № 1. – P. 96–113.

451. Robinson, R. Russia's role in the war in Donbass, and the threat to European security / R. Robinson // European Politics and Society. – 2016. – P. 55-70.

452. Ronzhyn, A. The use of Facebook and Twitter During the 2013–2014 Protests in Ukraine / A. Ronzhyn // Conference: Proceedings of the European Conference on Social Media. – Brighton, 2014. – P.442–449.

453. Rotberg, R. The New Nature of Nation-State Failure / R. Rotberg // The Washington Quarterly. – 2002. – Vol. 25, №. 3. – P. 88-97.

454. Rywkin, M. The Phenomenon of Quasi-states / M. Rywkin // Diogenes. – 2006. – Vol. 53, № 2. – P. 23–28.

455. Sabou, A. The EU "Engagement without Recognition" Policy in its Eastern Neighborhood de facto States. The Case of Abkhazia and South Ossetia / A. Sabou // Studia Universitatis Babes-Bolyai, Europaea. – 2017. – Vol. 62, № 1. – P. 127–139.

456. Shcherbak, A. Nationalism in the USSR: a historical and comparative perspective / A. Shcherbak // Nationalities Papers. – 2015. – Vol. 43, № 6. – P. 866–885.

457. Slade, G. The threat of the thief: Who has normative influence in Georgian society? / G. Slade // Global crime. –2007. – Vol. 8, № 2. – P. 172–179.

458. Smolnik, F. Lessons Learned? The EU and the South Caucasus De Facto States / F. Smolnik // Caucasus Analytical Digest. – 2012. – № 36. – P. 2–6.

459. Toomla, R. Charting informal engagement between de facto states: a quantitative analysis / R. Toomla // Space and Polity. – 2016. – Vol. 20, № 3. – P. 330–345.

460. Tskhovrebov, K. Problems of the status of unrecognized and Partially recognized states in the modern world / K. Tskhovrebov // Vestnik Severoosetinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – P. 186–189.

461. Tsygankov, A.P. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World / A.P. Tsygankov // Communist and Post-Communist Studies. – 2007. Vol. 40, № 4. – P. 423–439.

462. Vayrynen, R. Regional conflict formations: an intractable problem of international relations / R. Vayrynen // Journal of peace research. – 1984. – Vol. 21, № 4. – P. 346–347.

463. von Steinsdorff S., and Fruhstorfer A. Post-Soviet de facto states in search of internal and external legitimacy. Introduction / S. von Steinsdorff, A. Fruhstorfer // Communist and Post-Communist Studies. – 2012. – Vol. 45, № 1–2. – P. 117–121.

464. Voronovici, A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass / A. Voronovici // Problems of Post-Communism. – 2019. – Vol. 67, № 3. – P. 288–302.

Приложение 1. Результаты анализа БД украинского Facebook. Рисунки 4, 11-18

Рисунок 4. Динамика социальных сетей на Украине

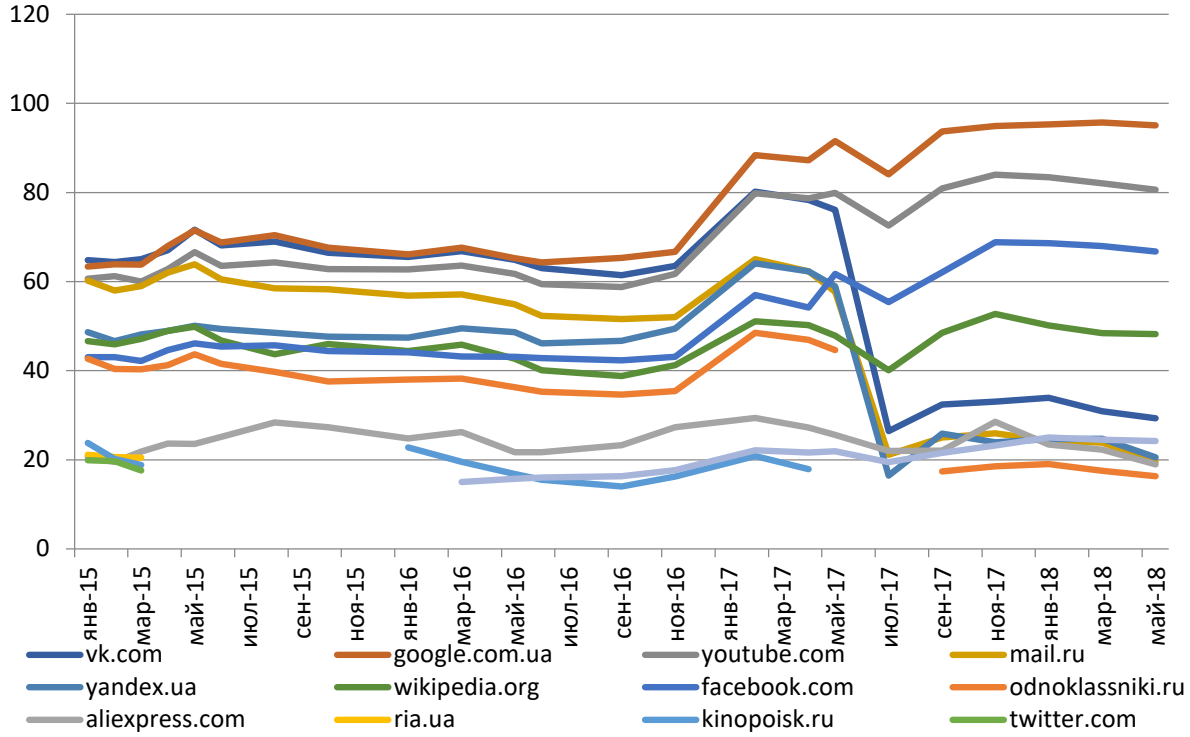
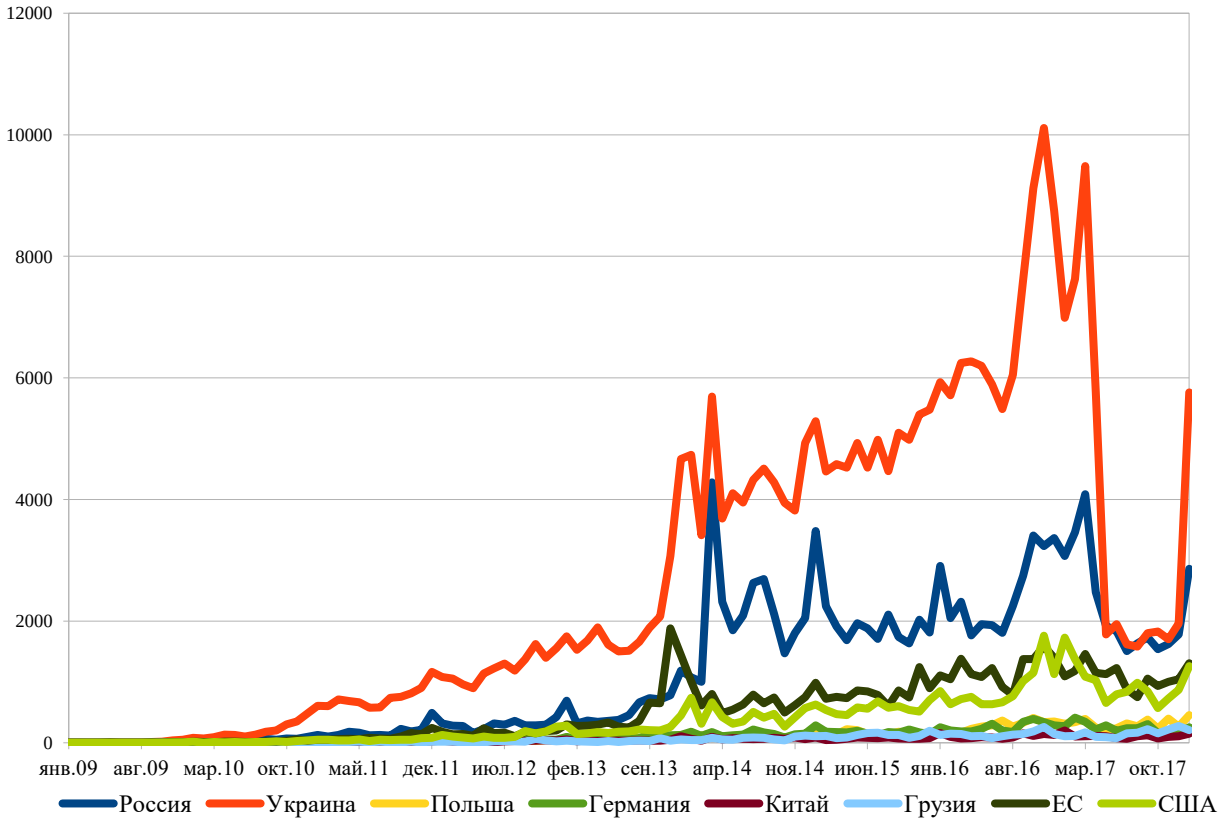

Рисунок 11. Частота упоминаний Украины и внешних акторов по месяцам

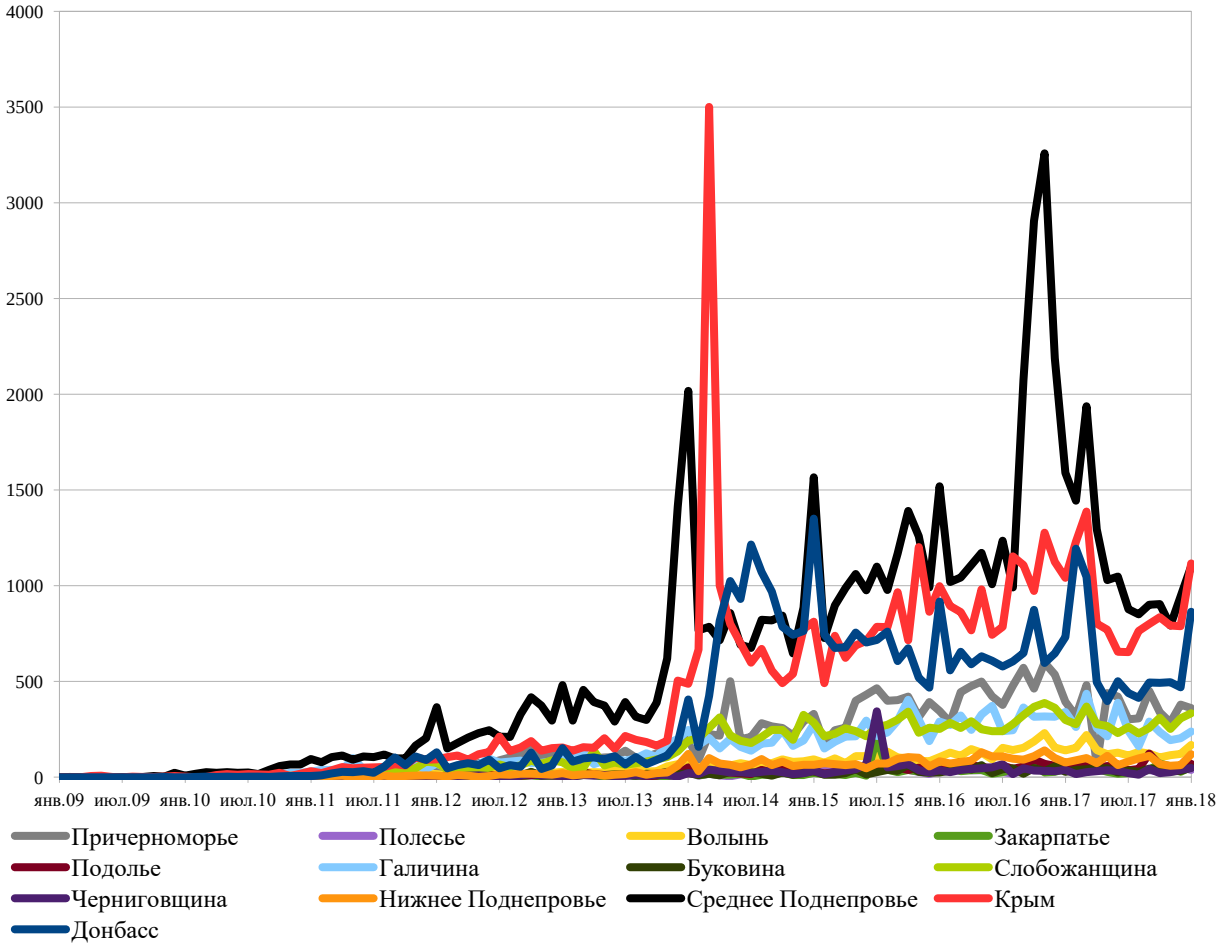

Рисунок 12. Частота упоминаний регионов Украины по месяцам

Рисунок 13. Визуализация частотности синонимов о территории по итогам сентимент-анализа

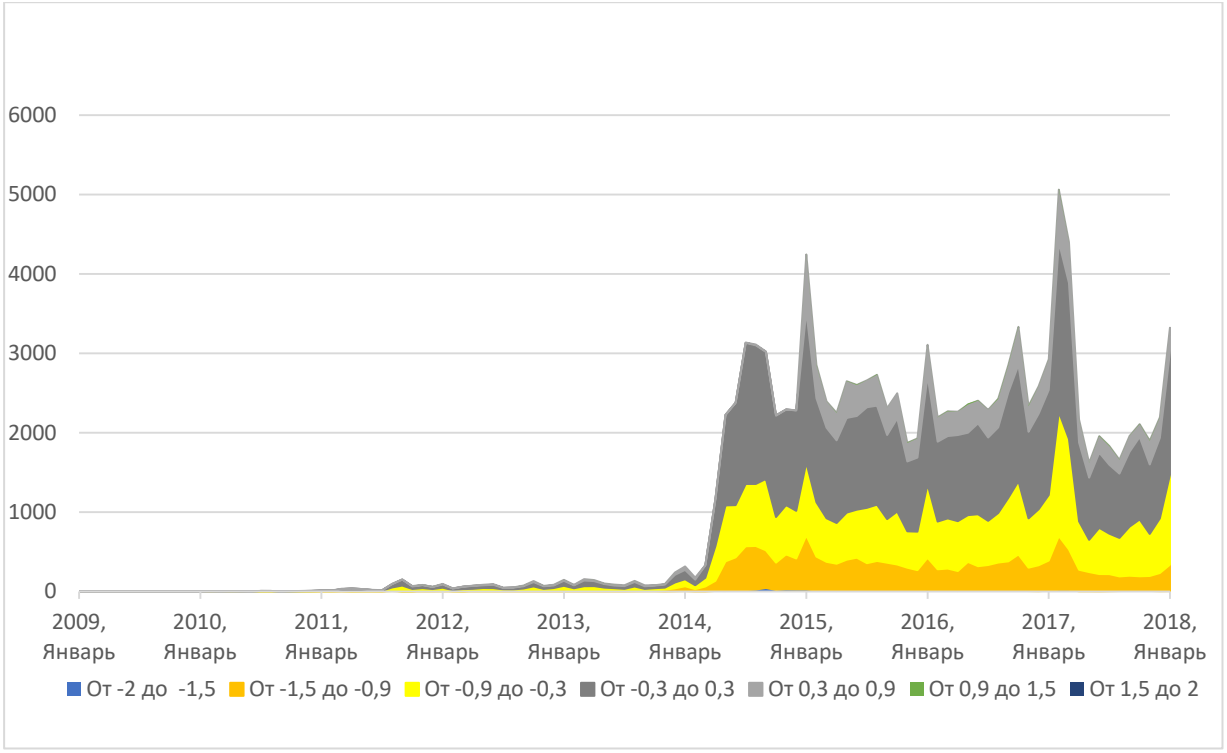

Рисунок 14. Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

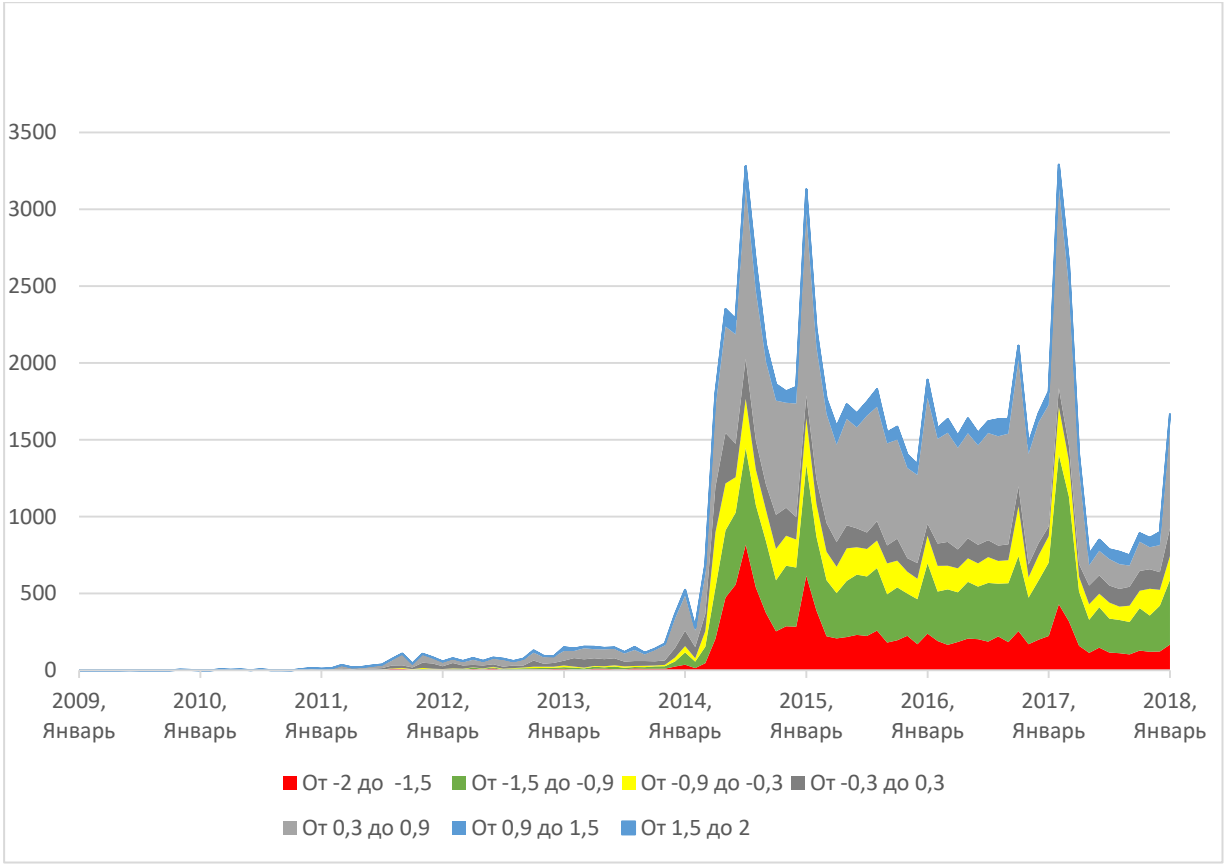

Рисунок 15. Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

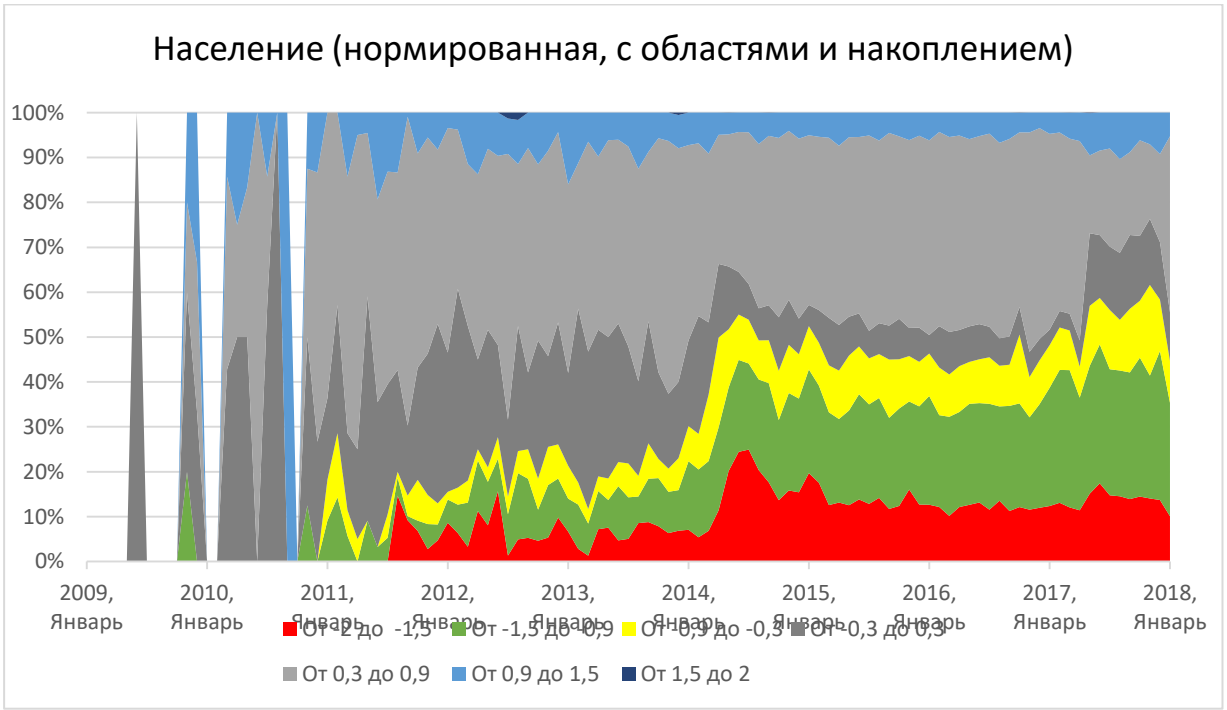

Рисунок 16. Визуализация частотности синонимов о населении по итогам сентимент-анализа

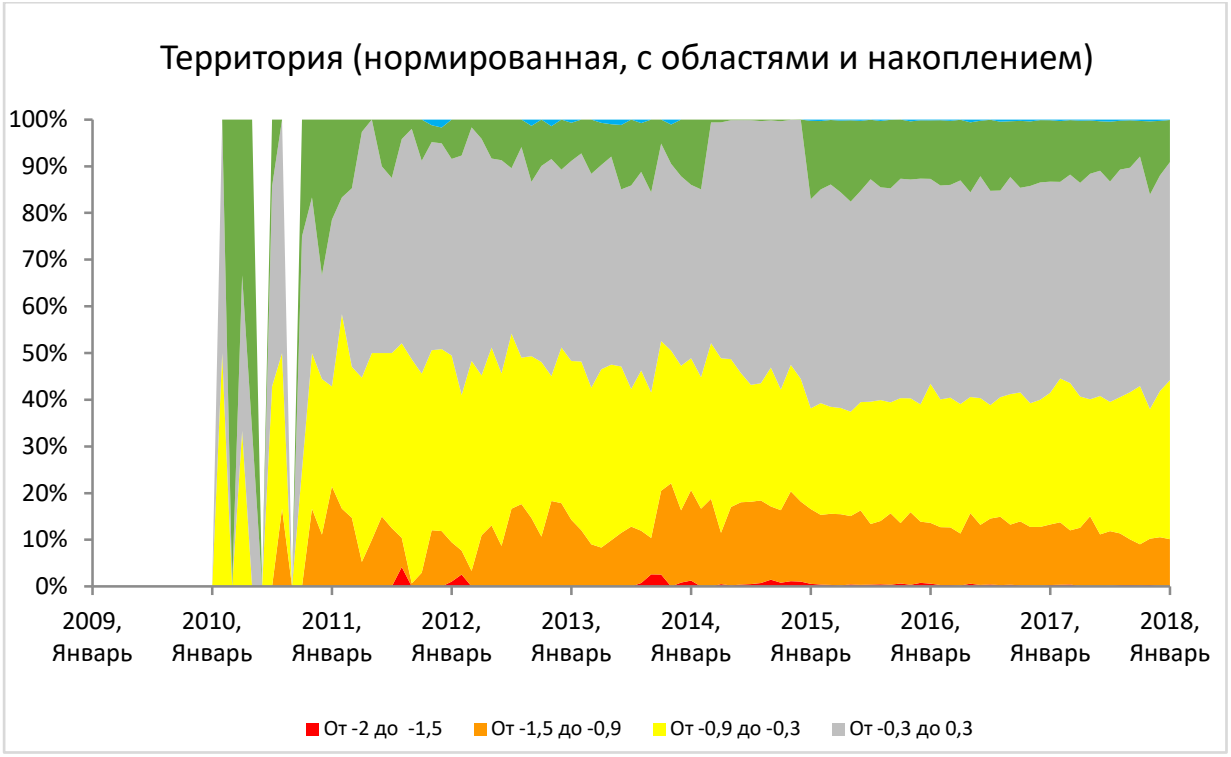

Рисунок 17. Сравнение графиков частотности употребления стран, регионов, синонимов в отношении территории и населения. U-положение

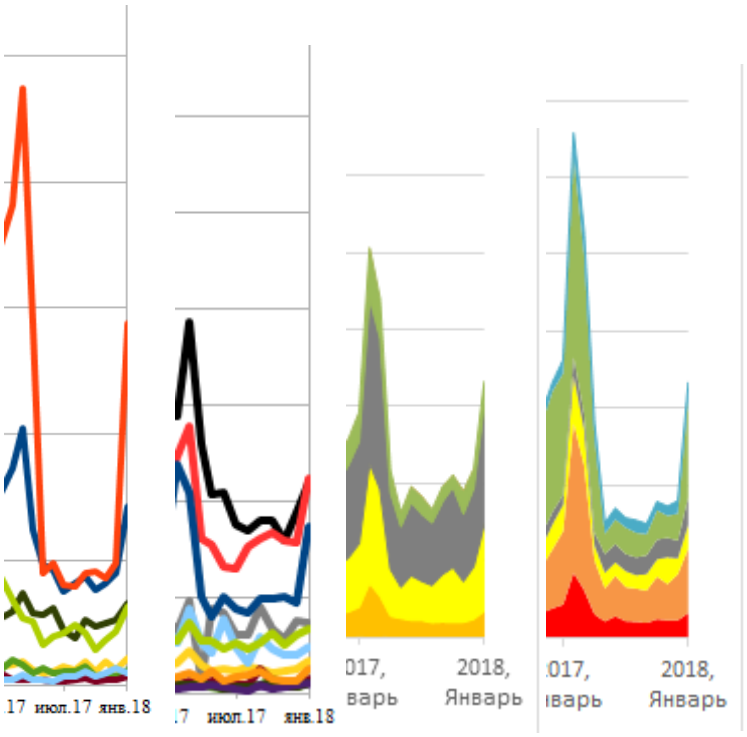
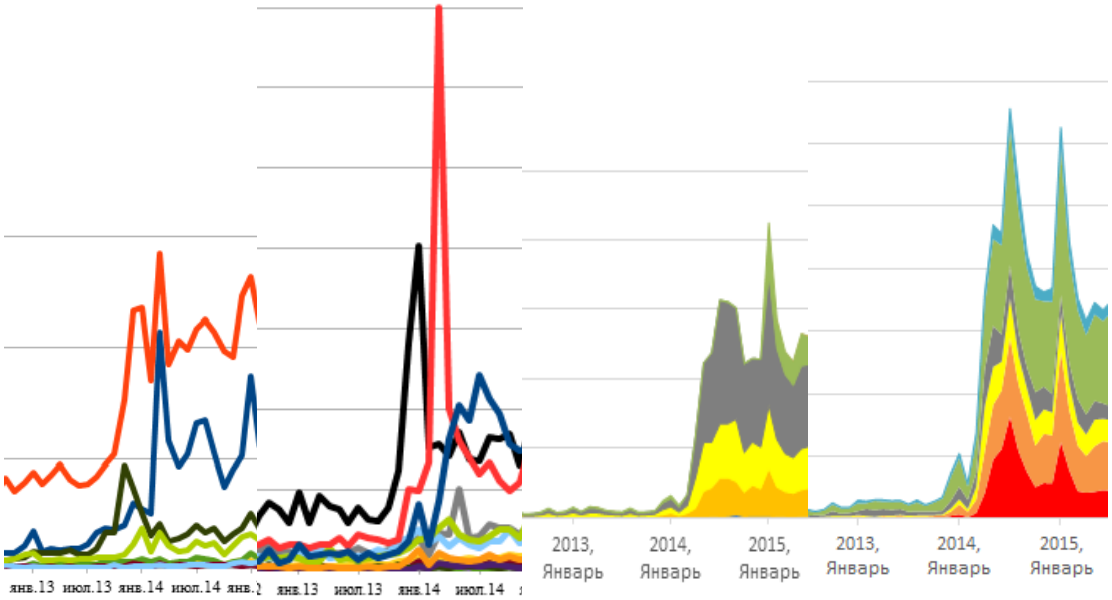

Рисунок 18. Сравнение графиков частотности употребления стран, регионов, синонимов в отношении территории и населения. Рубеж 2013-2014 годов

Приложение 2. Список первых 100 аккаунтов, использованных в исследовании

№	Имя, Фамилия	Должность	Ссылка на страницу в Fb	Подписчики
1	Михаил Саакашвили	Глава "Движения новых сил"	https://www.facebook.com/SaakashviliMikheil	980 161
2	Доктор Комаровский	Врач, телеведущий	https://www.facebook.com/komarovskiynet/	919 036
3	Ани Лорак	Певица	https://www.facebook.com/AniLorak/	795 951
4	Пётр Порошенко	Президент Украины	https://www.facebook.com/petroporoshenko/	697 048
5	Вера Брежнева	Певица	https://www.facebook.com/BrezhnevaVera/	581 078
6	Леонид Черновецкий	Экс-мэр Киева	https://www.facebook.com/chernovetskiy/	408 212
7	Арсен Аваков	Министр внутренних дел Украины	https://www.facebook.com/arsen.avakov.1	390 026
8	Арсений Яценюк	Политик, бывший премьер-министр Украины (2014-2016), бывший председатель Верховной Рады (2007-2008)	https://www.facebook.com/yatsenyuk.arseniy/	350 450
9	Виктор Медведчук	Политик, бывший глава Администрации президента Украины (2002-2005) лидер общественного движения «Украинский выбор»,	https://www.facebook.com/viktor.medvedchuk; https://www.facebook.com/MEDVEDCHUKVV/	303 970
10	Владимир Гройсман	Премьер-министр Украины	https://www.facebook.com/volodymyrgroysman/	261 887
11	Дмитрий Тымчук	Руководитель организации "Центр военно-политических исследований"	https://www.facebook.com/dmitry.tymchuk	243 580
12	Олег Ляшко	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/O.Liashko	228 318
13	Семён Семенченко	Депутат ВРУ	https://www.facebook.com/dostali.hvatit	227 407
14	Мустафа Найем	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/Mustafanayyem	204 000
15	Анатолий Шарий	Журналист, видеоблогер	https://www.facebook.com/anatolijsharij	203 264
16	Борис Филатов	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/filatovborys/	199 788
17	Владимир Парасюк	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/volodymyr.parasiuk	174 832
18	Юлия Тимошенко	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/YuliaTymoshenko/	167 932
19	Сергей Тарута	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/taruta/	164 674
20	Алексей Мочанов	Автогонщик, автомобильный и автоспортивный журналист, телеведущий	https://www.facebook.com/alex.mochanov	163 612
21	Антон Геращенко	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/anton.gerashchenko.7	160 456
22	Юрий Бутусов	Журналист	https://www.facebook.com/butusov.yuriy	157 798
23	Владимир Зеленский	Артист, юморист	https://www.facebook.com/zelenskiy95	154 501

24	Борислав Берёза	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/borislav.bereza	154 312
25	Дмитрий Ярош	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/dyastrub	154 167
26	Виталий Портников	Журналист, писатель и публицист	https://www.facebook.com/portnikov	150 000
27	Юрий Бирюков	Общественный деятель, советник президента Украины, помощник министра обороны Украины	https://www.facebook.com/yuri.biriukov	145 647
28	Егор Соболев	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/IegorSoboliev	135 496
29	Акунин Чхартишвили	Писатель	https://www.facebook.com/borisakunin	131 758
30	Юрий Луценко	Генеральный прокурор Украины	https://www.facebook.com/LlutsenkoYuri	130 117
31	Ирина Билык	Певица	https://www.facebook.com/bilyk.iryna/	127 849
32	Сергей Лещенко	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/leshchenko.ukraine	127 806
33	Дмитрий Гордон	Журналист, телеведущий, политик, главный редактор газеты «Бульвар Гордона», руководитель интернет-издания «ГОРДОН»	https://www.facebook.com/gordondmitry	126 582
34	Геннадий Балашов	Лидер народного движения "5.10"	https://www.facebook.com/balashov.gennadiy	126 080
35	Юрий Деревянко	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/derevyanko.yuriy/	121 880
36	Виталий Кличко	Политик, мэр Киева	https://www.facebook.com/Vitaliy.Klychko/	119 697
37	Олег Пономарь	Политический обозреватель	https://www.facebook.com/profile.php?id=100006709539652	118 031
38	Анатолий Гриценко	Лидер партии Гражданская позиция	https://www.facebook.com/profile.php?id=100003313481489	116 033
39	Виталий Чепинога	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/vitalii.chepynoga	113 267
40	Николай Азаров	Экс-премьер-министр Украины	https://www.facebook.com/Nikolay.Azarov/	112 526
41	Майкл Щур	Тележурналист, актёр, сценарист, музыкант	https://www.facebook.com/michael.shchur.3	106 781
42	Александр Вилкул	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/OleksandrVilkul/	100 972
43	Александр Фельдман	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/pochta.feldman	100 310
44	Андрей Садовой	Лидер партии Самопомощь	https://www.facebook.com/andriy.sadovyi	99 293
45	Леся Оробець	Политик, народный депутат Верховной Рады Украины VII и VIII созыва от партии «Батькивщина»	https://www.facebook.com/lesyaorobets	91 994
46	Матвей Ганапольский	Политический обозреватель, журналист	https://www.facebook.com/matvey.ganapolsky	91 548
47	Руслана Лыжичко	Певица, общественный деятель	https://www.facebook.com/ruslana.lyzhychko.5	89 583
48	Александр Сотник	Журналист	https://www.facebook.com/sasha.sotnik	88 831
49	Геннадий Москаль	Председатель Закарпатской областной государственной администрации	https://www.facebook.com/hennadii.moskal	87 195
50	Андрей Парубий	Председатель Верховной рады Украины (с 14 апреля 2016 года)	https://www.facebook.com/andriy.parubiy	84 201
51	Роман Скрыпин	Медиаменеджер, журналист и телеведущий	https://www.facebook.com/skrypin	84 045
52	Георгий Тука	Председатель ЛОВГА	https://www.facebook.com/george.tuka	83 631

53	Тарас Березовец	Политтехнолог, директор компании Berta Communications	https://www.facebook.com/taras.berezovets	82 398
54	Вадим Рабинович	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/vadim.rabinovich.39	80 675
55	Геннадий Корбан	Экс-глава партии "УКРОП"	https://www.facebook.com/nabrok.military	78 804
56	Ирина Геращенко	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/iryna.gerashchenko	75 277
57	Мирослава Гонгадзе	Журналистка	https://www.facebook.com/myroslava.gongadze	74 609
58	Ульяна Супрун	Министр здравоохранения Украины	https://www.facebook.com/ulanasuprun/	74 105
59	Роман Шрайк	Блогер	https://www.facebook.com/roman.shrike	73 067
60	Соня Кошкина	Журналистка, совладелец и шеф-редактор интернет-издания «Lb.ua», телеведущая, автор книги «Майдан. Нерассказанная история»	https://www.facebook.com/sonya.koshkina	72 000
61	Татьяна Рычкова	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/HelpArmy.in.ua	71 592
62	Тетяна Монтян	Адвокат, публицист, общественный деятель	https://www.facebook.com/tetiana.montian.7	70 729
63	Сергей Тигипко	Политик и предприниматель, народный депутат Украины, бывший вице-премьер-министр и министр социальной политики Украины (2010—2012)	https://www.facebook.com/Tigipko/	69 751
64	Дмитрий Гнап	Журналист	https://www.facebook.com/gnap.ua	67 771
65	Вахтанг Кипиани	Журналист, главный редактор проектов «Владометр» и «Историческая правда»	https://www.facebook.com/vakhtang.kipiani	65 549
66	Свири Опанасович	Блогер	https://www.facebook.com/svyryd.opanasovych	65 334
67	Сергей Наумович	Блогер	https://www.facebook.com/sergonaumovich	63 533
68	Тетяна Даниленко	Телевизионная журналистка	https://www.facebook.com/tdanylenko	63 232
69	Гарик Корогодский	Бизнесмен, писатель и блогер, основатель благотворительного фонда «Жизнелюб»	https://www.facebook.com/garik.korogodskiy	62 908
70	Ольга Богомолец	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/olgabogomolets	61 843
71	Юрий Касьянов	Волонтер, активист	https://www.facebook.com/brtcomua	61748
72	Виталий Шапунин	Общественный деятель, глава общественной организации «Центр противодействия коррупции», член Общественного совета при Антикоррупционном бюро Украины	https://www.facebook.com/vitaliy.shabunin	61 360
73	Роман Бочкала	Журналист	https://www.facebook.com/bochkala	60 304
74	Пётр Шуклинов	Журналист	https://www.facebook.com/Zlobyn; https://www.facebook.com/PetroShuklinov	58 509
75	Карл Волох	Бизнесмен, общественный деятель	https://www.facebook.com/karl.volokh	57 294
76	Сергей Иванов	Блогер	https://www.facebook.com/applecrysis	57 152

77	Владимир Парасюк	Народный депутат Верховной Рады Украины VIII созыва	https://www.facebook.com/ParasiukVolodymyr/	56 050
78	Сергей Рыбалка	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/s.v.rybalka	55 512
79	Игорь Луценко	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/igor.lutsenko	54 148
80	Владимир Спиваковский	Бизнесмен, президент Международной корпорации «Гранд»	https://www.facebook.com/vspivakovsky	53 753
81	Павел Петренко	Министр юстиции Украины	https://www.facebook.com/PavloPetrenko.official/	53 184
82	Зорян Шкиряк	Советник главы МВД	https://www.facebook.com/zoryan.zoryan	52 203
83	Денис Бигус	Журналист	https://www.facebook.com/monti.czardas	51 651
84	Денис Казанский	Журналист, блогер	https://www.facebook.com/den.kazansky	51 535
85	Елена Бондаренко	Глава общественной организации "Центр Свобода Слова", журналист, народный депутат Украины V, VI и VII созывов (2006—2014), член Партии Регионов	https://www.facebook.com/E.A.Bondarenko	50 655
86	Александр Турчинов	Секретарь СНБО Украины	https://www.facebook.com/turchynov	50 360
87	Роман Доник	Волонтер, блогер	https://www.facebook.com/skitalec	50 227
88	Макс Нефёдов	Замглавы МЭРТ Украины	https://www.facebook.com/max.nefyodov	49 477
89	Юрий Романенко	Журналист	https://www.facebook.com/yuriy.romanenko	49 193
90	Ольга Бондаренко	Журналистка	https://www.facebook.com/bondarenkoolyaa	49 178
91	Андрей Лозовой	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/Andriy.Lozovyi	48 668
92	Ярослава Гресь	Журналистка	https://www.facebook.com/yaroslava.gres	48 428
93	Александра Кужель	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/abkuzhel	47 129
94	Дмитрий Корчинский	Народный депутат Украины	https://www.facebook.com/korchynskyi	46 998
95	Виталий Гайдукевич	Журналист, телеведущий	https://www.facebook.com/v.gaydukevich	46 981
96	Дмитрий Дубилет	Создатель волонтерского проекта iGov (электронное правительство), бывший руководитель IT-департамента Приват Банка	https://www.facebook.com/dubilet	46 609
97	Ирина Суслова	Народный депутат Верховной Рады Украины VIII созыва, соучредитель общественной организации «Люстрационный комитет Украины»	https://www.facebook.com/ir.suslova	46 541
98	Павел Шеремет	Журналист, телеведущий	https://www.facebook.com/pavlo.sheremeta	46 228
99	Татуся Бо	Журналистка	https://www.facebook.com/tatusjaBo	45 894
100	Геннадий Кернес	Городской голова Харькова	https://www.facebook.com/gennadykernes/	45 586

Приложение 3. Анкета для экспертного опроса по определению категорий сентимент-анализа

Приложение 4. Анкета для экспертного опроса по дифференцированному признанию

Приложение 5. Синонимы, посвящённые территории, кластеризированные при помощи сентимент-анализа

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -2 до -1,5	Новоотсосия, Быдлоленд, Даунбассия, Лугандон, Лугандония, бабуино республики, раковая опухоль, Ордилосос	Нововідсосія, бидло, Даунбасія, Лугандон, Лугандонія, бабуїно республіки, ракова пухлина, Орділосос	9	Новоотсос*, Быдлоленд*, Даунбасс*, Лугандон, Лугандония (морф.), бабуин* республик*, раков* опухол*, Ордилосос*	Нововідсос*, бидл*, Даунбас*, Лугандон, Лугандонія (морф.), бабуїн* республік*, раков* пухлин*, Орділосос*
От -1,5 до -0,9	Кацапстан, Донбабвэ, обитель зла, "руSSкий мир", Сомали, дыра, Бандостан, Бандустан, Мордор, Россия404, банановые республики, Гадюкино, Гондурас, ОРДиЛосОС, ДНО, ДУР, Донбасстан, Ды-Ны-Ры, Лы-Ны-Ры, Ахметдон, зона отчуждения	Кацапстан, Донбабве, оселя зла, руSSкій мір, Сомалі, діра, Бандостан, Бандустан, Мордор, Росія 404, бананові республіки, Гадюкіне, Гондурас, ОРДіЛосОС, ДНО, ДУР, Добастан, Ди-Ни-Ри, Ли-Ни-Ри, Ахметодон, зона відчуження	21	Кацапстан*, Донбабв*, обител* зл*, руSSк* мир*, Сомал*, дыр*, Бандостан*, Бандустан*, Мордор*, Россия404*, Россия 404*, бананов* республик*, Гадюкин*, Гондурас*, ОРДиЛосОС*, ДН*, ДУР*, Донбасстан*, Ды-Ны-Р*, Лы-Ны-Р*, Ахметдон*, зон* отчужден*	Кацапстан*, Донбабв*, осел* зл*, руSSк* мір*, Сомал*, дір*, Бандостан*, Бандустан*, Мордор*, Росія404*, Росія 404*, бананов* республік*, Гадюкін*, Гондурас*, ОРДіЛосОС*, ДН*, ДУР*, Добастан*, Ди-Ни-Р*, Ли-Ни-Р*, Ахметодон*, зон* відчуженн*
От -0,9 до -0,3	псевдо-квази-республики, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина, Донбассия, депрессивный регион, серая зона, гуляй-поле, регион Януковича, ДНэрия, «Советский союз», ЛНэрия, ОРДиЛо, ОРДО, фронт российско-украинской войны, фронт украино-российской войны	псевдо-квазі-республіки, Януковичленд, Ахметовленд, вотчина Януковича, махновщина, Донбасія, депресивний регіон, сіра зона, гуляй-поле, регіон Януковича, ДНерія, Радянський союз, ЛНерія, ОРДіЛо, ОРДО, фронт російсько-української війни, фронт україно-російської війни	17	псевдо-квази-республик*, Януковичленд*, Януковичлэнд*, Ахметовленд*, Ахметовлэнд*, вотчин* Янукович*, махновщин*, Донбасс*, депрессивн* регион*, сер* зон*, гуляй-пол*, регион* Янукович*, ДНэр*, Советск* союз*, ЛНэр*, ОРДиЛ*, ОРД*, фронт* российско-украинск* войн*, фронт* украино-российск* войн*	псевдо-квазі-республік*, Януковичленд*, Ахметовленд*, вотчин* Янукович*, махновщин*, Донбас*, депресивн* регіон*, сір* зон*, гуляй-пол*, регіон* Янукович*, ДНер*, Радянськ* союз*, ЛНер*, ОРДіЛ*, ОРД*, фронт* російсько-українськ* війн*, фронт* україно-російськ* війн*
От -0,3 до 0,3	регион Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Домбасс, ДонБосс, Сталино, Доник, МТО Донбас, «Русский мир», Межобластное Территориальное Объединение Донбасс, зона АТО, территория, Донецко-Криворожская республика, неподконтрольные (Украине) территории, русский Донецк, русский Луганск, Донбасское государство, русские земли Донбасса, «столица», Юзовка, территория Украины, “вежливый Донбасс”	регіон Ахметова, ОРЛО, ОРДЛО, Донбас / Домбас, ДонБосс, Сталіне, Донік, МТО Донбас, "Руський світ", Міжобласне Територіальне Об'єднання Донбас, зона АТО, територія, Донецько-Криворожська республіка, непідконтрольні (Україні) території, російський Донецьк, російський Луганськ, Донбаська держава, російські землі Донбасу, столиця, Юзівка, території України / територія України, ввічливий Донбас	22	регион* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Домбасс*, ДонБосс*, Сталино (морф), Доник*, МТО* Донбас*, Русск* мир*, Межобластн* Территориальн* Объединен* Донбасс*, зон* АТО, АТО, территор*, Донецко-Криворожск* республик*, неподконтрольн* Украин* территор*, неподконтрольн* территор*, русск* Донецк*, русск* Луганск*, Донбасск* государств*, русск* зем* Донбасс*, столиц*, Юзовк*, территор* Украин*, вежлив* Донбасс*	регіон* Ахметов*, ОРЛ*, ОРДЛ*, Донбас*, Домбас*, ДонБосс*, Сталіно (морф), Донік*, МТО* Донбас*, Руськ* світ*, Міжобласн* Територіальн* Об'єднанн* Донбас*, зон* АТО*, АТО, територ*, Донецько-Криворожськ* республік*, непідконтрольн* Україні територ*, непідконтрольн* територ*,

					російськ* Донецьк*, російськ* Луганськ*, Донбаськ* держав*, російськ* зем* Донбас*, столиц*, Юзівк*, територ* Україн*, ввічлив* Донбас*
От 0,3 до 0,9	ЛНР, ДНР, Новороссия, Восточный регион, народные республики, Восток, Донетчина, Луганщина, “восставший Донбасс”, край терриконов, Юго-восток, настоящий адекватный Донбасс, бизнес-регион, Донецкая степь	ЛНР, ДНР, Новоросія, Східний регіон, народні республіки, Схід, Донеччина, Луганщина, Повсталий Донбас, край териконів, Південний Схід, справжній адекватний Донбас, бізнес-регіон, Донецький степ	14	ЛНР*, ДНР*, Новоросс*, Восточн* регион*, народн* республик*, Восток*, Донетчин*, Луганщин*, восставш* Донбасс*, кра* террикон*, Юго-восток*, настоящ* адекватн* Донбасс*, бизнес-регион*, Донецк* степ*	ЛНР*, ДНР*, Новорос*, Східн* регіон*, народн* республік*, Схід*, Донеччин*, Луганщин*, Повстал* Донбас*, кра* терикон*, Південн* Схід*, справжн* адекватн* Донбас*, бізнес-регіон*, Донецьк* степ*
От 0,9 до 1,5	Донбасский край, Донецкий край, наша земля, шахтёрский край, угольный край, город миллиона роз, шахтёрская столица	Донбаський край, Донецький край, наша земля, шахтарський край, вугільний край, місто мільона троянд, шахтарська столиця	7	Донбасск* кра*, Донецк* кра*, наш* зем*, шахтёрск* кра*, угольн* кра*, город* миллион* роз*, шахтёрск* столиц*	Донбаськ* кра*, Донецьк* кра*, наш* земл*, шахтарськ* кра*, вугільн* кра*, міст* мільон* троянд*, шахтарськ* столиц*
От 1,5 до 2	город шахтёрской славы	місто шахтарської слави	1	город* шахтёрск* слав*	міст* шахтарськ* слав*

Приложение 6. Синонимы, посвящённые людям, кластеризированные при помощи сентимент-анализа

Шкала	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант	Кол-во слов	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
От -2 до -1,5	уебаны, лишнехромосомное быдло, быдло ссаное, пидерасты, кремлёвские шлюхи, членоголовые приматы, петушня ущербная, славянские недобитки, выкидыши природы, пожиратели говна, луганские «крысы», быдло, биомасса, скотобаза, членозоиды, блядины, дебилы с мазохистскими подходцами, макаки недоношенные, грязная порода, пидарасы, скот, уёбки, ватное стадо гиббонов, промосковские вши, уроды козломордые, довбойоби, мрази, гандоны, быдляки, чахоташные упури, лугандоны, приматы, олигофрены/алигофрены, питекантропы, упыри, заднепроходчики, стадо, мусор, орки, бомжи, свинособаки, сепаратюги галимые, вато-бабуины, вато-Бармалеи, ватаноиды, малокососы, орковские банды, ватануиды, пьяная шахтёрня, обдроченцы, гоблины, ватные тётки с рынка, кремлёвские карлики, недоукраинцы, дыровцы, бандустанцы, бибизянки, путлеровцы, террористы, ватообразный, ватофилы, донбасские моськи, ватный робот, ватаны, колорады, зэки, отработанный материал	уєбани, зайвехромосомне бидло, бидло ссане, підерасти, кремлівські повії, членоголові примати, петушня неповноцінна, слов'янські недобитки, викидні природи, пожирачі лайна, луганські щури, бидло, біомаса, скотобаза, членозоїди, блядіни, дебіли з мазохистськими підхідцями, макаки недоношені, брудна порода, підараси, худоба, уйобки, ватне стадо гібонів, промосковські воші, виродки козломорді, довбойоби, мерзоти, гандони, бидляки, чахоташні упури, лугандони, примати, олігофрени, пітекантропи, упири, задньопроходці, стадо, сміття, орки, бомжі, свинособаки, сепаратюги галімі, вато-бабуїни, вато-Бармалеї, ватаноїди, молокососи, орковські банди, ватануїди, п'яна шахтарня, обдроченці, гобліни, ватні тітки з ринку, кремлівські карлики, недоукраїнці, дировці, бандустанці, бібізянкі, путлеровці, терористи, ватоподібний, ватофіли, донбаські моськи, ватний робот, ватани, колоради, зеки, відпрацьований матеріал	67	уебан*, лишнехромосомн* быдл*, быдл* ссан*, пидераст*, кремлёвск* шлюх*, членоголов* примат*, петушн* ущербн*, славянск* недобитк*, выкидыш* природ*, пожират* говн*, луганск* крыс*, быдл*, биомасс*, скотобаз*, членозоид*, блядин*, дебил* с мазохистским* подход*, макак* недоношенн*, грязн* пород*, пидарас*, скот*, уёбк*, уебк*, ватн* стад* гиббон*, промосковск* вш*, урод* козломорд*, довбойоб*, мраз*, гандон*, быдляк*, чахоташн* упур*, лугандоны (морф), примат*, олигофрен*/алигофрен*, питекантроп*, упыр*, заднепроходчик*, стад*, мусор*, орк*, бомж*, свинособак*, сепаратюг* галим*, вато-бабуин*, вато-Бармал*, ватаноид*, малокосос*, молокосос*, орковск* банд*, ватануид*, пьян* шахтёрн*, обдроченц*, гоблин*, ватн* тётк* с рынк*, кремлёвск* карлик*, недоукраинц*, дыровц*, бандустанц*, бибизян*, путлеровц*, террорист*, ватообразн*, ватофил*, донбасск* мос*, ватн* робот*, ватан*, колорад*, зэк*, отработанн* материал*	уєбан*, зайвехромосомн* бидл*, бидл* ссан*, підераст*, кремлівськ* пові*, членоголов* примат*, петушн* неповноцінн*, слов'янськ* недобитк*, викидн* природ*, пожирач* лайн*, луганськ* щур*, бидл*, біомас*, скотобаз*, членозоїд*, блядін*, дебіл* з мазохистським* підхід*, макак* недоношен*, брудн* пород*, підарас*, худоб*, уйобк*, ватн* стад* гібон*, промосковськ* вош*, виродк* козломорд*, довбойоб*, мерзот*, гандон*, бидляк*, чахоташн* упур*, лугандони (морф), примат*, олігофрен* / алігофрен*, пітекантроп*, упир*, задньопроходц*, стад*, сміт*, орк*, бомж*, свинособак*, сепаратюг* галім*, вато-бабуїн*, вато-Бармал*, ватаноїд*, молокосос*, орковськ* банд*, ватануїд*, п'ян* шахтарн*, обдроченц*, гоблін*, ватн* тітк* з ринк*, кремлівськ* карлик*, недоукраїнц*, дировц*, бандустанц*, бібізян*, путлеровц*, терорист*, ватоподібн*, ватофіл*, донбаськ* мос*, ватн* робот*,

					ватан*, колорад*, зек*, відпрацьован* матеріал*
От -1,5 до -0,9	отброшенный грунт, даунецкие янучары, уркаганы, гопота обыкновенная, урки, ватные обыватели, мракобесы, рашисты, очупенцы, бандиты, предатели, мародёры, вата, донбассня, барыги, луганда, оборванцы, оккупанты, путинские шестерки, алкоголики, ватники, ордынцы, путиноиды, галимый уголь, гопники, уголовники, шахтёришки, шушара, босота, донецкая вата, бандформирование, преторианцы Захараста Первого, куски, коллаборационисты / коллаборанты, «латентные сепаратисты» (о переселенцах), донбасята, совки, пособники оккупантов, украинские предатели, аквафреш, кацапы, комуняки, оранжево-черные титушки, орда / ордынцы, мафия, оранжево-черная пизда (эмблема на стадионе Донбасс Арена), кроты, боевики, донбасяне, маргиналы, сепары, понаехали	відкинутий грунт, даунецкі янучари, вуркагани, гопота звичайна, урки, ватні обивателі, мракобіси, рашисти, очупенці, бандити, зрадники / запроданці, мародери, вата, донбасня, бариги, луганда, обірванці, окупанти, путінські шістки, алкоголіки, ватники, ординці, путіноїди, погане вугілля, гопники, злочинці, шахтарішки, шушара, босота, донецька вата, бандформування, преторіанці Захараста Першого, шмати, колабораціоністи / колаборанти, «латентні сепаратисти» (про переселенців), донбасята, совки, посібники окупантів, українські зрадники, аквафреш, кацапи, комуняки, помаранчево-чорні, тітушки, орда / ординці, мафія, помаранчево-чорна пізда, кроти, бойовики, донбасяни, маргінали, сепари, понаїхали	54	5	отброшенн* грунт*, даунецк* янучар*, уркаган*, гопот* обыкновенн*, урк*, ватн* обывател*, мракобес*, рашист*, очупенц*, бандит*, предател*, мародёр* / мародер*, вата (морф), донбассн*, барыг*, оборванц*, оккупант*, путинск* шестерк*, алкоголик*, ватник*, путиноид*, галим* уг*, гопник*, уголовник*, шахтёриш* / шахтериш*, шушар*, босот*, донецк* ват*, бандформирован*, преторианц* Захараст* Перв*, куск*, коллаборационист* / коллаборант*, латентн* сепаратист* (о переселенцах), донбасят*, совк*, пособник* оккупант*, украинск* предател*, аквафреш*, кацап*, коммуняк*, оранжево-черн* титуш*, орд* / ордынц*, мафи*, оранжево-черн* пизд* (эмблема на стадионе Донбасс Арена), крот*, боевик*, донбасян*, маргинал*, сепары (морф), понаехал*	відкинут* грунт*, даунецк* янучар*, вуркаган*, гопот* звичайн*, урк*, ватн* обивател*, мракобіс*, рашист*, очупенц*, бандит*, зрадник* / запроданц*, мародер*, вата (морф), донбасн*, бариг*, обірванц*, окупант*, путінськ* шістк*, алкоголік*, ватник*, путіноїд*, поган* вугілл*, гопник*, злочинц*, шахтарішк*, шушар*, босот*, донецьк* ват*, бандформуванн*, преторіанц* Захараст* Перш*, шмат*, колабораціоніст* / колаборант*, латентн* сепаратист* (про переселенців), донбасят*, совк*, посібник* окупант*, українськ* зрадник*, аквафреш*, кацап*, комуняк*, помаранчевото-чорн*, тітушк*, орд* / ординц*, мафі*, помаранчево-чорна пізд*, крот*, бойовик*, донбасян*, маргінал*, сепари (морф), понаїхал*
От -0,9 до -0,3	москали, можемповторить, мотороллы, люди Яныка, захарченки, гиркинцы, пропутинские, плотницкие, украинофобы, олигархи, прокремлевские, чужие, македонцы (Макеевка-Донбасс), дедывоевали, стрелковцы,	москалі, можемповторити, мотороли, люди Яника, захарченки, гіркінці, пропутінські, плотницькі, україномани, олігархи, прокремлівські, чужі, македонці, дідивоювали, стрілківці, захаровці, ахметівці, східняки, друзі "руського світу", сепаратисти, біло-блакитні, путінські «соколи», новороси,	24		москал*, можемповторит*, моторолл*, люд* Яныk*, захарченки (морф), гиркинц*, пропутинск*, плотницкие (морф), украинофоб*, олигарх*, прокремлевск*, чужи*, македонц* (Макеевка-Донбасс), дедывоевал*, стрелковц*, захаровц*, ахметовц*, схидняк*, друз* рус* мир*, сепаратист*, бело-	москал*, можемповторит*, моторол*, люд* Яник*, захарченки (морф), гіркінц*, пропутінськ*, плотницьк*, україномаф*, олігарх*, прокремлівськ*, чуж*, македонц*, дідивоювал*,

	захаровцы, ахметовцы, схидняки, друзья “рускаго мира”, сепаратисты, бело-голубые, путинские «соколы», новороссы, бело-сине-черные	біло-синьо-червоної		голуб*, путинск* сокол*, новороссы (морф), бело-сине-черн*	стрілківц*, захаровц*, ахметівц*, східняк*, друз* руськ* світ*, сепаратист*, біло-блакитн*, путінськ* сокол*, новороси (морф), біло-синьо-червон*
От -0,3 до 0,3	регионалы, жители с реки Кальмиус, повстанцы, донецкие пацаны, руссофилы, "дорогие донецкие украинцы", добрые самаритяне, временные переселенцы, ЛНРовцы, «донецкие», росийськомовные/русскоязычные, ДНРовцы, антифашисты, донецкие беженцы	регіонали, мешканці з ріки Кальміус, повстанці, донецькі пацани, русофіли, “любі донецькі українці”, добрі самаритяни, тимчасові переселенці, ЛНРовці, «донецькі», російськомовні, ДНРовці, антифашисти, донецькі біженці	14	регионал*, жител* с рек* Кальмиус*, повстанц*, донецк* пацан*, руссофил*, дорог* донецк* украинц*, добр* самаритян*, временн* переселенц*, ЛНРовц*, донецкие (морф), русскоязычн*, ДНРовц*, антифашист*, донецк* беженц*	регіонал*, мешканц* з ріки Кальміус*, повстанц*, донецьк* пацан*, русофіл*, люб* донецьк* українц*, добр* самаритян*, тимчасов* переселенц*, ЛНРовц*, донецькі (морф), російськомовн*, ДНРовц*, антифашист*, донецьк* біженц*
От 0,3 до 0,9	бедолаги, луганчане, бедняги, заложники, переселенцы, ополченцы, жители Донецка и области, ответственные граждане, жители Донецкой и Луганской областей, русские жители Донетчины, жители юго-востока Украины, население Донбасса, люди, жители, дончане, украинцы, граждане, свои, побратимы, горожане, рабочие	бідолахи, луганчани, бідолашні, заручники, переселенці, ополченці, мешканці, Донецька області, відповідальні громадяни, мешканці Донецької та Луганської областей, руські мешканці Донеччини, мешканці південно-сходу України, населення Донбасу, люди, мешканці, дончани, українці, громадяни, свої, побратими, міщани, робочі	23	бедолаг*, луганчан*, бедняг*, заложник*, переселенц*, ополченц*, жител* Донецк* и област*, ответственн* граждан*, жител* Донецк* и Луганск* област*, русск* жител* Донетчин*, жител* юго-восток* Украин*, населен* Донбасс*, люд*, жител*, дончан*, украинц*, граждан*, свои (морф), побратим*, горожан*, рабоч*	бідолах*, луганчан*, бідолашн*, заручник*, переселенц*, ополченц*, мешканц* Донецьк* область*, руськ* мешканц* Донеччин*, мешканц* південно-сход* Україн*, населенн* Донбас*, люд*, мешканц*, дончан*, українц*, громадян*, свої (морф), побратим*, міщан*, робоч*
От 0,9 до 1,5	шахтёры, горняки, металлурги, украинские парни и девчата, украинцы Донбасса, сограждане, братья, труженики, работяги	шахтарі, гірники, металурги, українські хлопці та дівчата, українці Донбасу, співвітчизники, брати, трудівники, роботяги	9	шахтёры / шахтеры (морф), горняк*, металлург*, украинск* парн* и девчат*, украинц* Донбасс*, сограждан*, брат*, труженик*, работяг*	шахтарі (морф), гірник*, металург*, українськ* хлопц* та дівчат*, українц* Донбас*, співвітчизник*, брат*, трудівник*, роботяг*
От 1,5 до 2	трудовой Донбасс	трудовий Донбас	1	трудов* Донбасс*	трудов* Донбас*

Приложение 7. Список профессий экспертов, участвовавших в сентимент-анализе синонимов в отношении территории и населения Донбасса

1) Кандидат юридических наук, старший преподаватель Поволжского института управления имени П. А. Столыпина (здесь и далее если не указан город – Россия)
2) Студент НИУ ВШЭ
3) Бакалавр международных отношений, МГИМО
4) Офицер-воспитатель, Донецк
5) Политтехнолог
6) Журналист
7) Младший научный сотрудник, ИЭ РАН
8) Писатель, докторант и преподаватель, Гарвардский университет, Бостон
9) Помощник судьи, Харьков
10) Журналист
11) доцент РГГУ
12) Учитель английского языка, Днепр
13) Журналист,
14) Журналист, Киев
15) SMM-менеджер
16) Журналист, Донецк
17) Старший научный сотрудник, МГИМО
18) Политический обозреватель, Баку
19) Кандидат политических наук, Киев
20) Главный редактор интернет-издания
21) Кандидат экономических наук, Харьков
22) Кандидат технических наук, Одесса
23) Научный сотрудник, РГГУ
24) Кандидат политических наук
25) Общественный активист, Киев
26) Студент ХНУ им. В.Н. Каразина, Харьков
27) Психолог
28) Журналист
29) Преподаватель МГИМО
30) Специалист по рекламе, режиссер
31) Доктор политических наук
32) Программный референт, РСМД
33) Магистрант МГИМО
34) Менеджер по рекламе
35) Журналист, Донецк
36) Магистрант Дипакадемии
37) Частный предприниматель
38) Врач
39) Независимый исследователь, Севастополь
40) Журналист
41) Доцент, МГИМО
42) Политтехнолог, Киев
43) Редактор
44) Кандидат экономических наук, Харьков
45) Студент НИУ ВШЭ
46) Старшний научный сотрудник МГИМО

47) Независимый исследователь, Тбилиси
48) Политтехнолог, Львов
49) Магистрант Дипакадемии
50) Кандидат исторических наук
51) Демограф
52) Учитель русского языка
53) SMM-менеджер
54) Старший научный сотрудник МГИМО
55) Журналист, специалист по PR, Львов
56) Учитель украинского языка, Харьков
57) Архитектор, Донецк
58) Декан факультета, Минск
59) Научный сотрудник ИНИОН РАН
60) Независимый журналист, политический обозреватель, Донецк
61) Политический обозреватель
62) К.ф.н., независимый исследователь
63) Магистрант РГГУ
64) Редактор, ИА "Россия сегодня"
65) Обозреватель, RBTH
66) Политтехнолог, Кишинёв
67) Научный сотрудник, НИУ ВШЭ
68) Журналист, Ереван
69) Журналист, Харьков

Приложение 8. Сентимент-анализ синонимов в отношении территории и людей

	Средний бал	Русскоязычный вариант	Украиноязычный вариант
1.	-1,73	Бабуино-республики	Бабуїно республіки
2.	-1,29	Мордор	Мордор
3.	-0,40	ЛНэрия	ЛНерія
4.	-0,43	ДНэрия	ДНерія
5.	-1,76	Лугандония	Лугандонія
6.	-1,80	Даунбассия	Даунбасія
7.	-1,42	Донбабвэ	Донбабве
8.	-1,30	Бандустан	Бандустан
9.	-1,80	Лугандон	Лугандон
10.	-0,67	Донбассия	Донбасія
11.	-1,58	раковая опухоль	ракова пухлина
12.	-1,89	Новоотсосия	Нововідсосія
13.	0,73	бизнес-регион	бізнес-регіон
14.	1,18	угольный край	вугільний край
15.	0,64	край терриконов	край териконів
16.	-0,45	регион Януковича	регіон Януковича
17.	-0,30	регион Ахметова	регіон Ахметова
18.	-0,40	ОРДиЛо	ОРДіЛо
19.	0,00	«Русский мир»	Рускій мір
20.	-0,27	Домбасс	Донбас / Домбас
21.	-0,42	«Советский союз»	Радянський союз
22.	-0,34	вотчина семьи	вотчина родини
23.	-0,77	вотчина Януковича	вотчина Януковича
24.	-0,83	Ахметовленд	Ахметовленд
25.	-0,90	Януковичленд	Януковичленд
26.	0,48	Восток	Схід
27.	-0,65	Депрессивный регион	Депресивний регіон
28.	0,22	«столица»	столиця
29.	1,24	Город миллиона роз	Місто мільона троянд
30.	-0,12	ДонБосс	ДонБосс
31.	-1,24	Гондурас	Гондурас
32.	1,70	Город шахтёрской славы	Місто шахтерськоі слави
33.	1,03	Донецкий край	Донецький край
34.	0,94	Донбасский край	Донбаський край
35.	1,14	Шахтёрский край	Шахтерський край
36.	1,29	Шахтёрская столица	Шахтерський столиця
37.	0,80	Донецкая степь	Донецька степ
38.	-0,11	Сталино	Сталіно
39.	0,22	Юзовка	Юзівка
40.	-0,06	Доник	Доник
41.	-1,36	Бандостан	Бандостан

42.	-1,12	Ахметдон	Ахметодон
43.	-1,23	ДНО	ДНО
44.	-1,23	ДУР	ДУР
45.	-1,39	Сомали	Сомалі
46.	-0,48	Гуляй-поле	Гуляй-поле
47.	-0,73	Махновщина	Махновщина
48.	-1,38	дыра	діра
49.	-1,55	Ордилосос	Орділосос
50.	0,47	народные Республики	народні Республіки
51.	0,39	Новороссия	Новоросія
52.	0,05	Донецко-Криворожская Республика	Донецько-Криворожська Республіка
53.	-1,02	зона отчуждения	зона вітчуження
54.	-1,41	обитель зла	обитель зла
55.	-1,23	Донбасстан	Добастан
56.	0,41	Восточный регион	Східний регіон
57.	0,57	Луганщина	Луганщина
58.	0,55	Донетчина	Донетчина
59.	1,09	наша земля	наша земля
60.	0,64	Юго-восток	Південно-схід
61.	0,04	территория	територія
62.	-0,28	ОРДЛО	ОРДЛО
63.	-0,38	ОРДО	ОРДО
64.	-0,30	ОРЛО	ОРЛО
65.	-1,79	Новоотсосия	Нововідсосія
66.	-1,86	Быдлоленд	бидло
67.	0,29	“вежливый Донбасс”	ввічливий Донбас
68.	-1,26	Гадюкино	Гадюкіно
69.	-1,41	"руSSкий мир"	руSSкій мір
70.	-1,64	русSSский мирок	руSSкій мірок
71.	-1,28	Россия404	Росія 404
72.	-1,53	Кацапстан	Кацапстан
73.	-0,97	псевдо-квази-республики	псевдо-квазі-республіки
74.	0,00	Межобластное Территориальное Объединение Донбасс	Міжобласне Територіальне Об'єднання Донбас
75.	-0,06	МТО Донбас	МТО Донбас
76.	0,17	Донбасское государство	Донбаська держава
77.	-0,59	Серая зона	Сіра зона
78.	0,06	Неподконтрольные (Украине) территории	Непідконтрольні (Україні) території
79.	-1,27	банановые республики	бананові республіки
80.	0,12	Русский Донецк	Рускій Донецьк
81.	0,12	Русский Луганск	Рускій Луганськ
82.	0,71	Настоящий адекватный Донбасс	Справжній адекватний Донбас
83.	0,59	“Восставший Донбасс”	Повсталий Донбас
84.	0,00	Зона АТО	Зона АТО
85.	0,22	Русские земли Донбасса	Руські землі Донбаса

86.	-0,35	Фронт украино-российской войны	Фронт україно-російскоі війни
87.	-0,36	Фронт российско-украинской войны	фронт російсько-української війни
88.	0,35	ЛНР	ЛНР
89.	0,38	ДНР	ДНР
90.	0,28	территория Украины	територій України / територія України
91.	-1,24	ОРДиЛосОС	ОРДіЛосОС
92.	-1,14	Ды-Ны-Ры	Ди-Ни-Ри
93.	-1,14	Лы-Ны-Ры	Ли-Ни-Ри
Население			
94.	-1,56	Террористы	Терористи
95.	-1,68	орки	Орки
96.	-1,86	славянские недобитки	слов'яни недобитки
97.	-0,50	сепаратисты	сепаратисти
98.	-1,64	орковские банды	орковські банди
99.	-1,59	бибизянки	бібізянкі
100.	0,33	луганчане	луганчани
101.	-1,62	гоблины	гобліни
102.	-1,06	боевики	бойовики
103.	-1,85	луганские «крысы»	луганські шури
104.	-1,26	преторианцы Захараста Первого	преторіанци Захараста Першого
105.	-1,24	«латентные сепаратисты» (о переселенцах)	«Латентні сепаратисти» (про переселенців)
106.	-1,79	ватное стадо гиббонов	ватне стадо гібонів
107.	-1,73	питекантропы	пітекантропи
108.	-1,65	вато-Бармалеи	вато-Бармалеі
109.	0,44	ополченцы	ополченці
110.	-1,71	вато-бабуины	вато-бабуіни
111.	-1,62	ватные тётки с рынка	ватні тітки з ринку
112.	-0,42	путинские «соколы»	путінські «соколи»
113.	-1,53	донбасские моськи	донбаські моськи
114.	-1,68	бомжи	бомжі
115.	0,86	граждане	громадяни
116.	0,91	шахтёры	шахтарі
117.	1,14	сограждане	Співвітчизники
118.	1,58	трудовой Донбасс	трудовий Донбас
119.	0,83	горожане	городяни
120.	0,70	жители	мешканці
121.	-0,97	маргиналы	маргінали
122.	0,70	дончане	дончани
123.	0,83	рабочие	робочі
124.	-1,39	луганда	лугвнда
125.	-1,74	лугандоны	лугандони
126.	-1,39	оборванцы	обірванці
127.	-1,41	мародёры	мародери
128.	-1,41	вата	вата

129.	-1,38	оккупанты	окупанти
130.	-1,42	бандиты	бандити
131.	-1,77	уроды	виродки
132.	-1,80	скот	худоба
133.	-1,41	донбассня	донбасня
134.	-1,79	промосковские вши	промосковські воші
135.	-1,82	пидар*сы	підараси
136.	-1,85	быдло	бидло
137.	-1,27	бандформирование	бандформування
138.	-1,88	кремлёвские шлюхи	кремлівські повії
139.	-1,88	членоголовые приматы	членоголовие примати
140.	-1,83	дебилы с мазохистскими подходцами	дебіли з мазохистскими подходцамі
141.	-1,30	шахтёришки	шахтерішки
142.	-1,35	ватники	ватники
143.	-1,35	ордынцы	ординці
144.	-1,45	ватные обыватели	ватні обивателі
145.	-1,62	кремлёвские карлики	кремлівські карлики
146.	-1,65	ватаноиды	ватаноіди
147.	-1,77	козломордые	козломорді
148.	-1,52	ватаны	ватани
149.	-1,55	ватообразный	ватообразний
150.	-1,64	ватануиды	ватануіди
151.	-1,45	мракобесы	мракобіси
152.	-1,80	у*бки	уйобки
153.	-0,95	сепары	сепари
154.	0,73	украинцы	українці
155.	0,52	русские	руські
156.	-1,17	кацапы	кацапи
157.	-0,94	москали	москалі
158.	0,30	бедолаги	бідолахи
159.	0,33	бедняги	бідолашні
160.	0,41	заложники	заручники
161.	0,92	металлурги	металурги
162.	0,91	горняки	гірники
163.	1,48	работяги	роботяги
164.	1,38	труженики	трудівники
165.	0,41	переселенцы	переселенці
166.	0,02	«донецкие»	«донецькі»
167.	-1,12	титушки	тітушки
168.	-0,43	бело-голубые	біло-блакитні
169.	-0,59	ахметовцы	ахметівці
170.	-0,73	олигархи	олігархи
171.	-0,30	регионалы	регіонали
172.	-1,32	гопники	гопники

173.	-1,31	уголовники	злочинці
174.	-1,35	алкоголики	алкоголіки
175.	-1,25	коллаборационисты / коллаборанты	колабораціоністи / колаборанти
176.	-1,22	совки	совки
177.	-1,42	предатели	зрадники / запроданці
178.	-1,51	колорады	колоради
179.	-0,72	прокремлевские	прокремлівські
180.	-0,78	пропутинские	пропутінські
181.	-1,50	зэки	зеки
182.	-1,17	комуняки	комуняки
183.	-1,44	очупенцы	очупенци
184.	-1,70	стадо	стадо
185.	-1,48	даунецкие янучары	даунецкі янучари
186.	0,05	ДНРовцы	ДНРовці
187.	-0,01	ЛНРовцы	ЛНРовці
188.	-0,71	чужие	чужі
189.	0,79	свои	свої
190.	-0,95	понаехали	понаїхали
191.	0,21	донецкие	донецькі
192.	-1,08	кроты	кроти
193.	-1,09	мафия	мафія
194.	-1,64	пьяная шахтёрня	п'яна шахтёрня
195.	-1,29	босота	босота
196.	-1,41	барыги	бариги
197.	-0,15	донецкие пацаны	донецькі пацани
198.	-1,30	шушара	шушара
199.	-1,47	урки	урки
200.	-1,48	уркаганы	вуркагани
201.	-1,18	аквафреш	аквафреш
202.	-0,61	захаровцы	захаровці
203.	-1,62	недоукраинцы	недоукраінци
204.	-1,35	путиноиды	путіноїди
205.	0,59	жители юго-востока Украины	жителі південно-сходу України
206.	0,58	жители Донетчины	жителі Донеччини
207.	-0,62	дедывоевали	дідивоювали
208.	0,59	население Донбасса	населення Донбасу
209.	0,47	жители Донецка и области	жителі Донецька і області
210.	0,50	жители Донецкой и Луганской областей	жителі Донецької та Луганської областей
211.	-1,00	донбасяне	донбасяни
212.	-0,54	схидняки	східняки
213.	-1,45	рашисты	рашісти
214.	-1,59	путлеровцы	путлеровци
215.	-1,85	биомасса	біомаса
216.	-1,61	дыровцы	дировці
217.	-0,62	стрелковцы	стрілківці

218.	-0,82	гиркинцы	гіркінці
219.	-1,67	сепаратюги галимые	сепаратюгі галімиє
220.	-1,61	бандустанцы	бандустанци
221.	-1,85	скотобаза	скотобаза
222.	-1,85	членозоиды	членозоіди
223.	-1,86	выкидыши природы	викидиші природи
224.	-1,65	малокососы	молокососи
225.	-1,67	вато-бабуины	вато-бабуїни
226.	0,20	антифашисты	антіфашисти
227.	-1,64	обдроченцы	обдроченці
228.	0,29	беженцы	біженці
229.	1,27	братья	побратими
230.	-0,83	люди Яныка	люди Яника
231.	-1,11	орда / ордынцы	орда / ординці
232.	-1,24	донбасята	донбасята
233.	-1,68	свинособаки	свинособаки
234.	0,04	росийськомовные/русскоязычные	російськомовні
235.	-0,85	можемповторить	можемповторіть
236.	-1,11	Бандформирование	бандформування
237.	-0,12	"Дорогие донецские украинцы"	“Любі донецькі українці”
238.	-1,38	путинские шестерки	путінські шістки
239.	-0,11	Добрые самаритяне	добрі самаритяни
240.	-0,77	плотницкие	плотницькі
241.	-0,82	захарченки	захарченкі
242.	-0,85	мотороллы	моторолли
243.	-1,71	упыри	упирі
244.	-1,76	Мрази	мерзоти
245.	-1,29	донецкая вата	донецька вата
246.	0,48	Ответственные граждане	відповідальні громадяни
247.	-1,21	Пособники оккупантов	посібники окупантів
248.	-0,02	временные переселенцы	тимчасові переселенці
249.	-0,53	Друзья “рускаго мира”	Друзі "руського світу"
250.	0,79	побратимы	побратими
251.	-1,62	луган*оны	луган*они
252.	0,95	Украинцы Донбасса	українці Донбасу
253.	0,92	Украинские парни и девчата	Українські хлопці та дівчата
254.	-0,31	Бело-сине-черные	Біло-синьо-червоної
255.	-1,26	куски	шмати
256.	-0,77	украинофобы	українофоби
257.	0,68	люди	люди
258.	-1,92	Уебаны	Уебани
259.	-1,21	Украинские предатели	Українські зрадники
260.	0,73	граждане	громадяни
261.	-0,14	руссофилы	русофіли
262.	-1,76	гандоны	гандони
263.	-1,74	приматы	примати

264.	-1,74	олигофрены/алигофрены	олігофрени
265.	-1,55	ватофилы	ватофіли
266.	-1,83	макаки недоношенные	макаки недоношені
267.	-1,86	пожиратели говна	пожирачі гівна
268.	-1,53	ватный робот	ватний робот
269.	-1,85	блядины	блядіни
270.	-1,91	быдло ссаное	бидло ссанимі
271.	-1,76	быдляки	бидлякі
272.	-1,77	довбойоби	довбойоби
273.	-1,48	гопота обыкновенная	гопота звичайна
274.	-0,35	новороссы	новороси
275.	-1,70	мусор	сміття
276.	-1,89	пидерасты	підерасти
277.	-1,92	лишнехромосомное быдло	лішнехромосомное бидло
278.	-1,88	петушня ущербная	петушня неповноцінна
279.	-1,17	Оранжево-черные	Помаранчево-чорні
280.	-1,08	оранжево-черная п*зда (эмблема на стадионе Донбасс Арена)	Помаранчево-чорна п*зда
281.	-0,25	жители с реки Кальмиус	Мешканці з ріки Кальміус
282.	-1,75	чахоташные упури	Чахоташні упури (?)
283.	-1,50	отработанный материал	Відпрацьований матеріал
284.	-1,50	отброшенный грунт	Відкинутий грунт
285.	-1,83	грязная порода	Брудна порода
286.	-1,33	галимый уголь	Галіме вугілля
287.	-0,67	Македонцы (Макеевка-Донбасс)	Македонці
288.	-1,70	заднепроходчики	Задньопроходці
289.	-0,17	повстанцы	повстанці
	-0,40		Средний балл по территории
	-0,90		Средний балл по жителям
	-0,73		Общий средний балл

Приложение 9. Результаты психографического исследования. Рисунки 18-100.

Рисунок 26.

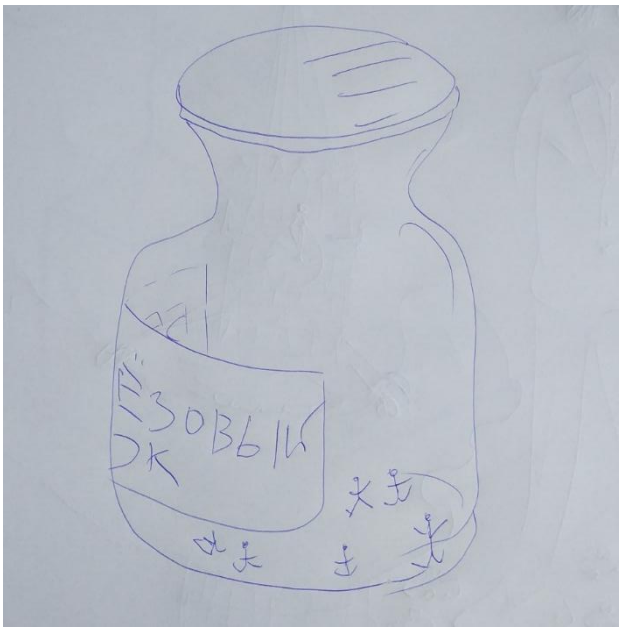

Рисунок 27.

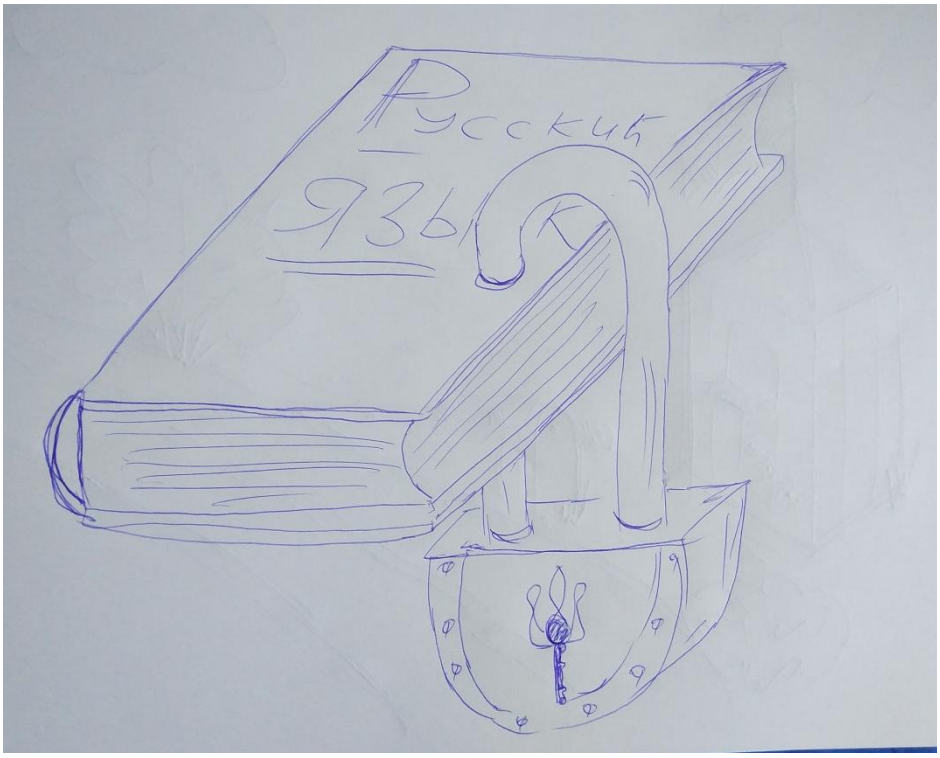

Рисунок 28.

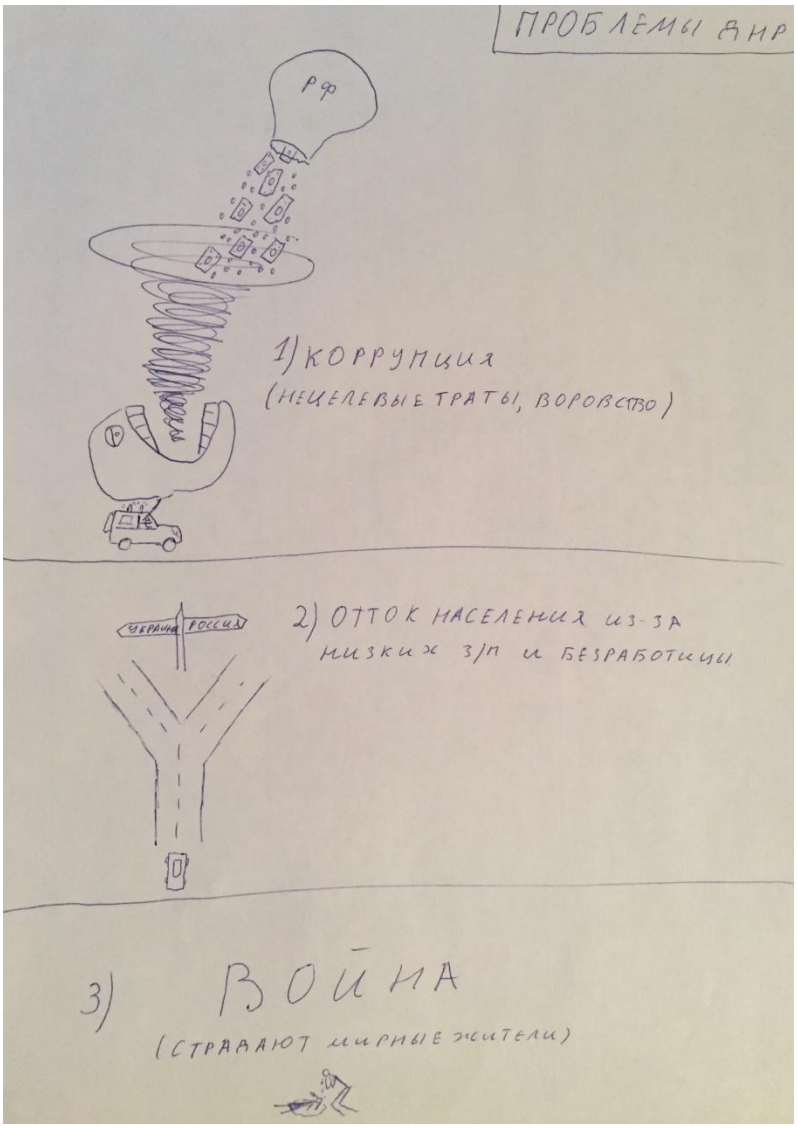

ПРОБЛЕМЫ ДНР
РФ
1) КОРРУПЦИЯ
(НЕЦЕЛЕВЫЕ ТРАТЫ, ВОРОВСТВО)
УКРАИНА
РОССИЯ
2) ОТТОК НАСЕЛЕНИЯ ИЗ-ЗА НИЗКИХ З/П И БЕЗРАБОТИЦЫ
3) ВОЙНА
(СТРАДАЮТ МИРНЫЕ ЖИТЕЛИ)

Рисунок 29

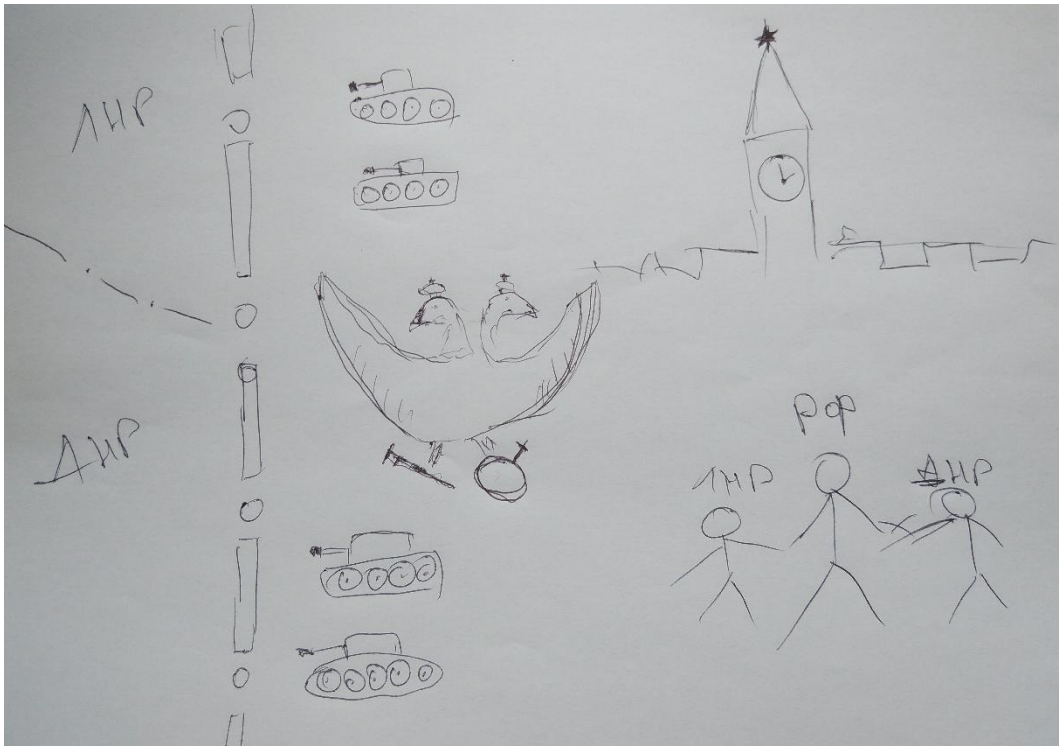

Рисунок 30.

УКРАИНА
ФАШИСТСКИЙ УГАР
МАЙДАН
ЗАБЛУДШИЕ БРАТЯ
ПОРОШЕНКО
ВОЙНА

Рисунок 20а.

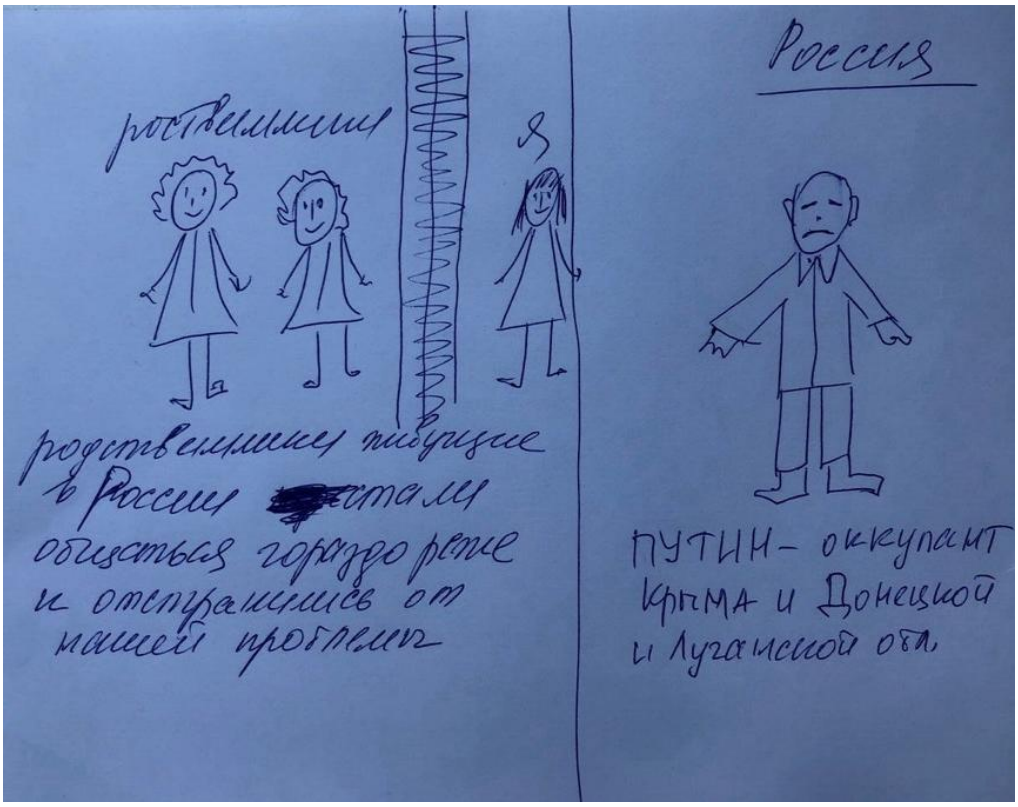

Рисунок 21.

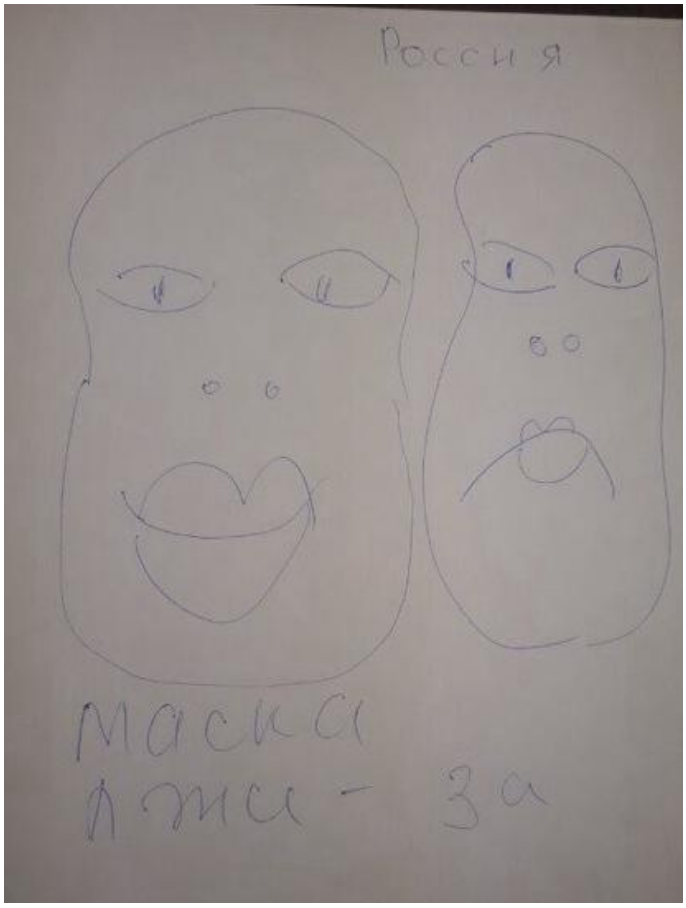

Рисунок 22.

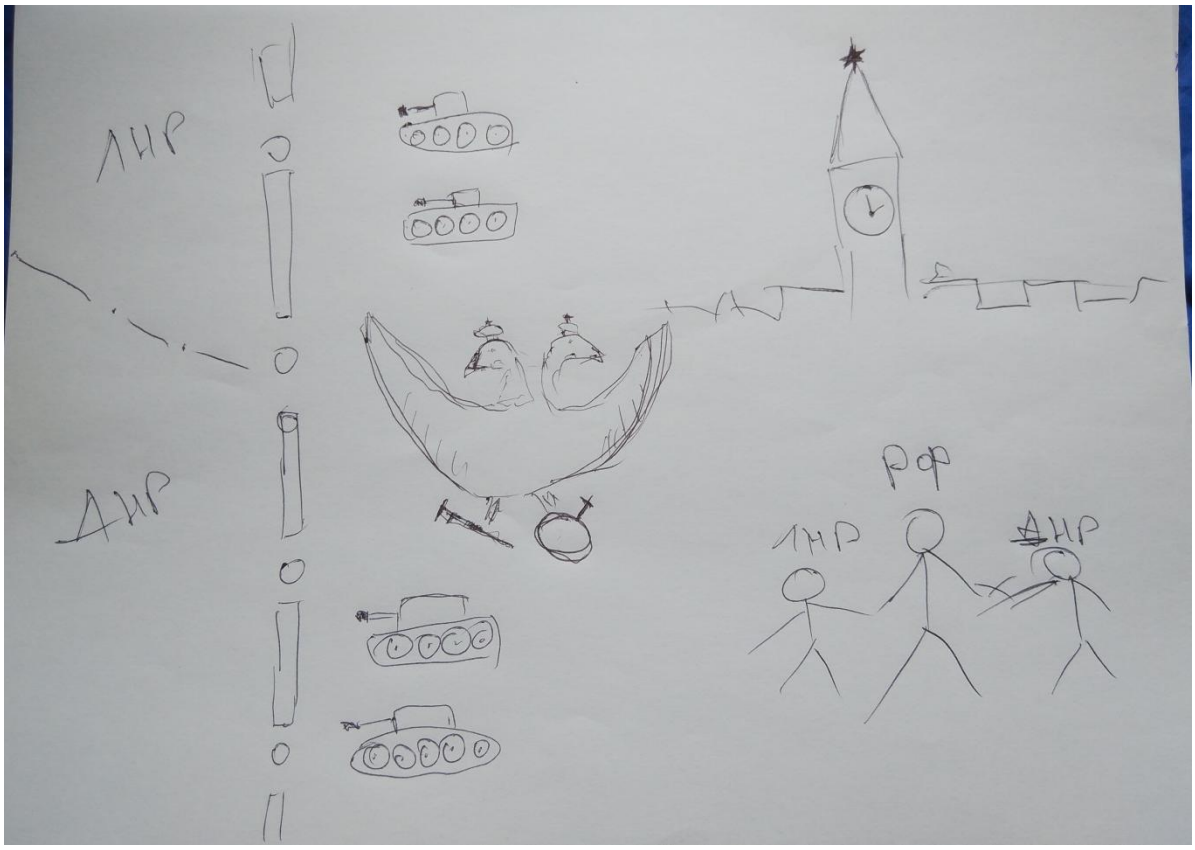

Рисунок 23.

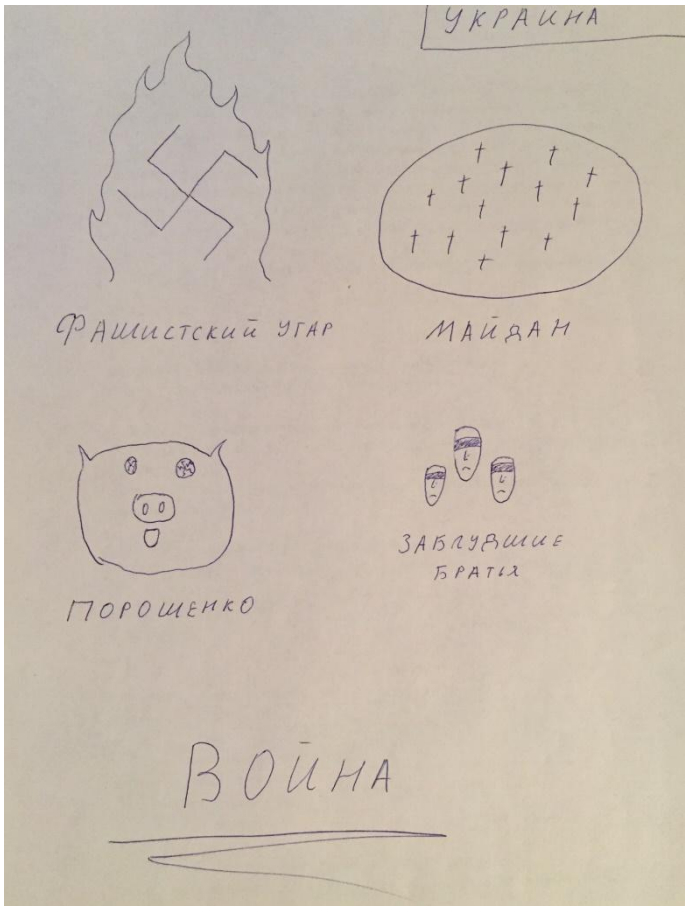

Рисунок 25.

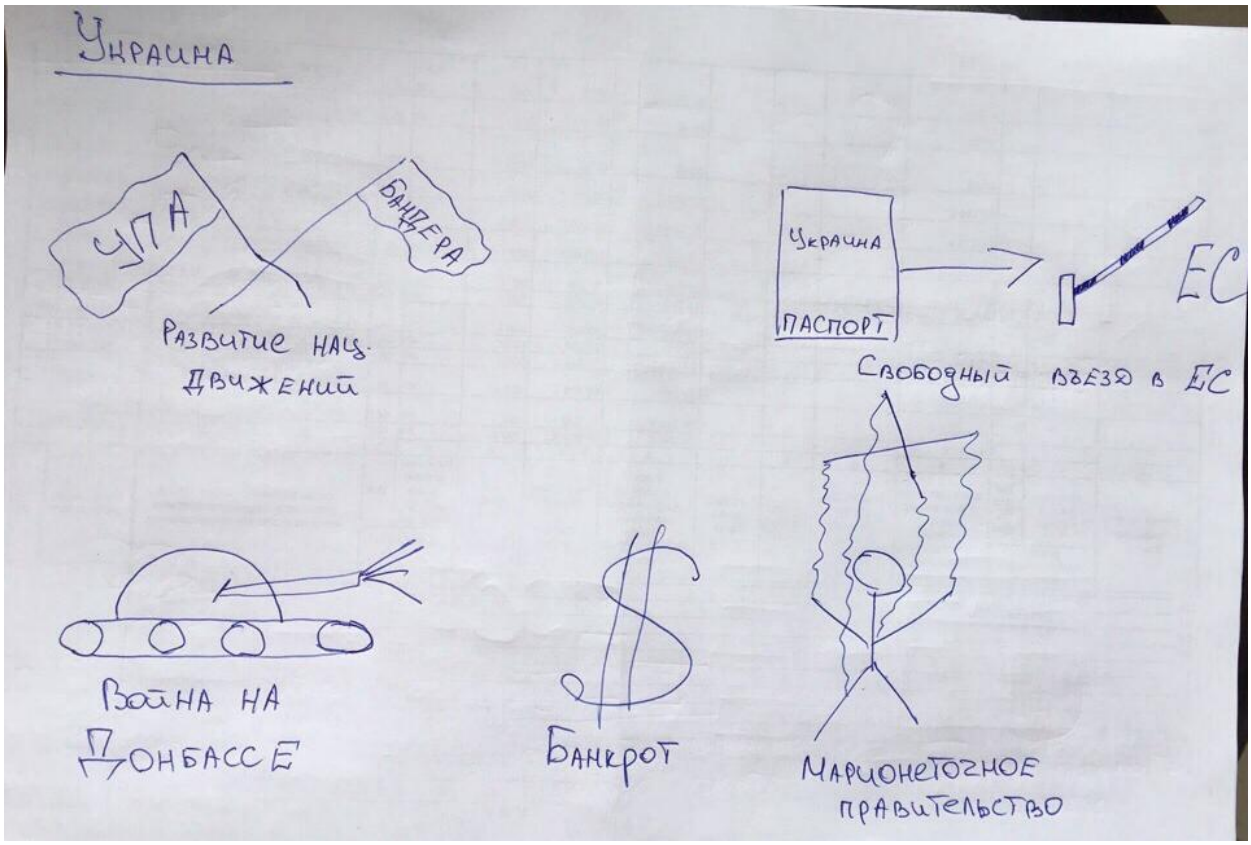

Рисунок 26.

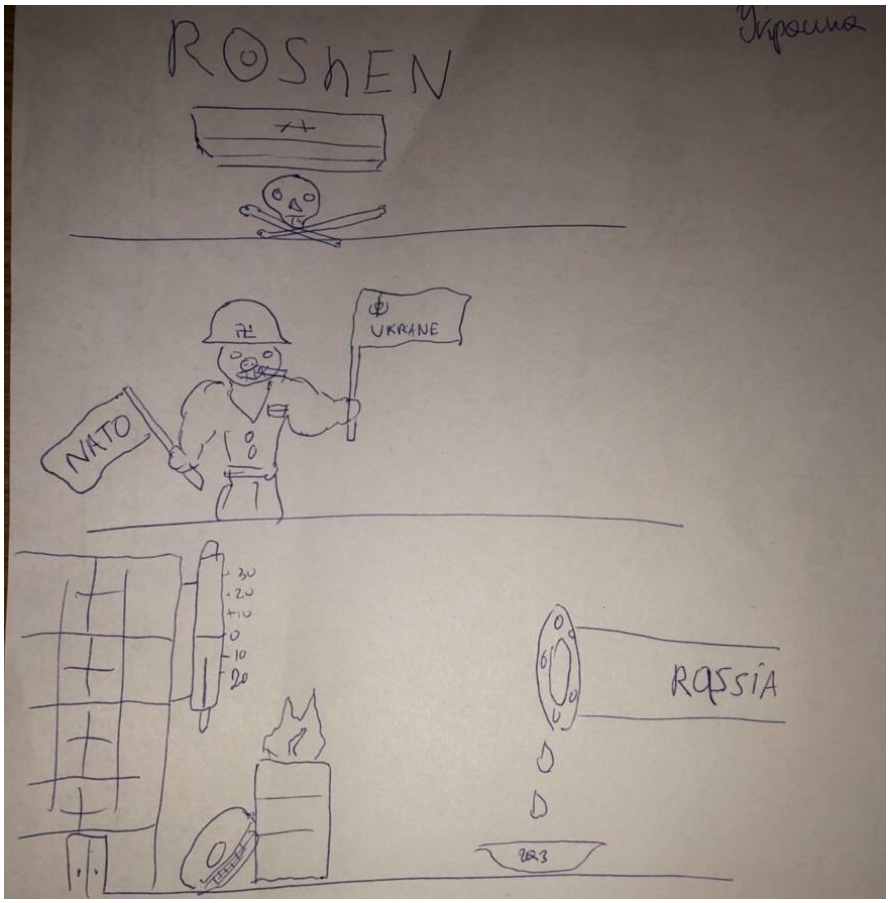

Рисунок 27.

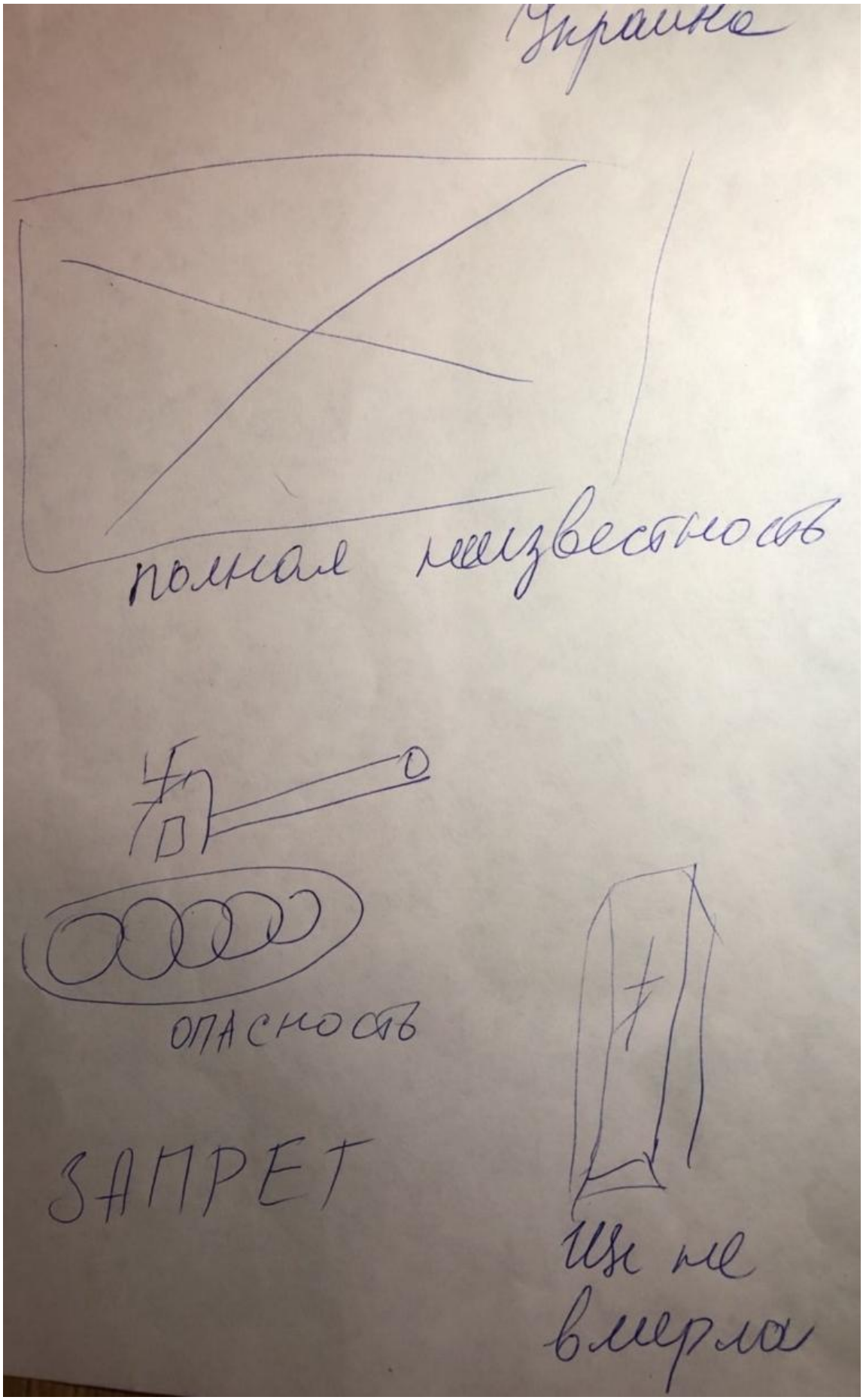

Украина
полная неизвестность
ОПАСНОСТЬ
ЗАПРЕТ
Ия не
вмерла

Рисунок 28.

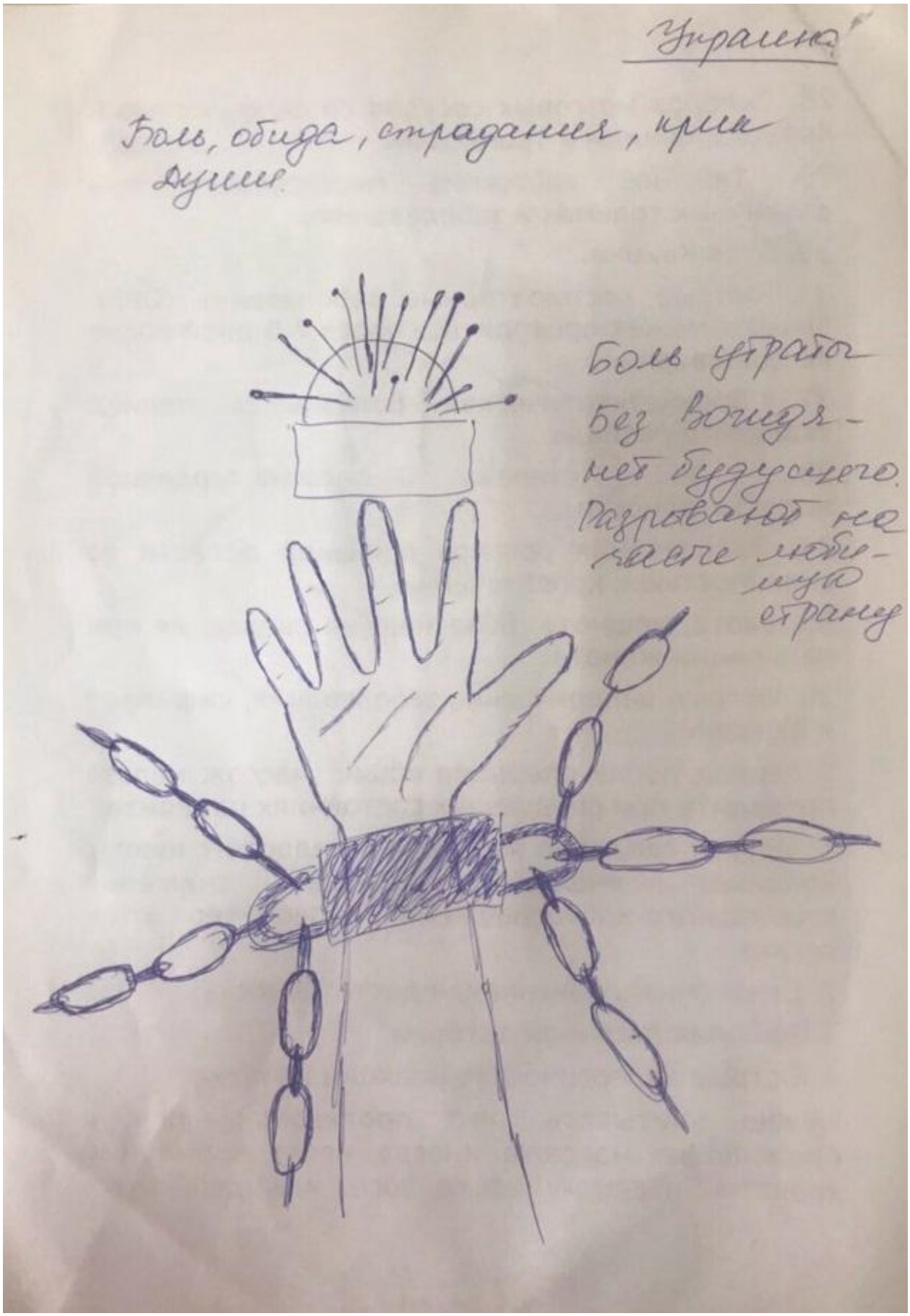

Украина
Боль, обида, страдания, крик души
Боль утрат без конца - нет будущего. Разрезают на части любимую страну

Рисунок 29.

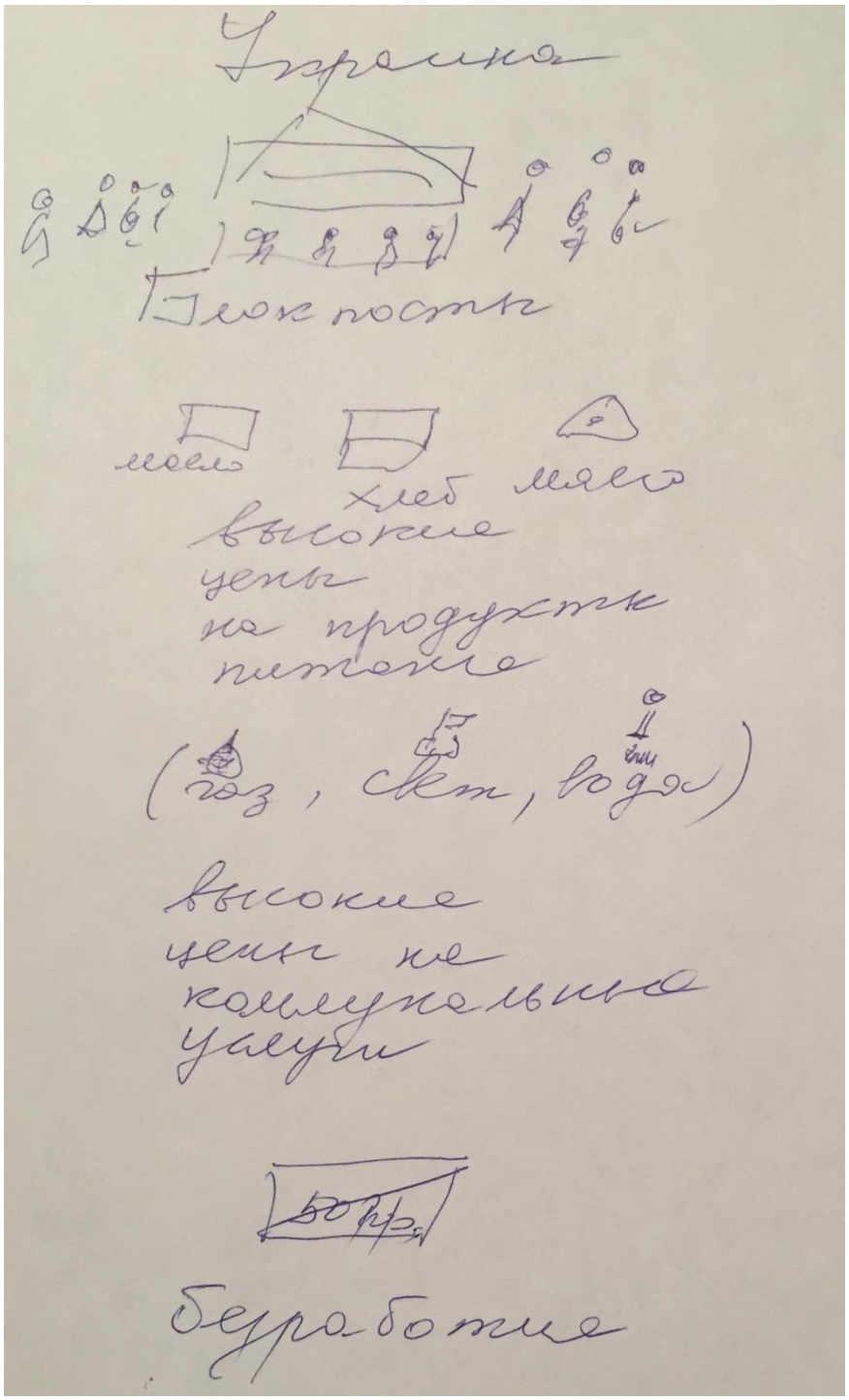

Украина
Молодость
мясо
хлеб
высокие
цены
на продукты
питания
(газ, свет, вода)
высокие
цены не
компенсируются
зарплатой
безработица

Рисунок 30.

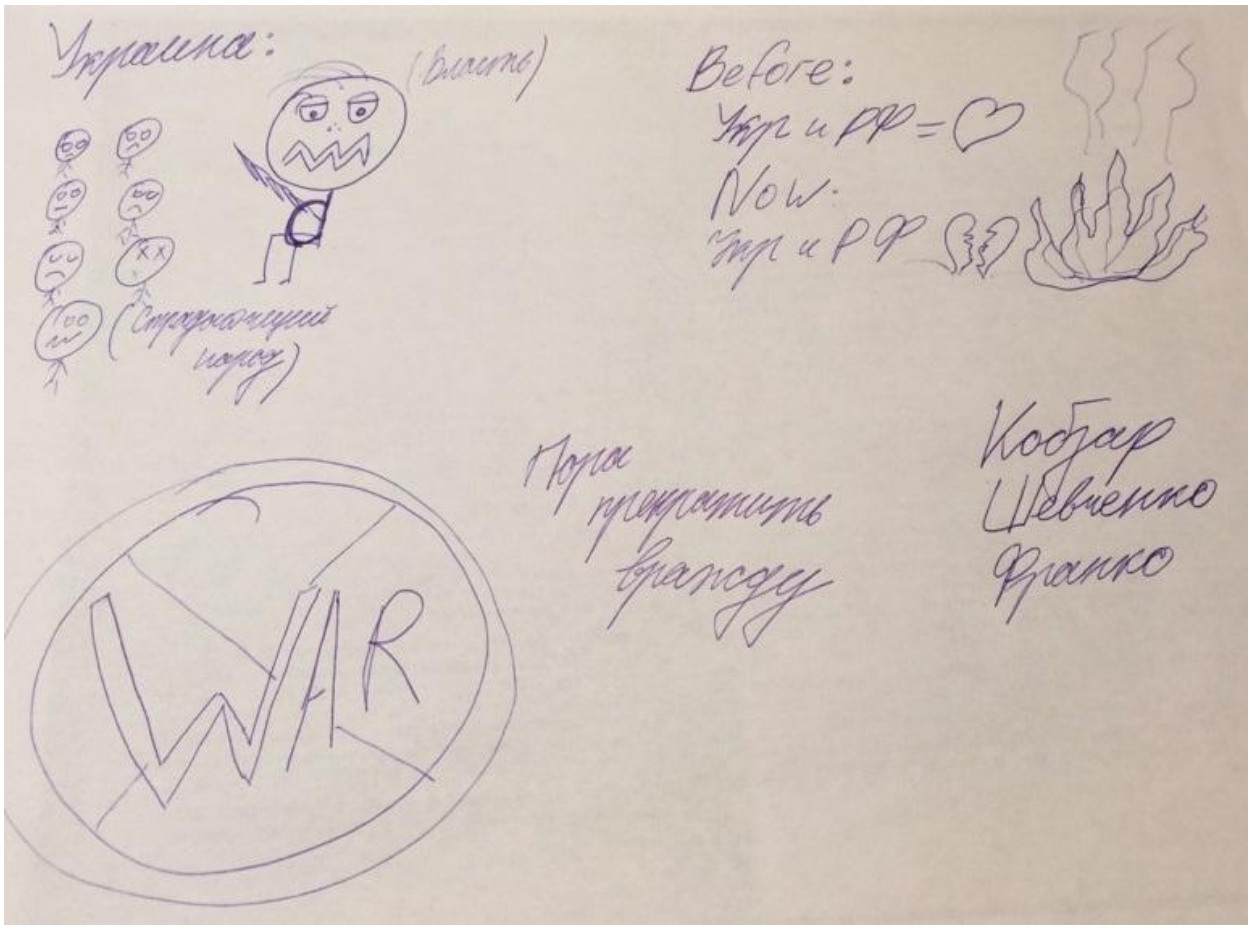

Рисунок 31.

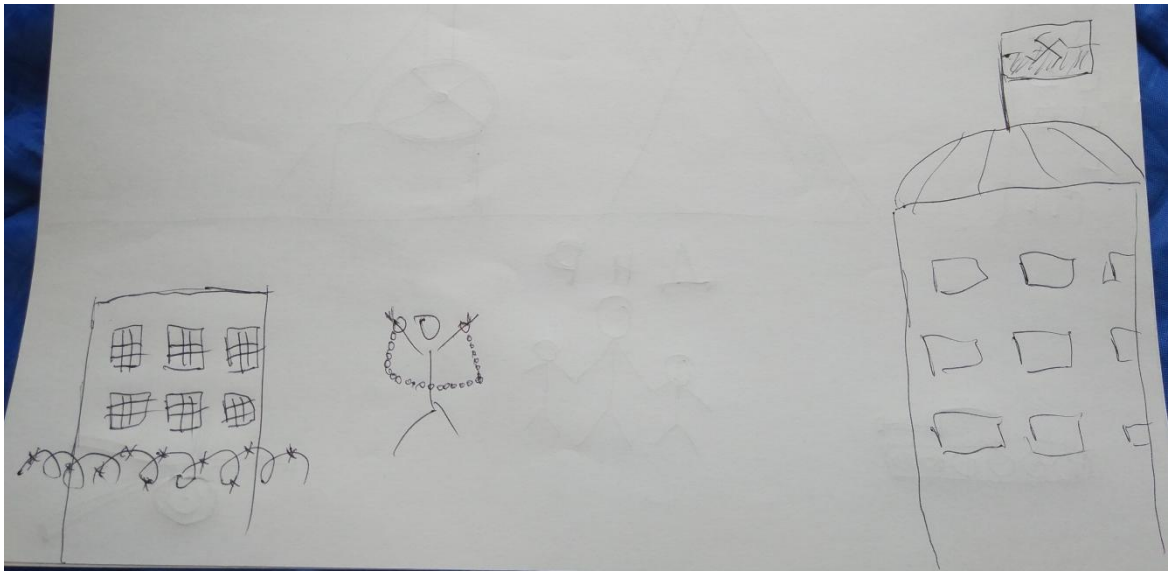

Рисунок 32.

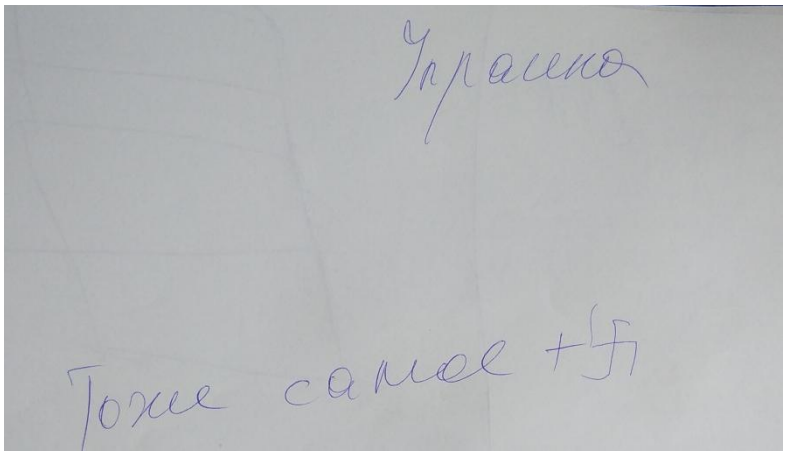

Рисунок 33.

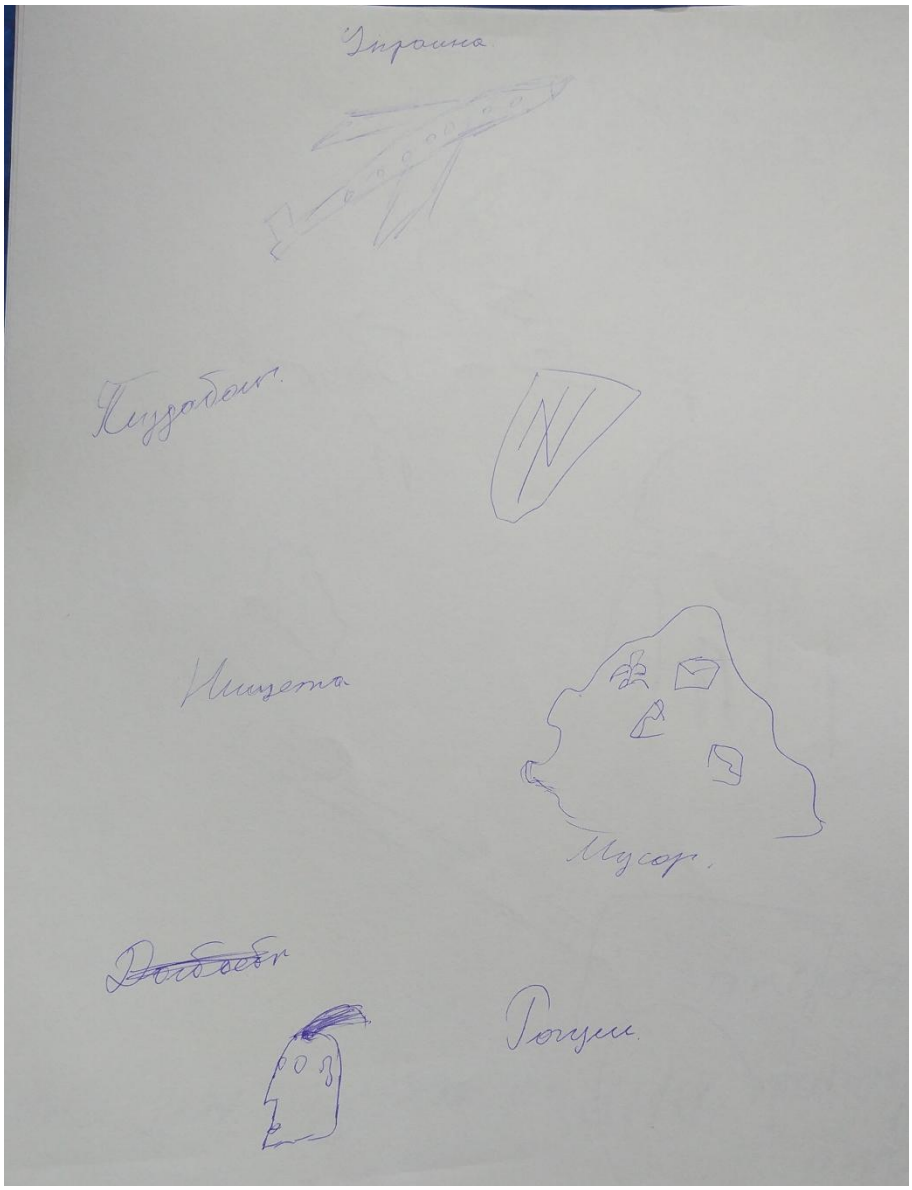

Рисунок 34.

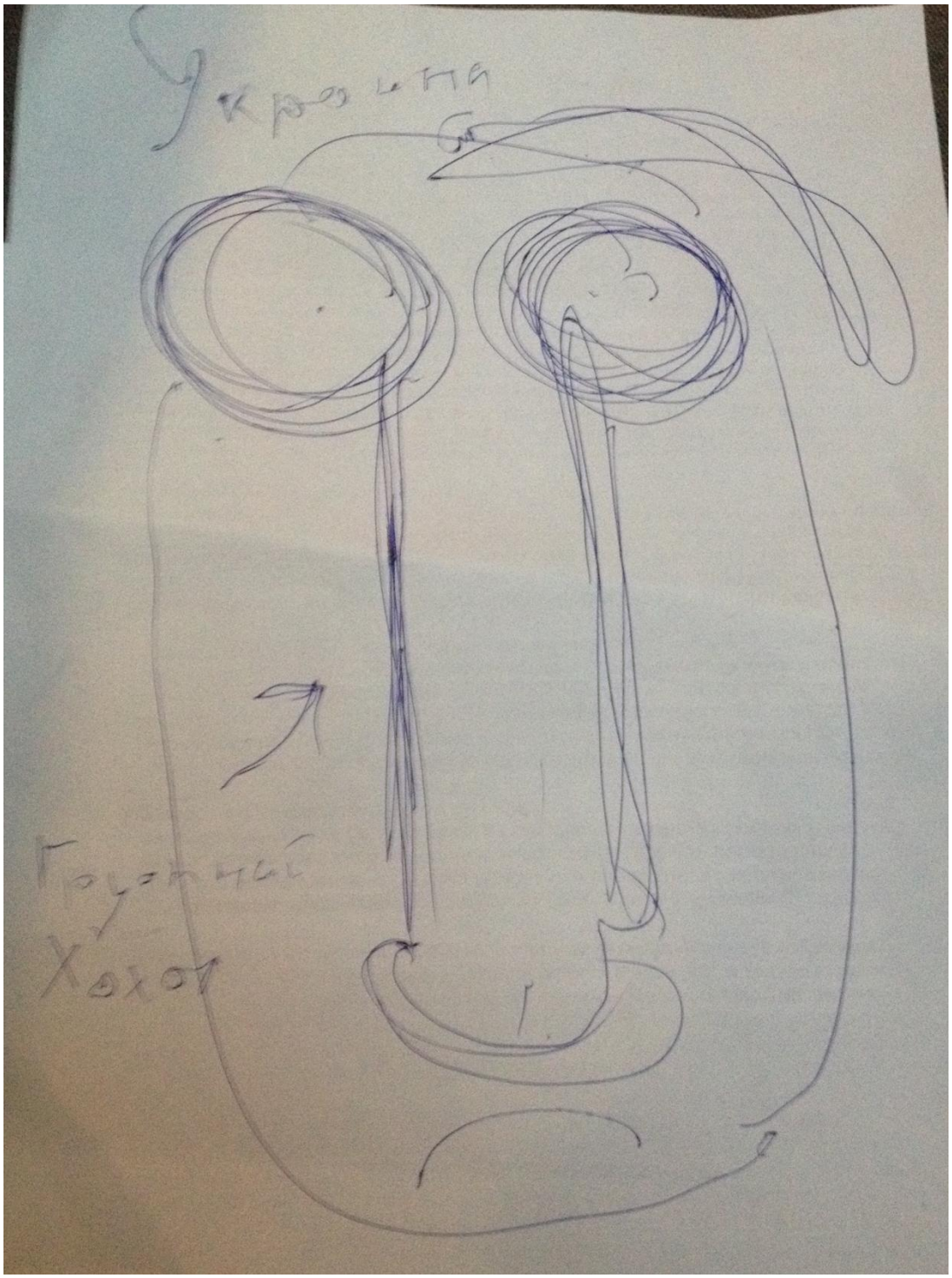

Рисунок 35.

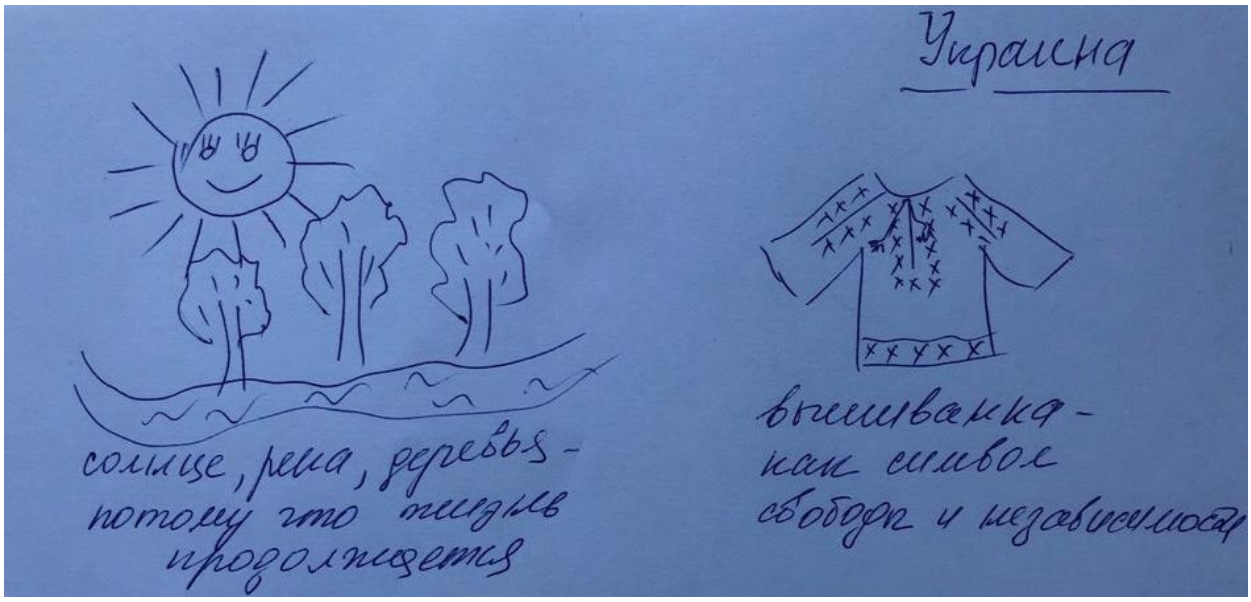

Рисунок 36.

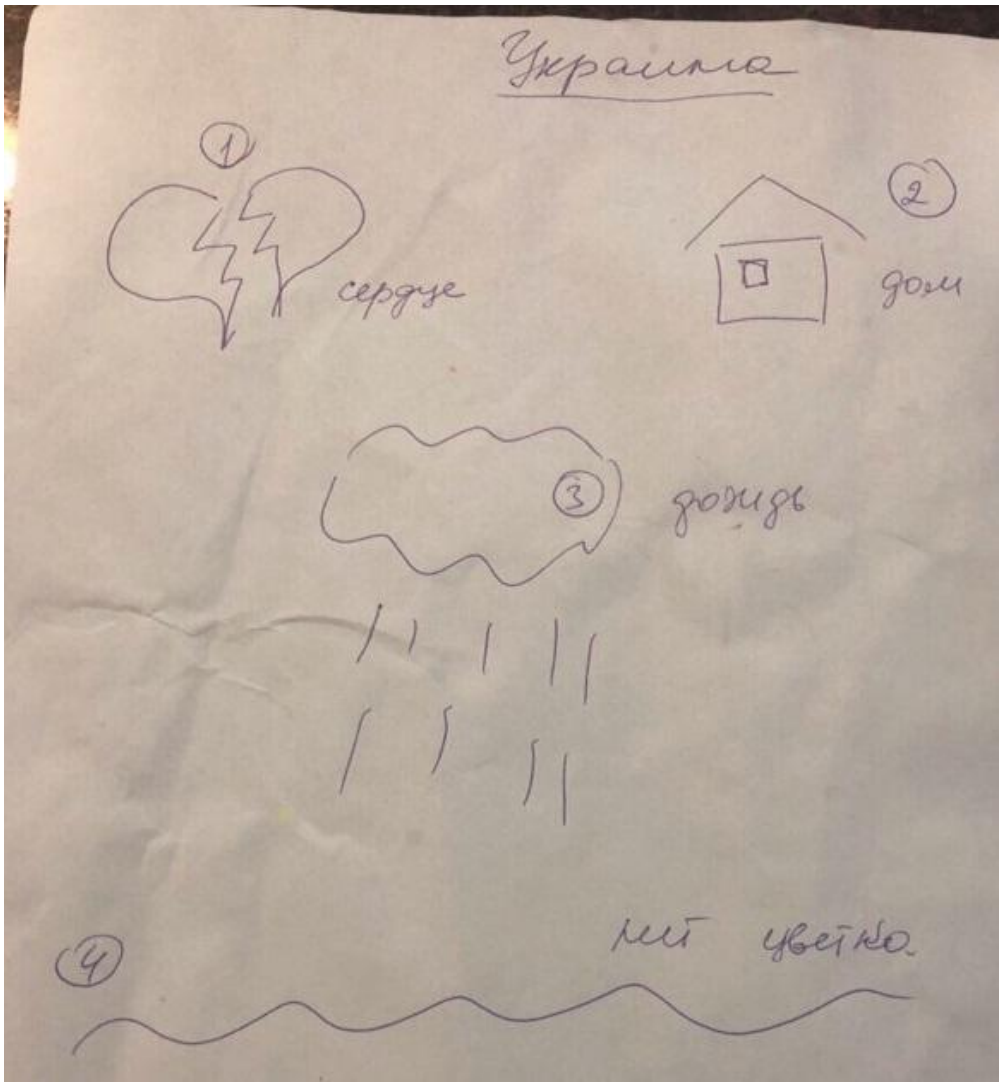

Рисунок 36а.

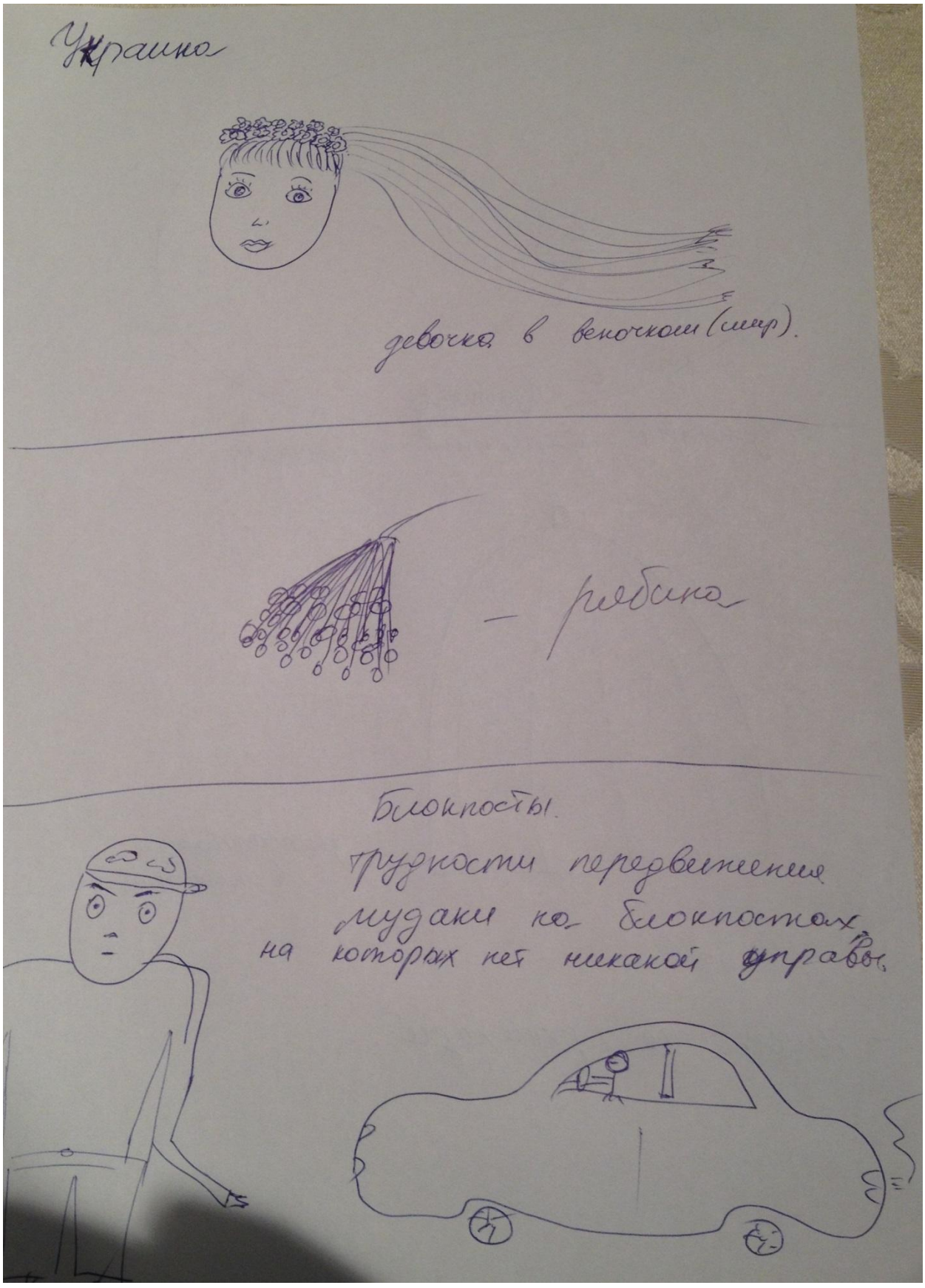

Украина
девочка в веночком (мир).
– ребята
Блокпосты.
трудности передвижения
мудаки на блокпостах,
на которых нет никакой управы.

Рисунок 37.

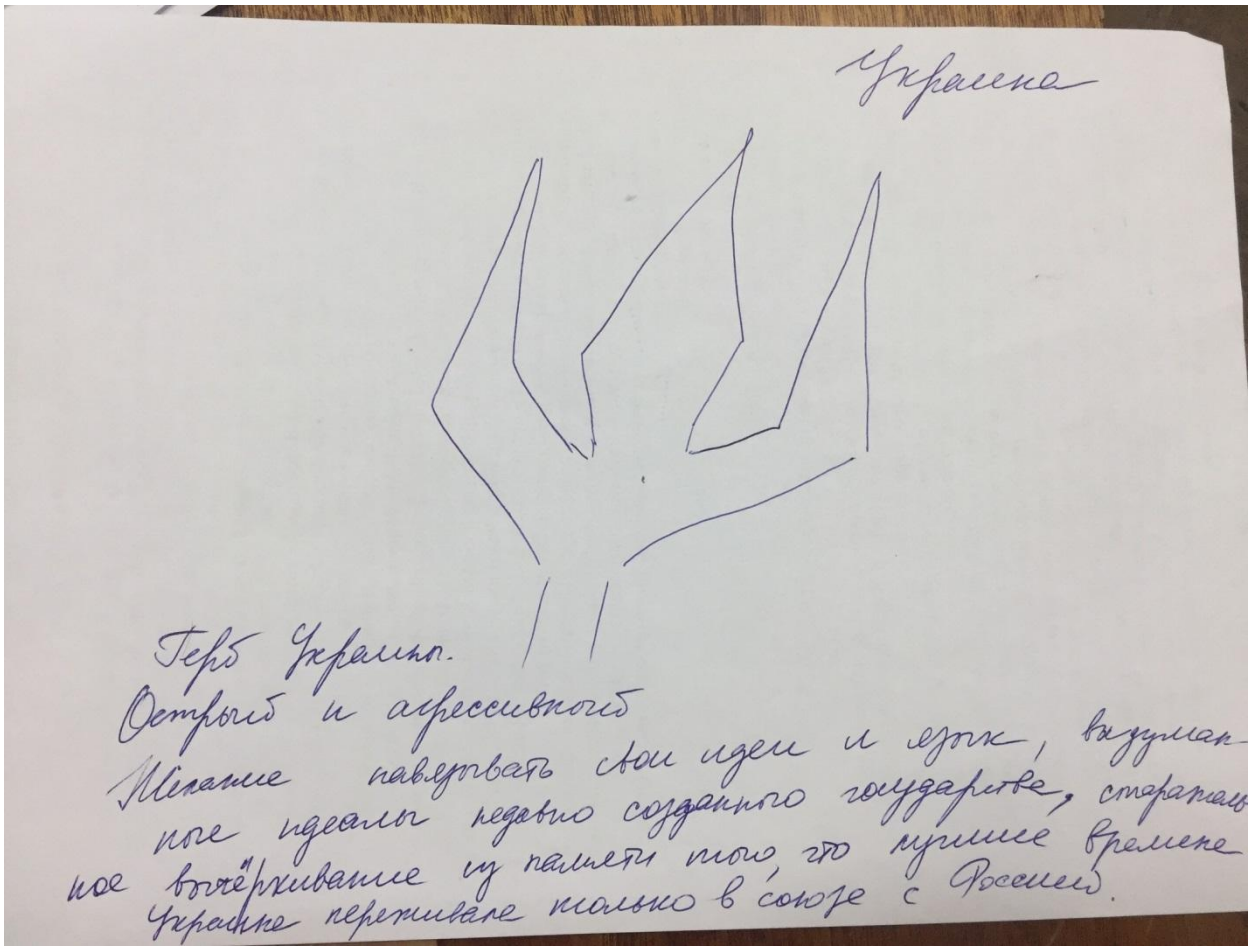

Рисунок 38.

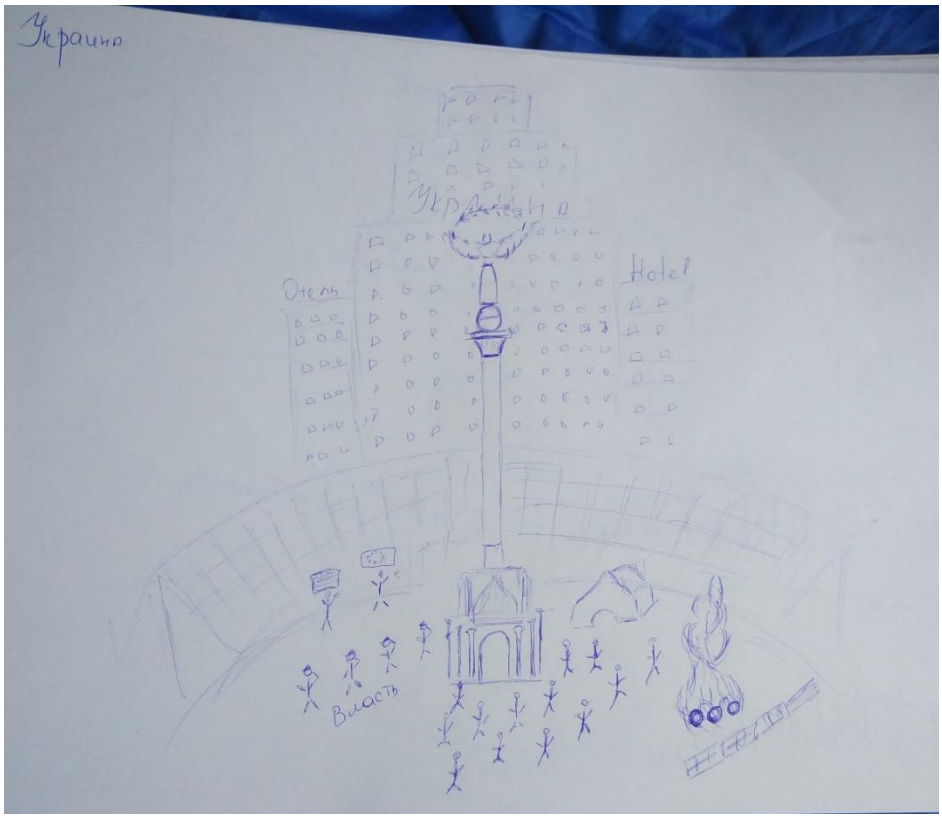

Рисунок 38а.

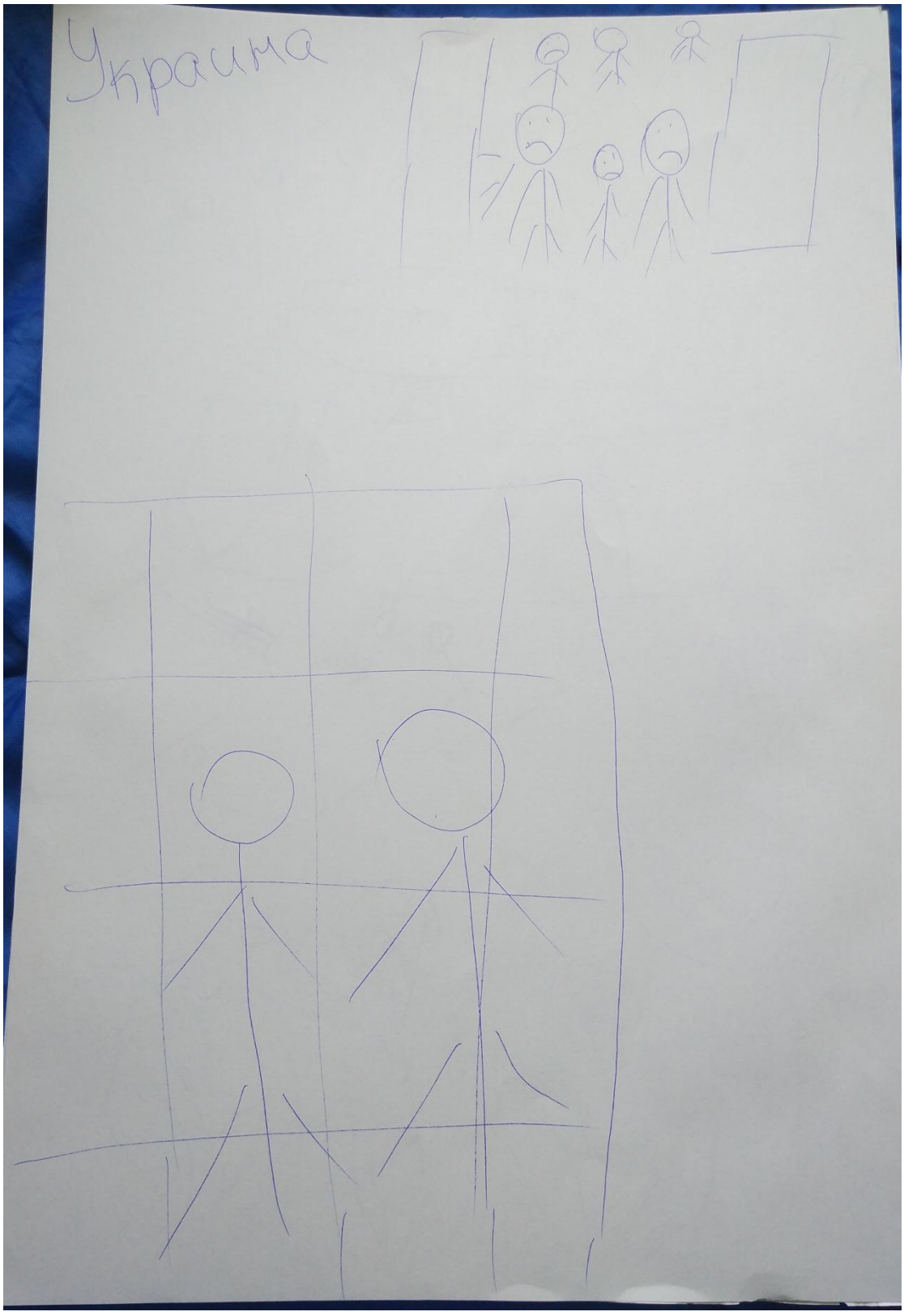

Рисунок 39.

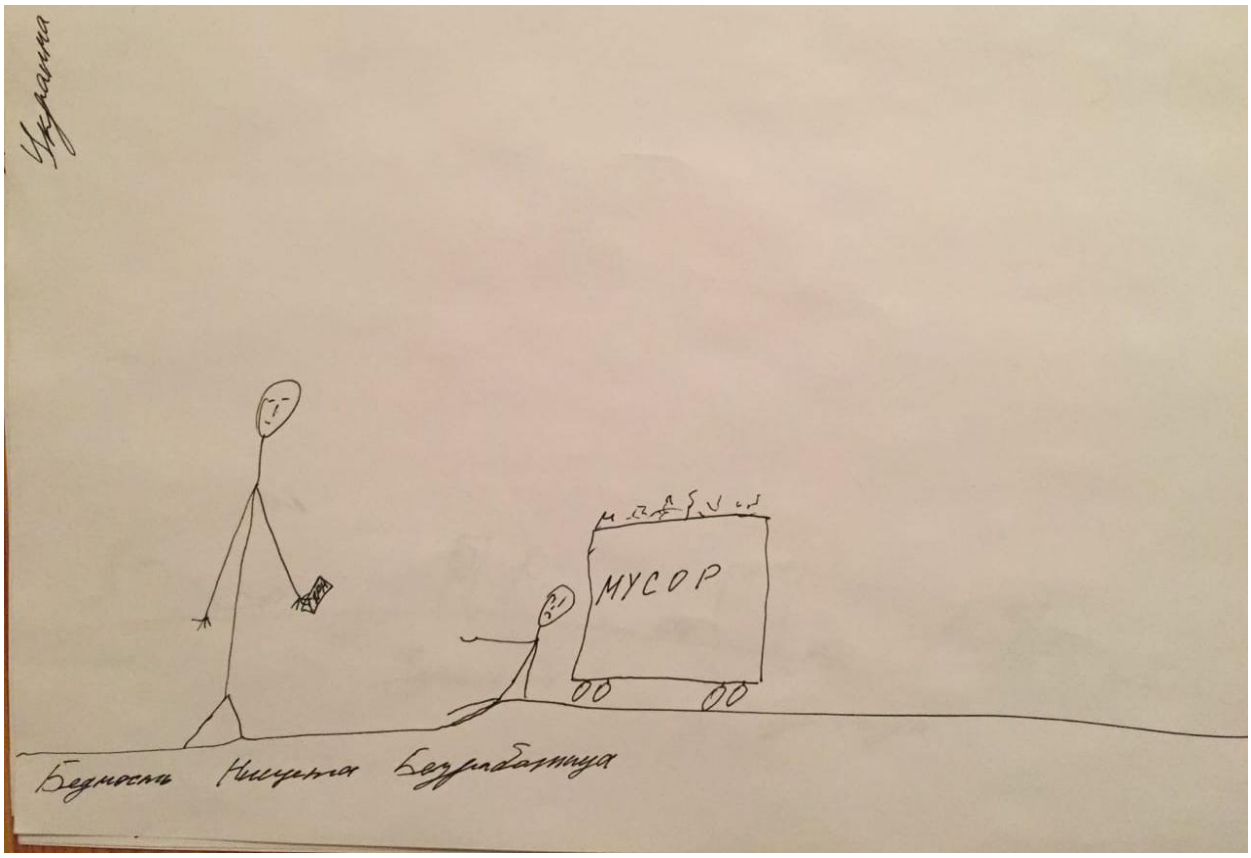

Рисунок 40.

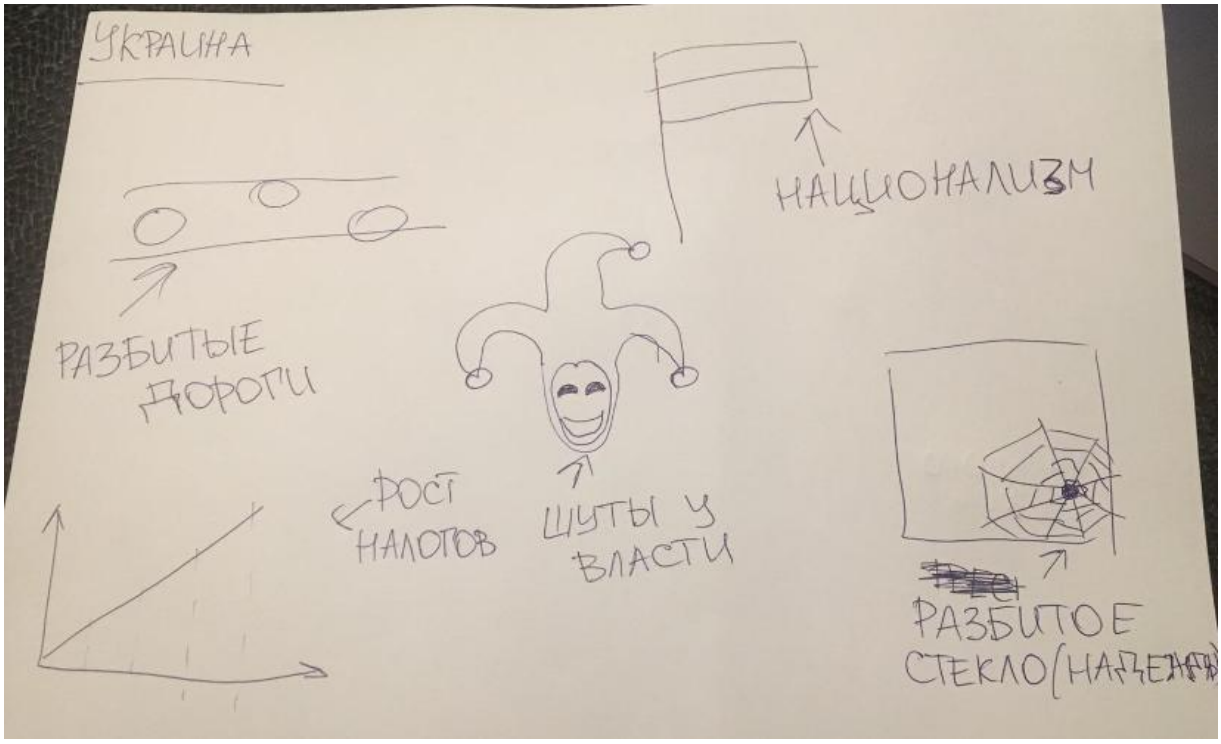

Рисунок 41.

Рисунок 41а.

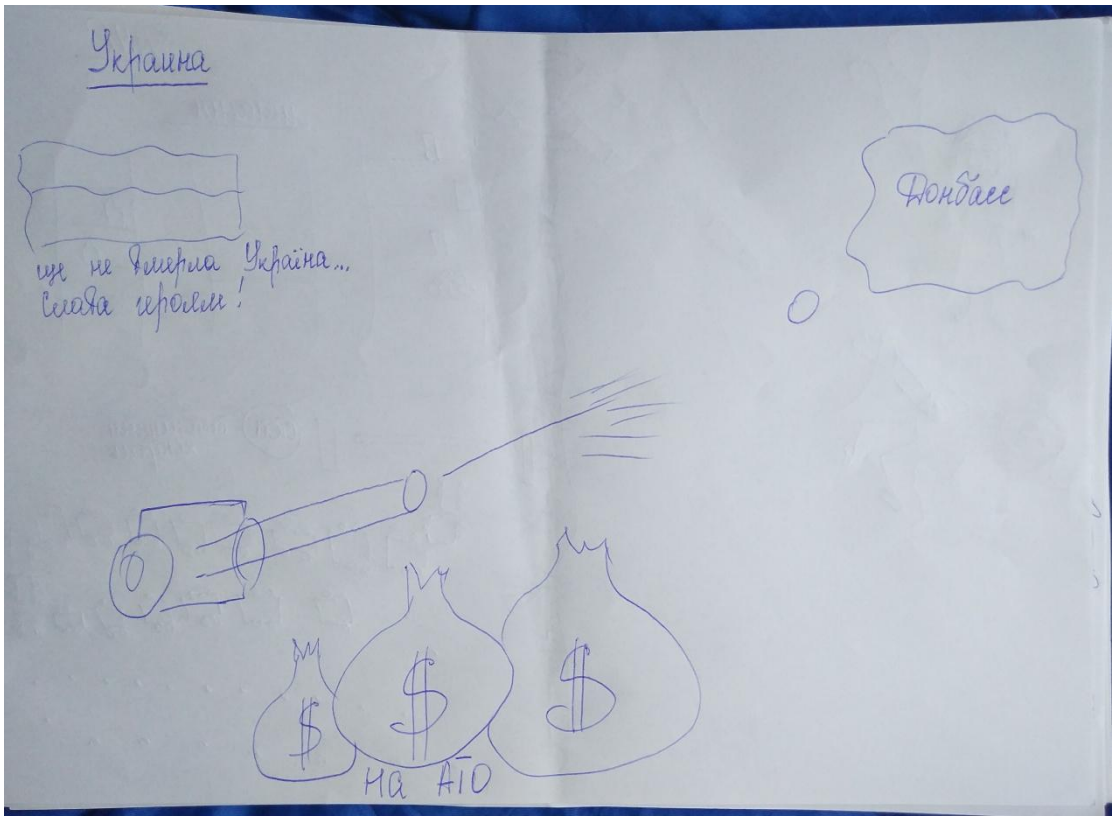

Рисунок 42.

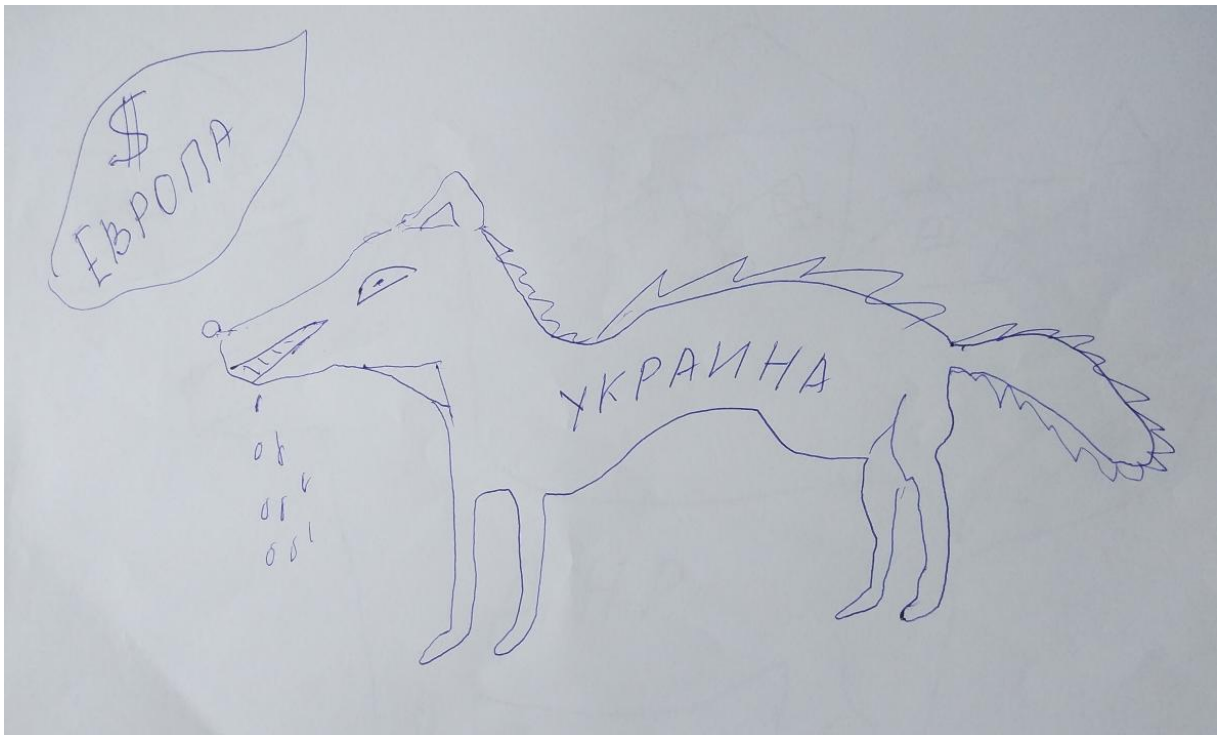

Рисунок 42а.

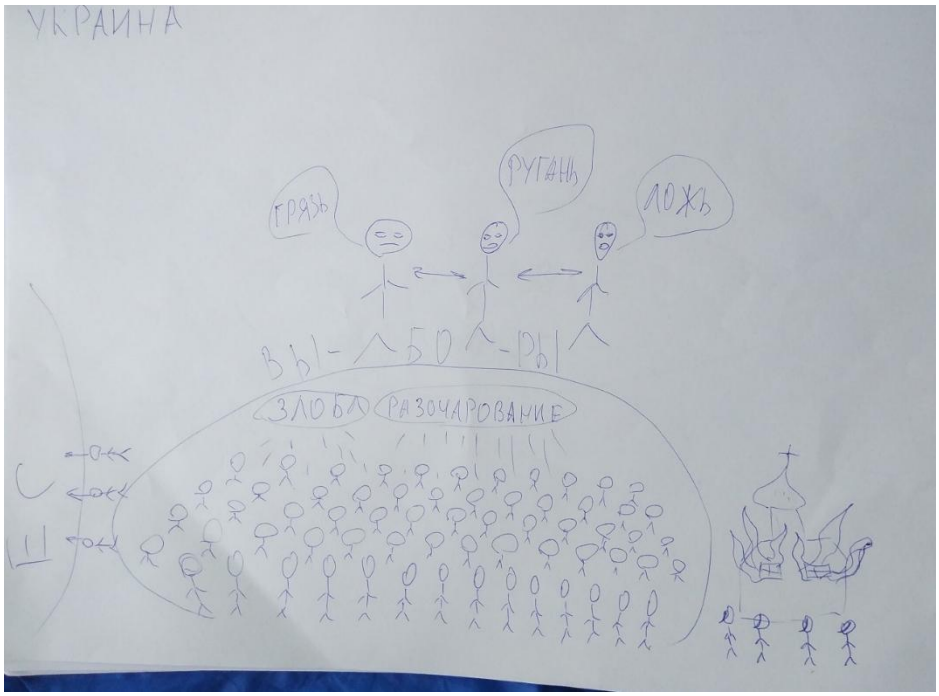

Рисунок 43.

Рисунок 44.

Рисунок 45.

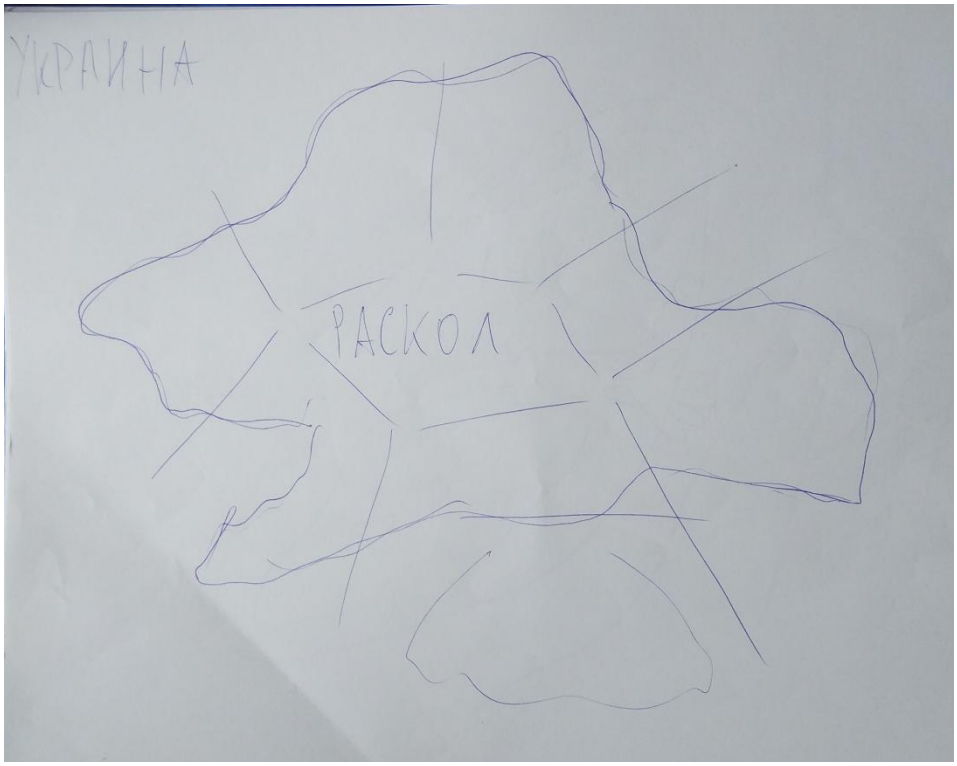

Рисунок 46.

РФ:
Москва
Братство народов
Русские
Украинцы
Белорусы
КРЫМ НАШ !!!
ПУТЭИ ФОРЭВА
(еда)
(песня)
(сказки)
Богатое творчество
Денег нет, но вы держитесь

Рисунок 47.

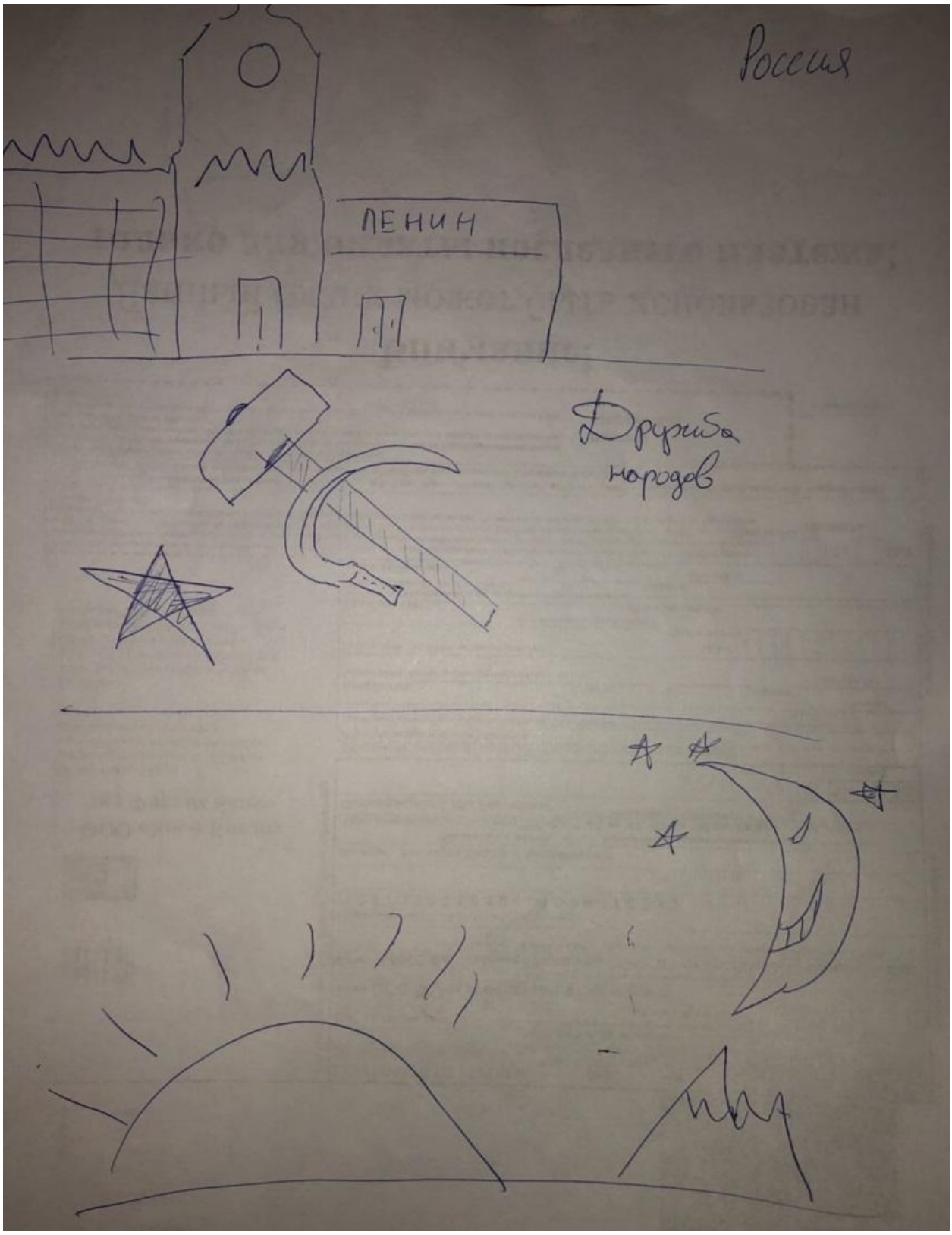

Рисунок 48.

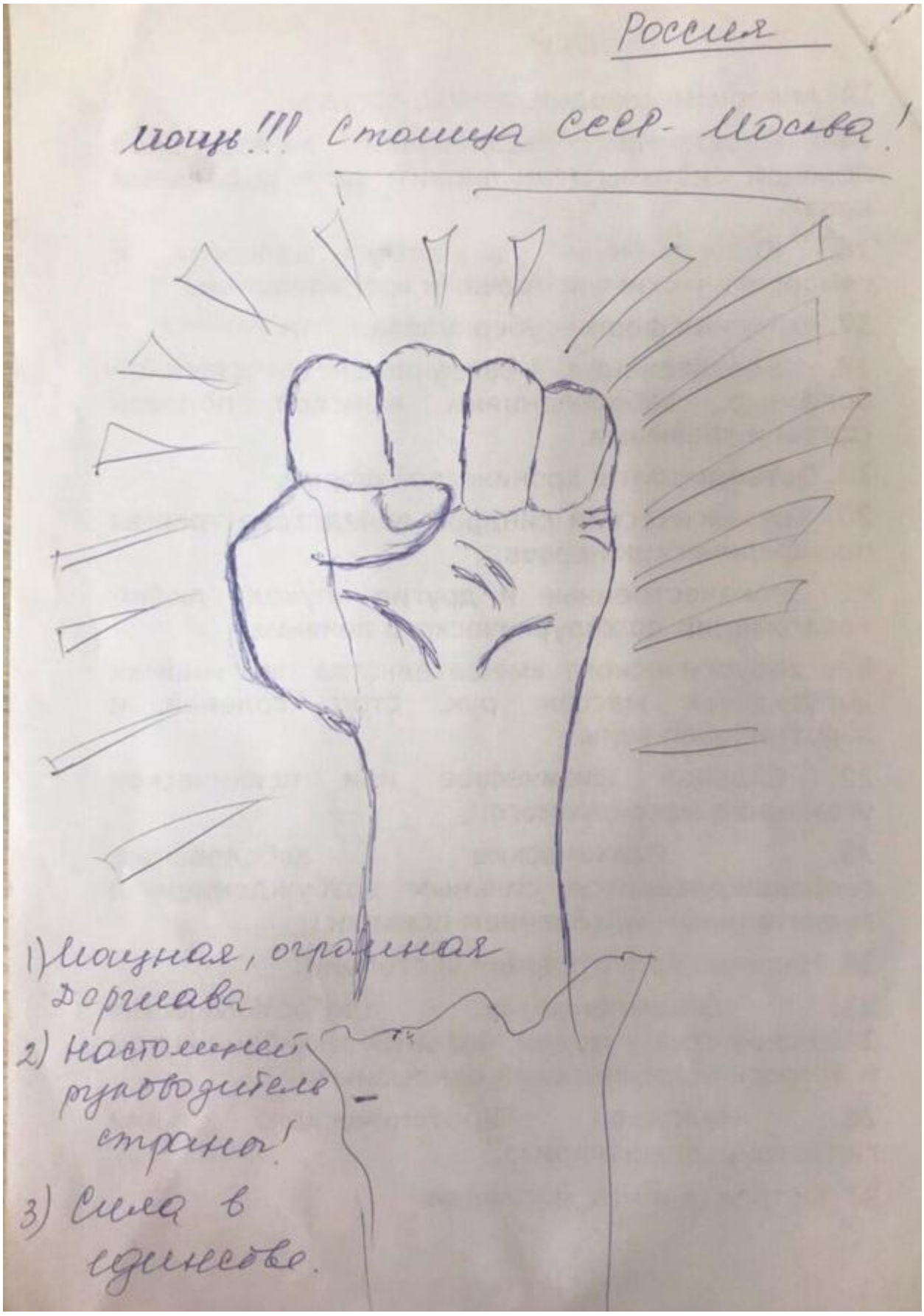

Россия
мощь!!! Столица СССР - Москва!
1) Могучая, огромная держава
2) Настоящий руководитель страна!
3) Сила в единстве.

Рисунок 49.

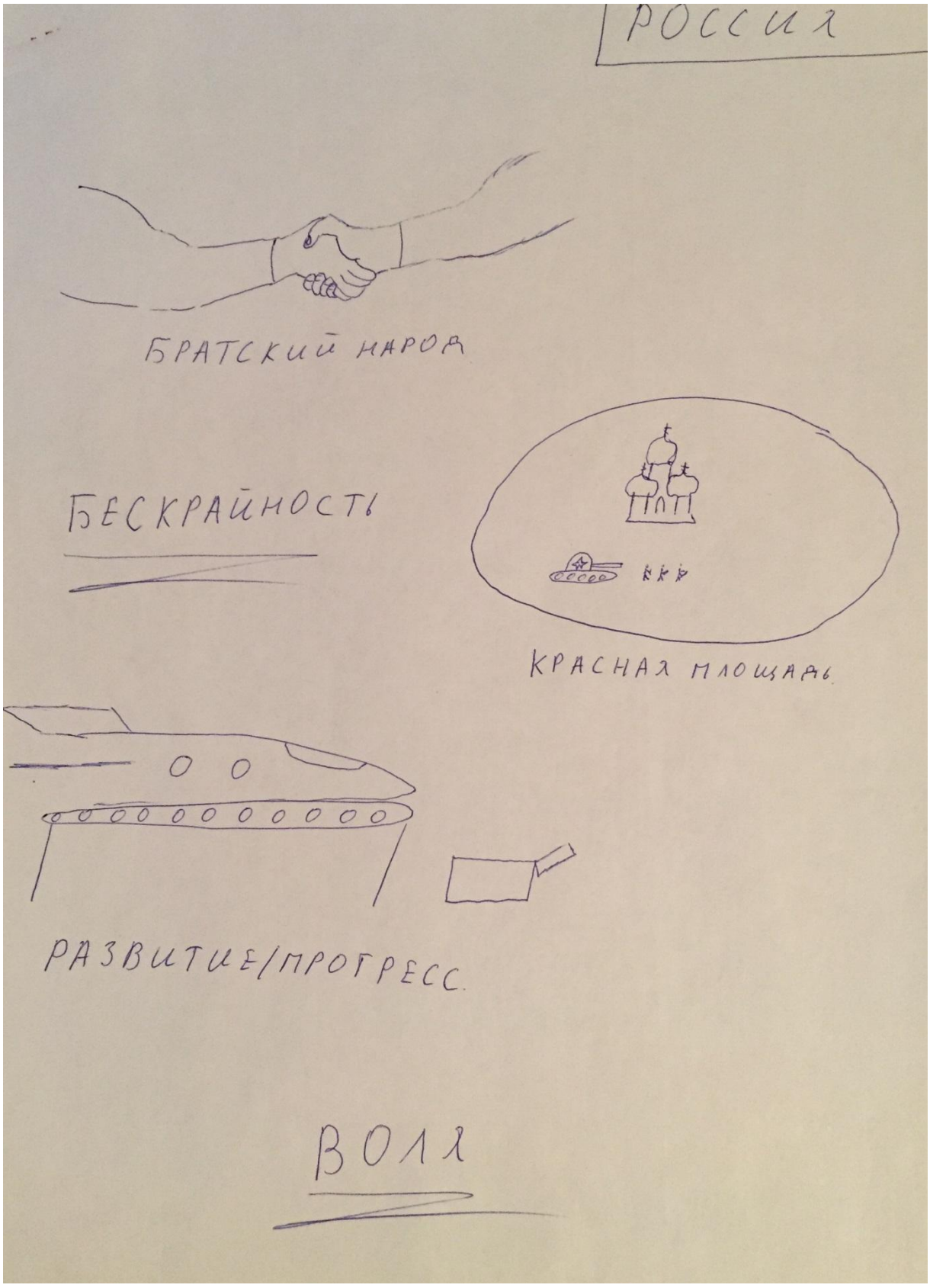

РОССИЯ
БРАТСКИЙ НАРОД
БЕСКРАЙНОСТЬ
КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ
РАЗВИТИЕ/ПРОГРЕСС
ВОЛЯ

Рисунок 50.

Рисунок 51.

Рисунок 52.

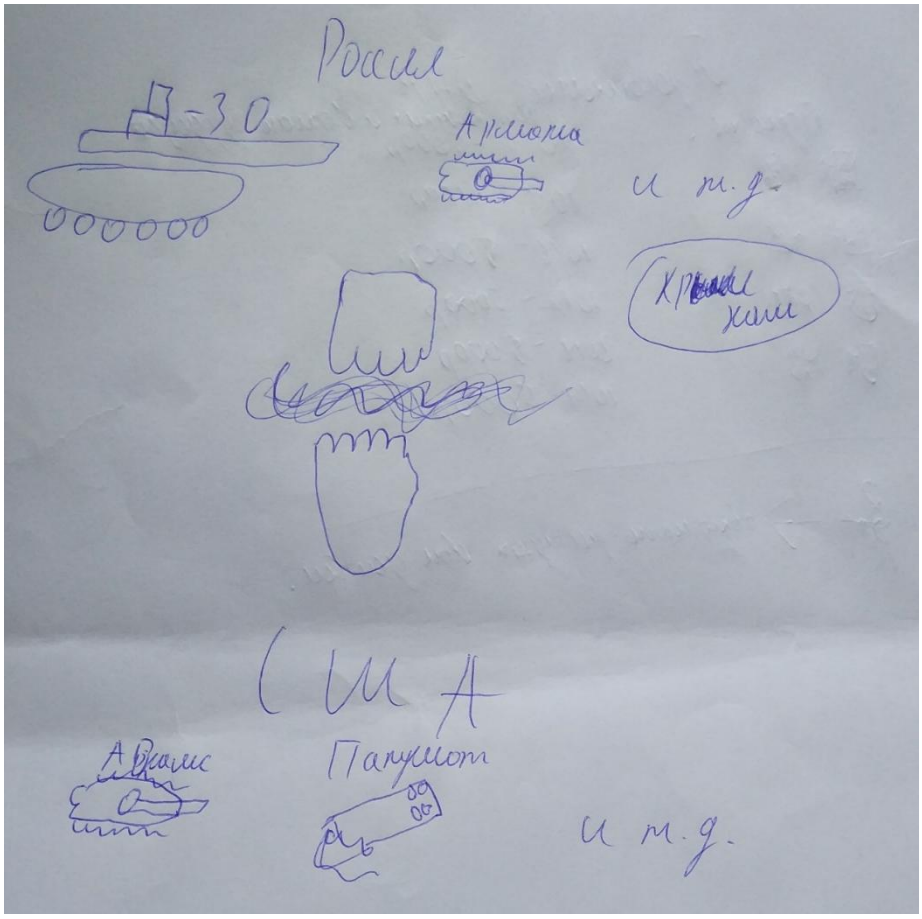

Рисунок 52а.

РФ
ЕС

Рисунок 53.

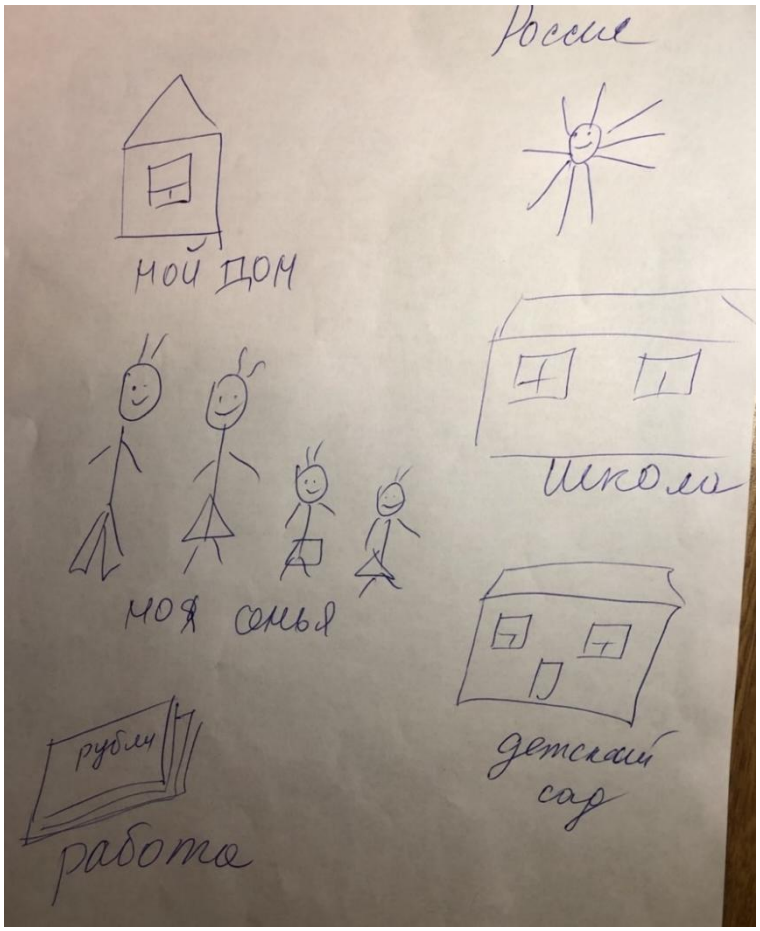

Россия
МОЙ ДОМ
Школа
МОЯ СЕМЬЯ
рубли
работа
детский сад

Рисунок 54.

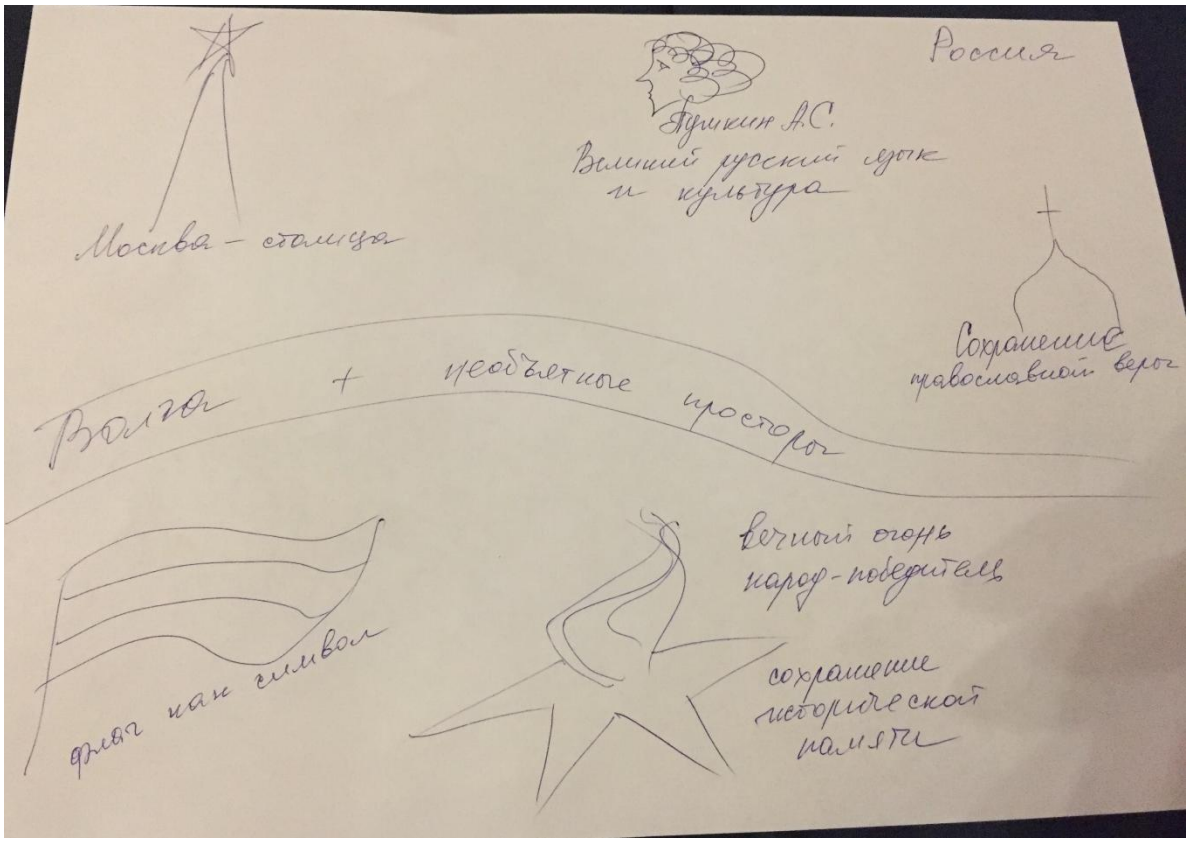

Рисунок 55.

Рисунок 56.

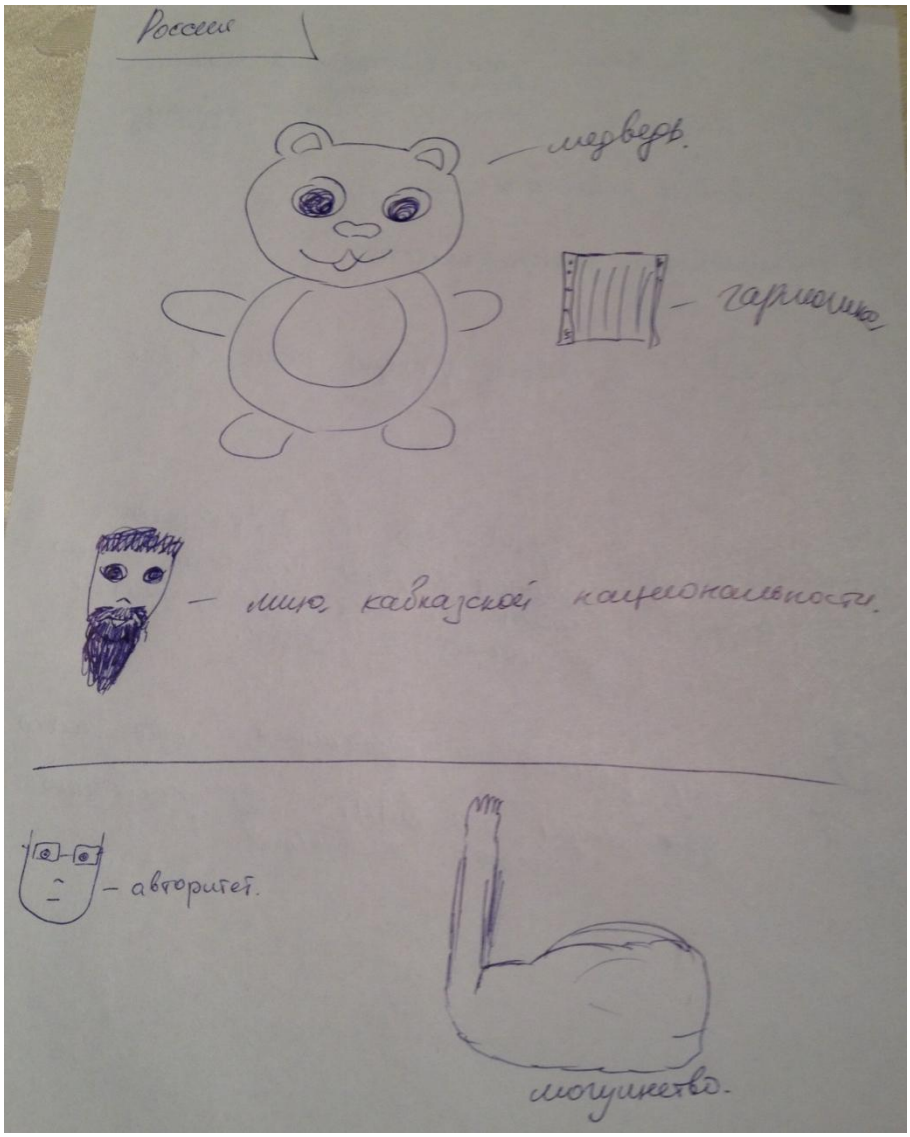

Россия
– медведь.
– гармошка.
– лицо кавказской национальности.
– авторитет.
– могущество.

Рисунок 57.

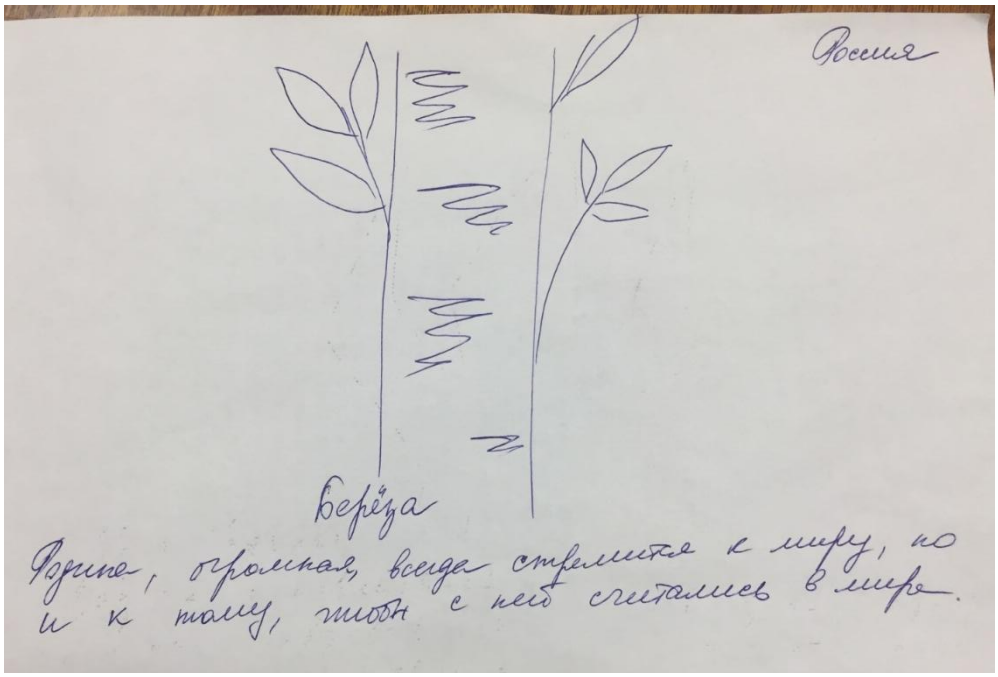

Россия
Берёза
Родина, огромная, всегда стремится к миру, но
и к тому, чтоб с неё считались в мире.

Рисунок 58.

Спорт
Олимпиада
Россия
Москва
Кремль
(Путин В.В.)
Хоккей
Сахар
(плохо)
газ (зависимость)
Сочи
(Олимпиада)
Великая держава
(сильная страна)
Всеобщая
коррупция

Рисунок 59.

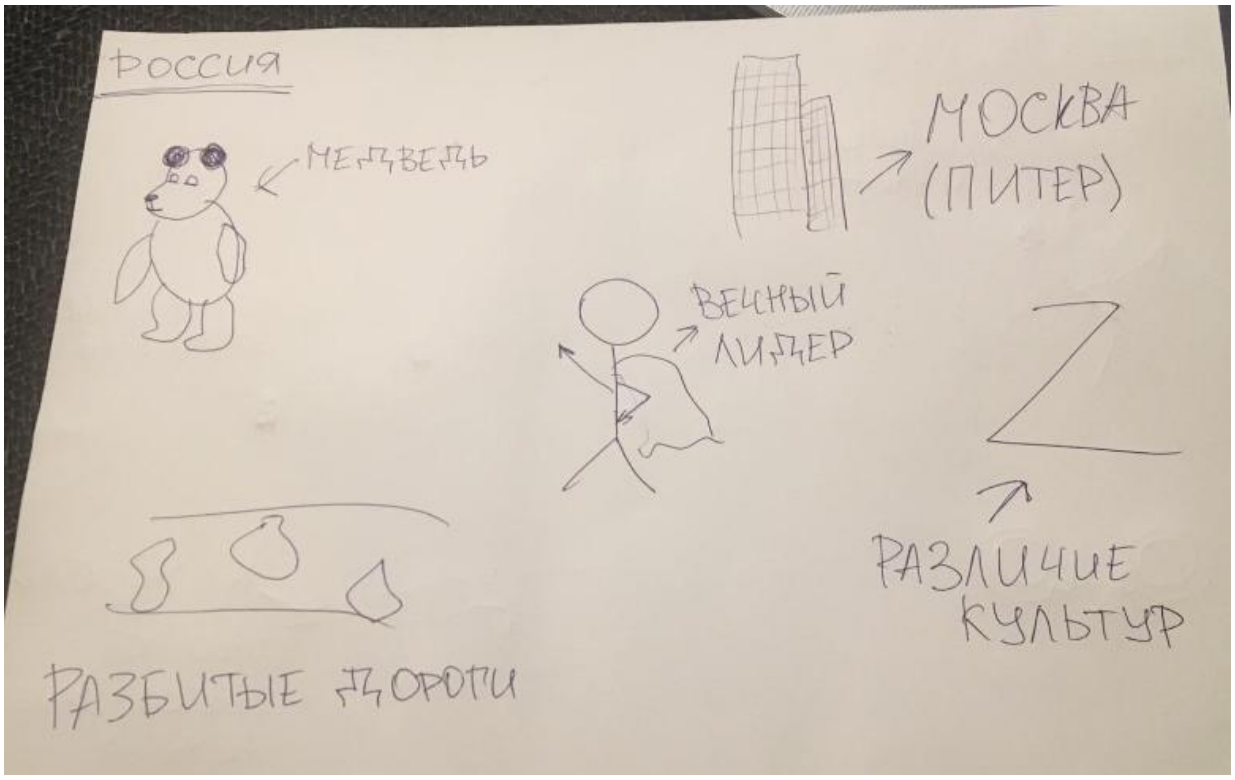

РОССИЯ
МЕДВЕДЬ
МОСКВА
(ПИТЕР)
ВЕЧНЫЙ
ЛИДЕР
РАЗЛИЧИЕ
КУЛЬТУР
РАЗБИТЫЕ ДОРОГИ

Рисунок 60.

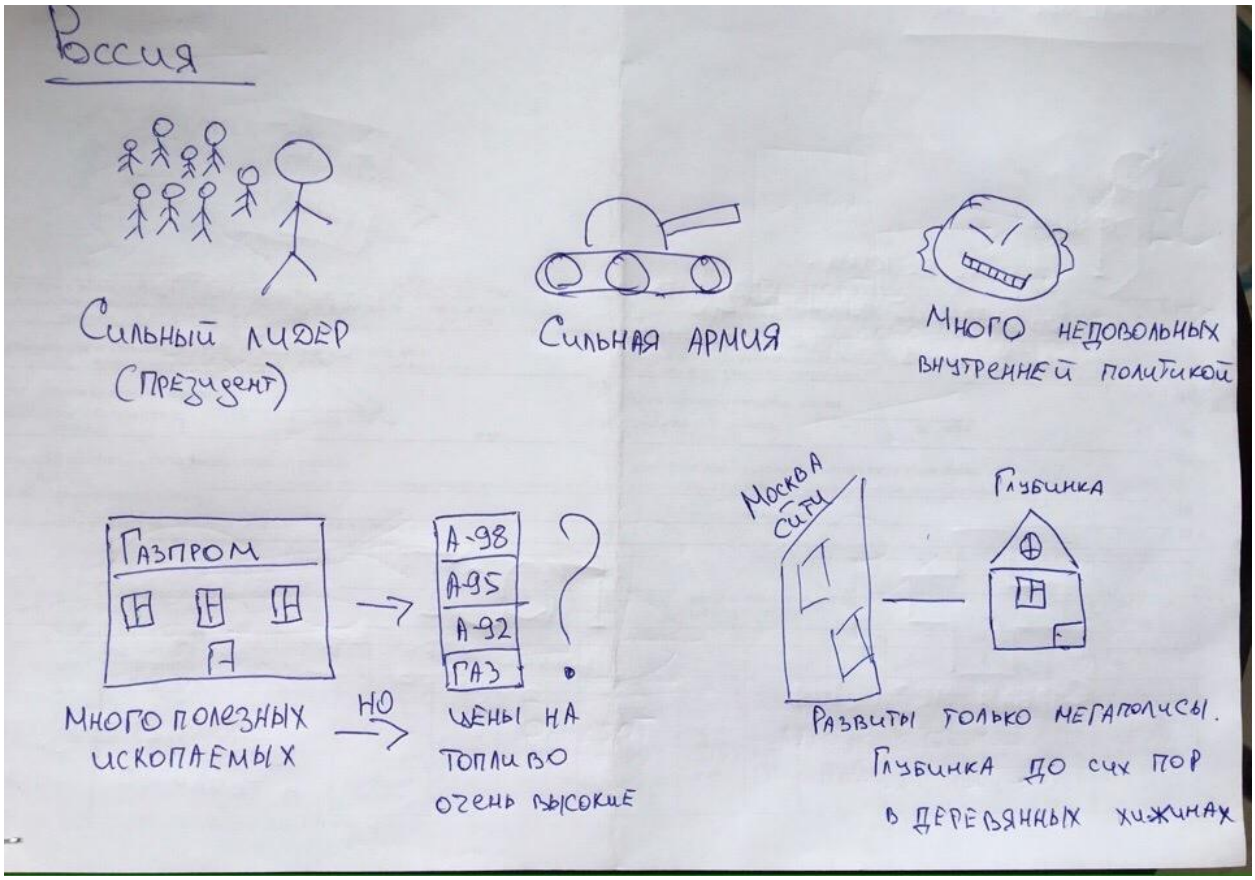

Россия
Сильный лидер
(Президент)
Сильная армия
Много недовольных
внутренней политикой
Газпром
А-98
А-95
А-92
ГАЗ
Много полезных
ископаемых
НО
Цены на
топливо
очень высокие
Москва
сити
Глубинка
Развиты только мегаполисы.
Глубинка до сих пор
в деревянных хижинах

Рисунок 61.

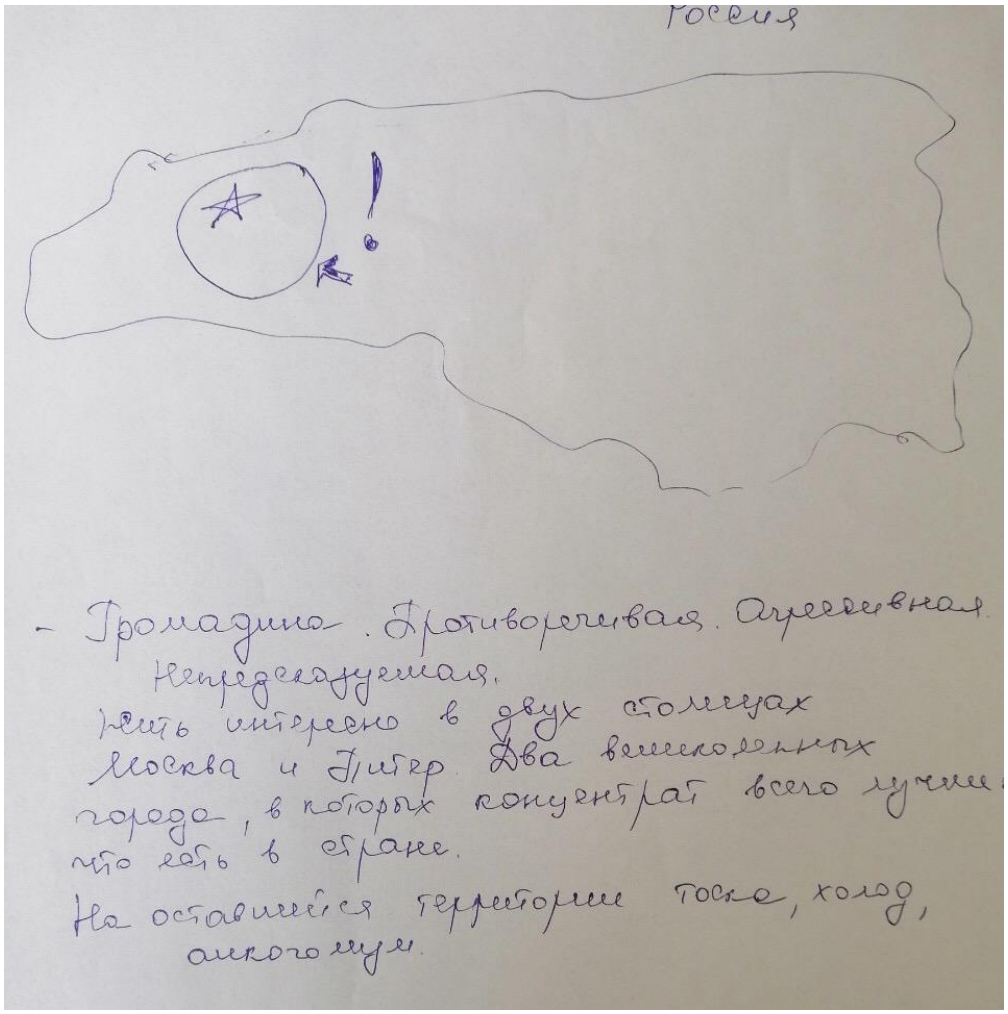

Рисунок 62.

Рисунок 63.

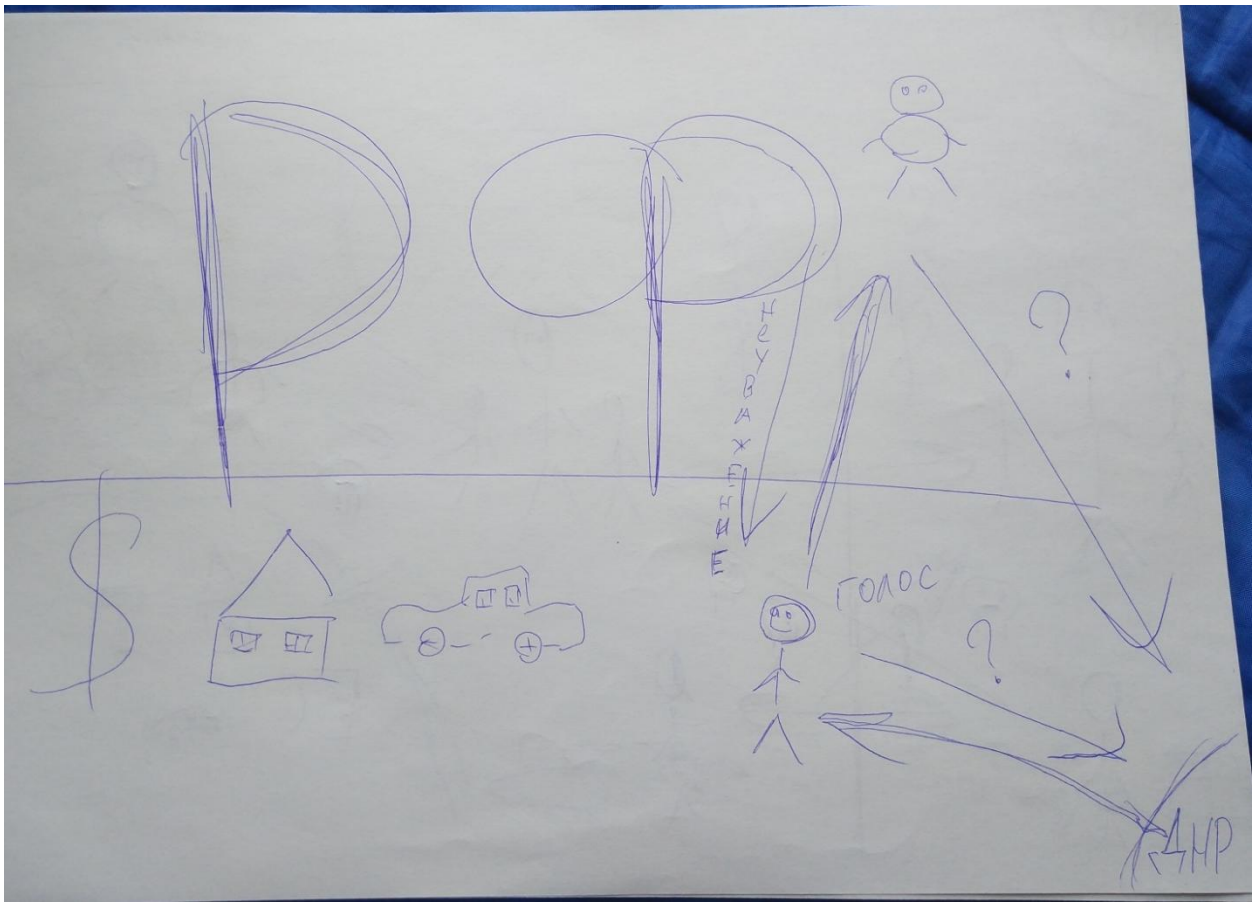

Рисунок 64.

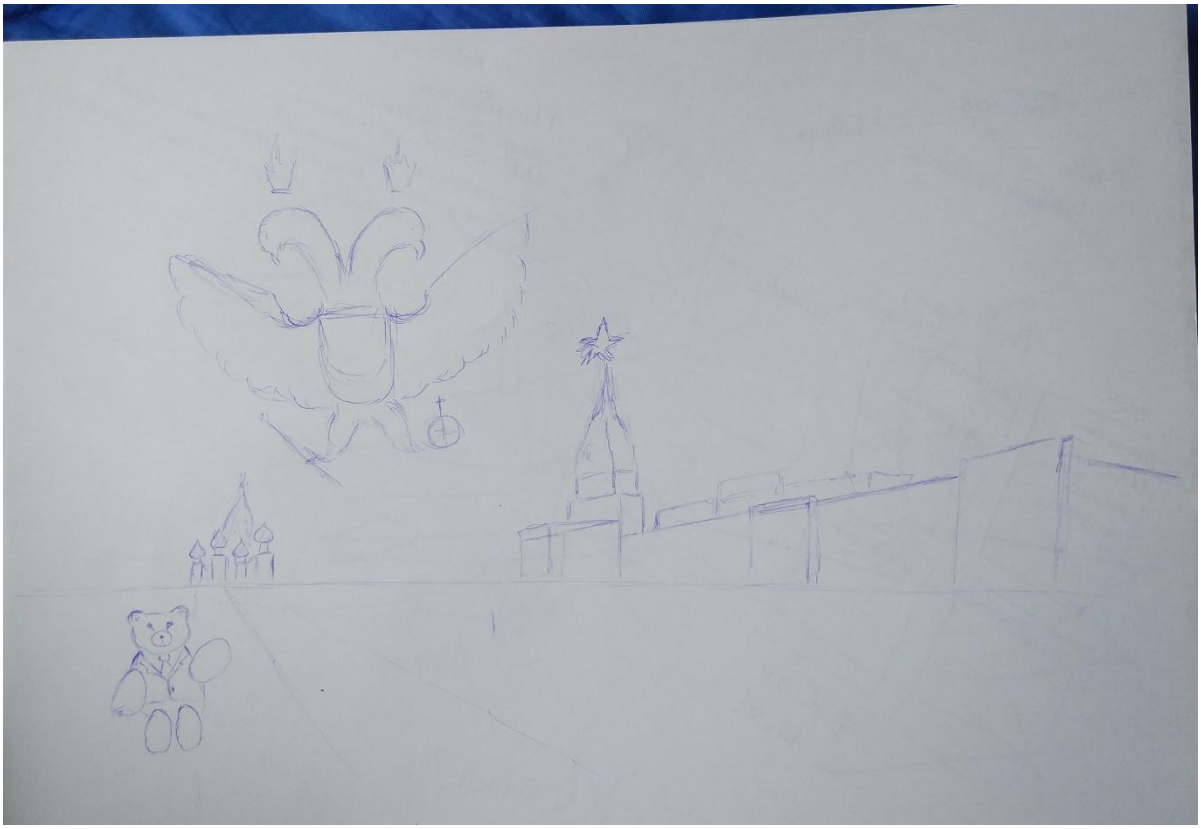

Рисунок 65.

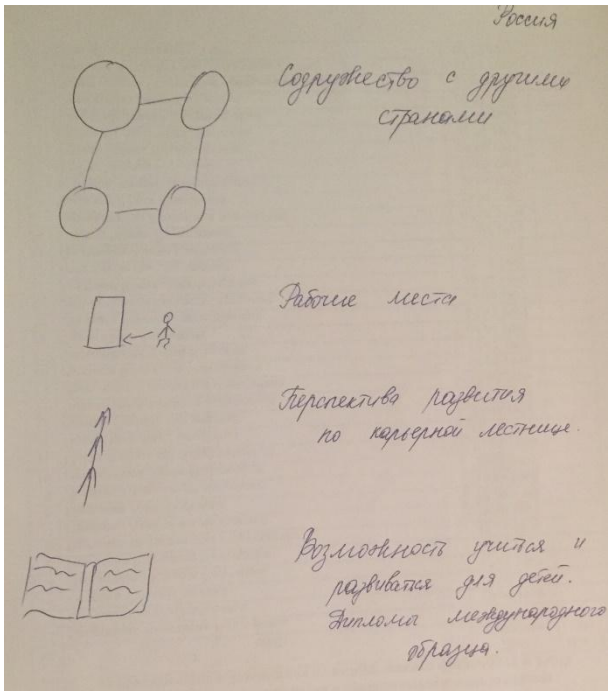

Россия
Содружество с другими странами
Рабочие места
Перспектива развития по карьерной лестнице.
Возможность учиться и развиваться для детей.
Эталон международного образца.

Рисунок 66.

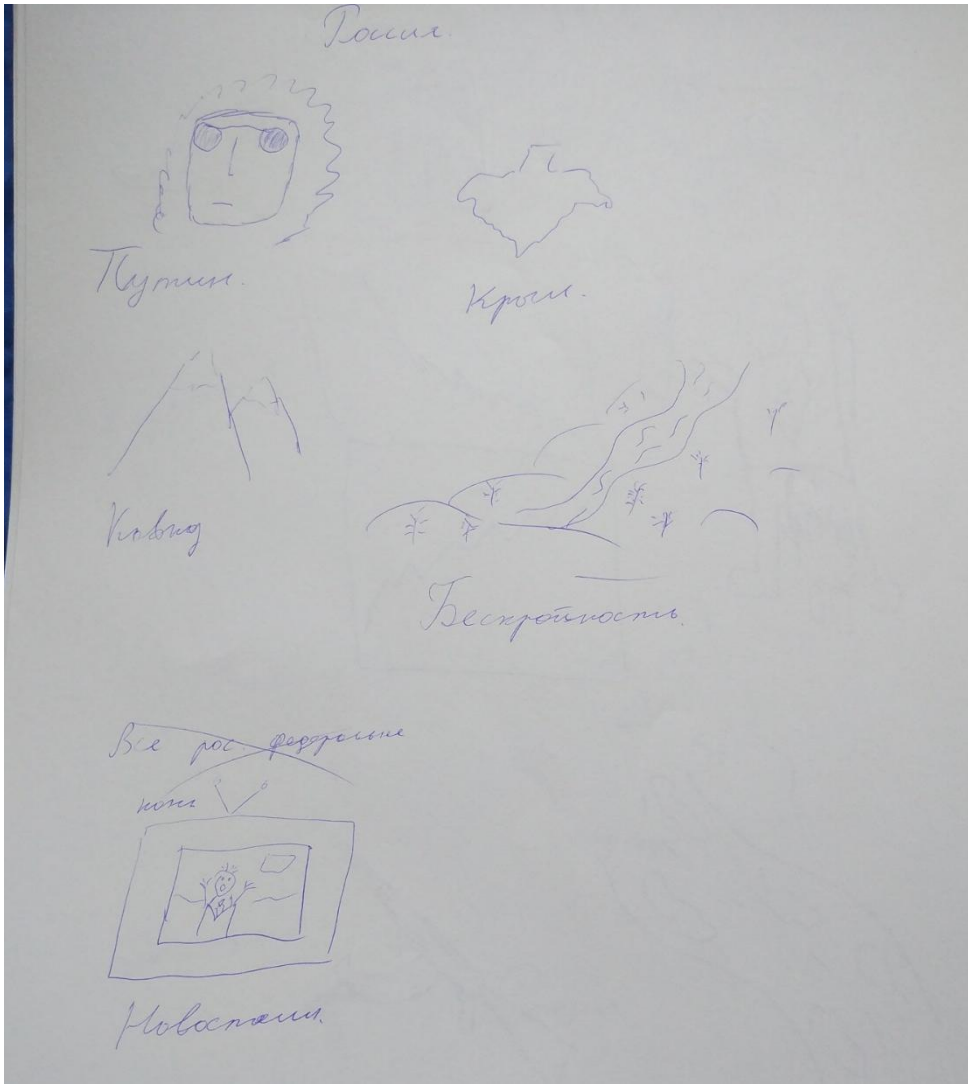

Россия.
Путин.
Крым.
Кавказ
Бескрайность.
Все рос
Новости.

Рисунок 67.

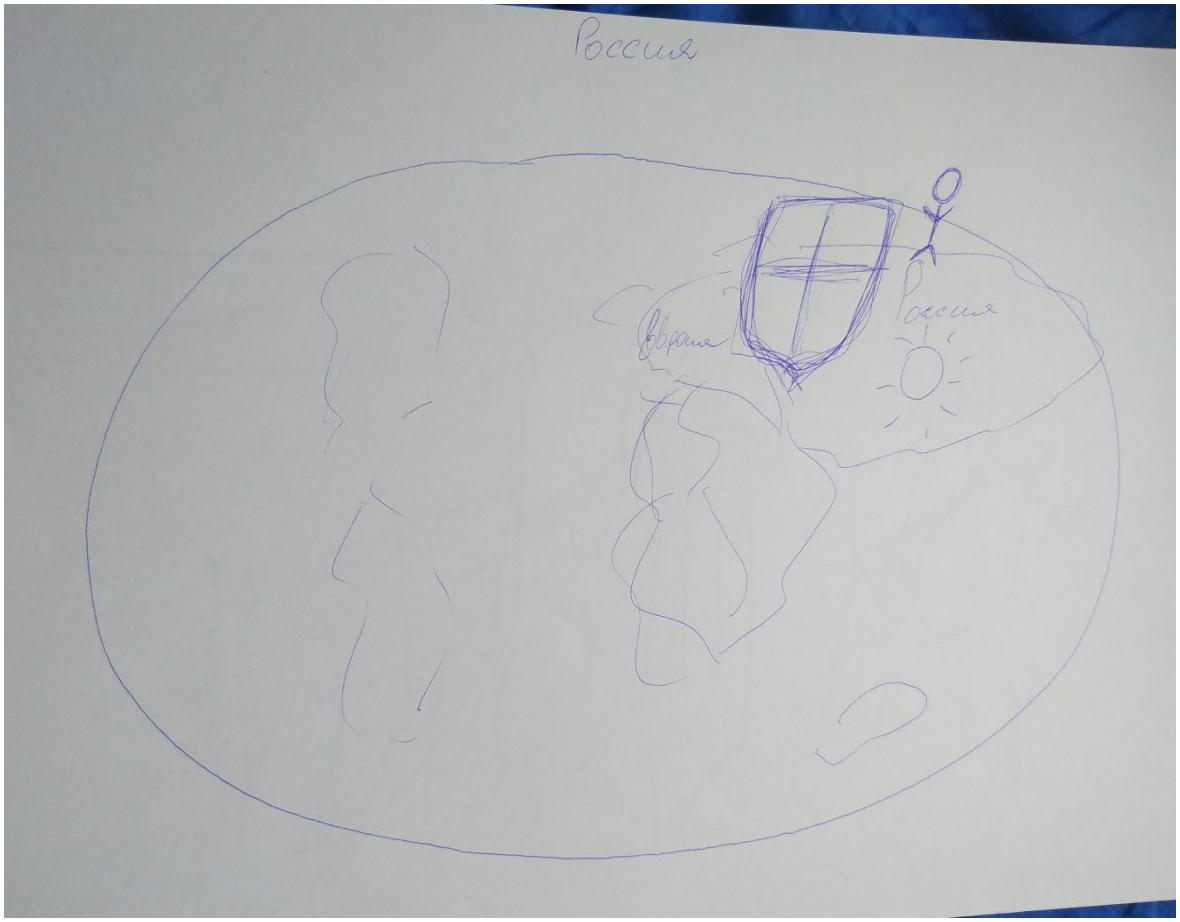

Рисунок 68.

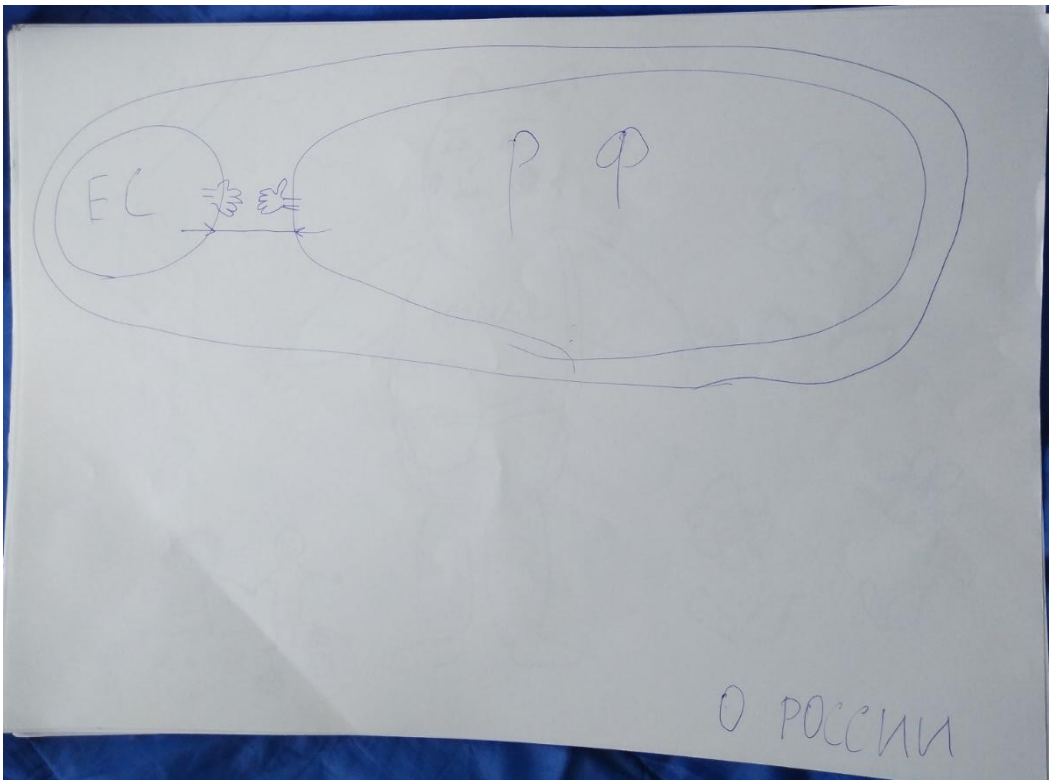

ЕС
РФ
О РОССИИ

Рисунок 69.

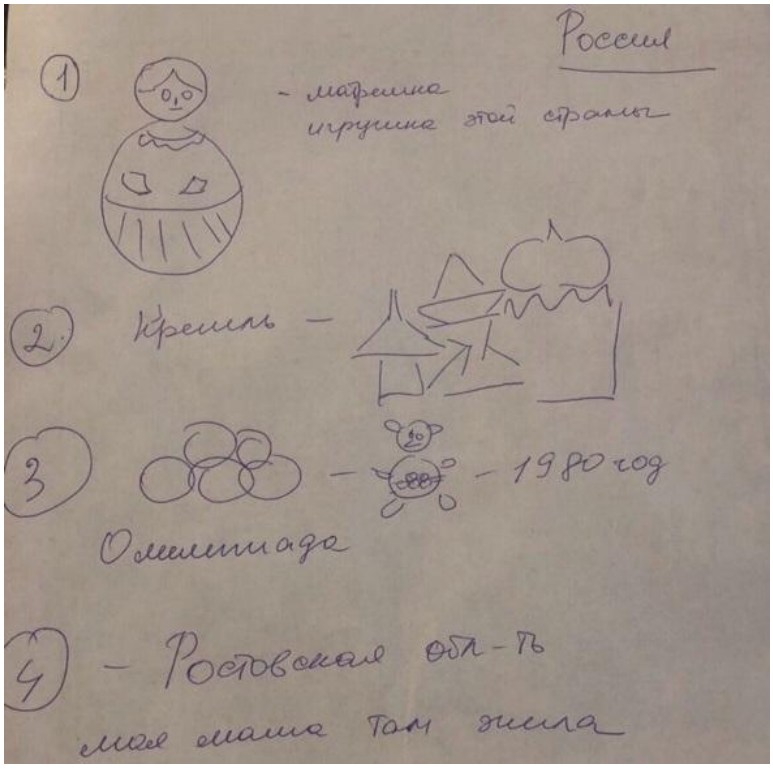

Россия
1
- матрешка
игрушка этой страны
2.
Кремль -
3
- 1980 год
Олимпиада
4
- Ростовская обл-ть
моя мама там жила

Рисунок 70.

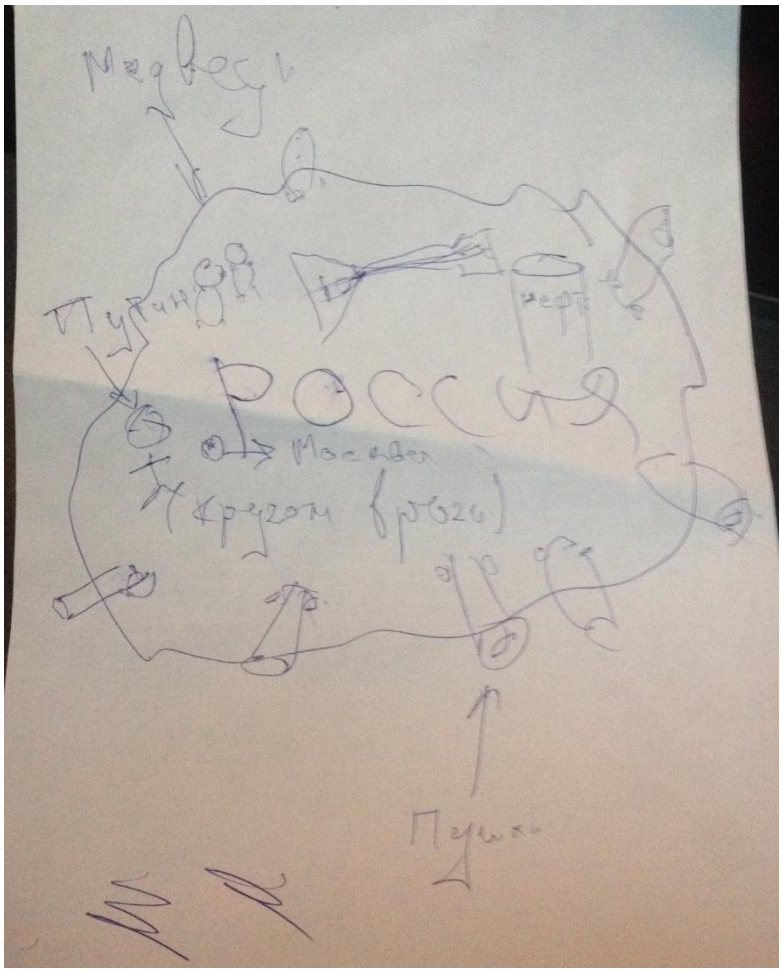

Рисунок 71.

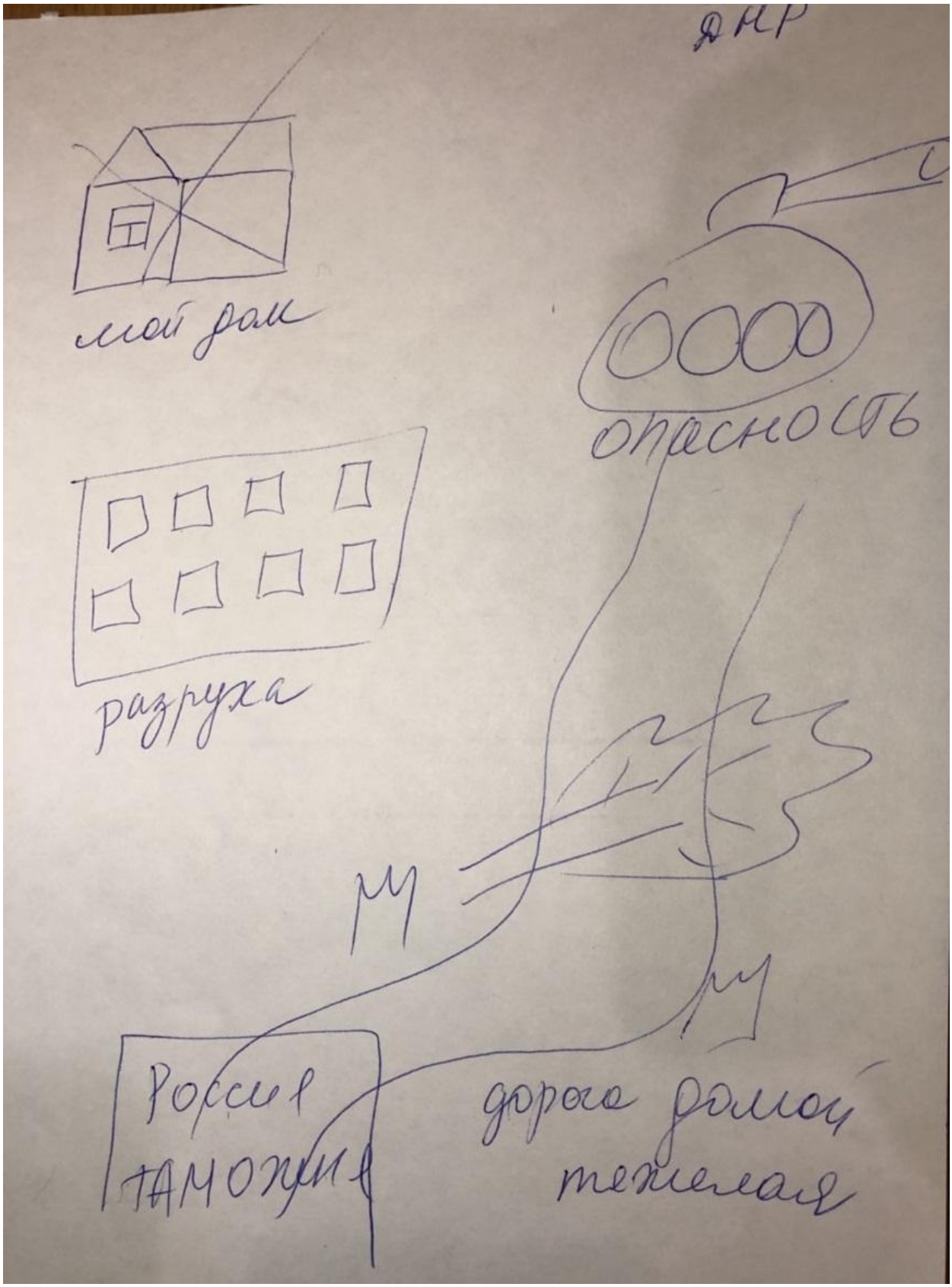

ДНР
мой дом
ООО
опасность
разруха
Россия
таможня
дорога домой
тяжелая

Рисунок 71а.

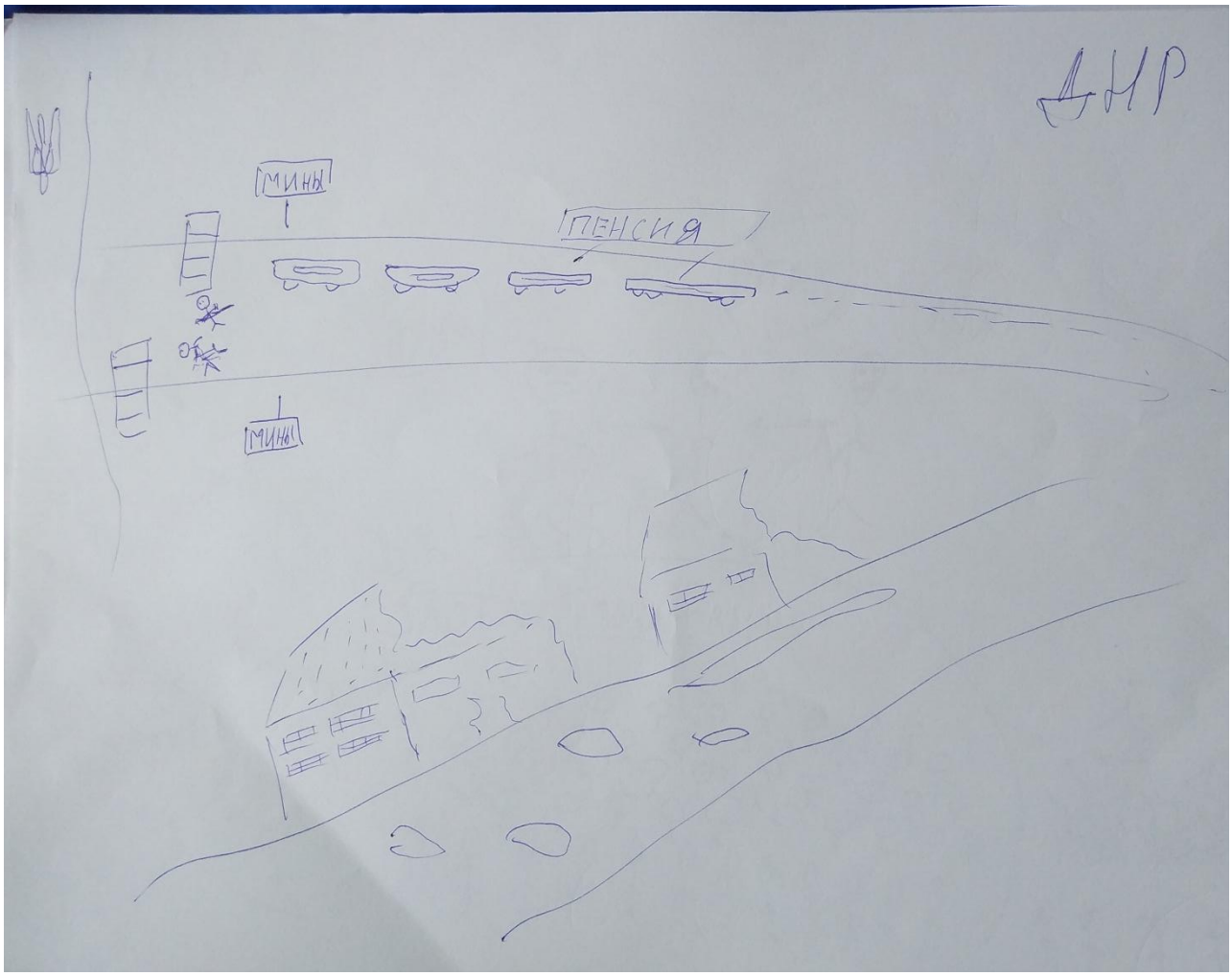

Рисунок 72.

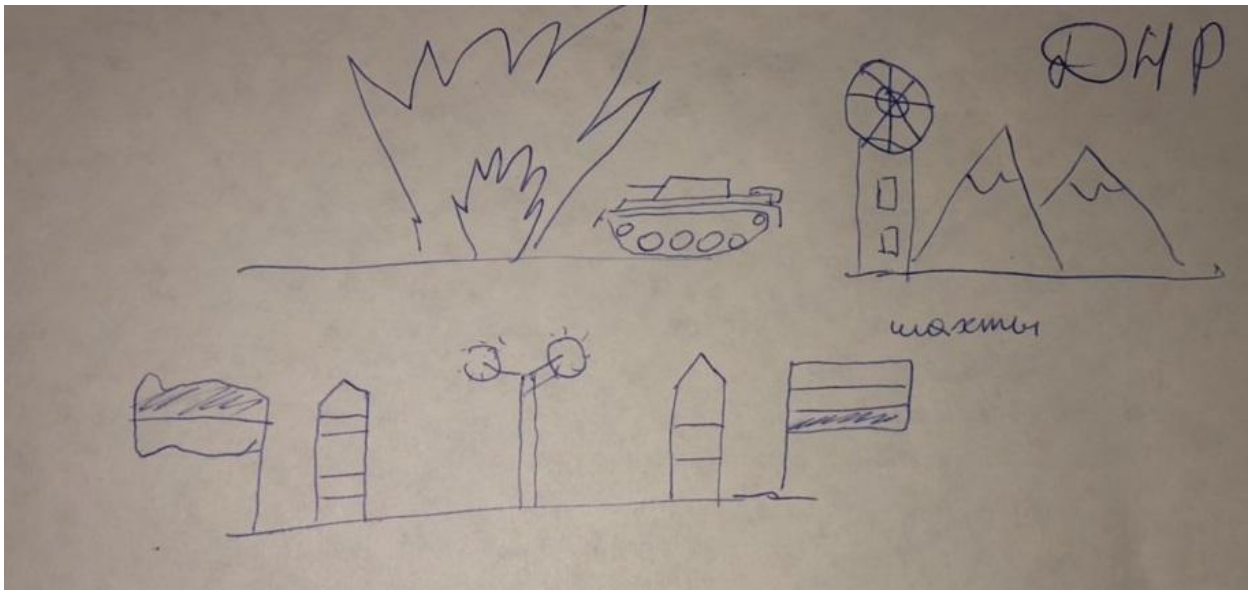

ДНР
шахты

Рисунок 72а.

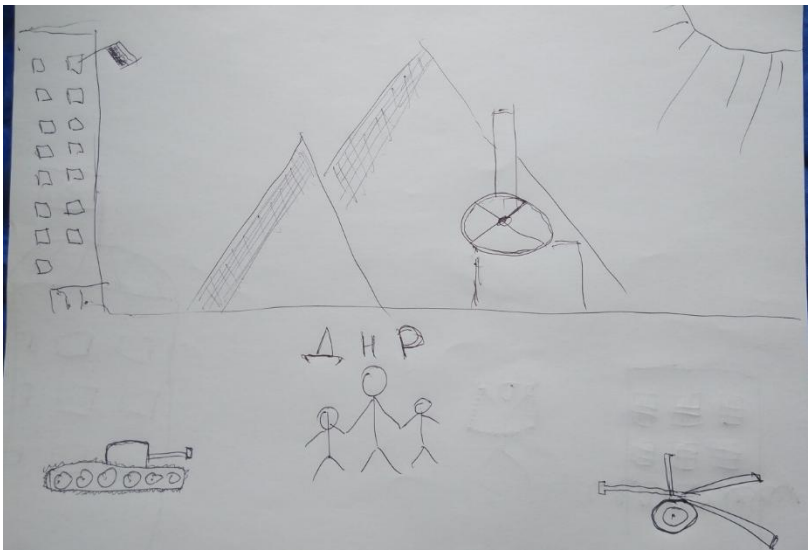

Рисунок 72б.

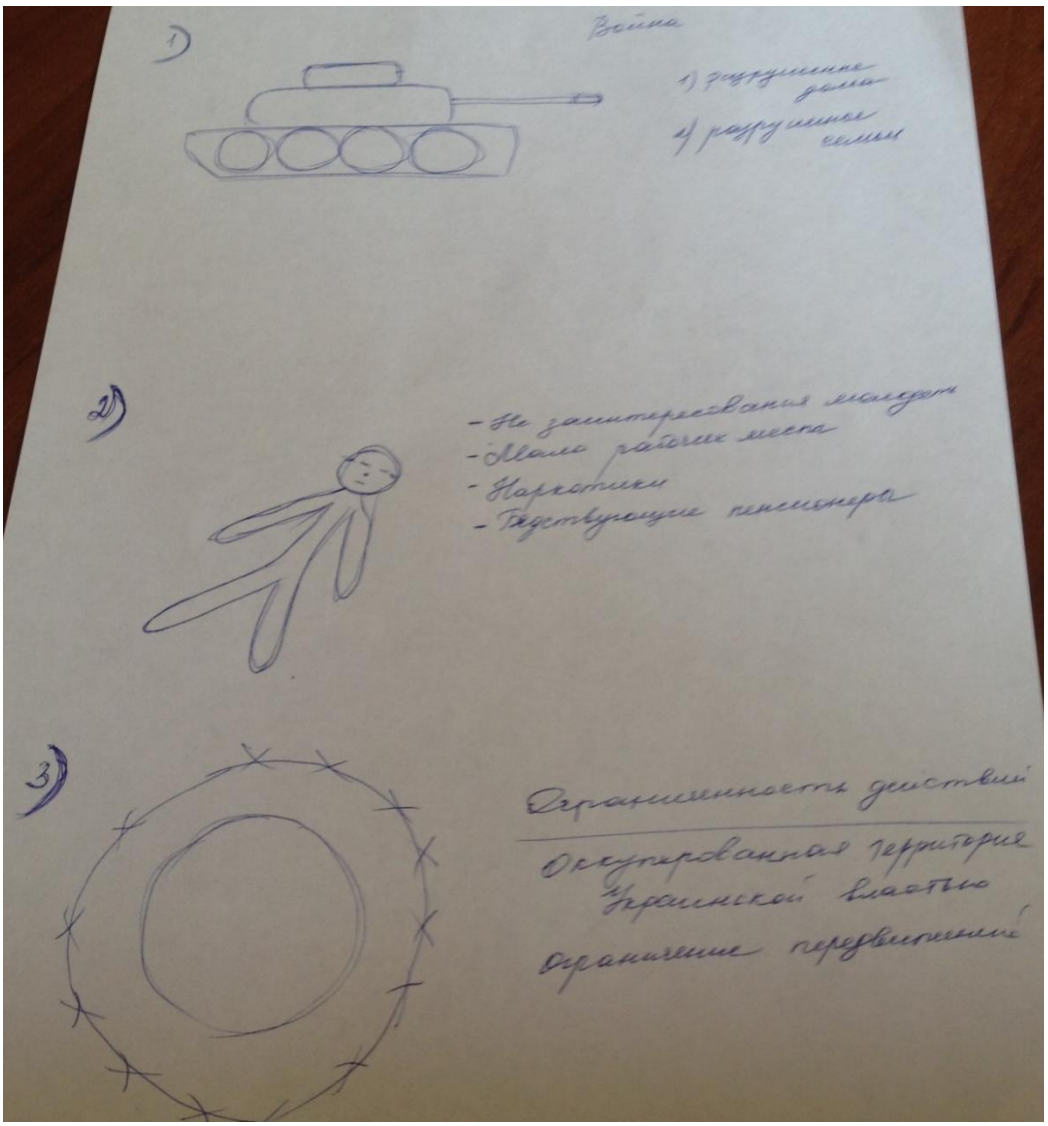

Рисунок 74.

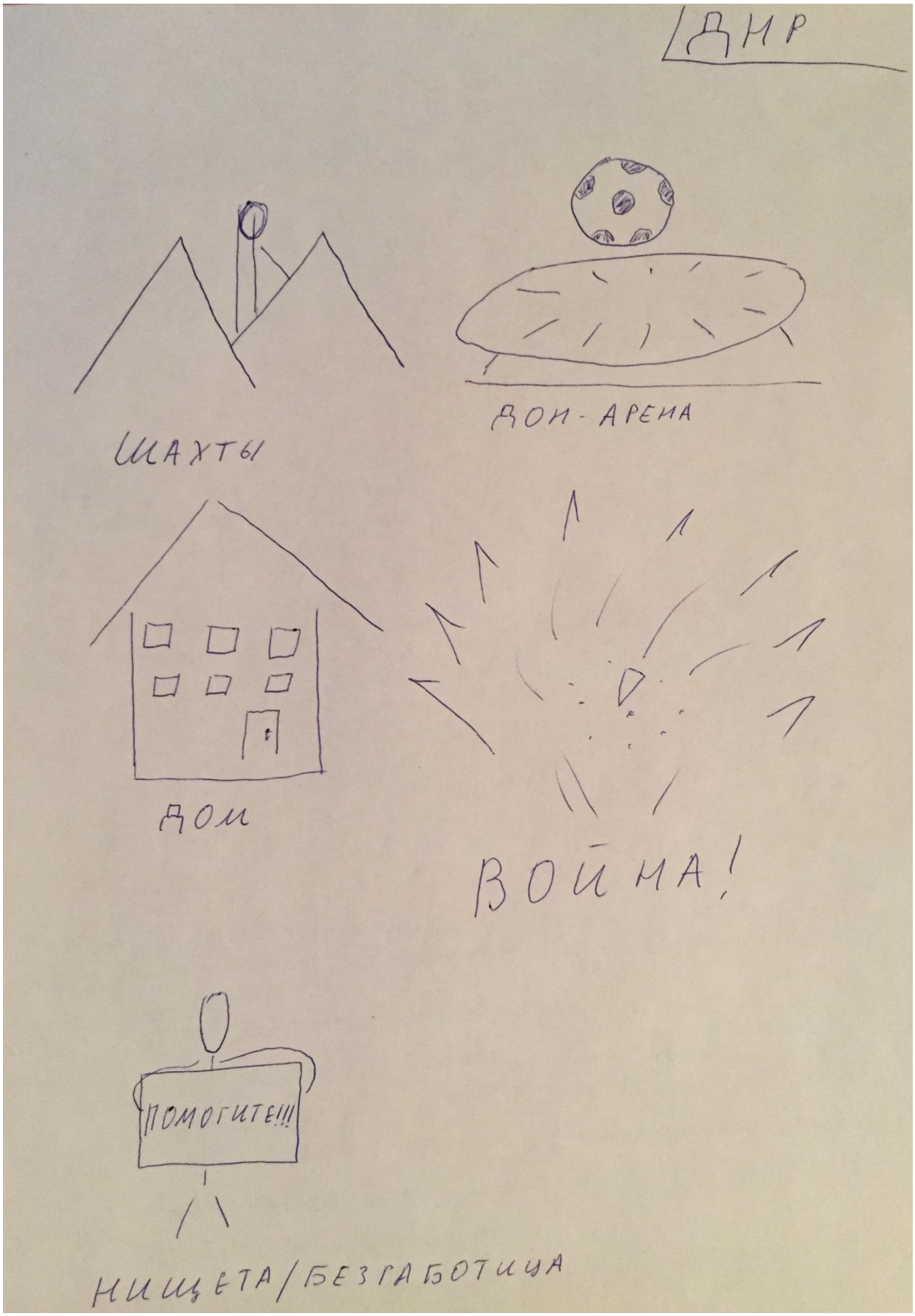

Рисунок 74а.

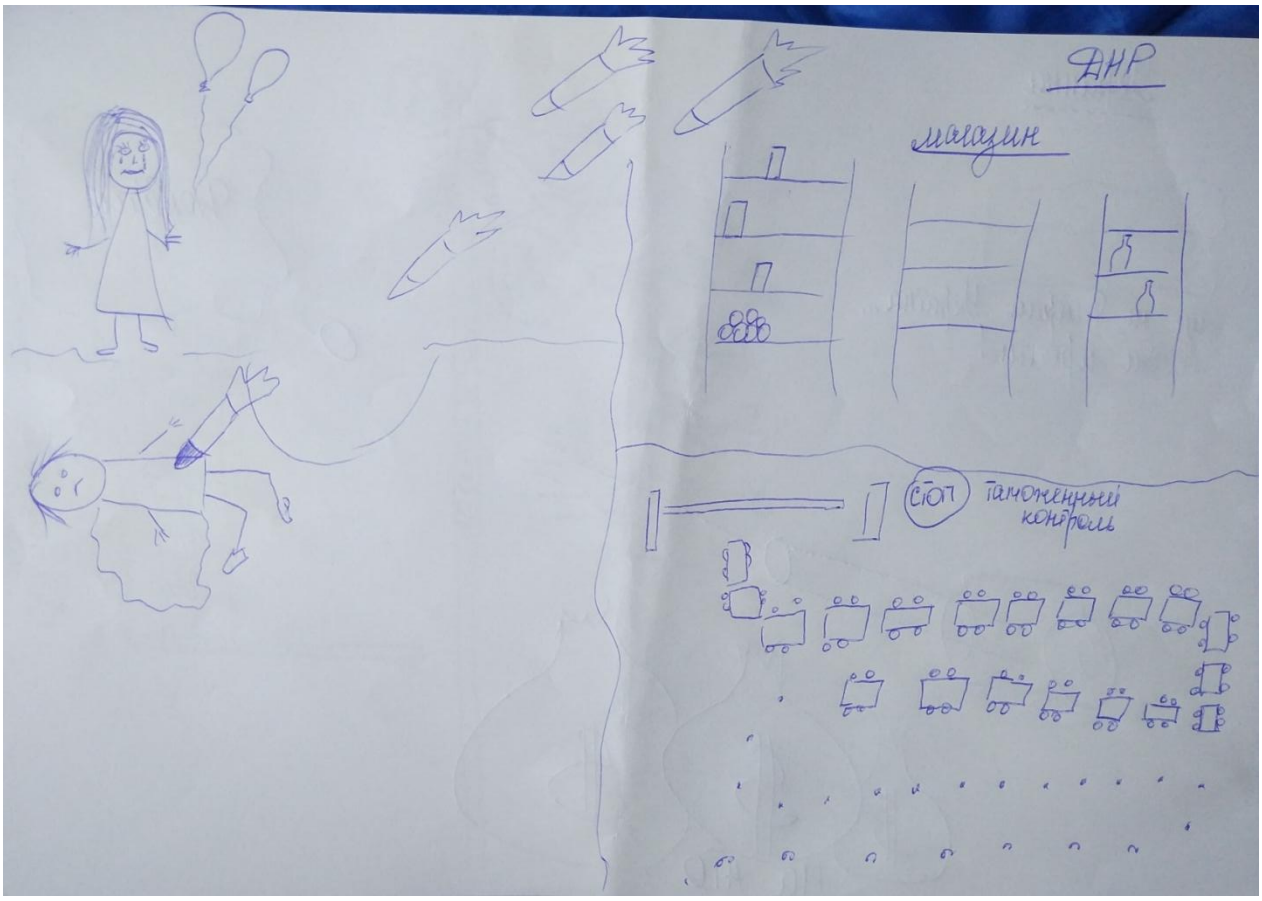

Рисунок 75.

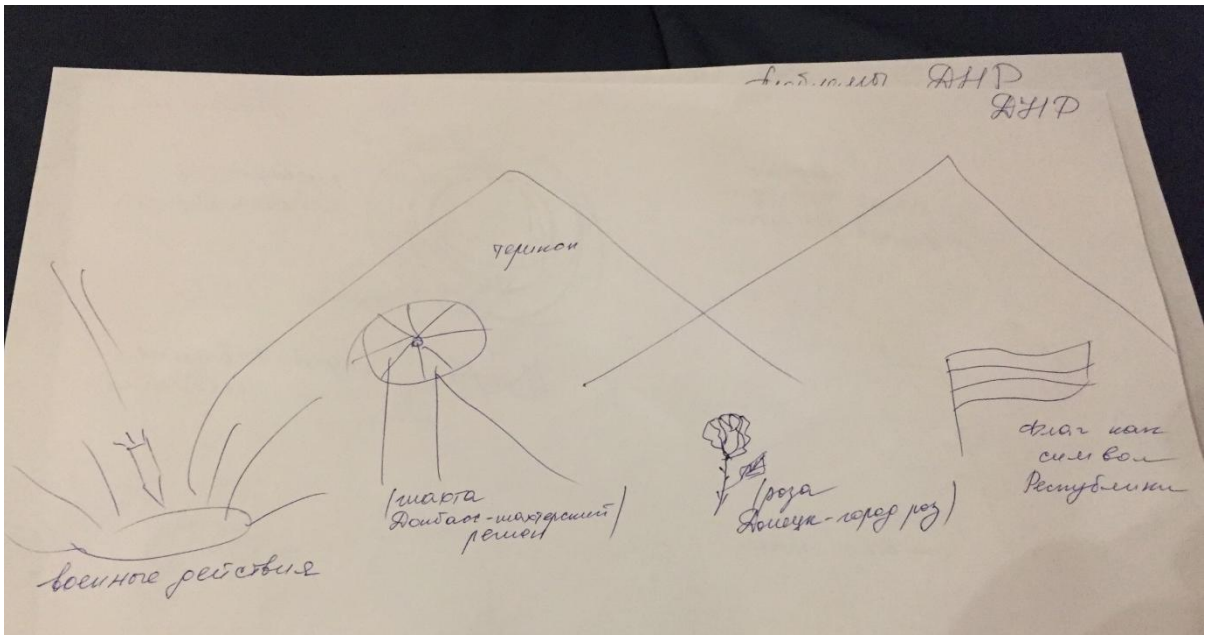

ДНР
ДНР
терикон
(шахта
Донбасс-шахтерский
регион)
(роза
Донецк-город роз)
флаг как
символ
Республики
военные действия

Рисунок 76.

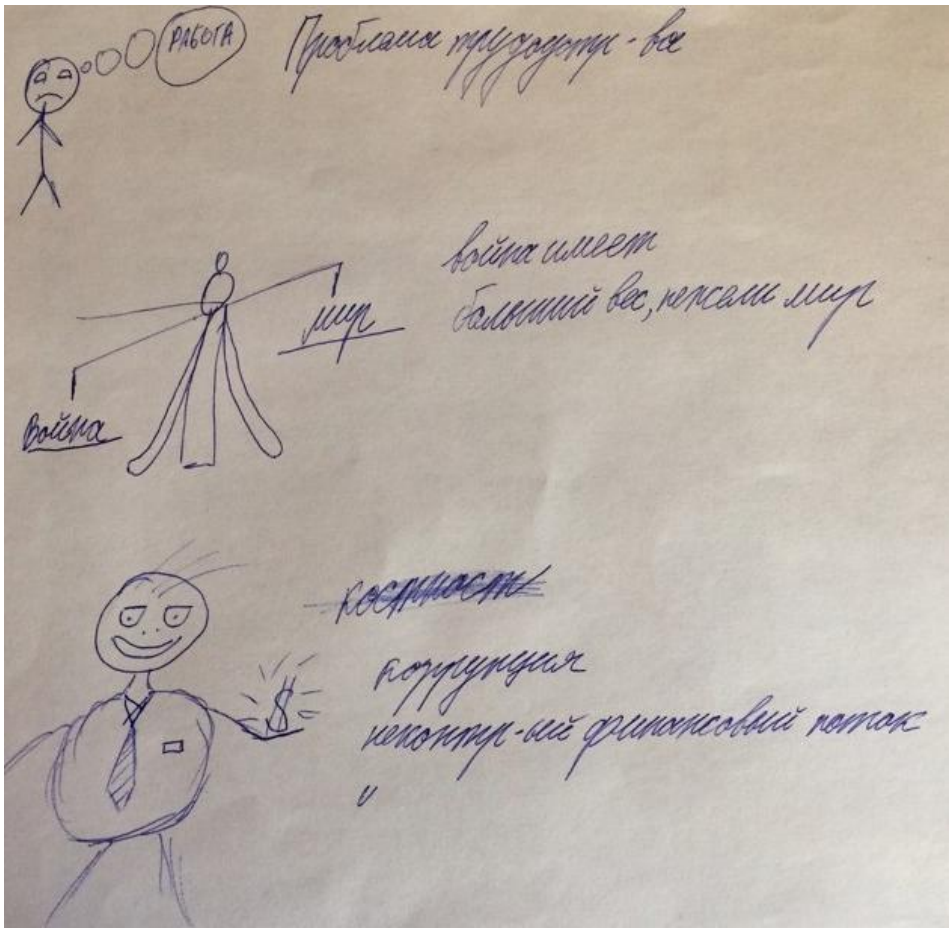

Рисунок 77.

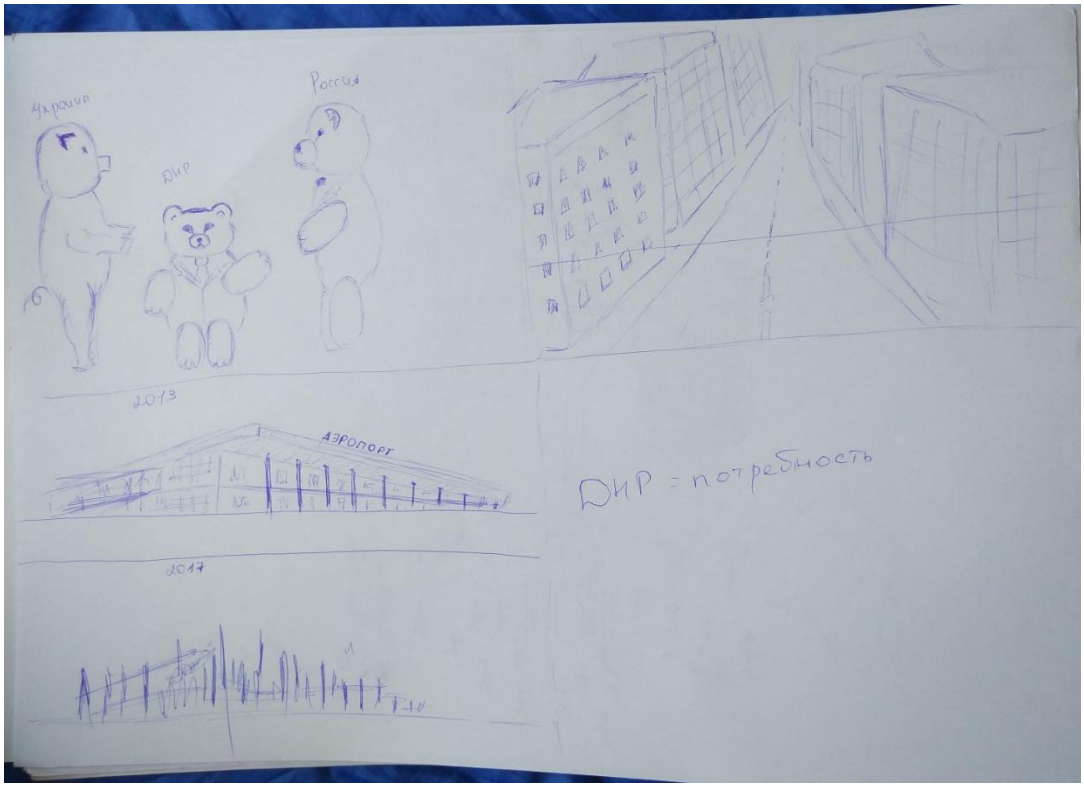

Рисунок 77а.

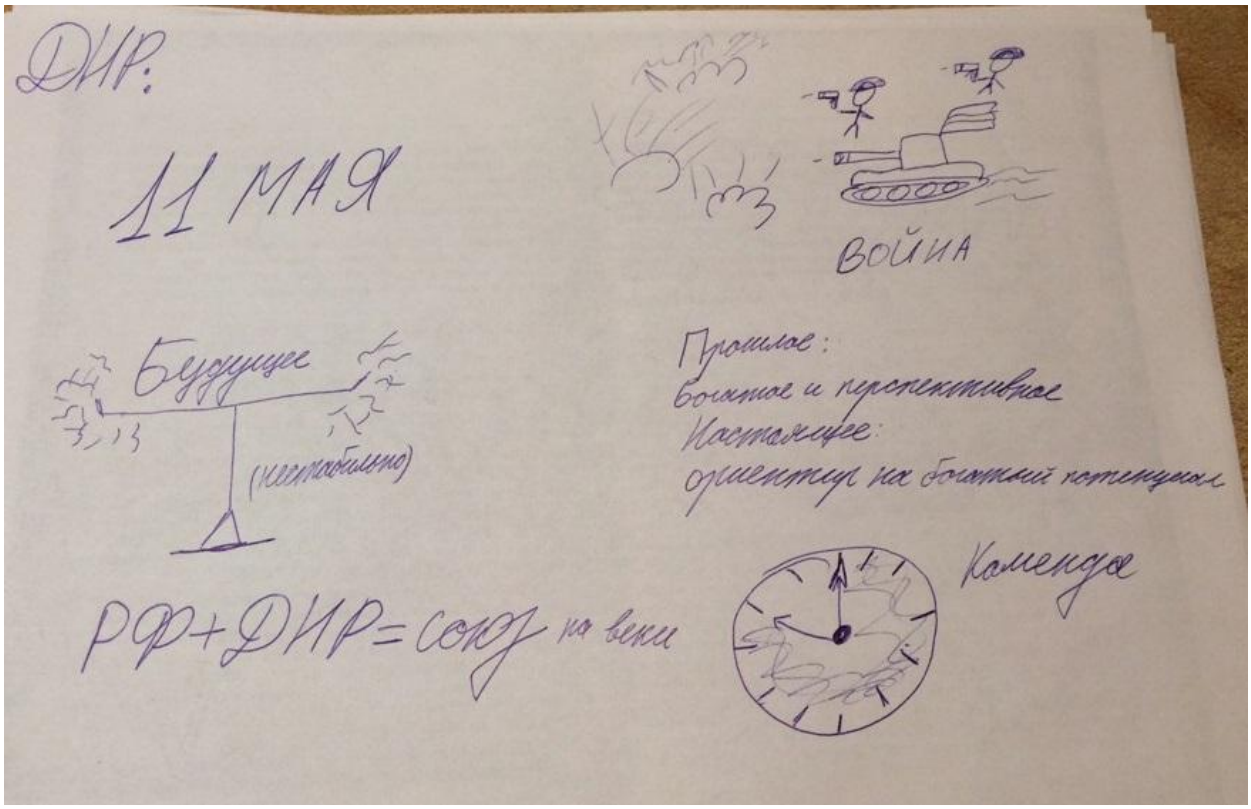

ДНР:
11 МАЯ
ВОЙНА
Будущее
(неизвестно)
Прошлое:
богатое и перспективное
Настоящее:
ориентир на богатый потенциал
РФ+ДНР=союз на веки
Команда

Рисунок 78.

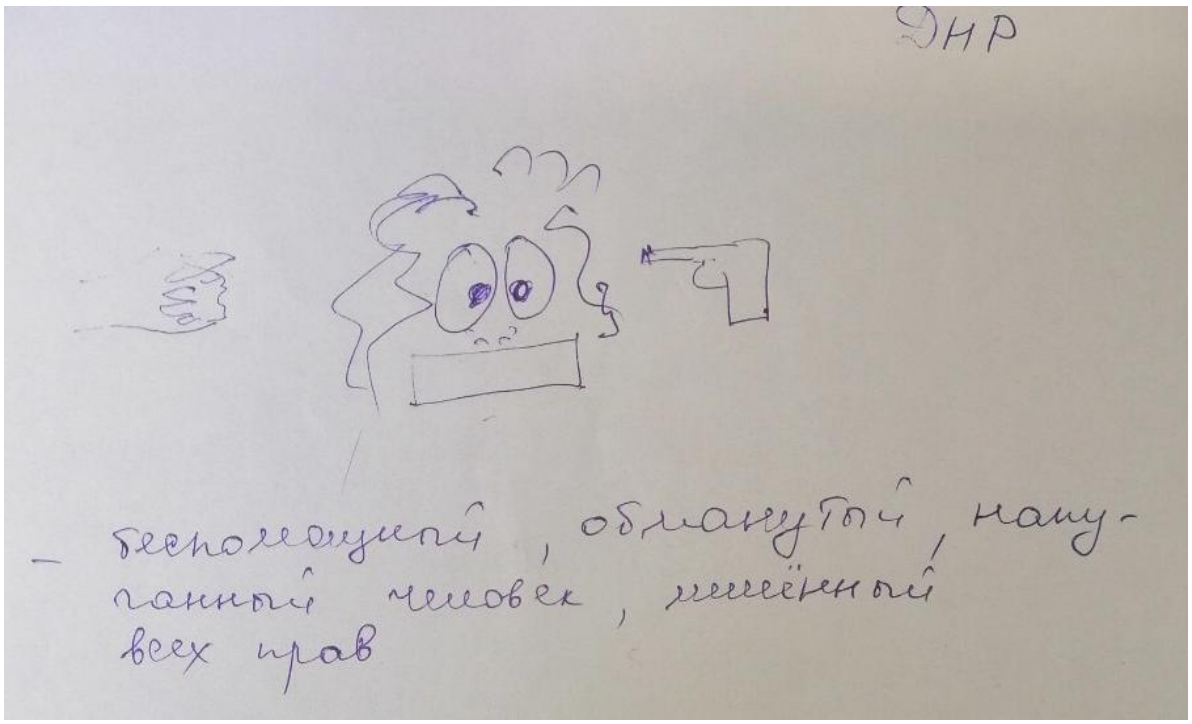

ЛНР
– беспомощный, обманутый, нищий человек, лишённый всех прав

Рисунок 79.

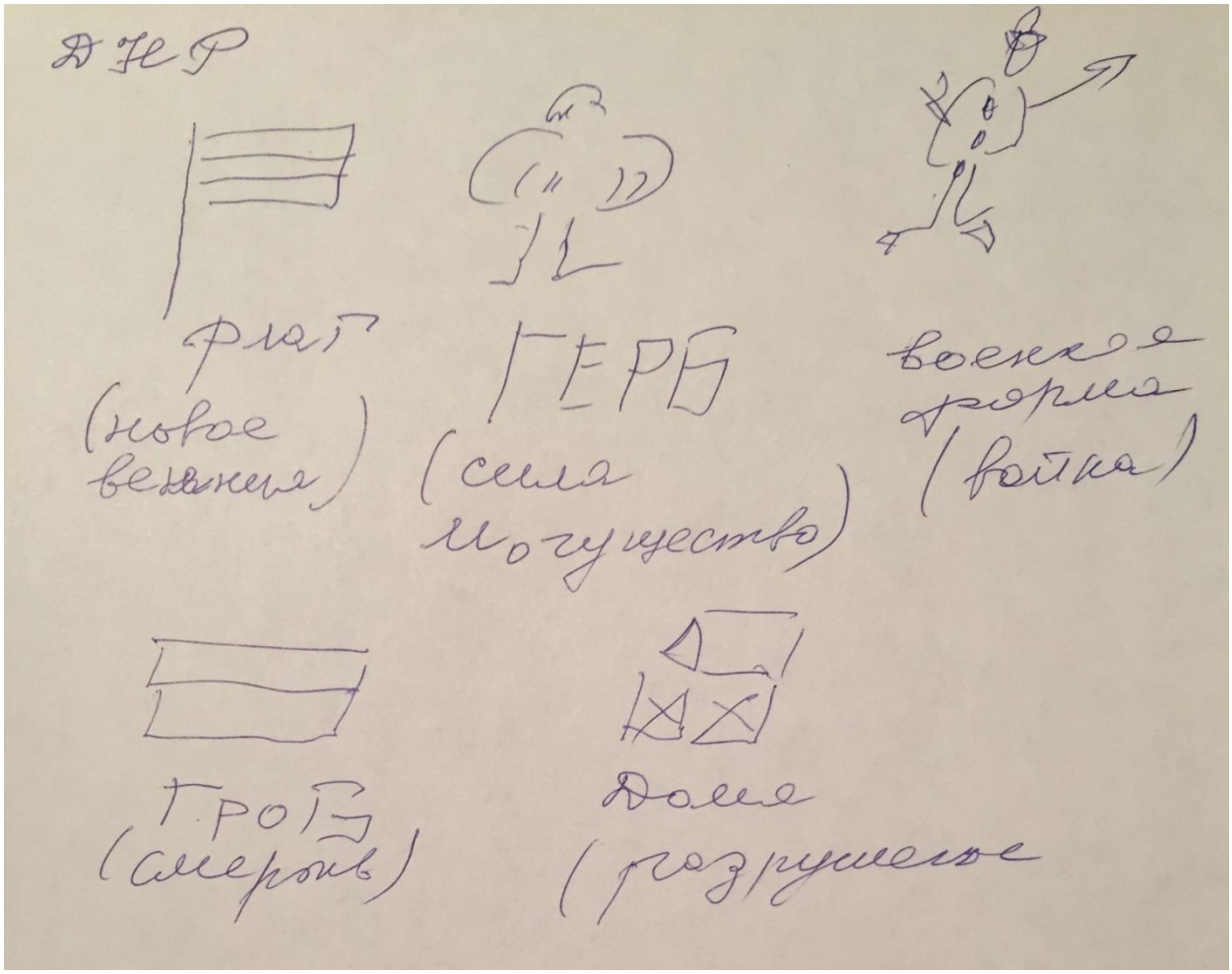

Рисунок 80.

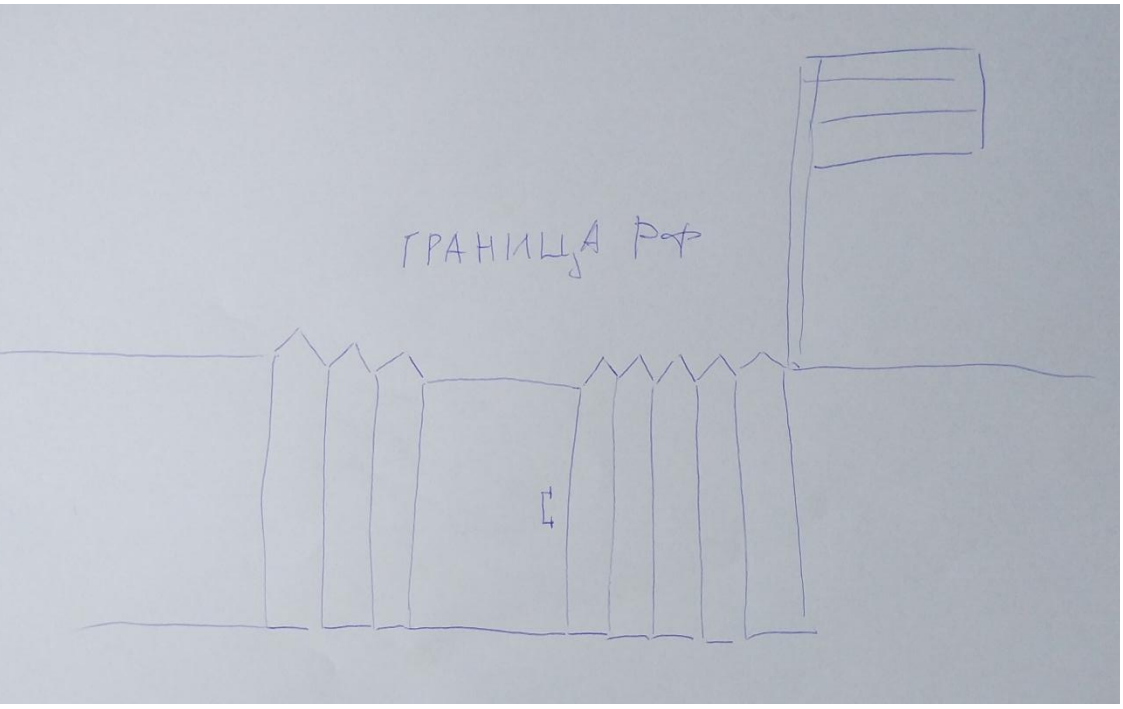

ГРАНИЦА РФ

Рисунок 80а.

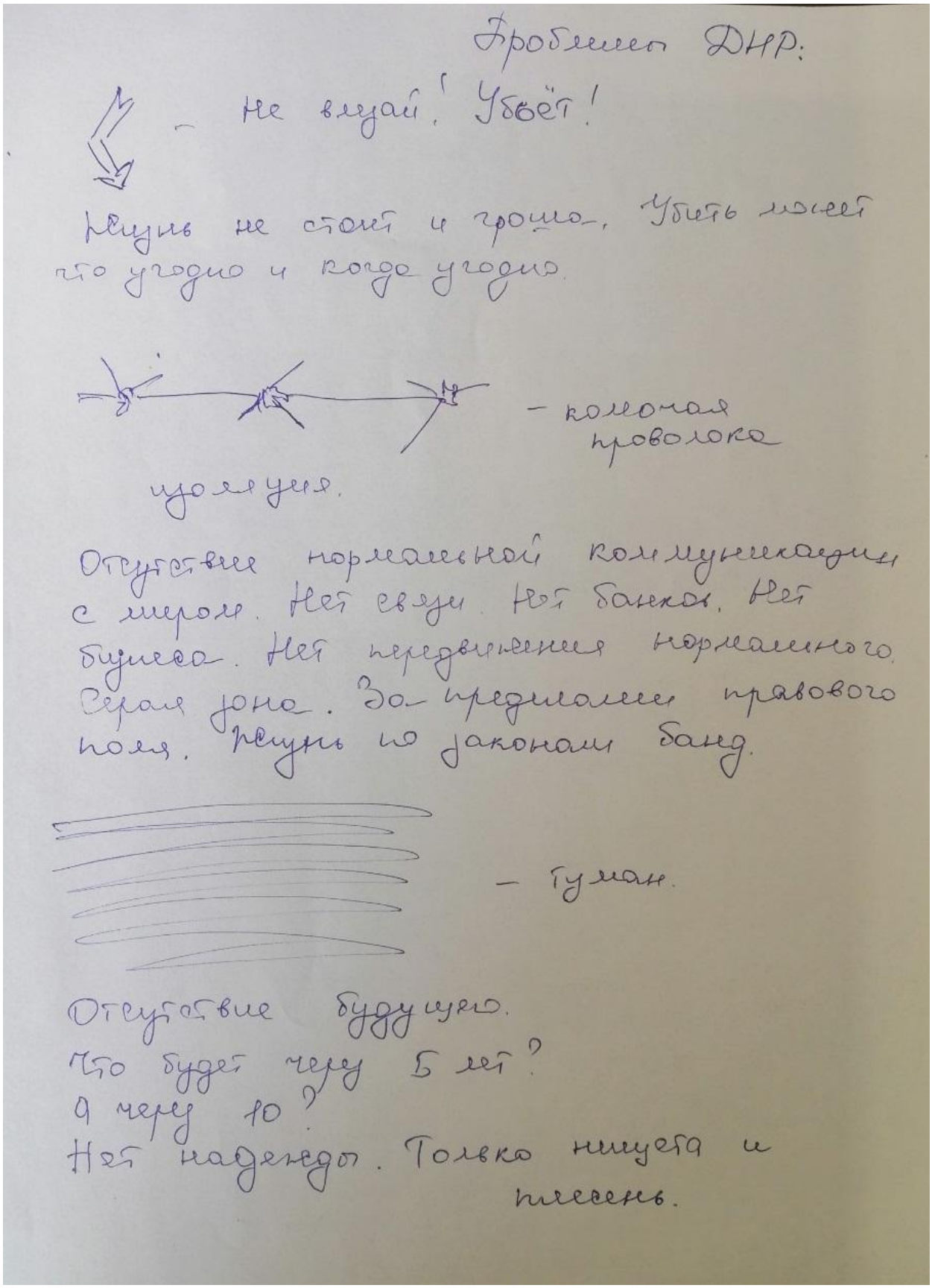

Дробинет ДНР.
- не видай! Убьёт!
Жизнь не стоит и гроша. Убить может что угодно и когда угодно.
- колючая проволока
изоляция.
Отсутствие нормальной коммуникации с миром. Нет связи. Нет банков. Нет бизнеса. Нет передвижения нормального. Серая зона. За пределами правового поля. Живут по законам банд.
- туман.
Отсутствие будущего.
Что будет через 5 лет?
А через 10?
Нет надежд. Только нищета и плесень.

Рисунок 80б.

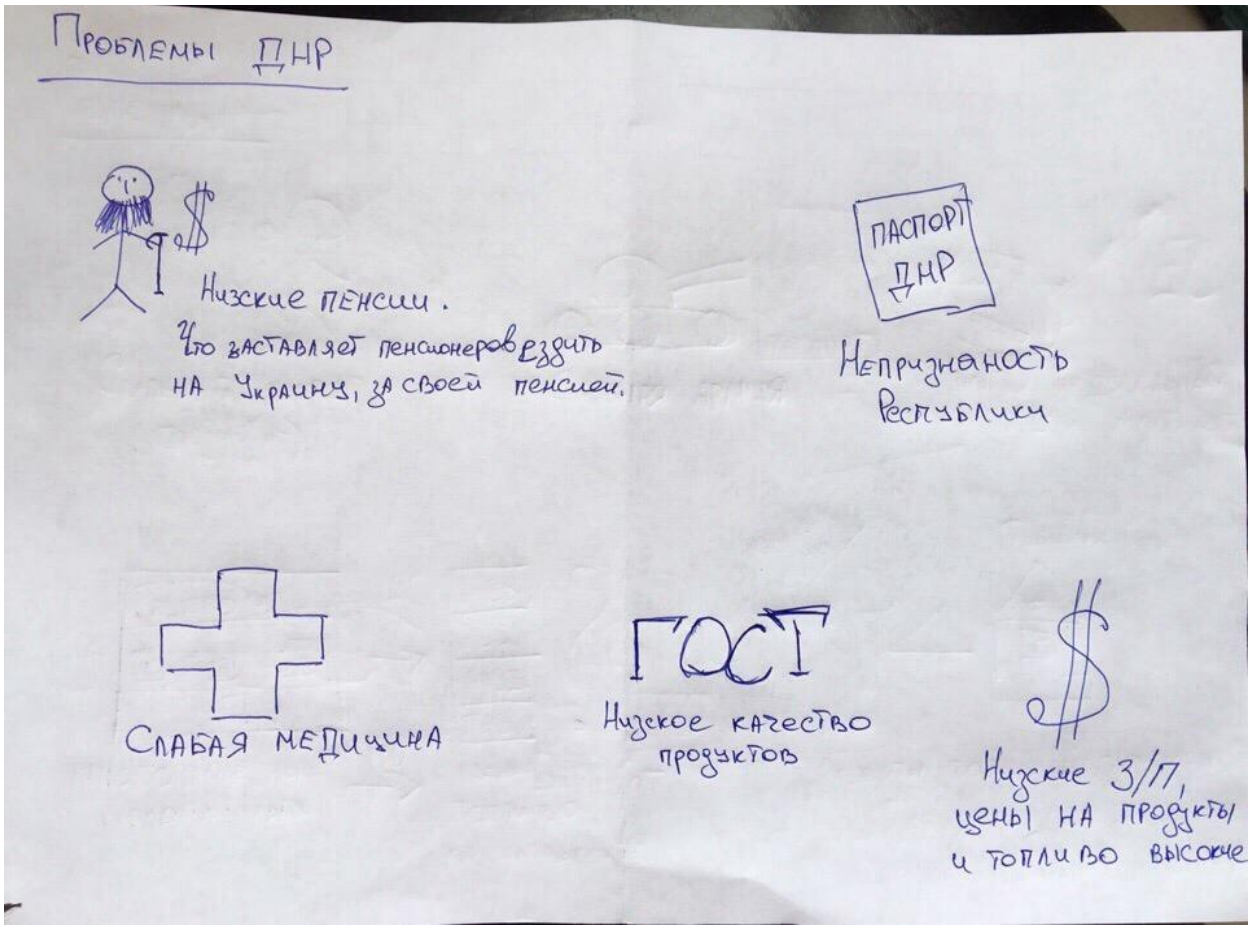

Рисунок 81.

Рисунок 82.

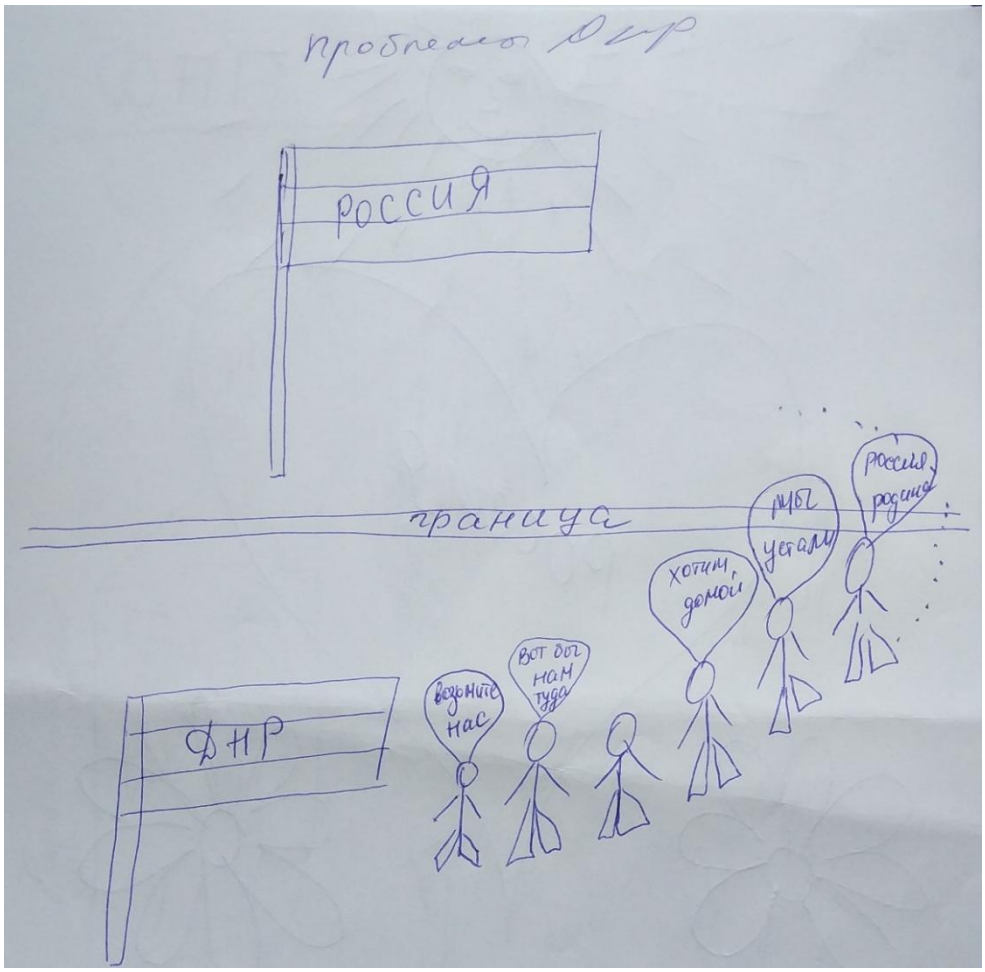

Рисунок 83.

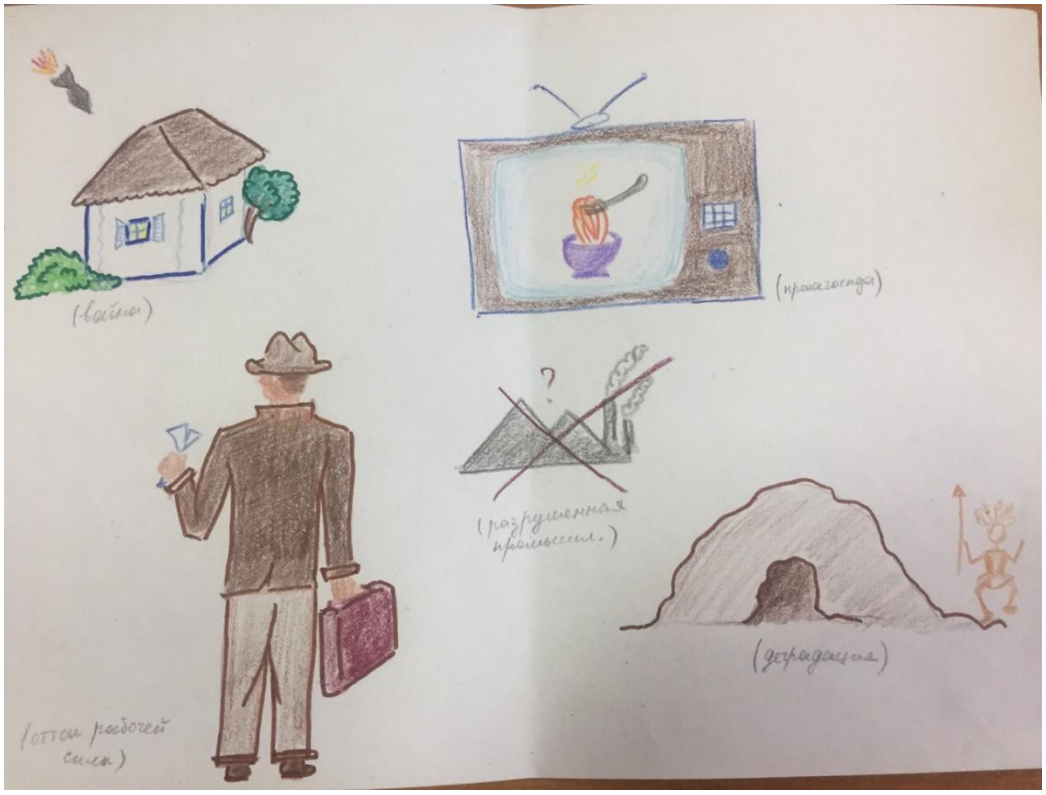

Рисунок 84.

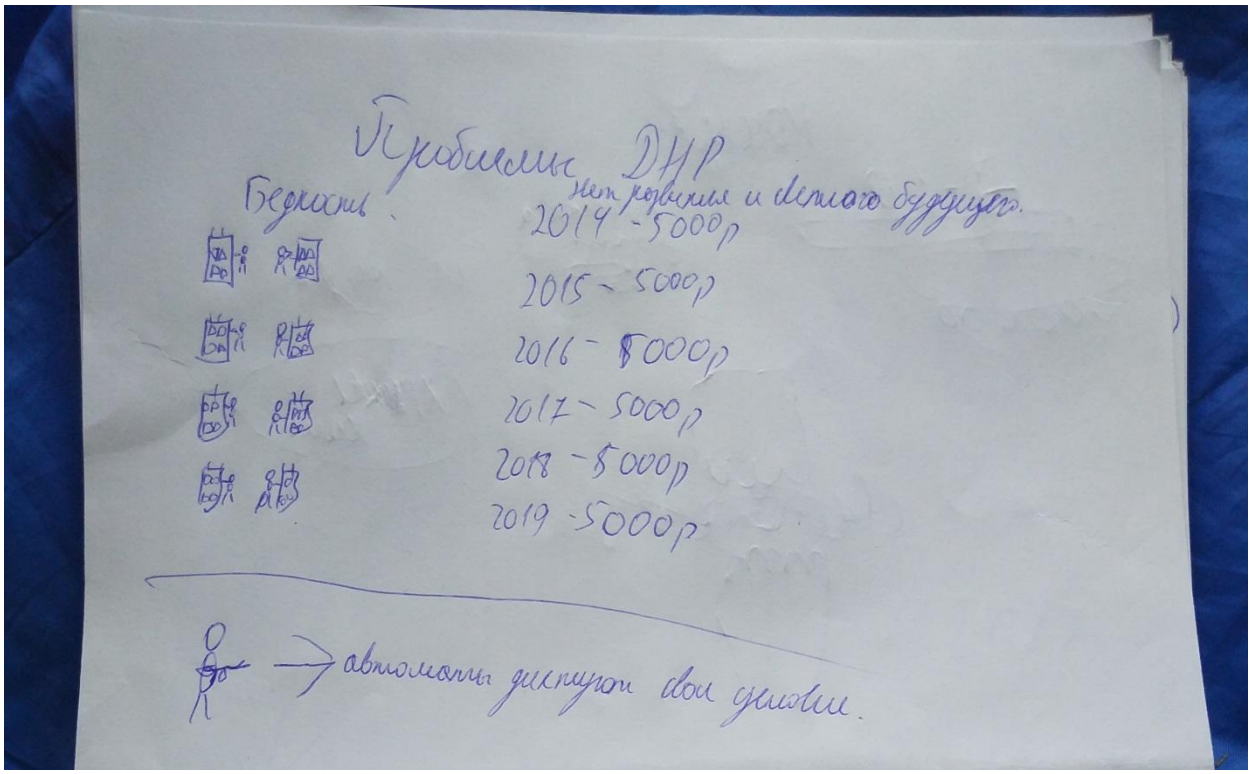

Проблемы ДНР
нет уверенности и светлого будущего.
Бедность.
2014 - 5000р
2015 - 5000р
2016 - 5000р
2017 - 5000р
2018 - 5000р
2019 - 5000р
→ автоматы диктуют свои условия.

Рисунок 84а.

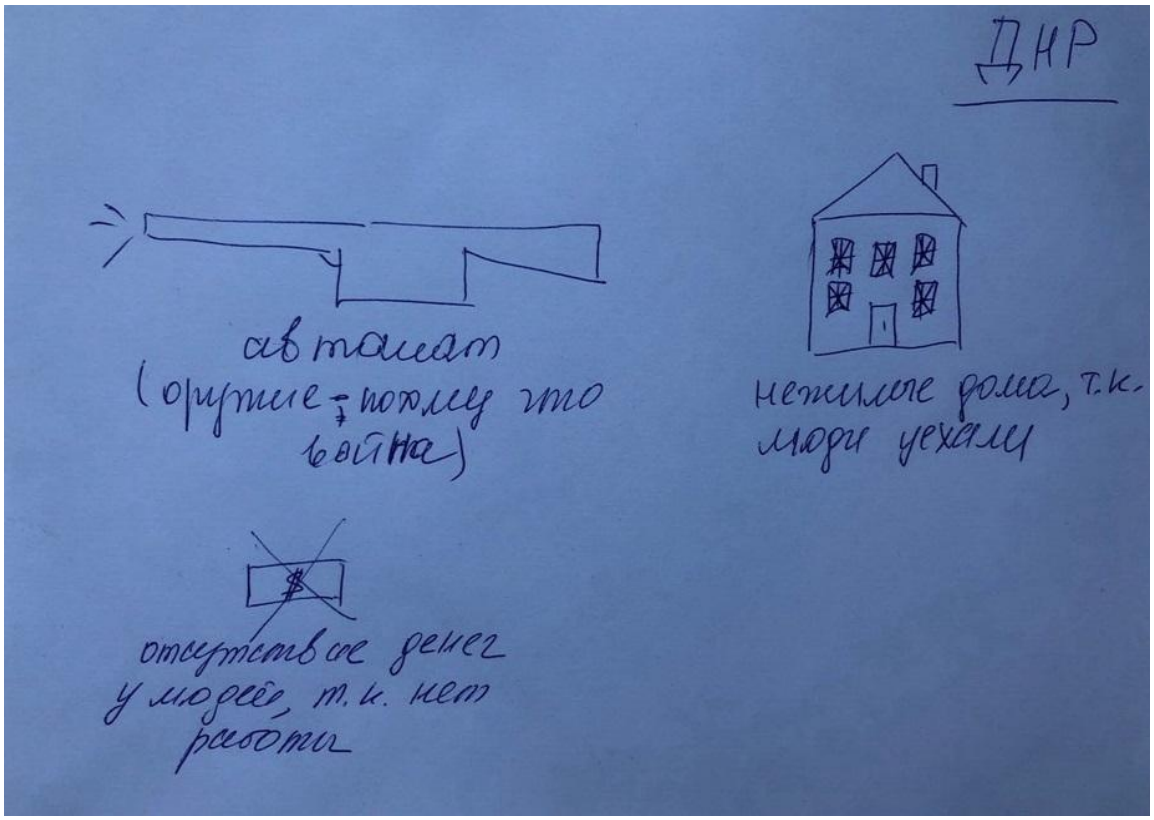

ДНР
автомат
(оружие - потому что война)
нежилые дома, т.к. люди уехали
отсутствие денег у людей, т.к. нет работы

Рисунок 84б.

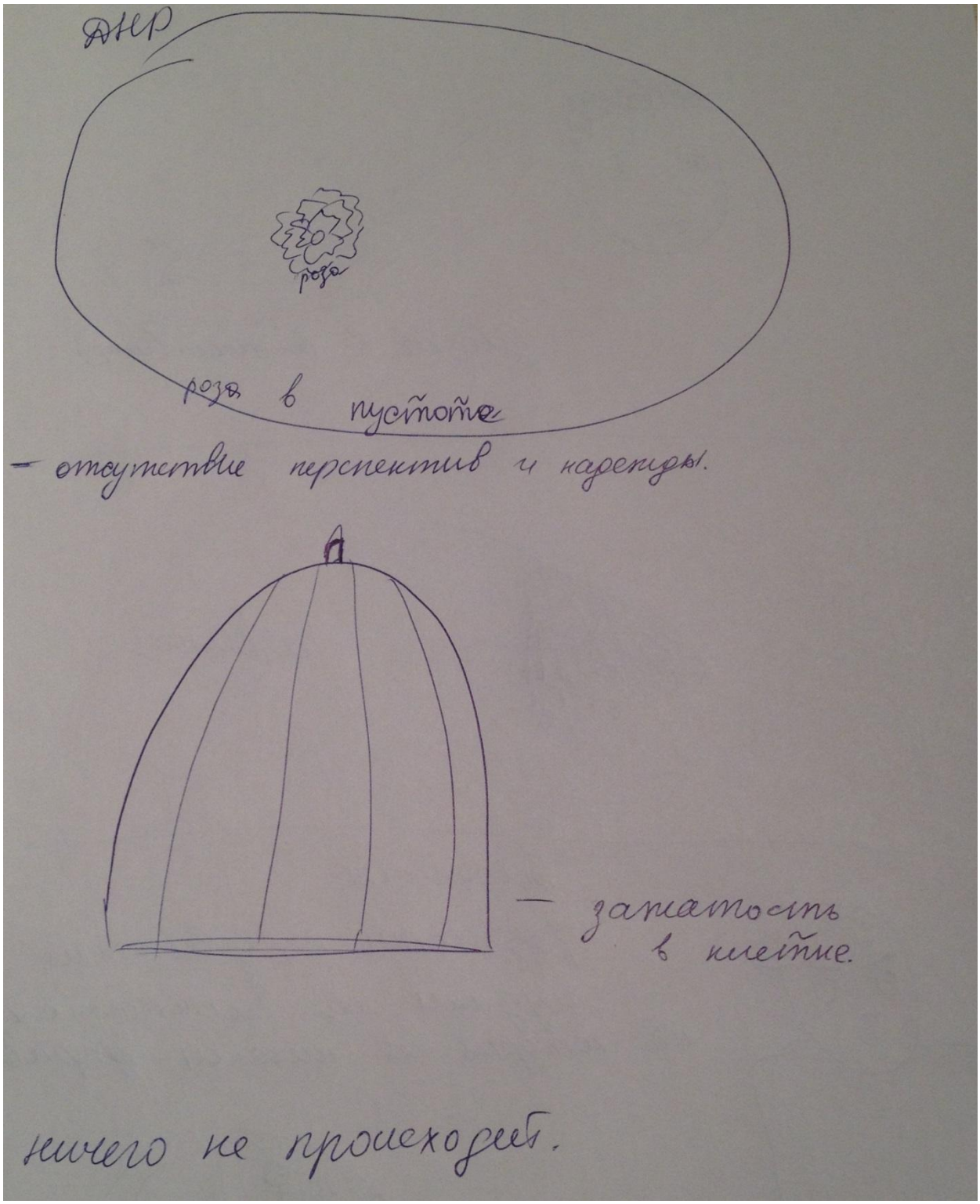

ДНР
роза
роза в пустоте
– отсутствие перспектив и карьеры.
– занятость в клетке.
ничего не происходит.

Рисунок 84в.

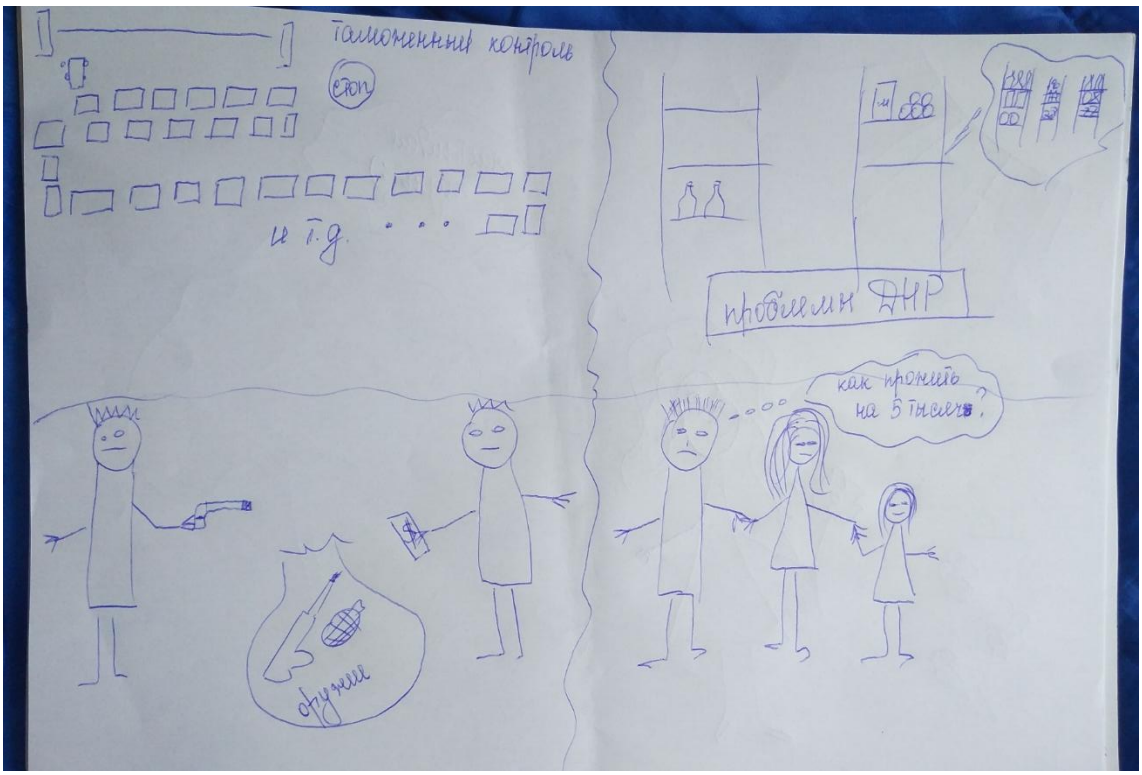

Рисунок 84г.

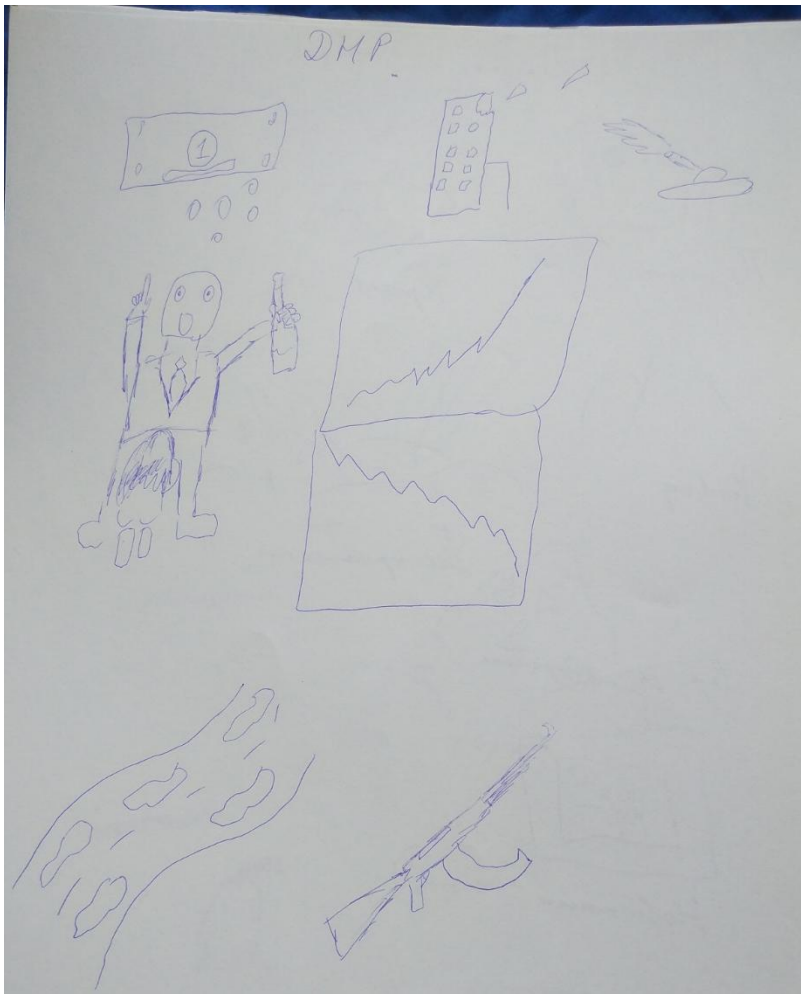

Рисунок 85.

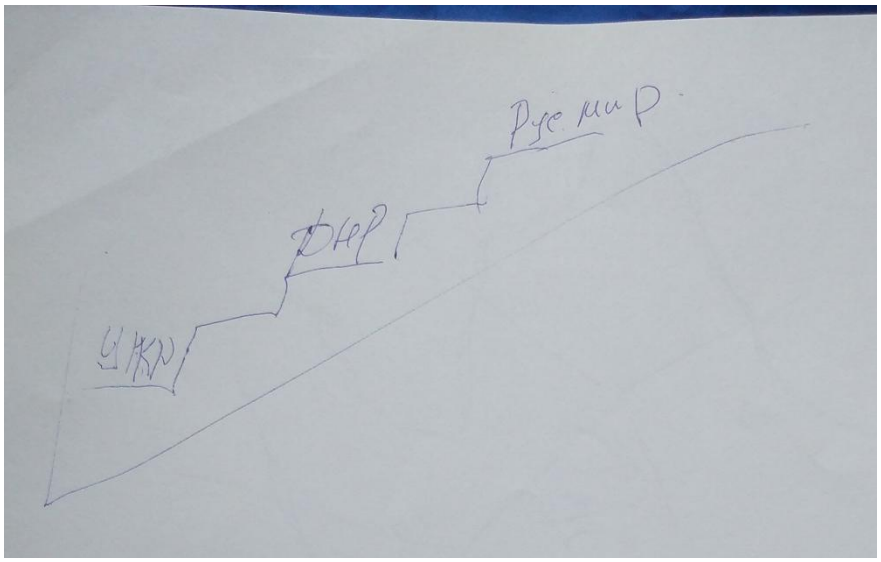

Рисунок 86.

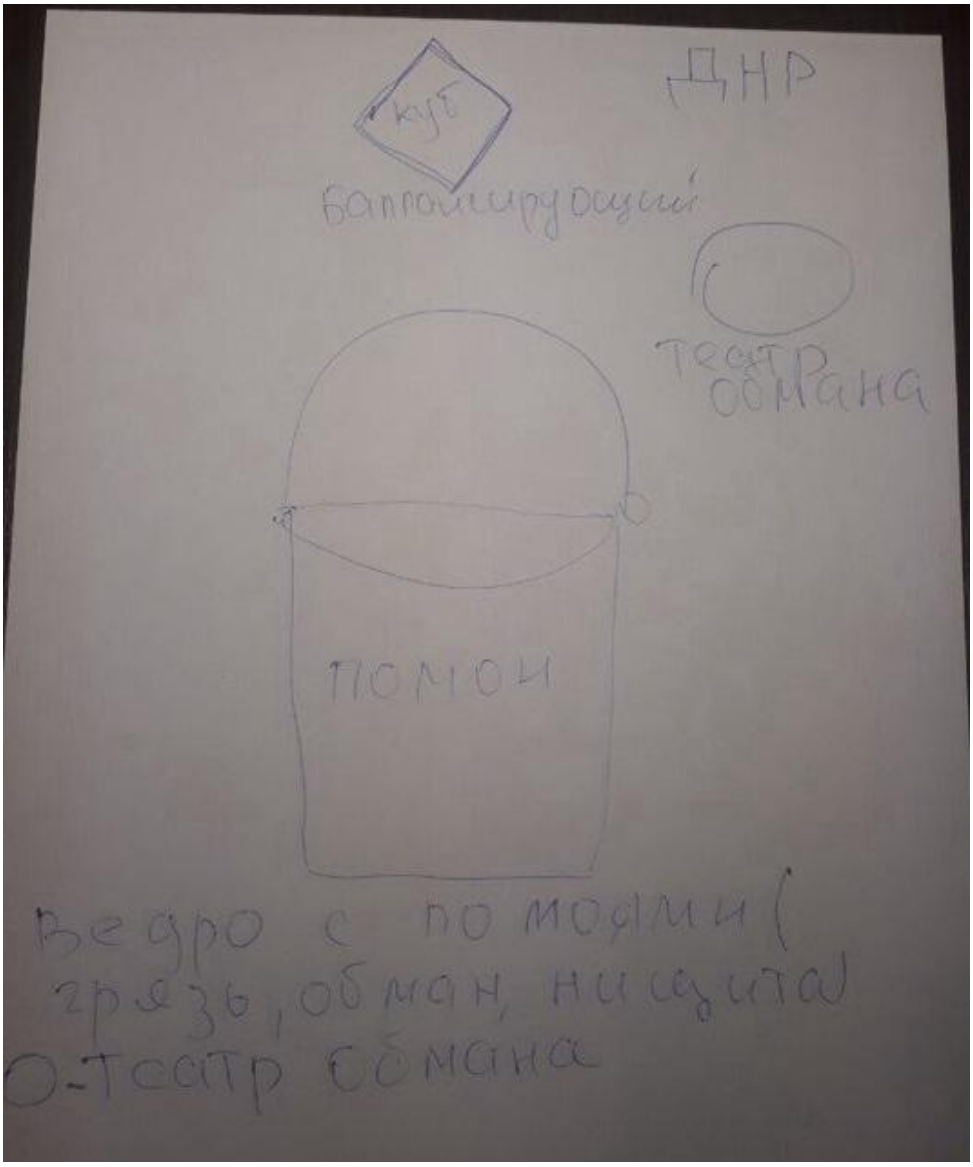

ДНР
куб
балансирующий
театр обмана
ПОМОИ
Ведро с помоями (
предательство, обман, ненависть)
О-Театр обмана

Рисунок 87.

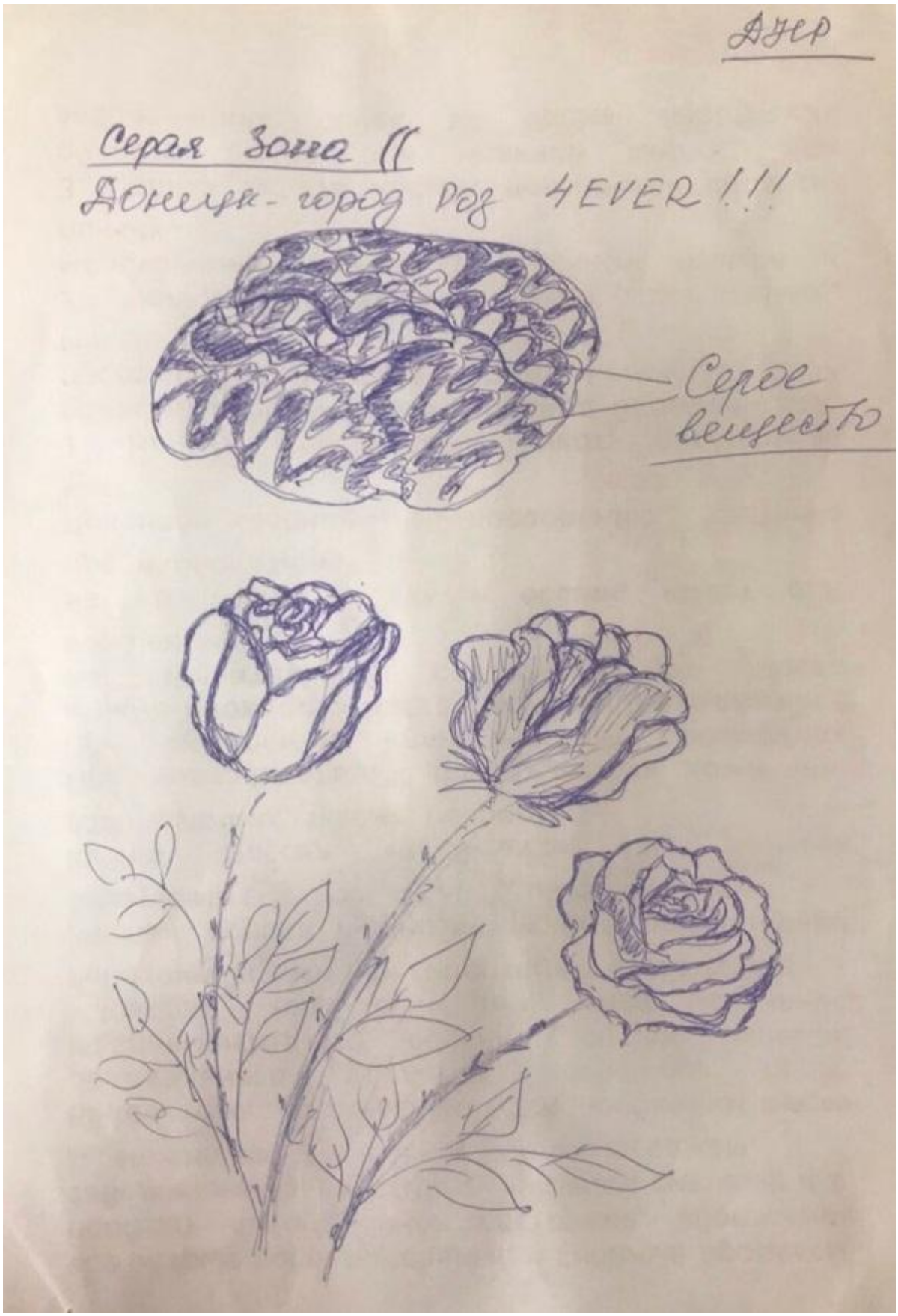

Дуся
Серая зона ((
Донецк - город роз 4EVER !!!
Серое вещество

Рисунок 88.

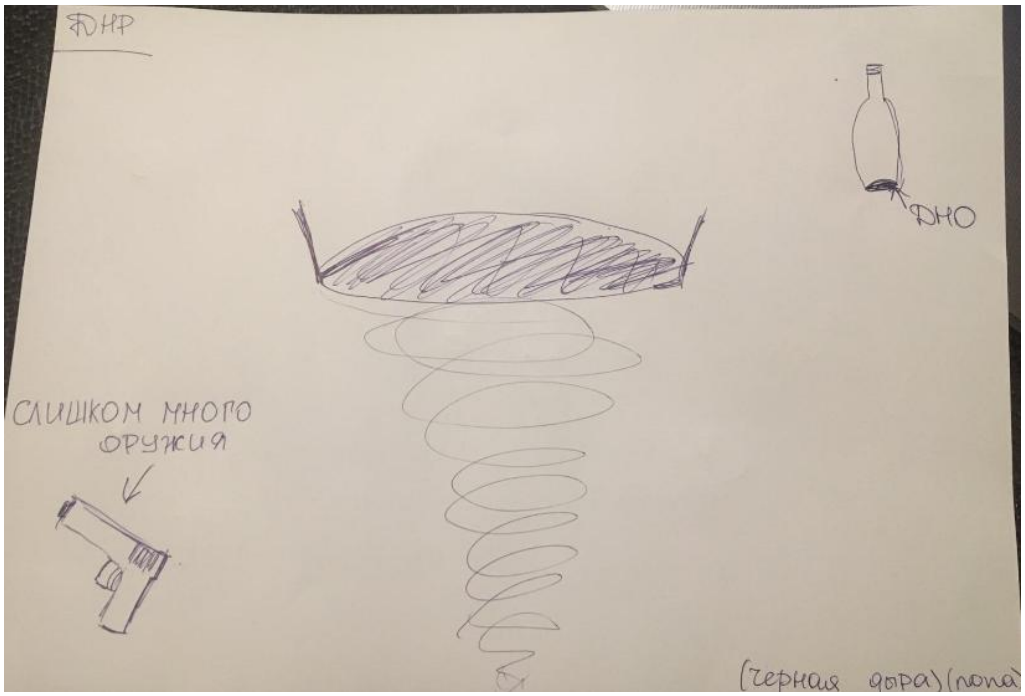

Рисунок 88а.

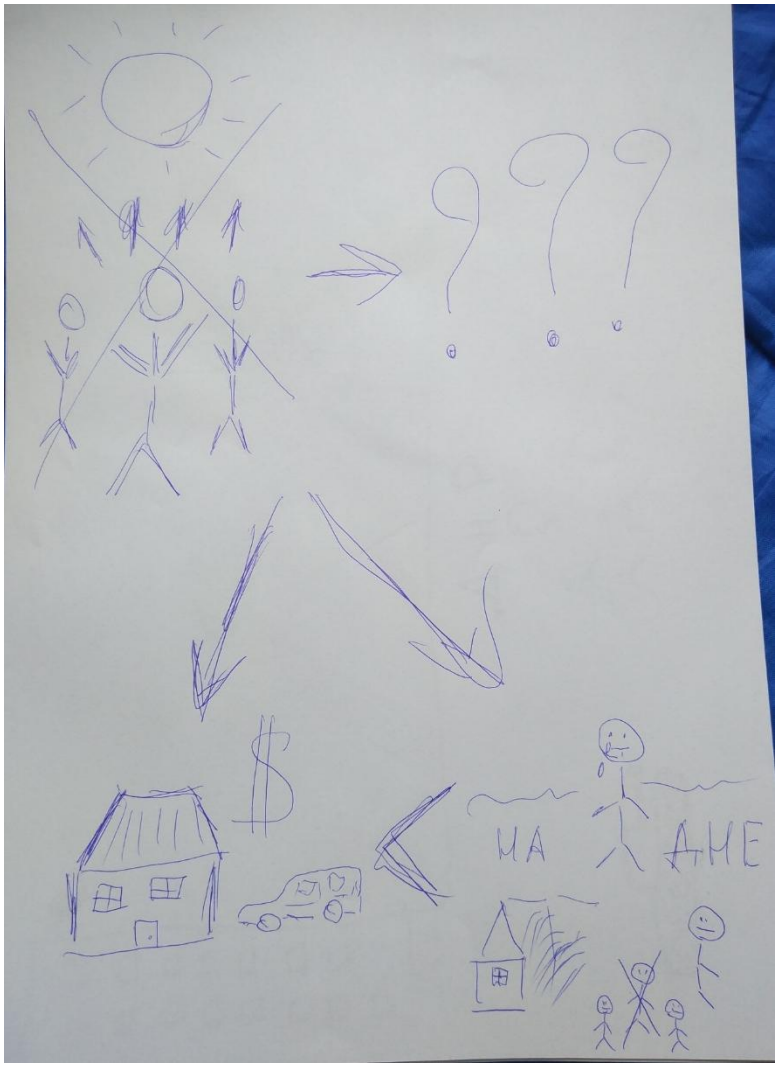

Рисунок 88б.

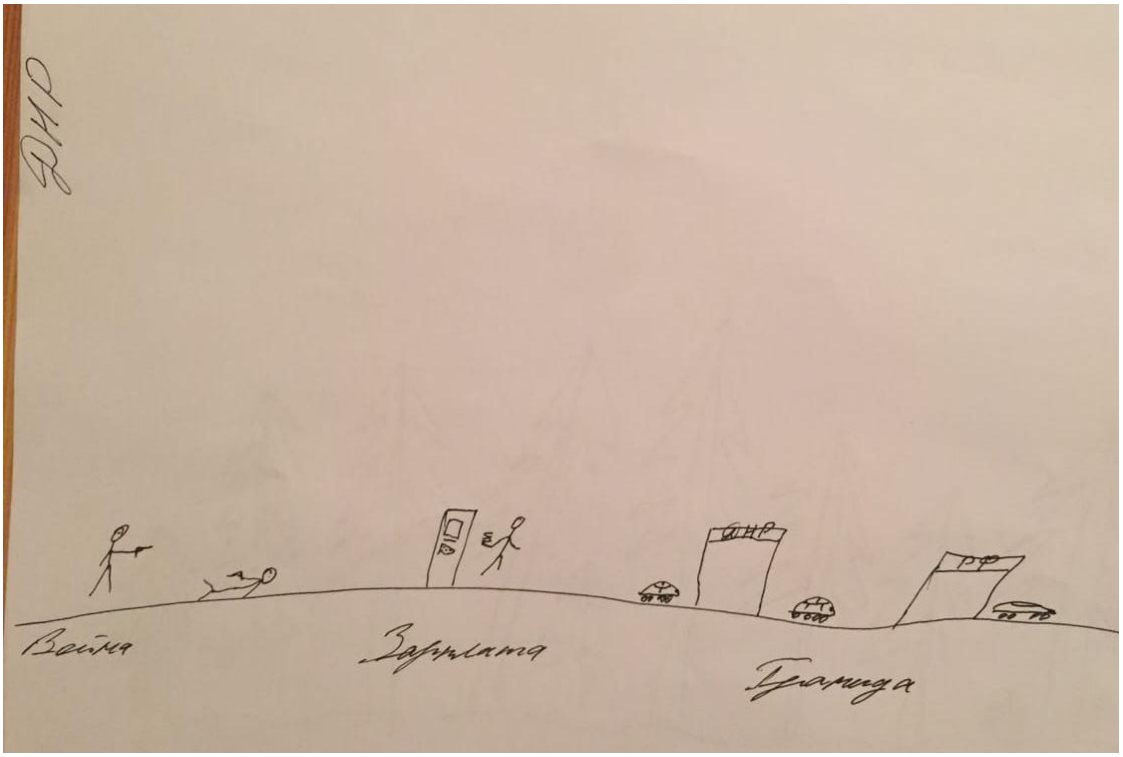
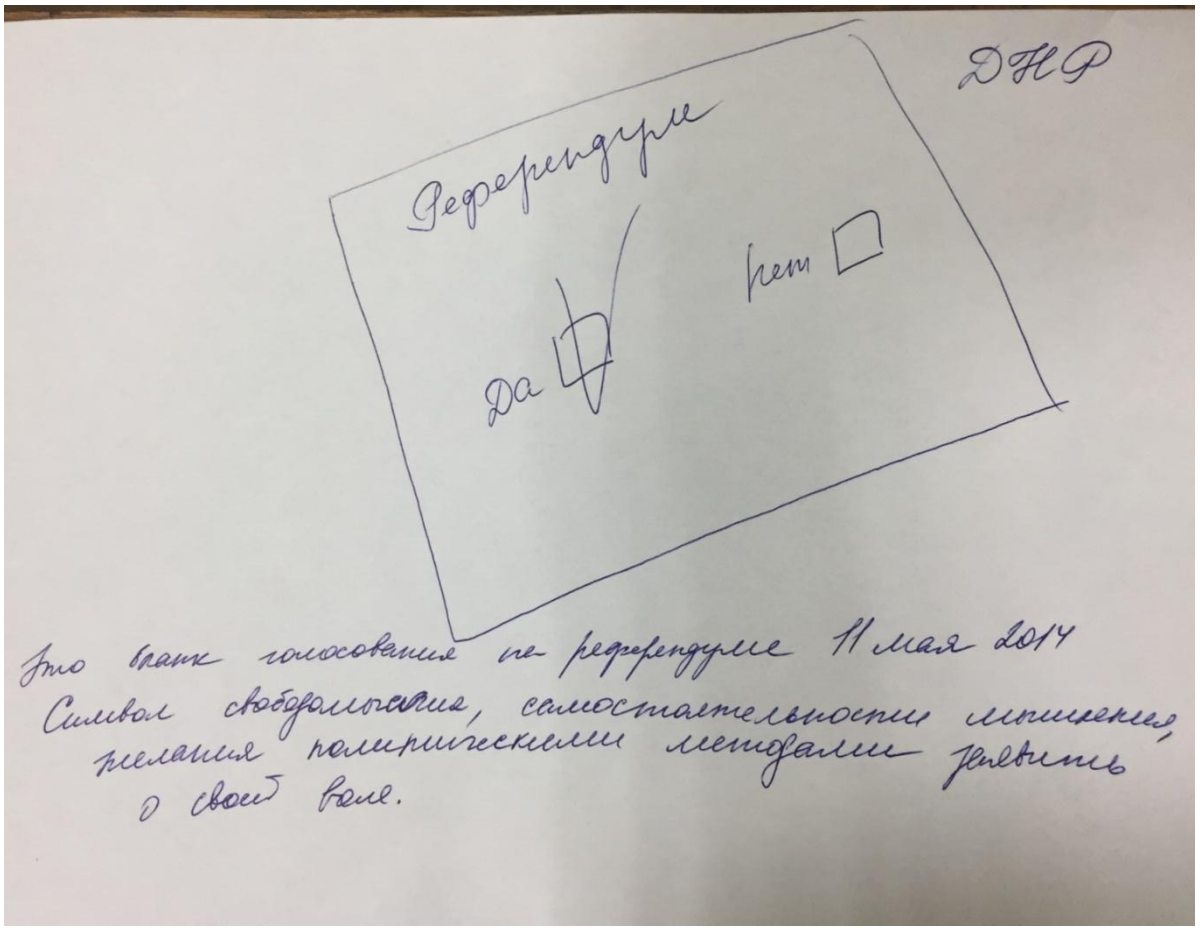

Рисунок 88в.

Это бланк голосования на референдуме 11 мая 2014
Символ свободомыслия, самостоятельности мышления,
желания политическими методами решить
о своей воле.

Рисунок 89.

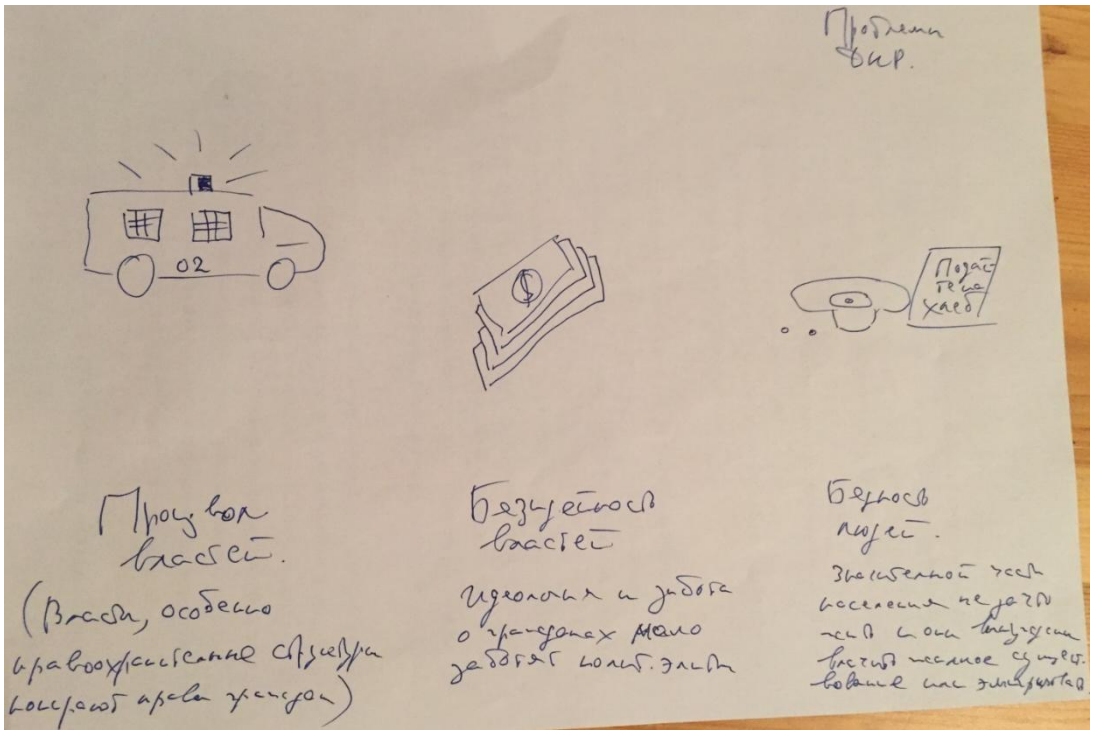

Рисунок 89а.

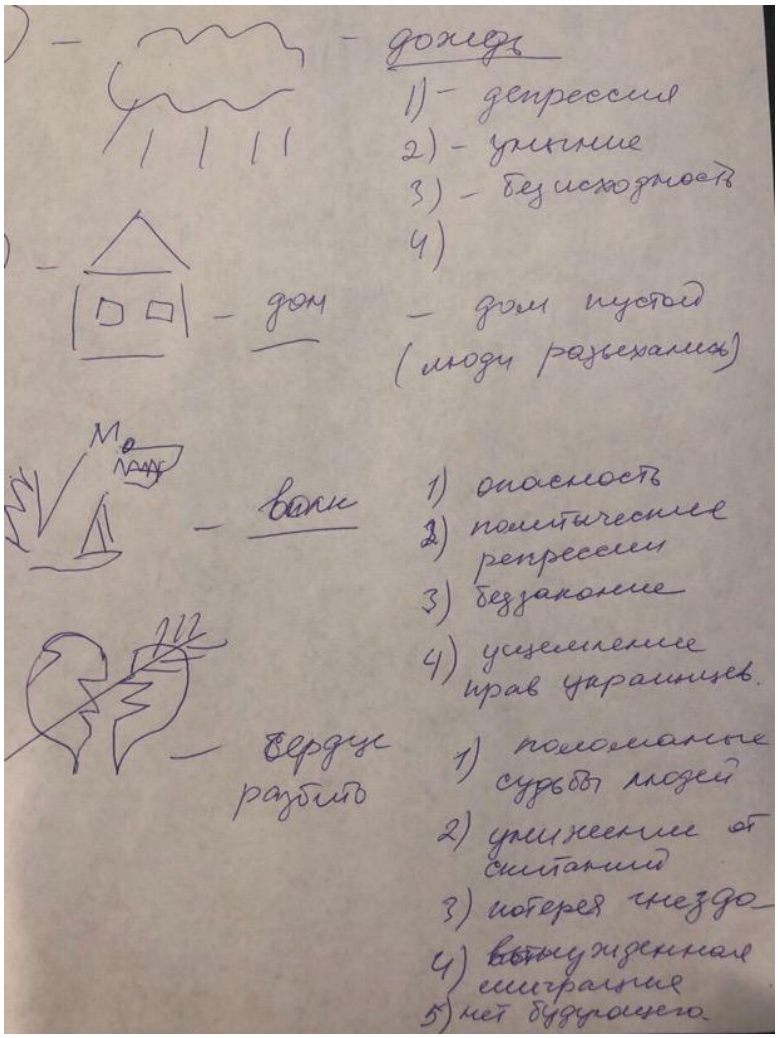

Рисунок 90.

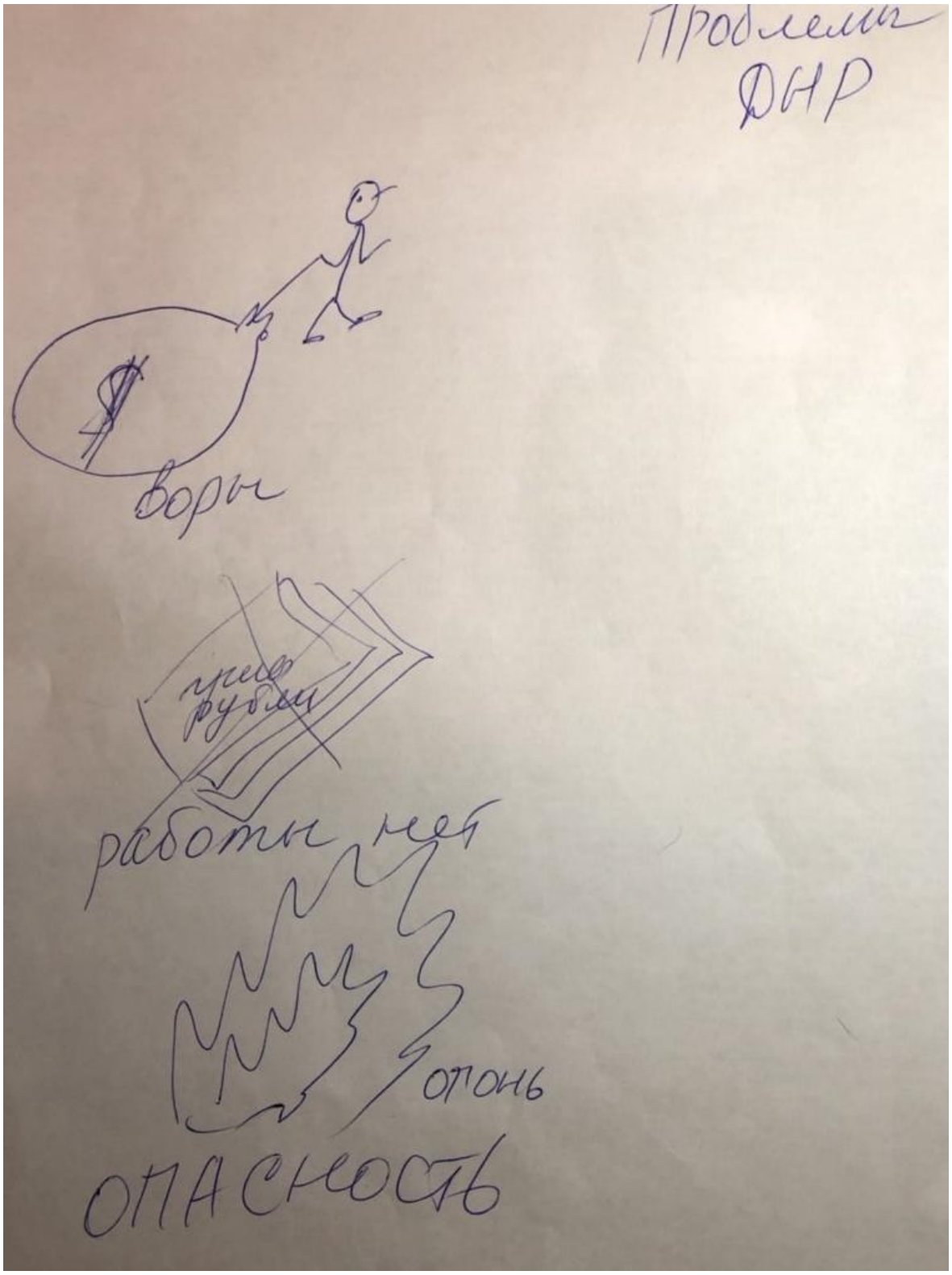

Проблемы
ДНР
воры
украденные рубли
работы нет
огонь
ОПАСНОСТЬ

Рисунок 91.

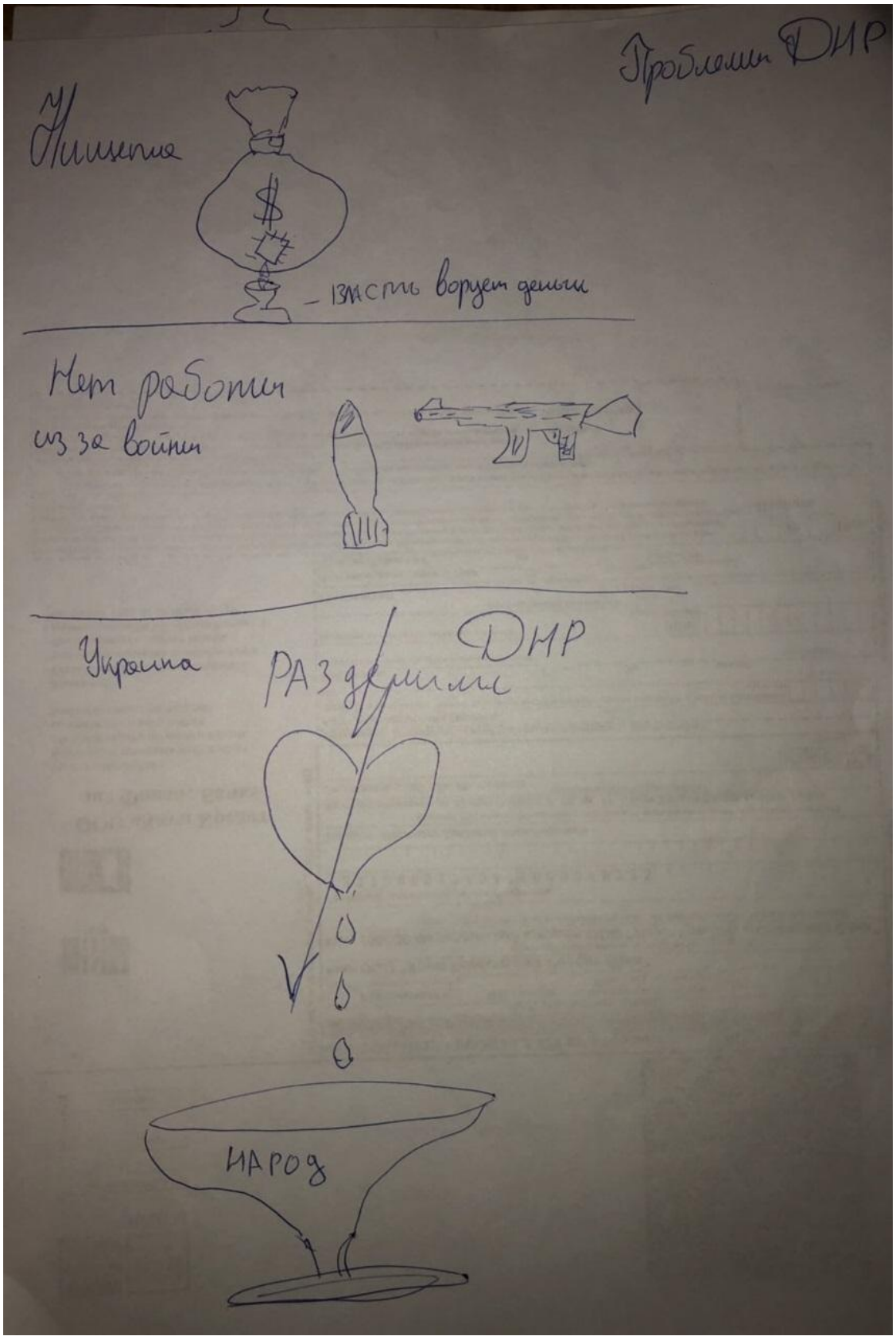

Проблемы ДНР
Украина
- Власть ворует деньги
Нет работы из за войны
Украина
ДНР
Разделили
НАРОД

Рисунок 91а.

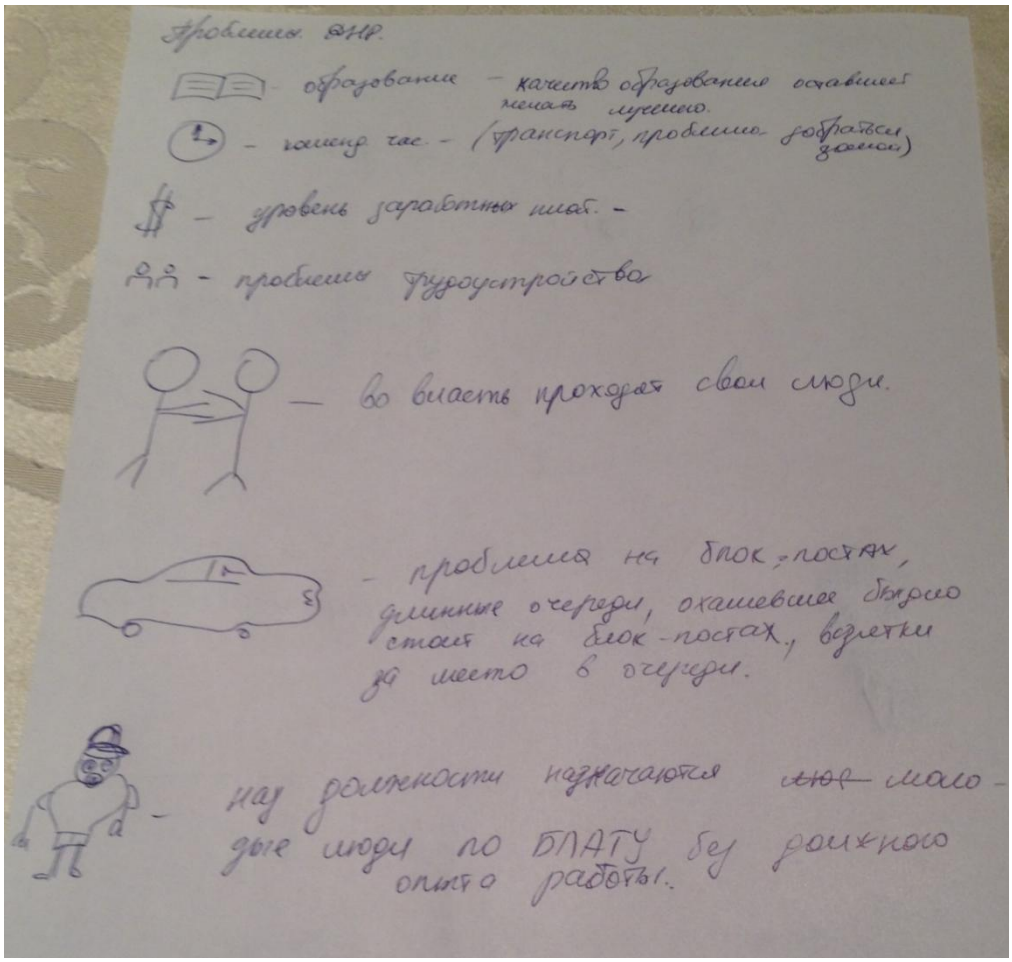

Рисунок 92.

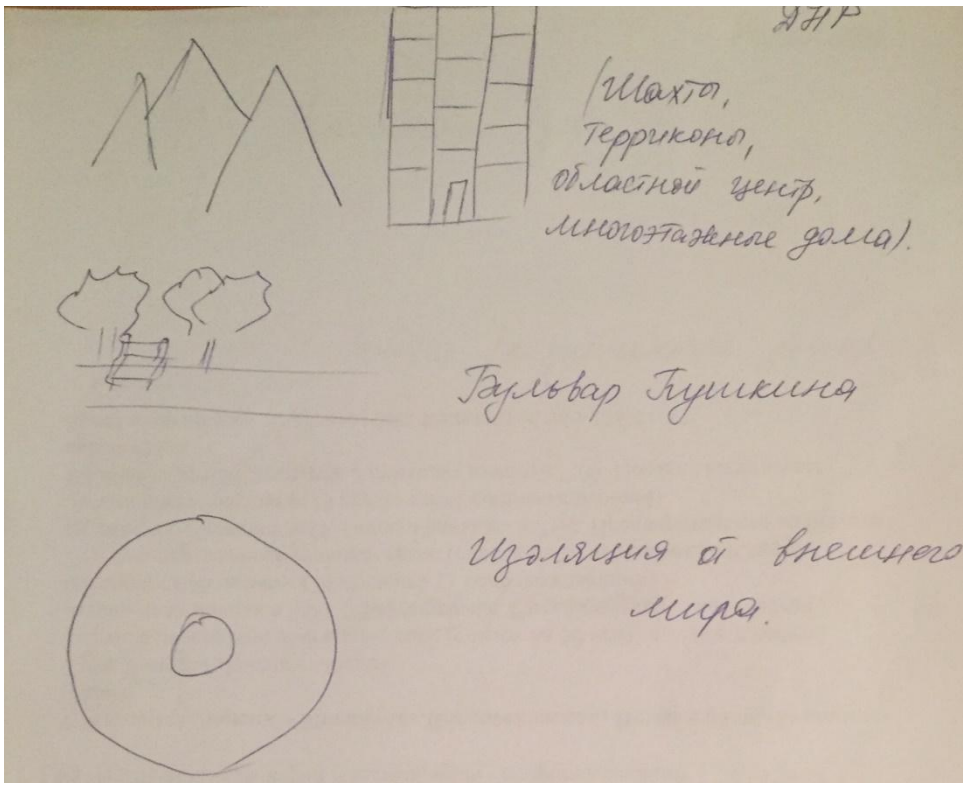

Рисунок 92а.

ДНР
шахта
шахта
МАГАЗИН
Мы работаем
Водонапорная
Мы не работаем
ЗАВОД

Рисунок 93.

ДНР
Набережная
Война
Сильный народ
Дефицит
Недостаток средств

Рисунок 94.

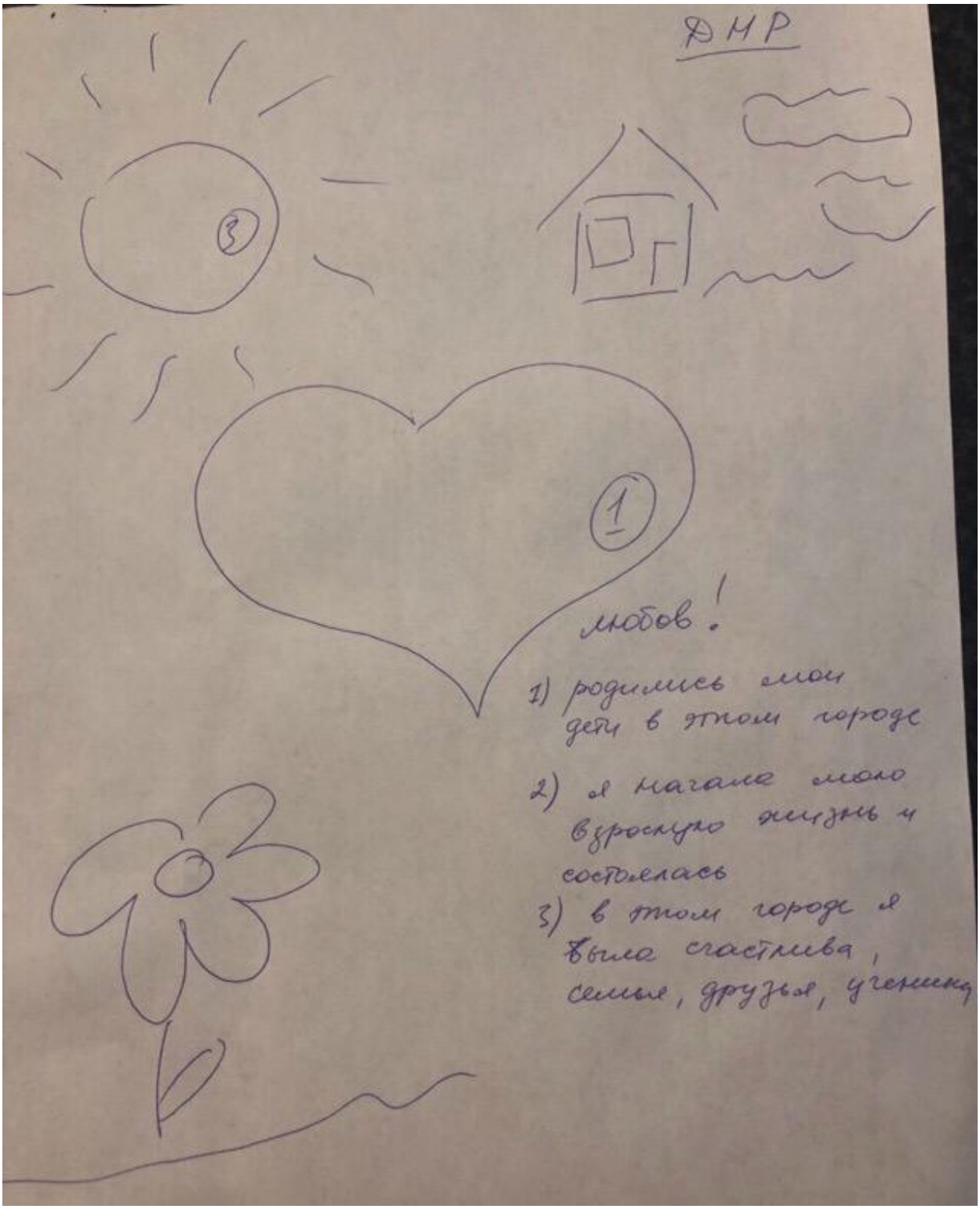

ДНР
3
1
любов!
1) родились мои дети в этом городе
2) я начала мою взрослую жизнь и состоялась
3) в этом городе я была счастлива, семья, друзья, ученики

Рисунок 95.

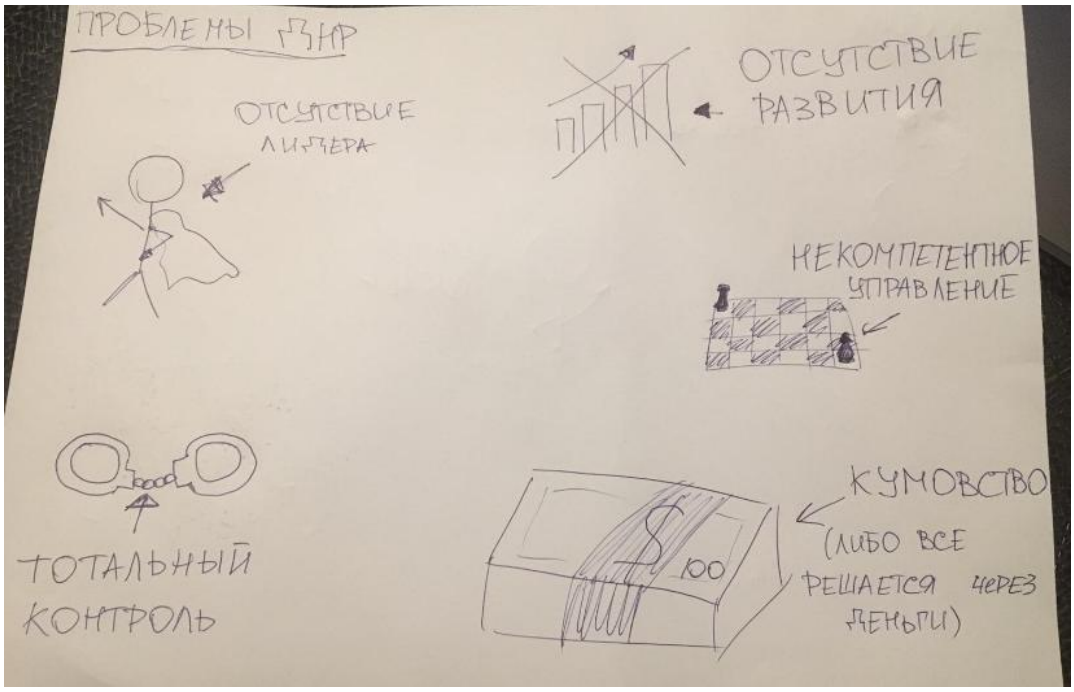

Рисунок 96.

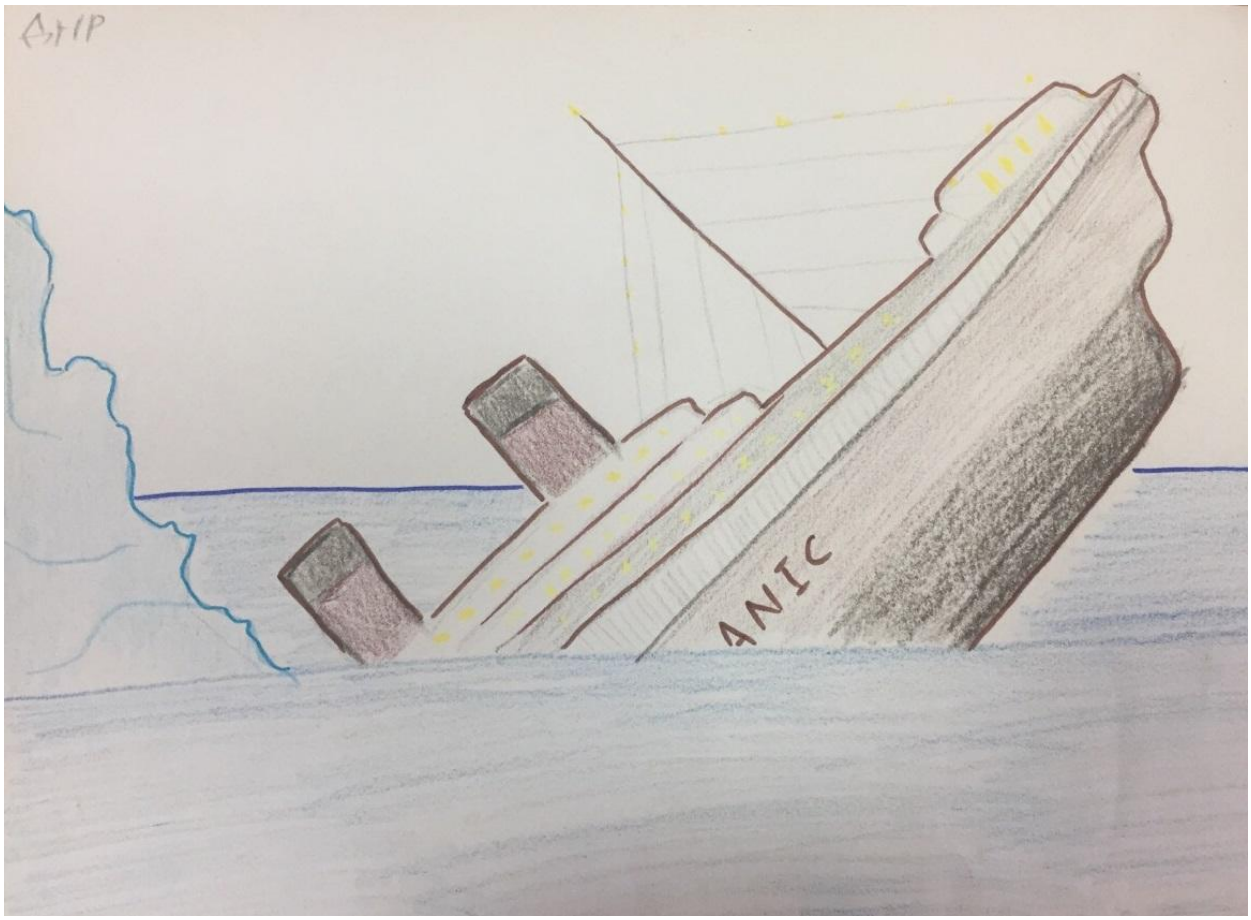

Рисунок 97.

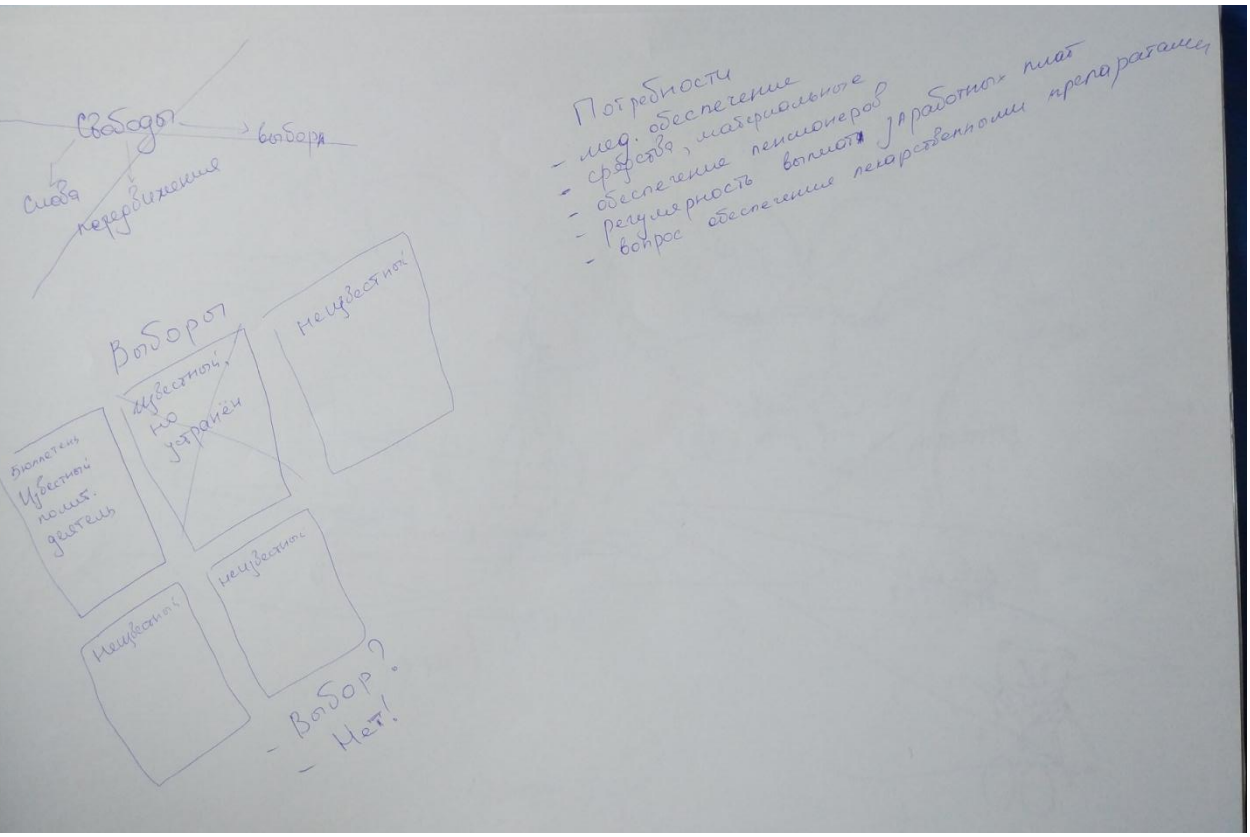

Рисунок 100.

США
ПОТРОЩЕНКО
Украина
Украина
ВЛАСТЬ
НАРОД
цены
цены
цены
МАГАЗИН
ДЕТСКАЯ ПЛОЩ
КАК ВСЕГДА НЕ ХВАТАЕТ НАХЛЕБ
ЖКХ
АПТЕКА
цены РОСТУТ
ДЕЛАЕМ ВСЁ ВОЗМОЖНОЕ
ЧИНОВНИКИ

Приложение 10. Результаты проверки модели на устойчивость.

РА										
3	3,08	3,04	3,04	3,05	3,05	3,01	3,02	3,05	3,03	3,06
2	2,09	2,08	2,02	2,06	2,08	2,05	1,94	2,07	2,07	2,08
2	2,06	2,09	2,06	2,08	2,08	2,08	2,06	2,03	2,04	2,1
2	2,07	2,03	2,03	2,05	2,04	2,08	2,06	2,04	2,04	2,07
2	2,1	2,05	2,08	2,02	2,02	2,08	2,01	2,08	2,02	2,02
-1	-1,09	-1,02	-1,07	-1,09	-1,02	-1,08	-1,04	-1,03	-1,05	-1,09
3	3,08	3,07	2,92	3,06	3,01	3,02	3,07	2,9	2,98	3,03
-2	-2,04	-2,06	-2,03	-2,02	-2,05	-2,1	-2,06	-2,03	-2,03	-2,09
2	2,03	2,01	1,92	2,02	2,09	2,05	2,08	2,06	2,02	2,03
2	2,03	2,04	2,08	1,96	2,03	2,04	2,1	2,01	2,04	2,05
-1	-1,08	-1,01	-1,08	-1,04	-1,07	-1,02	-1,06	-1,1	-1,05	-1,06
1	1,02	1,04	1,06	1,05	1,07	1,03	0,9	1,06	1,02	1,04
2	1,94	2,09	2,01	2,03	1,91	1,96	2,08	2,01	2,03	2,01
2	2,03	2,06	1,97	2,08	1,93	2,02	2,08	2,1	2,02	2,02
0	0,01	0,03	0,05	0,01	0,02	0,03	0,03	0,06	0,04	0,09
-3	-3,03	-3,07	-3,05	-3,07	-3,04	-3,04	-3,02	-3,09	-3,05	-3,06
2	2,01	0,9	1,95	2,06	2,07	2,02	1,91	1,93	1,91	2,02
2	2,06	2,09	2,04	2,01	2,07	2,03	2,01	2,1	2,06	2,07
3	3,06	3,09	3,04	3,09	1,91	3,04	3,07	3,07	2,97	3,05
2	2,05	2,07	1,98	2,04	2,02	2,02	2,05	1,91	2,01	2,07
2	2,02	2,04	2,1	2,1	2,04	2,05	2,05	2,01	2,01	2,01
3	2,96	3,02	3,05	3,02	3,03	3,03	2,93	3,01	3,01	2,9
5	4,97	5,09	4,9	5,07	5,09	5,09	5,07	5,02	4,97	5,02
4	4,06	3,93	3,91	3,95	4,01	4,02	4,02	4,08	4,03	4,08
3	3,09	3,04	3,01	3,1	2,91	3,08	3,05	2,95	3,04	3,01
2	1,9	2,02	2,07	1,9	1,9	2,05	2,1	2,07	2,07	2,02
3	3,07	3,09	3,01	3,1	3,03	3,03	2,9	3,1	3,1	3,05
2	1,94	2,01	2,04	1,93	2,07	2,04	2,02	2,04	2,03	2,06
3	3,06	3,01	2,9	3,03	3,07	3,06	2,92	3,01	2,92	3,04
2	2,06	2,05	2,05	2,07	2,01	2,03	1,9	2,02	2,09	1,97
2	1,99	2,03	2,03	2,09	2,05	2,04	2,08	2,03	2,03	2,02
5	4,97	5,1	4,92	4,94	5,06	4,92	5,1	4,93	5,08	5,06
3	3,05	3,09	2,95	3,02	2,9	3,02	2,98	3,03	2,91	2,95
3	3,03	3,05	3,01	2,93	2,95	2,91	3,02	3,08	3,04	3,05
5	4,96	5,05	5,03	4,95	5,05	5,03	5,02	4,91	4,91	5,05
3	3,08	3,01	2,92	3,07	3,08	3,01	3,03	3,08	3,05	2,9
3	3,09	3,02	3,05	3,07	3,02	3,08	3,06	2,91	3,02	2,96
1	0,9	1,07	1,01	1,07	1,09	1,02	1,1	1,08	0,92	1,1
5	5,01	4,96	4,93	5,01	4,97	4,93	4,95	4,95	5,02	4,96
3	3,1	2,92	3,09	3,09	2,93	2,9	3,02	3,01	2,93	2,9
5	4,97	5,06	4,98	4,94	5,02	5,02	4,97	4,93	5,05	5,03
3	3,06	3,08	3,02	3,05	3,05	3,02	3,05	3,08	3,07	3,01
3	3,05	2,95	2,97	3,03	2,94	3,09	3,07	3,07	3,08	3,04
98	**98,87**	**98,31**	**97,97**	**98,98**	**97,49**	**98,79**	**98,7**	**98,63**	**98,5**	**98,7**

РЮО

1	1,07	1,07	1,08	1,05	1,02	1,09	1,08	1,02	1,04	1,01
1	1,06	1,07	1,01	1,06	1,09	1,07	1,03	1,1	1,07	1,08
2	2,03	2,01	2,08	2,1	2,02	2,02	2,08	2,08	2,1	2,06
-2	-2,07	-2,03	-2,07	-2,08	-2,05	-2,1	-2,04	-2,03	-2,08	-2,05
1	1,01	1,04	1,02	1,05	1,09	1,04	1,07	1,04	1,05	1,07
-1	-1,1	-1,04	-1,08	-1,05	-1,06	-1,07	-1,04	-1,06	-1,05	-1,07
-3	-3,07	-3,08	-3,03	-3,08	-3,02	-3,06	-3,04	-3,01	-3,01	-3,03
0	0,07	0,06	0,09	0,06	0,04	0,04	0,05	0,04	0,06	0,08
-2	-2,06	-2,04	-2,08	-2,06	-2,05	-2,07	-2,06	-2,07	-2,04	-2,05
2	2,03	2,02	2,08	1,97	2,02	2,06	2,02	2,03	2,07	2,03
-2	-2,07	-2,07	-2,04	-2,01	-2,07	-2,09	-2,06	-2,03	-2,01	-2,04
-1	-1,01	-1,09	-1,05	-1,04	-1,08	-1,03	-1,08	-1,09	-1,07	-1,09
2	2,1	2,08	2,07	2,03	2,02	2,03	2,01	2,1	2,03	2,04
3	3,1	3,05	3,05	3,06	3,06	3,08	3,02	3,01	3,02	3,1
-3	-3,08	-3,1	-3,04	-3,01	-3,05	-3,04	-3,03	-3,07	-3,07	-3,05
-3	-3,02	-3,05	-3,01	-3,02	-3,09	-3,09	-3,06	-3,03	-3,03	-3,01
-2	-2,1	-2,1	-2,09	-2,08	-2,01	-2,05	-2,04	-2,03	-2,09	-2,1
-2	-2,07	-2,05	-2,1	-2,1	-2,09	-2,07	-2,05	-2,09	-2,03	-2,06
1	1,06	1,02	1,03	1,09	1,1	1,06	1,07	1,1	1,02	1,07
-2	-2,08	-2,1	-2,09	-2,02	-2,06	-2,03	-2,01	-2,1	-2,07	-2,07
2	2,01	2,08	2,02	2,01	2,03	1,92	2,02	2,09	2,03	2,02
1	1,05	0,9	1,07	1,09	1,05	1,09	1,03	1,02	1,09	1,08
5	4,94	5,03	4,95	5,04	5,01	5,01	4,94	4,92	5,05	4,95
1	1,08	1,03	1,08	1,07	1,01	1,01	1,03	1,04	1,08	1,03
0	0,06	0,05	0,05	0,05	0,08	0,1	0,09	0,03	0,09	0,07
3	3,04	3,03	3,08	3,03	3,08	3,02	3,06	3,03	3,02	3,1
3	3,1	2,95	3,05	3,07	2,9	2,95	3,08	3,09	3,05	3,06
1	0,93	1,08	1,01	1,05	1,01	0,91	1,04	1,08	1,05	1,05
3	3,02	3,07	2,9	3,03	3,03	3,1	3,06	3,04	3,03	3,03
2	2,03	2,07	2,01	2,07	2,04	2,03	2,05	2,07	1,9	1,9
2	1,98	2,08	2,07	2,01	2,05	2,05	2,01	2,01	1,9	2,1
5	5,01	5,04	5,07	5,05	4,93	5,04	5,03	4,91	5,01	5,05
3	3,01	3,04	3,01	2,9	3,01	3,06	2,91	3,04	3,01	3,04
2	2,05	1,9	2,09	1,9	2,04	2,04	2,08	2,02	2,04	2,04
2	2,03	2,07	2,01	2,05	2,03	2,4	2,02	2,05	2,04	1,91
3	3,07	2,9	3,05	3,03	3,03	3,01	3,05	3,05	3,01	3,03
3	3,03	3,02	3,04	3,05	3,02	2,9	3,06	3,03	3,02	3,04
3	3,09	3,03	3,01	3,05	3,06	3,04	3,05	2,92	3,01	3,08
5	5,07	5,01	5,06	5,03	5,01	5,03	4,91	5,03	5,02	5,03
3	3,09	2,92	3,07	3,01	3,03	2,9	3,03	2,92	3,01	3,03
5	5,05	5,01	4,95	5,08	4,92	5,04	5,01	4,92	5,04	5,07
3	2,91	3,02	3,0	3,02	3,07	3,04	3,08	3,08	3,03	2,9
3	3,03	3,05	3,06	3,09	3,08	3,1	3,07	3,07	3,08	3,1
53	**53,48**	**53,05**	**53,54**	**53,7**	**53,35**	**53,58**	**53,63**	**53,37**	**53,52**	**53,63**

ПМР										
-3	-3,05	-3,1	-3,05	-3,01	-3,06	-3,09	-3,06	-3,06	-3,09	-3,08
-2	-2,07	-2,02	-2,1	-2,01	-2,08	-2,08	-2,1	-2,09	-2,09	-2,08

-2	-2,07	-2,03	-2,03	-2,07	-2,09	-2,05	-2,01	-2,06	-2,06	-2,01
-2	-2,08	-2,02	-2,06	-2,02	-2,06	-2,06	-2,07	-2,08	-2,1	-2,03
-2	-2,05	-2,03	-2,02	-2,07	-2,07	-2,09	-2,06	-2,01	-2,06	-2,05
-1	-1,03	-1,02	-1,09	-1,01	-1,02	-1,09	-1,04	-1,05	-1,04	-1,03
-3	-3,1	-3,04	-3,07	-3,07	-3,1	-3,05	-3,01	-3,06	-3,02	-3,01
-2	-2,07	-2,04	-2,08	-2,08	-2,06	-2,1	-2,03	-2,05	-2,1	-2,08
-2	-2,1	-2,01	-2,07	-2,09	-2,06	-2,04	-2,06	-2,05	-2,04	-2,06
-2	-2,01	-2,02	-2,08	-2,03	-2,08	-2,07	-2,09	-2,03	-2,04	-2,08
-2	-2,02	-2,06	-2,01	-2,1	-2,06	-2,01	-2,03	-2,03	-2,01	-2,06
-1	-1,06	-1,08	-1,05	-1,02	-1,02	-1,02	-1,04	-1,04	-1,03	-1,05
-2	-2,02	-2,01	-2,1	-2,09	-2,04	-2,04	-2,1	-2,05	-2,04	-2,06
-3	-3,06	-3,06	-3,09	-3,06	-3,01	-3,09	-3,07	-3,05	-3,05	-3,09
-3	-3,02	-3,1	-3,02	-3,07	-3,05	-3,03	-3,03	-3,01	-3,03	-3,05
-3	-3,05	-3,04	-3,01	-3,04	-3,08	-3,05	-3,09	-3,01	-3,1	-3,06
-2	-2,1	-2,06	-2,06	-2,04	-2,06	-2,03	-2,03	-2,06	-2,1	-2,09
-2	-2,08	-2,08	-2,03	-2,06	-2,02	-2,09	-2,04	-2,08	-2,09	-2,05
3	3,04	3,02	3,02	3,01	3,07	3,06	3,04	3,06	3,02	3,02
-2	-2,01	-2,06	-2,06	-2,05	-2,03	-2,01	-2,09	-2,09	-2,07	-2,03
-2	-2,01	-2,04	-2,1	-2,07	-2,01	-2,09	-2,02	-2,08	-2,1	-2,01
3	3,01	3,09	3,05	3,08	3,08	3,06	3,08	3,08	3,02	3,04
3	3,06	3,1	3,02	3,05	3,07	3,01	3,01	3,09	3,08	3,05
2	2,02	2,09	1,9	2,07	2,02	2,09	2,06	2,01	2,04	2,05
3	3,04	3,06	3,05	3,08	3,03	3,06	3,01	3,03	3,06	3,05
2	2,07	2,08	2,02	2,05	2,01	2,01	2,06	2,06	2,06	2,05
3	3,06	3,09	3,09	3,07	3,08	3,09	3,02	3,1	3,04	3,03
-3	-3,02	-3,08	-3,07	-3,08	-3,07	-3,05	-3,03	-3,03	-3,09	-3,03
-3	-3,1	-3,1	-3,03	-3,05	-3,02	-3,09	-3,07	-3,03	-3,02	-3,03
-2	-2,03	-2,01	-2,08	-2,1	-2,03	-2,09	-2,06	-2,02	-2,09	-2,07
2	2,06	2,03	2,02	2,07	2,1	2,03	2,02	2,09	2,04	2,03
3	3,05	3,08	3,03	3,01	3,08	3,03	3,03	3,08	3,02	3,03
-5	-5,09	-5,1	-5,08	-5,02	-5,03	-5,05	-5,07	-5,04	-5,09	-5,03
-2	-2,07	-2,01	-2,02	-2,05	-2,1	-2,04	-2,06	-2,06	-2,06	-2,04
2	2,04	2,03	2,03	2,09	2,08	2,03	2,06	2,09	2,1	2,03
3	3,08	3,08	3,1	3,04	3,03	3,05	3,1	3,03	3,08	3,06
3	3,03	3,04	3,09	3,06	3,1	3,04	3,03	3,04	3,06	3,04
3	3,03	3,01	3,1	3,06	3,03	3,03	3,07	3,08	3,03	3,07
5	5,07	5,02	5,03	5,09	5,03	5,01	5,06	5,06	5,02	5,08
3	3,1	3,08	3,06	3,07	3,08	3,01	3,05	3,04	3,02	3,04
-5	-5,1	-5,07	-5,1	-5,08	-5,06	-5,1	-5,08	-5,04	-5,07	-5,01
3	3,08	3,03	3,05	3,01	3,02	3,09	3,03	3,1	3,1	3,06
-3	-3,03	-3,04	-3,01	-3,06	-3,05	-3,08	-3,01	-3,04	-3,05	-3,02
-20	**-20,66**	**-20,4**	**-20,91**	**-20,59**	**-20,51**	**-20,98**	**-20,72**	**-20,26**	**-20,94**	**-20,56**

Л/ДНР										
3	3,01	3,1	3,08	3,02	3,03	3,01	3,02	3,03	3,1	3,06
2	2,05	2,09	2,1	2,05	2,05	2,05	2,07	2,02	2,03	2,07
2	2,1	2,02	2,07	2,1	2,09	2,02	2,06	2,1	2,05	2,06
2	2,07	2,07	2,07	2,05	2,06	2,07	2,02	2,03	2,08	2,03
1	1,08	1,05	1,1	1,04	1,03	1,09	1,04	1,08	1,01	1,01
1	1,03	1,01	1,04	1,01	1,02	1,02	1,05	1,05	1,1	1,1

-3	-3,02	-3,1	-3,06	-3,08	-3,03	-3,05	-3,1	-3,03	-3,09	-3,02
0	0,07	0,06	0,06	0,1	0,01	0,1	0,08	0,05	0,07	0,03
-2	-2,08	-2,06	-2,1	-2,01	-2,06	-2,05	-2,01	-2,04	-2,01	-2,03
-2	-2,06	-2,09	-2,04	-2,06	-2,04	-2,09	-2,06	-2,03	-2,1	-2,06
-1	-1,04	-1,06	-1,02	-1,1	-1,08	-1,01	-1,08	-1,01	-1,08	-1,04
-1	-1,03	-1,06	-1,01	-1,04	-1,05	-1,07	-1,03	-1,07	-1,1	-1,06
-2	-2,03	-2,01	-2,08	-2,03	-2,08	-2,07	-2,06	-2,02	-2,02	-2,05
3	3,03	3,04	3,05	3,01	3,07	3,07	3,01	3,08	3,08	3,03
0	0,02	0,08	0,06	0,02	0,07	0,02	0,07	0,05	0,05	0,03
0	0,03	0,01	0,09	0,09	0,01	0,08	0,08	0,03	0,03	0,05
2	2,05	2,1	2,04	2,09	2,05	2,04	2,1	2,08	2,06	2,03
2	2,06	2,1	2,02	2,1	2,05	2,05	2,01	2,08	2,06	2,01
3	3,04	3,07	3,02	3,02	3,06	3,04	3,03	3,04	3,03	3,01
2	2,05	2,03	2,02	2,07	2,06	2,03	2,02	2,07	2,07	2,1
-2	-2,02	-2,1	-2,06	-2,08	-2,05	-2,05	-2,03	-2,09	-2,04	-2,1
1	1,07	1,09	1,07	1,02	1,06	1,04	1,07	1,1	1,02	1,04
-5	-5,07	-5,03	-5,09	-5,04	-5,02	-5,03	-5,08	-5,02	-5,01	-5,02
-4	-4,08	-4,02	-4,05	-4,08	-4,04	-4,01	-4,05	-4,07	-4,04	-4,02
3	3,06	3,07	3,09	3,1	3,05	3,04	3,03	3,05	3,07	3,07
2	2,02	2,09	2,05	2,02	2,04	2,09	2,01	2,06	2,09	2,07
-3	-3,05	-3,09	-3,05	-3,04	-3,07	-3,08	-3,01	-3,09	-3,03	-3,07
-3	-3,07	-3,03	-3,07	-3,1	-3,04	-3,03	-3,08	-3,01	-3,05	-3,1
-3	-3,04	-3,1	-3,09	-3,07	-3,08	-3,05	-3,05	-3,07	-3,1	-3,08
2	2,09	2,02	2,06	2,01	2,05	2,06	2,1	2,08	2,1	2,07
2	2,04	2,09	2,05	2,07	2,07	2,07	2,04	2,1	2,06	2,01
5	5,01	5,03	5,01	5,08	5,07	5,05	5,06	5,07	5,02	5,01
5	5,07	5,04	5,1	5,01	5,02	5,05	5,01	5,06	5,02	5,08
2	2,01	2,02	2,04	2,1	2,07	2,07	2,09	2,04	2,03	2,08
5	5,1	5,07	5,02	5,07	5,03	5,01	5,1	5,07	5,06	5,02
-1	-1,08	-1,09	-1,05	-1,08	-1,02	-1,03	-1,01	-1,01	-1,1	-1,06
0	0,03	0,05	0,09	0,01	0,06	0,09	0,07	0,03	0,06	0,08
-3	-3,02	-3,02	-3,02	-3,1	-3,04	-3,08	-3,1	-3,03	-3,09	-3,01
-5	-5,05	-5,01	-5,05	-5,03	-5,02	-5,07	-5,07	-5,1	-5,03	-5,02
3	3,04	3,01	3,08	3,04	3,06	3,1	3,09	3,01	3,09	3,05
-5	-5,04	-5,09	-5,03	-5,1	-5,01	-5,03	-5,02	-5,08	-5,1	-5,09
3	3,03	3,02	3,06	3,03	3,08	3,02	3,08	3,02	3,02	3,06
3	3,01	3,09	3,06	3,05	3,08	3,04	3,06	3,09	3,07	3,03
14	**14,49**	**14,56**	**14,73**	**14,34**	**14,67**	**14,62**	**14,63**	**14,8**	**14,54**	**14,46**

Приложение 11. Анкета для экспертного опроса по определению размерности весов в матмодели.

Здравствуйте, уважаемые коллеги.

Ниже представлены факторы, влияющие на успех сецессии. Пожалуйста, оцените (внося значения в красную колонку) степень их влияния по шкале от 1 до 5, где 1 означает наименьшее влияние, а 5 – наибольшее. Например, я предполагаю, что признание сецессии членом ООН в качестве суверена имеет 5 баллов, наличие общей границы с государством-патроном – 4 балла, исторический опыт борьбы за государственность – 3 балла, наличие портов – 2 балла и т.д.

Группы переменных		индикаторы и их значения	Обозначение в формуле
1. наличие общей границы с государством-патроном и её качественные характеристики		проходит по равнинной территории (+1) / по горной территории (+0.0) / по морю (+0.5) / отсутствует (-1)	g_1^p «география патрона»
		количество официальных пограничных переходов (если 2 и больше: +1, если 1: +0.5, если нет: -1)	g_2^p
		наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: +1, если прочие дороги: +0.5, если нет: -1)	g_3^p
		наличие ж/д (+1/-1)	g_4^p
		доля границы с патроном в общей длине границ, в % (если 50 и более %: +1, если менее 50%: +0.5, если нет: -1)	g_5^p
		доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в % (больше/меньше 50 % +1/-1)	g_6^p
2. специфика границы с материнским государством		граница с материнским государством проходит по реке (0) / по горам (+1) / по равнинной местности без природных барьеров (-1) / по морю (-0.5)	g_1^m «география материнского государства»
		в случае наличия природных барьеров существует ли инфраструктура для их преодоления: мосты, тоннели – при наличии: (-1), если отсутствуют (0)	g_2^m
		наличие автомобильных дорог и их статус (если хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: -1, если прочие дороги: -0.5, если нет: +1)	g_3^m
		наличие ж/д (-1/+1)	g_4^m
		доля границы с материнским государством в общей длине границ, в % (если 50 и более %: -1, если менее 50%: -0.5, если нет: +1)	g_5^m
		доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в % (если меньше 50 % -1/ если больше +1)	g_6^m
3. географические аспекты территории сецессии		территория сецессии преимущественно равнинная (-1)/горная (+1)	g_1^s «география сецессии»
		отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину (интервал 1-1,5: +1; 1,6-2: +0.5; 2,1-2,5: -0.5; больше, чем 2,6: -1)	g_2^s
		имеет ли сецессия эксклавы, отделённые природными барьерами (имеет -1, не имеет 0)	g_3^s
		имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства (имеет -1, не имеет 0)	g_4^s
		наличие выхода к морю (+1/-1)	g_5^s
		наличие портов (+1/-1)	g_6^s
		доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политии в расстоянии от столицы до крайне точки государства в данном направлении де-юре (70-80 % +0.3, 81-90 % +0.7, больше 91 % +1)	g_7^s
		- соотношение границ с патроном и материнским государством (если бОльшая доля у патрона +1, если у материнского государства -1)	g_8^s
4. специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии		эта этническая группа расселена равномерное по территории сецессии / сосредоточена на границе с материнским государством (-1/+1)	g^{et} «география этноса»

5. исторические переменные: государство-сегмент и его характеристики, исторические отношения с материнским государством и наднациональной федерацией, статус		наличие государства-сегмента или чётко очерченной сепаратистской/автономистской территории: функционирование государства-сегмента в границах сецессии, которые признаются материнским государством (+1), функционирование государства-сегмента в границах, которые не признаются материнским государством (+0.6), функционирование государства-сегманта при несовпадении границ (+0.4), отсутствие государства-сегмента (-1)	h_1 «история»
		исторический опыт вооружённой борьбы за автономию или сецессию: несколько войн с материнским государством (+1), восстания/вооружённые конфликты (+0.5), отсутствие войн и конфликтов (-1)	h_2
		статус в составе материнского государства: ССР (+1), АССР/АТО (+0.8), часть АССР (+0.6), автономная область/область (+0.4); отсутствие статуса (-1)	h_3
		нахождение в составе материнского государства до начала сецессии: меньше 50 лет (+1), 51-100 (+0.8), 101-150 (+0.6), 151-200 (+0.4), 201-250 (0.2)	h_4
		специфика вхождения: завоевание материнским государством (+1), передача властями федерации материнскому государству (+0.5), добровольное вхождение (-1)	h_5
		стремление сохранить свой статус в составе СССР: референдум о сохранении СССР (+1), декларация ВС (+0.5), отсутствие подобных процедур (-1)	h_6
6. этно-лингвистические характеристики		собственный язык основной (+1), собственный язык используется вместе с русским/собственный язык русский (+0.5), собственный язык уступает русскому в распространении (0), собственного языка нет (-1)	l «язык»
		наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию; +1/-1	Et «этнос»
		наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом; +1/-1	Gr «граница»
7. политические и экономические характеристики		наличие политической организации/политических институтов у сепаратистов; +1/-1	p^1 «политика»
		реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: ведение боевых действий против сепаратистов без попыток договориться с частью лояльных (+1), ведение боевых действий с одновременными переговорами (+0.5), прекращение попыток военного захвата с переходом к вовлечению сецессии экономическими преференциями (-0.5), попытки мирной реинтеграции с признанием особого статуса сецессии внутри материнского государства (-1)	p^2
		восприятие населением и элитами материнского государства населения и территории сецессии: население и территория воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порождён исключительно поддержкой патрона (+1)/население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под другим сувереном (-1)	p^3
		отношение населения сецессии к материнскому государству: позитивное (-1), нейтрально-позитивное (-0.5), нейтрально-негативное (+0.5), «население материнского государства – главный враг» (+1)	p^4
		уровень эффективности внутреннего суверенитета; Высокий (сецессия самостоятельно производит общественные блага и обеспечивает порядок и верховенство закона – без масштабной помощи патрона +1), средний +0.5 (сецессия производит общественные блага, но не способна делать это без помощи патрона, при этом в состоянии поддерживать верховенство закона)/-0.5 (сецессия не производит общественные блага без помощи патрона, но поддерживает верховенство закона), низкий (сецессия не производит общественные блага, не поддерживает верховенство закона -1)	p^5
		независимость от государства-патрона при решении о начале сецессии: высокий уровень самостоятельности (+1), низкий (+0.5), начало сецессии под давлением патрона (-0.5), сецессия начата патроном (-1)	p^6
8. Легалистские факторы: характер взаимоотношений с миротворцами, специфика референдумов и ранжированного признания членами ООН		введение миротворцев в регион конфликта: если миротворцы работают на закрепление сецессии (+1), нейтральная позиция миротворцев (0), миротворцы работают на реинтеграцию (-1)	leg_1 «легализм»
		тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом; Референдум о независимости (+1), парламентская декларация (+0.5), отсутствие (-1)	leg_2
		наличие военной базы одного из членов ООН (+1/-1)	leg_3
		военная помощь/торговля оружием одного из членов ООН (+1/-1)	leg_4
		наличие посольств членов ООН (+1/-1)	leg_5
		выдача национальных паспортов населению ДФГ (в т.ч. упрощенная процедура вступления в гражданство) (+1/-1)	leg_6
		признание документов ДФГ (+1/-1)	leg_7